

АКАДЕМИЯ НАУК С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Под редакцией
академика
М. Н. ТИХОМИРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК С С С Р
Москва · 1956

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории внешней политики Руси до образования централизованного государства — важная проблема советской исторической науки. Решению этой проблемы должно способствовать изучение истории русско-византийских экономических, политических и культурных отношений в рамках определенных периодов в истории Руси, т. е. выяснение вопроса, какое место в истории Руси и какое значение для нее имели отношения с Византией в дофеодальный период (VI—VIII вв.), в раннефеодальный (IX—XI вв.) и в период развитого феодализма (до падения Византии в 1453 г.). В ряду исторических тем, признанных Академией наук СССР подлежащими преимущественному изучению, очень много внимания уделено проблемам международных отношений России и, в частности, вопросам русско-византийских связей¹. Как известно, проблема русско-византийских отношений, несмотря на наличие в этой области ценных работ по отдельным вопросам, представляет до настоящего времени один из темных разделов русской историографии.

Это объясняется в основном бедностью дошедших до нас источников. Историку, занимающемуся исследованием русско-византийских взаимоотношений, нетрудно убедиться в скудости письменных источников, как русских так и византийских, причем они распределены очень неравномерно для девятисотлетнего периода этих взаимоотношений. Можно сказать совершенно определенно, что хотя научная литература по истории древней Руси и Византии огромна, хотя сохранилось много письменных

¹ См. доклад академика В. П. Волгина в № 3 «Исторического журнала» за 1945 г.

источников и для истории Византии и для истории древней Руси, но для истории русско-византийских отношений письменных источников дошло до нас сравнительно немного.

При современном состоянии источников лишь небольшая часть вопросов может быть освещена со значительной степенью ясности и полноты, другие могут быть выяснены менее четко и, наконец, третьи могут быть только поставлены. Это объясняется главным образом ограниченностью письменных источников, необходимых для характеристики русско-византийских отношений, и прежде всего — русских источников. При наличии большого количества фактов, отражающих русско-византийские связи во всех областях средневековой русской культуры, мы почти лишены исторических свидетельств русских источников об отдельных конкретных моментах в истории сношений древней Руси с Византией. «Повесть временных лет» уделяет, правда, значительное место русско-византийским отношениям до крещения Владимира, но с того времени, как христианство на Руси стало государственной религией и Византия перестала быть «посторонней» для Руси и, часто, враждебной державой, русская летопись очень редко упоминает о ней. Случайные указания на приход «из грек» митрополита, на вызов оттуда мастеров, на рождение в княжеской семье сына от царицы «грязкини», на пребывание в Константинополе «заточенного» беспокойного князя — все это представляет чрезвычайно скудный материал для восстановления картины тех непрерывных связей, которые проявлялись в постоянных сношениях русских князей с византийским двором, в политических браках, в общении русской митрополии с Константинопольским патриархатом, в регулярном товарообмене, осуществлявшемся путем ежегодного направления в Византию русских торговых караванов, наконец, в культурных взаимоотношениях в специальном значении этого слова, свидетельством которых являются многочисленные художественные и литературные памятники древней Руси. Скудость известий этого рода характерна не только для летописей, но и для памятников агиографии и для актового материала, который к тому же для домонгольского периода сохранился в незначительных размерах. Притом среди сохранившихся актов некоторые,

наиболее важные, несут следы последующих наслоений, и вопрос об их подлинности до настоящего времени является одним из сложных вопросов нашей историографии.

Для XIV—XV вв. летописные сведения более обильны. Сохранилось значительно больше актового материала, но данные этих источников касаются главным образом церковных отношений.

Не богаты интересующими нас сведениями и византийские источники, и, кроме того, материал в них распределен очень неравномерно. Достаточно полно освещены в византийских источниках славянские вторжения на Балканский полуостров в VI в.; в связи с этим византийские источники дают немало ценных сведений о быте и нравах славян. Но затем наступает долгий перерыв, и только в источниках IX—X вв. снова начинают появляться сообщения о восточных славянах и Руси в связи с нападениями Руси на Византию. Лев Дьякон дает обстоятельное описание войны Святослава с Цимисхием, но о крещении Руси при Владимире не упоминает ни один византийский историк X—XI вв. Русско-византийские отношения XI—XII вв. также находят мало отражения в византийской исторической литературе. Только для палеологовского времени византийские сведения становятся обширны, но главным образом потому, что для этого периода в Византии сохранилось значительно больше актового материала, посвященного церковным взаимоотношениям Руси и Византии.

Все историк древней Руси должны были в той или иной мере касаться русско-византийских отношений, говорить, например, о нападениях Руси на Константинополь, о русско-византийских договорах, о крещении Руси. Историография по вопросам древнерусской истории, так же как и истории Византии, очень значительна, но этого никак нельзя сказать об исторических работах, посвященных специально русско-византийским отношениям. Скудостью источников обусловлена и бедность литературы, посвященной этим вопросам.

Изучение русско-византийских отношений началось в XVIII в., и прежде всего Василием Никитичем Татищевым (1686—1750) в его «Истории Российской». Он первый собрал и изучил древнерусские летописи и известия

византийских писателей, относящиеся к указанной теме и дал сводку летописного материала. М. В. Ломоносов для своей «Древней истории Российской» пользовался произведениями Иордана, Прокопия, Павла Дьякона Зонары, летописца Феофана, Льва Грамматика и другими византийскими источниками. Он первый показал, что русское государство и культура созданы не варяжскими дружинами, а славянами, представлявшими собой, по мнению Ломоносова, коренное население междуречья Дуная и Днестра.

Не может быть обойден Михаил Щербатов (1733—1790), в большом, хотя и не выпрыпном по своим внешним качествам, труде которого собраны воедино огромные «припасы» исторических знаний о древней России.

Наконец, Н. М. Карамзин (1766—1826) не только подвел итоги исторических работ XVIII в., но и впервые довел их до широкого круга читателей.

Работы русских академиков-немцев занимают в этом отношении второстепенное место. Первые академики-немцы должны были начать с собирания источников по древнерусской истории. Среди этих источников одно из первых мест занимали византийские. Поэтому уже Г. З. Байер (1694—1738) печатал в «Записках Академии» небольшие статьи на специальные темы нашей древней истории, основанные главным образом на византийских источниках, например: «О первом походе руссов против Константинополя» (VI том), «О происхождении Руси» (VIII том), «Русская география по Константину Порфирородному» (IX том).

В 1764 г. Шлецер подал в Академию наук записку, в которой указывал, что для проверки и дополнения сообщаемых летописью сведений необходимо собирать и изучать современные летописному рассказу источники соседних с Русью народов. В отношении византийских источников эту работу выполнил Штриттер, издавший на латинском языке четырехтомный свод византийских свидетельств о Руси¹. В XIX в. русско-византийскими отношениями занимались члены Академии наук — немцы И. Ф. Круг (1764—1844) и А. А. Куник (1844—1899).

¹ «Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum. . . a scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae a I. Strittero».

Круг изучал древнерусскую хронологию и нумизматику. Наиболее крупный труд его — «*Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie*»¹; в нем впервые была подвергнута специальному исследованию византийская хронология в ее связи с русской историей.

По смерти Круга Куник издал его «*Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*»², в которых Круг выступал ярким пропагандистом норманской теории. В это время имя А. А. Куника уже было символом ученого чуждества, мелочной, бесплодной и мертвенной академической науки — без высокой мысли, без объединяющей идеи. О нем говорили, что он всю свою жизнь только и занимался варяжским вопросом, толчением воды в скандинавской ступе, бессмысленным и даже вредным³.

Оценка эта недалеко от истины. Конечно, Куник был человеком большой эрудиции и занимался не только варяжским вопросом. Он написал и напечатал немало статей о византийско-русских отношениях⁴, немало сделал в области древнерусской нумизматики, которая благодаря его трудам впервые получила более прочное обоснование. Но работы его, так же как и работы Круга, были далеки от актуальных вопросов и не привлекали внимания русского прогрессивного общества, которому Круг и Куник оставались чуждыми и во всех других отношениях. Между тем уже в начале XIX в. проблема России и Запада становилась стержнем, целевой проблемой в развитии общественных наук, и прежде всего в развитии исторической науки. План государственных преобразований Сперанского и политическая борьба декабристов были практическим утверждением западничества. Деятельность Карамзина противопоставляла этому западничеству начала консерватизма и национальной самобытности. Неудача реформаторских попыток Сперанского и революционной борьбы декабристов не остановила движения научной и общественной мысли.

В 1836 г. Чаадаев напечатал в журнале «Телескоп» свое знаменитое первое «философическое письмо». В пись-

¹ СПб., 1810.

² СПб., 1848.

³ «Византийский вестник», т. VI, 1899, стр. 619.

⁴ Там же, стр. 633—636.

мах Чаадаева противопоставление Запада России было, прежде всего, отрицанием николаевской крепостнической России и обращением к буржуазной системе общественных отношений. Именно в этом заключалось огромное значение этих писем, высоко оцененных Герценом, младшим его современником. Причину отсталости и изолированности России Чаадаев видит в том, что она взяла христианство из Византии, вступила «в связь с растленной Византией». «Письма» Чаадаева положили начало широкой идеологической борьбе 30—40-х годов, оказавшейся весьма плодотворной для развития русской общественной и научной мысли. В развернувшейся борьбе славянофилов и западников славянофилы выступали против буржуазной перестройки, под лозунгом нациопальной самобытности. Противопоставление России, славянства и Запада — это, по Киреевскому, противопоставление мистически созерцательного начала, основанного на чувстве, и рассудочного начала, построенного на анализе. Это своеобразие народного духа закреплено различием идейных влияний. На востоке Европы — греческий мир с его художественно-созерцательной культурой, на западе — рассудочная и расчетливая римская культура, на востоке — Византия и православие, на западе — христианство римско-католического толка, отравленное и извращенное рационализмом римской культуры¹. Боясь «революции», славянофилы искали для России, «особого» пути развития, который дал бы ей возможность избежать появления революционного пролетариата, уже сложившегося в капиталистической Западной Европе.

В 40—50-х годах славянофилы выступали под лозунгом национальной самобытности, тогда как западники, хотя далеко не последовательно, пришли к утверждению единства, закономерности исторического развития. Тождество конечного развития России и Запада означало в их трактовке тождество перехода от феодального строя к буржуазному.

То, что В. Г. Белинский утверждал в качестве необходимой предпосылки социального прогресса, получило утверждение в концепции С. М. Соловьева, в которой за-

¹ «Московский сборник», т. III. М., 1852, стр. 64.

першилась восходящая линия развития русской буржуазной исторической науки. Западники не идеализировали Византии, но они, в лице Т. Н. Грановского, признавали всю важность изучения русскими византийской истории. Однако научная школа русского византиноведения возникла только в 70-х годах XIX в., и только тогда стали серьезно изучаться и русско-византийские отношения. Это совпало со временем развития промышленного капитализма в России, когда появился промышленный пролетариат и началось рабочее движение. Это было время глубокого кризиса философского идеализма и развития материалистической философии. Уже с 60-х годов, в лице Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, материализм в России становится философией передовой общественной и научной мысли. В то время как на западе Европы после появления марксизма и после революции 1848 г. буржуазная историческая наука в целом оказалась уже неспособной к прогрессивному развитию, в России домарксовская историография далеко не потеряла своих прогрессивных возможностей и добилась значительного подъема и развития, оказывая плодотворное влияние на мировую историографию, особенно в странах Восточной Европы.

Русские историки либерального направления при всей буржуазной ограниченности их взглядов плодотворно разрабатывали проблемы истории не только России, но и Западной Европы (П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский). Появляются в то время крупные историки и в области византиноведения (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков). Одним из первых и видных исследователей социально-экономической истории Византии и русско-византийских отношений был В. Г. Васильевский. В совершенстве владея техникой исторического исследования, он проникся традициями буржуазной позитивистской историографии, но все же оставался историком-идеалистом и эклектиком. Он сам понимал слабость своей исторической концепции, так как сознательно уклонялся от разработки широких тем, предпочитая собирать и комментировать отдельные источники или изучать частные и узкие вопросы. Так, он занимался изучением византийских источников по истории древней Руси (житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, «Записки

греческого топарха»), истории варяго-русской дружины на службе византийских императоров, событий, связанных с крещением Руси, русско-византийских отношений в X и XII вв. Представляется преувеличением утверждение академика С. А. Жебелева, что и в настоящее время ни одна работа Васильевского не утратила актуальности¹. Мы не можем согласиться со многими положениями Васильевского, и прежде всего с его характеристикой феодализма, неприемлемой для историка-марксиста. Он трактует феодализм не как общественно-экономическую формацию, а лишь как форму политической организации общества. В. Г. Васильевский идеализирует византийскую общину, затушевывая пальцы в ней противоречий, изображая византийское государство (и прежде всего императоров Македонской династии) защитником общины. Реакционность политических взглядов Васильевского проявлялась в его осуждении классовой борьбы. Мы не можем, конечно, согласиться с утверждением Васильевского, что «скандинавская теория происхождения русского государства до сих пор остается непоколебленной, и те, которые пытались поколебать ее, терпели заведомую неудачу»². Как мы показываем дальше, невозможно согласиться с попыткой Васильевского приурочить события, описанные в «Записке греческого топарха» ко времени похода Святослава на Болгарию³. Следует также признать ошибочным вывод Васильевского, что два письма Михаила VII Дуки адресованы русскому князю Всеволоду. Васильевский относит эти письма к 1073—1074 гг. Он считает, что одна из дочерей Всеволода была раньше помолвлена с сыном Романа Диогена и что Михаил VII, обращаясь к Всеволоду с предложением о брачном союзе, желал за это получить военную помощь или, во всяком случае, невмешательство русских в болгарское восстание 1073 г. Точка зрения Васильевского была затем поддержана его учеником П. Н. Безобразовым и с некоторыми вариантами принята

¹ «Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке», ВДИ, № 4—5, 1938, стр. 14.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. III, СПб., 1915, стр. 667.

³ М. В. Левченко. Записка греческого топарха. «Византийский временник», т. IV, 1951, стр. 42—72.

почти всеми русскими учеными. Но аргументы Васильевского искусственны и неубедительны. Зажатая между двумя врагами — турками-сельджуками и южноитальянскими норманнами, лишенная в то время возможности с оружием в руках бороться против них, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить их друг другу. Что такая попытка была в то время предпринята Византией, показывает брачный договор между Робертом Гюискардом и Михаилом VII Дукой о браке сына Михаила и дочери Роберта, опубликованный Безобразовым¹. Следовательно, письма Михаила Дуки, адресованные Роберту Гюискарду, не могут считаться источником для характеристики русско-византийских отношений второй половины XI в.

Но справедливость требует признать, что и теперь, спустя 50 лет после смерти Безобразова, многие его выводы в области византийско-русских отношений остаются непоколебленными, несмотря на все усилия современной зарубежной буржуазной историографии опровергнуть некоторые из них. Благодаря работам В. Г. Васильевского исследователи древнейшей русской истории впервые стали широко пользоваться византийскими источниками. В его трудах многие моменты древнейшей жизни русского народа представлены в совершенно новом историческом освещении². Васильевский первый обратил внимание на то, что на заре своей истории русские играли гораздо более значительную культурно-политическую роль, чем это было принято думать раньше. Он установил, что в начале X в. русских купцов хорошо знали на Западе — в немецких придунайских городах, а на Востоке, в Багдаде, они появились еще на целое столетие раньше. Сам того не желая, Васильевский нанес серьезный удар норманистам, доказав на основании анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, что народ, называв-

¹ П. Н. Безобразов. Незданый брачный договор Михаила Дуки с Робертом Гюискардом. ЖМНП, сентябрь 1889, стр. 29—31.

² «Древняя торговля Киева с Регенсбургом», ЖМНП, июль 1888, стр. 150.

пийсь русью, нападал на Амастриду и Сурож уже в начале IX в.¹

Крещение Руси при Владимире как событие мировой истории впервые получило правильную оценку в работах Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв.»² и «К истории 976—986 гг.»³

В монографии «Византия и печенеги» Васильевский по-новому освещает события, предшествовавшие первому крестовому походу, и первые поводы к нему, роль печенегов в истории Византии XI в., отношение их к сельджукам, длительную и неудачную борьбу, которую вела с ними Византия, что, в конечном счете, и заставило византийское правительство обратиться к Западу за помощью. Иначе, чем предшествовавшие ему историки, объясняет он и начало крестовых походов. Мы не можем согласиться с некоторыми частными положениями автора, например, с признанием подлинным письма Алексея I Комнина к графу Роберту Фландрскому в том виде, в каком оно до нас дошло. Но основные положения работы до настоящего времени остаются в силе. Широкий исторический кругозор Васильевского открыл возможность установления связи между такими, казалось бы, далекими одно от другого явлениями, как печенежские набеги и история первого крестового похода. Работа Васильевского показала, какой грозной силой в XI в. были тюркские народы и каким трудным делом для Руси, впрочем осуществленным ею успешно, было преодоление печенежской и половецкой силы. Такое же крупное научное значение имеет работа Васильевского «Из жизни Византии в XII в.», в которой автор показывает отношения Руси и Византии на фоне международной ситуации в Европе. Он отмечает, что в половине XII в. Византия в союзе с Галичем воевала против Венгрии, Венгрия была во вражде с Галичем и в союзе с Изяславом киевским, галицкий князь враждовал с Изяславом и был в дружественных отношениях с Юрием Долгоруким. Этой международной обстановкой

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. III.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. I, СПб., 1908.

³ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909.

объясняет Васильевский церковный конфликт между Русью и Византией, вспыхнувший при Изяславе Мстиславовиче.

Некоторые дополнения к выводам Васильевского внес академик К. Я. Грот в своей ценной работе «Из истории Угрии и славянства в XII в.», в которой особое внимание он уделил политике императора Мануила по отношению к Венгрии, Галичу и Киеву.

Васильевский, так же как Цахариэ Лингенталь, считает, что под влиянием славянской колонизации в Византии, получившей по наследству от Рима крупное землевладение и колонат, в VII—VIII вв. происходят глубокие этнографические и социальные сдвиги, в результате которых вместо закрепощенных юстиниановских колонов появляются свободные крестьяне и общинное землевладение. По мнению Васильевского, переворот этот произошел стихийно, вследствие военного разгрома империи арабами и славянами и славянской колонизации Балканского полуострова. Васильевский придавал крестьянской общине настолько большое значение, что именно появлением свободного крестьянства в VII—VIII вв. он объяснял тот прилив «новых сил» и «улучшение основ экономического быта», которые подняли жизненную энергию Византии.

В отличие от Цахариэ Лингенталья он считал, что «Земледельческий закон» не предшествовал этнографическому и социальному перевороту, а последовал за ним и только укрепил то, что уже существовало в действительности¹.

Васильевский был создателем и организатором русской научной школы византиноведения, давшей немало ценных работ по всем разделам истории Византии. Но в области изучения византийско-русских отношений пример Васильевского не нашел большого количества подражателей, и сдвиг, произведенный им, нельзя признать глубоким.

Русские историки уделили все же известное внимание русско-византийским договорам. Шлецер отрицал под-

¹ Zachariae von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Изд. 1-е, 1864; изд. 3-е, 1893; В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 251; ЖМНП, октябрь 1878, стр. 258; ноябрь, стр. 95.

ливость договоров, но у всех других русских историков изучавших договоры, по этому поводу не возникало сомнений. Со времени появления ценного исследования Лавровского «О византийском элементе в языке договоров русских с греками», напечатанного в 1853 г., этот вопрос считается решенным в положительном смысле. В 1876 г. вышла из печати работа С. А. Геденова «Варяги и Русь», в которой автор пытался дать картину самого способа составления договоров и появления их в славянском переводе. Автор подверг правильной критике норманскую теорию происхождения Русского государства¹. Вслед за тем появляются работы Сергеевича («Греческое и русское право в договорах с греками»²), А. Димитриу («К вопросу о договорах русских с греками»³), А. А. Шахматова («Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря»⁴). Они посвящены главным образом выяснению вопроса, является ли документ, записанный под 907 г., договором или же только предварительным соглашением, на основании которого в 911 г. был заключен уже формальный договор.

Сообщения Константина Порфирородного о Руси, сделанные в его трактате «De administrando imperio», исследовались некоторыми русскими и иностранными историками. Предметом специального изучения они стали в работах А. Рамбо⁵, Г. Ласкина («Сочинения Константина Порфирородного «О фемах» и «О народах»»⁶), J. В. Бурю («The Treatise «De administrando imperio»»⁷), Г. Манойловича («Этюды о сочинении «De administrando imperio» Константина Порфирородного»⁸).

Все эти авторы, хотя и способствовавшие уяснению известий Константина, стояли на позициях норманистов. Изучением борьбы Цимисхия со Святославом занимались А. Чертков («Описание войны великого князя Свято-

¹ С. А. Геденов. Варяги и Русь. Тт. I—II. СПб., 1876.

² ЖМНП, ч. 1, 1882.

³ «Византийский вестник», т. II, вып. 3, 1885.

⁴ «Зап. Филологического об-ва», вып. VIII, 1914.

⁵ «L'Empire grec au dixième siècle», Paris, 1870.

⁶ М., 1892.

⁷ «Byz. Zeitschr.», Bd. XV, 1905.

⁸ «Zagreb Rad», тт. 182, 186, 187. Перевод на русский язык этого ценного труда хранится в Ленинграде, в архиве Академии наук, и, к сожалению, еще не опубликован.

слава»¹⁾, М. Дринов («Южные славяне и Византия в X в.»²⁾, В. Зноико («О посольстве Калокира в Киеве»³⁾).

Допольно значительная литература посвящена так называемой «Записке греческого топарха». О ней, кроме Васильевского, писали А. А. Куник⁴⁾, Ф. И. Успенский⁵⁾, П. Н. Милоков⁶⁾. Но ни один из названных историков не мог дать правильное истолкование этого документа, отчасти потому, что самый памятник представлял мало реальных черт, а еще более — вследствие стремления связать этот памятник с историей крымских готов.

В специальной работе («Византийский временник», т. IV) мы показали, что эта «Записка» не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готам. Автор «Записки» — византийский чиновник, а не крымский топарх. Точно так же ни Святослав, ни хозары не имеют никакого отношения к «Записке». Наша работа проливает новый свет на историю греко-болгарской войны при Василии II и Самуиле.

Она показывает отчаянные усилия византийских властей удержаться в Придунайской области в период наибольших успехов Самуила.

Культурных связей Византии с Русью периода феодальной раздробленности касались многие русские историки — церковных, литературных связей, но только попутно, в связи с изучением истории русской церкви, литературы и искусства. Исключение составляют работы академика Н. П. Кондакова, главным предметом исследований которого была история византийского и, в связи с ним, древнерусского искусства.

При посредстве разработанного им иконографического метода, отличавшегося большой односторонностью, он написал свою историю византийского искусства, памятники которого изучались им во время многочисленных

¹ М., 1843.

² «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1875.

³ Там же, кн. 4, 1872.

⁴ «О записке готского топарха», «Зап. вып. Акад. наук», т. 24, 1874, стр. 61—93, 116—127.

⁵ «Киевская старина», т. XXV, 1889, стр. 253.

⁶ «Время и место действия «Записки греческого топарха», «Тр. Археол. съезда», т. III, М., 1897, стр. 278—289.

путешествий по Востоку и Европе. Древнерусское искусство он рассматривал как зависящее от византийского, из которого он выделил греко-восточную ветвь. В коллективной работе И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские клады» авторы, изучая курганные древности и клады домонгольского периода, дают большой фактический материал, касающийся русско-византийских культурных связей в области искусства и техники. Но издание это имеет и крупный порок, заключающийся в необоснованной предпосылке, что почти все высокохудожественные изделия древней Руси созданы руками византийцев. Переоценивается, в частности, и роль херсонесских изделий на Руси¹.

Специально вопросу о культурном влиянии Византии на Русь были посвящены две работы В. С. Иконникова («Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории»²) и Ф. Терновского («Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси»³). Обе работы и при своем появлении не представляли особо ценного вклада в науку, а в настоящее время безнадежно устарели.

В работе Иконникова после поверхностной характеристики византийской культуры дается такая же поверхностная характеристика древнерусской культуры. Далее, автор останавливается на предполагаемых книжных богатствах московских царей в XVI в. и не менее обстоятельно на истории русского монашества в XV—XVI вв., а также на монастырском землевладении того времени. Главным образом истории русской церкви XV—XVII вв. посвящена и вторая часть этой работы. Таким образом, работа Иконникова написана не на тему. Не выше по качеству и работа Терновского. Первая часть ее представляет пересказ различных событий из византийской истории, заимствованный у Малалы, Амартола, Манасси и Зонары, и сличение их с событиями русской истории.

Вторая часть, имеющая несколько большую ценность, повествует о путешествиях русских в Византию, о гре-

¹ «Русские древности в памятниках искусства», изд. И. Толстого и Н. Кондакова, вып. I—VI, СПб., 1897.

² Киев, 1869.

³ Киев, 1875.

ках, по тем или иным причинам приходивших на Русь, и о событиях русской церковной истории в XV—XVII вв.

Известный археолог Порфирий Успенский (1804—1885), вывезший с Востока обширнейшую коллекцию древних рукописей и книг, сношениям древней Руси с афонскими монастырями посвятил свою «Историю Афона», печатавшуюся сначала в «Трудах Киевской духовной академии», а потом выпущенную отдельным изданием.

Второй крупнейший после Васильевского русский дореволюционный византист — Ф. И. Успенский — мало касался русско-византийских отношений. Занимаясь историей образования Второго болгарского царства, он все же сделал ценное наблюдение, что болгарам в их освобождении от византийского ига помогали куманы и русские — бродники — и что таким путем эта русская вольница принимала участие в византийско-болгарской войне в конце XII в. на стороне болгар, хотя русские князья в то время являлись союзниками Византии¹.

Появилось несколько работ, посвященных истории средневекового Крыма и Северного Причерноморья. В своей работе «О поселениях итальянцев в Газарии» Ф. К. Брун пытался доказать, что венецианцы появились на Черном море не в период существования Латинской империи, а гораздо раньше, — в XII в.² Его поддержал М. М. Ковалевский, считавший возможным отнести к XI в. не только появление венецианцев в черноморских водах, но и их конкуренцию с генуэзцами³. В качестве единственного документального доказательства этого Ф. К. Брун и М. М. Ковалевский привлекали договор, заключенный императором Мануилом с генуэзцами в 70-х годах XII в., по которому лигурийским купцам разрешалось плавать по Черному морю. Но этим документом не подтверждается появление венецианцев на берегах Черного моря уже в XII в.

Огромное значение черноморского рынка для Византии общеизвестно. Отсюда Византия всегда получала

¹ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 390.

² М., 1873.

³ «К ранней истории Азова», *Тр. XII археол. съезда*, т. II М., 1905.

разнообразные предметы продовольствия и сырье для своей промышленности. В X в. Русь уже вела торговлю с Византией, и эта торговля была нужна не только Руси, но и Византии.

Заселение черноморских степей кочевниками затрудняло сношения Руси с Восточной империей, но они не прерывались.

Торговые связи Византии с Северным Причерноморьем были одной из основ ее экономической жизни. Поэтому Византия ревниво охраняла Черное море от всякого проникновения в него посторонних. Только ее корабли должны были плавать на Черном море. Осуществление монопольного пользования Северным Причерноморьем было нетрудным делом, — мимо причалов и морской стражи Константинополя ни один корабль не мог пройти в Черное море незамеченным.

Поэтому мы полагаем, что ни венецианские, ни другие итальянские купцы не могли иметь и не имели регулярных торговых связей с Северным Причерноморьем до 1204 г., т. е. до того момента, когда и морская дорога, ведущая из Средиземного в Черное море, и самый Константинополь оказались в руках латинян. Отсюда понятно, почему Мануил, подготавливая разгром венецианцев на территории империи в 1171 г., пошел на уступки генуэзцам, допустив их проникновение в Черное море (за исключением, однако, берегов Азовского моря). Понятно, почему в договорах Венеции с Византией в XI—XII вв. нет упоминаний ни об одном пункте на берегах Черного и Азовского морей, хотя в договорах 90-х годов XII в. венецианцы перечисляли все сколько-нибудь значительные пункты, пригодные для их торговли. Понятно, почему и в договоре о разделе империи венецианцы не обеспечили себе никаких территорий и торговых городов по берегам Черного моря. Очевидно, тогда в Венеции не существовало более или менее значительной группы купцов, которая могла бы побудить венецианское правительство захватить какие-либо пункты в Северном Причерноморье.

Литература, посвященная русско-византийским отношениям в XIII—XV вв., еще более скудна. Она представлена в основном произведениями церковных историков изучавших взаимоотношения русской и византийской церквей. К их числу относятся, например, книга Т. В. Бар-

сова «Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью». Наиболее обстоятельное изложение событий церковной истории древней Руси мы находим в работе Е. Е. Голубинского «История русской церкви», доведенной до середины XVI в. (2-томное издание 1880—1904 гг.). Эта работа характеризуется полнотой использования источников, что вместе с известной самостоятельностью суждений, поскольку она была возможна для русского церковника, дало автору возможность разрушить много церковных легенд.

Критицизм Голубинского не идет, однако, дальше определения подлинности или неподлинности источников, а историческое мировоззрение его в немалой степени элементарно. Голубинский не анализирует исторических фактов, но собранный им богатый фактический материал дает возможность раскрыть классовый характер церковной организации в России.

Этот же период русско-византийских отношений рассматривается в книге В. Саввы «Московские цари и византийские вассалы»¹. В ней Савва убедительно доказывает, что московский придворный чин царского величания в XV—XVI вв. складывался самостоятельно и не был скопирован с византийского образца. То же можно сказать о посольском чине и практике дипломатических отношений Москвы с другими государствами.

Эпоха империализма и в России связана с идейной реакцией в области общественных наук вообще, в науке об историческом развитии общества в частности.

В связи с бурным ростом рабочего движения и приближением революции 1905 г. буржуазная историография в России становится рупором контрреволюционных устремлений русской буржуазии и ее соглашательской политики в отношении царизма. Правда, и в то время внутреннее развитие науки сказывалось в дальнейшем расширении конкретного исторического знания, но наряду с этим происходило обострение идейного кризиса буржуазной исторической мысли. Начинает проявляться отрицание исторической закономерности; история противопоставляется точным наукам. Народническая социология с ее теорией субъективного метода противопоставляет науч-

¹ Харьков, 1901.

ному принципу причинности начало долженствования в общественной жизни (Лаппо-Данилевский, Кареев). Эти же тенденции находят подкрепление и в неокантианской философии, в учении Риккерта о науках номотетических и идиографических.

В этих условиях в среде русских историков становятся особенно популярными источниковедческие работы — разыскание и привлечение новых источников, углубление методов их изучения.

Буржуазная историография в эпоху империализма начинает подвергать пересмотру выводы Цахарие Лиингенталя, Васильевского и Ф. Успенского о значении славянской колонизации Византии. Так, в начале XX в. против этих выводов выступил автор исследования о крестьянской собственности в Византии Б. А. Папченко, отрицавший наличие в ее истории аграрных переворотов как результата славянской колонизации, а также элементов общинного строя¹.

К. Успенский в своих «Очерках по истории Византии» тоже высказывал мысль, что развитие Византии происходило эволюционным путем, без катастроф и потрясений. Он совершенно отбрасывал теорию о славянской колонизации империи и объявлял ее «недоказанной»². Типичным представителем русской историографии эпохи империализма был А. А. Шахматов, труды которого посвящены русскому летописанию. Шахматов предложил рассматривать летопись как памятник сложный, имеющий литературную историю, и считал нужным изучать любую часть летописания в неразрывной связи с историей всей летописи. Изучение любого частного сюжета требовало, по его мнению, знания всей литературной истории русского летописания. Это была, безусловно, новая и ценная в дворянской, буржуазной историографии мысль. Используя эту мысль, Шахматов открыл буржуазной историографии возможность проводить сравнительно-текстологические исследования, в определенной мере сохранявшие свою ценность и поныне. Построение Шахматова было сочетанием весьма точных сравнительно-

¹ Б. А. Папченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903.

² «Очерки по истории Византии», М., 1917, стр. 175—176.

текстологических исследований и порой бессилия осмыслить их результаты. Схемы Шахматова лишь отражали ход текстологических сравнений и были, по существу, глубоко формальны, иногда антиисторичны и потому крайне неустойчивы¹.

В отношении русской истории IX—XV вв. Шахматов не выходит за рамки буржуазной науки; более того, его взгляды кое в чем стояли даже ниже буржуазной исторической мысли XIX—XX вв., которая создала ряд значительных исследований по отдельным вопросам экономической жизни древней Руси.

Роль славян в создании русского государства у Шахматова исчезла вовсе; они выступают лишь как объект воздействия разных соседних народов, среди которых главную роль в образовании русского государства он приписывает норманнам.

Последователем Шахматова был М. Д. Приселков, который в течение 30 лет неутомимо занимался исследованием различных сторон политической и идеологической жизни древней Руси. Он первый создал обобщающий труд по истории русского летописания и восстановил для науки много важных памятников нашего далекого прошлого. Он сделал попытку, правда не увенчавшуюся успехом, преодолеть ограниченность метода Шахматова и внести в исследование русских летописей социально-экономическую схему. Уже в 1914 г. М. Д. Приселков выпустил свой большой труд «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI—XII вв.»; в нем он отметил некоторые факты, ускользавшие от внимания прежних историков церкви. Но в основе этой работы лежит идеологическая концепция, согласно которой вся история домонгольской Руси, по крайней мере ее внешне-политические дела — военные походы, международные отношения, зависит от такого надстроечного явления, как форма, в которую было облечено церковное подчинение Руси Византии². От этой идеалистической концепции М. Д. Приселков не освободился до конца своих

¹ В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный историк-исследователь. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 61.

² И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. «Ист. зап.», № 35, 1950, стр. 203.

дней, приписывая и в позднейших своих трудах церковно-политическим отношениям Руси и Византии решающую роль в исторических судьбах нашей родины. В то же время он совершенно необоснованно пытался доказать, что до 1037 г. русская церковь зависела не от Византии, а от болгарской Охридской митрополии¹. Но, как уже отмечалось в научной литературе, эта гипотеза Приселкова построена исключительно на системе косвенных документов, и ни в одном из источников — русских или болгарских — нет указаний на зависимость русской церкви при Владимире от Охридской митрополии. Вся гипотеза Приселкова зиждется на сомнительности руководителей киевской и охридской церквей, живших в 20-х годах XI столетия. Болгарский историк В. С. Николаев совершенно справедливо указывает, что Самуилова Болгария, которая в то время расходовала последние жизненные силы в неравной борьбе с Византией, в своих смертельных конвульсиях не могла найти энергию и активность для осуществления такой сложной задачи, какой, несомненно, была христианизация обширного древнерусского государства².

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новые перспективы перед исторической наукой в целом и византиноведением в частности и создала исключительно благоприятные условия для их развития. Триумф марксистско-ленинской теории, проникнутой глубокой историчностью, придало особое значение изучению истории. Широко вошли в научный оборот гениальные труды основоположников марксизма-ленинизма, в которых история впервые стала настоящей наукой.

Крупнейшее значение имеет новая организация научно-исследовательской работы, при которой прежние распыленные усилия отдельных ученых заменены плановой работой научных коллективов.

После Октябрьской социалистической революции продолжал свои работы М. Д. Приселков, оставивший два труда по византийско-русским отношениям: «Киев-

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

² В. Николаев. Славяно-български фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949.

ское государство X в. по византийским источникам»¹ и «Русско-византийские отношения в IX—XII вв.»²

Первый из них был подвергнут справедливой критике в работах акад. В. Д. Грекова за то, что Приселков недооценивает русские источники и переоценивает византийские. Во втором Приселков тоже преувеличивает степень воздействия византийской дипломатии на южнорусских князей, представляя дело так, что в XII в. русские князья предпринимали свои походы на половцев исключительно по просьбе византийского правительства и чтобы выручить Византию³. Между тем известно, что постоянная борьба со степными кочевниками была для древней Руси давней и жестокой необходимостью и походы в степь предпринимались бы даже в том случае, если бы Византия и не существовала⁴.

В 30-х годах появились две новые работы по русско-византийским договорам. В. М. Истрин относил появление переводов этих договоров к концу первой половины XI в. и приписывал их переводческому кружку русских книжников, появившихся в Киеве при создании греческой митрополии в правление Ярослава⁵. Против этих положений Истрина выступил академик С. П. Обнорский, который отметил основную методологическую ошибку Истрина, пытавшегося разрешить вопрос о времени перевода русско-византийских договоров на основе общих исторических и теоретических соображений, а не на основе лингвистического исследования этих договоров. В результате кропотливого изучения языка договоров С. П. Обнорский пришел к правильному выводу, что «появление текста договоров в переводе с греческого языка приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов»⁶. Договоры Олега с греками показы-

¹ «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», сер. ист. наук, вып. 8.

² ВДИ, № 3, 1939.

³ Там же, стр. 106.

⁴ И. У. Б у д о в и ц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. «Ист. зап.», № 35, 1950, стр. 199—231.

⁵ В. М. И с т р и н. Договоры русских с греками. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. XXIX, 1924, стр. 390.

⁶ С. О б н о р с к и й. Язык договоров русских с греками. Сб. Сборник «Язык и мышление», вып. VI—VII, стр. 103.

вают, что первые письменные источники написаны для славян и на славянском языке.

В 1938 г. в работе «Византия и славяне в VI в.» мы показали, что при переходе от античности к средним векам славяне сыграли не менее видную и активную роль, чем германцы, сломя в VI—VII вв. сопротивление Восточной Римской империи, захватив большую часть Балканского полуострова и создав там славянские государства, заселив и оставшиеся под властью Византии Фракию, Македонию, значительные районы Греции и Малой Азии, причем это внедрение славян оказало большое влияние на изменение аграрных отношений в Византии¹.

Е. Э. Липшиц в своей работе «Византийское крестьянство и славянская колонизация» установила, что византийские крестьянские общины, незадолго до того находившиеся в состоянии глубокого упадка, вернулись снова к жизни в связи со славянской колонизацией VI—VII вв.²

Эти положения были развиты и дополнены А. В. Мишулиным, который подчеркнул, что «славянская община создавала предпосылки для перехода Византии к феодальной системе хозяйства», и в этом видел исторически прогрессивное значение славянской колонизации Восточной империи.

В то же время «сами славяне, минуя рабовладельческую ступень развития, переходя к феодальному строю, вступали в число сложившихся европейских народов»³.

Для ознакомления широкого круга советских читателей с римскими и византийскими источниками по древнейшей истории славян А. В. Мишулин опубликовал переводы отрывков из произведений греческих и римских писателей I—VII вв. под заголовком «Древние славяне в от-

¹ «Византия и славяне в VI в.», ВДИ, № 4—5, 1938.

² Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 96—143.

³ А. В. М и ш у л и н. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, № 1, 1939; а г о ж е. Древние славяне и крушение Восточноримской империи. «Ист. журн.», 1941, № 10—11.

рывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.»¹

Вопрос о значении славянских вторжений для социального строя Восточной империи наиболее глубоко и всесторонне разработан в трудах академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь» и «Борьба Руси за создание своего государства». Б. Д. Греков показал, что образование древнерусского государства было подготовлено внутренним развитием самого славянства.

Советские историки Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и др., соединяя широкую критику источников с последовательным стремлением раскрыть внутреннюю, закономерную связь событий, осветить исторический процесс не как механическое нагромождение событий, а как действительно прогрессивное развитие самого общества, доказали, что первые государственные образования в среде восточного славянства возникали до пресловутого «призвания варягов», что русское государство возникло в результате внутреннего развития общественных отношений, что славянские племена самостоятельно создали свою богатую культуру и заложили основы восточнославянской государственности.

Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков опровергли теории норманистов, построенные на основе анализа сочинения Константина Порфирородного «De administrando imperio».

М. Н. Тихомиров доказал, что на территории восточных славян существовали славянские княжества. Недаром среди древних русских городов нельзя указать ни одного со скандинавским названием. В X в. иностранные источники начинают упорно упоминать о варягах и путают их с русью потому, что в X и начале XI в. идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом, в которой победа остается за новгородскими князьями, опирающимися на варягов. Отсюда — домысел летописцев, мешавший признанию того неоспоримого факта, что название «Русь» — древнее название Киевской земли, страны

¹ ВДИ, № 1, 1941. Этой же теме касался Б. Т. Горянов в статьях: «Славянские поселения VI в. и их общественный строй», ВДИ, № 1, 1939; «Славяно и Византия в V—VI вв. нашей эры», «Ист. журн.», 1939, № 10.

полян, известное уже в первой половине IX в., до объединения Новгорода и Киева в одно государство. Константин не упоминает о полянах потому, что поляне и были русью, т. е. жителями Киевской земли. Наличие большого количества варягов в дружине Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда) было причиной того, что византийцы, в том числе и Константин, видели в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян¹.

С. В. Юшков дал убедительный анализ сообщения Константина о днепровских порогах, которое норманисты считают главным доказательством этнической тождественности норманнов и руси. Юшков показал, что русские названия порогов у Константина являются не переводом славянских названий, а особой географической номенклатурой. Эта номенклатура состояла из названий, в основе которой лежали как скандинавские, так и славянские корни и, можно думать, корни также и других языков. Следовательно, это была «международная номенклатура», вероятно, принятая всеми проезжавшими по Днепру. Поскольку путь по Днепру был путем мирового значения, по которому везли свои товары представители разных народностей, естественно ожидать, что в выработке этой номенклатуры участвовали купцы, принадлежавшие к этим народностям. Естественно, что в Киеве были усвоены названия днепровских порогов, даваемые им купцами разных народностей, в том числе и норманскими².

Свежую струю в изучение борьбы между Святославом и Цимисхием внесли в советское время работы болгарского ученого Мутафчиева («Русско-болгарские отношения при Святославе»³), М. Н. Тихомирова («Исторические связи русского народа с южными славянами»⁴), П. О. Карышковского («Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе»⁵).

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Сов. этнография», тт. VI—VII, стр. 79.

² С. В. Юшков. История государства и права СССР. Т. I. М., 1940.

³ «Seminarium Kondakovianum», т. IV, Прага, 1931, стр. 82—84.

⁴ «Славянский сборник», М., 1947.

⁵ «Византийский временник», VI, 1953, стр. 36—71.

По вопросу о взаимоотношениях между Святославом и болгарами до последнего времени преобладало мнение, что русский князь силою оружия преодолел сопротивление, которое ему пытались оказать болгары, и кровавым террором не только навязал им свою власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией¹.

Указанные авторы в своих работах привели много фактов, свидетельствующих о том, что отношения между русскими и болгарами далеко не походили на отношения между кровожадными завоевателями и стонущими под их игом рабами. Они показали, что в войне Святослава против Византии болгары были не врагами, а союзниками Святослава, боровшимися вместе с ним против византийцев; чтобы добиться союза с болгарами, русский князь должен был пойти им на уступки, имевшие для него значение.

Большой материал по средневековому художественному ремеслу, добытый при раскопках в Херсонесе в советское время, описан А. Л. Якобсоном в его монографии «История средневекового Херсонеса»; однако историческая часть труда Якобсона страдает серьезнейшими недостатками, как это установлено рядом лиц, рецензировавших его работу².

Нельзя также признать удачной статью Е. Веймарна и С. Стржелецкого «К вопросу о славянах в Крыму», напечатанную в 1952 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 4).

В этой статье авторы высказывают необоснованное предположение, что славяне составляли часть постоянного населения средневекового Крыма и что Святослав владел землями в Крыму и некоторые из них пожаловал топарху. Авторы только не договаривают, когда же, по их мнению, исчезает постоянное русское население в Крыму. Что касается «Записки греческого топарха», то, как мы увидим дальше, она не имеет никакого отношения к Крыму и Святославу и цитируется авторами только по недоразумению. Утверждая, что русские славяне составляли часть

¹ См., например: А. Ф. Гильфердинг. Соч., т. I. СПб., 1868, стр. 1; М. Дринов. Соч., т. I, стр. 338; В. Златарский. История на българската държава. Т. I, ч. 2, стр. 600.

² «Византийский вестник», VI, 1953, стр. 9.

постоянного населения Крыма в раннем средневековье, Веймарн и Стржелецкий забывают ответить на вопрос, почему ни один средневековый источник не говорит о русских как о постоянном населении Крыма. По Веймарну и Стржелецкому, жившие много веков в Крыму русские держали себя так пассивно, что о них не упомянул ни один средневековый источник. Такое поведение не характерно для средневековых славян. В районах, которые они населяли в значительном количестве, они заставляли говорить о себе. Вспомним миллингов и эзерптов, заброшенных вглубь Пелопоннеса. О них постоянно упоминают византийские и западноевропейские источники. Молчание источников свидетельствует о беспочвенности гипотезы Веймарна и Стржелецкого. Б. А. Рыбаков пробует опереться на авторитет Прокопия, но Прокопий помещает автоп не в Крыму, а к северу от Меотиды и Кутургуров. Относительно Крыма он сообщает, что все пространство степного Крыма от Херсона до Боспора занимали гуцы¹. На узкой же береговой полосе, кроме греков, разместились готы. Следовательно, по Прокопию, для поселения славян в Крыму не было и места. В истории Крыма также не имеется упоминаний о славянах как значительной прослойке в его постоянном населении.

В византийское время русские могли совершать нападения на Крым, могли быть там путешественниками и торговцами, еще чаще попадали туда в плен, продаваемые в рабство кочевниками, но постоянного населения Крыма они не составляли. В противном случае непонятной была бы бедственная зимовка Святослава в устье Днепра зимой 971/972 г. Насопов, как и Веймарн и Стржелецкий, упускает из виду, что если бы при Святославе в Крыму или Тамани прочно укрепились русское население и между населением Тавриды и Русью существовали такие тесные культурные и бытовые связи, какие предполагают Веймарн и Стржелецкий, — Святослав, возвращаясь водным путем из Доростола, не стал бы зимовать в Белобережье, в устье Днепра, испытывая там жестокий голод. В этом случае была бы совершенно непонятной и судьба

¹ «De bello gothico», I; X.

монаха Киево-Печерского монастыря Евстратия, попавшего в 1096 г. в числе многих других, плененных половцами, в руки работорговца в Херсонесе. Проданные в рабство пленники умерли от голода, а монах был подвергнут работорговцем мучительной казни, как предполагаемый виновник понесенного им убытка¹. Отрицая домыслы Веймарна и Стржелецкого, мы вместе с тем признаем, что в византийское время нормальное историческое развитие Крыма возможно было только при условии постоянных и прочных связей с земледельческими русскими областями (в первую очередь Приднепровьем и Подоньем), для которых Крым являлся естественным берегом Русской земли. Чем прочнее были эти связи, тем естественнее и полнокровнее могли развиваться производительные силы самого Крыма.

Более успешно после Великой Октябрьской социалистической революции велось изучение русско-византийских связей в области искусства и литературы.

В. Н. Лазарев, Н. Н. Воронин, М. К. Каргер отвергают прежнюю оценку древнерусской живописи как «провинциального ответвления византийского искусства». «Русская живопись домонгольского периода все более выступает пред нами как большое и самостоятельное искусство, со своими национальными и местными чертами, искусство, несколько не уступавшее по высоте своих достижений ни западно-европейской, ни византийской живописи того времени»².

Ценные сведения по истории русско-византийских отношений дает Д. С. Лихачев. Из его произведений необходимо отметить статью и комментарий к «Повести временных лет», т. II, работу «Культура Руси эпохи образования русского национального государства», в которой автор показывает самостоятельность русской культуры XIV—XV вв., и, наконец, статью «Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы», где автор дает правильное представление об историческом значе-

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Издание Археографической комиссии. СПб. 1911, стр. 79.

² «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 394.

нии так называемого «византийского влияния»¹. Д. С. Лихачевым поставлена проблема о классовой сущности византийского влияния, т. е. обоснование положения, почему в поисках идеологической опоры господствующему классу древней Руси на определенном этапе пришлось обратиться к развитой классовой культуре Византии и почему принималось из Византии то, что отвечало внутренним потребностям развивавшегося феодального общества на Руси.

Основные выводы относительно положения в русской буржуазной исторической науке вопроса о русско-византийских отношениях можно свести к следующему.

В русской буржуазной исторической литературе не имеется труда, специально посвященного истории этих отношений. Все, что написано по этому вопросу, не выходит за пределы общих курсов по истории древней Руси или Византии или представляет изложение отдельных, частных вопросов. Из этой литературы нельзя получить более или менее полного представления об этих отношениях в целом и о некоторых очень важных частностях. Качество представленных в этой литературе исторических данных в некоторых случаях весьма не безупречно.

Наряду с серьезными исследованиями, какими являются, например, труды В. Г. Васильевского, имеются работы, неудовлетворительные с точки зрения самых элементарных требований, предъявляемых к историческим сочинениям, именно — верности историческим фактам. Эта характеристика относится, в первую очередь, к исторической литературе XIX в. и начала текущего столетия.

В советский период, в связи с большими успехами в области исторической науки в целом, появились ценные работы и в области изучения русско-византийских отношений. Однако до настоящего времени в этом отношении сделано еще очень немного. Отсюда вытекают и задачи нового исследования.

¹ «Повесть временных лет», т. II. Изд-во АН СССР, 1950. Статья и комментарии Д. С. Лихачева; «Культура Руси эпохи образования русского национального государства», Госполитиздат, 1946; «Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы», «Вопросы истории», 1951, № 12.

Автор ставит своей целью:

1) дать обобщающий труд по истории русско-византийских отношений — экономических, политических, культурных; рассмотреть имеющиеся в нашей научной литературе по этому вопросу точки зрения; восполнить пробелы по отдельным частным вопросам, насколько это возможно в условиях недостаточного количества источников;

2) в связи с изучением истории русско-византийских отношений выяснить и вопрос о византийских «влияниях» на древнерусскую культуру, причем выводы буржуазных ученых и самая постановка вопроса о «влияниях» подлежат пересмотру с позиций марксистско-ленинской методологии.

Автор считает свою работу только первой попыткой марксистского освещения важной исторической проблемы и не претендует на исчерпывающее решение всех затронутых вопросов. В этой работе исследуются основные этапы процесса, протекавшего на протяжении многих столетий и представляющего исключительные трудности для изучения. Работа составлена из отдельных очерков, которые посвящены истории Византии и Руси, а не только рассмотрению вопроса об их взаимоотношениях. Каждый из этих очерков имеет более или менее самостоятельное значение.

Используя некоторые новые источники, до настоящего времени бывшие неизвестными в СССР, автор уделяет много внимания и старым источникам.

Что касается отдельных источниковедческих проблем, затронутых в данной работе, то, разумеется, многие из них решаются автором в общепринятом порядке или в порядке, установленном отдельными предшественниками. Вместе с тем некоторые из рассматриваемых нами источниковедческих вопросов решаются по-новому, в разрез с выводами, общепринятыми в нашей историографии. Это обуславливается применением марксистско-ленинского метода исследования и вытекает из более внимательного изучения источников.

Работа эта была написана по частям; некоторые разделы ее уже опубликованы в печати в полном или сокращенном виде. Так, очерк «Византия и славяне в VI—VII вв.» напечатан в 1938 г. в «Вестнике древней истории»,

№ 4 (5); очерк «Записка греческого топарха» — в IV томе «Византийского временника» за 1951 г.; очерк «Русско-византийские договоры 907—911 гг.» — в V томе «Византийского временника» за 1952 г.; очерк «Константинопольский Порфирородный и Русь в половине X в.» — в VI томе «Византийского временника» за 1953 г.

Автор приносит искреннюю благодарность И. А. Голубову, А. А. Зминову, Д. С. Лихачеву, З. В. Удальцовой, Е. Э. Липшиц, А. Ю. Якубовскому, помощью которых он пользовался при подготовке работы к печати.

Глава I

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ИСТОРИИ IX в.

Древнерусское государство IX—XI вв. в ходе дискуссии о периодизации истории СССР получило освещение как раннефеодальное государство, история которого отражает единый период исторической жизни Русь, а не два периода — дофеодальный и начало феодального, как представляли раньше.

Новые археологические данные и показания письменных источников позволяют трактовать VI—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период к раннефеодальному государству.

Этот период некоторые историки называют «полупатриархальным — полуфеодальным».

В восточнославянском обществе в это время происходило становление феодальных отношений в условиях разложения общественно-патриархального строя, когда на основе развивающегося имущественного и политического неравенства возникли классы, появилась частная собственность на землю, стало развиваться крупное землевладение и эксплуатация землевладельцами крестьян-общинников; это был период, когда у восточных славян появились и первые политические объединения.

В IX в. этот процесс завершается образованием древнерусского раннефеодального государства. Начиная с IX в., можно говорить о наличии на Руси феодального способа производства, об оформлении феодального базиса. В этих условиях было вполне закономерным появление сравнительно небольших государственных образований: Куявии, Славии и Артании (вторая половина VIII—IX в.), а затем и возникновение более обширного древнерусского

раннефеодального государства. Оформившийся к этому времени господствующий класс был заинтересован в создании сильного государства — орудия классового господства землевладельцев.

Нет сомнения, что возникшие в VIII—IX вв. небольшие государства, объединившиеся несколько позднее в более обширное древнерусское государство, были уже феодальными.

Работы советских историков, в частности исследование А. Н. Насонова «Русская земля» и образование территории древнерусского государства», показали, что Русская земля получила свое название от имени местного русского населения, что название это — исконное, местного происхождения, что границы древней русской земли определились уже в IX в.¹ Только признав все эти положения, мы поймем, почему пародное самосознание долго противопоставляло «русь»: как обитателей юга, «словенам» — обитателям севера, почему древнейший свой свидетельствовал, что именно на юге варяги, вошедшие в состав дружины киевского князя, стали называть себя «русью», почему в дошедших до нас в «Повести временных лет» договорах с греками 911 и 941 гг. Киев, Чернигов и Переяславль названы центрами этой русской земли, почему князья Игоревой династии до второй половины XI в. сажают своих сыновей в качестве пameстников по разным городам, а не в Чернигове и не в Переяславле. Из договоров с греками видно, что «месячное свое» Русь берет «первое от города Киева, пакы же Чернигова и Переяславля».

В договорах Русь называется «Русской землей», в договоре Игоря, кроме того, — «Русской страной». О том, что в первой половине X в. существовала «Русская земля» как политически господствующее территориальное ядро, сказано в трактате Константина Порфирородного «De administrando imperio», где текст противопоставляет Руси, князем которой был Игорь, «Русь внешнюю», с городом Новгородом.

Васильевский дает правильное объяснение того, почему в Византии смешивали варягов и русь; варяги при-

¹ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 41.

ходили в Константинополь через Русь. Они попадали туда иногда после более или менее продолжительной службы у русского князя. Понятно, что в Константинополе представление о русских, приезжавших из Руси, в какой-то степени смешивалось с представлением о варягах.

Смешение происходило и потому, что варяги, приозжавшие на юг Руси и там остававшиеся, принимали имя Руси, называли себя русью. Именуя себя русью, они принимали местное название.

В оправдание варяжского происхождения термина «русь» приводилось наблюдение над языком финнов прошлого столетия: последние называют скандинавов, живших в Швеции или Северной Финляндии, «руотси» или «руоци». Но не говоря уже о том, что мы не знаем, называли ли финны так скандинавов в IX—X вв., остается несомненным, что на юге русские (славяне) не могли называть скандинавов так, как называли их финны, а предположить, что варяги стали в Южной Руси называть сами себя русью «потому, что их так называли финны, едва ли кто-нибудь решится»¹.

Здесь, на юге, в Среднем Поднепровье, образовалось в IX в. древнерусское государство, обнаружившее большую жизнеспособность. Именно эта территория — территория Киевщины, Переяславщины и отчасти Черниговщины — служила очагом древнейшей культуры антов Среднего Поднепровья в VI—VII вв.

«В VI в. нашей эры, — пишет Б. А. Рыбаков, — наиболее интересным и содержательным является старый район скифов-пахарей — Старое Поднепровье, бассейн Роси, Сулы, Сейма и Вороны. Именно в этом районе распространены монеты, гончарный круг, выемчатая эмаль и ряд других элементов римско-вендской культуры»².

С развитием производительных сил в Среднем Поднепровье, обнаруживающихся в памятниках ремесленного производства, с развитием феодального способа производства, с накоплением богатств на этой территории

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. 1, СПб., 1908, стр. 376; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 39.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 40, 70, 72.

очень рано создается класс феодальной знати, класс сильных эксплуататоров, о которых свидетельствуют договоры с греками и следы существования которых выявлены археологическими раскопками¹.

Здесь, в Среднем Поднепровье, рано должны были возникнуть классовые противоречия и необходимость в особой организации принуждения и в политическом объединении, основанном уже не на племенном начале. Внешние события — напор кочевников, угров и борьба с ними и хазарами — стимулировали образование древнерусского государства. В IX—X вв. власть южнорусского государства сравнительно быстро распространяется на другие племенные и территориальные центры восточно-европейской равнины. Это «скороспелое» древнерусское государство не могло быть монолитным.

По причинам, о которых мы будем говорить дальше, во второй половине IX, в X и первой половине XI в. значительная доля внимания верховной власти этого государства была направлена на расширение границ, на далекие походы. Это непрерывное движение Руси IX—XI вв. (*her perpetual movement of aggrandissement*) отмечал К. Маркс².

Тем не менее вопрос о происхождении древнерусского государства до настоящего времени является предметом серьезных разногласий. «Факт серьезных разногласий между исследователями, — говорит академик Б. Д. Греков, — объясняется, прежде всего, различием методологии исторического исследования. Играет здесь роль и то, что для столь отдаленной поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неполные сведения. С другой стороны, все эти вопросы, несмотря на то, что они касаются такого отдаленного от нас времени, имеют и имели не только чисто академическое значение, и поэтому вокруг них шла острая борьба, обусловленная национальными и политическими позициями участвовавших в них лиц»³.

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 45.

² К. Маркс. *Secret diplomatic history*. London, 1899, p. 75.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 9.

Не приходится отрицать тенденциозности буржуазной зарубежной науки, пропагандирующей «норманскую» теорию, сводящую всю проблему древнейшего периода Киевской Руси к норманскому завоеванию.

Само собою разумеется, что политические успехи народов, вошедших в состав древнерусского раннефеодального государства, и прежде всего восточных славян, стали возможны только при известных условиях их внутреннего развития. Было бы нелепо думать, как это делают буржуазные историки, что объединение восточнославянских и неславянских народов под властью Киева является следствием воздействия каких-либо чисто внешних факторов, например «вражеского завоевания». Прежде чем произошло это объединение, народы нашей страны успели пережить очень многое, успели достигнуть значительных результатов в области экономики и общественных отношений.

Разнообразный инвентарь памятников этих веков свидетельствует о том, что местные жители, т. е. прежде всего поляне, хорошо знали различные отрасли ремесленного производства. В связи с ростом ремесла и возникновением ремесленных центров стоит и образование русских городов. В VII—VIII вв. у восточных славян появляются города не только типа укреплений. Б. А. Рыбаков указывает несколько путей создания русских городов: 1) разрастание поселков в связи с развитием в них разных производств, 2) превращение в города княжеских или боярских усадеб и крепостей, 3) слияние нескольких родовых поселков, расположенных гнездом. Эти города в IX—X вв. еще не отделялись резко от деревни.

Речные системы, пересекавшие восточноевропейскую равнину, с глубокой древности служили путями торговых сношений между Европой и Востоком. В VIII в. устанавливаются постоянные торговые связи с арабами, доказательством чего является огромное количество кладов арабских монет, находимых на территории СССР¹. Это свидетельствует о том, что торговля с арабами и другими восточными народами была развита на Руси в VIII—IX вв. и первой половине X в. Огромное количество араб-

¹ Т. J. Агнел. *La Suède et l'Orient*. Upsala, 1914, p. 63—89.

ских денег, которое оставалось на Руси и в Балтийских странах, не возвращаясь к арабам, показывает, что северные народы гораздо меньше покупали у арабов, чем им продавали. Со второй половины IX в. развивается торговля Руси и с Византией. Русские привозили в столицу, а также в другие города Византии меха, мед, воск, рабов. О том, что русские покупали в Константинополе, мы можем получить представление на основе ограничений, которые по договору 944 г. накладывались на русскую торговлю. По этому договору, каждый русский купец мог вывозить византийских шелковых тканей только на 50 номисм, причем вывоз наиболее дорогих сортов их вообще запрещался. Эти ткани пужны были византийскому правительству для подарков иностранным государям, для раздач высокопоставленным лицам в самой Византии, для пожертвований в византийские церкви. Но эти драгоценные ткани были очень цепимы и на севере, и Константин Порфирородный жалуется на назойливость, с которой хазары, венгры, русские и другие варварские народы требовали этих тканей в качестве познаграждения за оказанные услуги.

Как сообщают древнерусские источники, Русь рано познакомилась с византийскими шелковыми изделиями.

В русских источниках упоминаются также золото и серебро как товары, обычно вывозимые из Византии. Но в книге Эпарха сказано, что золото и серебро запрещалось вывозить из Византии¹. Поэтому под золотом и серебром следует понимать различные предметы роскоши, вывозимые из Византии, в частности золотую и серебряную парчу, поскольку ношение русскими парчи греческой работы засвидетельствовано Ибн-Фадланом. В «Повести временных лет» перечисляются некоторые другие предметы экспорта из Византии, причем Святославу приписываются слова: «от греков идет шелк, золото, вино и плоды всякого рода». Несомненно, из Византии, в частности из Херсонеса, поступали на Русь и пряности, например перец.

На пути «из варяг в греки» и возникли крупнейшие из русских городов. Наибольшее значение приобрели

¹ J. Nicole. Le livre du Préfet. Genève, 1894, p. 25.

Новгород на севере и Киев на юге, расположенные на двух концах этого великого водного пути.

Несомненно, процесс политического объединения восточнославянских племен протекал медленно и трудно. Некоторые арабские источники подчеркивают политическую раздробленность восточнославянских племен, равно как и их огромную потенциальную мощь. Так, арабский историк XI в. Аль-Бекри говорит: «Если бы славяне не были так разделены и если бы между отдельными их племенами было менее несогласия, то ни один народ в мире не в состоянии был бы им противиться»¹. Однако как ни медленно и трудно шло политическое объединение восточнославянских племен, арабский географ Джайхани все же называет три относящихся к IX в. политических образования в Восточной Европе, возглавляемых «царями»: Славю (без сомнения, земля Новгородская), Куябе (земля Киевская), Артанию (какая-то пограничная с хазарским каганатом земля).

В «Повести временных лет» также имеются сообщения, касающиеся эпохи, предшествовавшей образованию Киевского государства, когда у славянских племен были свои княжения: «княжение в полянх, а в древлех свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте»². Киевский летописец сообщает предание о полянском княжестве в известном рассказе о легендарных Кие, Щеке, Хориве и Лыбеди. У разных славянских племен эти местные князья долго продолжают сидеть на своих местах. Летописец рассказывает нам о двух братьях — Радиме и Вятке. Радим сел на Соже, а Вятка на Оке. Известен князь воляний Маджак; у древлян — Мал, неудачно сватавший Ольгу; в конце XI в. у вятичей — Ходота.

Эти предания, говорит академик Б. Д. Греков, заслуживают внимательного к себе отношения. Они свидетельствуют о самостоятельном, совершенно независимом от варягов историческом развитии. Эти предания подводят нас к объяснению другого важного факта — быстрого растворения в славянской среде появившихся с севера варягов.

¹ В. В. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, стр. 145.

² ПСРЛ, т. 1, стр. 5.

Норманисты считают, что это растворение произошло путем завоевания восточнославянских племен скандинавскими норманнами. Русские, по мнению А. Бьюри, были скандинавами Швеции, которые в количестве 100 тыс., перейдя Балтийское море, высадились в Финском заливе, поселились около Ильменского озера, основали город Новгород (Гольмгард исландских саг), затем захватили в свои руки всю торговлю Восточной Европы с Багдадом, Итилем и Константинополем, занимались торговлей и грабежом. Они принесли название «Русь» в завоеванную страну. Их естественной добычей были славяне¹.

Бьюри не смущает полное молчание византийских и даже скандинавских источников о таком выдающемся событии, как переселение 100 тыс. шведов из Скандинавии в Северное Причерноморье и завоевание ими славянских племен на огромной территории Восточной Европы. Известно, что древнейший скандинавский летописец Снорри пользовался северными песнями и сагами IX в. и исландскими летописями начала XII в., в которых упоминается о событиях на Руси, связанных с отечественной историей. Но Снорри ничего не говорит о завоевании шведами Руси, не упоминает и о Рюрике, — очевидно, ничего об этом не знает. Следовательно, ничего об этом не знали и не говорили и те древнейшие скальды, слагатели саг, известиями которых он пользовался. Но общее молчание современных и к ним близких писателей о таком выдающемся событии уже само по себе дает повод к сомнению о возможности существования такого события и даже к совершенному его отрицанию. Также удивительно молчание византийских источников. Еще Вилькен в начале XIX в. справедливо признавал совершенно невероятным, чтобы историки Византии, которая в достаточной степени считалась с Русью и ею интересовалась, не отметили такого выдающегося события, как переселение целого скандинавского народа в Северное Причерноморье и завоевание им огромной страны, которой они дали свое имя².

¹ J. B. Burgu. A history of the Eastern Roman empire from the fall of Irene. London, 1912, p. 412—413.

² H. Wilcken. Über die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. «Abhandl. d. Akad. d. Wissensch. zu Berlin», 1832, S. 74—133.

Патриарх Фотий, живший в то время, когда название «Русь» будто бы только появилось, обозначает в своей энциклике восточным епископам русских как хорошо известный народ¹. Византиец Симеон Лбгофет ничего не знает о том, что народ Ῥῶς, нападавший на греков в 860 г., получил свое имя от незадолго перед тем поработивших его шведских родов. Ни Бьюри, ни другие норманисты не могут, конечно, объяснить факта быстрого и бесследного исчезновения многочисленного скандинавского народа на Руси, не могут объяснить, почему внук Рюрика (если верить летописной родословной) носил уже чисто славянское имя — Святослав, почему языческая часть дружины Олега и Игоря при заключении договоров с греками клялась не скандинавскими, а славянскими богами, почему в сохранных «Повестях временных лет» русско-византийских договорах начала X в. Олег и Игорь пользовались славянским (русским) языком.

«Повесть временных лет» сообщает, как известно, не о завоевании, а о добровольном призвании варягов. В этом сказании советские историки видят фольклорный мотив, весьма далекое от исторической точности генеалогическое предание; они уже давно установили, что генеалогия Рюриковичей до Святослава совершенно искусственна.

Два первых поколения (Рюрик, родившийся, если верить Беляеву, около 800 г., и Игорь, убитый в 945 г.) живут на протяжении полутора столетий, а под летописным Игорем скрываются по меньшей мере два лица. «К полуторастолетней истории Рюрика и Игоря, — пишет профессор Толстов, — надо прибавить еще Мафусанлов возраст последнего и его жены Ольги в год рождения Святослава (Игорю по летописи около 67 лет, Ольге около 59)». Таким образом, пред нами, бесспорно, сознательно фальсифицированная родословная. М. Н. Тихомиров считает, что эта фальсификация была произведена летописцем в целях исторического обоснования прав династии Ярослава, ставшего киевским князем при помощи варяжских наемников. Таким образом, летописец изображает со-

¹ Τό παρὰ, πολλοῖς πολλάκις ἀρτυλούμενον καὶ εἰς ἀμείνιστα καὶ μακροφάνειαν πάντας δευτέρους ταυτοῦ τοῦτο τὸ καλούμενον τὸ Ῥῶς

бытия IX в. по образу и подобию событий XI столетия¹. С этим трудно не согласиться. Искусственная лепка касается не только генеалогии, но и событий.

Составитель «Повести временных лет» мало интересовался общественной жизнью восточного славянства. Его задачей было доказать законность той княжеской династии, которая укрепилась в Киеве, т. е. династии Ярослава, выводившей себя от Рюрика. Между тем многие норманисты, в том числе А. Васильев, автор монографии «Русский поход на Константинополь», принимают летописное известие о призвании варягов как незыблемый исторический факт. «Хронология русской летописи, — пишет Васильев, — часто ошибочна, но последовательность фактов, начиная с Рюрика, Аскольда и Дира, Олега, соответствует исторической истине, и эти факты должны быть приняты как исторические вехи в первоначальной истории русского государства². Автор даже принимает гипотезу Круше-Беляева о возможности отождествления летописного Рюрика с ютско-датским феодалом Рюриком Фрисландским³. По Васильеву, этот Рюрик родился около 800 г., начал свою военную деятельность очень поздно — в возрасте 40 лет (в 841 г.). В середине IX в. он опустошал прибрежную часть Франкского государства, южную Фрисландию, северную Францию и даже Англию; в 855 г. он потерпел неудачу в попытке захватить королевский трон Дании, временно был вассалом Карла Лысого, но затем принес клятву вечной верности Людовику Немечкому в Аахене в 873 г. Он был изгнан из Фрисландии в 867 г., и затем мы снова его видим в этой стране в 870 г. На основе случайного созвучия двух имен, не подкрепляемого никакими иными данными, кроме самой легенды о призвании, Васильев допустил возможность, что этот искатель приключений в минимально короткий срок — в три года (867—870) — основал русское государство, а затем без всякой видимой причины вернулся в Фрисландию. Автор не смущается тем, что в другом месте он считает годом основания норманского государства в Новгороде

¹ С. Толстов. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. «Вопросы истории», 1946, т. IV, стр. 122.

² А. Васильев. The russian attack on Constantinople in 860, p. 65.

³ Ibid., p. 236.

850 г. В главе «К вопросу о происхождении Киевского государства» (стр. 65—70) Васильев соглашается с теорией Шахматова, противореча тем самым самому себе, и вслед за Шахматовым приходит к выводу, что в IX в. норманнами было создано три русских государства: первое в Киеве — около 840 г., второе в Новгороде — около 850 г.; третье государство было создано Олегом, взявшим Киев и объединившим север и юг. Васильев уверен в том, что норманны Аскольд и Дир около 855 г. отправились из Новгорода на юг и без сопротивления овладели Киевом. Здесь они развили лихорадочную деятельность: за какие-нибудь 3—4 года освободили полян от платежа дани хазарам, совершили такие крупные завоевания, что о них узнал и константинопольский патриарх Фотий, а в 860 г. настолько усилились, что совершили нападение на один из самых больших городов Европы того времени. Неправдоподобие и невероятность такого построения не нуждаются в опровержении. Для Васильева нет сомнений, что русские, напавшие на Константинополь в 860 г., были «шведы, другими словами — норманны, которые, несомненно, влекли за собой известное количество славян»¹. Здесь ярко проявляется социологическая концепция автора — концепция «народа-господина», в данном случае — скандинавских норманнов, подчиняющих и «организующих» восточнославянские племена. Откуда, спросим мы, Васильеву известно, если не считать сомнительного сообщения ипатьянца Иоанна Дьякона, что нападение на Константинополь в 860 г. совершили шведы? Сообщения современника этих событий — патриарха Фотия, представляющие собой первоклассный источник, дают характеристику нападающей Руси, которая не подтверждает гипотезы автора. Русь у Фотия является народом скифским (а скифами византийцы в IX в. обычно называли славян), народом бесчисленным (*ἀνυρίδιπτον*), рабствующим (*ἐν ἀνδραπόδοις ταττομένον*) — быть может, паек на уплату дани хазарам, степным или кочевым (*νομάδικόν*).

Характеристика эта не подходит к скандинавским викингам. Конечно, никто из советских историков не отрицает, что летописные варяги были скандинавами и что они

¹ «The russian attack. . .», p. 174.

могли участвовать в нападении Руси на Константинополь в 860 г. В IX в. норманны грабили Западную Европу. Не оставляли они без внимания и Восточную Европу, выступая здесь в качестве пиратов и торговцев. Находясь в непосредственном соседстве с прильменскими славянами, норманны-скандинавы, естественно, играли в их жизни некоторую роль. Однако даже утверждение в Новгороде варяжской княжеской династии не имело большого влияния на историю восточных славян, так как в культурном отношении варяги не стояли выше славян и, попав в славянскую среду, быстро ославянились.

Васильев пытается убедить, что название «рос» впервые появляется в византийских источниках только после похода 860 г., но в то же время не может отрицать, что русские были известны в Византии раньше, что они, например в качестве императорских гвардейцев, принимали в 856 г. участие в убийстве логофета дрома Феоктиста, любимца императрицы Феодоры. Выход из затруднения он находит в бездоказательном предположении, что до 860 г. русские были известны в Византии под названием «тавроскифы», а не «росы». Говоря о широком распространении названия «Русь» в топонимике юга нашей страны, Васильев, по существу, отказывается от объяснения этого факта; он заявляет, что «решение важного, интересного и загадочного вопроса о существовании названия «Русь» в той или иной форме с незапамятных времен на юге России» превышает его силы. Между тем Васильев располагает достаточным количеством материалов, показывающих, что в IX в. название «Русь» на юге и юго-востоке нашей страны уже существовало. Нет никаких оснований считать, что этот термин не вошел в употребление раньше.

Очевидно, эту южную русь имел в виду константинопольский патриарх Фотий как в своих проповедях 860 г., так и в окружном послании 867 г., называя этот народ то *Ῥῶς*, то скифами. В летописи мы читаем: «в лето 6366 индикта 15 наченшу Михаилу царствовати начася прозывати Русская земля. О сем бо уведахом, яко при сем цари приходиша Русь на Царьград, яко же пишется в летописании гречестем, тем же отселе почнем и числа положим»¹.

¹ ПСРЛ, изд. 2-е, т. I, вып. 1, Л., 1926, стр. 17—18.

Таким образом, древний летописец считает, что название «Русь» существовало до половины IX в. и что Георгий Амартол упоминает это название до 860 г. Мы значительно лучше древнего летописца осведомлены о византийских источниках; нам известны жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, свидетельствующие о том, что уже в первой половине IX в., до 842 г., Русь нападала на Амастриду в Малой Азии и Сурож в Крыму¹.

Имеются несомненные доказательства того, что Русь была известна византийцам и арабам уже в первой половине IX в. Одно из важнейших в этом смысле свидетельств принадлежит арабскому писателю IX в. Ибн-Хордадбегу, упоминание которого о Руси представляет тем большую ценность, что оно восходит ко времени не позже 846 г. Хордадбег пишет: «Что касается русских купцов, — а они суть племя славянское — то они направляются из отдаленнейших концов Сакалаба (так называется славянская страна) к морю русскому и продают там бобровые меха и горных лисиц, а также и мечи. Царь Рума взымает десятицу с их товаров. А не то они спускаются по Танаису [Дон], реке славян, проходят через Каммодон [Итиль], столицу хазар, и властитель страны взымает с них десятицу, а оттуда они пускаются на судах по морю Джурджана [Каспийскому] и выходят на берег, где им любо. Иногда они провозят свой товар на верблюдах из города Джурджана в Багдад, и евнухи славянские служат им здесь проводниками. Они выдают себя за христиан и как такие платят поголовную подать»².

В сообщении арабского писателя есть особо важная подробность: он прямо и определенно относит русь к славянскому племени. Далее, очень важно, что известие о торговле русских купцов с Византией через Черное море восходит еще к 40-м годам IX столетия. Следовательно, Русь была известна византийцам и арабам в первой половине того же столетия.

¹ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. II. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893, стр. CXVI.

² De Goeje. Bibliotheca geographica arabicorum. T. VI, p. 115.

Норманистов, конечно, не устраивают выводы академика Васильевского, полученные на основе анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, о том, что нападение русского князя на Сурож относится к самому началу IX в. или даже к концу VIII в.

В XV томе журнала «Byzantion», выпущенном в США во время войны, была опубликована статья, вновь поднимающая вопрос, имело ли место нападение русских на Византию ранее 860 г. Йермена да Коста Луйе, ученица Грегуара, сделала доклад на эту тему на всемирном V Конгрессе византийстов в Риме в 1936 г.¹, а затем опубликовала его в «Byzantion». По мнению Грегуара, ей удалось «полностью и окончательно» опровергнуть точку зрения Васильевского. Этой статье Грегуар предпослал свое предисловие, в котором не только вполне солидаризруется с автором, но и формулирует свою точку зрения на вопрос в значительно более резкой и решительной форме. По словам Грегуара, проблемы возникновения Киевского государства вообще не существует. Восточные, византийские и западные источники, совпадая удивительным образом, намечают три этапа и три даты в истории завоевания Руси Скандинавией: 1) начало IX в. — торговые связи; 2) около 839 г. — скандинавское государство близ Новгорода под главенством правителя, который из подражания хазарскому кагану принял титул хакана; 3) период, начинающийся около 860 г., когда скандинавы основались в Киеве и оттуда произвели нападения на Константинополь. Что касается этих нападений, то из их числа было лишь два исторически достоверных: в 860 и 941 гг. Грегуар и да Коста Луйе забывают про поход 1043 г., в достоверности которого никто до сих пор не сомневался. Оба они приходят к выводу, что единственное свидетельство о древнейшем походе Руси на Византию, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить не к периоду 820—842 гг., как предполагал Васильевский, а к 941 г., т. е. отождествляют этот поход с походом Игоря. По их мнению, самая возможность такого похода в столь раннее время исключается, так как тогда не суще-

¹ «Atti del V Congresso Internazionale di Studi byzantini», «Studi byzantini e Neellenici», Rome, 1935, p. 85; «Yeut-il des invasions russes dans l'empire Byzantin avant 860», «Byzantion», t. XV, 1940—1941, p. 231—248.

ствовало никакого славянского государства в Южной Руси, способного угрожать Византии. Напротив, в то время русские были еще простыми торговцами, друзьями империи, или воинами, нанимавшимися на службу империи и жившими, вероятно, еще в Балтике¹. Поскольку этому противоречит свидетельство жития Георгия Амастридского, авторы статьи ставят задачей во что бы то ни стало опровергнуть датировку жития, установленную Васильевским. Относя житие к числу переработок Симеона Метафраста, они утверждают, что именно тогда в него и был внесен новый отрывок о нападении Руси на Амастриду, поскольку он находится в самом конце жития. Мы, прежде всего, отметим, что Грегуар и Луйе напрасно приписывают себе честь этого «открытия». Уже много лет назад Филарет Харьковский в своей «Истории русской церкви» доказывал, что русский эпизод жития Георгия Амастридского относится к походу Игоря; к таким же выводам приходил Иловайский в 1881 г. такие же взгляды развивал Гутцойт². А. Васильев вынужден был указать, что Грегуар и Луйе не привлекли никаких новых источников, не дали новых аргументов, а их «открытие» было сделано 60 лет назад³. Васильев, тем не менее, сам перешел на позиции Грегуара и Луйе. В своей новой монографии «Русское нападение на Константинополь в 860 г.» он посвятил житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского целую главу, в которой пытается подкрепить шаткую позицию Грегуара и Луйе новыми аргументами. Всякий беспристрастный исследователь, однако, легко убеждается, что ни Грегуару, ни Луйе, ни пришедшему к ним на помощь Васильеву не удалось поколебать прочно обоснованную аргументацию Васильевского, приписывающего составление жития Георгия Амастридского дьякону Игнатию, родившемуся около 770—774 гг. и умершему около половины IX в. И сам Васильев вынужден признать «поразительное сходство» в стиле произведений дьякона Игнатия и автора жития Георгия Ама-

¹ «Byzantion», t. XV, 1940—1941, p. 246.

² Von Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heiligen Georgios von Amastris und die Zeit ihrer Abfassung, «Mav. vmp. Akad. nauk», t. XXVII, СПб., 1881, стр. 333—334.

³ «The russian attack. . .», p. 70—88.

стридского, но, по его мнению, «это не дает еще окончательного доказательства авторства жития». Подкрепить свое сомнение какими-нибудь вескими доводами он не в состоянии. Он указывает только, что в принадлежности жития тому или другому автору разные мнения высказывали также Никитин и Дворник.

Между тем В. Г. Васильевский методом сопоставления цитат из жизни Георгия, несомненно, принадлежащих перу Игнатия *vita Tarasii* (ed. Heikel) и *vita Nisephori* (ed. de Boor), убедительно доказал, что все эти жития написаны одним автором, потому что стиль, манера, литературные приемы, отдельные выражения, свойственные автору Амастридского жития, весьма сходны с имеющимися в литературных трудах, подписанных именем Игнатия. В своей работе «О походе Руси на Византию ранее 842 г.» Е. Э. Липшиц новыми аргументами подкрепила положение Васильевского, что житие Георгия Амастридского принадлежит к числу произведений византийского писателя первой половины IX в. Игнатия¹. Помимо соображений Васильевского, она подтверждает это сохранившимися у Феодора Студита стихотворениями Игнатия, данными миниатюр лицевой Хлудовской псалтири. Липшиц правильно отмечает, что принципатор составления жития следует считать не Иоанна Амастридского, как полагал Васильевский, а знаменитого идейного вождя иконоборцев Иоанна Грамматика, с которым Игнатий был связан в иконоборческий период своей жизни и к которому обращены слова похвалы, завершающей житие Георгия Амастридского.

Высказанное Васильевским мнение о примиренческом отношении Игнатия к иконоборчеству на определенном этапе его жизни находит подтверждение в отысканных Е. Э. Липшиц стихотворениях Игнатия иконоборческого содержания. Е. Э. Липшиц справедливо отмечает: «Обращение к иконоборческому патрiarху Иоанну, заклеяемому всей последующей византийской историографией, как черно книжнику, еретику и чародею, содержащееся в похвале, завершающей житие Георгия Амастридского после рассказа о нападении русских на

¹ Е. Э. Л и п ш и ц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. «Ист. зап.», № 26, 1948.

Амастриду, указывает вновь на то, что житие дошло до нас в своей первоначальной форме, как это установил В. Г. Васильевский, а не в переработке конца X—начала XI в. Симеона Метафраста, как то полагают Грегуар и де Коста Луйе. Понятно было бы предполагать, чтобы весь компромиссный характер жития по вопросам иконопочитания и особенно похвала Иоанну Грамматикю* могли быть сохранены в редакции Симеона Метафраста ко времени полного торжества иконопочитания, когда самое имя Иоанна подвергалось всечеловеческим проклятиям. Именно поэтому, вероятно, это житие и было столь мало популярно, что сохранилось только в одной рукописи¹.

А это обстоятельство является решающим. Если установлено, что житие Георгия Амастридского написано дьяконом Игнатием, то все возражения Луйе и Грегуара против вывода Васильевского должны отпасть. На помощь Грегуару, однако, приходит А. Васильев с тремя новыми аргументами, которые он называет «решающими», забывая, что два из них уже были опровергнуты Васильевским.

Самым сильным аргументом против теории Васильевского Васильев считает характеристику Руси, данную в параграфе 43-м жития, как народа «хорошо известного, в высшей степени дикого и грубого». Васильев считает невероятной такую широкую известность Руси в первой половине IX в., но он не может отрицать, что русские послы в то время уже бывали в Константинополе (например, в 838/39 г.), не может отрицать и свидетельства Ибн-Хордадбега, который говорит о существовании очень широких и развитых торговых отношений русских (славянских) купцов с обеими империями Востока — христианской и магометанской — уже в первой половине IX в. Второй аргумент Васильева заключается в подчеркивании того места жития, где говорится, что русские достигли Амастриды, идя от Пропонтиды, т. е. Мраморного моря, а это, по его словам, имело место только во время похода 941 г. Но Васильевский уже разъяснил, что понятие «Пропонтида» здесь употреблено в более широком смысле: в него включается и Босфор, а потому здесь речь идет

¹ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. «Ист. зап.», № 26, 1948, стр. 331; «The russian attack...» р. 70—88.

о набеге, во время которого Русь начала свой грабеж с Босфора, при входе в Константинопольский пролив, а по том, держась берегов, достигла Амастриды¹.

Столь же мало убедительным представляется и третий аргумент А. Васильева, именно—ссылка на похвалу св. Иакинфу, составленную Никитой Пафлагонским будто бы после русского нашествия 860—861 гг., в которой дается восторженное описание благосостояния города Амастриды².

«Полное молчание «похвалы» о каком-либо предшествующем опустошении Амастриды и ее благосостоянии после 860—861 г., — пишет Васильев, — ясно показывает, что русское нападение на Амастриду, упоминаемое в житии Георгия, должно быть отнесено к позднему периоду, именно к походу Игоря 941 г.»³. Но Васильев забывает, что Никита Пафлагонский, живший в конце IX и начале X в., мог писать эту похвалу тогда, когда все последствия кратковременного набега руссов были совершенно сглажены и самый набег забыт.

Таким образом, попытка Грегуара, Луйе, Васильева опровергнуть точку зрения Васильевского отнюдь не отвечает современному состоянию науки. Нельзя не отметить при этом, что попытка эта выполнена без привлечения всей совокупности источников, без анализа проповедания Игнатия и даже с неполным использованием важнейшей литературы вопроса.

К тому же житие Георгия Амастридского отнюдь не является единственным памятником, свидетельствующим о русских нападениях на византийские владения в первой половине IX в., которые в качестве своего рода рекогносцировок неизбежно должны были предшествовать походу руссов на Константинополь в 860 г. Правда, Грегуар и Васильев отрицают значение жития Стефана Сурожского как исторического источника. Ссылаясь на то, что житие Стефана Сурожского сохранилось только в славянском переводе очень поздней даты и является проповеданием русского книжника XV в., Васильев высказы-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, СПб., 1915, стр. СХХХII.

² «Nicetae Paphlagonis in laudem sancti Hyacinthi Amastrensis», ed. Migne, PG, t. 105, col. 421.

³ «The russian attack. . .», p. 88.

вает сомнение, чтобы оно восходило к греческому оригиналу, и приходит к выводу, что «как исторический источник житие Стефана Сурожского должно быть исключено. Его текст может иметь значение только как памятник древней русской литературы»¹.

Грегуар считает почему-то житие Стефана только «позднейшим подражанием житию Георгия Амастридского» и также отрицает всякое его историческое значение. Но их утверждения бездоказательны. Конечно, житие Стефана Сурожского, как это признавал и Васильевский, менее надежный источник, чем житие Георгия Амастридского. Но если сличать оба параллельных жизнеописания — краткое греческое синаксария (по халкинской рукописи № 75) с полным русским, то мы в состоянии воспроизвести, как это доказал Вестберг, первоначальное, подлинное греческое житие святого. Для этого нужно положить в основание греческий синаксарий и дополнить его сведениями из русского жития. Сюда относятся выселение Стефана в Константинополь в «лето» царя Феодосия и патриарха Германа, пребывание его в Константинополе, подвижничество в монастырском уединении, обстоятельства воцарения Льва, столкновение с патриархом Германом и возведение на патриарший престол сирийца Анастасия, истязание духовных лиц, некоторые подробности обличения царя Стефаном, § 28-й жития, где говорится о том, что Константин V отпустил Стефана в Сурож, о его епископской деятельности там и, наконец, сказание о чудесах. При таком сопоставлении биография святого производит впечатление цельности и связности и не противоречит в общем действительному ходу вещей. Поэтому нет основательной причины опровергать содержание жизнеописания Стефана; с еще большей решительностью следует признать рассказ о чудесах подлинной составной частью первоначального жития². Только благодаря первоначальному греческому источнику русский писатель XV в. не сделал промаха в наименовании храма, в котором хранились останки Стефана, и правильно назвал его храмом св. Софии.

¹ «The russian attack...», p. 83.

² Ф. Вестберг. О житии св. Стефана Сурожского. «Византийский вестник», т. XIV, вып. 2—3, 1907, стр. 233.

Из описания первого чуда мы узнаем, что Стефан назначил своим преемником Филарета, который действительно выступает в качестве епископа в сказании о третьем чуде. Как доказал Васильевский, он был современником Федора Студита¹. Это историческое лицо также не мог выдумать русский книжник XV в. В отрывке о втором чуде говорится о христианском князе Юрии Тархане, ученике Стефана. Хазарский титул «тархан» указывает на политическую подчиненность Стефана хазарам, что соответствует исторической обстановке в Крыму в VIII в. Епископ Стефан умер в правление Юрия Тархана. В 787 г. он был еще в живых, так как его имя постоянно отмечается в актах второго Никейского собора.

Поэтому Вестберг вполне прав, признавая за житием Стефана значение важного исторического документа по истории древней Руси и Таврического полуострова в первой четверти IX в. «Если иметь в виду знание лиц и событий автором жития с одной стороны и свежесть специальных, не известных из других источников, известий, то следует полагать, что первоначальная греческая биография нашего святого не могла быть написана многим позднее середины IX в.»²

Конечно, Грегуару и Васильеву гораздо легче отбросить исторический документ, объявив его позднейшей фальсификацией, чем заниматься неблагодарным и трудным делом его научного анализа и выяснения его историчности. Попутно мы должны отметить, что Луйе и Васильев в своих работах не позаботились даже точно изложить содержание жития Стефана. Так, Луйе пишет, что нападение Бравалина на Сурож, по житию, произошло много лет спустя после смерти святого³, тогда как в тексте документа сказано наоборот: «мало лет минуо»⁴. К удивлению нашему, точность цитирования и изложения изменяет на этот раз и Васильеву. Так, он пишет, что Стефан Сурожский претерпел мученическую смерть

¹ *Epistolae Theodori Studiti*, lib. II, § 164; ed. Migne, PG, t. 99, col. 152.

² Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 236.

³ «Byzantion», t. XV, 1940—1941, p. 238—248.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 95.

при Константине V¹. Между тем и в кратком греческом и в полном русском житии говорится, что Стефан Сурожский был отпущен Константином V в Сурож, где и умер естественной смертью. Мы знаем, что в 787 г. он в качестве сурожского епископа участвовал во втором Никейском соборе. При такой небрежности в изложении содержания памятника, конечно, легко можно доказать его неисторичность.

Утверждая, что в половине IX в. норманские викинги уже сделались господами Черного моря, Васильев в то же время со странной непоследовательностью хочет нас уверить, что первым объектом нападения на византийские владения русские избрали византийскую столицу². Он забывает недвусмысленные указания византийских источников, что нападению на столицу предшествовали опустошения и грабежи русских на всем Черноморском побережье. Так, у Скилицы-Кедрина мы читаем: «на все, находящееся внутри Эвксинского пошта, и на все его побережье нападал русский флот (народ же рос — скифский, живущий у северного Тавра, дикий и грубый), и на самый царствующий град навлекли они страшную опасность»³.

К каким недопустимым натяжкам прибегает Васильев в своей аргументации, свидетельствует его утверждение, что полный греческий оригинал жития Стефана Сурожского мог никогда не существовать⁴, хотя сохранившееся краткое греческое житие, изданное Васильевским, и данные минология Василия II, независимо от сохранившегося славянского текста, с несомненностью устанавливают наличие такого полного греческого оригинала⁵. Далее, автор пытается нас уверить, что только в 941 г. была ситуация, отображенная в житии Георгия Амастридского, следовательно, только тогда русские сначала проникли в Пропонтиду, т. е. Мраморное море, а затем, покинув Пропонтиду, достигли Амастриды. «Мы, — пишет Васильев, — имеем абсолютно точное пред-

¹ «The russian attack...», p. 81.

² Ibid., p. 66.

³ Georgii Cedreni, ed. Bonn, t. II, p. 173; Theophani Continuati, ed. Migne, PG, t. 109, col. 210.

⁴ «The russian attack...», p. 81.

⁵ В. Г. Васильевский, Труды, т. III, стр. 72—76.

ставление об объеме русских операций в 941 г.: от Никомидии, другими словами от Пропонтиды и Мраморного моря, на юге до Пафлагонии на севере. Это меня абсолютно убеждает, что история, рассказанная в житии Георгия Амастридского, имеет дело с экспедицией Игоря»¹. Однако все византийские источники (Симеон Логофет, продолжатель Феофана, житие Василия Нового) сообщают, что флот Игоря не проник в Мраморное море, а у самого входа в Босфор (ἐπεὶ δὲ πλησίον τοῦ ἐν τῷ εὐερίνῳ πόντῳ φάρου ἐλέγοντο, ἐν τῷ ἁερῷ λεγομένῳ) встретил византийский флот и потерпел поражение; множество моноksilov было истреблено греческим огнем². Остатки русской флотилии устремились к побережью Вифинии, откуда отдельные отряды русских производили набеги вглубь страны. Точное определение опустошенной ими территории дает только житие Василия Нового³.

В житии рассказывается, что после того, как в Иероне русским был прегражден путь в пролив, они высаживались отдельными отрядами на азиатском берегу Босфора и проникали вглубь страны до Ираклии Понтийской и до Пафлагонской фемы. Но внутри этой фемы, до Амастриды, они все-таки не проникли, так как конечным пунктом опустошения морского побережья показана Ираклия Понтийская. В житии сказано: «Они пробрались до Ривы, простирая набеги до Понтийской Ираклии и Пафлагонии, пройдя всю Никомидийскую область» (ἐφ' ἧσαν δὲ μέχρι πόντου Ἰρακλίης καὶ Παφλαγονίας, ἅπασαν δὲ τὴν στρατηγίαν Νικομηδείας διελθόντες).

Таким образом, источники убеждают нас, что в 941 г. русские, во-первых, не проникли в Пропонтиду, если под ней подразумевать Мраморное море, как в этом пытается нас уверить Васильев, а во-вторых, не могли достигнуть и Амастриды. В связи с этим рушатся и все построения Грегуара и Коста Луйе и поддерживающего их Васильева. И если Васильев во введении к своей книге жалуется на «волну гиперкритицизма, охватившего умы многих выдающихся западных ученых», то его самого с пол-

¹ «The russian attack. . .», p. 82.

² Pseudo-Symeoni magistri, ed. Migne, PG, t. 109, coll. 442—443.

³ А. Веселовский. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. ЖМНП, ч. 261, 1889, стр. 83—89.

ным правом можно упрекнуть в необоснованном гиперкритицизме по отношению к житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Таким образом, можно не сомневаться, что русское княжество уже существовало в первой половине IX в., по об истории этого княжества сохранились лишь неясные и отрывочные сведения в греческой и русской летописях. Одним из доказательств этого являются известия латинской хроники, записавшей под 838 г. о византийском посольстве императора Феофила, прибывшего в Ингельгейм к императору Людовику Благочестивому. Между прочим Феофил просил Людовика оказать благосклонное внимание и дать свободный пропуск через свои владения русским (Rhos). Просьба эта была объяснена тем, что путь из их земли в Константинополь оказался занят варварскими и чрезвычайно жестокими племенами и представлял бы для них серьезную опасность, если бы они держали обратный путь через те же земли. После исследования этнической принадлежности этих племен Людовик узнал, что они из рода шведов¹.

Русскому князю легко могла прийти в голову мысль отправить посольство в Константинополь. Богатство империи было широко известно и в Западной Европе и в Северном Причерноморье. Посылать в Константинополь посольство ради дружбы (*ἡγά φιλίας*), на самом деле — для получения подарков, было в обычае варварских народов. О жадности к подаркам хазар, угров, руси свидетельствуют все византийские писатели. Шведов русский князь послал потому, что они состояли при нем дружинниками и были известны как люди опытные в дипломатических переговорах.

Естественно возникает вопрос: откуда русские послы пришли в Константинополь? У Пруденция мы узнаем, что правитель русских именовался каганом. Хорошо известно, что каганом назывался правитель хазар, которые в VII—IX вв. играли крупную роль в истории Восточной Европы и в течение определенного времени подчиняли себе также Среднее Поднепровье. Было высказано даже предположение, что находившиеся в 839 г. в Константи-

¹ «Annales Bertiniani in usum scholarum», Hannoveri, 1883, p. 19—20.

нополе и Ингельгейме русские были послами хазарского кагана и его подданными. Но у того же Пруденция мы читаем, что послы не могли возвратиться на родину прежним путем, так как этот путь был занят варварским и жестоким народом. Очевидно, владения их князя находились на значительном расстоянии от берегов Черного моря. Без сомнения, они не были хазарскими, так как в IX в. Хазария во многих местах граничила с черноморским побережьем и для послов хазарского кагана возвращение не представляло бы никаких трудностей. В IX в. отношения между Византией и хазарским каганатом были дружественными. Византиец едва ли называл бы хазар «варварским и свирепым народом».

Народом, помешавшим возвращению русских послов, могли быть только мадьяры, которые в то время уже проникли в южнорусские степи и в своем движении на запад пересекли Днепр¹. Поэтому наиболее вероятно предположение, что это были послы из русского княжества на Среднем Днепре с главным центром в Киеве. Применение русскими писателями титула кагана в отношении русских князей является пережитком хазарского влияния в русской терминологии. Так, в XI в. митрополит Иларион в «Похвале князю Владимиру» называет его «великим каганом нашей страны»². Из слов Пруденция мы можем заключить, что отношение Феофила к русским послам было благожелательным, так как он просил Людовика способствовать их возвращению кружным путем. Но посольство Руси в 838 г. не оставило следа в византийских источниках.

Обычно считается, что в наших источниках нет сведений о русско-византийских отношениях между 839 и 860 г. Но житие Георгия Амастридского, так же как соображения продолжателя Феофана и Скилицы-Недрина, свидетельствует о набегах руси на византийские приморские города на Черном море. Продолжались и торговые сношения. Иначе нельзя объяснить то хорошее знание

¹ К. Я. Грот. Моравия и мадьяры с половины IX в. до начала X в. СПб., 1881, стр. 232—233; A. Vasiliev. The goths in the Crimea. Cambridge, 1936, p. 112—113; I. B. Burg. Op. cit., p. 423—425.

² «Похвала князю Владимиру» в кн.: Макарий. История русской церкви. Т. I. Изд. 2-е, стр. 132.

обстановки в Византии, которое проявили русские, напав на Константинополь в 860 г., — они выбрали момент, когда византийская столица была наименее защищена. В русской летописи очень скудные известия об отношениях между русскими и византийцами сохранились лишь в легендарной истории об основании Киева тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом. Легенда рассказывает, что Кий побывал в Царьграде и был принят императором с честью. Эта легенда может отражать действительный факт сношений киевских князей с Византией до 860 г.

Нападение Руси на Константинополь, естественно, отражено главным образом в византийских источниках. Об этом событии свидетельствуют, прежде всего, два современника — патриарх Фотий и Никита Пафлагонский. Патриарх Фотий не только современник, но и очевидец нападения, о котором он говорит в двух речах¹. Первая проповедь была произнесена Фотием в Софийском соборе во время самого нападения, т. е. во второй половине июня 860 г., вторая — после снятия осады.

Церковные проповеди Фотия, конечно, являются специфическим источником, который стремится представить русское нападение как божью кару народу, сбившемуся с пути истины, но они все же первоклассный и достоверный источник, хорошо показывающий ожесточение русских и масштаб разрушений, которым подверглись окрестности византийской столицы. Очень важным источником, также вышедшим из-под пера Фотия и имеющим отношение к походу 860 г., является его циркулярное письмо, посланное восточным патриархам весной или летом 867 г. В нем дана характеристика русских и сообщается об их крещении².

Второй современный событию источник — труд Никиты Пафлагонского, умершего в конце IX в.³ В житии патриарха Игнатия, написанном им около 880 г., во всяком случае после смерти Игнатия в октябре 877 г., он дважды

¹ A. N a u s k. *Lexicon Vindobonense. Photii in Russorum incursionem homilia. I.* Petropoli, 1867, p. 201—215; M ü l l e r. *Fragmenta historicorum graecorum. T. V, 1.* Paris, 1870, p. 162—173.

² V. G r u m e l. *Les registres des actes du patriarchat de Constantinople. Vol. II, p. 88—90; ed. Migne, PG, t. 102, coll. 736—737.*

³ H. K r u m b a c h e r. *Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 167—168.*

упоминает о русском нападении на Прищевы острова, где в то время Игнатий жил в ссылке на одном из малых островов — Теревинфе. Никита сообщает, что русские из Черного моря через Босфорский пролив проникли в Мраморное море, где паходятся Прищевы острова¹.

В другом своем произведении — похвале св. Иакинфу Амастридскому — Никита Пафлагонский также дает важные сведения о русских и их оживленной торговле на Черном море, подтверждая тем самым сведения Ибн-Хордадбега. Он сообщает, что «скифы с северных берегов Черного моря приходят в Амастриду вести торговые дела»².

Византийские хроникеры X века, упоминающие о русском нападении на Константинополь в 860 г., могут быть разделены на две группы. Первая представлена так называемыми продолжателями Феофана. Вторая группа может быть обозначена как группа Симеона Логофета, в которую входит значительное количество его переписчиков, эпитоматоров и редакторов.

Наиболее надежные сведения, к сожалению слишком краткие, принадлежат продолжателям Феофана. Из этого источника мы узнаем, что русские опустошали побережье Черного моря, а затем напали на Константинополь и окружили его, что император был в отсутствии — в войне с арабами, что Фотий своими молитвами умилиствовал бога (τὸ θεῶν ἐξιλάσασθαι) и русские ушли домой (οἱ αὖτε ἐκπορεύοντο). Вскоре после этого русское посольство пришло в Константинополь и просило о крещении Руси, что и произошло (ὁ καὶ γέγονε)³. Это известие совпадает с показанием патриарха Фотия. Здесь нет чудесного вмешательства богоматери, и потому известие это должно быть признано наиболее надежным.

Вторая группа источников представлена Львом Грамматиком, Феодосием Мелитенским, анонимным продолжателем Георгия Амартола и так называемым Симеоном

¹ Nicetae Paphlagonis. Vita sancti Ignatii. Ed. Migne, PG, t. 105, coll. 50—57; J. Pargoire. Les monastères de Constantinople. «Иав. Русск. археол. ин-та в Константинополе», т. VIII, стр. 58.

² Nicetae Paphlagonis. Oratio XIX in laudem Hincithi. Ed. Migne, PG, t. 15, col. 421.

³ Theophani Continuati, ed. Bonn, p. 141.

магистром. Но их сообщения, как сказано, не являются оригинальными источниками, так как они черпали свой материал из хроник Симеона Логофета, полный оригинальный текст которой еще не опубликован, но очень хорошо известен по многочисленным напечатанным отрывкам и по двум рукописям (Paris. 854, и Vatican. 1807). Хроника Симеона Логофета уцелела также в старославянской версии, опубликованной В. Срезневским в 1905 г.¹

Относящиеся к этой группе византийские источники рассказывают, как русские на 200 кораблях вошли в Босфор (ἔνδθεν τοῦ Ἰερού), опустошили побережье и окружили столицу. Император, уведомленный о вторжении, от Черной реки возвратился в столицу. Все эти источники вводят в рассказ чудесный элемент, сообщая, что император и Фотий взяли из Влахернской церкви «чудесный покров богородицы», принесли его в торжественной процессии к морскому берегу и опустили в воду. Едва покров был опущен в спокойное море, поднялась сильная буря, разбросала русские суда, и, потерпев крушение, с тяжелыми потерями русские вернулись домой².

Из источников XI в. важное значение имеет опубликованная бельгийцем Кюмоном краткая анонимная византийская хроника, содержащая точную дату (год, месяц, число и день) русского нападения — 18 июня 860 г. Из короткого сообщения этой хроники мы узнаем, что русские пришли на 200 судах, но благодаря заступничеству богородицы были побеждены и разбиты³.

Скилица-Кедрия и Зонара упоминают об опустошении русскими побережья Черного моря и о нападении их

¹ В. Васильевский. Хроника Логофета на славянском и греческом. «Византийский временник», т. II, 1895, стр. 78—144; Г. Острогорский. Славянская версия хроники Симеона Логофета; «Seminarium Kondakovianum», т. V, Прага, 1932, стр. 17—36; «Хроника Симеона Логофета с дополнениями», изд. В. Срезневского, СПб., 1905.

² Leo Grammaticus, ed. Bonn, p. 240—241; «Theodosii Meliteni chronographia», «Monumenta secularia», III, classe I, p. 169; Georgii Hamartoli Continuator, ed. Muralt, 1859, t. I, p. 796—797; Pseudo-Symeon, ed. Bonn, p. 674.

³ «Anecdota Bruxellensia». Chroniques byzantines du manuscrit 11370. Par F. Cumont. 1894. Recueil des travaux publiés par la Faculté de Philosophie et des lettres, fasc. 9, p. 33.

на столицу. Они называют нападающих скифским народом, живущим вблизи северного Тавра (περὶ τὸν ἀρκτῶν Τάυρον), т. е. Крыма, воспроизводя обычное у византийцев для русских название «тавроскифы». Скилица-Кедрич и Зонара говорят о небесном вмешательстве как причине русского отступления, не определяя его точно. Сообщение Скилицы-Кедрина очень близко к тексту продолжателя Феофана.

Из русских источников рассказ Лаврентьевской летописи основывается целиком на известиях продолжателя Георгия Амартола. В лаврентьевском тексте говорится о нападении на Константинополь в двух местах: под годами 6360 (852) и 6374 (866). В первом имеется только короткое упоминание, что при Михаиле III русские двинулись на Константинополь, «как написано в греческих летописях». Во втором дан более подробный рассказ о бедственном окончании, вследствие морской бури, русского похода, но внесено важное дополнение — имена двух русских вождей — Аскольда и Дира. Ипатьевский текст дословно воспроизводит лаврентьевский ¹.

Первая лсковская летопись сообщает коротко под 866 г., что Аскольд, получивший разрешение от Рюрика идти в Царьград, двинулся туда из Киева с 200 судов и произвел там много опустошений. Но море потопило русские суда, так что только немногие из них вернулись ². Никоновская летопись, представляющая компиляцию XVI в. из древних русских летописей, воспроизводит обычный рассказ из группы хроник, примыкающих к хронике Симеона Логофета; она является единственной из русских летописей, в которой имеется сообщение, что русские до похода знали о нападении арабов на территорию византийской империи. В ней сказано также, что Михаила в поход против арабов сопровождал его новый фаворит Василий ³.

Кроме византийских и славянских источников, есть еще латинский источник: *Chronicon Venetum*, составленный Иоанном Дьяконом, капелланом венецианского дожа

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 17.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 174.

³ ПСРЛ, т. IX, стр. 7; А. Попов, Обзорение русских хронографов. М., 1866, стр. 169—170.

Пьетро Орсеоло II (991—1008), излагающий историю Венеции от ее начала до 1008 г.¹ Как известно, между византийскими и славянскими известиями о походе и сообщении Иоанна Дьякона существуют расхождения. Иоанн Дьякон называет участников похода норманнами, а не русскими, говорит о 360 кораблях, а не 200 и, наконец, заканчивает свое сообщение словами: «указанный народ с триумфом возвратился домой», тогда как византийские и славянские источники говорят о неудаче Руси.

Это расхождение Васильев объясняет тем, что греческие и русские источники, с одной стороны, и Иоанн — с другой, говорят о разных событиях: первые сообщают о норманском нападении на Константинополь с севера в 860 г., а Иоанн Дьякон описывает норманский набег на Византию в 861 г. со стороны Средиземного моря. Но обосновать свою гипотезу вескими аргументами Васильеву не удается. Он сам признает, что норманские викинги Гастингс и Бьёрн, опустошавшие Италию и побережье Средиземного моря, вернулись домой в 860 г., что «Сахо Grammaticus, упоминающий о набеге викингов с юга на Грецию, очень ненадежный источник, особенно в первых девяти книгах своей компиляции»², а самое главное — византийские источники, обстоятельно рассказывающие о набеге в 861 г. небольшого критского флота — в 30—40 судов — на Циклады и Дарданеллы, ни одним словом не упоминают о проникновении с юга могущественного норманского флота через Дарданеллы и об опустошении им предместьев Константинополя.

Как мы видим, источники не указывают, откуда русские напали на Константинополь — из Крыма, Тамани или из Кюева. Известный историк русской церкви Голубинский, а также Полонская и Пархоменко, основываясь на показаниях некоторых арабских писателей и различных второстепенных соображениях (наименование Черного моря «русским»), доказывают, что под русскими, нападавшими на Константинополь, должны подразумеваться руссы

¹ «Chronicon Venetum», ed. Pertz; «Monumenta Germaniae historica Scriptores», t. VII, 1846, p. 4—38; ed. Nigae, PL, t. 139, coll. 875—940.

² «The russian attack...», p. 40.

азовско-черноморские или азовско-крымские¹. Васильевский также не нашел другого выхода, как отождествить русских IX в., нападавших на Амастриду, Сурож и Константинополь, с тавроскифами, а этих последних с готами, готаланами и валанготами². По его мнению, и русские письмены, найденные Константином Философом в Крыму, были не чем иным, как переводом евангелия и псалтири Ульфилы. Но невозможно допустить, что поход 860 г. был предпринят с Таврического или Таманского полуострова. Можно согласиться с Васильевым, что поход 860 г. был не простым набегом, а предпринятием сравнительно крупного масштаба. Организация такого военного предприятия требовала подготовки и времени и не могла быть проведена в Тавриде и ее окрестностях, тайно от византийского правительства: Византия в IX в. сохранила в Тавриде такие наблюдательные базы, как Херсонес и Климаты³.

В восточной части Тавриды в IX в. преобладали хазары, с которыми империя в то время имела дружественные отношения. Что касается крымских готом с их центром в Дори, то они были так малочисленны, что зависели то от Византии, то от хазар и не могли играть активную роль в политике. Решительный удар предположению о том, что на Византию напала азовско-черноморская русь, наносит и патриарх Фотий, который говорит, что «напавшие на нас были от нас отделены столькими странами и народоправствами, судоходными реками и лишенными пристанищ морями»⁴. Таким образом, русские, напавшие на Константинополь, находились в отдалении от моря и не могли быть азовско-черноморской русью. Наконец, мы не должны забывать энциклику патриарха Фотия, в которой ясно сказано, что нападению на Константинополь предшествовал уже далеко зашедший вперед процесс объединения восточнославянских племен вокруг русского

¹ Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I. М., 1901, стр. 42.

² В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. 2. Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893, стр. ССХСIII—СССІ.

³ J. B. Burg. Op. cit., p. 416—417; A. Vasiliev. The goths in the Crimea, p. 108.

⁴ A. Nauck. Op. cit., p. 208.

государства. В своей энциклике, единственном из византийских источников, Фотий говорит о мотивах, побудивших русских предпринять поход на Константинополь. Он пишет: «поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю»¹. В. В. Мавродин ошибочно приписывает Фотию сообщение, что русские совершили свой поход на Византию в отместку за то, что ромеи истребили их соотечественников. Такого известия у Фотия нет. Перевод Порфирия Успенского, где дано это известие, давно признан ошибочным. Таким образом, та объединительная и завоевательная активность, которая нашей летописью приписывается Олегу, в значительной степени осуществлялась уже перед походом 860 г. Сообщение Масуди «о многих обитаемых странах», подвластных Диру, и свидетельство Фотия, что Русь еще перед походом 860 г. «подчинила своих соседей», подтверждают известия поздних русских летописей о войнах Аскольда и Дира с соседними племенами и об их попытках распространить свою власть и наложить на них дань.

Если отпадает предположение о таврической и азовско-черноморской руси, то остается признать, что нападение на Константинополь было предпринято киевской русью. Сохранившееся в русской летописи сообщение о том, что русские вожди Аскольд и Дир совершили поход на Константинополь, не может быть совершенно игнорируемо. Оно не может быть чистым измышлением летописца и должно отражать действительный факт. В сказаниях нашей летописи об Аскольде и Дире много недостоверного. Уже давно было обращено внимание на неправдоподобность версии о том, что Аскольд и Дир — бояре Рюрика, захватившие ничей фактически Киев и убитые, как узурпаторы, Олегом. Еще С. М. Соловьев пришел к правильному выводу, что само предание, будто Аскольд и Дир были членами Рюриковой дружины, могло возникнуть только вследствие желания обосновать право Рюрикова рода на Киев². Странными кажутся обстоятельства гибели Аскольда и Дира. Надо полагать, что

¹ Ed. Migne, PG, t. 102, coll. 736—737.

² С. М. Соловьев. История России. Т. I. М., 1883, стр. 100.

Аскольд и Дир, хотя летописный рассказ упорно связывает их имена друг с другом, правили не одновременно. Иначе, чем объяснить, что убитые одновременно князья оказались похороненными в разных местах. Но отрицать их реальное существование трудно, так как память о княжении Аскольда и его могиле была жива в Киеве еще во время летописца. О Дире говорит Масуди в своих «Золотых лучах». Он пишет: «первый из славянских царей есть царь Дир. Он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в его столицу с разными товарами»¹. Васильев считает, что арабская фраза: «первый из славянских царей есть аль-Дир» может быть прочитана: «первый из славянских царей был аль-Дир». И так как Масуди говорит о Дире как о первом (по времени) царе, то можно думать, что он относит его ко времени, предшествующему его собственному.

Переходя к истории самого похода и устанавливая, что русское нападение на Константинополь может считаться предприятием среднего масштаба среди походов викингов IX в., Васильев отрицает возможность того, что русские совершили свой поход на однодеревках. Он говорит, что греческие историки, сообщаящие об этом походе, нигде не называют русские суда *monoxyla* и «норманские викинги IX в. никогда не рассматривали однодеревки как суда, могущие переплыть Черное море и пригодные к нападению на Константинополь». По его мнению, в знаменитой девятой главе трактата Константина Порфирородного «*De administrando imperio*», где имеется упоминание об этих однодеревках, говорится, что их заменяли в Киеве новыми, гораздо большими судами, которые и двигались на юг². Но в девятой главе нигде не сказано о замене в Киеве однодеревек новыми, большими судами, на которых якобы только и могли плыть прословутые викинги. Наоборот, в ней сказано совершенно ясно о продолжении пути из Киева на юг на однодеревках: «Кривичи, лутичи и остальные славяне на своих возвышенностях вырубают в зимнее время однодеревки,

¹ Masoudi. Les Prairies d'Or. T. III. Ed. Barbier de Meynard, Paris, 1884.

² «The russian attack. . .», p. 190.

налаживают их ко времени вскрытия и, когда пройдет лед, гонят их в ближайшие озера, а оттуда по Днепру в Киев, если озера соединяются с Днепром. Там продают свои суда русским, а эти покупают и снабжают лодки пещами, скамьями и другими принадлежностями, взятыми из старых судов. Затем в месяце июне спускаются по Днепру до города Витичева, который подвластен русским. Там они останавливаются на два или на три дня, пока соберутся все однодеревки, а когда соберутся, то спускаются дальше по Днепру»¹.

Таким образом, в X в. русские не боялись проникать в Черное море и в Константинополь на однодеревках. То же, очевидно, они делали и в IX в., не нуждаясь в судах викинггов. Разумеется, размеры однодеревок были различны — от маленького челна до крупных ладей.

Некоторые исследователи пришли к заключению, что древние ладьи киевлян были похожи на казацкие челны Запорожской Сечи, описанные военным инженером Бопланом, находившимся на польской службе. Однако ладьи IX—XI вв. были меньше позднейших казацких челнов. Это объяснялось необходимостью прохождения порогов, в чем не нуждались запорожцы. Эти ладьи использовались одинаково и для торговых целей и для военных походов. Суда, участвовавшие в походе Игоря в 941 г. и в последнем походе киевской руси на Константинополь в 1043 г., византийские авторы, так же как Константин Порфирородный, называют однодеревками.

Момент для нападения был выбран очень удачно. Несомненно, перед походом русские были прекрасно осведомлены об общем положении империи, которое было весьма тяжелым. Это был период, когда византийский феодализм после победы иконопочитания окончательно принял черты феодализма реакционного, тормозящего развитие производительных сил. Достаточно вспомнить свирепую расправу с павликианами. Характерно, что именно поэтому буржуазная наука возвычивает теперь правление Михаила III.

Васильев, как и Грегуар, поднимает на щит личность Михаила III. Известно, что Михаил III, которому в момент русского нападения едва исполнилось двадцать лет,

¹ «De administrando imperio», ed. Bonn, cap. IX.

всю свою созпательную жизнь был орудием в руках сначала кесаря Варды, а затем Василия Македонянина, от руки которого и погиб. Тем не менее, с усердием, достойным лучшего применения, Васильев следует за Грегуаром в восхвалении мифических подвигов Михаила III и ставит своей задачей доказать, что его военные успехи и победы над русскими оставили глубокие следы в народной памяти, в частности в так называемом «Откровении Мефодия Патарского». «Я абсолютно уверен, — пишет Васильев, — что «Откровение Мефодия Патарского» имеет в виду Михаила III и может служить новым средством реабилитации блестящих военных успехов незаслуженно припущенного императора, на защиту которого выступил так блестяще Грегуар»¹. Однако греческие рукописи «Откровения» не дают имени императора-освободителя, а если в русских интерполированных версиях это имя и названо, — говорится, например, что в момент опасности императора Михаила не было в Константинополе и ангел принес его из Рима, — и если в этом легендарном сказании искать намека на историческую реальность, то всего естественнее под этим именем подразумевать Михаила Палеолога, освободившего Константинополь от ига латинян в 1261 г.²

Тяжелым было и внешнеполитическое положение империи, которая в IX веке непрерывно вела тяжелую борьбу с арабами в Сицилии и с крптскими ппратами в Эгейском море, причем эта борьба складывалась весьма неудачно для империи ромеев и на суше и на море.

Так, летом 858 г. византийский флот потерпел поражение в бою с арабами у берегов Апулии. В самом начале 859 г. почти неприступная византийская крепость Кастро-дживанни была захвачена арабами в Сицилии. Сильный византийский флот в 300 кораблей, посланный в Сицилию для восстановления положения, в том же году снова потерпел поражение и потерял 100 судов. В 860 г. византийские сухопутные войска были разбиты у Чефалу и бесславно отступили в Сиракузы. В то же время Византия должна была вести постоянную борьбу с крптскими пп-

¹ «The russian attack. . .», p. 159.

² ЖМНП, ч. 179, май 1875; А. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды. Т. II.

ратами, которые опустошали побережье Эгейского моря. Вследствие этого византийский флот был направлен из Константинополя в южные моря, и в 860 г. Константинополь лишен был всякой защиты с моря.

На суше, в Малой Азии, империя еще не вполне оправилась от поражений, нанесенных ей в 838 г. под Аякирой и Аморием. Религиозная нетерпимость, превратившая павликиан из подданных империи в ее ожесточенных врагов, влекла новые, весьма серьезные опасности. Поэтому восточная граница попрежнему привлекала внимание византийского правительства. В 859 г. молодой Михаил III и его дядя Варда вели военные действия в Малой Азии и дошли до Самосаты. В том же году был совершен обмен пленными, но летом 860 г. Михаил III и Варда снова были уже в Малой Азии — в походе, вызванном захватом арабами важной пограничной крепости Лулу. Столица была оставлена на попечение городского епарха Орифы. Войска, стоявшие в окрестностях столицы, ушли с императором в Малую Азию. Самую столицу ограждали грозные укрепления, но густо населенные окрестности ее были совершенно беззащитны от вражеского нападения¹. Когда император достиг Мавропотамона (Черной реки), из столицы пришли грозные вести. Орифа сообщал императору, что русские вошли в Босфор и Мраморное море, предавая все огню и мечу. В научной литературе существуют разногласия относительно локализации этой Черной реки. Грегуар отождествляет *μέλις ποταμός* с притоком Сангария, к западу от Никомидии². Васильев считает, что это река Кара-су, приток Галиса, к северу от горы Аргея в Каппадокии³. Мнение Васильева следует предпочесть, так как Фотий в своей первой проповеди говорит: «Где император христолюбивый? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы? Не других ли варваров пашествие удалило и привлекло к себе все это. Император переносит продолжительные труды за пределами империи». Фотий не мог бы так говорить, если бы император находился в окрестностях Никомидии.

¹ J. B. Bury. Op. cit., p. 419.

² A. Vasiliev. Byzance et les arabes. T. I, p. 169, n. 2.

³ А. А. Васильев. Византия и арабы. СПб., 1900, стр. 155.

Нападение русских было совершенно неожиданным для византийского правительства. По характеристике Фотия, оно напоминало «удар грома». Интересно сообщение Никеоновской летописи, что киевские князья Аскольд и Дир знали об арабском нападении на Византию с востока и, едва получив эту информацию, предприняли поход. Эту информацию они могли получить от русских, или тавроскифов, служивших в императорской гвардии, а также от русских торговцев, бывавших в Тавриде или в других византийских владениях. Патриарх Фотий в своей первой проповеди картинно описывает опустошения, произведенные русскими в окрестностях столицы, и панику, которой охвачено было население столицы. Русские не только разорили монастыри и предместья по берегам Босфора, но, избивая население, проникли в Мраморное море и обрушились на Принцевы острова, где в то время жил в ссылке патриарх Игнатий. Составитель его жития Никита Пафлагонский так описывает это нападение: «В это время кровопийственный народ скифов, так называемые русские, прибыв по Черному морю в Стену (т. е. Босфор) и разграбив все селения и монастыри, опустошил и близко лежащие к Константинополю острова, расхитив все сосуды и имущество, и предавал смерти взятых в плен людей. С варварской жадностью и яростью устремившись на патриаршие монастыри, они захватили все их достояние; двадцать два верных служителя их были изрублены мечами»¹.

Мы знаем, что в феврале 860 г. византийские власти разрешили Игнатию возвратиться на остров Теревинф из Митилены. До основания Игнатием в 873 г. монастыря Сотира на противоположном берегу Малой Азии Теревинф был его любимым местопребыванием. Русские разгромили его монастырь здесь, так же как и построенный Игнатием церковь Сорока мучеников на острове Плати.

Васильев воскрешает гипотезу Попадопуло-Керамевса, будто осада Константинополя русскими продолжалась целый год. «Одна вещь теперь несомненна, — пишет он, — представление о коротком набеге, продолжавшемся

¹ Nicetae Paphlagonia. Vita sancti Ignatii archiepiscopi Constant. Ed. Migne, PG, t. 105, coll. 516—517; «Conciliorum collectio amplissima», ed. Mansi, t. XVI, p. 236.

несколько дней или недель, должно быть отброшено. Русский поход на Константинополь продолжался, по крайней мере, 10 месяцев»¹.

В подтверждение своего тезиса Васильев воспроизводит устаревшую аргументацию Попадопуло-Керамевса².

Основанием служит заметка греческого сияксария, относящаяся к 5 июня, в которой значится: «в этот день вспоминается бедствие, причиненное нам нападенiem язычников, от которых мы, сверх всякой надежды, были освобождены молитвами пресвятой девы богородицы Марии»³. Хотя нападающие здесь не названы, а Константинополь, как известно, подвергался многим нападениям со стороны «язычников», автор не сомневается, что нападающие — русские. Заодно он уверен, что эта дата неизвестно когда установленного церковного праздника обязательно должна обозначать точную хронологическую дату снятия осады русскими. Далее, ссылаясь на хроникку Симеона Логофета, который относит время вторжения русских к девятому, а осады Константинополя к десятому году царствования Михаила III, он допускает, что русское нападение началось в одном году и продолжалось в следующем⁴. Но хронология Псевдо-Симеона, которой пользуется Попадопуло-Керамевс, давно уже отвергнута как произвольная и не имеющая исторической ценности⁵, и сам Васильев тут же признает, что датировка Псевдо-Симеоном русского похода 860 г. «абсолютно неверна», но если она «абсолютно неверна», то, очевидно, ею нельзя и пользоваться.

Таким же мало обоснованным является третий аргумент Васильева, а именно ссылка на дошедшую до нас проповедь Георгия, митрополита Никомидийского, пропавшую 2 ноября 860 г.; в ней говорится «о безбожных врагах, опустошающих страну, об опасностях, подавляющих нас»⁶. В этих словах Васильев видит прямое

¹ «The russian attack. . .», p. 218.

² А. П. Попадопуло-Керамевс. Акафист божьей матери. «Византийский временник», т. X, 1903, стр. 391—393.

³ Типикон церкви св. Софии. Летопись Ист.-фил. об-ва при Новороссийском ун-те. Т. II. Византийская секция. Одесса, 1895, стр. 215—216.

⁴ «The russian attack. . .», p. 205.

⁵ Hirsch. Byzantinische Studien. Leipz., 1876, p. 347.

⁶ Ed. Migne, PG, t. 100, col. 1456.

доказательство того, что русские продолжали блокаду Константинополя. Но он забывает, что у Византии было много еще более опасных врагов, которые не оставляли империю в покое и после ухода русских. Все византийские источники свидетельствуют о поражении у Дазимона, нанесенном Михаилу III в 860 г., уже после отступления русских, Омаром, мелитенским эмиром¹. Правда, Грегуар и вслед за ним Васильев объявляют это поражение выдумкой враждебных Михаилу III византийских историков, основываясь главным образом на том, что об этом поражении ничего не говорят арабские источники². Но арабские историки говорят все же, что мелитенский эмир вывел из похода 860 г. 7 тыс. плененных византийцев³; в то же время вождь павликиан Карбеас в результате удачного нападения захватил 5 тыс. плененных. Удачный набег сделал Балькаджур. Фадл-ибн-Карин с 20 кораблями опустошал прибрежные страны и захватил крепость Аталию. Критские арабы нападали на острова Эгейского архипелага. Таким образом, у Георгия Никомидийского было достаточно оснований для жалоб и по уходе русских.

Наконец, если бы русские блокировали византийскую столицу в течение почти целого года, это, несомненно, нашло бы отражение и в проповедях патриарха Фотия, посвященных этому событию. Что же мы находим у Фотия?

Во второй проповеди он подчеркивает неожиданность нашествия и необычайную быстроту его, говорит, что «этот удар, как молния, был ниспослан с неба» (οὐρανόθεν τὴν πλῆρην ὡς σκηπτόν μὴνύει ἐπ' αὐτοῦ) ⁴, что этот народ, «неожиданный и незамеченный, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна» (οὕτως ἐν ῥίπῃ ὁρμαίνου ὡς χύμα θάλασσης ἐξεχύθη τοῖς ὀρίοις ἡμῶν) ⁵. Далее, Фотий вспоминает о «мрачной и страшной ночи, когда жизнь всех готова была закатиться

¹ Theophani Continuati, p. 192. Ed. Migne, PG, t. 109; Skylitzes-Cedreni, ed. Bonn, p. 162; Genesis. Regum. T. IV. Ed. Migne, t. 109, col. 1107.

² H. Grégoire. Etudes sur le neuvième siècle. «Byzantion», t. VIII, 1933, p. 520—524; t. IX, 1934, p. 134—185.

³ Tabari, t. III, p. 1449, A. A. Васильев. Византия и арабы, т. I, стр. 195.

⁴ A. Nauck. Op. cit., p. 217.

⁵ Ibid., p. 219.

вместе с закатом солнца», о раскаянии константинопольцев в своих грехах, об умиловании бога литиями и церковными службами, но у него нет даже и намека на большую длительность осады. Напротив, из его слов мы можем понять, что пребывание русских под стенами Константинополя было непродолжительно. «Нечаянно, — говорит Фотий, — было нашествие врагов; неожиданно совершилось и удаление их. . . невыразим был страх от них, но презренно было и бегство их» (ἀπροσδόκητος ἐπέστη ἡ ἐφοδος τῶν ἑχθρῶν, ἀνέλπιστος ἐδείχθη ἡ ἀναχώρησις αὐτῶν... ἄφρατος ἦν αὐτῶν ὁ φόβος, εὐκλαφρόνητοι γέγονας τῇ φυγῇ)¹.

Еще сильнее подчеркивает Фотий непродолжительность набега словами: «Ибо как только эта девственная риза [богоматери] была обнесена по стене, варвары принялись снимать осаду города, и мы избавились от ожидаемого гнева и сподобились неожиданного спасения», (ἅμα γὰρ το τεῖχος ἡ πρῶτηνικὴ στολὴ περιελήλυθε, καὶ τῆς πολιορκίας οἱ βάρβαροι ἀπείποντες ἀνεσκευάσθητο)².

Можно сомневаться даже, что Михаил III успел вернуться в свою столицу из Малой Азии до ухода русских. О его возвращении в столицу до отступления русских свидетельствует только один источник — хроника Симеона Логофета, жившего во второй половине X в. Все другие — апонимус Вухелленсис, продолжатель Феофана, Кедрин и Зонара — не упоминают о возвращении императора. Удивительно, что Фотий, сообщение которого является главным и современным источником, во второй своей проповеди не упоминает о присутствии императора во время осады и отступления русских.

Известно, далее, что в конце 860 г. в Константинополе был созван церковный собор по делу Фотия и Игнатия. Могло ли собраться такое большое количество приглашенных епископов, если бы русские продолжали блокаду Константинополя? Мы знаем, что папой Николаем I на этот собор были командированы легатами Родоальд, епископ Портуенский, и Захария Ананийский³, которым было поручено, избегая общения с Фотием, произвести

¹ A. Nauck. Op. cit., p. 223.

² Ibid., p. 223.

³ Ed. Mansi, t. XV, p. 167.

следствие по делу Игнатия. Уже в конце декабря папские послы прибыли морем в Константинополь. Они высадились в Редесте (современном Родосто), на северном побережье Мраморного моря, и там были встречены правительственными чиновниками. Васильев предполагает, что послы вынуждены были сойти на берег в Редесте потому, что море было несвободно, вследствие русских нападений на Принцевы острова и блокады столицы. Но если бы русские хозяйничали в то время на Мраморном море, невозможна была бы и высадка папских послов в Редесте. Это было сделано для того, чтобы не допустить каких-либо сношений Игнатиевой партии с легатами. И действительно, папа жаловался потом, что принудительная изоляция его послов продолжалась целых 100 дней¹. Против Васильева и тот факт, что известный просветитель славян Кирилл мог отправиться из Константинополя в Херсонес в конце 860 г., что было бы невозможно, если бы город был окружен русскими.

Характеризуя греческие источники похода и некритически следуя Попадопуло-Керамевсу, Васильев приходит к ошибочному выводу, что знаменитый византийский акафист богоматери был составлен во время осады Константинополя русскими и впервые прочитан в церковном богослужении 22 марта 861 г., после ухода русских². Но не в синаксрии, предшествующем акафисту, ни в самом акафисте нет и намека на осаду Константинополя русскими. Половина содержания синаксрия посвящена чудесному избавлению Константинополя в 626 г. от арабов и славян, затем кратко говорится о неудачной осаде и отступлении арабов в 677 г. при Константине Погонате. Более подробно рассказывается о неудачной осаде Константинополя в 717 г., при Льве III Исавре. Остальной текст синаксрия посвящен прославлению богоматери за указанные благодеяния и мольбам об избавлении верующих от внутренних смут.

Византийские церковные предания и большинство исследователей связывают составление акафиста и учреждение праздника воздвижения креста с обстоятельствами

¹ «*Libellus Theognostis*», ed. Mansi, t. XVI, p. 297.

² «*The russian attack. . .*», p. 216; А. П. Попадопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 357—401.

походов Ираклия в Персию. В синаксарии действительно говорится о внутренних смутах и гражданской войне, что больше подходит к временам Сергия, чем Фотия; и в самом акафисте усматриваются исторические намеки, позволяющие отнести его к VII в., например, в стихе 116: «радуйся, поклонение огню прекратившая», — в котором подразумеваются персы, побежденные Ираклием; также и в стихе 112: «радуйся, мучителя извергшая из начальства», — где, возможно, имеется в виду Фока¹.

Во всяком случае, акафист не мог быть составлен во времена Фотия, так как уже в начале IX в. византийцы видели в нем документ гораздо более раннего времени. Так, у Георгия Монаха составление акафиста приурочивается к 677 г.² Наконец, до нас дошли западноевропейские рукописи IX в., дающие латинский перевод акафиста и также приурочивающие его составление к значительно более раннему периоду³.

Большинство источников свидетельствует, что поход кончился неудачно. Фотий в своей второй проповеди говорит: «Как только эта девственная риза была обнесена по стене, варвары начали снимать осаду города, а мы избавились от ожидаемого плена и сподобились неожиданного спасения». Там же он говорит о неожиданности удаления, о «презренном бегстве» русских. Но Фотий ни одним словом не упоминает о военном поражении русских императорскими сухопутными или морскими силами. Из его слов мы можем заключить, что он сам не знал причины ухода русских и что русские ушли, никем не тревожимые. Ничего не говорит он и о буре, поднявшейся якобы немедленно после погружения византийской реликвии в море. Возможно, такой буря тогда и не было.

Сообщению Фотия не противоречит письмо папы Николая I императору Михаилу III⁴, написанное 28 сентября 865 г. и содержащее известия, которые могут относиться только к русским. В нем мы читаем: «Наконец, не мы, убив многих людей, сожгли церкви святых и предместья

¹ Ed. Migne, PG, t. 92, col. 1372.

² Ed. Migne, PG, t. 110, col. 893.

³ «Echos d'Orient», t. VII; M. Thie z v i č. Photius et l'Aca-thiste, p. 298.

⁴ C. de Boor. Der Angriff der Rhos auf Byzanz. «Byz. Zeitschr.», Bd. IV, 1895, S. 460.

Константинополя, почти прилегающие к его стенам. И однако не было наложено никакого наказания на тех, кто являются язычниками, иноверьцами, врагами Христа, которые всегда противятся проповедникам истины . . . А по отношению к нам. . . применяются предупреждения, угрозы и разные оскорбления»¹. Таким образом, папа Николай I, который в соответствии со своим высоким положением был хорошо осведомлен о русском нападении на Константинополь, считает, что русское нападение на Константинополь прошло для них безнаказанно.

Наконец, и Иоанн Дьякон, если его известие касается русского похода, говорит, что русские вернулись домой с триумфом.

Во всяком случае, ни один византийский источник, за исключением Брюссельской хроники, не говорит о военном поражении русских. Но и Брюссельская хроника сообщает только в самых общих выражениях, что русские были разбиты и расстроены благодаря помощи богородицы. Продолжатель Феофана, Скилица-Кедрина и Зонара также говорят очень неопределенно, что русские были вынуждены возвратиться домой вследствие вмешательства небесных сил².

Утверждение Бюри о военном поражении русских и о том, что император приказал византийским судам из Амастриды двинуться к Босфору, не подтверждается в источниках³. Мы не находим в них упоминаний о действиях византийских сухопутных сил против русских. Вероятнее всего, русские и не собирались осадить столицу и брать ее штурмом, а, разграбив ее окрестности и узнав о приближении крупных византийских вооруженных сил, двинулись в обратный путь.

В. В. Мавродин утверждает, что византийское правительство поспешило откупиться от русских, заключило соответствующий договор, и «русские удалились победителями, увозя с собой договор „мира и любви“»⁴. Но ни

¹ «Monumenta Germaniae historica», Epistol. VI, Berlin, 1925, S. 479—480.

² Theophani Continuati, p. 196; Cedreni, t. II, p. 173; Zonaras, ed. Bonn, t. III, p. 404.

³ J. В. Вурз. Op. cit., p. 426, п. 2.

⁴ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 215.

один источник не сообщает о заключении такого договора. Высказывания патриарха Фотия, который, по своему высокому официальному положению, должен был знать о переговорах и заключении договора, скорее противоречат гипотезе Мавродина. Во второй своей проповеди Фотий говорит о «презренном бегстве» русских, называет их отступление совершенно неожиданным, объясняет его действием небесных сил. Едва ли патриарх мог бы так говорить, если бы византийское правительство действительно заключило договор с Русью. По указанным нами выше соображениям, русские пробыли под Константинополем сравнительно недолгое время. Когда они отступили и когда была прекращена блокада Константинополя, точно не известно. Утверждение Мавродина, что русские отступили 25 июня, лишено основания, так как базируется на ошибочной гипотезе Лопарева и Шахматова, давно опровергнутой Васильевским¹.

Среди византийских источников есть еще, как мы знаем, многочисленная группа хроник, примыкающих к хронике Симеона Логофета; они свидетельствуют о том, что русский флот потерпел крушение от чудесной бури под стенами Константинополя. К этим источникам примыкает и касающийся этого похода рассказ «Повести временных лет», в котором сообщается, что мало русских судов вернулось домой. Никоновская же летопись прибавляет: «и был великий плач в Киеве». Русский флот мог пострадать от бури, но не под стенами Константинополя, так как об этом бы не умолчал Фотий, а при своем возвращении в Киев. Но если даже русский флот и понес на обратном пути некоторые потери от морской бури, — значение этого события нельзя преувеличивать. Нападавшая на Константинополь русь не была ослаблена, так как вскоре после похода на Константинополь она предпринимает поход в далекое Закавказье.

По свидетельству Мухамеда-эль-Хасана, написавшего «Историю Табаристана», в правление Хасана, сына Зейды (864—884), руссы напали на Абессун (в юго-восточной части Каспия), но в борьбе с Хасаном потерпели неудачу.

¹ В. Васильевский. Русско-византийские отрывки. ЖМНП, ч. 2, 1878; его же: Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий. «Византийский временник», т. III, вып. 1, 1896, стр. 83—95.

Поход на Константинополь был предпринят Киевской Русью, уже подчинившей себе значительное количество соседних племен и выбравшей очень удачный момент для нападения. Русский поход на Константинополь не был длительной блокадой столицы Византии, как полагает Васильев. Он был набегом. Русские не ставили перед собой задачи захвата Константинополя и, опустошив его окрестности, вернулись домой, не преследуемые византийским войском.

Этот поход на Константинополь показал Византии, что восточнославянские племена частично уже осуществили свое объединение, чего так не хотели и так боялись византийские политики. Он заставил Византию считаться с Русью как самостоятельной политической силой. Византия вскоре вынуждена была дать согласие на регулирование взаимных отношений равноправными договорами. Этот поход усилил также культурные связи Византии с Русью: уже в конце IX в. мы видим первую попытку крещения Руси. Византийская дипломатия должна была предпринять шаги, которые могли бы оградить империю от повторения опустошительных набегов со стороны Руси и обеспечить безопасность сообщений на Черном море. Для достижения этой цели испытанным орудием в руках византийской дипломатии была христианская пропаганда.

Принятие христианства часто превращало врагов империи в ее союзников и вассалов. Программа Византии в этом вопросе исходила из средневекового воззрения на империю как на единое, и притом вселенское, христианское царство. Поэтому как в Западной империи Карла Великого, так и в Восточной — византийской — распространение христианства неразрывно связывалось с расширением пределов империи и подчинением ее властн, не только церковной, но и светской, императорской, всех варваров, которые примут христианство и войдут в состав вселенской церкви. Приятие варварской страной христианской религии и византийской церковной иерархии подчиняло такую страну культурному воздействию и политическому влиянию Византии. Ее культурно-религиозное миссионерство всегда было связано с определенными политическими целями.

Во второй половине IX в. Византия энергично и не безуспешно осуществляла эту свою миссию в славянских

странах, о чем свидетельствует деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии и крещение Болгарии в 864 г. Очевидно, в этих странах уже существовали благоприятные социальные предпосылки для принятия христианства и имелись достаточно мощные социальные группы, являвшиеся пинципаторами распространения христианства; целью их было укрепление своих притязаний на господствующее положение в государстве.

Нет сомнений, что византийские миссионеры, которые были агентами византийского правительства, после похода 860 г. появились и на Руси. Не случайно византийское правительство уже в 860 г. спешно отправляет дипломатическую миссию к хазарам. Не случайно в составе этой миссии оказались знаменитые Константин Философ с братом Мефодием, прибывшие в Крым в конце декабря 860 г. или в начале января 861 г., как это видно из «Слова об обретении мощей св. Климента» и из показанной в нем даты ¹.

Эта миссионерская деятельность византийцев не была безуспешной. Византийские источники отмечают крещение Руси при патриархах Фотии и Игнатии и почти совершенно умалчивают о крещении Руси при Владимире в 989 г.

В своем окружном послании к восточным церквям Фотий торжественно заявляет: «Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится и который превосходит других грубостью и зверством, т. е. так называемые русские. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю. Но теперь и они переменяли эллинскую и безбожную веру, в которой прежде всего содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них возгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды» ².

Затем известие о крещении Руси помещено в биографии Василия Македонянина, написанной его внуком импе-

¹ I. Франко. Св. Климент у Корсуні. «Зал. т-ва ім. Шевченка», тт. III—IV, 1904, стр. 208 и сл.

² «Фωτίου ἐπιστολαί», ed. Valarttas, p. 178.

ратором Константином Порфирородным и составляющей пятую книгу продолжателей Феофана ¹. Здесь рассказывается, что Василий I склонил к дружбе «народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, и, установив с ним дружбу и соглашение, уговорил принять крещение». Таким образом, у Константина это событие отнесено к правлению императора Василия Македонянина, а не Михаила и к патриаршеству Игнатия, а не Фотия. Повествование Константина носит частично легендарный характер. Так, он рассказывает, что присланный Игнатием архиепископ, по требованию языческой руси, кладет евангелие в огонь и оно остается нетленным, и тогда русь, пораженная чудом, крестилась и приняла архиепископа. Этот рассказ повторен более поздними писателями: Скилицей-Кедриным, Зонарой и Михаилом Гликой.

Возникает вопрос: как примирить противоречия источников, называющих разных императоров и патриархов, при которых совершилось крещение Руси? Мелпоранский в рецепции на книгу Васильева «Византия и арабы» высказал предположение, что противоречие здесь только кажущееся. Игнатий, заняв патриарший престол, низложил епископов, поставленных его врагом Фотием, и заменил их своими ставленниками. Среди низложенных и замененных был и русский епископ ².

Д. И. Иловайский ³, М. С. Грушевский ⁴, В. А. Пархоменко ⁵ допускают два крещения: одно при Фотии — Руси Тмутараканской, и другое при Игнатии — Киевской.

Наконец, Грегуар доказывает, что Константин сознательно извращал факты, стремясь приписать славные деяния Михаила III своему деду, основателю Македонской династии ⁶. Можно признать, что Константин сознательно опустил имена Михаила III и Фотия, но трудно допустить,

¹ Theophani Continuati, t. V, p. 97.

² «Византийский временник», т. X, вып. 3—4, 1903, стр. 509.

³ Д. И. Иловайский. История России. Т. I. М., 1876, стр. 13.

⁴ М. С. Грушевский. История Украины — Руси. Т. I. Львов, 1904, стр. 452.

⁵ В. А. Пархоменко. Начало христианства, стр. 64, 74.

⁶ H. Grégoire. Etudes sur le neuvième siècle. «Byzantion», t. VIII, 1933, p. 531.

чтобы Константин извращал истину, приписывая успехи христианской пропаганды на Руси своему деду¹.

Несомненно, что Василий I и Игнатий также не щадили трудов, усилий, золота, серебра и шелковых одежд для христианизации Руси. Заботы о христианизации Руси как цельная лучше объясняются общей деятельностью Василия и отнюдь не являются эпизодом, стоящим совершенно обособленно.

Известно его стремление к утверждению православия в Болгарии. Тотчас же после убийства Михаила III начались переговоры о воссоединении болгарской церкви с византийской, что и произошло 3 марта 870 г. Дружественные отношения с Болгарией оказались очень выгодными для византийского правительства. Василий мог, не заботясь о северных границах, направлять свои силы на отдаленные восточные окраины — на борьбу с арабами, павликянами, а также в Италию.

При Василии приняли христианство целопоннесские славяне. При нем же настойчиво, хотя и безуспешно, проводилось насильственное обращение евреев в христианство, так что евреи массами покидали византийские пределы, ища убежища в Хазарии.

Остается только неясным, кого именно территориально разумели Фотий и Константин под крестившимися русами, так как ни тот, ни другой не дают ни одного географического названия.

Особый рассказ о крещении Руси мы находим в «Анониме», который впервые был издан Ансельмом Бандури (1671—1743). В комментариях к повести Константина Порфирородного Бандури издал по списку библиотеки Кольбера в Париже это византийское повествование о крещении Руси, но по списку неполному, без начала. В 1886 г. русскому византисту В. Э. Регелю, ученику В. Г. Васильевского, удалось найти полный список этой повести на Патмосе, в монастырской библиотеке. Регель падал ее².

Полный русский перевод этой повести сделан проф. Е. Е. Голубинским. Издатель полного текста указывает

¹ Hamartoli Continuati, ed. Muralt, p. 758; Theophani Continuati, p. 341; Cedreni, t. II, p. 241—242.

² W. E. Regel. Analecta byzantino-rossica. Petropoli, 1891, p. 44—51.

на смешение в нем трех разных сказаний: 1) сказания о первом крещении руссов патриархом Фотием, 2) рассказ о крещении Руси при Владимире и 3) легенды об изобретении славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Крещение Руси, — по «Анониму», происходило следующим образом. Рассказав о посланных князем Владимиром четырех мужах в Рим и четырех в Константинополь, легенда продолжает: когда Владимир убедился из их докладов в превосходстве греческого христианства, он немедленно отправил посольство к царю Василию Македонянину с просьбой прислать архиерея для научения и крещения его многочисленного народа. Василий послал на Русь к князю Владимиру архиерея и двух мужей — Кирилла и Афанасия (вместо Мефодия), добродетельных и мудрых, исполненных знания божественного писания, хорошо наученных и внешней мудрости, как достаточно свидетельствуют изобретенные ими письмена. Они отправились туда с епископом. Произошло чудо с евангелием, брошенным в огонь и оставшимся невредимым. Они научили и крестили после этого язычников и привлекли их к благочестию христианскому. Видя же, что этот народ совершенно варварский и невежественный, эти ученые мужи не находили возможным научить их 24 письменам эллипскими и, чтобы они опять не отклонились от благочестия, научили их 35 письменам (славянской азбуки), которые дальше и перечисляются буквами славянского алфавита. Вследствие упоминания Константином Порфирородным императора Василия (867—886) вместо императора Михаила III (843—867) автор сказания смешал Василия I с Василием II (976—1025) и второе крещение Руси при Владимире, современнике Василия II, с первым крещением. Затем он дополнил два сшитых им в одно известия: 1) рассказ о посольстве Владимира в Рим и Константинополь и 2) сообщение Константина Порфирородного в пересказе Скилицы-Кедрина о первом крещении Руси, — третьим, где-то найденным им рассказом об участии Константина Философа и Мефодия в первом крещении Руси.

Так как византийские источники не указывают территорию, которую занимала крещеная при Фотии и Игнатии Русь, то среди русских историков по этому вопросу существует два взгляда: первый, что речь идет о Тмутараканской Руси, наиболее близкой к Византии; второй,

что энциклика Фотия относится в основном к Киеву, поскольку Киев тогда был главным центром Руси.

Сторонники крещения Тмутараканской, или Азовско-Крымской, Руси базируются, прежде всего, на том, что в «Повести временных лет» ничего не сказано о крещении киевлян после 860 г. и об учреждении здесь епископии.

Так, Голубинский пишет: «Если бы руссы, нападавшие на Константинополь и потом принявшие христианство и даже позволившие водворить у себя епископа, были киевские русские, то какое-нибудь предание об их христианстве необходимо должно было бы сохраниться в Киеве»¹. Считая, что такого предания в Киеве не было, Голубинский утверждает, что под этими русскими должно подразумевать руссов азовско-таврических или азовско-крымских². Такие взгляды еще в XVIII в. высказывали Л. А. Шлецер и И. Ф. Эверс³. В. Г. Васильевский полагает, что на Сурож и Амастриду, а также на Константинополь нападали жившие в Крыму готы. Они же потом просили о присылке епископа из Византии. Кирилла встретил в Корсуни гота и познакомился с его помощью с готским евангелием и языком, который вследствие близости к варяжскому стал называться русским. В дальнейшем этот язык крымских готов стал богослужебным языком⁴. Такой же точки зрения придерживались еще до Васильевского П. И. Шафарик⁵, Новоструев⁶, Ф. К. Брун⁷.

Эта «готская» теория была опровергнута В. И. Ламанским, который без большого труда доказал, что крымские готы не могли нападать на Константинополь в 860 г., что никогда никакие источники не смешивали готов и русь⁸.

Искали русь на берегах Черного и Азовского морей и некоторые другие историки. Так, Д. И. Иловайский счи-

¹ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I ч. 1, изд. 2-е, стр. 38.

² Там же, стр. 42.

³ Н е с т о р, т. II, стр. 257; Э в е р с. Предварительные исследования.

⁴ «Житие Стефана Сурожского», ЖМНП, ч. VII, 1889, стр. 400, 456.

⁵ «Памятники древней письменности», Прага, 1851.

⁶ «Записка о переводе евангелия на славянский язык».

⁷ Ф. К. Б р у н. Черноморье. Одесса, 1879, стр. 204; П о л о н с к а я. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП, 1917, стр. 36.

⁸ ЖМНП, 1903, стр. 153.

тает гуинов-утургуров черными болгарам, о которых упоминают русско-византийские договоры, или тмутараканской русью, известия о которой летопись будто бы смешивала с известиями о днепровской руси. Из арабских писателей Истахри, а за ним Ибн-Хаукаль говорят о делении руси на три племена: одно с Куябой (Киев), другое со Славией (Новгород), а третье с Артаппей. Это племя арабские писатели помещали между владениями хазар и византийскими. Иловайский полагает, что это и есть русь азовско-черноморская, по имени которой Азовское море называлось Русским¹. Эта русь, или черные болгары, вела постоянную борьбу с хазарами. Для защиты от нее строится крепость Саркел в 835 г. Ее послы приходят в 839 г. к Людовику Благочестивому, как говорит Бертинская летопись, и в середине IX в. она утверждается на берегах Азовского моря. Отсюда она предпринимает нападения на берега Черного моря и Константинополь. Эта же русь крестилась после 860 г. Доказательство Иловайский видит в том, что в церковном уставе Льва VI со списком митрополий, подчиненных константинопольскому патриарху, на 61-м месте стоит Русь, на 29-м — Боспор, на 39-м — Матраха, рядом с Готней, Сугдеей, Фуллой. Но Васильевский в полемике с Иловайским легко доказал невозможность отождествления руси с черными болгарами.

Голубинский был вынужден признать, что в расписании архиерейских кафедр, приписываемом патриарху Фотию и относящемуся к 883 г., нет епархии τῆς μετὰ Ἰων² и что неизвестно, когда была учреждена греками епископия Тмутараканская. Отпадает и главный аргумент Голубинского, заключающийся в том, что один из членов собора, созванного Фотием в 879 и 880 гг., назывался Βαζύνης Μετρά Ἰων³. Это архиепископство он отождествляет, следуя Ле Кьену, с Матрахой — Тмутараканью⁴.

¹ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале русской истории, стр. 243; его же. Болгары и Русь. ЖМВН, ч. II, стр. 343.

² Ed. Rallys-Potlys, t. V, p. 472; Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 49.

³ «Sacrorum conciliorum collectio», ed. Mansi, t. XVII, p. 377.

⁴ M. le Quien. Orient christianus. Paris, 1740, p. 1325; Hergenröther. Photius, Patriarch von Konstantinopel. II. Regensburg, 1867, S. 458.

Но недавно установлено, что этот Ваан был армянским архиепископом Тарона, именуемого *Ματρίβατς*, или *Αστρίβατς*, в некоторых списках XI в.¹ Как епископ Тарона Ваан упоминается в документах уже в 876 г.²

В греческих источниках епископская кафедра Таматарха, или Матраха, появляется в первый раз в «Notitia» (Codex Parisinus 1555A), опубликованной де Боором³. Здесь Таматарха фигурирует как епископство, под названием *Ταματάρχης*, подчиненное епископу Дороса, столицы готской епархии (*ἐπισκοπὴ Γοτθίας*). Но эта «Notitia» составлена из частей, разнородных по времени происхождения, так что датировать эту «Notitia» хронологически затруднительно. Раньше считали, что в византийских источниках имеется один только акт от половины XII в., в котором упоминается епископ тмутараканский⁴. Позднейшими открытиями установлено, что архиепископство о *Ματρίχων ἡ τοῦ Ζιχίου* фигурировало уже в списке епископских кафедр, опубликованном при Иоанне Цмисхия, между 972 и 976 гг., причем Таматарха в то время занимала последнее место среди архиепископств⁵. Кроме перечисленных, можно назвать еще ряд историков — С. А. Геденова, А. С. Будиловича, Д. И. Багалея, В. А. Пархоменко, Полонскую, которые также доказывали, что под русскими, нападавшими на Константинополь и принявшими крещение, следует подразумевать руссов азовско-черноморских или азовско-крымских⁶. Пархоменко утверждает, что именно азовско-черноморская русь ходила на Каспий через Дон и Волгу, на Сурож, Амастриду и Константинополь и принимала византийского епископа. Он указывает, что особые причины содействовали распространению христианства в Тмутараканской Руси: с одной стороны, близость греческой еписко-

¹ N. Adontz. «Byzantion», t. XI, 1934, p. 259—260; E. Honigmann. Die Ostgränze des byzantinischen Reiches. «Corpus Bruxellense», t. III. Brussel, 1935, p. 202, 205—206.

² E. Honigmann. Studies in slavic church history. «Byzantion», t. XVII, 1944—1945, p. 133.

³ C. de Boor. «Zeitschr. f. Kirchengesch.», XII, 1891, S. 531.

⁴ Указ патриарха Луки Хрисовегра 1156—1169. Ed. Rallys-Potlly, p. 472.

⁵ E. Honigmann. Studies in slavic church history. «Byzantion», t. XVII, 1944—1945, p. 133.

⁶ Полонская Я. Указ. соч., стр. 32—80.

пия к Матрахе, с другой, — близость Кавказа, где уже в VII в. имелись автокефальные епископии, и, наконец, длительные сношения с Византией¹. Подобно Голубинскому, Пархоменко не допускает возможности существования епископии в Киеве при Аскольде. Такой факт, по его мнению, не мог бы изгладиться совершенно из памяти народной. По его концепции, приазовские руссы были потомками аптов — славянского племени, поселившегося на нижнем течении Дона и у Азовского моря еще в VI в. и отторгнотого затем от прочего славянства в северо-западную часть Приазовья (Тмутаракань) аварско-хазарским и последующим передвижением народов по степям северного побережья Черного моря. Прижатые к морю, азовские руссы, потомки аптов, в IX в. стали той морской силой, о которой повествуют византийцы и арабы, а в XI в. они получают летописную известность под именем жителей Тмутараканского русско-славянского княжества. В третьей четверти IX в. Тмутараканская Русь была уже в значительной мере христианизирована при посредстве Византии. Культурный рост этой Руси предшествовал возвышению Киева, и греческие источники повествуют именно об этой Руси. Пархоменко не отрицает возможности существования в Киеве христиан, опять-таки благодаря сношениям с Тмутараканской Русью². После утверждения христианства в Тмутаракани киевский князь тоже принимает крещение, которое Константин Порфирородный относит ко времени патриарха Игнатия. Но киевский князь-христианин непрочно сидит на престоле и в 882 г. гибнет от нашествия угров, ошибочно отнесенного летописью к более позднему времени; после этого на киевский престол вступает угорский князь Дир и княжит до 903 г., когда его свергает местный князь Игорь с помощью викинга Олега³.

Мы не будем здесь касаться оригинального построения автором событий русской истории конца IX и начала X в., хотя полагаем, что автору невозможно обосновать свои гипотезы источниками. По существу же гипотезы

¹ «Три центра древней Руси». «Изв. имп. Акад. наук», т. XVIII, кн. 2.

² «Начало христианства», стр. 62.

³ «Обстоятельства жизни летописного Олега». «Изв. имп. Акад. наук», т. XIX, 1914, кн. 1.

Пархоменко уже А. А. Шахматов справедливо указывал, что господствующее положение приазовской Руси в IX в. невозможно примирить с ее зависимостью от хазар. Самостоятельность русской Тмутаракани могла осуществиться только после падения хазарского царства. Далее, указывал Шахматов, никаких исторических данных для констатации политической и культурной зависимости Киева от русского юго-востока мы не имеем, и, конечно, Пархоменко не решится видеть азовскую русь в хазарах, наложивших дань на полян¹.

Вернадский утверждает, что в течение IX в. русские не могли разрушить хазарский каганат или взять Константинополь, но были в состоянии захватить Тмутаракань. Однако единственным его аргументом является предположение, что Тмутаракань должна была служить базисом для их кампаний в районе Каспийского моря и Закавказья в 909—910, 913—914 гг., так же как для походов 943 и 944 гг. Но Вернадский не принимает во внимание сообщений арабских источников о Таманском полуострове в IX—X вв. Не случайно к названию «С-м-куш», упоминаемому у Ибн-аль-Факиха как наименование важного населенного центра и вполне основательно отождествляемому исследователями с Тмутараканью, в тексте источника сделано добавление: «ал-яхуд», т. е. евреи. Из этого можно заключить, что в IX в. Тмутаракань была населенным пунктом главным образом еврейским, а не славянским. Повествуя о походе 913—914 гг., Масуди говорит, что у устья пролива (у Таманского полуострова) стояла хазарская стража; оттуда руссы направили к хазарскому царю послов с просьбой пропустить их через его страну². Следовательно, тогда Тмутаракань была в руках хазар. Общеизвестно, что в русской летописи Тмутаракань впервые упоминается под 1022 г.

Необходимо также обратить внимание на то, что вещественные памятники Тамани содержат немало русских

¹ А. А. Шахматов. Рецензия на книгу Пархоменко «Начало христианства». ЖМНП, июль 1914, стр. 134.

² А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 130—134. См. также перевод Якубовского, «Византийский вестник», XXIV, 1926, стр. 88; А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Ист. зап.», № 6, 1940, стр. 94.

предметов XI—XII вв. и не несут следов пребывания славяно-русов на Таманском полуострове в IX—начале X в.¹ Упомянув о том, что хазарская Белая Вежа вошла в состав русского государства вслед за походом Святослава 965 г. или некоторое время спустя, М. Артамонов пишет: «Целый ряд других фактов показывает на развитие около того же времени русской колонизации юго-востока, в частности выразившейся в образовании Тмутараканского княжества на выходе из Дона и Азовского моря в Черное. Известные в настоящее время русские памятники Тмутаракани относятся ко времени около XI в., т. е. хронологически совпадают с находками этого рода в Цимлянском городище. Летописные сказания о Тмутаракани также не выходят за пределы XI в.»² Приведенные факты устраняют положение, что Тмутаракань в IX и начале X в. была славяно-русской. Самый же главный аргумент против представителей этого взгляда заключается в том, что и Фотий и Константин определенно заявляют, что крестилась та самая Русь, которая нападала на Константинополь в 860 г.

Следствием крещения являлось учреждение епископии, и возможно, что первый русский епископ носил имя Михаила, как об этом сообщается в Кормчей книге, Четых-Минейх, предисловии к Киево-Печерскому патерику. Такого взгляда придерживаются митрополит Макарий, Н. И. Костомаров³, М. С. Грушевский⁴, Ф. И. Успенский⁵ и Б. Д. Греков.

В. И. Ламанский обстоятельства русского крещения излагает так. После неудачи под Константинополем в 860 г. русские с полдороги шлют туда послов, прося о крещении. В Киеве им помешали бы это сделать язычники. Первое крещение Руси произошло в 862 г., и этот важный год летописец смешал с другим важным годом — основания государства, которое, конечно, осуществилось

¹ Н. Репляков. О древности Тмутаракани. «Тр. секции археологии», РАНИОН, т. IV, 1928.

² М. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. 1935, стр. 88.

³ «Предания русской летописи», «Вестник Европы», 1873, II, стр. 670—671.

⁴ «Історія України—Русі», т. I, 452—453.

⁵ «Первые страницы русской истории», «Зап. Одесского об-ва истории и древностей», т. XXVI, стр. 201.

гораздо раньше. Первым епископом Киева и был Кирилл Философ. Славянская азбука была создана им для македонских славян гораздо раньше путешествия в Моравию — в 855 г. Ламацкий принимает дату черноризца Храбра для изобретения славянского алфавита. По мнению Ламацкого, в «Паннонском житии» ошибочно названа хазарская миссия в 861 г. На самом деле это была миссия русская. Память о Кирилле сохранилась в Киеве в предании о беседах Константина Философа, в византийских источниках — в «Анониме» Бандури, но летописец не догадался, что Кирилл, просветитель славян, и Константин Философ — одно лицо¹.

Ламацкий прав в том отношении, что к этому времени Кирилл и Мефодий уже начали переводы богослужебных книг на славянский язык. Прав он также и в том, что в древних русских памятниках часто смешивали крещение Руси при Владимире с первым крещением Руси. Так, в Софийской кормчей XIII в. Устав князя Владимира о церковных судах начинается такими словами: «Во имя отца и сына и святого духа се яз, князь Василий, нарицаемый Владимир, внук Игорев, блаженные княгини Ольги, восприял есмь святое крещение от гречьского царя и от Фотия, патриарха Цареградского»². Не случайно также в предисловии к Киево-Печерскому патерику, в Четьях-Минеях русские епископы именуются Фотиевыми.

Но его основной тезис, что Кирилл был в Киеве, а не в Хазарии, явно противоречит всем данным «Паннонского жития» Кирилла, в котором рассказывается, что Кирилл пересек материк к северу от Кавказских гор, выйдя к Дербенту. Из Корсуни Кирилл поехал в Хазарию к кагану, избрав такой путь: «въсед же корабль поутн ся ят казарьского на Меотское езеро [Азовское море] и Каспийская врата Ковкажьских гор» [Дербент]. На об-

¹ «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», ЖМНП, ч. VI, 1903, стр. 38.

² «Дополнение к актам историческим», № 1. «Хрестоматия по истории русского права» Владимирского-Буданова, изд. 5-е, вып. 1, стр. 228.

ратном пути он проходил через местность с негодной для питья водой (повидному, соленой) ¹.

Историки, признающие, что крестилась Киевская Русь, молчание нашей летописи объясняют ложно понятым почтением летописца к памяти Владимира и тем, что церковная перархия, установившая Византией в Киеве после 860 г., несмотря на заботы византийских властей, недолго продержалась там, что доказывается договорами 907 и 911 гг., в которых нет упоминаний о христианстве на Руси. Очевидно, Фотий сильно преувеличил возможность прочих успехов византийского церковно-политического воздействия на Русь во второй половине IX в. Понадобилось еще больше 100 лет для того, чтобы христианство одержало окончательную победу на Руси и стало государственной религией. Но, несмотря на отсутствие в «Повести временных лет» сообщения о крещении Руси при Фотии, нельзя сказать, что это обстоятельство не оставило в нашей древней литературе никаких следов, преданий и воспоминаний. В самой летописи сохранилось немало указаний на существование значительного количества христиан в Киеве до 989 г. Из летописи мы, например, узнаем, что на могиле Аскольда была поставлена церковь св. Николая. Некоторые послы и купцы, упомянутые в договоре Игоря 944 г., были христианами. В Киеве уже тогда существовала соборная церковь св. Ильи. Сама великая княгиня Ольга в половине X в. была уже христианкой.

Все это свидетельствует о том, что Фотиново крещение — не легенда и что с 860 г. мы можем констатировать в Киеве существование какой-то христианской общины; это не могло не оказать влияния на дальнейшее развитие христианства и христианской культуры на Руси.

Вместе с христианством тогда же необходимо должна была появиться и письменность на Руси. Раз была церковь, то было и богослужение, был причт, были богослужебные книги. Уже в конце IX в. богослужение могло совершаться на славянском языке и по славянским книгам, которые Русь получала из Болгарии. Соседняя и родственная нам славянская страна переживала в конце IX и первой по-

¹ «Моравско-паннонское жизнеописание», «Тр. Славянской комиссии», т. I, 1930. стр. 13—14.

ловшие X в. первый расцвет своей, славянской религиозной культуры. Она имела самостоятельный патриархат.

Дошедшие до нас источники почти ничего не говорят о русско-болгарских отношениях того времени, но это не значит, что их не было. Исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова в значительной мере выяснили судьбу этих источников, неоднократно подвергавшихся тенденциозной переделке, которая тщательно вытравила в них следы крупного значения Болгарии в просвещении Руси христианством, сводя всю историю этого просвещения исключительно к заслуге греческого духовенства¹.

Во всяком случае, потребность в письменности на Руси появилась уже во второй половине IX в.; имеется достаточное количество, правда, не совсем ясных известий, сообщающих о том, что письменностью русские пользовались задолго до признания христианства государственной религией. Договоры Олега с греками, например, составленные на греческом языке, были тогда же переведены и записаны по-русски. Справедливо указывают, что быстрое распространение христианства и славянской письменности на Руси во времена Владимира нельзя объяснить себе без предшествующего — существования значительной христианской общины уже со второй половины IX в.²

Надо отбросить также предположение, что первыми киевскими христианами были главным образом варяги. Если варяги, приходя на Русь и ходя с русью в Византию, могли знакомиться с христианством и принимать его, то ознакомление славянской Руси с христианством должно было начаться гораздо раньше; и потому славянской христианской Руси должно было быть больше, чем варягов — норманнов. Жившие на Руси варяги, по крайней мере в IX—X вв., были главным образом выходцами из Швеции, а шведы приняли крещение позже норвежцев и дат-

¹ А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому. Ч. II. СПб., 1908, стр. 1029—1153; его же. Летописное сказание о Владимире и крещении; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

² «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», ЖМНП, ч. VI, 1903, стр. 38.

чан и значительно позже руси. Несмотря на раннюю проповедь Анскария (в первой половине IX в.), а позже — других миссионеров, обращение собственно Швеции в христианство состоялось, в сущности, в половине XII в. В Верхней Швеции (Упланде) христианство утвердилось лишь при Эрике Святом, вскоре после 1155 г., а в Готландии — в XI в.¹

¹ E. Geier. Geschichte Schwedens. Upsala, 1882.

Глава II

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ДОГОВОРЫ 907 и 911 гг.

С преданиями об Олеге связан вопрос о важнейшем моменте в образовании древнерусского государства — соединении новгородского севера и киевского юга в единый политический организм. Но предания эти дошли до нас в таком виде, что отделить подлинную истину от комбинаций книжника-летописца, который их перекраивал по-своему, трудно. Прежде всего, эти предания в летописном изложении перазрывно сплетают деятельность Олега и Игоря, притом по-разному. По версии Новгородской I летописи у Рюрика — сын Игорь, а при нем воевода — Олег. Игорь — взрослый князь, и действуют они вместе. По возвращении из успешного похода на греков Олег умирает на севере¹. Совершенно обособленно стоит сообщение «Повести временных лет». А. А. Шахматов остроумно объясняет, почему составитель «Повести временных лет» переделал воеводу Олега в князя, когда вставлял в свой рассказ найденный им договор с греками: в договоре Олег титуловался «великим князем русским», и потому летописец сделал его родственником Рюрика, а Игоря обратил в «малолетка»². В «Повести временных лет» история Олега дошла в неопределенно смутном изложении.

Если верить летописи, новгородский князь Олег спустился по Днепру до Киева и овладел им. Это событие, согласно летописной хронологии, произошло в 882 г.,

¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 107—109.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 94—108, 316—321.

когда Олег, предварительно заняв Смоленск и Любеч, хитростью захватил Киев и убил там княживших не-рюриковичей Аскольда и Дира. Объединение в руках Олега двух важнейших центров, расположенных по великому водному пути «из варяг в греки», дало ему возможность подчинить своей власти прочие восточнославянские племена — древлян, северян и радимичей. Северян и радимичей Олег отвоевал у хазар. Восточнославянские племена между Днестром и Днепром долго сопротивлялись Олегу и окончательно подчинились только его преемнику Игорю. Таким образом, если верить «Повести временных лет», именно Олег явился объединителем восточнославянских племен. Так просто и быстро, по летописи, произошло событие первостепенной важности: объединение под властью киевского князя почти всех восточнославянских племен. Но не так, конечно, просто и быстро происходило оно на деле.

Уже давно историческая критика отметила сомнительность подчинения Олегом за три похода северян, с их огромной территорией, упорных в отстаивании своей свободы древлян и радимичей. Не лучше выглядит поход Олега из Новгорода в Киев, когда он без сопротивления занимает по дороге города, снимает «узурпаторов» с киевского княжества, а на Новгород накладывает дань, — это решительно не соответствует рассказу летописца о завоевании Киева из Новгорода. Мы уже отмечали историческую недостоверность всего рассказа летописи об Аскольде и Дире и их убийстве.

Поэтому давно было высказано обоснованное предположение, что наша летопись имела недостаточные сведения о процессе образования русского государства и вышла из этого затруднения, приписав роль объединителя Олегу¹.

Несомненно лишь, что к началу X в. путь «из варяг в греки» был уже в основном в руках киевских князей и находившиеся на этом пути племена и города испытывали политическое влияние Киева: они имели княжеских посадников или связаны были союзами с Киевом. Однако неупоминание в договорах Олега о Новгороде заставляет

¹ М. С. Грушевський. Історія України — Русі. Т. I. Львів, 1904, стр. 368.

некоторых историков (Приселков, Шахматов) предполагать, что объединение под единой властью Новгорода и Киева совершилось позднее, только при Игоре¹. Во всяком случае, уже в начале X в. северские центры — Любеч, Чернигов и Переяславль — «Повесть временных лет» представляет, в парафразе Олегова договора, находящимися в политической связи с Киевом.

Это сделало возможными и частые походы руси на Каспийское море, которые начинаются в последней четверти IX в., когда русь нападала на Абесгун во времена Абу-Зейда; затем она ходила на тот же Абесгун в 909—910 гг., а в 912, 913 г. опустошила южное побережье Каспийского моря. В конце IX и начале X в. Русь уже играла значительную политическую роль, нападала на византийские владения и самый Константинополь, проникала в Закавказье, вела оживленную торговлю в Хазарию, византийских владениях и Константинополе. На Руси уже появилось христианство и вместе с ним письменность. Росли связи Киева с Византией. Интерес к Византии в Киевской Руси, качественно меняясь, увеличивался по мере ее хозяйственных и политических успехов. Расширение подвластной территории означало для русских князей увеличение дани, а увеличение дани давало им возможность содержать большую воинскую силу — дружину.

Дань — подать — в руках русских князей и дружинников превращалась в товар и шла главным образом за границу, и прежде всего в Византию. Из простой приманки для русских искателей добычи «Царьград незаметно превращался в пункт торговых и культурных связей двух государств: одного — дряхлеющего носителя мировой культуры, другого — молодого, мало искушенного в высоких культурных ценностях, но энергично растущего, неизменно в течение веков влекомого к Царьграду»².

У нас имеются документальные данные о том, что после 860 г. между Византией и Русью долгое время существовали мирные и дружественные отношения. Об этом прямо говорится в начале договора 911 г.: «Мы от рода

¹ А. Е. Присяжков. Лекции по русской истории. М., 1938, стр. 79.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 449.

русьскаго [следует перечень имен послов и гостей], иже посланн от Олега, велпкаго князя русьскаго, и от всех иже под его рукою велпких князь и его светлых бояр к вам, Львови, и Александрови, и Константину, великим в бозе самодержьдем, царем грецким, на удержанне и на извещенне от многих лет межю христианы и Русью бывшую любовь»¹.

Но представлять себе эти отношения неизменно дружественными до самого похода Игоря в 941 г. у нас нет оснований. Константин Порфирородный писал в половине X в.: «Когда ромейский император живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебные нападения на ромейскую державу; не могут они требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую император при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на землю руссов и турок, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли»². Б. Д. Греков справедливо указывает, что здесь имеется в виду не один какой-нибудь поход Руси на Византию, а целая система русско-византийских отношений³.

Очевидно, в первой половине X в. Русь не пропускала случая, при благоприятных обстоятельствах, поживиться за счет Византии. Такие благоприятные обстоятельства наступили в начале X в., когда Византия находилась в очень затруднительном положении.

В то время как в VII—VIII вв. в Византии намечались формы феодализации, способствующие развитию производительных сил, во второй половине IX и в X в. установились порядки, вызывавшие застой и крайне затруднявшие прогрессивное развитие общества. Македонская династия пришла к власти после того, как революционное движение народных масс (Фома Славянин, павликиане) и реформистские попытки иконоборцев потерпели

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 32—33.

² Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Изв. ГИИМ», вып. 97, стр. 6.

³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 450.

поражение. Она довершила победу реакции. Официально осуждается законодательство иконоборцев, восстанавливается старое законодательство Юстиниана. Ликвидируются остатки муниципального самоуправления. Правительственная бюрократия становится всемогущей. Аграрные отношения того времени характеризуются длительным процессом обезземеления и порабощения династами мелких крестьян и стратотского сословия. X век — время быстрого роста паразитического монастырского землевладения; в тот же период приобретает значение феодализирующаяся знать, развитие которой в дальнейшем подрывало самые основы византийского централизованного государства.

У русских дореволюционных византинистов (академиков В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского), неоспоримой заслугой которых является приоритет в разработке социально-экономической, аграрной истории Византии, проявляется, однако, стремление идеализировать законодательство императоров Македонской династии, заботу их «об общем благе», и прежде всего о «благе византийского крестьянства». Однако у византийских императоров, издававших новеллы в защиту мелкого землевладения, на первом месте стояло стремление пресечь рост могущества феодалов, задержать развитие центробежных сил, подрывавших авторитет центральной власти, противопоставить крупному феодальному землевладению мелкую крестьянскую собственность и крестьянскую общину, которые государство использовало в своих фискальных и военных целях, а отнюдь не в интересах византийского крестьянства. Последовательной и эффективной борьбы против династов Македонская династия не могла вести в силу своей классовой природы, а ее воинственная внешняя политика, налагавшая на народные массы тяжелое бремя налогов и повинностей, ускоряла процесс разорения мелкого крестьянства.

Стремление к захватам у византийских династов в то время проявлялось двояким образом. С одной стороны, они ликвидировали мелкую крестьянскую собственность в своей собственной стране, с другой — стремились использовать павшее ослабление Багдадского халифата для экспансии на Восток и лишения независимости славянских народов Балканского полуострова. Вынужден-

ная вести непрерывные войны с арабами в Азии и Средиземном море, где арабы захватили Крит и Сицилию, пытавшаяся сохранить свои владения в Южной Италии, Византия очень часто по указанным причинам вовлекалась в войны и на Балканском полуострове. Эту изнурительную, никогда не прекращавшуюся борьбу, иногда на два фронта одновременно, Византия вела с переменным успехом. Будучи еще в X в. страной мелкого крестьянского хозяйства, Византия в то же время сохраняла свою торговую и промышленную гегемонию. Вследствие превосходства своей техники она эксплуатировала окружающие народы и была единственным посредником в торговле Востока с Западной Европой, «золотым мостом» между Европой и Азией. Все это создавало Константинополь славу города, в котором богатствам нет меры и числа. По словам Дия, «все средневековые грезило Константинополем как городом чудес, отражавшимся, как в зеркале, в своем золоте»¹. Но это золото было достоянием немногих. Византийские порядки тормозили развитие производительных сил и в городах.

«Книга эпарха» знакомит нас с жизнью и бытом византийских торговцев и ремесленников X в., организованных в корпорации. Вследствие наличия централизованного государственного аппарата средневековые корпорации в Византии не имели такого всеобъемлющего характера, как на Западе. Это определяло относительную узость задач византийских торгово-ремесленных объединений. Широкое применение рабского труда, со всеми вытекающими отсюда последствиями, является характерной особенностью византийского ремесла в X в. Раб как работник и даже хозяин мастерской встречается в «Книге эпарха» повсеместно². Наличие дешевой рабской силы, не исключающее, впрочем, применения и наемного труда свободных, накладывает особый отпечаток на византийское ремесло. Конкуренция рабского труда ухудшала и принижала положение свободных ремесленников, тормозила развитие техники³. Внутри византийских цехов и

¹ Ch. Diehl. *Etudes byzantines*. Paris, 1905, p. 2.

² «Книга эпарха», III, 1, 8; VI, 1; VII, 3, 5; VIII, 7; XII, 8; XV, 4; XVIII, 1.

³ Там же, XVIII, 2.

между ними не было даже относительного равенства: ни правового, ни фактического. Существовали привилегированные цехи, в которых не устанавливалась норма прибыли (вестиопраты, метаксопраты, прандиопраты)¹. Богатый вельможа, опираясь на поддержку епарха, мог организовать любое количество эргастерий при посредстве своих рабов².

«Книгой епарха» подтверждается неразрывная связь между византийскими корпорациями и эллинистическими римскими коллегиями. Правда, в то время насильственного прикрепления коллегната к соответствующей коллегии уже не существовало. Наоборот, вступление в цех обставлялось известными ограничениями. Но, как и раньше, корпорации привлекаются к несению литургий и находятся под бдительным надзором со стороны государства. Особому надзору, естественно, подвергались корпорации, на обязанности которых лежало снабжение столицы продовольствием. Правительство контролировало количество и качество закупаемых товаров, устанавливало покупные и продажные цены на товары, прибыль, получаемую торговцами скотом, рыбаками, мясниками, хлебниками, содержателями харчевен. За исключением немногих привилегированных цехов, тесно связанных с правящими верхами, в которых не устанавливалась норма прибыли, византийские корпорации представляли подавляющую массу ремесленников и торговцев, изнывавшую под бременем литургий и повинностей.

Правящие верхи Византии обнаруживали тенденцию к такой же эксплуатации и иностранных торговцев. Иностранные купцы (а в столице проживали целые торговые колонии иностранцев — сирийцев, итальянцев, хазар, русских, болгар, евреев) в ряде случаев обязаны были продавать свои товары только членам цехов. Иноземные товары должны были сосредоточиваться в одном месте — так, чтобы все члены цехов, предварительно собравшись, могли распределить товар между собой³.

По согласованию с городским епархом члены цехов могли устанавливать уровень цен, так называемую «спра-

¹ «Книга епарха», IV, 5; VI, 6.

² Там же, II, 10; VIII, 13.

³ Там же, V, 2.

ведливую цену», обязательный для продавца. Иногда это могло приводить к прямому насилию над провинциальными и иностранными купцами, тем более, что иностранный и иногородний купец обязан был в течение определенного срока распродать свой товар. Если же товар оставался нераспроданным, то на усмотрение эпарха представлялось решение вопроса, как поступить с ним.

Стремясь привлечь в столицу как можно больше товаров, правящие верхи Византии вместе с тем принимали все меры, чтобы не выпускать за границу высокосортные товары (лучшие сорта шелковых тканей). Высокосортными товарами распоряжалось само правительство.

Все это создавало неблагоприятные условия для иностранных торговцев, что, естественно, должно было наталкиваться на отпор со стороны соседей Византии. Такого рода конфликты возникали неоднократно. Это показывает тот факт, что притеснения болгарских торговцев при Льве VI явились поводом для длительных и ожесточенных войн между Болгарией и Византией.

Торговля Византии с Болгарией, поставлявшей в Византию мед, лен, полотняные ткани и вымепивавшей их на разрешенные к экспорту худшие сорта шелковых тканей, сирийские материи и другие предметы византийского экспорта, была настолько оживленной, что в 890 г. дело дошло до войны между ними, после того как интриги византийских спекулянтов, захвативших в свои руки торговлю с Болгарией, привели к перенесению болгарской торговли из Константинополя в Фессалонику и обложению болгарских товаров высокими таможенными пошлинами.

Ввиду того, что протест болгарского царя Симеона был оставлен без внимания византийским правительством, Болгария начала военные действия, очень удачные для нее. В этой войне впервые выступили на международную арену мадьяры, к которым за помощью против болгар обратился Лев VI. Соблазненные богатыми подарками, венгры согласились вторгнуться в Болгарию; византийский флот перевез их через Дунай. В борьбе с венграми Симеон потерпел жестокое поражение, от которого, однако, вскоре оправился. Собравшись с силами после ухода венгров и заключив союз с печенегами, он летом 892 г. опустошил Ателькузу, где в то время находились стано-

лица венгров, а затем нанес поражение византийским войскам при Болгарофиге. По мирному договору, заключенному в 904 г., Византия уступала Болгарии значительную территорию и обязывалась платить ежегодную дань. Но и после этого, хотя мир официально не нарушался в течение 20 лет, Болгария продолжала оставаться для империи праждебисей и грозной силой, использовавшей каждый благоприятный момент для расширения своей территории и создания новых затруднений византийскому правительству¹.

В связи с этим стоят и другие неудачи византийской политики в правление Льва VI. В этот период Сицилия была окончательно потеряна для Византии. В Южной Италии после отозвания Никифора Фоки влияние Византии постепенно падало. На восточной, малоазиатской границе арабы упорно и почти всегда успешно боролись против Византии, медленно, но неуклонно продвигаясь вперед.

Объединенная Киевом к началу X в. Русь, которая обнаруживала в то время чрезвычайную склонность к военным предприятиям и совершала отдаленные походы в закаспийские страны, не могла не использовать затруднительное положение Византии.

По летописным данным, в 907 г. русский князь Олег, собрав большое ополчение из племенных славян, кривичей, древлян, радимичей, северян, хорват, дулебов, тиверцев, чудь и мерян, двинулся на Константинополь. Этот поход был одновременно и морской и сухопутный. Греки не сумели защититься и после того, как Олег разорил окрестности Константинополя и перебил множество людей, вынуждены были пойти на невыгодный для себя мир.

Вскоре был заключен мирный договор, в 907 г. пересказанный летописцем, а затем датированный договор 2 сентября 911 г., целиком включенный в летопись.

Эти договоры — единственный надежный источник для суждения о походе Олега на Византию. Все остальное повествование летописца об этом походе — описание зверств, учиненных русскими в окрестностях Констан-

¹ В. Н. Златарский. История на първото българско царство. Ч. 2. София, 1927, стр. 301.

тинополя, — взято из славянского перевода жития Василия Нового и из продолжателя Амартола, которые использованы также для рассказа о походе Игоря. Затем идут легендарные и эпические мотивы, как лады под парусами на суше, мудрая отгадка отравы, народный анекдот о «паволочптых» и «кропицных» парусах. По словам летописца, удачные действия Олега испугали греков, которые говорили: «Не есть се Олег, но святой Дмитрий, послан на ны от бога»¹. Речь идет о Дмитриии Солупском, почитание которого было развито среди южных славян. Уже одна эта черта заставляет предполагать, что этот летописный рассказ балканского происхождения. Одо сказывается и в сообщении летописи о том, что Олег повесил свой щит на вратах Царьграда: в 813 г. болгарский хан Крум предъявил требование водрузить его копье на золотых воротах Константинополя².

Историки, принимающие реальность похода, историческое зерно истины видят в том, что были какие-то походы Руси на византийские земли, быть может, не на самый Константинополь и не в 907 г., но в начале X в. и, может быть, не один. Походы счастливые, выгодные, которые дали повод к разрисовке их народной фантазией, а Византию вынудили к заключению выгодных для Руси договоров³.

Самый текст договоров изложен под 907 и 912 гг. Историки давно спорят о том, два ли это договора или один, причем выдержки из него даны под 907, а текст, как бы цельный, под 912 г. Договоры эти привлекали пытливое внимание всех историков древней Руси.

Из всех русских историков, изучавших договоры, один лишь Шлецер отрицал их подлинность, остальные же не сомневались в ней. Не вызывал также разногласий тот факт, что договоры переведены с греческого. Со времени исследования П. А. Лавровского «О византийском элементе в языке договоров русских с греками», напечатанного в 1853 г., этот вопрос считается решенным в положи-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 30.

² Theophani Continuati, ed. Bonn, p. 503.

³ М. С. Грушевский. Указ. соч., т. I, стр. 385; А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. «Зап. неофилол. об-ва», Пг., 1915, стр. 385—400; А. Е. Пресняков. Указ. соч., т. I, стр. 69, 73.

тельном смысле. Установлено, что летописный текст — несомненный перевод с греческого, притом настолько «подстрочный», что иногда непонятен без попытки обратного перевода на греческий язык.

Однако существуют разногласия во взглядах на взаимоотношение договоров между собой и в оценке каждого договора как определенного дипломатического международного акта. В русской литературе уже не раз высказывалось мнение, что записанное в летописи под 907 г. является не формальным договором, а только предварительным соглашением, на основании которого в 911 г. был заключен уже формальный договор. Но известно, что статьи предполагаемого договора 907 г. совсем не входят в договор 911 г. и снова появляются в договоре 944 г. Лавровский считал оба Олеговых договора самостоятельными, причем договор 907 г., по его мнению, был договор отдельный, заключенный по всем установленным в то время формам. Однако вскоре он оказался недостаточно определяющим права и обязанности обеих сторон, и потому Олег в 911 г. отправил в Константинополь особых послов для восполнения пропущенных взаимных условий. В этом договоре было повторено и то, что находилось в договоре 907 г. Очевидно, летописец заметил это повторение и для сокращения пропустил в договоре 911 г. сходные статьи.

В 1876 г. С. А. Гедеонов в своей работе «Варяги и Русь» пытался дать картину самого способа составления договоров и появления их в славянском переводе. Исходным пунктом для него было описание Менандром договора Византии с Ираном в 561 г.¹ Этот анализ дал ему основание предполагать, что русские получили: 1) греческий оригинал договора, шедшего от византийцев к Руси, с императорской подписью; 2) греческую копию договора, шедшего от русских к грекам, написанную также по-гречески; 3) болгарские переводы с того и другого, причем составитель «Повести временных лет» имел болгарский перевод экземпляра Олегова договора, шедшего от Руси к византийцам².

¹ Menandri, fragmentum 11.

² С. А. Гедеонов. Варяги и Русь. Т. I. СПб., 1876, стр. 282—285.

В своей статье «Греческое и русское право в договорах с греками» В. И. Сергеевич высказывает предположение, что статья, помещенные летописцем под 907 г., не ваяты из действительного договора: то, что записано под 907 г., по его мнению, просто мирная сделка, притом устная, а не письменная. Договор 911 г. он считает неполным. В первоначальном своем виде договор этот включал все те статьи, на которые ссылается Игорев договор словами: «яко же установлено есть прежде», а также и те, которые находятся в договоре 907 г. Предполагать, что существовал какой-либо другой договор после 911 г., нет оснований¹.

В 1895 г. появилась статья А. Димитриу, который для объяснения русско-византийских договоров воспользовался изданием договорных документов между Венецианской республикой и Византийской империей. Димитриу считает, что в 907 г. Олег заключил лишь словесный договор с греками, формальный же договор составлен не был. Однако тогда же, по почину Византии, было решено заключить и формальный договор, для чего послы Олега отправились в Константинополь. Там договор действительно был составлен в двух экземплярах — на греческом и славянском языках, из которых последний и был вручен послам Олега. Но после этого император должен был направить к Олегу своих послов для вручения ему хрисовула, что являлось ратификацией договора. Однако ратификация не состоялась вследствие смерти Олега. Автор принимает дату смерти Олега, как она дается «Повестью временных лет», и, таким образом, договор 911 г., по его мнению, должен быть признан несостоявшимся². Здесь Димитриу, однако, забывает одно место из Льва Дьякона, на которое обратил внимание еще Вилькен и которое свидетельствует, что договор 911 г. был утвержден обеими сторонами³. У Льва Дьякона есть определенное указание на заключение мирного договора при Олеге. Отвечая на высокомерное послание рус-

¹ В. И. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X в. ЖМНП, ч. 219, январь 1882, стр. 82—92.

² А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками. «Византийский вестник», т. II, вып. 4, 1895, стр. 545.

³ Н. Wilcken. Über die Verhältnisse..., S. 94.

ского великого князя Святослава, Цимисхий говорит: «Я думаю, ты не забыл катастрофу, постигшую твоего отца, который преступил клятвенные договоры (τὰς ἐνέρκους σπονδὰς πρὸς φεῦλον θένωνος) и с великой силой и тысячью кораблей выступил против царственного града»¹. Эти «клятвенные договоры», которые, по мнению византийского правительства, нарушил Игорь в 941 г., являются не чем иным, как договорами Олега.

А. А. Шахматов приходит к такому выводу о договорах Олега: «Олег заключил с греками только один договор — 911 г., и отрывки этого договора были перенесены под 907 г. летописцем, имевшим, как ему казалось, основание думать, что договору 911 г. предшествовал другой, с ним тождественный, и предположившим, что этот первый договор Олега заключен им под стенами Константинополя»². К сожалению, Шахматов не объясняет, зачем летописцу понадобилось искусственно делить единый договор, причем так, что под 907 г. он помещает основные статьи, регулирующие русско-византийские отношения, а в договоре 911 г. — статьи дополнительные. М. Д. Приселков и В. В. Мавродин объясняют это случайностью: когда Святополк Изяславич предоставил Нестору возможность для составления «Повести временных лет» пользоваться княжеской казной, где хранились договоры русских с греками, выяснилось, что эти последние находились в несправном состоянии. Некоторые из них отсутствовали. Часть договора 911 г. была оторвана от остального текста, что и дало Нестору повод считать оторванный кусок остатком текста более раннего договора с Византией³. Но если бы случайно был оторван кусок договора 911 г., и притом включающий, как мы говорили, наиболее важные статьи, то оставшийся текст неизбежно носил бы фрагментарный характер, чего, однако, мы в нем не видим.

Таким образом, разногласия между вышеуказанными историками, из которых ни один не отрицает подлинности

¹ Leonis Diaconi, ed. Bonn, VI, 10.

² А. А. Шахматов. Несколько замечаний. . . , стр. 400.

³ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», сер. ист., вып. 8, 1941, стр. 229; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 228—229.

договорных статей, помещенных летописью под 907 г., сводятся, в сущности, лишь к вопросу, являлись ли они самостоятельным договором 907 г. или заимствованы из договора 911 г.

Кроме того, не все истории одинаково представляют процесс перевода договоров с греческого на славянский язык. Так как переводы договоров считались современными их заключению, то обычно полагали, что это переводы болгарские. Так думал и С. А. Гедеонов.

Однако В. М. Истрин выразил сомнение, имеются ли у нас прямые указания, что дошедшие до нас переводы договоров современны их заключению. Как известно, основанием для такого утверждения служат указания Олегова и Игорева договоров, что они были написаны «на двух харатях», и упомянутое выше описание Менадра и заключения договора Византии с персами, из которого видно, что договоры писались на языках обеих договаривающихся сторон. Если в наших договорах сказано, что они написаны «на двух харатях», то вполне естественно было заключить, что одна харатья была греческая, а другая — славянская.

Но Истрин высказал сомнение, могла ли процедура составления договоров, происходившая между Византией и другой страной старой культуры — Персией, обязательно быть приложимой и к договорам Византии с варварской, не имевшей своей письменности Русью. Истрин считал возможным, что две харатии, о которых говорят наши договоры, могли быть обе греческими, а русский князь и русские послы могли пользоваться одной из них посредством перевода¹.

Если так, то возникает вопрос, когда же в действительности были переведены договоры. Замеченное уже прежними исследователями отсутствие простоты и удобопонятности договора 911 г. и нередко наблюдаемое смешение местоимений «мы», «наш» и «вы», «ваш» Истрин объясняет тем, что договор переводился тогда, когда практического значения он уже не имел, когда переводчик не был непосредственно заинтересован в точности передачи, как не

¹ В. М. Истрин. Договоры Руси с греками X в. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. XXIX, 1924, стр. 383—393.

были в то время заинтересованы в этом и читатели договора. Отсюда Истрин приходит к выводу, что перевод сделан в позднее время, во всяком случае не одновременно с заключением договора, и притом или недостаточно внимательным и сведущим переводчиком, или с не совсем уже исправного греческого оригинала. Появление переводов Истрин относит к концу первой половины XI в. и приписывает их переводческому кружку русских книжников, который образовался вокруг Ярослава во второй период его княжения¹.

По мнению Истрина, в конце первой половины XI в. в этом литературно-переводческом кружке был составлен из готовых источников хронограф, в котором византийская история, написанная главным образом по хронике Георгия Амартола (почему хронограф и назван был «хронографом по великому изложению», т. е. по изложению Георгия Манаха), была продолжена русской историей, начавшейся с 852 г. — нападения русских на Константинополь — и сначала излагавшейся в рамках истории византийской. В этот хронограф попали и наши договоры, по мнению Истрина, только что переведенные наряду с другими многочисленными памятниками, привезенными теми греками, которые в составе русского клира прибыли по вызову Ярослава в Киев при учреждении русской митрополии в 1037 г.

Таким образом, с точки зрения Истрина, все русско-византийские договоры должны считаться переведенными в одно время, т. е. спустя 100—150 лет после фактического заключения соответствующих дипломатических актов. Язык всех договоров должен признаваться единым, целостным языком — литературным русским языком того времени, совмещавшим в себе и стилистику болгарскую и стилистику русскую.

Эти взгляды В. М. Истрина были убедительно опровергнуты академиком С. П. Обнорским, который правильно отметил основную методологическую ошибку Истрина, пытавшегося разрешить вопрос о том, когда были переведены договоры, на основе общих исторических и теоретических соображений. Между тем только лингвистическое исследование текста договоров, указы-

¹ В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 390.

вал Обнорский, могло бы дать то или иное решение поставленного вопроса¹. Сделанный Обнорским анализ языковых особенностей летописи не подтвердил гипотезы Истрина. Обнорский доказал, что язык обоих договоров не одинаков и что договоры 911 и 944 гг. должны быть рассматриваемы как два различных памятника, как продукт двух разновременных переводов, как свидетельства двух разнящихся языковых стихий, которые они отображают. Перевод договора 911 г. неискusstный, очень близкий к оригиналу, пестрит грецизмами всякого рода, страдает частыми нарушениями требований русского синтаксиса. Договор 944 г. переведен более умелой рукой, более удобопонятен, не так заполнен грецизмами, относительно редко грешит в отношении русского синтаксиса. Оба договора отличаются и по типу языка, ими представленного.

В языке договоров, несмотря на то, что они сохранились в позднем списке, много общих архаических черт старшего по бытованию в литературном языке периода, чем конец XI в. «Здесь, — говорит Обнорский, — достаточно широкое употребление аористических форм, наличие имперфекта, архаическое и относительно выдержанное пользование внимательным падежом объекта от одушевленных имен, стройное, архаического типа, пользование соответствующей системой членных и нечленных форм прилагательных и причастий»².

Вместе с тем Обнорский устанавливает черты, которые принадлежат старшему договору 911 г., но чужды договору 944 г., — черты, представляющиеся особенно архаическими в общей линии развития литературного языка.

Такими Обнорский считает употребление «иже» без согласования с определяемым словом, архаическую по структуре форму причастия прошедшего времени или заметно отражающуюся в договоре 911 г. тенденция к обязательному переводу греческой лексики, которая позднее, в договоре 944 г., остается без перевода.

¹ С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление», т. VI—VII, М.—Л., 1936, Изд-во АН СССР, стр. 101.

² Там же, стр. 102.

Эти фактические данные, извлекаемые непосредственно из текста договоров, приводят к выводу, что появление договоров в переводе с греческого языка на славянский не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным; следовательно, оно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов. С этой точки зрения получает объяснение и факт разного качества и разного характера перевода договоров. Становится понятной и причина различия самого языка, на который были переведены, с одной стороны, старший договор — 911 г., а с другой — все последующие. Отсюда мы можем сделать важный вывод, что дошедший до нас договор 911 г. является не только подлинным, но и составленным в период его заключения. Договор 911 г. пропитан болгаризмами, не написан все же языком русским.

Таким образом, наличие русской славянской письменности в начале X в. становится несомненным. Очевидно, Олеговы договоры составлялись в двух экземплярах — греческом и славяно-русском. Последний и дошел до нас в летописи; он дает категорический, но отрицательный для норманистской теории ответ на кардинальный вопрос: каков был русский язык в начале X в. — германский или славянский. Летописец, оставивший нам предание о начале русского государства, высказывает мимоходом следующее уничтожающее норманизм замечание: «От словенского рода и мы есмы Русь, а словенский язык и руский — одно есть». Славянский и русский язык — одно, потому, очевидно, что русь не была чужеземным племенем. В представлении летописца народности и язык — понятия тождественные. Следовательно, говоря о единстве славянского и русского языков, летописец вместе с тем устанавливает и единство народностей¹.

Подтверждением того, что русь не представляла собой чужеземного племени, является перечень русских городов, на которые Византия, по сообщению летописца, давала уклады по соглашению 907 г. Здесь фигурируют Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск (Полоцк), Ростов, Любеч; все эти названия русских городов — сла-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 28.

вянские. Наконец, там же сообщается, что послы Олега в 907 г. клянутся славянскими языческими божествами — Перуном и Волосом, а не германскими — Одипом и Тором. Имена этих богов летописец дает в своем комментарии к договору. Очевидно, он имел на это основание, так как в подлинном тексте договора Игоря упоминается Перун в том же смысле и контексте.

Таким образом, договоры Олега дают веский материал, опровергающий норманскую теорию, хотя норманисты и стараются использовать договоры Олега, в частности помещенные в них имена послов и купцов, для подтверждения своей теории¹.

Вопрос об именах послов много обсуждался в нашей литературе. Гедеонов отмечает, что в числе Олеговых послов семеро носили славянские имена, трое — скандинавские, четверо (Рулав, Руад, Рюар, Актеву) — имена неизвестного происхождения². Мы отнюдь не отрицаем, что большинство имен, записанных в договорах, звучат не по-славянски, что варяги принимали участие в походах Олега и составлении договоров. Варяги потому могли быть отправлены в Константинополь, что, подобно многим другим своим соотечественникам, уже бывали там прежде, знали греческий язык, обычаи. Это доказывает только, что состав древнерусской дружины был разнообразен, что в нее входило значительное количество норманских дружинников, которые являлись на Русь в роли наемников и для добычи. Об этом свидетельствуют и скандинавские саги и наша летопись. Но договоры Олега с греками показывают, что первые дошедшие до нас письменные памятники написаны для славян и на славянском языке.

Это обстоятельство не устраивает норманистов, и теперь, когда в зарубежной буржуазной исторической науке особенно ярко проявляется тенденция всячески принизить историческую роль и значение русского народа, делаются попытки не только отрицать реальность походов Олега на Константинополь, но и подлинность самих договоров. Такую попытку предпринял Грегуар, который

¹ Д. И. Багалей. История России. Т. I. М., 1914, стр. 167.

² С. Гедеонов. Указ. соч., т. I, стр. 289.

между 860 и 941 гг. не знает никаких достоверных дат русской истории¹.

Личность Олега, пишет Грегуар, совершенно легендарна. Что касается похода на Константинополь, то никто в это больше не верит. Нечего доказывать, что Константинополь не был осажден в 907 г. Царствование Льва VI нам хорошо известно благодаря множеству источников, и поход Олега абсолютно не может быть включен в анналы этого царствования².

По мнению Грегуара, летописная легенда о походе Олега была заимствована из искаженного рассказа об одном из действительно бывших походов (860 или 941 г.) или из эпической легенды, смешавшей эти экспедиции. Торговые связи Руси с Византией в 907 или в 911 г. Грегуар равным образом считает невозможными. «Если Византия Льва Мудрого не имела дела с русскими, — пишет Грегуар, — то она почти все время сталкивалась с болгарами Симеона. Шахматов считал, что в летописи Нестора некоторые места, где говорится об Олеге, заимствованы из болгарской летописи, повествующей о деяниях Симеона, которые были перенесены на Олега. Таким образом, ряд сказаний о Симеоне и болгарях перешел на счет мифического Олега. Легенда об Олеге и немыслимом для того времени русском походе возникла потому, что болгары угрожали тогда Константинополю и во главе их стоял болгарин, представлявший Симеона, так же как мифический Олег представлял Игоря, причем этот болгарский боярин носил имя Олега»³.

По мнению Грегуара, легенда об Олеге имеет эпиграфическое происхождение. Грегуар ссылается на найденную в 20 км от Фессалоники надпись на пограничном между Византией и Болгарией столбе, в которой упоминается Феодор, великий тархан, причем в подлиннике написано: ἐπὶ Θεωδωρου βαλου тарханου (olgu — турецкий, lug — великий)⁴. Он полагает, что, видя эти надписи на множестве пограничных столбов, русские путешественники, «приученные рассматривать имя Олега как

¹ H. Grégoire. *Miscellanea epica et ethymologica*. «Byzantion», t. XI, 1936, p. 602.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ H. Grégoire. *Op. cit.*, p. 606.

типичное для русского князя», преобразили этого *βλῡος* болгарской надписи в князя Олега, нападающего на Константинополь.

Кроме того, известно, что этот боярин, упоминаемый в болгарской надписи, вел переговоры с византийцами в 895 и 913 гг., и так как причиной болгарско-византийских войн при Симеоне были торговые споры, то войны окончились торговым договором между Византией и Болгарией, текст которого до нас не дошел. Однако киевские летописцы, безусловно, знали о нем из болгарских источников. Грегуар считает несомненным, что этот договор имел подпись болгарского чиновника — того самого, чье имя мы встречаем на пограничных столбах с титулом *βλῡος τραπεζῖου*. Отсюда в русской летописи и появилась легенда о заключении великим князем Олегом торгового договора с греками.

Домыслы Грегуара встретили обоснованную критику Г. А. Острогорского, который правильно назвал их «фантастическими»¹. Действительно, отрицание Грегуаром Олега как исторической личности не заслуживает даже рассмотрения и объясняется только недостаточным знакомством его с русскими источниками и литературой.

Ошибочно также утверждение Грегуара о «множестве» византийских источников для времени похода Олега, тогда как продолжатель Феофана, продолжатель Георгия Монаха, Лев Грамматик, Феодосий Мелитенский, Псевдо-Симеон только переписывают текст Логофета. Таким образом, для времени похода Олега имеется только один византийский источник, написанный во второй половине X в. и дающий довольно скудные сведения о царствовании Льва VI. Молчание множества источников сводится к молчанию одного источника. А что византийские источники иногда умалчивали об очень важных событиях, показывает тот факт, что крещение Руси при Владимире не упоминается ни в одном из византийских источников. Никто не будет отрицать, что летописный рассказ о походе Олега на Константинополь содержит ряд легендарных подробностей, но включенный в нашу

¹ G. Ostrogorsky. Expedition du prince Oleg contre Constantinople. «Seminarium Kondakovianum», 1939, p. 47—62, 296—298.

летопись договор, датируемый точно 2 сентября 911 г., в целом не вызывает никаких сомнений ни по содержанию, ни по форме, ни по языку.

Его текст — несомненный и буквальный перевод с греческого мирного договора, заключенного в 911 г. между посланниками Олега, которые поименно перечисляются, и византийским правительством. Договор 911 г. дает очень точную дату — 2 сентября 15 индикта 6420 г. Цифры индикта и года совпадают и устанавливают, что договор был подписан 2 сентября 911 г. Совершенно правильно показано, что договор заключен в правление трех императоров — Льва, Александра и Константина. Совместное правление этих трех императоров продолжалось короткий срок — с 9 июня 911 г. (день коронации Константина VIII) до 11 мая 912 г. (день смерти Льва VI), и именно к этому короткому периоду относится договор, подписанный 2 сентября 911 г.

В то время как в самом договоре имеется упоминание о трех императорах, в рассказе летописи о нападении руси на Константинополь в 907 г. и о предварительном соглашении говорится только о двух императорах, что совершенно правильно, так как в годы, предшествовавшие окончательному договору, до 9 июня 911 г., было только два императора. Далее, в договоре 911 г. упоминается о предварительном соглашении, очевидно, содержавшем те же статьи, которые вошли в окончательный договор. В договоре 911 г. имеется статья, дающая русским право зачисляться в императорское войско. Это подтверждается «Книгой церемоний» Константина Порфирородного, в которой сказано, что уже в 910 г. русские в количестве 700 чел. участвовали в походе Имерия на Крит и получали определенное содержание.

По договору 911 г. русским предоставлялись значительные привилегии. Если не принять поход Олега, то становится непонятным, почему греки дали русским такие значительные привилегии, как, например, право торговать беспошлинно. Наконец, в самом тексте договора 911 г. есть прямое указание, что этому договору предшествовали военные действия. В начале договора сказано: «по первому убо слову да умиримся с вами, греки»¹.

¹ ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стр. 33.

Совершенно ясно, что не было смысла заключать мир, если этому договору не предшествовала война.

В своем ответе Острогорскому¹ Грегуар уже не поднимает вопроса о мифичности Олега, о подлинности и точной дате договора, заключенного в 911 г. Олегом с византийским правительством: он отрицает только русский поход на Константинополь в 907 г., ссылаясь на молчание источников. Следует, однако, признать слишком категоричным утверждение, что в византийских источниках не сохранилось никаких следов русского нападения на Константинополь около 907 г. Уже давно русские историки, например Ф. И. Успенский, останавливались на одном загадочном месте из хронки Псевдо-Симеона², в котором они видели следы византийского повествования о набеге русских на Византию при Олеге.

В своем рассказе о появлении Льва Триполлийского в византийских водах в 904 г. Псевдо-Симеон, перечисляя ряд географических объектов, пытается объяснить, как возникли названия этих объектов, и совершенно не говорит о том, какую связь имели эти объекты с ходом военных действий, с попыткой Льва Триполлийского напасть на Константинополь. Только из сообщений продолжателей Феофана³ мы узнаем, что здесь речь идет о тех городах и островах, мимо которых проходили арабы в своем движении к острову Самофракия. Но за этим «арабским» списком географических названий у Псевдо-Симеона, и только у него одного, идет перечень географических объектов, которые не имеют никакого отношения к арабам, опять с попыткой объяснения их имен и опять без всякой связи с историей. В этом втором списке имеются названия: Месемврия... , гора Гэм... , Мидия... , Селимврия... , Македония... , Никополь... , Гперон... , Фар... , Русские, называемые дромитами... мыс Трикефал... Раден.

Этот второй список географических названий имеет непосредственное отношение к русским, которые в нем упоминаются и называются русью — дромитами. В этом списке указан морской путь, которым русские обычно

¹ «Byzantion», t. XIV, 1939, p. 379—380.

² Symeonis magistri. De Leone Basilii filio. Ed. Migne, PG, t. 109, col. 787.

³ Ed. Bonn., p. 367.

доходили до Константинополя. Как известно, они плыли вдоль болгарского побережья Черного моря. Мыс Гам, Месемврия, Фарос, Мидия (Салмыдессус), Фарос (современный Румели-Фанар), Гieron (теперешний Анадоли-Кавак) были расположены на прямом пути путешествий и походов русских на Константинополь.

Возникает предположение, что в источнике, которым пользовался Псевдо-Симеон, речь шла о морском нападении русских на Константинополь. Псевдо-Симеон, так же как в описании похода Льва Триполийского, опустил исторические события, оставив только перечисление географических объектов и упоминание о Руск. Р. Дженкянс так пытается расшифровать это сообщение Псевдо-Симеона: «Русские, или дромиты, под предводительством вождей, одаренных мудростью или божественным вдохновением, пришли морем, обступили мыс и перешли государственную границу у Месемврии, а сухопутное войско, пройдя через Болгарию и Фракию, достигло Мраморного моря у Селимврии. Суда, плыв вдоль берега, повернули в пролив у Фара, прошли Гieron и достигли суши у Трикефала, на вифинском побережье. На Константинополь было произведено нападение с суши и моря, от Мидии до Селимврии. Византийским флотом командовал Иоанн Радин»¹. Конечно, Дженкянс говорит тут гораздо больше, чем его источник, и он сам признает свою реконструкцию гипотетической. В сообщении Псевдо-Симеона о руси — дромитах — много спорного. Греческий текст не ясен и, очевидно, поврежден. У Псевдо-Симеона мы читаем о руси — дромитах: *Ῥῶς οἱ καὶ Δρομίται φερόντες ὑπὸ Ῥῶς τινος σφόδρα διαδραμόντες ἀπηχύνετα τῶν χρησμένων ἐξ ὑποθήκης θεοκλιτῆς καὶ ὑπερχόντων αὐτοὺς ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοὺς προσεγγέτο.*

В этом тексте не вызывают сомнений только начало и конец, в котором мы имеем обычное для византийцев этнологическое объяснение слов «россы» и «дромиты»: «Россы, они же дромиты, прозывались своим именем от некоего храброго Росса, а дромитами они назывались потому, что обладали способностью быстрого передвижения». Но

¹ R. J. H. J e n k i n s. The supposed russian attack on Constantinople in 907: evidence of the Pseudo-Symeon. «Speculum», July 1949, p. 406.

остальная часть абзаца: διαδραμόντες. . . αὐτοὺς — не дает ясного смысла.

Латинский перевод всего текста в Боннском издании, который принимают С. А. Гедеонов и Ф. И. Успенский, нельзя признать правильным. Там весь текст дается в таком переводе: «Руссы, они же дромиты, прозвались своим именем от некоего храброго Росса, после того как им удалось спастись от ига народа, овладевшего ими и угнетавшего их по воле и предопределению божью». В этом переводе διαδραμόντες неправильно переводится как διαδράντες. Ἀπὸ τῆς ψατά нельзя переводить словом «иго». Действительное значение этого редкого слова — оракул. Дженкинс переводит это темное и запутанное место так: «Руссы усвоили изречение оракула, данное им путем внушения и божественной силы тем, кто господствовал над ними». Но греческий глагол διαδραμόντες означает «пробежать через что-либо», «продвигаться вперед», а не «усвоить». Сам же Дженкинс допускает возможность лакуны после διαδραμόντες и восполняет эту лакуну конъектурой διαδραμόντες τὴν φράσιν μὲχρι Σελμβρίας. К сожалению, эту конъектуру трудно связать с находящимся далее в тексте ἀπὸ τῆς ψατά τῶν χρησαμένων. . . θεολογίας.

Таким образом, Дженкинсу не удалось сделать понятным этот, очевидно испорченный, греческий текст. Быть может, только внимательное изучение всех сохранившихся рукописей и разночтений в данном тексте может пролить новый свет на это загадочное место.

Но игнорировать этот текст также невозможно. История стоит перед фактом, что приблизительно в то же время, к какому относится летописный поход Олега, византийский хронист неожиданно вспоминает о русских и перечисляет географические объекты, через которые обычно проходила русь, направляясь в Константинополь.

Грегуар, пытавшийся доказать, что Олеговы договоры — это договоры с Болгарией Симеона, упускает из виду, что статьи, касающиеся морской торговли, не имеют никакого отношения к Болгарии. Торговля Византии с Болгарией в Константинополе и Фессалонике была исключительно сухопутной. Скандинавские имена послов, встречающиеся в договорах, также не могут иметь никакого отношения к Болгарии. Мы не отрицаем, что поход Олега на Византию мог стоять в определенной связи с событиями

на Балканском полуострове, в частности с болгаро-византийскими войнами при царе Симеоне, хотя нам еще трудно уяснить характер этой связи.

Некоторые советские историки, например М. Н. Тихомиров, пытались уточнить эту связь, используя для этого так называемый «Кембриджский документ». В этом документе сказано, что Роман Лакапин послал большие дары «Хельгу, царю Руси», и подстрекнул его напасть на хазар. Хельгу напал на город S-m-b-g (искаженное S-m-k-ц Тмутаракань) и взял его, воспользовавшись отсутствием там начальника. Тогда булшицы¹ Песах напал на города Романа, а затем пошел войной на Хельгу и воевал (далее следует пропуск). «И бог смирил его перед Песахом», — Хельгу вынужден был отдать все, что добыл мечом в S-m-b-g, и признался, что напал на хазар по наущению Романа. Тогда Песах заставил его выступить против Романа, «и пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили [его] огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию [Pakas, что, может быть, искажено из Tigras, как называлась тогда Фракия], и пал там он и весь стан его. Тогда стали русские подчиняться власти хазар»².

Как показывает исследование П. К. Коковцева, в «Кембриджском документе» представлены в фантастическом сочетании события, относящиеся к разным эпохам, и даны также фантастические сведения о хазарах. Источником документа, согласно исследованию Коковцева, послужила книга «Иосиппои» (и, может быть, некоторые аналогичные источники такой же сомнительной ценности). Но главным источником документа был, предположительно, «какой-то утраченный византийский литературный памятник, может быть, именно то письмо, о котором упоминает — к сожалению в неясных выражениях — Иехуда-бен-Барзиллай в конце XI в. и которое по содержанию, повидимому, отчасти совпадало с «Кембриджским документом». В подобном источнике, основанном на народных рассказах, поход князя Олега на императора Романа Лакапина

¹ Титул.

² В. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 117—123.

не может и не должен нас поражать более, чем множество аналогичных странностей старой исторической литературы»¹. В фантастическом сочетании и тенденциозном изложении «Кембриджский документ» отражает некоторые факты исторической действительности, а именно: 1) поход русских на Черное море и в Персию, 2) поход русского князя Олега на Константинополь, 3) сожжение русского флота (Игоря) византийцами, 4) подстрекательство киевского князя византийским императором Романом к захвату Самкарап — Таматархи — и захват русскими этого города, 5) борьбу хазар за возвращение своих прежних владений в Северном Причерноморье и их нападения на владения Византии.

При помощи этого документа М. Н. Тихомиров пытается определить хронологию Олегова похода². Он исходит из предпосылки, что отношения между Русью и Болгарией в X в. были ближе, чем это обычно представляют. Это положение мы считаем правильным. Непонятно только, почему М. Н. Тихомиров считает странным, что поход Олега на Константинополь никак не отразился в болгарских исторических памятниках. Это могло бы быть странным, если бы болгарские исторические источники существовали. Но, как известно, для данного периода они почти не сохранились, так как были уничтожены византийцами в период их двухсотлетнего хозяйничанья в Болгарии.

М. Н. Тихомиров прав, указывая, что движение по великому водному пути «из варяг в греки», вообще говоря, было невозможно без согласия болгар, так как он шел вдоль берегов их государства. Русские суда доходили до устья Дуная и оттуда шли к Месемврии, как об этом говорит Константин Порфирородный: «От Дуная они доходят до Канопы, от Канопы в Константию на реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине, — все эти места находятся в Болгарии — от Дичины достигают области Месемврии». Но попытка М. Н. Тихомирова хронологически связать поход Олега с болгарско-византийскими войнами первой четверти X в. не может быть признана

¹ В. К. Коковцев Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 132, стр. XXXIII, XXXV.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 141 и сл.

успешной. Ссылаясь на «Кембриджский документ», М. Н. Тихомиров пишет: «время похода Олега на Царьград и время его гибели здесь отнесено ко времени императора Романа Лакапина»¹.

Уже Пархоменко отметил важность приведенного документа, как датирующего время жизни Олега царствованием Романа². Действительно, I Новгородская летопись, знающая только об одном походе Олега, датирует его 922 г. Но указанный год был весьма знаменателен в истории Византии: летом 922 г. произошла встреча Симеона с Романом. Болгары тщательно осматривали место встречи, боясь пзмены или засады. После беседы с Романом болгарский царь получил богатые дары. Весь приведенный рассказ сильно напоминает рассказ летописи о походе Олега на Царьград. Олег разбивает палаты и сжигает перкви. Олегу выносят отравленное вино и пищу. Олег вешает свой щит на воротах Царьграда в знак победы и заключает мир с греками. Совпадение же похода Олега со временем осады Царьграда царем Симеоном заставляет думать, что летопись не случайно отнесла поход Олега к 922 г. Поход Симеона и его необыкновенная удача, может быть, станут понятны, если мы признаем возможность участия Олега в походе Симеона. Тогда летописная дата и еврейское сообщение о смерти Олега во Фракии найдут себе обоснование.

Таким образом, М. Н. Тихомиров считает возможным говорить о совместной осаде Константинополя в 922 г. войсками Симеона и Олега³. Ближайшее ознакомление с источниками опровергает гипотезу Тихомирова. Сохранившееся, по разысканиям Шахматова, в I Новгородской летописи отнесение неудачного похода Игоря на греков к 920 г., а победоносного похода Олега к 922 г., т. е. ко времени царствования Романа Лакапина, основывается только на искусственной переделке тех же хронологических данных, которая послужила предпосылкой и для составителя «Повести временных лет». Оно объясняется явным желанием составителя «Начального свода» представить поход Олега как блестящую отместку за Игоря,

¹ М. Н. Тихомиров, указ. соч., стр. 137.

² В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924, стр. 75—76.

³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 142—143.

воеводой которого был Олег, по сообщению того же «Начального свода»¹.

С другой стороны, М. Н. Тихомиров ошибочно полагает, что Симеон осаждал Константинополь в 922 г. Как показал В. Н. Златарский, свидание Романа и Симеона состоялось в 923 г. Но тогда не было никакой осады и опустошений. Свидание повело к предварительному, хотя долго не подтверждавшемуся соглашению². Большинство историков даже полагает, что свидание это состоялось в 924 г.

Наконец, пмеются византийские источники от 922 г., в которых русские считаются союзниками Византии против болгар. Это делает невозможным предположение, будто русские вместе с болгарами в то время осаждали византийскую столицу.

В письме к болгарскому царю Симеону, написанном в конце 922 г., константинопольский патриарх Николай Мистик угрожает Симеону нашествием венгров, печенегов, алапов и русских; императоры, пишет он, не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и алапов, и печенегов, и русских, и другие скифские племена, пока последние не истребят болгарский народ совершенно³.

Трудно допустить, чтобы патриарх мог написать такое письмо, если бы русские были в то время союзниками Симеона и осаждали Константинополь. Из этого письма и других источников видно, что обе борющиеся стороны искали себе союзников среди народов Северного Причерноморья. В 922 г., повидимому, намечался союз Руси с Византией против Болгарии. Таким образом, предположение М. Н. Тихомирова, что поход Олега на Византию осуществился в 922 г., должно быть отвергнуто. Этот поход, очевидно, имел место до 911 г., когда был заключен договор. Он не мог состояться в 910 г., так как в этом

¹ А. А. Шахматов. Несколько замечаний. . . , стр. 386—387. Ср. также В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. ПОРЯС, т. XXI, 1916, стр. 215 и сл.

² В. Н. Златарский. История на първого българско царство, стр. 464—468.

³ В. Н. Златарский. Писмата на патриарха Николая Мистика. Сб. «За народни умотворения, наука и книжнина», кн. XII, София, 1890, стр. 150 и 155.

году значительный отряд русских уже сражался на стороне Византии.

В 910 г. русские принимают участие в морском походе византийского полководца Имерия. После того как Лев Триполийский нанес страшный удар Византии, взяв в 904 г. Фессалонику, в 906 г. Имерий одержал над ним значительную победу. Византийское правительство собрало огромный флот в 200 судов, с экипажем в 34 тыс. чел., для нанесения ему решительного удара и отвоевания Крита. В состав этого флота входило 700 русских наемников, получивших за это 100 литр золота¹. Если в 910 г. русские уже сражались в византийском флоте, то соглашение об этом и паем их должны быть отнесены к предшествующему времени. Таким образом, поход Олега на Византию не мог совершиться ранее 907 и 908 гг., а точная хронологическая дата, которой мы располагаем, — 2 сентября 911 г., время заключения окончательного договора, — не позволяет отодвигать слишком далеко назад период военных действий. Таким образом, ряд соображений приводит нас к выводу, что летописная дата похода — 907 г. — является весьма вероятной.

Как мы уже говорили, описание похода 907 г. в значительной степени легендарно, так же как указанный там размер дани. Давно уже отмечено, что рассказ летописи под 907 г. представляет собой соединение двух версий об одном и том же событии². Но самые договорные статьи, помещенные под 907 г., не могли быть сочинены летописцем. Невероятно также предположение Шахматова, что статьи соглашения 907 г. могли быть взяты из договора 911 г. и являться его составной частью. Эти договорные статьи существенно отличаются по языку не только от маловразумительного договора 911 г., но и от более ясного договора 944 г. Не говоря уже о том, что в них деньги считаются на русскую единицу (гривны) вместо греческих, употребляемых в договорах 911 и 944 гг., язык их почти свободен от книжных славянизмов, вроде дательного независимого и от несвойственного русскому языку расположения слов в предложении. Договор 911 г. был окончательный. По-

¹ «De cerimoniis aulae byzantinae», ed. Bonn, t. II, § 44.

² Г. М. Барц. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1911, стр. 24.

этому если бы вторая половина акта 907 г. находилась в нем, она могла бы иметь форму, сходную со статьей 2-й договора 944 г. (за исключением явных позднейших дополнений). Оригинал же никоим образом не мог бы иметь форму диалога, начало которому полагают послы Олега, как это записано в «Повести временных лет» под 907 г.

Нельзя думать, что летописец сам, по наитию или по фантазии, разложил окончательную форму договора на его подготовительные и составные части и придал предварительным статьям замечательно удачную конструкцию¹.

Еще менее допустимо, чтобы в конце XI или в начале XII в. летописец изобрел термин «уклад», являющийся договорным упрощением. Мы не в состоянии в данный момент объяснить, почему договорные статьи под 907 г. приводятся в извлечении и парафразе летописца, но, несомненно, они имеют в глазах историка достоинство акта, воспроизводящего действительное историческое содержание и, очевидно, не случайно помещенного под 907 г. Что эта дата не ошибочна, подобно многим другим летописным датам до 941 г. подтверждается тем, что «Повесть временных лет» правильно называет двух императоров во время нападения Руси 907 г. Действительно, до 9 июня 911 г. в Византии было только два императора. В 907 г. византийское правительство находилось в затруднительном положении: неоконченные переговоры о перемирии с арабами, измена Андроника, начальника малоазиатской пограничной области, который в 906 г. вместо присоединения к Империи поднял восстание и захватил крепость Кабалу около Конки, а также связанные с ней затруднения Византии на восточной границе, — все это могло быть известным Олегу, который не упустил случая воспользоваться затруднительным положением империи. Вследствие указанных обстоятельств византийское правительство оказалось вынужденным пойти на значительные уступки северным варварам.

Считая наиболее вероятным, что русский поход на Константинополь состоялся в 907 г., мы должны присоединиться к мнению тех, которые признают, что в 907 г.

¹ Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, нов. сер., ч. LIX, сентябрь 1915, стр. 292—317.

был заключен лишь предварительный мирный договор и окончательное оформление его относится к 911 г.¹

Действительно, в договоре 911 г. говорится о предварительном соглашении, в котором, очевидно, были статьи, записанные летописцем под 907 г. Во введении к договору 911 г. сказано: «Наша светлость [Олег] более инех хотящи, оже о бозе удержати [и] известити такую любовь, бывшую межн хрестьяны и Русью многажды, право судихом, не точюю просто словесем, но и писанием и клятвою твердою, клещеся оружьем своим, такую любовь утвердити и известити по вере и по закону нашему»; иначе говоря: «Наша светлость, более других желая с божьей помощью удержать и провозгласить такой мир, какой был между хрестянами и Русью неоднократно, решили на деле упрочить такой мир не только прямым словесным обещанием, но и письменным и клятвой твердой, согласно вере и обычаям нашим».

Смысл этого текста таков: Олег и раньше заключал договоры с греками, но только словесные; он обещал греческим императорам подтвердить эти договоры письменным актом, скрепленным присягой и подписями, и выполняет данное обещание. Летописное «просто словесем» может означать и письменную форму, только не торжественную, не сопровождавшуюся клятвой. Обращаем также внимание на заголовок договора 911 г.: «Равно другого совещания, бывшего при тех же царях Льва и Александра». Слова т е х ж е свидетельствуют, очевидно, что до подписания договора 911 г. теми же императорами был уже заключен договор с Русью².

А. Е. Пресняков почему-то считает, что заключение предварительного соглашения в 907 г. и окончательного в 911 г. не соответствует дипломатической практике X в. Но мы могли бы указать несколько случаев из истории византийско-болгарских отношений при Симеоне, когда дипломатические переговоры тянулись годами, когда предварительное мирное соглашение отделялось от окончательного длительным промежутком времени. Если мы обратимся к анализу самих договоров, то легко будет

¹ А. Д и м и т р и у. Указ. соч., стр. 543.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 33; Д. М. М е й ч и к. Указ. соч., стр. 310.

установить, что под 907 г. летописцем записаны основные статьи, регулирующие русско-византийские торговые отношения, а в договоре 911 г. идут статьи разнообразного содержания, которые мы могли бы назвать дополнительными.

Разбирая содержание статей, записанных под 907 г., мы видим, что Русь добилаь очень крупных выгод; прежде всего, русские купцы были освобождены от платежа обременительной таможенной пошлины — десятины — со всех товаров, которую они раньше платили, как об этом свидетельствует Ибн-Хордадбег¹.

Очевидно, именно этого и должны были добиваться русские, предпринимая поход на Византию. И они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы тогда же добиться определенной договоренности с Византией по этому вопросу. Известно, что Византия очень редко и неохотно предоставляла эту льготу иностранным купцам. Венецианцы получили право беспошлинной торговли в Византии только в конце XI в., когда Византия находилась в критическом положении и никак не могла обойтись без их военной помощи. Поэтому получение такой льготы в 907 г. было выдающимся успехом для Руси. Кроме того, Русь получила и другие привилегии. На основании соглашения 907 г. русские не только могли приезжать в Константинополь и торговать беспошлинно²: в течение 6 месяцев пребывания в византийской столице русские послы и купцы получали продовольствие: хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи, по старшинству городов — Киева, Чернигова, Переяславля и других, причем послам полагалось особое продовольствие — «слебные», а гостям — «месячные»; они имели право мыться в греческих банях «елико хотят», получали на обратный путь провизию, якоря, веревки, паруса и все, что им было нужно для благополучного возвращения. Но в то же время Византия выговаривает некоторые условия, гарантирующие ей безопасность от приезжающих русских. Русские купцы должны были останавливаться в предместье города, у св. Мамы. Там их переписывали поименно греческие чиновники и

¹ De Goeje. Bibliotheca geographicorum arabicorum, t. VI. p. 115.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 29—32.

затем уже впускали в город, без оружия, в одни ворота, партиями по 50 чел. Прибывающие в Константинополь русские получали продовольствие лишь в том случае, если приезжали для торговых целей. Русские послы и купцы обязывались не совершать в Константинополе никаких бесчинств¹.

Это были важнейшие положения, регулировавшие русско-византийские отношения по соглашению 907 г. Именно потому, что эти статьи уже вошли в соглашение 907 г., они не повторяются в тексте договора 911 г., который наш летописец приводит целиком. Но, допустив продолжительное пребывание русских в Константинополе, византийское правительство должно было договориться с киевским князем, как поступать при возможных столкновениях их с подданными империи. Поэтому в 911 г. Олег послал в Константинополь мужей своих договориться по этому вопросу и окончательно утвердить мир между Византией и Русью. Было установлено, что при разборе каждого преступления нужно основываться на ясных показаниях. Но при сомнительности свидетельства подозреваемая сторона должна была дать клятву, что свидетельство ложно. Каждый клялся по своей вере и принимал казнь, если клялся ложно: 1) за убийство одинаково наказывались смертью греки и русские; 2) за удар мечом платили пять литр серебра, а если не имели средств, то приносили в том присягу и отдавали все свое имущество и одежду; 3) за кражу разрешалось убить вора, если он сопротивлялся, а если не сопротивлялся, то с него брали в три раза больше, чем он похитил; 4) грабитель, применивший насилие, платил втрое больше, чем взял; 5) если греческий корабль терпел бедствие в чужой земле и там оказывались русские, они обязаны были помочь ему добраться домой; 6) если в какой-либо стране обнаруживались русские или греческие невольники, то обе стороны обязывались их выкупать и отправлять на родину, где сторона, оказавшая содействие в выкупе и отправке, получала соответствующую компенсацию; военнопленных также должны были возвращать на родину; за них давали выкуп; 7) те из русских, которые хотели служить в императорской войске, могли делать это ово-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 29—32

бодно; 8) если русских невольников привозили на продажу из какой-либо страны в Византию, а византийских невольников на Русь, то их выкупали по цене 20 золотых и отпускали на родину; 9) если раб был украден на Руси, или уходил сам, или был насильственно уведен и если господин раба жаловался, то раба возвращали на Русь; также купцы русские, потерявшие раба, могли искать его и взять обратно; а если кто не позволял делать обыск, то его обвиняли в краже; 10) если кто из русских, служивших у императора, умирал, не оставив завещания, и не было у него никого из родных, то имение его отсылалось близким на Русь; если перед смертью он указывал наследника своего, то имение переходило к последнему; 11) если взявшийся доставить это имение погибал или не возвращался на Русь, то, по жалобе русских, завещанное в принудительном порядке передавалось им византийским правительством.

Статьи договора 911 г. можно рассматривать как дополнительные к соглашению 907 г. Здесь речь идет не только об условиях торговли между Византией и Русью: в них предусматриваются случаи нарушения обеими сторонами уголовного и гражданского права, международные обязательства русских о возврате имущества византийцев, потерпевших крушение, обязательство взаимного выкупа и возвращения на родину пленников и беглых рабов. Статья о взаимной выдаче военнопленных подтверждает наличие военных действий в период, предшествовавший договору.

Договорные статьи 907 г. и датированный договор 911 г. являются ценнейшим источником по истории Руси начала X в. Самый акт заключения договора свидетельствует о значительном укреплении у византийцев того представления о русских, какое несколько преждевременно высказывал патриарх Фотий в 70-х годах IX в. Русь выступает в этих договорах организованной политической силой, раз Византия могла заключить с ней формальный равноправный договор. В X в. торговые сношения Руси с Византией имели уже настолько важное значение, что явилась потребность регулировать их договорами. При этом инициатива, очевидно, исходила от Руси, так как торговыми путями через Черное море и торговлей в Константинополе Византия пользовалась по собствен-

ному усмотрению и предпочитала диктовать свои условия чужеземным купцам. Но в X в. Киевская Русь была уже достаточно сильна, чтобы заставить Византию договориться с собой. Договоры содержат также указание на политическую форму, которую приняла Днепровская Русь в начале X в. Во главе ее — старший князь, «а под рукою его» — по городам (Чернигов, Переяславль, Полоцк, Любеч и «прочие города») — вассальные князья. Договорные статьи 907 г. свидетельствуют уже о наличии классового общества и государства. Здесь мы читаем: «Заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь и потом даяти уклады на Руськыа город: перьвое на Кпев, та же и на Чернигов, и на Переаславь, и на Полотеск, и на Ростов, и на Любечь, и на прочаа города, по тем бо городом седаху велиции князи, под Ольгом суще»¹.

В договоре 911 г. к этому тексту имеются существенные дополнения. Представители русской стороны в этом договоре посланы были от «Ольга, великого князя русского, и от всех, иже под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр»². В договоре пред нами выступают русские князья, бояре, послы, купцы. Они имеют частное имущество, которым его собственники вправе распоряжаться и передавать по завещанию. Договор 911 г. упоминает о письменных завещаниях. Русские, жившие в Константинополе, могли писать завещания не по-русски, а по-гречески; но в договоре 944 г. русская письменность подразумевается уже с полной определенностью³.

Договоры Олега свидетельствуют, что Русь имела со своими соседями не только враждебные отношения, но и мирные, культурные связи, которые упрочивали внутреннюю силу и мощь древнерусского государства. Из договора 911 г. мы узнаем, что уже до заключения его русские приезжали торговать в Константинополе, нанимались здесь на службу к императорам. Иначе непонятны статьи договора, введенные для урегулирования вопроса об имуществе умерших на императорской службе русских, запрещение приезжающим производить бесчинства в Кон-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 31.

² Там же, стр. 33.

³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 11.

стантинополе, подробное урегулирование вопроса о рабах, бежавших из Руси в Византию, и наоборот. Предоставление договором 911 г. полной свободы русским наниматься на военную службу к византийским императорам только подтверждает то, что уже вошло в обычай раньше. Официальное разрешение, полученное по договору, должно было этот обычай лишь подкрепить. И действительно, с этого времени источники свидетельствуют о наличии целых отрядов русских на византийской военной службе. В 910—911 гг. 700 русских участвовали в неудачном морском походе Имерпия, причем они получали большее содержание, чем византийские матросы. В 936 г., при Романе Лакапине, 415 руссов принимали участие в морском походе в Италию против лангобардов.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что договоры Олега не только по языку, но и по содержанию и по характеру являются славянскими, а не германскими памятниками. В договорах Руси с Византией наши первые князья клянутся славянскими языческими божествами, а не германскими. Отсутствие суровых, жестоких наказаний, право родовой мести представляют собой явления общеславянские. Близость болгарских и русских обычаев IX—X вв. подчеркивается одинаковым способом клятвы у обоих народов. По нашей летописи, русские «полагают кресты своя, и мече свои наги, и прочая оружье да клепутся во всем»¹. Под 907 г. летописец отмечает, что мужи Олега, «по русскому закону кляшася оружием своим». А ответы папы Николая I на вопросы болгарского царя Бориса свидетельствуют о существовании такого же обычая у болгар. «Вы утверждаете, — пишет папа, — что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-нибудь делу, класть перед собой меч, им и клялись»².

Далее, из договоров мы узнаем, что русские князья выдавали своим послам и гостям, отправлявшимся в Византию, печати (быть может, в виде перстней), служившие знаками отличия и достоинства. В сербском законодатель-

¹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 139.

² В. Н. Златарский. Клятвы у языческих болгар. «Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его научной деятельности». Ч. I. СПб., 1907, стр. 251—260.

стве также существовали подобные печати. Там практиковались два способа вызова в суд — посредством печатей и посредством грамот: «Властеле вели да сего призываю с книгом судипомь, а прочи с пачатком»¹.

Что касается внутреннего содержания, в договоре 911 г., как это давно уже показал С. А. Геденов, не имеется никаких следов норманского права, религии, обычаев. Источником его правовых норм служили византийские законы и древнейшая изустная «Русская правда».

¹ «Законник Стефана Душана» в приложении к книге проф. Флоринского «Памятники законодательной деятельности Душана», Киев, 1887, стр. 2.

НАПАДЕНИЕ РУСИ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 941 г.

Предоставление Византией больших льгот, которые она вынуждена была дать Руси по договорам 907—911 гг., вызывалось тяжелым положением империи. Немало еще бедствий, унижений переписала Византия в царствование преемника Льва VI, его брата Александра, и в малолетство Константина Порфирородного — до 919 г. В этом году в Константинополе произошел политический переворот, повлекший за собой некоторые сдвиги в правительственных верхах. Этот переворот был подготовлен крупнейшими внешнеполитическими неудачами: в 914 г. болгары были взяты Андрианополь, а в 917 г. вся византийская армия была уничтожена ими в битве под Анхилом.

Положение империи стало бедственным, и тогда государственную власть захватил в свои руки друнгарий флота Роман Лакапин, сын простого стратигота, который также начал свою деятельность в качестве рядового стратигота фемы Армениак, а затем попал во флот, где дослужился до звания протокараба (капитана корабля). Он стал затем стратиготом Самоса, был назначен в 911 г. великим друнгарием флота, а в 919 г. с помощью моряков императорского флота и при поддержке константинопольского населения совершил государственный переворот¹.

Выступив под предлогом защиты молодого императора, он овладел императорским дворцом, установил опеку над личностью императора, женил его на своей дочери

¹ St. Runciman. The emperor Romanos Lecapenus. Cambridge, 1929, p. 63.

Елене, провозгласил себя кесарем, потом императором, возвел в императорское звание своих трех сыновей, причем законный император — Константин VII — был отодвинут на четвертое место.

Захват власти этим выходцем из народных низов встретил ожесточенное сопротивление византийской аристократии — динатов. Подавляя это сопротивление, Роман и его окружение должны были обновить весь высший административный и военный государственный аппарат. Прежде всего Роман жестоко расправился со своим старым врагом — наиболее видным представителем динатов, главнокомандующим сухопутным войском Львом Фокой, пытавшимся поднять восстание против него в Малой Азии. Он беспощадно подавлял заговоры, организуемые против него поземельной и родовой аристократией. Чтобы подорвать ее экономически, Роман взял курс на развитие мелкой крестьянской собственности и крестьянской общины. Роман хорошо понимал, что крестьянское сельское хозяйство является базой для удовлетворения двух существенных государственных потребностей: взимания налогов и формирования войска¹.

Уже в повелле, опубликованной в апреле 922 г., он постановил ограниченное Львом VI право предпочтения (*πρεξίπρις*) и дал этому порядку новую и отчетливую формулировку. По этой новелле, право на покупку земли, находившейся на территории общины, имели прежде всего родственники, соседи, односельчане, и только в том случае, если все эти лица отказывались от покупки, земля могла быть продана постороннему. Динаты были лишены права покупать или другим способом приобретать крестьянскую землю, если только они сами не владели в данной деревне землей. Виновный в нарушении этого закона должен был возвращать крестьянскую землю без всякого вознаграждения и, сверх того, уплачивать денежный штраф в государственную казну. Лица, разными путями захватившие стратиготскую землю в течение предшествовавших 30 лет, обязывались возвратить ее прежним владельцам, если сохранившееся имущество стояло меньше определенного минимума.

¹ Zachariae Lingenthal. *Jus graeco-romanum*, t. III, p. 250.

Конечно, мы не должны идеализировать Романа, как это делали дореволюционные русские византилисты (Васильевский, Успенский) и продолжают делать современные зарубежные буржуазные ученые (Рансимен), которые подчеркивают «гуманистические» мотивы его деятельности, работу об «общем благе», и прежде всего «о благе византийского крестьянства»¹. Для историка-марксиста совершенно ясно, что Роман, представитель интересов константинопольской служилой верхушки, стремившейся к сохранению централизованного государства, в первую очередь должен был пресечь рост могущества феодалов, задержать развитие центробежных сил, подрывавших авторитет центральной власти, противопоставить крупному феодальному землевладению мелкую крестьянскую собственность и крестьянскую общину, которые государство использовало в своих фискальных и военных делах, а отнюдь не в интересах византийского крестьянства.

Однако необходимо признать, что императорские постановления, несмотря на их категорический характер, не имели должной эффективности, так как государственный аппарат, обновленный только сверху, оказывал пассивное сопротивление новому курсу правительственной политики.

При всем том нельзя сказать, что деятельность Романа и кругов, его выдвинувших, прошла совершенно бесследно для Византии. Пришедшая вместе с Романом к власти группировка сумела все-таки значительно улучшить положение Византии, бывшее критическим в первой четверти X в.

В 927 г. Византии удалось добиться заключения прочного мира с Болгарией. По этому миру Болгария значительно расширила свою территорию; она получила всю Западную Македонию и Фракию и большую часть Албании. Болгарская граница проходила в 20 километрах от Фессалоники. Болгарский царь получил титул василевса. В церковном отношении Болгария становилась совершенно независимой от Византии: она получила самостоятельный патриархат. Наконец, Византия обязалась даже вы-

¹ St. R a n c i m e n. Op. cit., p. 635; Ch. D i e h l. Le monde oriental, p. 525.

плачивать Болгарии ежегодную дань. Но этим миром Византия развязывала себе руки на севере. Роман Лакапин женил преемника Симеона, болгарского царя Петра, на своей внучке, благодаря чему византийское влияние все больше укреплялось в Болгарии, способствуя ее ускоренной феодализации. Установив мир с Болгарией, Византия тем самым получила возможность бросить все свои силы — сухопутные и морские — против арабов.

Новый император, бывший раньше пачальником византийского флота, естественно, уделял ему самое серьезное внимание, и вскоре ему удалось снова превратить Византию в первоклассную морскую державу Европы. Хотя основой обороны Византии было сухопутное войско, но географическое положение Нового Рима всегда обязывало его быть и морской державой.

До середины VII в. Византия являлась бесспорным хозяином всего средиземноморского бассейна, но ожесточенный взрыв классовой борьбы в начале VII в., разгром империи арабами, захватившими восточные провинции, и славянами, заселившими большую часть Балканского полуострова, положили конец хозяйничанью Византии на морях. С одной стороны, начинается пиратская деятельность славян, опустошавших, начиная с 578 г., побережья Далмации, Греции, Крит и другие острова Эгейского моря; с другой — Моавия уже в 649 г. отправил первые корабли созданного арабами флота на Кипр и Родос, затем нанес у берегов Ликии поражение византийскому флоту, руководимому самим императором Константином, и угрожал византийской столице.

С этого времени начинается вековая борьба между морскими силами Византии и арабов, шедшая с переменным успехом. Со второй половины VII в. византийскому правительству пришлось обратить серьезное внимание на организацию своих морских сил, и можно сказать, что именно флот спас Византию в критические для нее годы 673—678 и 717—718.

Морская реформа VII в. была связана с реформой армии и образованием фем. Была создана морская фема Кивирреотов под командованием стратига, руководившего одновременно действиями провинциального и императорского флотов. Со времени Льва III командование императорским флотом было отделено от командования провин-

циальным флотом. Императорский флот (βασιλικὸν πλοῖον) защищал Константинополь и проливы, но в случае необходимости отряды этого флота посылались и в воды Диррахии, и на далматийское побережье, и к берегам Сицилии¹. Императорский флот находился под командованием друнгария флота (δρουγγάριος τοῦ πλοίου), занимавшего определенное место в императорской иерархии чинов и, по клеторологии Филофея, стоявшего непосредственно за логофетом дрома².

Подчиненные друнгарию комиты флота командовали отдельными подразделениями императорского флота (3—5 дромонов) и передавали приказания капитанам кораблей (προτελάται)³.

Часть из этих судов предназначалась для обслуживания императорского двора и комплектовалась лучшими моряками. В случае войны экипажи императорских дромонов и их капитаны (протокарабы) принимали участие в военных действиях и становились под начальство друнгария флота⁴. Численный состав императорского флота приблизительно известен. Из официальных данных критских экспедиций 910 и 949 гг., приложенных к «Книге церемоний», видно, что Имерий в 910 г. командовал императорским флотом в 100 кораблей, в числе которых было 60 дромонов и 40 памфил. Экипаж дромона состоял из 230 гребцов и 60 бойцов, а памфила имела от 130 до 160 чел.⁵

Фемный флот комплектовался из моряков морских фем и содержался за счет этих провинций. Самой значительной морской фемой, дававшей лучших моряков, была Кивирреотская. Имелись также и другие морские фемы. Этот фемный флот должен был охранять Эгейское море от нападения арабов. Экипажи судов морских фем комплектовались прежде всего из стратиотов этих фем. Вторым источником комплектования были мардаиты, выселившиеся из Ливана. Они поставляли матросов для фем

¹ K. Neumann. Die byzantinische Marine. «Hist. Zeitschr.», Bd. LXXI, 1908, S. 4.

² J. B. Bury. The Imperial administrative system in the ninth century. London, 1911, p. 131.

³ Ed. Migne, PG, t. 107; J. B. Bury. Op. cit.

⁴ «De administrando imperio», ed. Migne, PG, t. 113, col. 389.

⁵ «De cerimoniis aulae byzantinae», ed. Migne, PG, t. 112, cap. II, col. 44.

Кивирреотов и островов Эгейского моря. Третий источник — ипоземные наемники, особенно русские. Флотом каждой морской фемы командовал ее стратиг, помощниками его были турмархи.

В то время как императорский флот в экспедиции Империя насчитывал 100 судов, фемный флот был несколько меньшим по численности: в этой экспедиции он состоял из 77 судов, среди которых было 42 дромона и 35 памфил¹.

Самым мощным оружием византийского военного флота был так называемый «греческий огонь» (ὁ γρῆς πῦρ), обеспечивавший временами императорскому флоту подавляющее превосходство над его соперниками. Его изобретатель сириец Каллишик из Бальбека эмигрировал из захваченной арабами Сирии в Константинополь и передал свое изобретение императору Константину Погонату, который впервые с успехом применил это средство в 672 г.²

В одном средневековом трактате IX в. сказано, что «греческий огонь» состоял из смолы, серы, селитры и нефти³.

Источники описывают свойства этого огня: молниеносности, большая сила взрывов⁴. Таким образом, жидкий огонь представлял собой взрывчатое вещество, напоминающее порох, но с добавлением нефти, которая горела в воде.

Жидкий огонь применялся преимущественно в морских сражениях; его метал при помощи сифонов, выходящих на носу корабля из пасти льва золоченой бронзы и опускаемых на другом конце судна в обширные котлы, наполненные этой взрывчатой смесью.

На византийских дромонах X в. устанавливалось обычно по три сифона. Ими управляли сифонарии, находившиеся в деревянных укрытиях на носу корабля⁵. «Греческий огонь» метал также в снарядах, которые разрывались при падении. Эффективность этого боевого

¹ «De cerimoniis aulae byzantinae», t. 112, cap. 11, col. 44.

² Michel le Grand. Texte armenien. Trad. Langlois. Venise, 1868.

³ Marcus Graecus. Liber ignium ad comburendos hostes. Ed. Köhler. «Histoire de la chimie», Paris, 1842, p. 491, 497; Berthelot. La chimie au moyen âge. Paris, 1893.

⁴ «Tactica Leonis», ed. Migne, PG, t. 107, cap. XX.

⁵ «Le livre de cérémonies», texte et trad. française. Commentaire par A. Vogt, vol. II, p. 45.

средства значительно ослаблялась тем, что применить его в морском бою можно было только в тихую погоду.

Хотя византийцы принимали все меры предосторожности, чтобы сохранить секрет «греческого огня» как важнейшую государственную тайну, арабы все же узнали этот секрет и, в свою очередь, применяли «греческий огонь» уже в IX в.¹

Линейными судами попрежнему являлись дромоны, имевшие два ряда весел.

Стрелки занимали на носу корабля крытую эстраду, которая располагалась над сифонами. В центре корабля помещалась деревянная башня (ξύλοκάστρον), где находились орудия для метания снарядов в неприятельские суда².

Командир дромона (κίνητρος) вместе с знаменосцем занимал самое высокое место корабля, откуда он мог видеть все происходившее и управлять движением судна. Адмиральское судно, на борту которого находился командующий флотом, превосходило другие своей величиной, вооружением, скоростью и было укомплектовано отборным экипажем.

Византийские боевые корабли второй категории назывались памфилами, так как в древности они комплектовались из моряков малоазиатской провинции. Памфилы представляли собой легкие боевые суда, экипаж которых первоначально не превышал 40 чел. Но в X в. размер их был увеличен.

Кумвариями (κουμβάρια) называли длинные тихоходные суда. Транспортные тихоходные суда именовались хеландиями. Некоторые транспортные суда представляли собой подвижные арсеналы, снабженные всем необходимым для ведения морской войны. Были суда, специально приспособленные для перевозки лошадей. Легкие суда, предназначенные для разведки (γλῆζις, μολήρης), имели один ряд весел. К каждому дромону прикомандировывалось по два разведочных судна, которые назывались усиями и строились по типу русских ладей.

¹ А. Васильев. Византия и арабы. Т. I. СПб., 1900, стр. 132.

² Serré. Les marines de guerre de l'antiquité et du moyen âge. Vol. I, p. 89.

Таким образом, типы византийских военных кораблей были довольно разнообразны. Лев VI в своей «Тактике» предписывал изменять состав эскадры смотря по тому, с кем приходится сражаться на море, — с арабами или русскими¹.

Главный командир флота нес личную ответственность за боевой порядок и дисциплину, за снабжение флота продовольствием. Он обязан был собирать метеорологические данные и быть в курсе астрономических наблюдений. Флот в походе всегда должен был прикрываться разведочными судами на море и патрулями при остановках на суше и находиться в боевой готовности.

Перед походом главный командир держал военный совет со своим штабом, на котором намечался план военных действий. Приказы с адмиральского корабля передавались сигналами: флагами и огнями².

Византийские моряки были заняты частыми маневрами и примерными сражениями. Учились держать необходимые интервалы между судами, чтобы они не стесняли друг друга и плавание производилось в должном порядке (εὐτάκτως). Основным приемом боевого построения было расположение кораблей в форме полумесяца, причем наиболее сильные дромоны ставились на флангах, а адмиральское судно находилось в центре. Часто византийский флот состоял из трех подразделений, из которых одно атаковывало противника с фронта, а другие два нападали с флангов.

При Романе Лакапине на организацию, снабжение и обучение византийского флота обращено было особенно серьезное внимание. Во главе флота был поставлен вполне компетентный командир — друнгарий Иоанн Радин³.

В 924 г. ему, наконец, удалось победить в морской битве при острове Лемносе опасного врага Византии — Льва Триполийского⁴. Эта битва имела решающие последствия: с того времени морская опасность со стороны арабов была устранена; византийский флот снова надолго

¹ «Tactica Leonis», ed. Migne, PG, t. 107, cap. XIX, col. 1011.

² Ibid.

³ П. Мутафчиев. История Византии. Ч. 1. София, 1947, стр. 410.

⁴ Theophani Continuati, ed. Bonn, p. 465.

становится хозяином Эгейского моря, а Византия — первой морской державой Европы.

О том, какие крупные морские силы была способна выставить Византия во второй половине X в., свидетельствуют данные об экспедиции Никифора Фоки на Крит в 960 г., закончившейся отвоеванием этого острова. В этой экспедиции участвовало 3300 судов всякого рода, среди которых было 2000 транспортных хеландий.

Одновременно Византия повела наступление против Багдадского халифата, который тогда находился в состоянии полного разложения и распался на множество независимых эмиратов. В самом Багдаде халифы сделались игрушкой в руках наемной турецкой гвардии. Таким образом, Византии приходилось вести борьбу также с отдельными арабскими эмирами. Борьба эта шла сначала с переменным успехом, а потом с явным перевесом на стороне Византии. Многие эмиры пограничных областей, не получая никакой помощи от халифа и сознавая свою неспособность сопротивляться византийскому оружию, признавали над собой суверенитет императора и становились таким образом в вассальные отношения к Византии¹.

Достижение побед Византии облегчали армянские феодалы, которые в борьбе с арабами обращались к ней за помощью, рассматривая императоров как своих протекторов. Византийские императоры IX—X вв. умели использовать сложившуюся ситуацию и осыпали знаками внимания царей из династии Багратидов, феодалов Тарона, Васпуракана и др.² Уже при Михаиле III Ашот III признал византийский суверенитет. В 919 г. Торникий из Тарона завещал свою землю империи³.

Византия сумела также заручиться союзом с феодалами Иверии и Кавказа, где Константин Порфирородный насчитывал 14 вассальных архонтов⁴.

Героем наступления на арабов при Романе Лакапине был византийский полководец Куркуас, которого в Ви-

¹ A. Rambaud. L'empire grec au dixième siècle. Paris, 1870, p. 422.

² «Delectus legum», ed. Migne, PG, t. 113, coll. 186—188, 283.

³ N. Adontz. Les Taronites en Arménie et à Byzance. «Byzant.-neugriech. Jahrb.», Bd. X, S. 540—542.

⁴ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Bd. I, S. 585.

запяти называли «вторым Траяном, вторым Велизарием» и о котором с некоторым преувеличением говорили, что он расширил вдвое границы империи и отодвинул их от Галиса до Тигра и Евфрата².

Действительно, в 928 г. византийские войска заняли Феодосиополь, который затем отдали иверам, а в 934 г. — Мелитепу. В Месопотамии в их руки временно попадали Дара, Нисибис, Майфаракан; в Сирии они доходили до Алеппо³.

Таковы были важнейшие события византийской истории в первые 20 лет правления Романа, свидетельствующие о значительном улучшении внешнеполитического положения империи.

Это укрепление позиций Византии не могло не отразиться на ее отношениях с Русью. Византийское правительство теперь могло считать чрезмерными те уступки и привилегии, которые были даны Руси по договорам 907—911 гг. и склонно было их ограничить или даже аннулировать⁴.

Источники X в. показывают, что византийское правительство облагало чужеземных торговцев тяжелыми пошлинами. Византийская администрация была очень требовательна и придирчива к чужеземцам, сурово карала всякие нарушения ими установленных правил торговли⁵. Источники сохраняли множество жалоб иноземных торговцев на притеснения в Византии⁶.

Разумеется, Русь в этом отношении не являлась исключением. Право беспограничной торговли и другие привилегии были даны Руси в период кризиса и тяжелого состояния империи в начале X в.

Теперь, когда дела поправились, византийское правительство, очевидно, признало для себя излишним соблюдать ранее заключенные с Русью договоры.

На такой шаг византийское правительство пошло, однако, только к концу означенного периода. Долгое

¹ Theophani Continuati, p. 427.

² Ibidem.

³ Ch. Diehl. Op. cit., p. 459.

⁴ В. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 62.

⁵ W. Heyd. Geschichte der Levanten-Handels. Bd. I. S. 43, 114—115.

⁶ Liutprandi. Legatio. Ed. Bonn, p. 359.

время между Русью и Византией сохранялись мирные отношения. Русские продолжали служить в качестве наемников в войске византийских императоров. Обычно византийские источники сообщают о них как о простых наемных воинах, служивших преимущественно в византийском флоте. В тот период о русских встречаются только очень редкие упоминания как о служащих в императорской гвардии — гетерии¹. Так, в 934 г. Роман послал патрикия Косьму вести переговоры с лангобардскими феодалами Южной Италии. Его сопровождало 11 хеландий, предназначенных для перевозки 1450 всадников, и 7 *κάρβυρα*, на которых находилось 700 русских. В 935 г. протоспафарий Епифаний с тем же количеством кораблей и тем же экипажем направился к берегам Южной Франции для заключения договора с Гуго Прованским².

О наступившем разрыве свидетельствует поход Руси на Константинополь в 941 г.

Поход Игоря 941 г. описывают многие византийские источники: хроника Псевдо-Симеона Логофёта, работы продолжателей Феофана и Георгия Амартола, Льва Грамматика, житие Василия Нового, изданное по рукописи XIV в. А. Веселовским³.

«Повесть временных лет» рисует картину этого похода на основании сообщений продолжателя Амартола и данных жития Василия Нового.

О походе Игоря упоминает Лиутпранд в своем «Antarodosia», где он дважды говорит о русских. В одном месте он упоминает о них, перечисляя народы, жившие в соседстве с Византией. В другом — говорит о русских, описывая неудачный поход Игоря⁴. Норманисты, толкуя этот текст, приходят к выводу, что Лиутпранд отождествляет русских с норманнами. Но достаточно внимательно ознакомиться с текстом, чтобы убедиться, что

¹ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 428.

² «De cerimoniis...», t. II, col. 44.

³ А. Веселовский. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. ЖМНП, ч. 261, 1891; его же: Разыскания в области духовного стиха. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. 46, вып. 5.

⁴ «Monumenta Germaniae historica Scriptores», t. III, p. 277, 331.

Липутпранд употребляет слово «*nordmann*» в качестве не этнического, а географического термина. В тексте мы читаем: «Есть пекий народ, живущий в северной части, который по свойствам его тела греки называют русскими, а мы по положению местности называем норманнами. На языке тевтонов «*nord*» означает север, «*mann*» означает человек, почему норманнами можно называть людей севера». Здесь Липутпранд прямо указывает, что русские — это народ, живущий в северной части (*sub aquilone parte*), что название «норманны» русским присваивается по расположению местности (*a positione loci*)¹.

Наконец, об этом же походе сохранились известия арабского писателя Масуди, опубликованные А. Я. Гаркави².

Хотя ни один из этих источников не сообщает о причинах нападения Руси на Константинополь, но уже из сказанного выше видно, что поход Игоря на Константинополь в 941 г. нельзя рассматривать как агрессивный акт со стороны Руси. На лучшие условия для торговли, чем те, которые Русь получила от Византии по договору 907—911 г., она не могла рассчитывать. Между тем Константинополь как торговый рынок приобретал для Руси в X в. все большую ценность в связи с упадком торговли Руси с арабами. Таким образом, если бы Византия сохраняла свои договорные обязательства, то нападение Руси на Константинополь представлялось бы актом необъяснимым и бессмысленным.

В буржуазной литературе принято представлять все походы Киевской Руси X в. как грабительские. О жестокости и насилиях русских цветисто говорят византийские источники той эпохи. Наши летописцы переписывали эти византийские обвинения, наивно им доверяя, исходя из монашеской установки, что только после принятия христианства русские перестали быть кровожадными насильниками. Но если не следовать этим рассказам летописцев, то можно допустить, что поход Руси на Константинополь в 941 г. был вынужденным, пред-

¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 48.

² А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 130—133.

принятым киевскими правителями для защиты их насущных экономических интересов.

После того как восточнославянские племена объединились в древнерусском государстве, в результате роста производительных сил, наблюдается дальнейшее развитие ремесла на Руси. При археологических изысканиях почти всегда встречается посуда, выделанная на гончарном кругу; попадаются не только топоры и ножи ремесленной выделки, но и долота, серпы, крючки, дверные запоры, замки. Обнаружение колец, браслетов, серег свидетельствует о том, что в то время развивалось и ювелирное искусство. Вместе с другими данными все это показывает, что процесс отделения ремесла от земледелия продолжал расширяться и углубляться ¹.

Наряду с ремеслом развивалась внутренняя торговля, увеличивалось количество торговых пунктов и ремесленных центров. И в Новгородской и в Киевской Руси вокруг городов возникали торговые посады ².

В то же время наблюдался также и рост внешней торговли с Византией. В половине X в. уже резко обозначился упадок преобладавшей до того русско-арабской торговли; поэтому сильно уменьшается и количество арабских монет, находимых на территории, занятой восточнославянскими племенами. Падает и торговое значение Хазарского государства, которое раньше играло крупную посредническую роль в торговле Руси с Востоком.

Торговля на пути «из варяг в греки» становилась более оживленной, нежели торговля при посредничестве хазар по Оке и Волге. Путь в Византию был гораздо короче, чем в основные хазарские центры, и, следовательно, торговля по этому пути приносила большие выгоды правящим верхам Руси ³.

Основную массу населения на Руси тогда составляли свободные общинники; были также рабовладельцы и рабы. Но в растущем классе феодалов начинают растворяться рабовладельческие группы. Уже в начале X в. источники сообщают о боярах, т. е. употребляют термин, который в XI в. обозначал феодала, крупного земле-

¹ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 75.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 15.

³ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 75—76.

владельца. В договоре 944 г. говорится: «А великий князь русский и боляре его да посылают в греки к великим цесарем греческим корабли, елико хотят, со слы и с гостыми»¹.

Эти группы обогащались на торговле с Византией; торговля имела для них огромное значение, и они, естественно, должны были быстро и энергично реагировать на нарушение Византией договора 907—911 г.

В мае или начале июня 941 г. русские на многочисленных ладьях подплыли к черноморскому побережью Вифинии, недалеко от входа в Босфор, у устья р. Ривы. Река Рива, с местечком Рива при ее устье у Черного моря, существует и теперь.

В источниках сообщаются недостоверные сведения о силах Игоря. Псевдо-Симеон и другие византийские писатели определяют численность русских судов в 10 тыс. ладей, что составило бы 400 тыс. чел., — цифра, конечно, совершенно невероятная. Лиутпранд говорит, что ладей было свыше тысячи; это тоже представляет преувеличение².

Поход 941 г., как и другие походы русских того времени, был комбинированным — сухопутным и морским, но военные действия на море занимали в нем очень видное место. И потому мы, охарактеризовав византийский военный флот, обязаны остановиться на мореходстве русских. Норманисты, в частности А. А. Куник, доказывали, что морские походы IX—X вв. на Константинополь предпринимали норманны; они пытались уверить читателя, что славяне боялись моря. Но данные о мореходстве древних славян и Руси, собранные В. В. Мавродыным и другими советскими историками, опровергают это ошибочное представление. Хорошо известны плавания по морям и морские походы славян южных и западных в VI—VII вв. Мы знаем о плаваниях славян по южным морям и островам Эгейского моря, когда в начале VII в. на своих лодках-однодеревках (моноксилах) они бороздили воды Эгейского, Средиземного и Адриатического морей и силу их ударов познали Эпар и Ахайя,

¹ Лаврентьевская летопись под 944 г., ПСРЛ, т. I, стр. 20.

² Liutprandi. Antapodosis. Cap. V, p. 15.

Малая Азия и Апулия, Крит и Солупь, Киклады и Иллирик¹.

Довольно много сведений о действиях славян в восточной части Средиземного моря, у берегов Греции и Малой Азии, мы находим в житии Димитрия Солунского².

Заслуживает внимания высказанное Б. А. Рыбаковым предположение, что среди упоминаемых источниками морских походов славян можно усматривать и походы антов. Некоторые византийские источники (Пасхальная хроника, сообщения Феофана, Никифора) повествуют об осаде Константинополя в 626 г. славянами и аvaraми. Имеются грузинские источники, например рукопись Григория Мтацминдели XI в., дающие ценные указания об участии восточных славян в осаде Константинополя в 626 г. Известны плавания славян по Адриатическому морю, славянскому Ядру, на берегах которого возникла «Славянская Венеция» — Дубровник.

Не приходится уже говорить о западных славянах, заселивших все побережье Балтийского моря от Старгарда в земле вагров, у самых границ Дании, и до древнего Коданского залива, где был основан польский город Гданск.

Восточные славяне не отставали от западных и южных. Развитие военных сил Руси на грани VIII и IX вв. должно было вызвать организацию ряда походов на Черное и Каспийское моря. Первыми походами Руси, возвестившими о выходе русских на широкие просторы мировой империи, были морские походы.

Теперь уже нельзя сомневаться в древности днепровского водного пути, по которому плыли в Черное море одноподервни славян. В 40-х годах IX в. Ибн-Хордадбег пишет как о чем-то обычном и давно установившемся о «пути купцов, руссов, а они принадлежат к славянам», по Черному морю в Византию (Рум), по Дону и Волге в Хазарию и далее, на Каспий. Ибн-Хордадбег, написавший, как это доказали де Гуэ и Марквардт, ту часть своей истории, где говорится о плаваниях русских купцов, не позднее 846—847 гг., не только рисует нам

¹ В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии и Испании. СПб., 1859, стр. 16—17.

² «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 6, 1848, стр. 19.

два русских пути — Черноморский и Каспийский, сложившиеся в стародавние времена, но и сообщает, что руссы — это славяне. Свое сообщение он подтверждает любопытным указанием на то, что приезжавшие в Багдад руссы использовали в качестве переводчиков евнухов-славян, живших в Багдаде¹.

Накопец, Аль-Масуди в своих «Золотых дугах» (940-е годы) говорит о море Найтас, которое является русским морем. Никто, кроме «них», русских, не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов².

Таким образом, у Масуди Черное море превращается в русское море. Допуская в его рассказе известное преувеличение, мы все же не можем отрицать наличия оживленного русского мореплавания на Черном море в X в.

Вполне естественно, что нас интересует вопрос: какими средствами преодолевания водных пространств обладали русские славяне, как выглядели их суда в IX—X вв.?

Н. П. Загоскин намечает несколько этапов в развитии судостроения у восточных славян и несколько типов судов, последовательно сменявших друг друга.

Византийские источники IX—X вв. сообщают о русских однодеревках (*μονόξυλα*). Это были огромные древесные стволы, выдолбленные внутри, могущие вместить значительное количество людей. Такие долбленые однодеревки в первоначальном своем виде употреблялись в качестве речных судов главным образом на небольших речках и озерах; на море же они, вероятно, в скором времени уступили свое место судам другого типа. С этим типом судна русские и выступили в военно-морской истории и появились у стен Сурожа и Амастриды, Константинополя и Бердаа. Хотя у византийцев эти суда сохранили название моноксил, но таковыми они уже, собственно, не были, уйдя далеко вперед по сравнению с подлинной долбленой ладьей-однодеревкой и получив название в источниках «набойной ладьи», или «насада». Об этом типе судов сообщают «Повесть временных лет»,

¹ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 48—49.

² М. С. Грушевський. Військи в жерел до історії України — Русі. Львов, 1895, стр. 1920; А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 130.

Ипатьевская летопись, новгородские летописи, «Русская правда», «Слово о полку Игореве»¹.

Долбленая колода — однодеревка — составляла у «набойной ладьи» как бы только основу, остов. К бортам колоды в надводной части такой ладьи нашивались путем «набоя» край на край, одна на другую, доски, что значительно увеличивало ее размеры, грузоподъемность и устойчивость².

Наконец, к третьему типу относились суда, целиком сделанные из досок (ладья досчатая, или досчаник). Размеры такого судна не регламентировались величиной колоды, и форма его целиком зависела от желания судостроителей. Такого рода ладьи, по мнению Н. П. Загоскина, очевидно, со временем получили преимущество перед «набойными» ладьями и стали называться ладьями «морскими», или «заморскими»³. О древности такого рода ладей свидетельствуют археологические раскопки, проведенные В. И. Равдоникасом в Старой Ладоге в 1948 г. Ему удалось обнаружить в слоях X в. так называемые «кокоры» такой досчатой ладьи. Это прикладные деревянные скрепы — ребра (шпангоуты, служащие для соединения и скрепления досок, составляющих борт такой ладьи «заморской»).

Какова была грузоподъемность русских судов IX—X вв.? Прямые указания мы имеем только о грузоподъемности русских судов, совершавших морские походы. В договоре Олега сказано прямо: «а в корабли по 40 мужь»⁴. Из сочинения Константина Порфирородного «De cerimoniis aulae byzantinae» мы узнаем, что на семи русских судах помещалось 415 воинов, на десяти — 629. Таким образом, надо полагать, что русские морские ладьи вмещали 40—60 чел. Конечно, в ладьи грузили,

¹ В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, стр. 132—133; Новгородская IV летопись, ПСРЛ, т. III, стр. 42.

² Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910, стр. 366, 367; В. И. Беляев. Материалы по истории русского флота. М.—Л., 1940, стр. 16.

³ Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 366—367.

⁴ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 134; «Повесть временных лет», ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 30; «De cerimoniis...», т. I, coll. 664—665.

кроме того, оружие, одежду, пищу, пресную воду. Все это заставляет нас прийти к выводу, что эти морские лады были достаточно больших размеров.

В распоряжении судостроителей древней Руси имелись разнообразные орудия труда: топоры, долота (простые и втульчатые), пилы, сверла, скабеля, тесла. Отправляясь в морской поход, русские брали с собой инструменты, необходимые для починки оружия, для ремонта судов. Так, например, о захвативших в 944 г. Бердаа русских восточные источники сообщают, что они «навешивают на себя большую часть орудий ремесленника, состоящих из топора, пилы, молотка и того, что похоже на них»¹.

Константин Порфирородный сообщает, что руссы оснащают однодеревки, снабжают их уключинами, веслами и прочими снастями и, очевидно, тут же их обшивают досками. В «набойных» ладах доски либо прикреплялись к колоде деревянными гвоздями, либо пришивались (отсюда позднейшее «шпик») кювыми прутьями или корнями можжевельника².

Из сочинения Константина Порфирородного мы узнаем, что окончательная отделка русской лады, направлявшейся в Константинополь, происходила уже на пути, на острове Эльферия, последней стоянке русских перед выходом в море. Здесь они прилаживали к своим кораблям мачту с реей (шегла), устраивали уключины («ключь»), паруса («пре»). Быть может, для непотопляемости и устойчивости «корабли» древних русских, как и чрезвычайно похожие на них «чайки» и «дубы» казаков, по бортам обкладывались связками сухого очерета (камыша).

Плавали по морю держась берегов, боясь потерять берег из виду. Ориентиром служили знакомые очертания берегов, звезды, солнце. Одно и то же судно выступало и в качестве морского и в качестве речного. Походы одновременно предпринимались и по суше и по морю. Поход по суше превращался в морской, а морской закан-

¹ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мисковейх о походе руссов в Бердаа в 332 г. «Византийский временник», XXIV, 1926, стр. 65; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 136.

² Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 373; П. И. Белавенед. Указ. соч., стр. 16; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 137.

чивался военными действиями на суше. С судов высаживали десанты. Внутри войска древней Руси никакого деления на сухопутное и морское не было и быть не могло. Один и тот же воин сражался и на море и на суше. Дружинная организация в одинаковой мере была присуща русским воинам, ведущим военные действия на суше и на море. Никакого особого оружия русские мореходы не знали. Русские морские ладьи обязательно должны были употребляться в качестве речных судов. В «Тактике» императора Льва мы находим указание на эту особенность русских судов. «Малые и большие дромоны, — дает указание византийский император своему начальнику флота, — ты снаряжаешь в зависимости от свойств воюющих с тобою народов, так как не одна и та же эскадра пригодна для действий против сарацинских варваров и против так называемых северных скифов [русских]. Ибо варвары-сарацины пользуются кумбарями большими и малоподвижными, а ладьи у скифов малые и быстроходные, потому что невозможно пользоваться большими кораблями в реках, впадающих в Эвксинский порт».

Легкостью, подвижностью и быстроходностью русских судов диктовалась и соответствующая тактика морского боя. Полная неожиданность атаки, возможность быстрого отступления в открытое море или к мелководным побережьям, речным устьям, где не в состоянии были настигнуть тяжелые суда византийского флота, — такова была морская тактика наших предков, требовавшая флота легкого, подвижного, могущего, смотря по обстоятельствам, идти на веслах так же, как и под парусами.

Таким образом, в морском искусстве Русь IX—X вв. шла самобытным путем, отнюдь не отгораживаясь от соседей, заимствуя у них способы ведения боя и, в свою очередь, передавая им свои навыки, опыт, искусство, создавая свои суда и своеобразную морскую тактику, эффективную и живучую, унаследованную в модифицированном виде казаками XVI—XVII вв.

Скорость хода и маневренность иногда помогали русским причинять серьезный ущерб лучшему тогда в Европе византийскому флоту. Надо полагать, успешными были морские действия русских при Олеге. В 1043 г.

византийский другарий Феодорокан неосторожно увлекся преследованием русских судов. Русские, используя свое превосходство в маневренности, быстроходности и численности, быстро окружили зарвавшиеся византийские суда, пустили ко дву несколько неприятельских дромонов, четыре галеры, захватили и убили самого Феодорокана¹.

Но такие частные удачи русские могли иметь, используя главным образом момент неожиданности или ошибки византийцев. В походе 941 г. таких благоприятных условий для русских не представилось.

Русские попытались проникнуть в Босфор и здесь вступили в бой с морским флотом Византии. Хотя русский поход не застал Византию совершенно врасплох и херсонский стратиг успел дать императору сведения о готовящемся русском нападении, тем не менее при получении известия о походе русских Роман находился, по сообщению источников, в затруднительном положении, так как сил для защиты столицы было мало: большая часть сухопутной армии находилась на восточной границе, флот же был отвлечен действиями против арабов и охраной островов Эгейского моря. Однако Роман быстро собрал флот для отражения русского нападения, часть из старых судов, которые были спешно исправлены², и поставил во главе его патрикия Феофана, который встретил русские ладьи у Иерона, недалеко от маяка, стоявшего при входе из Черного моря в Босфор.

Византийские источники сообщают, что в происшедшем сражении русские потерпели сильное поражение, особенно вследствие губительного действия «греческого огня», и отступили в беспорядке на восток, к византийской местности Сгора.

Византийский флот помешал русским ладьям проникнуть в Босфор, но, говоря о поражении русских при этом первом столкновении, византийские источники чрезмерно сгущают краски, так как Игорь не только не искал спасения в бегстве, но оставался в пределах византийской империи еще более 2 месяцев, подвергая опустошению византийскую провинцию Вифинию. Это было бы, ко-

¹ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 139.

² Luitprandi. Antapodosis. Cap. V, p. 15.

нечно, невозможно, если бы в первом морском бою Игорь потерпел решительное поражение.

Из всех источников только житие Василия Нового точно обозначает район, который русские подвергли опустошению. Из этого жития мы узнаем, что русские производили набеги до Ираклии по морскому побережью (до Амастриды, таким образом, они не доходили), а на суше — до границ Пафлагонской фемы. На юге они опустошили всю Никомидийскую стратегию и азиатское побережье Босфора до Никомидии¹.

Между тем Роман Лакапин успел за это время стянуть к столице значительные силы. Правительство даже решилось отозвать с восточной границы доместика схол Иоанна Куркуаса со всем его войском. Оно могло это сделать, так как главный враг Византии — Сейф-Эд-Доуле — во время похода Игоря был отвлечен смутами, наступившими в халифате после смерти халифа Ар-Ради, и потому в течение длительного времени не тревожил византийских границ. Не ограничиваясь этим, византийское правительство бросило против Игоря войска европейских фем: отборный отряд македонской конницы и пехоты во главе с патриkiem Вардой Фокой, а также фракийское войско, возглавляемое стратигом Феодором Спонгарием и доместиком Панфиром². Русские были отеснены к морскому побережью и блокированы. Испытывая недостаток в съестных припасах, они в сентябре 941 г. прорвали блокаду и ночью на своих ладьях направились к фракийскому побережью; но их нагнал патрикий Феофан, и в морском бою русские потерпели большие потери от «греческого огня». По сообщению византийских источников, только немногие ладьи русских во главе с Игорем достигли своей родины³.

Вернувшись домой, участники похода объясняли свою неудачу действием «греческого огня» и тем, что их опол-

¹ А. Веселовский. Указ. соч., стр. 85.

² Последние два имени встречаются только в житии Василия Нового. Отсюда эти имена перешли в русскую летопись.

³ А. Веселовский. Указ. соч., стр. 83—89; Theophani Continuati, стр. 423—428; Symeoni Magistri, p. 746—747; Leonis Grammatici, p. 323—324; Cedreni, t. II, p. 316—317; Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 44—45.

чение было слишком немногочисленно. Из источников, однако, видно, что неудача 941 г. не смутила Игоря и не ослабила его заметным образом. Русская летопись под 944 г. сообщает, что Игорь, «совокупив вой многи, Варяги, Русь и Поляны, Словени, и Кривичи, и Тверьце, и Печенеги поя, и тали у них поя, поиде на греки в ладъех и на конех, хотя мстити себе»¹.

Далее летопись рассказывает, что когда силы Руси двинулись на Византию, угрожая ей с суши и моря, то на Дунае русские были встречены послами Романа, которые предложили Игорю попрежнему брать с Византии дань, «ниже имал Олег», и заключить договор. Договор был заключен, и, взяв у греков «злато и поволоки на все вой», Игорь повернул обратно.

Мы не обязаны верить сообщениям летописца о большой дани, будто бы полученной Русью от Византии, тем более, что дошедший до нас договор Игоря с Византией не подтверждает этих сообщений (условия его значительно менее выгодны для Руси, чем условия договора 907—911 гг.). Однако, несомненно, заключению договора предшествовали значительные вооружения Руси и, возможно, военные действия. Это и заставило Византию искать соглашения с Русью. Что заключению договора 944 г. предшествовало вооружение Руси, подтверждается немедленной после замирения с Византией отправкой большого русского войска в новый поход — в далекое Закавказье. На возможную связь между не осуществленным до конца походом на Византию 944 г. и походом русских на восток, предпринятым в том же 944 г., историки уже указывали (Беляев, Куник, Бартольд)².

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 944 г. Первое упоминание о печенегах мы находим в «Повести временных лет» под 915 г., где сказано: «приидоша печенези первое на русскую землю и створиши мир с Игорем, идоша к Дунаю». Пять лет спустя, в 920 г., Игорь уже воюет с печенегами (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 42—43). В 944 г. печенеги вступили с Русью в договорные отношения, согласно которым они участвовали в походе Игоря на греков в 944 г. Русский князь, по летописи, не вполне доверял своим союзникам, от которых он потребовал «талей», т. е. заложников; В. Лясковский. Русские походы в степи в удельное время. ЖМНП, март 1907, стр. 3.

² В. Н. Бартольд. Арабские известия о руссах. «Сов. востоковедение», т. I, 1940, стр. 20—23, 44.

Действительно, нельзя не обратить внимания на хронологическую связь между походами русских на Константинополь и на побережье Каспия. Первый большой поход русских в Закавказье в 913—914 гг. последовал за походом Олега на Константинополь. Ему предшествовало заключение с Византией договора 911 г.

Набег русских на Табаристан также последовал за походом на Константинополь в 860 г., и ему также предшествовал мирный договор между русскими и ромеями. И, наконец, поход на Бердаа 944 г. тоже имел место вслед за походом Игоря на Византию.

Разумеется, эта связь не случайна. Можно было бы предположить, что поход на Каспий совершила какая-то русская вольница, не зависевшая от киевского князя, и поэтому-то о нем ничего не говорит наша летопись, отмечавшая походы, организованные древнерусским государством, а не русской вольницей. Но синхронность и взаимообусловленность активности русских у стен Византии и на берегах Каспия, причем активность русских на Каспии обуславливалась успехами их в борьбе с Византией, свидетельствуют о временной связи двух направлений внешней политики и военных усилий молодого русского государства. Русские становились активными на Востоке или тогда, когда взаимоотношения с империей регулировались мирными и выгодными для Русь договорами, или тогда, когда Русь, по меньшей мере, могла не опасаться активности империи и подумать об укреплении своих позиций на Востоке. Не исключена возможность и того, что русские устремились в Закавказье в результате подстрекательства Романа Лакапина, о котором упоминает «Кембриджский документ». По рассказу еврея Бара, «вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердаа»¹. Упоминание об аланах, лезгах наряду со славянами свидетельствует о том, что в этом походе русские изменили свой обычный маршрут: шли не Доном — Волгой, как в предыдущие походы, а пересекли материк от Азовского моря до Каспийского к северу от Кавказского хребта.

¹ В. Д о р н. Указ. соч., стр. 515.

Именно такой вывод и сделал известный ориенталист В. В. Григорьев на основании современных источников¹. В этом походе участвовали значительные силы. Русские нанесли два сильных поражения многочисленным войскам правителя Азербайджана, захватили богатейший и крупнейший город этой страны — Бердаа — и даже сделали попытку утвердиться в далеком Закавказье, на реке Куре. О походе русских на Бердаа долго помнили в Закавказье. Великий азербайджанский поэт Низами в своем «Искандер Намэ» заставляет выступить против русских самого Александра Македонского, который, хотя и победил весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление русских². Таким образом, можно считать установленным, что заключению договора 944 г. предшествовали серьезные русские вооружения. Но весьма вероятно, что заключению мира с Византией предшествовали также и военные действия Руси в Крыму. Русь имела возможность нанести чувствительный удар Византии, не пускаясь в рискованные, как показал опыт, морские экспедиции против самого Константинополя. Такой удар она могла нанести в Крыму, где, как известно, владения Византии на южном побережье представляли собой административную единицу — фему, стратиг которой, присылаемый из Константинополя, имел пребывание в Херсонесе.

В первом параграфе раздела (в дошедшем до нас договоре 944 г.) «О корсуньстей стране» мы читаем: «А о корсуньстей стране. Елико же есть городов на той части, да не имате волости, князи русии, да воюете на тех странах, и та страна не покоряется вам»³. Очевидно, этот пункт был включен в текст договора именно потому, что Херсонес и другие византийские владения

¹ В. Григорьев. О походе древних русских на восток России и Азии. СПб., 1876.

² С. Н. Толстов. Из предистории Руси. «Сов. этнография», тт. VI—VII, 1947, стр. 40.

³ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 945 г. Термин «часть» — очевидно, перевод греческого слова *meros*, которое встречается у Константина Порфирородного в его труде «De administrando imperio». Поэтому выражение: «елико же есть городов на той части» — означает Херсонес и Климаты.

в Крыму уже подвергались нападениям русских. Договор 944 г. обязывает Игоря положить этому конец¹.

Независимо от трудностей, которые представляла защита Херсонеса и климатов от нападения Руси, вся внутренняя и внешняя обстановка вынуждала правительство Романа стремиться к компромиссному соглашению с Русью, несмотря на победу 941 г.

В 944 г., после устранения Куркуаса, успехи на восточной границе сменились неудачами. Тяжелой была обстановка и в столице. Новелла 943 г., резко осуждающая саботаж динатов и чиновников, тормозивших проведение в жизнь ранее изданных императорских постановлений в защиту «убогих», объявляющая недействительной произведенную динатами скупку земель у «убогих» во время голода 927 г. и предписывающая возвратить «убогим» захваченную у них землю, еще больше озлобила динатов против Романа. Императорский дворец в то время представлял собой сплошной клубок интриг и заговоров. В декабре 944 г. Роман был, как известно, низложен и сослан своими собственными сыновьями Стефаном и Константином, а 27 января 945 г. такая же участь постигла и сыновей Романа, свергнутых блоком служилой верхушки и динатов, приверженцами Македонской династии, среди которых снова на первый план выступает фамилия Фокадов.

Поскольку договор Игоря, сохранившийся нашей летописью, подписывали Роман, Стефан и Константин совместно, то сделать это в 945 г., как обычно датируется этот договор, они, конечно, не могли. Заключение договора, помещенного в летописи под 945 г., несомненно, относится к 944 г., т. е. к тому самому времени, когда назревали крупные события в правящих кругах Византии. Вместе с другими указанными нами обстоятельствами это и объясняет, почему правительство Романа предпочло войне мирное соглашение с Русью.

Как указывает наша летопись, инициатива заключения договора на этот раз исходила от Византии. Греческие послы встретились с Игорем на Дунае или в Киеве и пришли с ним к соглашению. После этого Игорь отправил своих послов в Константинополь. Там они оконча-

¹ A. Vasiliev. The Goths in the Crimea, стр. 118.

тельно установили пункты соглашения с уполномоченными императора. Последние были написаны на двух хартиях, одна — на греческом языке, другая — на русском. Из заключения, следующего за статьями договора, видим, что на одной из них был крест и подписи императоров, а на другой — подписи русских послов¹. Вступление к договорным статьям начинается так же, как в договоре Олеговом, с персменой, конечно, имен послов, и отражает фразеологию византийских документов такого рода. За вступлением следует присяга, данная послами, в которой они от имени Игоря клянутся соблюдать договор, — византийское правительство очень заботилось, чтобы соответствующее правительство давало присягу в выполнении договора. Место договора от слов: «мы же, елико нас крестимая есмь», до слов — «и да будет клята от бога и Перуна, яко преступи свою клятву» включительно — и является формулой присяги, которую должны были дать Игорь и его люди². Византийские дипломаты, очевидно, знали формулу наиболее торжественной присяги, употребляемую русскими, и включили ее в договор, обеспечивая таким образом себя от возможности обмана со стороны русских.

Свое официальное значение договор получил только после того, как «Игорь и люди его» утвердили его присягой.

Язычники присягали в Киеве на холме, где стоял идол Перуна. «Некрещеная Русь да полагают щиты своя, и мечи свое паги, и обруч свое, и прочая оружья, да кленутся о всем, яже суть написана на харатьи сей»³. Когда церемония была окончена, Игорь одарил византийских послов и отпустил их домой.

Приступая к анализу договора, мы должны, прежде всего, поставить вопрос, насколько полным и подлинным

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 52.

² Там же, стр. 53.

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 53. «Наги», т. е. вынутые из ножен в знак того, что преступивший клятву должен умереть от оружия; обручи — ручные запястья и, может быть, шейные гривны. «Прочая оружья» — остальные воинские доспехи, над которыми, положившими на землю, должны были пронаести клятву: «да будем золоты, яко золото сая».

является дошедший до нас договор Игоря. В подлинности его никто теперь не сомневается. Однако уже давным-давно некоторые историки высказывали мысль, что договор 944 г. представляет собой только дополнение к договору 911 г. и потому содержит один лишь добавочные статьи, дополняющие и изменяющие статьи договора Олега, и что статьи договора 911 г., не измененные договором 944 г., продолжали действовать, хотя и не были повторены.

Но уже В. И. Сергеевич указал, что в обоих договорах имеются совершенно сходные статьи, в которых нельзя усмотреть никакого различия. Если в одном случае нашли возможным повторить старую статью, то отчего же не сделать этого в другом. «Кроме того, — говорит В. И. Сергеевич, — договор 944 г. ссылается иногда на прежний мир, прямо подтверждая его статьи. Если такой подтвердительной ссылки нет, это значит, что составители договора не находили нужным настаивать на сохранении той или иной статьи предшествующего договора»¹.

Таким образом, в договоре Игоря мы видим не дополнение к прежнему договору 911 г., а самостоятельный акт. Несомненно, договор 944 г. менее выгоден для русских, чем договор 911 г. Этот договор Руси с греками отразил в себе новое соотношение сил между договаривающимися сторонами. Русь была вынуждена отказаться от некоторых прежних преимуществ, должна была снова платить торговые пошлины в Константинополе и взят на себя ряд новых обязательств по отношению к Византии.

Но нельзя также считать, как это делает А. Дмитриу, что дошедший до нас текст договора содержит только обязательства Руси². В этом тексте имеются также и обязательства Византии. Византия обязуется принимать в Константинополе любое количество русских ладей с послами и гостями (без права зимовки), отводить послам и купцам особое помещение в предместье Константинополя, попрежнему выдавать послам «слебнов», гостям

¹ В. И. Сергеевич. Лекции и исследования, стр. 622—623.

² А. Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками. «Византийский вестник», т. II, вып. 3, 1895, стр. 550.

«месячное», отъезжающих русских снабжать необходимым продовольствием и снаряжением, обязуется даже, при известных условиях, оказывать русскому князю военную помощь.

Таким образом, перед нами две равноправные договаривающиеся стороны. Поэтому Б. Д. Греков прав, рассматривая договор 944 г. как следствие компромиссного соглашения с греками, хотя и менее выгодного для Руси, чем договоры Олега.

Мы уже выяснили обстановку, при которой был заключен этот договор. Положение Игоря было иным, чем положение Олега, вследствие поражения 941 г. Хотя Византия сочла целесообразным заключить мир и снова разрешить русским торговать в Константинополе при организации Игорем второго похода и обозначившейся угрозе крымским владениям империи, все же Игорь был вынужден пойти на ряд ограничений торговли по сравнению с предшествующими договорами и на принятие некоторых обязательств, до сих пор не известных.

Следовательно, договор 944 г. не мог явиться повторением договора 911 г. В нем имеется довольно значительный новый текст. В нем нет статей, касающихся военной службы русских в Константинополе, наследства, выдачи преступников. Но зато в договоре имеются статьи, определяющие права торговли русских в Константинополе, уточняющие положение русских купцов, а главное — статьи, относящиеся к внешней политике Руси и Византии.

Отличие договора 944 г. от предшествующих ясно выявляется при постатейном его рассмотрении.

В начале договора сообщается, что его заключили послы великого князя Игоря, послы бояр и купцы, посланные «обновить ветхий мир» и «утвердить любовь межю Греки и Русью».

Договор Игоря заключен не от имени одного только великого князя киевского. Мы видим здесь твердо установившуюся практику посылать в Константинополь для заключения мира и для переговоров представителей как самих великих князей, так и крупнейших и знатнейших государственных деятелей. Уполномоченные были посланы к византийскому двору от «Игоря, великого князя

Руськаго, и от всякой княжыи и от всех людей Руськыя земли»¹. В договоре имеется очень любопытный перечень этих уполномоченных — «слов» и купцов. Он показывает, какое высокое положение занимали послы в русском обществе и государстве. В договоре они поставлены на первом месте; до 944 г. они являлись в Константинополь с золотыми печатями, они получали здесь лучшее содержание, чем купцы. Но если послы играли видную роль в русском обществе, то еще более высокое положение занимали лица, их пославшие. В договоре 944 г. поименно перечислены эти князья и влиятельные и богатейшие бояре.

Среди них имеются мужчины и женщины. У каждого из них есть особый уполномоченный при заключении договора. Ивор является посланником самого Игоря, великого князя русского. Он стоит на первом месте и не смешивается с остальными, «общими слами». Среди этих последних в порядке их упоминания идут: Буефаст — посол Святослава, сына Игорева; Искусеви — посол Ольги, княгини, жены Игоревой; Слуды — посол Игоря, племянника Игорева; Владислав уполномочил Улеба; Предслава посылала своим послом в Константинополь Каницара и т. д.² Эти доверенные люди, вероятно, являлись видными членами дворов князей и бояр их дружинниками. Очевидно, и после смерти глав этих крупных боярских фамилий дружинники оставались в составе того же двора и служили знатым домам, возглавленным женщинами. Должно быть, у перечисленных в договоре особ, их вдов и жен на Руси имелись свои дворы, т. е. усадебная оседлость, хозяйственные постройки, земля, обрабатываемая руками «челяди», известное количество военных и невоенных слуг.

В случае смерти боярина его дом не прекращал своей жизни; во главе его становилась жена — вдова. Она также посылала своего представителя в Византию. «Все это говорит нам об устойчивости этих крупных фамильных, переходящих от отцов к женам и детям владений, об организованности этих дворов, прежде всего в смысле люд-

¹ Лаврентьевская летопись под 945 г.

² Там же.

ского комплекса, собранного под властью своего хозяина, о большой их политической силе»¹.

Таким крупным представителем знати во времена Игоря был, например, Свенельд, богатейший человек, имевший свою прекрасно снабженную всем необходимым сильную дружину. О роли, которую играли знатные фамилии, свидетельствуют интереснейшие наблюдения Б. А. Рыбакова, прослеживающего знаки собственности не только у князей, но и у бояр². Б. Д. Греков обращает внимание на совпадение имен нескольких новгородских землевладельцев-бояр с именами тех, которые посылали своих уполномоченных в Византию в 944 г. [Тудор, Спирк (Сфирк)]³.

В договоре названо 20 послов и 30 купцов. Среди знатных особ, направлявших своих послов в Византию, несомненный славянин Владислав, славянка — Предслава. Славяне, повидимому, и Улеб, Гута, Воик, Ута. Среди имен послов, отправленных в Византию, встречаются скандинавские имена, такие, например, как Турд (Hódr), Гунарей (Gunnarr), Берков (Björk) и др. Некоторые имена (Искуссеви, Каницар, Акубьскар) признаются восточными («чуждскими»), другие тюркскими (Алдап, Алдуб), западнофинскими (Либби, Либь), литовскими (Явтяг, Ятвят)⁴.

Если в перечне имен договора встречаются скандинавские имена, то отсюда нельзя делать вывод в пользу теории норманистов. Наличие этих имен означает только, что в составе населения русских городов в X в. находились и скандинавы; некоторые из них пользовались доверием князей и вельмож и проникали в состав правящей верхушки Руси.

Таким образом, в договоре Игоря совершенно ясно названы те общественные силы, которые главным образом и были заинтересованы в торговле с Византией. Это князь и бояре его, которые имели право посылать

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 127.

² Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. «Сов. археология», т. V, 1940.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 130.

⁴ Я. Зутис. Русско-восточные отношения. «История-марксизм», № 3, 1940, стр. 40.

в Византию свои корабли в неограниченном количестве «со слы и гостыми».

Они и были руководителями пресловутой торговли с Византией. Гости — купцы — играли роль второстепенную. Бояре их сажали вместе со своими послами на корабли, отправляемые в Византию. Эта правящая прослойка принимала участие не только во внешних отношениях с другими государствами, но и в делах внутренних. Она являлась главной опорой киевского князя, который представлял интересы растущего класса феодалов; бояре, в свою очередь, были заинтересованы в поддержании авторитета великокняжеской власти, так как иначе они не могли укрепить свои классовые позиции.

Первым пунктом договора устанавливается право великого князя киевского и его бояр отправлять в Византию корабли в нужном им количестве с послами и гостями. По договору Олега, послы киевского князя должны были представлять в Константинополь золотые печати, купцы — серебряные. По договору Игоря, послы и купцы представляли документ, подписанный киевским князем. Если послы и купцы являлись без этого документа, они арестовывались, и об их приходе сообщалось великому князю. Если же они оказывали сопротивление, то их убивали.

По этому договору Византия обязывала русских покупать византийские товары, не позволяя им ограничиваться лишь продажей привезенных русских товаров.

С этой целью в договор была введена специальная оговорка: «аще придуть Русь без купли, да не взимают месячины»¹. Далее, великий князь обязывался запретить русским послам и гостям (купцам) творить бесчинства в Константинополе и вообще на территории империи. Приезжавших для торговли русских послов и гостей поселяли в предместье Константинополя, близ храма св. Мамы, в современном Бетих-Таш². Имена их переписывали, и после этого послы получали «слебное», а гости «месячное», а также продовольствие и необходимое снаряжение на обратный путь. В договоре опять подчеркивается, что основным ядром древнерусского госу-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 48.

² J. Pargoire. Le Saint-Mamas de Constantinople. «Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе», т. IX, 1904, стр. 302.

дарства, центром русской культуры и государственности середины X в., были земли Киевская, Черниговская, Переяславльская. Русские находились под бдительным надзором византийских чиновников. Для торговли их впускали в Константинополь партиями, не более 50 чел. сразу, без оружия, в сопровождении «церского мужа», который должен был охранять их и разбирать споры между ними и греками¹.

В отличие от предшествующего договора теперь все торговые операции облагались пошлиной; купцы могли закупать шелковых тканей и парчи не больше чем на 50 номисм. Зпмовки русских купцов запрещались. Всякие споры и тяжбы между греками и русскими решались на основании не только русского, но и греческого закона.

Среди историков имеются существенные разногласия по вопросу о том, какое право лежит в основе русско-византийских договоров, в частности договора 944 г.

Мнение В. И. Сергеевича о том, что в основу договора было положено греческое право, не может быть принято, поскольку в самом тексте договора говорится о применении идеи «закона русского». Санкции за некоторые преступления не являются типичными для византийского права.

Ошибочно также считать, что в договорах отразилось чисто славянское право. Как показал С. В. Юшков, между нормами «Русской правды» и нормами русско-византийских договоров, в том числе и договора 944 г., имеется существенное расхождение.

В договоре 944 г. можно установить наличие смешанного права, формы которого были определены в результате компромисса между договаривающимися сторонами, причем составители договора сделали довольно искусную попытку приспособить византийское феодальное право к праву Руси.

Договор Игоря показывает, что Константинополь продолжал оставаться крупным центром работорговли, и русские в большом количестве привозили рабов на продажу в Константинополь.

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 49.

В договоре имеются две статьи (3 и 4-я), относительно возвращения бежавших рабов. Смысл этих статей следующий: если раб убежит из Руси и придет в Византию или убежит от св. Мамы (т. е. из предместья, где должны жить по договору русские послы и гости) и будет затем найден, то он подлежит возвращению; русские (христиане по своей вере, а не христиане по своему закону) присягают в том, что раб убежал, и тогда получают от византийцев вознаграждение по две паволоки за раба.

Следующая статья определяет такую же обязанность в отношении русских, если раб-византиец убежит из Руси. При этом имеются два добавления: 1) должен быть возвращен не только беглый раб, но и вещи, унесенные при побеге; 2) если бежавший раб будет возвращен вместе с похищенным им имуществом, то задержавший беглеца получает 2 номисмы¹.

Эти статьи показывают, что рабы (челядь) были обычным товаром, привозимым из Руси. Неудивительно, что о рабах упоминают и договоры с греками, и «Русская правда», и летописи, и жития.

Об имущественных преступлениях говорится в статьях 5 и 6-й договора. По статье 5-й, виновные в грабеже подвергаются строгому наказанию и должны платить штраф в размере двойной стоимости разграбленного имущества. В статье 6-й сказано: если украдет русский у грека или грек у русского, то виновный обязан вернуть не только украденную вещь, но еще столько же, сколько она стоит; если же украденная вещь будет продана вором, то возвращается двойная ее стоимость и, кроме того, вор будет наказан согласно законам греческому и русскому. Таким образом, по этой статье вор, помимо штрафа, подвергался уголовному наказанию по законам договаривающихся сторон, чего не было в договоре 911 г.

Имеются отличия от договора 911 г. и в статье о выкупе пленных. Обязательная расценка для выкупа пленными договаривающихся сторон понижается до 20 номисм и ниже, в зависимости от возраста выкупаемых. Если пленник был русский и, следовательно, выкупался греками, то цена видоизменялась в зависимости от возраста (10, 8 и 5 номисм).

¹ С. В. Ю щ к о в, Указ. соч., стр. 129.

Если же пленник был византиец и выкупался русскими, то за него уплачивалось 10 номисм независимо от возраста, к невыгоде для Руси¹. В статье 12-й оговаривается, что если будет совершено какое-нибудь преступление со стороны греков по отношению к русским, то русские не имеют права расправляться с правонарушителями. Наказание устанавливается византийскими властями без всякого участия в этом представителей Руси.

Смысл статьи 13-й, относящейся к уголовному праву, ясен: если убьет христианин русского или русский христианина, то ближние убитого задерживают убийцу и затем продают его смерти. Стиль этой статьи близко подходит к стилю «Правды» Ярослава. В ней в достаточной степени отражены элементы русского права, т. е. постесудебная месть².

Подводя итоги анализа юридических норм этого договора, С. В. Юшков устанавливает, что в нем не только прямо говорится о «законе русском», но некоторые статьи составлены в стиле и духе «Русской правды». Таким образом, правосознание русских в половине X в. не было так примитивно, как до сего времени предполагало большинство историков русского права. Если бы дело обстояло так, то договоры вообще не могли бы заключаться, ибо одна из договаривающихся сторон не могла бы осознавать и выполнять постановления этих договоров.

М. Д. Приселков ошибочно полагает, что «договоры с греками говорят главным образом о сбыте полдюды дружинниками киевского князя и самим князем» и что «договоры — документы весьма узкого в этом торговом смысле значения»³.

О договоре 944 г., во всяком случае, нельзя сказать, что он ограничивается только регламентацией торговли. В нем имеются статьи, регулирующие внешнеполитические отношения между Византией и Русью.

Какое значение придавала Византия обладанию Херсонесом и днепровским устьем, об этом можно судить по трем статьям Игорева договора с греками:

¹ С. В. Ю ш к о в. Указ. соч., стр. 130.

² Там же, стр. 130.

³ М. Д. П р и с е л к о в. Киевское государство второй половины X в. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», сер. ист. наук, вып. 8, стр. 239.

«Ст. 8. А о Корсуньстей стране: елико же есть городов на той части, да не имать власти князи Русии, да воюете на тех странах, и та страна не покоряется вам».

«Ст. 10. Аще обрящутъ в вустье Днепрском Русь Корсунны рыбы ловяща, да не творят им зла никакоже. И да не имеютъ власти Русь зимовати в вустье Днепра, Бельбережи, ни у святого Ельферья, но егда придетъ осень, да идут в дома своя — в Русь».

«Ст. 11. А о сих, еже то приходять чернии болгаре и воюютъ в стране Корсуньстей, и велим князю Руському, да их не пушаетъ: пакостять стране его».

Таким образом, великий князь русский не только сам не должен был воевать Херсонскую страну, но еще обязывался защищать ее от посторонних нападений; в деле такой защиты византийцы обещали ему свою военную помощь¹. По поводу указанных статей договора А. А. Кунтик писал: «Отсюда можно, повидимому, заключить, что Игорь перед заключением договора пытался отнять «города на той части» у Византийского царства. Без сомнения, в этом договоре намекается на владения великого князя на Киммерийском Боспоре или неподалеку от него, так как оттуда только он мог воспрепятствовать черным кубанским болгарам делать набеги на Крым»². Ф. И. Успенский на основании этих договорных статей также констатирует, что русские заселяли все пространство до Крыма и устья Днепра. Этими статьями, по его мнению, подтверждаются «попытки русских утвердиться в Крыму и завладеть Корсунью еще в начале X в.»³

Действительно, эти статьи показывают, что Византийская империя признает русского князя своим соседом по крымским владениям, а русский князь берет на себя обязательство по защите владений империи в Крыму от нападений черных болгар.

Сопоставление показаний Масуди с показаниями патриарха Никифора и Феофана о древней и великой Болгарии и свидетельство Константина Порфирородного

¹ Владимирский - Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Киев, 1885, стр. 16.

² А. А. Кунтик. Записка готского топарха, стр. 80.

³ Ф. И. Успенский. Русь и Византия в X в. Одесса, 1888, стр. 15.

привело историков к выводу, что черные болгары обитали в районе между Доном и устьем Кубани. Если русский князь обязывался не допускать черных болгар в Херсонес, то из этого вытекает, что русские уже обосновались где-то вблизи Крыма. Когда впервые появилась Русь на Крымском полуострове, неизвестно. Однако, если принять во внимание, что все пространство между Днестром, Днепром и Черным морем в IX в. было занято славянскими племенами тиверцев и уличей, причем эти восточнославянские племена были культурнее других, что у них было много городов и борьба с ними в X в. стоила Свенельду немалого труда, что уже в IX в. Кирилл встретил в Херсонесе человека, говорившего по-русски, то отсюда следует сделать вывод, что торговые и всякие иные связи между Русью и Херсонесом начались гораздо раньше русского похода на Константинополь в 860 г.

Договор показывает, что и в 944 г. интересы Руси и Византии сталкивались в Крыму и устьях Днепра¹. В особой статье его оговорецо обязательство Руси не причинять обиды византийским рыболовам в устье Днепра, Белобережье (Ахиллесово ристалище — Тендра), на острове св. Элеферия (по локализации академика Латышева — Кипбурская коса).

Очевидно, корсунцы, промышлявшие рыболовство в устьях Днепра, имели свои поселения в Белобережье (λευκή ἀκτή), на Ахиллесовой косе и на острове св. Элеферия, где нередко зимовали и запоздавшие на море рыбаки. Вообще договор 944 г. предусматривает возможные стычки херсонесцев с русскими рыболовами близ днепровских устьев. Устье Днепра, как весьма важный торговый пункт, играло огромную роль в торговом движении, и потому византийцы и русские до 944 г. изъясляли свои притязания на право обладания им. О русских — дромитах (Δρομίται) — в связи с событиями 941 г. сообщают продолжатель Георгия, продолжатель Феофана и Псевдо-Симеон. Самое название «дромиты» свидетельствует о том, что это была русская промысловая и торговая вольница, напоминавшая «галицких выгонцев» и

¹ Н. П. Ламбин. Славяне на Северном Причерноморье. ЖМНП, части 5 и 6, 1877, стр. 234, 237.

бродников, с которыми ее роднит даже смысловое значение ее наименования.

Предпринимались также попытки определить территорию, где владения русского князя граничили с крымскими владениями Византии. А. Н. Насонов и В. В. Мавродин полагают, что в результате походов 941—944 гг. Игорь стал обладателем земель в Крыму и на Тамани, где в непродолжительном времени появилось много русских; да и среди местного населения обмариужилась явная тяга к русскому князю¹.

А. Н. Насонов приходит даже к выводу, что в 944 г., с ведома и при покровительственном отношении империи, русские заняли укрепление вблизи Керченского пролива и туда был назначен правитель, наместник Игоря².

М. Д. Приселков также считает, что в 944 г. Игорю удалось овладеть выходом из Азовского в Черное море, т. е. сделать Азовское море русским озером³. Договор 944 г. допускает возможность такой ситуации в 944 г., но говорить о прочном оседании русских в этом районе все же едва ли возможно. Это не подтверждается ни археологическими данными, ни свидетельством Константина Порфирородного. Если и допустить, что русские в 944 г. стали соседями Византии в Крыму, то положение, повидимому, скоро изменилось, так как император Константин Порфирородный, писавший свой трактат «De administrando imperio» в 952 г., не упоминает о каких-либо русских владениях в районе Крыма и Азовского моря. Из его трактата вытекает, что в первой половине X в. границами хазарских владений были на юге Каспийское море и Кавказские горы, на западе Дон, отделявший их от печенегов, и Азовское море; таким образом, побережье Азовского моря принадлежало хазарам. Он советует своему сыну противопоставить хазарам для защиты крымских владений не русских, а узов и аланов. Все пространство между Хазарией и Дунаем, по его словам, занимали печенеги.

¹ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Ист. зап.», VI, 1940, стр. 89; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, стр. 239.

² А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 89—90.

³ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 222.

Он же сообщает, что около 950 г. они занимали часть Крыма и владения их располагались по соседству с Херсонесом.

Договор 944 г., несомненно, свидетельствует о значительных успехах христианизации Руси.

В начале договора, где русские дают обязательство соблюдать заключаемый мир, значится: «и иже помыслят от страны Рускыя разрушити такую любовь, и елико их крещенье прияли суть, да примут месть от бога вседержителя, осужены на погибель в весь век в будущий, и елико их не крещено есть, да не ямут помощи ни от бога, ни от Перуна»¹.

В конце договора, где русские повторяют свое обязательство, написано как ручательство со стороны крещеной Руси за себя и за некрещеную: «еще ли кто от князь или от людей рускых, ли хрестеян, или не хрестеян, преступит се, еже есть писано на харатьи сей, будети достоин своим оружием умрети, и да будет клят от бога и от Перуна, яко преступи свою клятву»².

После заключения договора русские послы были приведены к присяге, и об этом написано в договоре: «мы же, елико нас крестилися есмы, кляхомся церковькы святаго Илье в сборней церкви и пред лежащем честным крестом и харатьею сею хранити все, еже есмь написанс в ней»³.

Рассказав о том, как послы греческие, прибыв в Киев, приводили к присяге Игоря и его бояр, летописец заключает: «много бо беша варязи-хрестьяне», что свидетельствует о начавшемся распространении христианства среди варягов — племеничников.

Конечно, нельзя принять утверждение Е. Е. Голубинского⁴, что при Игоре христиане уже составляли на Руси партию господствующую и что в их руках находилось ведение государственных дел.

Как справедливо указывают Приселков и Пархоменко, против теории Голубинского свидетельствует то,

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 47—48.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви. Т. I, вып. 1. М., 1901, стр. 68—69.

что язычество было еще очень широко распространено в ту пору, а также и отсутствие стремления к христианству у ближайших преемников Игоря. Если согласиться с Голубинским, тогда непонятно, почему не принял христианства Игорь, почему долго не крестилась Ольга, почему дружина, которая была христианской при Игоре, стала языческой при Свято-славе. Ничто не доказывает и «внутреннего христианства» Игоря¹.

Но если и отвергнуть эти увлечения, то все же необходимо признать, что в 941 г. христиане в Киевской Руси были уже достаточно многочисленны и влиятельны².

Как и следовало ожидать, со времени Фотиева крещения социальные предпосылки для распространения христианства стали более благоприятными и умножились социальные группы, принимавшие христианство с целью укрепления своих притязаний на господствующее положение в государстве.

Впрочем, надо признать, что известия, сообщенные договором 941 г. и летописью, немногочисленны, и каждое из них может служить иллюстрацией того, как по-разному толковали одно и то же место русские буржуазные дореволюционные историки, большинство из которых были норманистами.

Что касается быта христиан на Руси, известно, что тогда уже существовали в Киеве церкви, например «сборная» церковь св. Ильи, которая находилась «над ручаєм конецъ Пасынче беседы и Казаре»³. Беседа здесь означает улицу или площадь. Под ручаєм разумеется какой-то ручей, возможно Крещатицкий. Следовательно, церковь находилась на краю горы, обращенной к ручью.

Разногласия во мнениях начинаются с самого способа чтения летописи. Карамзин, Соловьев, Макарий, Иловайский читают: «соборная церковь св. Ильи»; Голубинский, Багалей, Ламанский, Грушевский — «сборная церковь». Но Грушевский доказал, что термин «сборная» или «соборная» является переводом греческого *καθολικὴ ἐκκλησίᾳ*, как назывались в Византии приходские церкви.

¹ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1938, стр. 76.

² Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 60.

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 54.

Однако Димитрию, игнорируя прямое топографическое указание летописи о том, где в Киеве стояла эта церковь, пытается доказать, что присягу русские приносили в варяжском храме св. Ильи в Константинополе.

Голубинский и Малышевский не идут так далеко. Они вынуждены признать, что церковь св. Ильи, в которой присягали, находилась в Киеве, а не в Константинополе, но зато они придумывают не подкрепляемую источниками гипотезу, что церковь эта была поставлена в Киеве варягами и посвящена св. Илье будто бы потому, что у варягов константинопольских была церковь во имя того же святого и киевская церковь являлась как бы дочерью константинопольской¹. Между тем уже Кунин доказал, что до Владимира ни русские, ни варяги не служили, за отдельными исключениями, в императорской гвардии в Константинополе и потому никакой церкви в Константинополе до этого времени у них не могло быть².

Точно так же совершенно неправильное освещение получал у историков-норманистов вопрос о том, кто были христиане при Игоре. Шлецер, Карамзин, Соловьев и др. считали, что первыми христианами были варяги, что богослужение сначала совершалось на готском языке, что варяги-христиане принесли и письменность; буквы частью были взяты из греческого алфавита, частью — готские и рунические³. Коробко доходит даже до утверждения, что крещение в Киеве было совершено северокатолическим епископом Асгарием, который был миссионером в Дании, Исландии и других странах⁴. Некоторые историки пытались выдвинуть на видное место роль Хазарии в деле христианизации Руси⁵. Историки, утвер-

¹ И. И. Малышевский. Кирилл и Мефодий, стр. 175.

² Б. Дорн. Указ. соч., стр. 428.

³ И. И. Малышевский. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. «Тр. Киевской дух. акад.», т. 12, 1887, стр. 619; его же: Кирилл и Мефодий, стр. 115; С. Платонов. Лекции. Изд. 1-е, стр. 60.

⁴ «Об источниках русского христианства», «Изв. имп. Акад. наук», т. XIX, кн. 2, 1906.

⁵ А. Ф. Гильфердинг. Письма о Кирилле и Мефодии. «Кирилло-мефодиевский сборник», 1865, стр. 165—167; И. И. Малышевский. Евреи в южной России. «Тр. Киевской дух. акад.», т. III, 1876, стр. 430—436.

ждавшие, что первыми христианами в Киеве были славяне, находились в меньшинстве (Ламанский, Иловайский)¹. Иловайский задавал норманистам резонные вопросы: почему варяго-латино-католики ввели у нас греческое православие? Почему, если богослужебным языком был готский, вся первоначальная письменность славянская — договоры, летопись, богослужебные книги? Только в начале XX в. в трудах Приселкова и Шахматова точка зрения Ламанского была подкреплена указанием, что в X в. культурные связи Днепровской Руси с Болгарией были глубже и непосредственнее, чем с Византией².

Эти высказывания Шахматова получили недавно ценное дополнение в труде болгарского ученого В. Николаева «Славяноболгарский фактор в христианизацията на Клевска Руссия»³. Нельзя, конечно, согласиться с норманской теорией этого автора, но следует признать, что он весьма убедительно доказывает существование христианства в славянской Руси задолго до Владимира.

Для обоснования этого положения автор приводит свидетельство ватиканского лицевого болгаро-славянского перевода летописи Манассии, к которому добавлено несколько глосс болгарского переводчика XIV в.⁴. Николаев обращает внимание на то, что в этой болгарской летописи «крещение руссов» совершенно определенно приурочивается к царствованию императора Василия I Македонянина (866—881), т. е. ко времени, отделенному от Владимира почти столетием. Он приводит также буллу папы Иоанна XIII, который в 972 г., незадолго до крещения Руси Владимиром, признает существование хри-

¹ ЖМНП, ч. I, 1904, стр. 147.

² А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. «Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому...», ч. II, СПб., 1908; его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 133—161.

³ София, 1949.

⁴ С. Шевырев. О словенских рукописях ватиканской библиотеки. ЖМНП, ч. XXII, 1839, стр. 106—114; А. Чертков. О переводе Манассиевой хроники на словенский язык. М., 1842; «Описание войны великого князя Святослава Игоревича», М., 1848; Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1878; П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского, стр. 442.

стианства на Руси, так же как в Болгарии. Папа отмечает тождественность христианского обряда у болгарского и русского народов и запрещает этот обряд в Моравии ¹.

Болгарский ученый указывает также на сохранившееся в некоторых рукописях «Повести временных лет» сообщение, где летописец отмечает зависимость во времени между крещением болгар, переводом богослужебных книг в Болгарии с греческого на болгаро-славянский язык и крещением Киевской Руси. То обстоятельство, что киевский летописец наблюдает связь между этими событиями, определяя протекшее между ними время, доказывает, что у него было ясное сознание исторической зависимости крещения Руси от крещения болгар, а также и от перевода богослужебных книг в Болгарии ².

Наконец, об участии болгар в крещении Руси или, вернее, в христианизации Руси свидетельствуют, по мнению Николаева, данные обнародованной В. Татищевым Иоакимовской летописи. Эту летопись болгарский ученый считает ценной именно в тех отрывках, где говорится о христианизации Руси. Он полагает, что ни игумен Мелхиседек, упоминаемый Татищевым, ни сам Татищев в XVIII в. не имели никаких сведений о древней Болгарии и о болгарском царе Симеоне. А Иоакимовская летопись, опубликованная Татищевым, именно по этому вопросу сообщает очень точные данные: она повествует о направлении болгарским царем Симеоном на Русь митрополита Михаила, подчеркивая его болгарское происхождение, а также о приехавших вместе с ним четырех епископах, священниках и о многочисленных книгах, посланных болгарами на Русь ³.

Мы не можем согласиться с болгарским ученым в его безусловном доверии к известиям Иоакимовской лето-

¹ «Verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae vel Slavonicae gentis, sed magis sequens instituta et decreta apostolica unum potioem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum latinis ad prime litteris eruditum». «Kosmae Pragensis chronica Boemorum», cap. XXII; «Monumenta Germaniae historica», nova ser., t. II.

² XV Тверская летопись, стр. 11.

³ В. Т а т и щ е в. История Российская о самых древнейших времен. Т. I. ч. 1. М., 1768, стр. 38.

писк, но он, несомненно, прав, указывая, что некоторые литературные памятники Преславской школы времени Симеона (893—927), не сохранившиеся в Болгарии, сохранились на Руси и эти «переложенные» болгарскими христианами славянские книги, все эти многочисленные болгарские произведения самой ранней славянской христианской литературы указывают путь, по которому христианство проникало в Киевскую Русь и откуда оно шло.

Рассматривая вопрос о культурных и книжных связях между дунайскими болгарскими и киевскими славянами задолго до Владимира, автор делает правильное указание, на основании археологического материала, собранного Рыбаковым и Мнятевым, о тождественности материальной культуры Болгарии и Киевской Руси. Автор прав, считая, что христианизация Киевской Руси является длительным процессом и в этом процессе франкское христианство, а затем болгаро-славянское играло активную роль, во всяком случае не менее активную, чем византийское христианство.

Открытия советской археологии все более разрушают ошибочное представление о крайне слабом развитии письменности на Руси в X в.

Гнездовская надпись показывает, что грамотность на Руси восходит к первым десятилетиям X в.¹

Если мы вспомним, что в Болгарии, с которой Русь уже в X в. имела оживленные сношения, была принята кириллица, то ее распространение на Руси представится нам вполне закономерным. Надпись на гнездовском глиняном горшке с приношениями свидетельствует о том, что грамотные люди существовали на Руси уже в начале X в. Хранение договоров в казне киевского князя показывает, какое значение придавали киевские князья этим документам. Сплошь неграмотная Русь, какой ее все еще стараются представить тенденциозные зарубежные авторы, не нуждалась бы в письменных договорах. Упоминание же в договорах о «христианской Руси», принимавшей клятву в церкви св. Ильи, служит доказательством раннего распространения христианского культа на

¹ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестн. АН СССР», 1950, № 4, стр. 78.

Руси и, следовательно, существования людей, обученных грамоте. Не случайно византийские источники XI—XII вв. утверждали, что Русь была крещена еще в IX в., при патриархе Фотии, а Владимир Святославич придал христианскому культу только официальное значение.

Славянская надпись на гнездовском сосуде наглядно свидетельствует о национальной принадлежности тех, для кого этот сосуд предназначался. Недаром же в договоре 944 г. на первом месте поставлены Игорь, его сын Святослав, его жена Ольга, а вслед за ними — Игорь, Володислав и Предслава. Гнездовская находка блестяще подтверждает, что русская письменность с самого начала была славянской¹ и что, следовательно, и христианское богослужение при Игоре велось на славянском языке.

¹ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 77—78.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ X в.
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОЧИНЕНИЯХ КОНСТАНТИНА
ПОРОФПРОРОДНОГО

В январе 945 г. Константин VII, наконец, освобо-
дился от долгой, двадцатипятилетней опеки со стороны
Романа Лакапина и 39 лет от роду стал самостоятельным
правителем (945—959). Он не проявил качеств выдаю-
щегося государя. «Вначале, — пишет, например, Ски-
лица, — Константин показал выдающиеся дарования, и
ожидалось, что если он один будет править, то блестяще
будет руководить общественными делами, но он обманул
ожидания и не оправдал возлагавшихся на него надежд.
Преданный вину и оставив труд, он был бездеятелен,
поступки других наказывал сурово, без всякой жалости.
В выдвижении высших должностных лиц выбирал не
лучших и достойных высокой власти, но лицам случай-
ным, без должного выбора, поручал командование вой-
ском и управление городами, вследствие чего случалось,
что людям худородным и предосудительной жизни пору-
чались высшие государственные должности. Много ему
в этом содействовали и Елена, его жена, и паракимомен
Василий, введшие в обычай продажность должностей»¹

Таким образом, хронист обвиняет Константина в том,
что при нем усилились злоупотребления, связанные
с продажностью должностей, — зло, никогда не пре-
кращавшееся в Византии, а также в выдвижении на неко-
торые командные должности незнатных людей и хозяй-
ничании паракимомена Василия. Константин женил своего
сына Романа на дочери трактирщика Феофано. Параким-

¹ Skylitzes-Cedreni, ed. Bonn, t. II, p. 326.

момен Василий, незаконный сын Романа Лакапина, являлся представителем дворцовой партии, заинтересованной в сохранении централизованного государственного аппарата в Византии. Он был весьма незаурядным человеком и имел большое влияние на государственные дела при Константине Порфирородном, при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и в первые годы правления Василия Болгаробойцы. Это не значит, конечно, что перемена царствования не вызвала никаких изменений в Византии.

Первым делом нового императора и поставившей его группировки было освободиться от всех лиц, создавших себе карьеру при Лакапине. При этом были лишены своих должностей и лица, имевшие немалые заслуги перед империей, например, Иоанн Радий, чья морская победа при Лемносе возвратила Византии господство на море. Константин ликвидировал все «социальные» мероприятия в пользу городской бедноты, которые применял из демагогических целей в последние годы своего царствования Роман. Был восстановлен торжественный придворный церемониал и этикет, нарушенный Романом. Представители феодализирующейся провинциальной аристократии снова занимают высокие военные посты в империи. Так, например, Варда Фока, брат Никифора, старого соперника Лакапина, занимает пост доместика схол — высший военный пост в империи.

Жалобы Скилицы, однако, свидетельствуют о том, что, хотя деятельность Константина была своего рода протестом против политики Лакапина, протест этот выразился главным образом в смене лиц, занимавших высшие посты в государстве. В целом же как во внутренних, так и во внешней политике Константин должен был следовать принципам, намеченным Романом; правда, он проводил эту политику с меньшей последовательностью. Его царствование характеризуется тесным союзом с церковью и свойственным Македонской династии балансированием между интересами константинопольской дворцовой верхушки и военной феодализирующейся провинциальной аристократии. Лакапин старался охранить мелкие крестьянские хозяйства от захвата их династами. Константин менее последовательно и энергично проводил ту же политику: забота о сохранении централизо-

ванного государственного аппарата обязывала и его выступать против необузданных аппетитов византийских динатов.

Среди византийского крестьянства особое место занимало стратиготское сословие. Стратиоты обрабатывали земли, данные им государством; на получаемые с этих земель доходы они должны были вооружаться и по первому зову являться на военную службу. Динаты не ограничивались захватом крестьянских участков. Они стремились завладеть и стратиготскими землями. Между тем обезземеливание стратиготов подрывало самые основы обороны Византии. Поэтому и Константин, подобно Роману, должен был издавать новеллы, под угрозой крупных денежных штрафов воспрещавшие отчуждение военных участков. Однако сомнительно, чтобы мероприятия Константина в этом направлении были более эффективны, чем деятельность его предшественника¹.

В области военных мероприятий и внешней политики Константин, во всяком случае, выступал с меньшей удачей, чем его предшественник Роман Лакапин. Попытка его отнять у арабов остров Крит, представлявший настоящее пиратское гнездо в самом центре владений империи, закончилась плачевной неудачей. Организованная в 949 г. с большими затратами морская экспедиция на Крит, во главе которой был поставлен Константин Гонгил, стратиг морской фемы Самос и бывший фаворит императрицы Зои, человек, не имевший никаких военных способностей, закончилась, как и следовало ожидать, полной катастрофой. Византийское войско, высаженное на остров без соблюдения элементарных мер предосторожности и разведки, подверглось неожиданному нападению арабов и было почти целиком уничтожено². Эта удача ободрила критских пиратов; они снова принялись опустошать византийские владения в Эгейском море.

¹ Zachariae Lingenthal. *Jus graeco-romanum*, t. III, p. 261—266; В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 286—293.

² «*De caerimoniis aulae byzantinae*», ed. Bonn, t. II, p. 45; А. А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Т. I. СПб., 1902, стр. 279—286.

Поставленный во главе сухопутных войск Варда Фока показал себя малоспособным полководцем, и военное счастье на восточной границе надолго перешло на сторону Сейф-Эд-Доуле. Положение было исправлено только в конце царствования, когда начальство над византийским сухопутным войском фактически перешло в руки энергичного и способного сына Варды, Никифора, будущего императора, и когда византийской армии в 957 г. удалось овладеть Самосатой и Амидой.

Как государственный деятель Константин занимает очень скромное место в истории Византии, однако его деятельность все же не лишена интереса и значения. Скилица пишет: «Но он все же не совсем был чужд участия в славных делах. Я покажу, одно, достойное удивления, что может покрыть много его прегрешений. Ибо науки: арифметику, музыку, геометрию, стереометрику и главную из них — философию, прозябавшие уже долгое время вследствие пренебрежения и невежества властителей, он восстановил собственным старанием. В каждой из них он разыскал и нашел лучших учителей, собрал и дал им учеников. Благодаря этому, изжив невежество, в короткое время сделал государство более просвещенным. Заботился он также о произведениях искусства и художественного ремесла и привел их в лучшее состояние».

Скилица преувеличивает заслуги Константина. Культурный подъем Византии обозначился еще при иконоборцах и очень явственно — с половины IX в.

Высокое значение науки и образования признает в своих «наставительных главах» основатель Македонской династии Василий I. Просвещенным по средневековым масштабам и забастующим об образовании был и его сын Лев VI.

Таким образом, пренебрежение к науке и образованию в Византии, на которое жалуется Скилица, может быть отнесено ко времени регентства и правления Романа I.

Но Константин был действительно любителем литературы, интересовался историей и археологией, окружил себя группой литераторов, которые под его руководством развили оживленную деятельность, очень любил искусство, был художником и мастером художественного

ремесла. Он и сам много писал. Хотя его произведения не отличаются ни глубиной мысли, ни достоинствами изложения и литературная деятельность как самого Константина, так и возглавляемого им кружка является не творческой, а компилятивной, — тем не менее, поскольку это творчество относится к X в., когда Византия была самой культурной страной Европы, а Западная Европа переживала глубокий упадок культуры, литературное наследие Константина представляет для историка немалый интерес.

Дошедшие до нас и посвященные имени Константина произведения имеют значение источника не только для истории Византии, но и для истории соседних стран, в частности для истории народов СССР. При Константине и по его инициативе в Византии составлялись справочники и энциклопедии по военному делу, международной политике, гражданскому праву, сельскому хозяйству, медицине и ветеринарии. По его инициативе была составлена в качестве справочника для пущих византийской текущей политики большая историческая энциклопедия в 83 томах, куда должно было войти все ценное из трудов древних греческих историков. Из этого большого собрания до нас, к сожалению, дошли только сборники: «О посланниках ромеев к народам», «О посланниках народов к ромеям» и, частично, «О добродетели и зле», сохранившие многочисленные фрагменты утерянных исторических трудов.

По инициативе Константина была составлена история Генезия и исторический труд, являющийся продолжением летописи Феофана. Этот труд носит в науке условное название: «Продолжатели Феофана» (Theophanus Continuatus). В состав его входит написанная самим Константином «Жизнь Василия Македонянина», которая делится на 5 частей: жизнь до вступления на престол, заботы о внутреннем устройстве империи, внешние сношения и войны, сооружения, частная жизнь. В этом труде Константин всячески прославляет своего деда, основателя Македонской династии, и чернит убитого им Михаила IV.

Самым ранним по времени и самым слабым трудом по исполнению является его трактат «О фемах», в котором Константин должен был дать описание провинций

византийской империи¹. Но вместо того, чтобы создать географию империи своего времени, Константин излагает географию эпохи Юстиниана, пользуясь для этого двумя писателями V—VI вв. — Стефаном Византийским и Иероклом.

К X в. относятся лишь новые названия и деление провинций. Автор почти не сообщает реальных сведений, касающихся управления провинций в X в., их социальной и политической жизни, не сообщает каких-либо статистических данных (быть может, из соображений государственной тайны). Вместо этого он наполняет свой труд цитатами из древних поэтов и географов, занимается этимологическими упражнениями при объяснении географических названий, излагает мифы о происхождении городов или же приводит эпиграммы, осмеивающие недостатки жителей той или другой провинции.

Конечно, Рамбо делает слишком поспешный вывод, что «император не знал своей империи»², но, во всяком случае, Константин не даст своим читателям почти ничего, кроме переписанного Иерокла, сомнительных этимологических терминов, названий фем и ненужных реминисценций из древней истории.

Значительно большее значение для науки имеет трактат Константина, посвященный вопросам международной политики и описанию соседних стран, перед которым автор в заголовке поставил слова: «Константина во Христе, царе вечном, императора римского, сыну своему Роману, богом венчанному и багрянородному». Этот трактат называется «О народах» (περί ἐθνῶν) или, чаще, «De administrando imperio», как его наименовал первый издатель — Меурсий — в первом печатном издании 1611 г.³

В этой работе Константин поставил задачей дать своего рода хрестоматию, составленную из разных источников, для учебно-педагогических целей — для обуче-

¹ Г. Ласкин. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». М., 1899, стр. 4.

² A. Rambaud. L'empire grec au dixième siècle. Paris, 1870, p. 165.

³ Анализ трактата со стороны его построения, хронологии отдельных частей, источников дан Рамбо в его труде «L'empire grec au dixième siècle».

ния и наставления в вопросах международной и внутренней политики своего сына Романа II. Во введении к трактату Константин говорит, что ставит своей целью рассмотреть следующие вопросы:

1) принципы византийской политики в отношении к соседним народам: какую опасность они представляют для Византии и как можно с ними бороться, поднимая против них другие народы;

2) необоснованные претензии народов и как на них отвечать;

3) происхождение, права, отличительные особенности народов, географию их стран, а также столкновения, происходившие в разное время между отдельными народами и ромеями;

4) различные нововведения в стране ромеев.

Таким образом, была поставлена задача дать будущему наследнику престола ясное представление об экономических, этнографических и политических отношениях народов, окружавших Византию, и познакомить Романа с принципами византийской международной политики. Для этой цели в хрестоматии Константина были использованы документы императорских архивов и канцелярий, сочинения историков, донесения послов и описания путешествий, материалы разных справочников.

Несомненно, в X в. византийский двор располагал значительными материалами для решения этой задачи. Со времени Юстиниана и даже ранее одним из принципов государственной политики Византии было собирание всякой информации относительно окружающих империю варварских стран, которую можно было бы использовать для практических целей. Такую информацию правительство Византии получало, прежде всего, через посольства. До нас дошли знаменитое описание двора Атиллы Приском, членом византийского посольства, и отчет Петра Патрикия времен Юстиниана о посольстве к Хозрою. Служебный отчет ему разрешено было опубликовать в качестве полуофициального описания дипломатического путешествия в Иран. Менаandroво описание посольства к туркам, несомненно, также было основано на официальном рапорте Зимарха. В области дипломатии, как и во многих других сферах, многому научилась от Византии Венецианская республика. Знаменитые rela-

tiones ее посланников были заимствованы из восточно-римской дипломатической практики. К сожалению, неизвестно, насколько заботливо сохранялись в византийских архивах документы прошлых веков.

Подобно Юстиниану, Константин VII очень интересовался вопросом дипломатических сношений с варварами. Он был инициатором составления ἐκλογαί, содержащей известия о посольствах чужеземных народов (ἐθνηκοί) к римлянам и римлян к чужеземным народам¹. Этот труд представляет собой не собрание документов византийских дипломатических архивов, а лишь фрагменты исторических сочинений. Однако отсюда нельзя сделать вывод, что к X в. старые архивы уже погибли: Константин ставил задачей поместить в своей исторической энциклопедии все наиболее ценное из трудов греческих историков, а не из придворных архивов.

Значительная часть дипломатического материала, отраженного в «De administrando imperio», могла быть собрана уже во времена Константина, причем эти материалы, прежде чем дойти до императора, подвергались предварительной обработке переводчиками (ἐρμηνευταί). Переводчики — арабские, латинские, грузинские, армянские, славянские и др. — составляли постоянный штат ведомства логофета дрома, выполнявшего в X в. и функции ведомства иностранных дел². Сношения со славянскими народами не представляли никаких трудностей, так как в самой Византии, особенно в Македонии и Фракии, было множество людей, понимавших язык, на котором говорили в Киеве. Для сношений с хазарским царством, давшим Византии двух императриц, легко было найти переводчиков, например, в Херсонесе; здесь изучил хазарский язык знаменитый изобретатель славянской азбуки Кирилл³.

Особенно часты и оживленны были дипломатические отношения Византии с вассалами империи, такими, как Венеция, грузинские и армянские феодалы. Историки сообщают о частых посещениях Константинополя армян-

¹ «Excerpta historica», ed. de Boor.

² «De administrando imperio», ed. Bonn, cap. 43, p. 184.
Θεόδοῦς τοῦ τῶν Ἀρμενίων ἐρμηνευτοῦ, Κρίνιτην ἐρμηνεῖα.

³ Г. Dvoynik. Les slaves, Byzance et Rome au IX siècle. 1926; его же. Les légendes de Constantin et de Méthode. 1933.

скими и грузинскими феодалами и о не менее частых командировках византийских дипломатических агентов в Закавказье. Относительно этих стран Византия могла располагать достаточным информационным материалом официального характера.

Таким образом, в распоряжении Константина был богатейший справочный материал. Этим и объясняется наличие важных и ценных сведений, сообщаемых автором о печенегах, венграх, южных славянах, о сооружении крепости Саркела и других. Но в целом о книге Константина никак нельзя сказать, что автор выполнил свою задачу успешно и с достаточной полнотой и обстоятельностью.

Можно согласиться с Бьюри, что трактат «*De thematibus*» был написан в 934—944 гг., «*Continuatio Theophrastis*» — в 949—950 гг., «*Vita Basilii*» — в 950 г., «О пародах» — в 948—952 гг.¹

Рамбо полагал, что главы книги писались в том порядке, в каком они стоят теперь. Первые 29 глав написаны в 949 г.; затем работа была прервана в середине главы, касающейся Далмации, и не возобновлялась в течение 2 лет. Только в 953 г. вся работа была закончена². Анализ текста, однако, показал, что глава 26-я была написана позже, чем 27-я; главы 29, 31—36-я представляют последовательный текст, а глава 30-я — позднейшее добавление. Часть работы, относящаяся к арабам (главы 14—25), также не была написана последовательно и по единому плану. Здесь имеются повторения, а также два различных, не зависящих одно от другого сообщения о Моавии³.

Далее установлено, что работа эта не является законченным произведением. Доказательством этого может служить отсутствие логической последовательности в изложении. Целью Константина было рассмотрение вопроса о внешней и внутренней политике государства. Изложение материала по вопросам внешней политики должно было состоять из двух частей: принципы византийской

¹ J. B. Bury. The treatise «*De administrando imperio*». «*Byz. Zeitschr.*», Bd. XV, H. 3—4, 1906, p. 518.

² A. Rambaud. *Op. cit.*, p. 169.

³ J. B. Bury. *Op. cit.*, p. 531.

внешней политики и историко-географическое описание окружающих Византию народов. Но находящиеся в книге разделы не представляют такого единства и местами перопутаны. Так, 9-я глава не может входить в первый раздел; глава 53-я должна была бы помещаться вместе с главой 30-й — о Далматийской феме.

Во введении Константин ставит своей задачей рассказать о том, каковы были взаимоотношения между римлянами и другими народами в различные исторические периоды (τὰ ἐν τῇ κατὰ μετὰ τὸν Ῥωμαίων καὶ διαφόρων ἐθνῶν συμβεβηκότων), но ограничивается лишь описанием переговоров между Юстинианом II и калифом о переселении киприот (περὶ τῶν κυπρίων μεταναστάσεως)¹. Глава 42-я носит заглавие «Землеописание от Фессалоники до р. Дуная и города Белграда»; между тем о географии Балканского полуострова в этой главе ничего не сказано².

Бьюри считает доказательством незаконченности трактата и то, что в своем описании народов Константин непонятным образом опускает некоторые из них.

Казалось бы, следовало найти у него историческое и географическое описание Болгарии, Хазарии, которые были непосредственными соседями империи. Однако о хазарах в трактате говорится только попутно, в связи с печенегами, венграми и описанием пути от Дуная до Кавказа. Совершенно необъяснимо отсутствие сведений о Болгарии; если не считать нескольких случайных упоминаний.

Только отдельные замечания имеются в трактате Константина о средневековой Германии, хотя в 945 г. при дворе Оттона I было византийское посольство: в 949 г. византийский посол был направлен в Германию с подарками и возвратился в том же году, сопровождаемый Лиутпрандом, торговцем из Майнца³.

Относительно Руси Константин также, в основном, ограничивается описанием торгового пути по Днепру в 9-й главе и несколькими другими замечаниями, хотя, несомненно, и о Руси он располагал большей информа-

¹ «De administrando imperio», p. 66.

² Ibid., p. 177.

³ Liutprandi. Antapodosis. Lib. VI, cap. 4.

цией и договор 944 г. с Русью был заключен при его участии.

В трактате нет никакого объяснения этим удушениям. Комментаторы Константина считали невозможным, чтобы Константин сознательно хотел исключить эти народы из своей ἐθνολογία, и делали предположение, что Константин, занятый другими литературными трудами, в 952 г. оставил эту работу незаконченной.

Даже деление на главы в трактате нельзя признать первоначальным, исходящим от автора. Скорее всего, как указал Бьюри, оно возникло из последующих пометок на полях рукописи, относящихся к содержанию текста. Оно нарушает основные разделы трактата, указываемые во введении Константином. Например, в главе 13-й слито содержание различных разделов; заголовки не соответствуют содержанию глав. Последний абзац главы 9-й должен относиться к следующей главе. Как показали Бьюри и Манойлович, содержание различных разделов не вполне слажено и согласовано и иногда представляет лишь внешние объединенные, исходящие из различных источников известия, противоречащие одно другому, с неудачными порой редакторскими попытками увязать их¹.

Таким образом, анализ трактата «О народах» показывает, что трактат этот не является законченным произведением. Материал дан в сыром виде, лишь кое-где обработан. Этим, очевидно, объясняются ошибки, противоречия, неточности, допущенные в работе как при изложении событий, касающихся Византийской империи, так и при описании соседних народов.

Нетрудно составить длинный список таких очевидных и грубых ошибок. Так, в главе 13-й Константин говорит, что Лев IV женился на хазарской принцессе Ирине. На самом деле Ирина была матерью Льва IV. В той же 13-й главе открытие «греческого огня» приписывается Константину I, а в главе 48-й приурочивается ко времени Константина Погоната. В главе 21-й Константин относит бегство Омейада Абдеррахмана в Испанию ко времени Юстиниана II, тогда как Абдеррахман бежал в Испанию в 756 г.

¹ J. B. Bury. Op. cit., p. 531—533.

Константин, например, уверяет, что при водворении славян в Далмации при императоре Ираклии они подчинились Византии, под властью которой будто бы находились в течение VII и VIII вв., и освободились от этой зависимости только в 20-х годах IX в., воспользовавшись слабостью императора Михаила II (820—829)¹. Однако это утверждение не соответствует действительности, так как из других, более достоверных источников известно, что еще около начала IX в. северозападные владения этих славян были покорены Карлом Великим. Что они и до этого не принадлежали Византии, показывает Аахенский мир Карла с византийцами 803—816 гг.²

Константин рассказывает также, что в 20-х годах хорваты освободились от франков, но это утверждение опровергается грамотой Терцимира, из которой мы узнаем, что Каролингам принадлежала верховная власть в Хорватии еще в 852 г.³; а другой, тоже достоверный источник сообщает, что они хозяйничали здесь еще в 871 г.⁴. Военные действия Василия Македонянина против далматийских славян показывают, что подчинение их Византии происходило далеко не так просто, как уверяет нас Порфирородный⁵.

Не выдерживает критики и утверждение Константина, что сербские правители постоянно находились под верховной властью римского императора и никогда не повиновались болгарским государям⁶. Константин, например, говорит, что Петр Гойникович и все его предшественники еще со времени Ираклия были будто бы преданными слугами Византии⁷. В одном месте он уверяет даже, что болгары вплоть до царствования Бориса зависели от Византии⁸. Стоит только припомнить эти утверждения Порфирородного, чтобы не принимать на веру и упомянутое его высказывание относительно

¹ «De administrando imperio», p. 149, 159.

² G. Finlay. History of the Byzantine empire. I. 1856, p. 118—120.

³ М. Д р я н о в. Погляд вверх происхождения на болгарский народ. София, 1869, стр. 406.

⁴ Там же, стр. 407.

⁵ «De administrando imperio», cap. 29, p. 129.

⁶ Ibid., p. 159.

⁷ Ibid., p. 149, 159.

⁸ Ibid., p. 153, 154.

Петра. В одном месте Константин сам проговаривается, что Петр находился в дружественных отношениях с Симеоном.

Как мы увидим дальше, в главе 26-й, при изложении родословной короля Гуго¹, сознательно допущены ошибки и неточности. В главе 27-й Константин допускает грубую ошибку, приурочивая потерю Италии ко времени императрицы Ирины и выставляя знаменитого евнуха Нарзеса ее современником. В главе 29-й Бьюри обнаружил много ошибок и неточностей при изложении истории народов, живших на адриатическом побережье, а также истории Южной Италии IX в.² В главе 46-й Броссе отметил путаницу и ошибки, допущенные Константином при изложении событий истории древней Грузии³. Немало таких ошибок и неточностей имеется и в главах, посвященных Северному Причерноморью.

Количество этих ошибок, неточностей, сомнительных мест можно значительно дополнить, но и сказанного достаточно, чтобы установить, что известия, сообщаемые Константином, несмотря на высокое положение автора и объем источников, которыми он располагал, нуждаются в строгой критической проверке.

Для надлежащей оценки этого источника важно не только отметить его недостатки, установить, чего в нем не хватает, но и показать, что в нем есть, определить истинную цель работы автора.

Надо признать, что эта книга, наряду с другими работами, приписываемыми Константину, дает значительный материал для понимания политического мировоззрения руководящих византийских верхов, принципов византийской политики IX в., для понимания того, как византийские правители осмысливали историю Византии и ее роль в международном масштабе. Константин не отрицает, что в VII в. Византийская империя пережила кризис. Он рассматривает его как бедствие, упадок, почти катастрофу. «Было время, — пишет Константин, — когда римское господство распространяло свои сети на весь мир. Но с того времени, как Рим был взят готами, дела римлян

¹ Г. Ласкин. Указ. соч., стр. 98.

² J. B. Bury. Op. cit., p. 531—533.

³ М. Brosset. Histoire de la Géorgie. Т. I. СПб., 1849, р. 271—282.

стали приходить в упадок и сети эти стали гнить и разрываться»¹. Автор умалчивает об истинных причинах этого загнивания. По его мнению, причиной бедствий, пережитых империей ромеев (Восточно-Римской), были «безбожные» агаряне.

«Со времени царствования Ираклия Ливийского империя была сужена и урезана с востока и запада, и ее императоры, не имея возможности где-либо проявлять свою деятельность, разделили на небольшие части свое государство, огречились, а родной римский язык изгнали из употребления»². По представлению Константина, империя ромеев едва не зачахла вследствие лености и нерадения последних представителей Амореиской династии, в частности Михаила III³.

Своим недобросовестным отношением к выполнению лежащих на нем государственных обязанностей Михаил III вооружил против себя все слои общества — сенат, гражданскую администрацию, войско, население столицы; он окружил себя дурными советниками, растратывал государственную казну на личные потребности, кощунственно относился к религии, проявлял неуважение к законам. Возрождение государства началось со времени Македонской династии, со времени Василия I, который заложил прочный фундамент здоровой государственной политики.

Василий I правил при поддержке сената, светской и духовной администрации, войска, столичного населения. Образцовый государь, он глубоко вникал во все отрасли государственного управления. Константин считает себя продолжателем дела, начатого Василием I, и всех великих традиций империи.

Несмотря на постигшие Византию испытания, Константин не думал отказываться от представления об империи как о всемирной монархии, — идея, ведущая начало еще от Евсевия Кесарийского⁴.

По учению последнего, есть только один бог и только один император, потому что земное царство является

¹ «De thematibus», ed. Bonn, p. 45.

² Ibid., p. 12—13.

³ «De administrando imperio», cap. 29.

⁴ Eusebii Werke, Bd. I. Herausg. von Heikel; «De laudibus Constantini», 1902.

отражением небесного. Константинополь — столица мира, а византийский император — владыка вселенной. Отсюда вывод, что все другие короли и князья получают свою власть от византийского императора или, по крайней мере, правят с его согласия. Их называют *ῥῆξ* или *ἄρχων* одинаково как в исторических сочинениях, так и в официальных документах. В отдельных случаях необходимость иногда вынуждала византийских правителей поступаться этим принципом и признавать, например, за Карлом Великим или болгарским царем, титул βασιλεὺς, но эти вынужденные уступки при первой возможности брались обратно. Со времени новеллы Ираклия 629 г. титул βασιλεὺς становится официальным титулом византийских императоров, равнозначным латинскому *imperator*, так как в официальных актах, написанных на латинском языке, формуле *πιστοὶ ἐν Χριστῷ βασιλεῖς* всегда соответствует формула *fideles in Deo imperatores*. Этот титул законно принадлежит только византийскому императору, стоящему во главе всемирной монархии.

Каким языком императорская канцелярия характеризовала Византийскую империю в дипломатических отношениях, показывает письмо Романа Лакапина египетскому эмиру Икшиду, в котором он пишет. «Ты познал и от многих других слышал о высоте и величии царства ромеев, о том, что оно является самым сильным и могущественным на земле, о том, какими богатствами и земными благами оно владеет»¹.

Византия — всемирная монархия, и она сохраняет право на все территории, которыми она некогда владела. Поэтому Константин в своей книге говорит и о Северной Африке, и об Италии, и об Испании, подчеркивая, что эти земли некогда принадлежали империи. Задача императора — вернуть потерянные территории. Поэтому, по мнению Константина, императора прежде всего должна интересовать внешняя политика. Внутреннее благосостояние рассматривается как нечто стоящее на втором плане, потому что необходимым его условием является могущество государства. Но необходимость заставляет исходить не из отвлеченных теорий, а из опыта,

¹ «Ρωμανοῦ βασιλέως ἐπιστολαί», «Δελτίον», 1885, р. 406—409.

считаться с реальной действительностью. Поэтому в «*De administrando imperio*» нет места отвлеченным теориям, и политика получает ценность в зависимости от того, насколько она обоснована фактическим положением дел. С этим фактическим положением дел в вопросах международной политики Константин хочет познакомить своего наследника.

Наибольшее внимание Константин уделяет, естественно, арабским странам, с которыми Византия вела вековую непрерывную борьбу (главы 15—23). В собранном им материале, представляющем главным образом выписки из Феофана, Константин видное место отводит гороскопу (ὀράτιον) Стефана Математика, согласно которому могущество арабов должно было длиться всего 309 лет. Его ликвидации должен был предшествовать период анархии в 56 лет. В X в. в Византии циркулировали пророчества о близкой гибели сарацинского мира, и когда назначенный срок проходил без изменения, устанавливались другие сроки¹.

Очень много внимания уделено западной части Балканского полуострова (главы 29—36) — Далмации, Хорватии, Сербии, причем интерес этот имел не только академический характер. После заключения византийско-болгарского мира в 927 г. Византия развивала лихорадочную деятельность при Романе Лакапине и Константине, оказывая всяческую поддержку Чеславу, чтобы подчинить сербские земли своему влиянию, закрепить это влияние и противопоставить Сербию Болгарии².

Еще более ярко эта тенденция византийских политиков проявляется в главах, посвященных Закавказью — Армении и Грузии (43—46). Главу 43, «Об области Тарон», составитель книги начинает торжественным заявлением: «Но довольно тебе, любимое дитя, рассказано о северных скифах, знание чего, во всяком случае, будет тебе со временем полезным и годным. Тебе должно также знать и о землях, что на Востоке, каким образом они снова

¹ Skylitzes-Cedreni, t. I, p. 717; J. B. Bury. Op. cit., p. 534.

² «*De administrando imperio*», p. 159; В. Н. Златарский. История на първото Българско царство. Ч. 2. София, 1927. стр. 540—541.

стали подвластны ромеям после того, как сперва освободились от их владычества»¹.

Таким образом, Армения и Грузия интересуют автора исключительно с точки зрения возвращения их под власть Византии. Еще при Василии I Византия сумела прибрать к своим рукам пограничные районы Армении при содействии самих армянских феодалов.

В X в. одну из главнейших целей византийской внешней политики составляло дальнейшее внедрение в Армению. Византийские политики считали, что только занятие высоких плоскогорий и горных хребтов Армении явится надежной защитой Византии с востока, обеспечит власть над Закавказьем, охрану кавказских проходов. В этом отношении Византия продолжала старые римские традиции. Обладание Арменией для парфянских и повоперсидских властителей, с одной стороны, и римских — с другой, было вопросом господства во всей Передней Азии. Борьба за Армению перешла по наследству от римлян и персов к арабам и византийским императорам. Византийские политики X в. всеми средствами продолжали эту борьбу. Политику императоров Македонской династии в этом вопросе А. Ф. Гфререр характеризует как мелочную, эгоистическую, алчную и коварную², но ей нельзя было отказать в известном упорстве и настойчивости. Работа императорских политиков в этих областях Закавказья была особенно напряженной в то время, к которому относятся известия «De administrando imperio»³. Этим объясняется интерес высших кругов Византийской империи к сообщениям, касавшимся Армении. Отсюда проистекало и знакомство с этой страной, чему способствовали также переселение знатных армянских семейств в пределы империи и все возрастающая роль, которую они играли. Некоторые члены этих семей достигали самых высоких чинов, как, например, неоднократно упоминаемый Константином VII Мелит⁴.

¹ «De administrando imperio», cap. 43.

² A. F. Gfrörer. Byzantinische Geschichten. Bd. VIII Graz, 1872—1877, S. 13.

³ Г. М а н о й л о в а ч. Этюды о сочинении «De administrando imperio» императора Константина VII Багрянородного «Rad», т. 182, стр. 64.

⁴ «De thematibus», cap. 33.

С этой точки зрения следует смотреть на четыре главы «De administrando imperio» (43—46) об Армении и Иверии, обработанные хотя и с недостаточной полнотой, но по обычному для этого сборника способу.

Политика империи, направленная к постепенному захвату этих стран, не могла бы иметь успеха против воли местного населения и прежде всего против воли правящей феодальной верхушки. Поэтому византийская дипломатия всячески стремилась привлечь на свою сторону эти высшие феодальные круги и достигала в этом отношении заметных успехов. Эгоистическая феодальная олигархия Армении стремилась, прежде всего, к своим личным или дипломатическим выгодам, жертвуя общими интересами, интересами народа. Закавказские феодалы и князья, опиравшиеся на Византию, получали весьма ощутимые выгоды: ежегодное значительное жалованье, часто — дворцы в Константинополе или доходные поместья в соседних провинциях империи, высокие византийские придворные чины протоспафариев, патрирхий, магистров, которые выделяли их из среды местных феодалов, а также защиту в случае каких-либо бедствий или неудач. Надо сказать, что в X в. византийское правительство оказывало на Армению и Грузию более сильное, внушительное и постоянное влияние, чем слабое правительство в Багдаде.

Константин VII внушает своему сыну, что византийский император имеет все права на владение Арменией, что армянский царь («князь князей») — «слуга римского императора», так как император сажает его на престол (προβαλλόμενος) и от императора получает он свой сан (ἀξίωμα)¹. Для Константинополя не имеет никакого значения, что багдадский халиф, как государь Армении по праву завоевания, послал Ашоту I царский венец и пазначил его остиканом (наместником) над всей Арменией. В Константинополе имеет силу только тот сан, сан «архонта архонтов», который за армянскими Багратидами признан и дан им императором, а из этого следует, что все города, общины, земли, над которыми властвует князь князей, принадлежат римскому императору².

¹ «De administrando imperio», cap. 44.

² Ibid., p. 193.

Если же сам армянский царь — слуга императора, то тем более ему слуги мелазкертские эмиры, которые до гибели Смбата I были подвластны армянским царям. Поэтому империи необходимо подчинить своему влиянию города на Ванском озере, особенно Хлат, Арзес и Перкри, являющиеся важными стратегическими пунктами в борьбе против Азербайджана и надежной защитой от вражеских войск, которые бы захотели из Ирака напасть на империю.

Константин настойчиво убеждает сына, что эти три города нужно взять во что бы то ни стало¹. Они должны принадлежать империи, стать ее собственностью, ибо Ахмет (пасынок Аполесфуэта) был подданным императора и платил ему дань не только за себя, но и за дядю, государя Мелазкерта и его округа.

Все вообще члены этой династии платили императору дань как за свои собственные области, так и за главный, мелазкертский удел, который они получили в порядке наследования. Платеж этой дани начался, по всей вероятности, с успешной для империи войны 930—931 гг., уже после смерти армянского царя Ашота, при Льве VI.

Правовая теория, которая должна была подготовить присоединение к Византии вышеупомянутых городов на Ванском озере, а может быть, и всего Мелазкертского эмирата, находит обоснование в рубриках 44-й главы.

Грузинские феодалы с большой настороженностью относились к притязаниям Византии на грузинские земли. Автор не скрывает неоднократных неудач, которые приходилось претерпевать византийской дипломатии при осуществлении ею здесь своих захватнических планов². Константин сам приводит случаи дипломатических отступлений и поражений Византии, но он настойчиво показывает на примерах, что в Иверии с давних времен установилась верховная власть императора, хотя и прерывавшаяся на более или менее длительные сроки. Доказательством этой верховной власти империи служит присвоение чинов патрирхов, магистров грузинским феодалам. Верховный же государь Грузии постоянно носил византийский придворный титул куропалата. Следова-

¹ «De administrando imperio», p. 196.

² Ibid., p. 48.

тельно, и Иверия должна принадлежать империи. В памяти читателя воскрешается стратегический принцип, установленный Куркуасом, согласно которому византийская граница в Закавказье должна проходить по реке Араксу. В обоснование этого в трактате собраны все старые известия о родословных отношениях иверских Багратидов и об их мнимо древней генеалогии¹.

Сборник «О народах» всего более раскрывает себя в качестве руководства для дидактических целей; в нем собраны практические примеры из истории дипломатии и политики, которые должен знать наследник престола и на которых он должен учиться, как и в каком направлении велись государственные дела в прошлом и как они должны вестись в будущем, чтобы империя могла вернуть себе потерянные ею области на Балканах, в Азии и Италии. В соответствии с этой целью в трактате без стеснения говорится все то, что в других случаях не подлежало бы огласке. Здесь подвергается справедливой оценке верность каждого из «друзей» и «слуг» империи, не скрываются дипломатические поражения, ясно обнаруживаются подлинные стремления и планы византийской политики.

Это относится и к главам 1—14-й, 42 и 53-й, посвященным Северному Причерноморью. Глава 42-я содержит описание Черноморского побережья от Дуная до Сотируполя (Пицунды); в ней даны краткие гидрографические указания о реках, озерах, а также несколько существенных сведений о политических, торговых и иных отношениях в Северном Причерноморье, а именно — сообщения, что печенеги контролируют устья Днепра. Днепра и Дуная и что они занимают Черноморское побережье от низовьев Дуная до хазарской крепости Саркела.

О русских ошибочно говорится в этой главе, что они живут «в верховьях реки Днепра». Здесь же сообщается о русской торговле. «К северу от Меотийского моря, — пишет Константин, — течет река Днепр, из которой русские проходят в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию». Г. Ласкин вместе с А. А. Куняком предлагает чтение «Зихия» вместо «Спрня» на том основании, что не имеется

¹ «De administrando imperio», cap. 46.

будто бы никаких других данных о поездках русских в Сирию. Но Ф. Вестберг резонно отстаивает чтение «Сирия», мотивируя это тем, что Сирия, охватывающая в широком значении этого слова и всю Месопотамию с главным городом Багдадом, была под этим именем хорошо известна грекам. О Багдаде и Сирии упоминается в трактате «О народах», глава 25-я. Ибн-Хордадбек сообщает, что русские уже в IX в. ездили торговать в Багдад. Если бы следовало читать «Зихия», а не «Сирия», то слово «Зихия» должно было бы стоять на первом месте, так как торговцы из Руси, ехавшие Поном, прежде всего попадали бы в Зихию, непосредственно примыкавшую к морю. Но всех этих вопросов автор трактата в 42-й главе касается только попутно. Основная мысль этой главы, сообразно общей цели книги, сосредоточена на вопросе о восстановлении и упрочении византийской власти в Северном Причерноморье. Возможность осуществления этого ставится в тесную связь с возведением византийцами при императоре Теофиле для хазар крепости Саркела на Дону и превращением тогда же города Херсонеса и Климатов в Крыму в византийскую фему, подчиненную стратегу. Эти события являются для Константина основными, и потому он подробно описывает обстоятельства, при которых была построена спафарокандидатом Петроной крепость Саркел для хазар и город Херсонес с его округой превращен в византийскую фему.

Конечно, византийцы строили крепость Саркел для хазар не даром. Наличие какого-то общего врага, который в трактате не назван, заставило Византию и Хазарию столкнуться между собой; в результате этого сговора Византия, построив для хазар Саркел, восстановила свою власть на южном берегу Крыма. Очевидно, угроза со стороны этого же врага заставила херсонесцев без сопротивления согласиться с появлением в Херсонесе византийского стратега.

Но, как видно из главы 53-й, опасность отпадения Херсонеса не была исключена и в X в. Пространная 53-я глава озаглавлена: «История города Херсонеса». Эта «История» является извлечением из какого-то херсонесского литературного источника. Характерно, что здесь мы не имеем вводных *ιστεον οτι* или просто *οτι*, обычно сопровождающих каждый новый абзац основной части

трактата Константина ¹. Т. Моммсен оценивает рассказы, приведенные в этой главе, как «Chersonesische Märchen» ². Иначе относится к ним Р. Карпетт, трактуя их как исторически достоверные и стараясь лишь уточнить их хронологию и имена действующих лиц ³.

Г. Мапойлович видит в главной части 53-й главы дословную копию херсонесской летописи или сказания (ιστορίη) и считает несомненным, что основой для этого литературного произведения служила херсонесская летопись, с внесением в нее поправок и дополнений о необычайных или важных событиях и с добавлением элемента сказочности ⁴.

Действительно, как показывает анализ этой главы, нельзя отрицать в основе переданных сказаний наличия какого-то исторического зерна, но оно находится в окружении столь сложного вымысла, что в точности пока не может быть выделено. Об известной реальности рассказа свидетельствует его местный колорит, точное знание города и его округи, ссылка на поставленные в нем памятники. Моммсен находит заслуживающими внимания имеющиеся в этой главе указания на городские привилегии и владения.

Но значение 53-й главы определяется не этой красивой статьей для чтения, заимствованной из херсонесской летописи: вслед за ней идет добавление, представляющее наставление наследнику престола и начинающееся стереотипным ἰστίον; в нем перечисляются мероприятия, которые должно будет предпринять византийское правительство, если произойдет отпадение Херсонеса от империи.

В случае восстания херсонесцев предлагается провести следующие энергичные меры: конфисковать в столице все херсонесские корабли с их грузами, а матросов и пассажиров бросить в тюрьмы. То же следует сделать на побережье фем Армениаков, Пафлагонской и Букед-

¹ «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье», Изд. ГАИМК, вып. 91, прим. 106, стр. 68.

² T. Mommsen. Römische Geschichte. T. V. Berlin, 1885, S. 291. Note.

³ R. Carnott. The story of Gycia. «The English. hist. reviews», vol. XII, 1895, p. 100—105.

⁴ Г. Мапойлович. Указ. соч., стр. 17—36.

лариев. Должна быть осуществлена полная блокада Херсонеса, с прекращением снабжения его хлебом, вином и другими необходимыми продуктами, а также приостановлена выплата субсидий Херсонесу; стратиг же должен «удалиться в другое место». Блокада неминуемо приведет херсонесцев к сдаче, так как если они не будут ездить в Романию и продавать шкуры и воск, который скупают у печенегов, то не смогут существовать. Если не будут доставляться продукты из Аминса, Пафлагонии, Букеллариев и с окранны Армениаков, то херсонесцы погибнут¹.

Можно согласиться с Ласкным, что этот небольшой отрывок более важен, чем вся длинная предшествующая история, изложенная в стиле новеллы. Этот отрывок повествует о событиях того времени, показывает, что в X в. в Херсонесе еще не исчезли остатки республиканского свободолюбия; в нем откровенно перечисляются репрессивные меры, которые византийское правительство должно было обрушить на Херсонес в случае его отпадения от империи.

В главах 1—14-й решается важный для византийской дипломатии вопрос о том, как она должна относиться к различным «скифским» народам, живущим к северу от Черного моря, и на какие из них она должна опираться в своей политике. Устанавливается, что опорой византийской политики в Северном Причерноморье должны быть печенеги, потому что они сильны и, действуя в союзе с ними, Византия может не бояться нападения болгар, русских и других скифских народностей.

Уже в первой главе своего труда Константин пишет: «Я полагаю, что императору ромейскому всегда очень полезно жить в мире с печенежским народом, заключать с ним дружественные договоры и союз, ежегодно отправлять к ним отсюда посланца с приличными и полезными народу дарами и получать оттуда заложников или посланца»².

В 4, 5 и 6 главах объяснено, почему Византии необходимы союз и дружба с печенегами. Константин рисует русских и венгров как грабителей, которые готовы воспользоваться первым удобным случаем, чтобы напасть

¹ «De administrando imperio», p. 270.

² Ibid., p. 68.

на империю или вынудить у нее большой платеж за мир. Средством предотвращения этих набегов и вымогательства являются печенеги. «Когда император ромейский живет в мире с печенегами, то ни русские, ни турки не могут совершать враждебные нападения на ромейскую державу; не могут они и требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую император при помощи этого народа может противопоставить им в случае их походов на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланний и даров, легко могут нападать на земли русских и турок, брать в рабство их жен и детей и опустошать их земли»¹.

Союз с печенегами заставит и болгар жить в покое, так как печенеги близки к болгарам и когда захотят, ради ли их собственной выгоды или из расположения к императору ромейскому, легко могут выступать против болгар и, благодаря своему превосходству в численности и силе, разбивать и громить их². Наконец, если печенеги не будут состоять в дружбе с Византией, то они смогут выступать против Херсонеса, делать набеги и грабить самый Херсонес и Климаты³.

В 8-й главе говорится о частых (ежегодных) путешествиях императорских послов — василиков (βασιλικοί) — к печенегам; об этом свидетельствует как самое заглавие ее, так и первая ее часть⁴, имеющая характер выписки из правительственной инструкции. Эти дипломатические поездки предпринимались не только по делам самих печенегов, но и с целью использования их для диверсий против русских, болгар или венгров. Василлики отправлялись с военными судами-хеландиями и, не заходя в Херсонес, шли в устья Днепра, Днестра и Дуная, где и вступали в сношения с печенегами. Точные предписания устанавливают формы, в рамках которых василлики должны были вести переговоры с печенегами; эта дипломатическая процедура сохраняла силу и в отношении других народов, живших в тех же условиях.

¹ «De administrando imperio», p. 70.

² Ibid., p. 71.

³ Ibid., p. 68.

⁴ Ibid., p. 73—74.

Метод составления трактата из отдельных документов часто не имеющих между собой внутренней связи, привел к тому, что 8-я глава также оказалась состоящей из двух разнородных частей, противоречащих одна другой. В первой части этой главы рассказывается о том времени, когда печенеги уже владели устьями рек Северного Причерноморья и территорией южнорусских степей от Дуная до Саркела. Вторая часть (посольство клирика Гавриила) свидетельствует, что венгры жили по соседству с печенегами, к западу от Днепра, а печенеги — к востоку от Днепра¹. Таким образом, первая часть 8-й главы более позднего происхождения, чем вторая. Бьюри полагает, что посольство клирика Гавриила к венграм состоялось еще при Льве VI, когда венгры находились под свежим впечатлением страха от нанесенного им печенегами поражения².

Нуждаются в критической проверке сообщаемые Константином сведения о территориальном расселении печенегов и восточнославянских племен. Из его сообщений в 14 и 42-й главах вытекает, что печенеги заселили все морское побережье от Дуная до Крыма и всю область южнорусских степей от Дуная до Дона, являясь соседями Руса и подвластных ей племен. В 37-й главе говорится, что руссы занимали особую территорию, отделенную от территории подвластных им славянских племен. Перечисляя четыре печенежских рода, кочующих на западной стороне Днепра, Константин пишет: «Округ Харовой расположен по соседству с Русью, а округ Явдертим — с подвластными русской земле племенами: ульятинами, древлянами, лензенинами и другими славянами»³. Таким образом, он помещает Русь и подвластные ей восточнославянские племена на западной стороне Днепра, как будто бы на восточной стороне Днепра восточнославянские племена не жили. Здесь соседями четырех печенежских колен с северной и восточной стороны он называет только «Узю, Хазарию, Аланию, Херсонес и прочие климаты»⁴, что, конечно, является грубой ошибкой.

¹ «De administrando imperio», p. 73—74.

² J. B. Bury. Op. cit., p. 563—568.

³ «De administrando imperio», p. 166.

⁴ Ibid.

Константин забывает о северянах, о которых он упоминает в 9-й главе, и тем показывает, какие смутные представления имелись у него о расселении восточнославянских племен. Переходя к территории западнее Днепра, Константин сообщает, что владения печенегов отстоят от Руси на расстоянии одного дня пути. На сколько дней пути отстояли печенежские кочевья от территории уличей, древлян, лучан и как далеко простирались они от Черного моря на север, он не сообщает. Но, судя по тому, что Русь он помещает в верховьях Днепра, видимо, все пространства южнорусских степей он представляет кочевникам-печенегам, не упоминая ни о каких следах оседлой жизни здесь и перечисляя только несколько покинутых городов между Днестром и Дунаем. Это противоречит прямым указаниям русской летописи о том, что уличи и тиверцы жили по нижнему течению Днестра и Буга, до моря.

В X в. уличи (угличы, улучи) обитали к югу от древлян и волынян. Рассказывая о войне Игоря с уличами, Новгородская летопись сообщает: «и беша сядище уличи по Днепру вниз, и посем приидоша межю Бог и Днепр и сядоша тамо»¹.

Следовательно, до войны с Игорем уличи жили по нижнему течению Днепра, а затем продвинулись на запад. Часть из них ушла в Поднестровье, в районы будущей Галицкой Руси, на территорию современных Молдавии и Бессарабии; часть же отходила на север, в районы верховьев Южного Буга и Днестра. Еще дальше на юго-запад жили тиверцы — «толковины», бывшие союзниками Олега во время его похода на Византию. Уличей знает не только наша летопись: о них упоминает Константин, именующий их *ούλτινός*; «Баварский географ» сообщает, что они «многочисленный народ» (*populus multus*), имеющий 318 городов (*civitates*)².

Ипатьевская летопись помещает уличей и тиверцев «по Бугу и по Днепру и присядяху к Дунаеву. . . оли до моря»³, а в Лаврентьевской сказано: «бе множество их;

¹ Новгородская IV летопись, стр. 27, ПСРЛ, т. I, стр. 5, 10; т. VII, стр. 263, 277.

² P. J. Safarik. *Slowanské starožitnosti*. Praha, 1837, стр. 980—981.

³ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, вып. 1, Пг., 1924, стр. 10

седаху бо по Днестру, приседаху к Дунаеву оупи до моря»¹. Таким образом, согласно данным летописи, бассейн Буга и Днестра до Черного моря был занят оседлыми славянскими племенами, причем летопись говорит об уличах и тиверцах, что «бе множество их». По этой летописи, мы можем констатировать наличие поселений уличей и тиверцев на территории, отводимой Константином исключительно печенегам, в довольно позднее время². «И суть их города до сего дня», — говорит летописец³. Наша летопись была составлена в XII в., но интересующее нас известие могло быть более ранней записью, свидетельствующей о том, что остатки поселений уличей и тиверцев сохранились в нижнем течении Буга и Днестра во второй половине X и в XI в.

Трудно допустить, чтобы появление печенегов смело все оседлое население в этих районах и в половине X в. памятникам былой оседлой жизни оставались только развалины пустых городов, названия которых перечисляет Константин. Наши источники свидетельствуют, что в период Киевской Руси границы расселения восточных славян — хорватов, дулебов, уличей и тиверцев — заходили далеко на запад, юго-запад и юг⁴. Наличие русского населения в Венгрии, современной Закарпатской Украине, Буковине, Бессарабии, Подунавье не являлось результатом позднейшей колонизации. Походы Святослава в Болгарию, совет, данный ему воеводой Свенельдом, возвратиться оттуда сухим путем, как самым безопасным — «поиди, княже на коних околь, стоять бо печенези в порозех»⁵, обстоятельства последнего неудачного похода русских на Константинополь в 1043 г., посылка Мономахом в 1116 г. на Дунай Ивана Войтышича, который сажал в дунайских городах русских посадников, — все это заставляет думать, что сообщение между

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 13.

² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Изд. 2-е, Варшава, 1885, стр. 95.

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 10.

⁴ В. В. Мавродия. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 90—91.

⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 73.

Нижним Дунаем и Поднепровьем было для киевских князей более или менее обеспеченным¹.

Конечно, после появления печенегов, сплоченного славянского населения здесь уже не было. Часть оседлого населения отхлынула к северу, но другая оставалась на месте, вела борьбу с кочевниками и смешивалась с ними.

Источники свидетельствуют, что в низовьях Днепра и Днестра в конце X в. сохранялись населенные пункты с оседлым населением. Таково селение Борион, где греческому топарху пришлось довольно долго прождать, прежде чем унялась зимняя выюга². По «Записке греческого топарха», византийский военный отряд зимой направлялся в южнорусской степи домой (ἐς τὴν οἰκίαν) по направлению к Маврокастроу. В половине XI в. в Маврокастро́не была даже византийская митрополия, носившая название «Маврокастро́н» или «Новая Россия»³. Не только по Днепру, но и по Днестру велись торговые сношения. В таможенных правилах, изданных в Раффельштетте в октябре 904 г., говорится о купцах, приходящих из Чехии и Ругии, т. е. Руси, так как Ругией в Западной Европе называли Русь, о чем свидетельствует продолжатель Регинопа, называющий Ольгу правительницей ругов⁴.

Ибрагим-ибн-Якуб (X в.) сообщает, что из Кракова приходят в Прагу русь и славяне и привозят туда рабов, олово и меха⁵. Из письма хазарского царя Иосифа Хасдаю-ибн-Шафруту видно, что в то время существовал торговый путь из Праги через Карпатские перевалы в Буковину, переходивший там через Днестр на Днепр

¹ Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 95.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 149; М. А. Шангин. Византийские источники о войне Святослава с греками, стр. 114. Архив ЛОИИ, рукопись; W. Tomaschek. Die Goten in Taurien. Wien, 1881, S. 38; П. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, ч. 192, 1877, стр. 201—202.

³ «Rev. de l'Orient chrétien», t. XIV, 1909, p. 212; E. Honigmann. Studies in slavic church history. «Byzantion», t. XVII, 1944—1945, p. 158.

⁴ М. С. Грушевский. Киевская Русь. Т. I, СПб., 1911, стр. 359.

⁵ А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бакри и других авторов о Руси и славянах. «Зап. имп. Акад. наук», т. XXXII.

я соединенный с путем в Азовское море и Хазарию. На протяжении всего этого пути были расположены еврейские торговые колонии¹. Поэтому еще Г. Манойлович справедливо усомнился в правильности сообщения Константина о том, что юг Северного Причерноморья между Днепром и Дунаем был заселен исключительно печенегами и что здесь полностью отсутствовала оседлая жизнь в половине X в.²

До настоящего времени в литературе не отмечалось, что, описывая роль и значение печенегов и их взаимоотношения с Русью, Константин иногда противоречит самому себе. С одной стороны, он сообщает, что печенеги часто грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков, что русские стараются жить с ними мирно, потому что во время войны они чувствуют себя отрезанными от юга, главным образом от Константинополя. В таком случае печенеги ждут русских у днепровских порогов и здесь, пользуясь их затруднительным положением при переходе порогов, избивают их и обращают в бегство. Константин утверждает даже, что «руссы не могут приезжать в сей царствующий град ромеев, если не живут в мире с печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел» (οὐτε πολέμου χάριν οὔτε ἐμπορίας)³.

Поэтому, чтобы избавиться от их вражды и воспользоваться их помощью, русские избегают воевать с печенегами и иногда вступают с ними в союз. Но в 9-й главе автор сообщает, что русские торговые караваны ежегодно совершают путь по Днепру и Черному морю в Константинополь, успешно отражая печенежские нападения, что печенеги не вызывают у руси никакой паники, что русь вовсе не занимает по отношению к печенегам того подчиненного положения, какое он ей приписывает во 2-й главе своего труда⁴.

Известно, что последующие события очень скоро показали ошибочность суждений византийского императора. Печенеги не могли воспрепятствовать Руси ни

¹ F. Westberg. Ibrahims Ibn Jacobs Reisebericht ueber die Slavenländer. «Зап. имп. Акад. наук по ист.-фил. отд.», сер. 8, т. III, № 4, СПб., 1898, стр. 135.

² Г. Манойлович. Указ. соч., стр. 48—53.

³ «De administrando imperio», p. 69.

⁴ Ibid., p. 75—79.

торговать с Византией, ни воевать с ней при Свято-славе.

О недостаточном знакомстве с экономикой Руси свидетельствует утверждение императора, что на Руси не разводят домашнего скота, что руссы торгуют с печенегами и покупают у них скот — быков, коней, овец, так как на Руси ни одного из названных животных будто бы не водится¹.

Русь, конечно, могла покупать и покупала у степных кочевников скот, но утверждение, что на Руси в X в. не разводили домашнего скота, несомненно, является неосновательным. Имеется достаточно исторических данных, показывающих, что восточные славяне в X в. были земледельцами, прекрасно умеющими разводить домашний скот. Еще Маврикий, автор конца VI в., сообщал, что у славян и антов большое количество разнообразного скота и плодов земных. Раскопки, проведенные В. И. Равдоникасом в Старой Ладогe, показывают, что население Ладоги уже в VIII в. питалось хлебом, имело прирученных домашних животных, мясо которых шло в пищу, жило отдельными дворами («дым»), вело индивидуальное хозяйство². Раскопками П. Н. Третьякова в Верхнем Поволжье установлено, что и там переход от подсечного к пашенному земледелию происходит в VII—VIII вв. и лошадь, которая в прежнее время употреблялась в пищу, в связи с этими переменами становится необходимой для земледелия тягловой силой.

В нашей летописи упоминания о княжеских селах и княжеских угодьях появляются с середины X в.³ Уже в начале X в. источники повествуют о боярах, т. е. употребляют слово, которое в XI в. означало «феодал», «крупный землевладелец». Среди ошибочных утверждений Константина о русско-печенежских отношениях, показывающих его недостаточное знакомство с положением дел на Руси, особняком стоит очень важный, отмеченный в середине X в. Константином факт проникновения в греческий и печенежский языки русского, весьма показательного термина «закон». Константин пишет: «Когда пече-

¹ «De administrando imperio», p. 69.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 44.

³ Лаврентьевская летопись под 946 г.

неги дадут царскому чиновнику клятвы по своим законам (κατὰ τὰ ἑαῶνα νόμων). Этим он показывает, что печенеги взяли это недостающее им слово от руси, подобно тому, как в венгерский язык проникли термин «воевода» и термины, относящиеся к земледелию¹.

Это свидетельствует о культурном влиянии, которое земледельческий народ — русь — оказывал на соседние кочевые народы, о более высоком, по сравнению с кочевниками, уровне общественных отношений на Руси, о наличии там уже сформировавшихся элементов права, что мы отмечаем уже при анализе русско-византийских договоров 911 и 944 гг.

Константин VII является единственным византийским писателем, который пытается характеризовать быт Киевской Руси. Характеристика эта дана в одной главе, так как русь не была в числе народов, привлекавших особое внимание автора.

9-я глава представляет описание торгового пути из Киева в Константинополь. Подобных описаний великих торговых путей было много в античной, византийской и арабской литературе. Купцы из русских городов уже давно приходили этим путем в византийские города на Черное море и в Константинополь.

В этой главе автор не дает никаких сведений об ассортименте товаров, которыми Русь торговала с Византией. Значит, он не купец. Нельзя считать, что автор интересовался днепровским путем как географ, поскольку он не дает никаких сведений о русских городах, климате, флоре и фауне. С другой стороны, лицо, написавшее 9-ю главу, хорошо знакомо с Константинополем. Ширину Крайней переправы автор сравнивает с шириной константинопольского ипподрома. Он говорит, что ширина первого порога равна ширине императорского мавзолея на территории Большого дворца — цикапистерия. Это выдаст в авторе человека, близко стоящего ко двору, возможно — дипломата. Из императорских архивов это дипломатическое донесение попало в руки Константина, и он включил его в свою хрестоматию, подвергнув при этом некоторой редакторской обработке.

¹ «De administrando imperio», p. 73.

По сообщению Константина, князь русский «со всеми руссами» выходит из Киева с наступлением ноября и отправляется в полюдье, в земли подвластных славянских племен, платящих ему дань. Всю зиму он проводит в полюдье, а в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращается в Киев. В лесах данники-славяне в течение зимы рубят огромные деревья и, обстругав их, спускают в воду, доставляют в Киев и продают русским. Грубо обработанные колоды здесь обшивают бортами, оснащают веслами, уключинами, мачтами. В них грузят все, что добыто в течение зимнего полюдья: ценные меха, шкуры, мед, воск и рабов. В июне руссы двигаются вниз по течению Днепра, некоторое время поджидают у Вятичева отставших и через 2—3 дня пускаются караваном в далекое путешествие. Они проходят пороги, где часто нападают на русских купцов жадные воинственные печенеги; особенно опасными в этом отношении считаются Неясыть и Крарийская переправа. У Неясыти часть людей приходится выделять для охраны каравана от внезапного налета кочевников — печенегов. Отбив их нападения, руссы добираются до острова св. Георгия (позднее — Хортица), где делают остановку у огромного многовекового дуба и приносят жертвоприношение, а затем до острова Элевферия (Бережань). Тут руссы отдыхают 2—3 дня, готовят свои ладьи для морского путешествия, оснащают их мачтами, рьями и парусами и идут морем, держась берегов и делая остановки у Днестра, Белой и в других местах, до Селины (северного, Килийского рукава Дуная). Здесь они уже не опасаются нападений печенегов и, идя вдоль побережья Болгарии, достигают Константинополя¹.

Константин дает названия некоторых русских городов, но в весьма искаженном виде, так что мы едва можем узнать в Милениске — Смоленск, в Чернигога — Чернигов, в Телюде — Любеч, а название киевской крепости Самбатас до сих пор служит камнем преткновения для историков. Во всяком случае, это слово нельзя производить от германского Sandbank, как это делают норманисты², поскольку название «Sandbank» (песчаный бе-

¹ «De administrando imperio», p. 74—79.

² T. Marcquardt. Streifzüge. Leipzig. 1903, S. 198; E. A. Thomson. Der Ursprung des russischen Staates. S. 72.

рег) отнюдь не соответствует характеру местности, где расположен Киев.

Сводка мнений по вопросу о значении и происхождении этого названия дана Г. Ильпским и А. Лященко¹. Лященко и Манойлович высказываются за хазарское происхождение этого названия. Частица «сам» обычно употребляется хазарами для обозначения населенного пункта («Самкерц», «Самендер» и др.). Слово же «bat» в тюркском языке означает «крепкий». Г. Манойлович сближает приводимое Константином название с названием города Sanbat, находящегося на границе славянской территории; оно встречается у Ибн-Русты и Гардызы и заимствовано у более древних арабских авторов².

Исследования Манойловича показали, что эта глава, подобно некоторым другим, состоит из отдельных фрагментов, причем второй из них начинается словами: «зимний же образ жизни руссов суров»³. В первом говорится о северных руссах, с политическим центром в Новгороде, во втором — о руссах, политическим центром которых является Киев, лежащий на земле не упоминаемых Константином полян. Манойлович предполагает, что авторам этих фрагментов являются разные лица или же, что один и тот же автор пишет о другом, более позднем времени. В обеих рубриках по-разному транскрибируется название «Киев»: в первой рубрике — *τὸ κιοῦβα* (стр. 75), во второй — *κιοῦβος* (стр. 79). По-разному читается и название кривичей: в первой рубрике — *κρίσιτιχνοί* (стр. 75), тогда как во второй рубрике более правильное — *κρίσιτχοι* (стр. 79). По первой рубрике, руссы отправляются в Константинополь из Новгорода, в котором княжил Святослав, а также из Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода, а по второй — руссы, проводившие зиму в полюдье, направляются туда из Киева. Следовательно, вторая рубрика написана другим лицом и, в всяком случае, позже первой. Замечание первой рубрики

¹ Г. И л ь п с к и й. *Σάμβατος* Константина Порфирородного. «Юбил. збірн. на пошану акад. М. С. Грушевського», Киев, 1928, стр. 166—167; А. Л я щ е н к о. Киев и *Σάμβατος* у Константина Порфирородного. «Докл. АН СССР», 1930, № 4, стр. 66—67.

² «Rad», t. 187, str. 44—46.

³ Ibid., str. 33—46.

о том, что в Новгороде княжил Святослав, является более поздней вставкой в труд Константина Порфирородного¹. Однако едва ли можно допустить, чтобы малолетний Святослав мог в 948—952 гг. быть представителем киевского князя в Новгороде, тогда как Ольга оставалась в Киеве. «Повесть временных лет» сообщает только о пребывании Ольги и Святослава в Новгороде в 6455 (947) г.²

Последний абзац 9-й главы, не связанный с содержанием ее и примыкающий к изложению следующей — 10-й главы, иллюстрирует, насколько случайным является современное деление трактата Константина на главы.

У Константина имеются некоторые сведения, показывающие, что в его время представление о местопребывании русских было связано с Киевской землей. Лодки собираются в Киеве, где их продают русским. Князья «выходят со всеми руссами» из Киева и отправляются в полюдье и именно в славянские земли: «вервианое (древлян), другувитов (дреговичей), кривичей, севериех (северян) и остальных славян, платящих дань руссам»³.

В этих словах норманисты видят прямое указание на этническое отличие руссов от славян и пытаются доказать, что даже во время юности Святослава руссы были особым, правящим народом и говорили не по-славянски, а на скандинавском языке. Но они не замечают только одного: среди подвластных руссам племен названы дреговичи, кривичи, древляне, северяне, лучане. Нет только полян, а ведь поляне в первую очередь должны были бы признаваться данниками руси, если в последних видеть норманнов. Но отсутствие упоминания о полянах понятно, ибо они и были русью, т. е. жителями Киевской земли. Если мы спросим, какую территорию подразумевал Константин под землей руссов, отделенной одним днем пути от округа Харовой, то единственно возможным ответом на это будет указание на территорию полян с главным городом Киевом.

¹ Г. М а н о й л о в и ч. Указ. соч.

² «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 947 г., ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 60.

³ В главе 37-й Константин называет еще восточные славянские племена: ультинов (уличей) и ланзиннов (лучан), как соседей печенегов.

М. Н. Тихомиров установил, что в XII—XIII вв. название «Русь» в узком смысле обозначало вполне определенную страну — Киевскую землю¹. Но и в X в. под Русью и русской землей подразумевалась Киевская земля.

Летописные повести X в. ясно различают варягов и русь. Для летописцев не было никакого сомнения, что русская и славянская грамота одно и то же: «а славянский язык и русский один. . . аще и поляне звахуся, но словенская речь бе»².

Тихомиров доказывает, что в древнейшем летописном тексте о призвании Рюрика к варягам встречаются русь, словены, кривичи и весь, т. е. самая русь, по этому рассказу, не является варяжским племенем³.

Стремясь провести теорию заморского происхождения руси, летописец постоянно вынужден поправлять свой собственный текст, так как он прекрасно знал различие между русью и варягами, знал, что те и другие говорят на разных языках. Поэтому летописец порой забывает о пресловутом заморском происхождении Руси. Так, говоря о походе 944 г. на Константинополь, он сообщает: «Игорь же совокупив вои мнози, варяги, русь и поляны, словени и кривичи и твердце и печенегу»⁴. Здесь русь выступает отдельно от варягов, вместе с полянами, в отличие от словен и кривичей, как особое племя. Анализ договора Игоря показывает, что варяги — наемники — были представлены в значительном количестве в дружине X в., во главе которой стояли славянские князья, носившие славянские имена. Поэтому русь клялась Перуном и Волосом, а не Одином и Тором, как следовало бы ожидать от норманнов.

Таким образом, анализ летописных известий приводит к выводу, что название «Русь» было древним и возникло значительно ранее X в. Этот вывод подтверждается западноевропейскими, византийскими и восточными источниками.

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Сов. этнография», тт. VI—VII, 1947, стр. 80.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 28.

³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 67.

⁴ Лаврентьевская летопись под 944 г.

«Баварский географ», составленный в конце IX в., перечисляя города и области к северу от Дуная, называет некоторые славянские племена, известные в летописи. В этом перечислении мы находим рядом с хазарами (saziri) и русских (ruzzi) ¹. Ruzzi «Баварского географа» упомянуты в числе других славянских племен, и ничто не указывает на позднее, а тем более варяжское происхождение их имени. Русских знали в Германии уже в 903—904 гг., как доказал Васильевский на основании Раффельштеттенского устава. Бертинские летописи ² обнаруживают, что русские были известны и в Византии.

Точно так же арабские писатели XI в. считают русских славянами. Свидетельство Ибн-Хордадбега настолько красноречиво говорит в пользу славянского происхождения руси, что не требует комментариев. То же мы находим у Аль-Джайхани, писателя конца IX—начала X в.

Правда, арабские писатели X в. уже отличают русь от славян, но это объясняется следующими причинами.

Существование славянских княжеств на территории восточных славян может считаться доказанным ³. Недаром среди русских городов нельзя назвать ни одного со скандинавским названием. Значит, русская культура стала складываться среди восточных славян задолго и вне варяжского влияния. Почему же в X в. иностранные источники начинают упорно говорить о варягах и путать их с русью? Потому что в X в. происходят новые события: в X и в начале XI в. идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом. В этой борьбе победа остается за новгородскими князьями, опиравшимися на варягов. Отсюда домысел летописца, мешавший признанию неоспоримого факта, что название «Русь» — древнее название южнорусской земли, известное уже в первой половине IX в., задолго до объединения Новгорода и Киева в одно государство.

Поэтому понятно отсутствие у Константина упоминания о полянах. Поляне и были русью, т. е. жителями Киевской земли. Наличие значительного варяжского

¹ Р. J. Šafarik. Op. cit., str. 980—981.

² В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, ч. 258, 1888, стр. 8.

³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 79.

элемента в дружине Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда) заставляло византийцев, в том числе и Константина, видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.

Переходим к сообщению Константина о названиях днепровских порогов, которые норманисты считают главным доказательством этнической тождественности норманнов и руси. Советские ученые С. В. Юшков и М. Н. Тихомиров дают убедительный анализ этого сообщения Константина, разрушающий построения норманистов¹.

Порогов этих семь. Названия большинства из них по-славянски звучат очень ясно и не требуют комментариев. По сообщению Константина, первый порог и по-славянски и по-русски называется Эссуни, что значит: «не спи». В названии первого порога вышло начальное *υ*, потому что переписчик смешал это начальное *υ* с конечным предыдущего *ἐπὶ τοῦ ὅριος*. Должно читаться *Νεσσουπῆ*, которое будет соответствовать древнерусскому «не съни»². Второй порог по-славянски называется Островунипрах, третий — Геландрц, что по-славянски будто бы значит «шум порога», четвертый — Неясыть (позднее — Непасытец), пятый — Вульнипрах, шестой — Веруди (от древнеславянского «вручий», т. е. кипящий), седьмой — Напрези (Настрязи — от русского слова строж, стрежень)³.

Таким образом, славянский ряд названий, бесспорно, производится из корней славянского языка. К русским отнесены у Константина Эссуни, Ульворси, Аифар, Варуфорос, Леанти, Струвун. Несомненно, некоторые русские названия легче всего объясняются из скандинавских корней, но не все, и норманисты при всем их старании не могут объяснить некоторые названия порогов из скандинавских корней, например — Эссуни.

¹ С. В. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства. «Уч. зап. Московского юрид. ин-та», вып. II, М., 1940; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. 1949, стр. 51—53; М. Н. Тихомиров. Указ. соч.

² «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье», «Изв. ГАИМК», вып. 91, прим. 19, стр. 54.

³ Б. Д. Греков. Антинаучные измышления финского «профессора». «Лит. газета», 7/VI 1950 г.

С. В. Юшков доказал, что русские названия являются не переводами славянских названий, а особыми географическими номенклатурами¹.

«Нессуни» — чисто славянское слово. «Аифар» не может быть переводом слова «Неясить»; точно так же «Люантн» не является переводом славянского названия «Веруци».

Русское название «Струвун» также не является переводом «Напрази». В основе его лежит славянское слово «остров». И действительно этот порог образуется вследствие сужения русла благодаря наличию острова.

В целом список порогов, данный Константином, дошел до нас в явно дефектном виде. Славянское название «Гелапдри», например, звучит явно не по-славянски. В свою очередь, «русское» название «Струвун» найдет объяснение и в славянских языках.

Как показал С. В. Юшков, эта номенклатура состояла из названий, в основе которых лежали как скандинавские, так и славянские корни и, можно думать, корни других языков.

Словом, это была «международная номенклатура», которой, вероятно, следовали все, проезжавшие по Днепру. Поскольку путь по Днепру был путем мирового значения и по этому пути везли свои товары представители разных народностей, естественно ожидать, что в выработке этой номенклатуры принимали участие купцы, принадлежавшие к разным народностям.

«Доказательственное значение факта существования особых названий порогов, не совпадавших с славянскими, — пишет Юшков, — еще более уменьшится, если мы примем во внимание, что днепровские славяне вообще не могли дать названий порогам на этой реке, поскольку они не жили на территории, непосредственно прилегающей к порогам, территории, занятой тюркскими кочевыми племенами, в X в. — печенегами»².

Естественно, что в Киеве были усвоены названия днепровских порогов, данные им купцами разных народностей, в том числе и норманнами.

¹ С. В. Ю ш к о в. Общественно-политический строй. . . стр. 51—53.

² Там же, стр. 52.

История не может обойти вопрос об источниках, которыми пользовался Константин при рассказе о порогах. Эти источники были не восточно-, а южнославянского происхождения, вследствие чего мы везде находим «праг», а не «порог». Можно думать, что славянские названия порогов были переданы каким-нибудь болгаринем, ходившим для торговли на Русь. Что касается «русских» названий порогов, то они, очевидно, сообщены Константину теми же источниками, которые передале ему названия русских городов в совершенно искаженном виде, которые называли Новгород Немогардом, с явным скандинавским окончанием на гард, т. е. какими-нибудь варягами. Какой-то варяг, служивший в войске византийского императора, сообщил ему две разные географические номенклатуры названий порогов. Путешествия варягов по Днепру нашли отражение в названиях некоторых порогов, а византийцы, в том числе и Константин, явно путали «русь» с варягами, приходящими из Руси и служившими в византийских войсках.

Таким образом, если норманистам не удалось доказать, что русские названия порогов являются переводами их славянских названий, то тем более нельзя принять утверждение, что в середине X в. русские говорили на скандинавском языке. Следовательно, сообщение Константина вовсе не является, как утверждают норманисты, решающим доказательством тождественности руси и норманнов.

Из предшествующего видно, что хотя в период написания трактата между Русью и Византией поддерживались постоянные торговые и дипломатические отношения, но нормальными эти отношения назвать нельзя. В русско-византийских отношениях, как они рисуются в трактате «De administrando imperio», ясно чувствуются натяжка и недоброжелательство.

Об этом свидетельствует 13-я глава, в которой византийский император жалуется на алчность к деньгам, неуместные требования, дерзкие домогательства северных народов — хазар, венгров и русских — и учит своего сына, как отклонять эти домогательства. По словам Константина, хазары, венгры, русские и другие скифские народы часто добиваются присылки им принадлежностей императорских одежд, венцов и другого убранства.

Нередко требуют от императора выдачи секрета жидкого огня, выбрасываемого из труб. Некоторые из «этих неверных и худородных жителей севера» предъявляли даже требования войти в свойство с императором ромейским и «либо взять его дочь в невесты, либо дать собственную дочь в жены императору и императорскому сыну». Константин предлагает первые два домогательства отклонять ссылкой на божественные установления, запрещающие будто бы выдавать кому бы то ни было принадлежности императорского облачения и способ изготовления жидкого огня.

На третью же «неразумную и неприличную просьбу худородных народов севера» Константин предлагает отвечать ссылкой на запрет императора Константина Великого, по которому император ромейский никогда не должен вступать в свойство с народом, имеющим чуждые ромейскому укладу нравы, за исключением одних только франков¹. Если императоры-иконоборцы нарушали эту практику, то они были еретики и за это предаются анафеме церковью; если Роман Лакапин породнился с болгарями, то он был простец, человек необразованный, узурпатор, получил за это заслуженное наказание при жизни и подвергается осуждению и по смерти.

Эта глава характерна для иллюстрации высокомерия, с которым византийские политики X в. продолжали относиться к «неверным и худородным жителям севера» — хазарам, венграм и русским.

В византийских канцеляриях X в. была разработана иерархическая табель государств Европы и Азии. В зависимости от значения и важности того или иного государства для Византии определялись формулы дипломатических обращений и ценность золотых печатей, привешиваемых к документам. В этой табели государств Русь вместе с венграми и печенегами занимала очень невысокое место. В обращениях к багдадскому халифу имя его предшествовало имени императора. Халиф, именуемый протосимво-

¹ Константин умалчивает, что Роман Лакапин женил сына на дочери Гуго от наложницы (*Li ut r g a n d i. Antapodisis. Lib. V, p. 14*). В оправдание столь неравного брака он возводит род Гуго к Карлу Великому и говорит о бабке невесты Берте, не упоминая ни словом о ее матери — наложнице (*«De administrando imperio», p. 114—118*).

лом и дпатактором агарян, имел право на три почетных эпитета (μεγλοπρεπέστατος, εὐγενέστατος, περιβλεπτός). К хазарскому кагану формула дипломатического обращения была такова: «Во имя отца и сына и святого духа, единого истинного бога, Константин и Роман, верные в боге римские императоры, папблагороднейшему и славнейшему кагану Хазарии», и к документу привешивалась печать стоимостью в три золотых солида. Русскому же князю писали: «Грамота Константина и Романа, христолюбивых императоров римских, к архонту России», т. е. без всяких почетных эпитетов, а к документам привешивалась печать ценой в два солида¹.

Изложенное подтверждает характеристику Константина Порфирородного, сделанную Б. Д. Грековым. Как видно, Константин относился к Русь враждебно и потому не мог быть объективным. При анализе его известий о Руси обнаруживается, что в свои сообщения о полудье, о торговом пути по Днепру он вносит ряд неверных и ошибочных сведений, показывающих его недостаточное знакомство с положением дел на Руси. Таких ошибок и неточностей немало и в других главах его книги. Обычно это объясняют ограниченностью самого писателя, его неумением овладеть собранным им материалом и тем, что труд его остался недоработанным. Но никто еще не пытался выяснить, почему Константин об одних народах говорил много и подробно, а другие оставлял без внимания, определить истинную цель его работы, поставить ее в связь с общим мировоззрением византийских императоров X в., которые, именуясь повелителями вселенной, хотя уже и не повелевали ей, все же сохраняли прежние притязания.

Мы показали основную цель работы и отметили, что автор обращает внимание на одни народы и оставляет без внимания другие или говорит о них только мимоходом. Главная цель его работы заключается не в том, чтобы дать своему сыну и наследнику обстоятельное и объективное описание соседних стран и городов, а в том, чтобы ввести его в курс текущей международной политики Византии. Поэтому Константин и поддерживает надежды на скорый крах арабского могущества и возвращение

¹ «De cerimoniis». . .», t. II, cap. 48, p. 680.

захваченных арабами византийских территорий. Чтобы ввести своего сына в курс захватнических планов Византии по отношению к сербам и хорватам, он останавливается на географии Сербии, Далмации, Хорватии, подробно излагая предшествующую историю этих народностей и тенденциозно извращая ее в интересах византийской политики. С историей южных славян тесно связывается история венгров. Поэтому Константин не может и ее обойти молчаньем. Не упускает он из поля зрения также Южную Италию и Венецию.

Такой же захватнический интерес мы видим в главах, посвященных Армении и Иверии.

И в Северном Причерноморье основное внимание Константина было направлено на восстановление и укрепление здесь византийской власти. По этому поводу он дает пространные указания. В X в. важную роль в византийской политике должны были играть печенеги, но так как они не образовывали единого политического целого, то Константин был вынужден обстоятельно остановиться на проблеме взаимоотношений с ними.

Обо всех остальных вопросах, связанных с Северным Причерноморьем, он говорит лишь попутно и мимоходом. В X в. Русь была уже слишком заметной политической силой в Восточной Европе, чтобы Константин мог совершенно обойти ее молчанием. Но он уделил ей мало внимания, так как Русь, по своей отдаленности, не могла быть объектом захватнических пожеланий Византии и византийские политики в то время еще сомневались в возможности завербовать Русь в качестве постоянного своего союзника. Византийского императора интересует только вопрос, как избежать нового нападения Руси на Константинополь. Поэтому если он допускает грубые ошибки в сообщениях, касающихся самой Византии и близлежащих стран, то естественно предполагать наличие таких же ошибок в известиях, относящихся к Руси.

Несколько устарелыми следует признать и сообщения Константина о полюдье. Смысл нововведений Ольги в том и заключается, что вместо периодических наездов — осеннего и зимнего полюдья князей или наиболее близких к ним дружинников — на Руси создается постоянно действующая сеть налоговых органов.

После убийства Игоря управление землями, которые находились под властью киевских князей, взяла в свои руки его жена Ольга, в качестве регентши. Из истории ее управления традиция сохранила два факта: один — ее война с древлянами и месть им, другой — крещение, причем оба эти факта дошли до нас окутанными и прикрашенными легендарным покровом. Легендарными представляются и данные из ее биографии, сообщаемые русской летописью. «Повесть временных лет» указывает: «приведоша [Игорю] жену от Пьскова [в некоторых рукописях: из Пльскова], именем Олгу»¹.

Игорь женился на Ольге в 903 г., а был убит в 945 г., в возрасте свыше 70 лет. Рождение же Святослава, по Ипатьевской летописи, произошло после сорокалетней брачной жизни Игоря и Ольги. Ясно, что здесь мы имеем дело со сказочной хронологией.

В исторической литературе несколько недооценивается деятельность Ольги, вернее — руководящей верхушки, действовавшей в ее княжение. Лаврентьевская летопись под 946 и 947 гг. рассказывает о финансово-административной реформе Ольги. Реформа эта коснулась не только древлянской земли, — она была проведена по всей территории Киевского государства.

Эту реформу надо связать с обстоятельствами, вызвавшими восстание древлян, в результате которого погиб Игорь. Убийство Игоря было вызвано его вымогательствами. Восстание древлян, гибель Игоря, последовавшая за его смертью упорная борьба с древлянами были учтены правящей верхушкой. Она, конечно, не могла отказаться от взимания дани, но приняла меры к упорядочению этого взимания. Можно думать, что при Ольге правящая верхушка Руси была уже тесно связана с местными землевладельческими элементами, которые хотели организовать методическую эксплуатацию подвластных племен, создавая для этого соответствующие органы.

Правящие верхи понимали, что существовавшая до убийства Игоря система взимания дани может и в дальнейшем вызывать восстания, что княжеская администрация на местах или отсутствовала, или была слишком

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 903 г.

слаба, что власть великого князя держалась на признании ее племенными князьями, как князьями-наместниками киевского князя.

Можно согласиться с С. В. Юшковым, что одним из основных мероприятий Ольги была ликвидация института князей, как местных, так и наместников, но она не могла быть проведена так быстро, как полагает Юшков¹. По крайней мере, в 957 г. Ольга явилась в Константинополь с большим посольством, во главе которого стояли «апокрисиарии русских вельмож» (οἱ ἀποκριτάριοι τῶν ἀρχόντων). «Вельможи» здесь, несомненно, те самые князья светлые и бояре, о которых говорят прежние договоры с греками². Из князей-наместников мы попрежнему видим при Ольге и Святославе могущественного Свенельда. Но верно то, что в договоре Святослава с Византией о них уже не имеется упоминания (за исключением Свенельда)³.

Было бы неправильным отрицать некоторое развитие и усложнение княжеских функций во второй половине X в. Ольга и ее окружение провели финансово-административную реформу, учредив погосты. Можно думать, что при ликвидации института князей создавалась более прочная, непосредственно связанная с центром местная административная организация.

Организованные при Ольге погосты — это финансово-административные и судебные центры. Возникновение их связано с установлением определенных оброков и дани, падавших на местное население. При организации погостов туда назначались княжеские агенты.

Упоминания о княжеских селах и угодьях появляются в летописи с середины X в.: «И иде Вольга по дервьстей земли с сыном своим и дружиною уставляючи уставы и уроки, [и] суть становища ее и ловища»⁴.

«В лето 6455 иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани, [и] ловища ея суть по всей земли, знамянья, и места, и повосты,

¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй... , стр. 98.

² В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 295.

³ С. В. Юшков. Общественно-политический строй... , стр. 110.

⁴ Лаврентьевская летопись под 947 г.

и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевеспица, и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе»¹.

Таким образом, Ольга старается в разных пунктах Новгородской земли, а также и в других землях создать особые хозяйственно-административные пункты; управление последними поручалось своим людям, которые должны были выполнять в то же время и политические задания.

«Значение погостов определялось не только тем, что устанавливались определенные места объезда, но и тем, что устанавливались более или менее определенные размеры сбора дани. Раньше могли ездить нерегулярно, нespистематично, менять трассу объезда, два раза приезжать в одни и те же места и собирать много (как делал Игорь), а в другие места совсем в данный год не заезжать. Теперь давались «уставы и уроки».

Определение даней и судебных пошлин требовало определенных становищ, где производились поборы, а эти становища естественным образом были связаны с местами охоты. Нет сомнения, что с распространением феодального способа производства эти становища должны были распространяться более или менее повсеместно»².

Ольга ездит по «деревской земле», «уставляет уставы и уроки». Уставляет она и на Мсте и на Луге. Уставы эти сводились главным образом к определению повинностей населения по отношению к Киеву и киевскому князю; практическому осуществлению этого и служили княжеские погосты.

Боярство, формировавшееся, с одной стороны, из верхушки княжеской дружины, с другой — из местной племенной знати, стремилось установить более тесные связи с Византией. Русь давала Византии военных наемников.

Во время больших приготовлений к Критской экспедиции 949 г., описанных Константином, было завербовано 629 русских, участвовавших в этой неудачной экспедиции³. В 954 г. Варда Фока явился для осады арабской крепости Хадасд с большим войском, в состав которого входили русские, болгары и армяне. В 955 г. Ники

¹ Лаврентьевская летопись под 947 г.

² А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образование древнего русского государства. М., 1951, стр. 56.

³ «De cerimoniis...», т. II, сар. 45, р. 664—667.

фор Фока снова осадил эту крепость. В его войске из иноземцев были болгары и русские.

Константин упоминает, что на службе византийских императоров были крещеные руссы, которые участвовали в придворных церемониях, например при приеме послов тарского эмира¹.

Доказательством стремления Ольги и ее окружения установить более тесные связи с Византией является принятие ею христианства и путешествие в Константинополь. Описание приема русской княгини Константином сохранилось в его сочинении «О церемониях византийского двора». В этом очень большом по объему сочинении, которое до нас дошло в единственной рукописи и в котором описывается сложный византийский церемониал X в., излагается этикет, соблюдавшийся при появлении императора народу, при венчании, крещении, церковных празднествах, назначениях на высшие центральные должности. В этой книге также нет ни единства предмета, ни стройной системы изложения. Она состоит из двух частей; к каждой имеется предисловие. Первые 83 главы написаны Константином; остальные главы частично составлены не им; некоторые включены уже после его смерти².

Несмотря на это, «De cerimoniis» имеет для историка большую ценность как собрание официальных материалов, извлеченных из государственных архивов. Помещенный в этой книге отчет о приеме Ольги не может возбуждать никаких сомнений, так как представляет собой извлечение из дворцового Устава, в котором описывались парадные приемы послов и посетителей из иностранных государств³.

Русские, посещавшие Константинополь в конце XII в., находили еще там некоторые воспоминания об Ольге. Так, новгородский архиепископ Антоний говорит, что

¹ А. А. Васильев. Указ. соч., стр. 295; «De cerimoniis...», t. II, cap. 15, p. 379.

² A. Rambaud. Op. cit., p. 54.

³ «De cerimoniis...», t. II, cap. 15, p. 594. А. Ф. Беляев. Byzantina. Т. II; W. Fischer. Die russische Grossfürstin Helga am Hofe von Byzantion. «Zeitschr. f. Gesch. u. Politik», herausg. von Zwiedeneck-Sudenhorst, Stuttg., 1888, XI; G. Lahr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930, S. 103—106.

ему показывали в Софийском соборе среди других достопримечательностей «блюдо велико злато служебно Ольги руськой, когда взяла дань, ходивше к Царьграду»¹.

Константин ничего не говорит о цели, которой руководилась Ольга, предпринимая свое путешествие. Константинопольский двор не преминул, конечно, поразить Ольгу своей пышностью и великолепием.

Пышный прием был оказан Ольге в Магнавре, величественном тронном зале, в котором происходили самые торжественные приемы иностранных государей и послов. Здесь со всей своей свитой Ольга и представилась императору. Когда Константин, облачившись в императорские одежды, сел на «трон Соломона» и когда церемониарий разместил дворцовых чинов по их местам направо и налево от трона, тогда по знаку, данному золотым жезлом церемониария, завеса главного входа была отодвинута и княгиня Ольга вошла, направляясь к трону, впереди своей свиты, следовавшей за ней. Остановившись перед императором, княгиня Ольга обменялась с ним приветствиями через логофета. Речи, текст которых был выработан заранее, содержали те обычные вопросы, которые предлагались логофетом. О делах на этом приеме не должно было говорить, — это считалось неприличным. О театральном эффекте этого приема сообщает Лиутпранд Кремонский, посол итальянского короля Беренгара в 849 г.²

«В Константинополе, — пишет Лиутпранд, — к императорскому дворцу непосредственно примыкает зала изумительного великолепия и красоты, у греков называемая Магнавра, или Золотая палата. Император Константин велел привести ее в порядок для приема прибывших одновременно со мной послов испанского халифа и Лиутфреда, богатого купца из Майнца, который тогда был послан германским императором. Перед троним императора стояло медное, но позолоченное дерево, ветви которого наполняли разного рода птицы, сделанные из бронзы и также позолоченные. Птицы издавали каждая свою особую мелодию, а сиденье императора было устроено так искусно, что сначала оно казалось низким, почти

¹ П. И. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стр. 58.

² Liutprandi. Antapodosis. Lib. VI, p. 4.

на уровне земли, затем несколько более высоким и, наконец, висящим в воздухе. Колоссальный трон окружали в виде стражи медные или деревянные, но, во всяком случае, позолоченные львы, которые бешено били своими хвостами землю, открывали пасть, двигали языком и издавали громкий рев. Я оперся на плечи двух евнухов и так был приведен непосредственно пред его императорское величество. При моем появлении заревели львы и птицы запели каждая свою мелодию. Я же не испытал ни страха, ни удивления, так как еще раньше был осведомлен некоторыми знатоками о всех этих вещах. После того как я, согласно обычаю, в третий раз преклонился перед императором, приветствуя его, я поднял голову и увидел императора в совершенно другой одежде почти у потолка залы, в то время как только что видел его на троне на небольшой высоте от земли. Я не мог понять, как это произошло: должно быть, он был поднят наверх посредством машины. Он не произнес ни слова, а если бы и хотел произнести, то такой перерыв церемониала считался бы в высшей степени неприличным. О жизни и здоровье Беренгара меня спросил логофет. Ответив ему по обычаю, я покинул залу аудиенции и отправился в мою гостиницу¹.

Ольга могла убедиться, что византийский двор по блеску и роскоши превосходит все, что знала тогдашняя Европа. Этикет придворных церемоний, на исполнении которых византийцы очень сильно настаивали, должен был производить импонирующее впечатление на северных скифов. Ольгу приняли с соблюдением всех утомительных церемоний, причем ей была оказана честь в том отношении, что за приемом у императора последовал прием у императрицы. По окончании приема в Магнавре Ольгу провели через ряд зал, между колоннами и арками которых были развешены роскошные ткани, расставлены золотые, эмалевые и чеканные сосуды, короны, кресты, которые выносились из дворцовых и храмовых хранилищ, чтобы богатством украшений поразить взоры иностранца. Прием Ольги у императрицы Елены состоялся в роскошном зале Юстиниана². Пол его был мраморный, а стены

¹ Liutprandi. Op. cit., p. 4.

² «De cerimoniis...», t. II, cap. 15, p. 595.

украшены мозаиками. На эстраде находился большой трон императора Феофила, а сбоку золотое кресло. За завесами стояли два серебряных органа.

Императрица сидела на указанном большом троне, ее невестка (известная впоследствии Феофано) заняла место на кресле. После этого были введены чины двора и придворные дамы семи рангов. Княгиня Ольга вошла, как и ранее, впереди своей женской свиты. Мужская свита Ольги не представлялась императрице. Ольга общалась с императрицей приветствиями и вопросами о здоровье, после чего при звуке органов была проведена в Кеиургий, где села отдыхать¹. Здесь она могла любоваться красотами этого зала. Кеиургий представлял отдельное помещение². Зал Кеиургия был украшен 16 колоннами из дорогого мрамора. Тонкая резьба изображала виноградную лозу, обвивавшую колонну, с различными птицами и животными среди листьев винограда. Весь зал снизу и доверху был украшен мозаикой, изображавшей подвиги деда Константина, Василия Македонянина.

Спустя некоторое время Ольга была приглашена во внутренние покои императрицы. Сюда явился Константин со своими детьми. В этом тесном семейном кругу Ольга была принята уже запросто. Она села и беседовала, о чем желала, т. е. изложила Константину цели и причины своего путешествия в Константинополь.

В кругу императорской фамилии Ольга оставалась до обеда, который был дан в честь русского посольства. Она вышла к столу вместе с императрицей и ее невесткой, но посажена была не за императорский стол, а за стол с двумя придворными дамами первого ранга³, так называемыми «зостами».

Во время пиршества присутствовали певчие из церквей 12 апостолов и Софии и пели гимны, величания и здравницы. Для увеселения присутствовавших давали представления шуты, акробаты, мимы и актеры и играли му-

¹ «De cerimoniis...», t. II, cap. 15, p. 596.

² Theophani Continuati. De Basilio Macedonio. Ed. Bonn., cap. 89, p. 331—335; Н. П. Кондаков. Русские церкви и памятники Константинополя, стр. 58—59.

³ «De cerimoniis...», t. II, cap. 15, p. 597.

зыканты¹. Органы, стоявшие в зале Юстиниана, начинали в известных случаях играть, и эта музыка служила знаком, когда нужно было вставать и садиться во время пира. Игры шутов, акробатов и зрелища были очень разнообразны. Некоторые представления, пляски и игры акробатов императорского двора изображены в живописи киевского Софийского собора. Здесь, например, изображен силач, держащий на голове шест с кубком, в то время как мальчик взбирается вверх по шесту, — зрелище, которое наблюдал на пиру у константинопольского императора и описал Лиутпранд². После пира в аристрип, т. е. парадной столовой, был предложен десерт. На столе были поставлены золотые блюда, украшенные эмалью и драгоценными камнями. За столом сидели сам император, его сын Роман с детьми и княгиня Ольга. Свите ее десерт был предложен ранее, за общими столами, в конце обеда. После десерта Ольге был поднесен денежный дар в 500 миллиарисиев. Свита Ольги была также одарена деньгами. Шести ее приближенным женщинам было дано по 20 миллиарисиев и 18 прислужницам по 8 миллиарисиев. Мужской части свиты, которую угощали в золотой палате, было дано: племяннику Ольги 30 миллиарисиев, 8 приближенным людям по 20 миллиарисиев, 43 торговым людям по 12 миллиарисиев, священнику Григорию 8 миллиарисиев, людям Святослава по 5 миллиарисиев, 6 людям из свиты апокрисиариев по 3 миллиарисия, переводчику княгини 15 миллиарисиев³.

Свита Ольги была очень многочисленна. Во время первого приема она явилась во дворец в сопровождении 108 человек, не считая людей из дружины Святослава, число которых не указано в описании.

Это была лишь та свита, которая считалась почетной и приглашалась ко двору для представительства. Из этого можно заключить, что Ольга приехала в Константинополь со значительным флотом и имела многочисленный экипаж на своих судах.

Вторичный прием Ольги состоялся через большой промежуток времени — только 18 октября, в воскресенье.

¹ «De cerimoniis. . .», t. II, cap. 15, p. 597.

² Liutprandi. Op. cit., p. 5.

³ «De cerimoniis. . .», t. II, cap. 15, p. 597.

Мужская часть свиты Ольги обедала с императором в золотой палате. Императрица с детьми, невесткой и княгиней Ольгой обедала в Пентакувуклии св. Павла. На этот раз Ольга получила денежный дар в 200 миллиарисиев. Племяннику ее было дано 20 миллиарисиев, священнику Григорию 8 миллиарисиев, 16 приближенным женщинам по 12 миллиарисиев, 13 прислужницам ее по 6 миллиарисиев, 22 апокрисиариям по 12 миллиарисиев, 44 купцам по 6 миллиарисиев и двум переводчикам по 12 миллиарисиев¹.

Ольга была в Константинополе в 957 г., так как только в этом году 9 сентября приходится на среду и 18 октября на воскресенье — в эти дни и числа она была принята во дворе Константины.

Константин ничего не говорит о цели приезда Ольги и о переговорах, которые с нею велся, но сообщает, что в свите Ольги находилось духовное лицо — священник (παπῆς) Григорий. Он ни единым словом не упоминает о крещении Ольги и ее спутников в Константинополе. Таким образом, из молчания Константина можно вывести заключение, что в 957 г. Ольга не была крещена в Константинополе. Но о крещении ее в Константинополе при Константине повествуют некоторые византийские источники, правда, не современные, а позднейшие. Скилица-Кедрин и Зонара, дословно совпадающие свидетельства которых могут рассматриваться как один источник, сообщают, что в царствовании Константина Порфирородного Ольга, по смерти своего мужа Игоря, явилась в Константинополь; там она была крещена и затем, после оказания ей соответствующих почестей, возвратилась в свою землю.

В русской легенде о крещении Ольги в Константинополе, записанной в нашей летописи под 955 г., подробно описывается поездка Ольги в Константинополь, ее крещение, воспримчивость императора, предложение императором его руки и отказ Ольги, «переклюкавшей его». Переполненная баснословными подробностями, легенда эта является ненадежным источником, но представляет интерес, как отголосок тех рассказов, которые ходили в Киеве о путешествии Ольги в Константинополь и о при-

¹ «De cerimoniis. . .», t. II, cap. 15, p. 598.

еме ее при императорском дворе. При этом, как показали Шахматов и Серебрянский, в летописном рассказе чувствуется смешение двух версий — описание пышного приема, богатые дары, восторженное отношение императора и вдруг сорвавшееся выражение обиды: «постой у меня на Почайне, как я стояла на Суде»¹. Очевидно, что на Руси существовали две версии о хорошем и дурном приеме Ольги в Константинополе. Наши летописи дают различные даты и называют нескольких императоров, при которых якобы произошло крещение Ольги: Иоанн Цимисхий и патриарх Скомодрен, Иоанн Цимисхий и Фотий, Константин Порфирородный и Феофан, Константин Порфирородный и Полливкт; годы — 955, 956, 957².

Помимо свидетельств византийских писателей Кедрина, Зонары, не являвшихся современниками события, и показания нашей летописи о крещении Ольги, есть еще свидетельство в западной хронике Адальберта, продолжателя аббата Регинона, повторенное Кведлинбургской, Корвейской и другими хрониками, о прибытии к императору Оттону I в 959 г. послов от княгини Елены, незадолго до того крестившейся в Константинополе при императоре Романе (сыне Константина), с просьбой прислать на Русь епископа, о поездке епископа на Русь и об изгнании его оттуда язычниками в 961 г.³

Ввиду такого разногласия источников относительно обстоятельств, при которых произошло крещение Ольги, среди историков также существуют различные мнения. Карамзин считает, что Ольга крестилась в Константинополе и ее восприемником был император, но Константин не упомянул об этом событии, так как это не соответствовало теме сочинения — описанию церемоний⁴.

Соловьев полагает, что Ольга ездила в Царьград с политической целью, но, пораженная величием христианской

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.; 1908, стр. 111—114; Серебрянский И. Книжские жития святых, стр. 7.

² Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП, сент. 1917, стр. 32—80; Skylitzes-Cedreni, ed. Bonn, t. II, p. 329; Zonaras, ed. Bonn, t. II, p. 194.

³ «Reginonis Prunensis chronicon», «Monumenta Germaniae historica», ed. Pertz, t. I, p. 170.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I.

религии и великолепием богослужения, вернулась христианкой¹.

Последующие историки обратили большее внимание на молчание Константина, на недопустимость предположения, что крещение Ольги не произвело никакого впечатления на византийцев и что Константин не нашел случая упомянуть о нем. Был сделан ряд попыток примирить существование легенды о крещении Ольги в Константинополе с отсутствием свидетельств об этом у Константина. Создаются гипотезы о двух путешествиях Ольги в Константинополь. Н. И. Костомаров считал, что первый раз Ольга была там в 948 г., поскольку у Скилицы-Недрипа за описанием приезда Ольги следует описание смерти первой жены Романа, умершей в 949 г.² Вторично Ольга была в Константинополе в 957 г.³

Многие исследователи — А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, В. А. Пархоменко⁴ — допускают возможность двух поездок Ольги в Константинополь. По мнению Приселкова, после смерти Игоря христианская церковь продолжала попытку установить в Киеве византийскую церковную иерархию, но такую, которая не посягала бы на политическую самостоятельность Руси. С этой целью Ольга лично вела переговоры в Константинополе и крестилась там в 955 г., добившись обещания, что получит автокефальную церковь. По мнению Приселкова, только крещение ее в Константинополе объясняет, почему сын ее, который не был с нею, оказался язычником. Но византийское правительство не сдержало своего обещания относительно церковной иерархии. Поэтому в 957 г. Ольга вторично едет в Константинополь и опять безуспешно. Тогда, подобно Борису болгарскому, она обращается на Запад⁵.

По мнению В. А. Пархоменко, прием Ольги в Константинополе свидетельствует о том, что она была языч-

¹ С. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. I. СПб., 1883, стр. 138.

² Skylitzes-Sedgeni, t. II, p. 329.

³ «Предание русской летописи», «Вестник Европы», 1873, ч. II, стр. 11—63.

⁴ А. А. Шахматов. Введение в историю русского языка. СПб., 1916, стр. 75.

⁵ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 9—14.

цей. Если бы Константину было известно, что Ольга была христианкой, он нашел бы возможность сказать об этом. Между тем, согласно ценному свидетельству продолжателя Рeginона, Ольга была крещена в Константинополе, но при Романе, а не при Константине. По мнению Пархоменко, по приезде туда Ольга была встречена нелюбезно и с июня по 9 сентября ожидала первого приема.

Цель ее поездки была дипломатическая. Возможно, она хотела добиться торговых привилегий для Руси, быть может, хотела и креститься, заключить брачный союз Святослава с византийской принцессой. О брачных планах свидетельствует, с одной стороны, легенда о сватовстве, вошедшая в летопись, с другой — замечание Константина, что пужно отвергать неуместные домогательства брачных союзов со стороны хазар, турок и руси. Уехала она неудовлетворенной и потому вскоре обратилась к Оттону I германскому.

Другая группа русских историков отрицательно относится к известиям, что Ольга была крещена в Константинополе, причем некоторые из них совершенно обходят вопрос, где именно крестилась Ольга. Ф. И. Успенский подчеркивает, что в описании Константином приема Ольги ничего не сообщается о крещении ее, потому что этого крещения не было, а Ольга ездила в Константинополь с торговыми целями, на что указывает состав ее свиты¹.

Некоторые историки пытались доказать, что Ольга была родом из Дунайской Болгарии и крестилась у себя на родине. Так, по мнению Иловайского, крещенная у себя на родине, она могла поехать в Константинополь с целью поклонения тамошним святыням; оставшись недовольна приемом, она отправила посольство к Оттону I, хотя цель этого посольства неизвестна².

Архимандрит Леонид также сначала склонялся к мысли, что родиной Ольги была Дунайская Болгария. Спутник Ольги, пресвитер Григорий, был сотрудником царя Симеона, переводчиком Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Русские летописи сообщают, что Ольга родилась

¹ Ф. И. Успенский. Византия и Русь в X в. Одесса, 1888, стр. 19.

² Д. И. Иловайский. Вероятное происхождение Ольги. Сб. «Исторические сочинения», т. II.

в Плескове (Пскове), но, по мнению архимандрита Леониды, Псков еще не существовал в IX—X вв.

Однако вскоре архимандрит Леонид переменял свое мнение и на основании «Нового Владимирского летописца» 1606 г. стал доказывать, что Ольга была родом из черных болгар и познакомилась с христианством в Тмутаракани¹.

Несмотря на то, что архимандрит Леонид отказался от своего взгляда на происхождение Ольги из Дунайской Болгарии, его точка зрения в настоящее время поддерживается болгарским ученым В. Николаевым, который, отмечая географическую и этнографическую близость Киевской Руси и Дунайской Болгарии, старается доказать наличие династических родственных связей между правящими домами Руси и Болгарии при Владимире и раньше².

Воспроизводя аргументы Леониды, он также пытается доказать болгарское происхождение Ольги. По его мнению, если бы Ольга родилась «от языка варяжска», как это утверждается в «Степенной книге»³, она не могла бы создать города с болгарским именем, тем именем, которое носила первая болгарская столица. Попытку, почему болгарка Ольга убеждала Святослава не предпринимать поход в Болгарию. Николаев полагает, что ключница Ольги Малка и брат ее Добрыня также были болгары. По его мнению, болгарским происхождением Ольги объясняется и направление ею специального посольства к императору Оттону I с просьбой прислать на Русь епископов и священников⁴.

Но «Новый Владимирский летописец», составленный в начале XVII в., на который ссылается болгарский ученый, как показал уже архимандрит Леонид, не дает оснований для выводов, которые делает Николаев. Болгарская теория страдает отсутствием веских аргументов,

¹ Леонид, архимандрит. Откуда была родом... Ольга. «Русская старина», т. VII, 1883, стр. 211—220; его же. Несколько новых замечаний к нашей статье. «Киевская старина», тт. VI—VIII, 1889. См. также — Исторический архив, том VII, стр. 207—211.

² В. Николаев. Словяно-български фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949.

³ «Степенная книга царского родословия», «Собрание русских летописей», т. XXI, изд. Археол. комиссии.

⁴ В. Н. Николаев. Указ. соч., стр. 103.

и происхождение Ольги до настоящего времени остается невыясненным.

Имеется, наконец, и группа историков, считающих, что Ольга была крещена в Киеве. Так, Голубинский полагал, что она крестилась в Киеве в промежуток между 952—957 гг. Точнее определяя год ее крещения, он ссылается на «Память и похвалу Владимиру»¹. Голубинский указывает, что этот чрезвычайно важный древнерусский исторический источник заслуживает в своих хронологических данных полного доверия. А мних Яков, так же как позднейшие жизнеописатели Ольги, говорит, что она прожила христианкой 15 лет. Следовательно, по Якову, который, как и летопись, относит ее смерть к 969 г., она крестилась в 954 г.² В Константинополь, по мнению Голубинского, Ольга ездила, чтобы ближе познакомиться с христианством. Вернувшись, она уничтожила идолов в своем доме, но смотрела на веру, как на личное дело³. Допускает крещение Ольги в Киеве и Ламанский. Он полагает, что Ольга тайно приняла крещение в Киеве, а вернувшись из Константинополя в 957 г., распустила слух о торжественном крещении и восприятии ее императором⁴. Точки зрения, что крещение Ольги состоялось до поездки в Константинополь, придерживаются Багалей и Богословский⁵.

Некоторые русские историки допускают, что крещение Ольги совершилось в Киеве, но относят это событие ко времени после поездки 957 г. Грушевский колеблется в точном определении, когда Ольга крестилась: до поездки или после нее. По его мнению, крещение могло произойти между 953—959 гг., так как послы Оттона I застали ее уже крещеной⁶. Близок к Грушевскому

¹ Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I. Изд. 2-е, М., 1901, стр. 79.

² В летописи путешествие Ольги в Константинополь поставлено под 955 г. Голубинский думает, что позднейшая легенда записана в летописи под тем годом, под которым стояла в ней подлинная запись о крещении Ольги.

³ Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 78.

⁴ Там же, стр. 79; ЖМНП, ч. 351, 1904, стр. 153.

⁵ Д. И. Багалей. Русская история. Т. I. М., 1914, стр. 153; Богословский. Древняя русская история, стр. 73.

⁶ М. С. Грушевский. История Украины — Руси. Т. I. Львов, 1904, стр. 402—403.

и Козловский, который указывает, что Ольга была крещена после 957 г.¹

Описание приема Ольги в 957 г. в императорском дворце, помещенное в книге Константина «*De cerimoniis aulae byzantinae*», не может возбудить никаких сомнений, так как представляет извлечение из дворцового Устава, в котором излагается порядок парадных приемов послов и посетителей из иностранных государств. Повод к недоразумениям создало то, что Константин просто привел эту выписку, не сопровождая ее никакими пояснениями. Мы должны принять хронологическую дату посещения Ольгой Константинополя, сообщаемую этим описанием, — 957 г., и признать неверной датировку ее поездки, какую дают древние русские источники («Повесть временных лет» и «Похвала Владимиру»), — 955 г.

Историки, отвергающие русскую летописную традицию о крещении Ольги в Константинополе на том основании, что Константин ничего не говорит об этом в своем труде, забывают, что он дает не рассказ о пребывании Ольги в Константинополе, а лишь выписку из Устава о придворных церемониях². Глава книги, где описывается прием Ольги, озаглавлена: *ὅσα δὲ πρὸς τοὺς βασιλεὺς δοχῆς γενομένης ἐν τῷ Μεγάλῳ τρικλίνῳ τῆς Μαγνητοῦς τῶν δεσποτῶν καθεζομένων ἐπὶ τοῦ Σολομοντείου* («О том, что нужно соблюдать при приемах, происходящих в большом триклинии Магнавы, когда владыки восседают на Соломоновом троне»). При таком заголовке нельзя было писать о крещении Ольги. Голубинский считает невероятным, чтобы Константин не упомянул об этом исключительном событии. Но Константин писал руководство по придворному церемониалу, в котором он описывает не необычное, а то, что происходило и постоянно годно было для обычной практики. Нет ничего удивительного, что Ольгу сопровождал священник, если она готовилась принять крещение у константинопольского патриарха. Если присутствие священника в свите Ольги не доказывает, что она уже была крещена, то из описания Константина можно вывести заключение, что Ольга представлялась ему еще бу-

¹ И. П. Козловский. Новая попытка решения вопроса о времени и месте крещения Ольги. «Варшавские университетские известия», т. II, 1912, стр. 11.

² «*De cerimoniis*...», т. II, cap. 15, p. 566.

лучи язычницей. По крайней мере, Константин называет Ольгу ее языческим именем «*Ульга*», между тем как после крещения она посила христианское имя Елена в честь жены Константина Порфирородного ¹.

Во всяком случае, отвергать крещение Ольги в Константинополе нельзя, так как о ее крещении в Киеве не говорят ни один источник, а о крещении в Константинополе сообщают согласно все не зависящие один от другого источники: русские — «Повесть временных лет», «Похвала Владимиру», византийские — работы Скилицы-Кедрина, Зопары, и наконец, западноевропейский — труд Адальберта, указывающего, что Ольга была крещена в Константинополе — *sub Romano imperatore*. Известие это не является ошибочным, так как Роман был соправителем своего отца в 957 г., а когда германский летописец делал свою запись, Роман уже был единодержавным правителем (959—963).

Сообщением Адальберта нельзя пренебрегать, так как он мог получить эти сведения от русского посольства, отправленного к Оттону I два года спустя после крещения Ольги, а также во время своего пребывания в Киеве.

Приселков считает, что Ольга два раза посетила Константинополь: приняла здесь крещение в 955 г., а в 957 г. вторично направилась в Константинополь, чтобы решить вопрос о церковной организации Руси. Но в этом случае остается непонятным, почему «Повесть временных лет» не упоминает о второй поездке Ольги и почему, если Ольга крестилась в 955 г. и приняла тогда имя жены Константина Елены, Константин при приеме в 957 г. называет ее старым языческим именем.

Можно согласиться с Голубинским, что у Ольги были личные мотивы для путешествия: стремление удовлетворить своему любопытству, — видеть столицу христианского и образованного мира, видеть великолепный Константинополь, наблюдать жизнь и быт императоров, которые, являясь повелителями вселенной, хотя уже не повелевали ей, все еще сохранили прежнее обаяние и прежние притязания, и, наконец, в столице христианства лучше изучить эту религию ².

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 955 г.

² Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 78.

Но если личные мотивы и имели место, то они не стояли на первом плане. Путешествие Ольги было вызвано потребностями государственными и политическими. Цель посещения ею Константинополя может стать ясной, если мы обратим внимание на состав ее свиты, припущой во дворце и награжденной подарками. Ольга прибыла в Константинополь не одна, а с племянником, людьми своего двора (8 чел.), представителями князя Святослава, представителями русских вельмож — ἀποκριτάριοι τῶν ἡγεμόνων (20 или 22 чел.), купцами (43 или 44 чел.). Здесь мы видим тот же принцип, что и в делегации 944 г. Под ἡγεμόνας, приславшими своих апокрисариев, Константин разумеет русскую знать, по нашей терминологии — боярство, т. е. те элементы, которые в дошедших до нас договорах и летописи называются светлыми князьями и боярами. Эти 22 представителя от архонтов могут указывать на такое же количество городов и волостей, в которых сидели подчиненные русскому князю правители. Второе место занимают представители торговых людей — ἐμπόρους. Комментатор Константина Рейске считает, что под упомянутыми Константином русскими купцами следует понимать русских купцов, находившихся в то время в Константинополе и там примкнувших к свите своей великой княгини. Но для такого предположения нет никаких оснований, и так как Константин без всяких пояснений называет их среди спутников Ольги, то несомненно, что они также апокрисарии, пришли со своей великой княгиней из Руси. Вместе с этими апокрисариями и купцами Ольга вела переговоры с византийским двором по вопросам политическим и торговым. Таким образом, путешествие Ольги было вызвано, прежде всего, торговыми интересами, которые в X в. находились в значительной зависимости от правильных отношений с Византией.

В. В. Мавродин высказывает предположение, что одной из главных целей поездки Ольги было изменение весьма не благоприятных для русских купцов условий торговли с Византией, предусмотренных договором Игоря 944 г.¹ Этим он объясняет наличие большого количества торговых людей в свите Ольги. По его мнению, для своей

¹ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 254.

поездки в столицу империи русская княгиня использовала обычный торговый караван, направлявшийся ежегодно из Киева в Византию. Повидимому, Ольга прибыла в Константинополь летом, так как купеческий караван ушел из Киева, как всегда, в конце весны или в начале лета, и должна была вместе с другими русскими оставаться в отведенной для русских стоянке, дожидаясь приема у св. Мамы (у современного Башкир-Таша), вне стен города¹.

Мавродин предполагает, что, помимо торговых, путешествия Ольги имело и другие цели, именно — заключение соглашения с Византией, причем Русь обязывалась давать «пои и помощь», а Византия должна была учредить христианскую церковь на Руси. Того же мнения придерживается и Приселков.

Неизвестно, с какими результатами уехала Ольга, о чем беседовала она с императором. Ясно только, что поездка ее не привела к ожидаемым результатам. Это не представляется удивительным, так как Константин в «*De administrando imperio*» дал определенную характеристику домогательствам и притязаниям русских и показал ту неуступчивость, какую по отношению к ним проявил его правительство.

Обращает на себя внимание самое описание императором приема Ольги. Хотя Скилица-Недрик и Зонара сообщают, что Ольгу принимали с большим почетом, тем не менее она ожидала лучшего, и ее разочарование отразилось в летописном рассказе. Из описания приема Ольги видно, что Ольгу и русских принимали и одарили как послов очень важных, но все же только как послов. Сам Константин отмечает, что прием Ольги происходил совершенно так же, как прием посольства сирийских правителей — Гамданидов. Между тем, Ольга как «*игемена* и архонтисса», могла рассчитывать на прием в качестве владетельной особы. Ольгу обидело долгое и томительное ожидание в «Суде» при первом и втором приемах. Очень скромны были и денежные подарки, полученные русскими. Армянские, иверские феодалы, венгерские

¹ J. Pargoire. Les Saint-Mamas de Constantinople. «Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе», т. III, вып. 1—2, 1904.

вожди, болгарский царь Петр при посещении Константинополя одарялись гораздо более щедро¹.

Еще Карамзин подметил бедность даров, полученных княгиней и ее свитой от императора, и полагал, что только из учтивости русская княгиня приняла 16 червонцев. Погодин также считал, что Ольга, гордая и властная, «была оскорблена ничтожными дарами»².

По мнению Айпалова, в денежных подарках, подносимых на обоих приемах княгине и ее свите, надо видеть не дары, а месячное содержание, которое выдавалось послам; он думает, что этим объясняется и разница в цифрах, так как на втором приеме Ольга получила меньше, чем на первом³. Но доводы Айпалова основаны на неправильном толковании сообщения Константина о том, как происходил отпуск итальянских послов.

Станным кажется, что месячное содержание специально записывают в церемониал, что Ольге подносят это жалование на золотом блюде (точно так же, как на золотом блюде были поднесены деньги двум арабским послам).

Несмотря на сообщение летописца, что Ольга «переключала» императора, чувствуется, что на самом деле было не так, а для поддержания престижа княгини впоследствии была сложена легенда, записанная летописцем и стремящаяся доказать, что княгиня перехитрила императора. Но в одном месте летописец срывается, и в его рассказе отражается действительное настроение Ольги, охватившее ее, когда, не добившись желаемого, она вернулась в Киев. И когда якобы император направил к Ольге послов и объявил ей, что хочет получить и просит обещанные «челядь, воск и сыкру, и вои и помощь» она отвечала: «аще ты такоже постопыш у мене в Почайине, якоже аз в Суду, то тогда ти дамь»⁴.

¹ Skylitzes - Cedroni, t. II, p. 309, 328.

² М. П. Погодин. Русская история до монгольского ига. СПб., 1872, стр. 48.

³ Д. Айпалов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. «Изв. имп. Акад. наук», т. XII, кн. 2, 1908, стр. 164—188. «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье», «Изв. ГАИМК», вып. 91, прим. 126, стр. 72.

⁴ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 955 г.

Если признать, что Ольга осталась не вполне довольной результатами своего путешествия в Константинополь в 957 г., то не представится удивительным, что она отворачивается от Византии и обращается к могущественному тогда германскому императору Оттону I по вопросу об организации в Киевском государстве христианской церкви. Сообщение об этом сохранилось в известной западной хронике Адальберта, продолжателя аббата Регинона¹.

В нем говорится, что в 959 г. к Оттону I явились послы Елены, княгини русской, которая при императоре Романе была крещена в Константинополе, просили послать епископа и пресвитеров для этого народа². Долгое время это свидетельство отвергалось русской наукой. Карамзин³, Соколов⁴, Геденов⁵ считали, что это было посольство не от русской княгини Ольги, а от княгини острова Рюгена, а Малышевский полагал, что послы были самозванцами. Но в настоящее время работами Воронова, Фартинского, Линниченко установлено, что свидетельство продолжателя Регинона касается русской княгини Ольги⁶.

Оттон I, однако, послал своего епископа с опозданием. В том же сообщении германский хронист объяснял, что к Ольге был направлен епископ: *Ubi Libutius ex coenobitis Sancti Albani a venerabili archiepiscopi Adalaganti gesti Rugorum episcopus ordinator*, который, впрочем, не мог поехать на Русь⁷. Поэтому был послан

¹ «Reginonis Prunensis chronicon», «Monumenta Germaniae historica», ed. Pertz, t. I, p. 170.

² «Legati Helenae reginae Rugorum, quae sub Romano imperatore Constantinopoli baptizata est, fide, ut post claruit, ad regem venientes episcopum ordinari poterant». («Reginonis abbatis Prunensis chronicon scriptorum rerum Germaniae». Hannover, 1890); «Adalberti continuatio Reginonis», p. 170.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПб., 1842.

⁴ Соколов. Исследования о времени и месте крещения Ольги. «Тр. Киевской дух. акад.», т. I, 1832, стр. 192.

⁵ С. Геденов. Отрывок из исследования о варяго-русском вопросе. «Зап. имп. Акад. наук», кн. 1, 1862, стр. 112.

⁶ А. В. Воронов. О латинских произведениях. «Чтения в Об-ве Нестора», кн. 1, 7, 1879; Ф. Я. Фортинский. Крещение св. Владимира. «Чтения в Об-ве Нестора», кн. 2, 1888, стр. 119—122; И. А. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до XIV в. Т. I. Киев, 1884, стр. 203—205.

⁷ «Adalberti continuatio Reginonis», p. 170.

второй епископ¹; о нем хроника сообщает, что он с трудом вернулся из Русы².

Остается неизвестным, почему сообщение о посольстве Ольги продолжателем Регинона было признано ложным и почему отправленный в Киев епископ едва мог вернуться домой. По мнению Пархоменко, неудача Ольги в 957 г. в Константинополе заставила ее обратиться к Оттону I. Но задержка присылки западного епископа сыграла большую роль. За это время, в 959 г., умер руссофоб Константин. Его сменил Роман II. Нуждаясь в русской помощи для отвоевания острова Крита, он сам обратился к Ольге. И Ольга теперь была уступчивее, так как ее положение ухудшилось в связи с возмужанием Святослава. Поэтому она вторично поехала в Константинополь, была любезно принята, крестилась и вернулась в Киев, отправив русскую дружину на Крит. В 961 г. прибыл в Киев Адальберт, но опоздал.

Следствием поездки был союз Святослава с Никифором³.

Мы не можем принять утверждение Пархоменко о крещении Ольги в Константинополе при Роме II, но можно согласиться с тем, что после смерти Константина, при его сыне Роме II, между Русью и Византией наладились более тесные отношения. Роман II нуждался в русской помощи для подготовляемой им новой экспедиции на Крит, которая являлась для Византии насущной необходимостью. Ликвидировать корсарское гнездо в центре Эгейского моря было для Византии тогда вопросом жизни и смерти. В 960 г. русское вспомогательное войско действительно было отправлено на Крит, где под предводительством лучшего полководца империи Никифора Фоки участвовало во взятии крепости Хандак в 961 г. и отвоевании острова⁴.

¹ «Adalberti continuatio Reginonis», p. 172.

² «Adalbertus Rugis ordinatus episcopus. . . proficero realens et inaniter se fatigatum videns revertitur et quibusdam ex suis in redenuo occubis ipse cum magno labore vix suavit».

³ В. А. Пархоменко. Начало христианства. О крещении св. Ольги. «Вера и разум», 1911, X.

⁴ Theodosii «Ἀλωσις Κρήτης»; Leonis Diaconi, ed. Bonn, cap I, p. 28—49; G. Schlimberger. Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 37—114.

Таким образом, германский император Оттон I прислал в Киев своего епископа с опозданием, именно — в 961 г., когда между Византией и Русью снова наладились более теплые отношения. Враждебное отношение к западному епископу может быть объяснено тем, что с возмужалостью Святослава, взявшего власть в свои руки и враждебно относившегося к христианству, влияние Ольги ослабело и в Киеве снова усилилась языческая партия.

Во всяком случае, установленным остается факт принятия христианства Ольгой с именем Елены. Этот факт демонстрирует силу влияния христианской культуры, и не только это. Свидетельства Константина Порфирородного и Регинона показывают, что при Ольге Киевская Русь выходит на путь более широких международных отношений с соседними культурными странами, во главе которых в то время стояли две империи. Каждая из этих империй была миром своеобразной культуры, несмотря на то, что обе культуры выросли из единой античной основы и христианская церковь еще не была расколота формально на две части. Русь могла примкнуть к любому из этих миров, но вопрос остался нерешенным при Ольге¹. Русь еще была недостаточно подготовлена к этому.

Поэтому, считая время Ольги золотым веком христианства, митрополит Макарий преувеличивал рост христианских влияний на Русь; но он прав в указании, что, имея пресвитера, Ольга могла иметь и церковь. Макарий принимает сообщение Иоакимовской летописи, что Ольга построила в Киеве храм св. Софии². По мнению Приселкова и Багаля, Ольга стремилась официально утвердить христианство, сделать его государственной религией³. Наоборот, Голубинский и Иловайский полагают, что Ольга считала христианство своим личным делом и не распространяла его в народе⁴. Близок к ним Грушевский, который отмечает, что если бы Ольга распространяла

¹ А. Е. Просняков. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 83.

² Макарий, митрополит. История христианства в России до Владимира. Изд. 2-е, СПб., 1868, стр. 262—267.

³ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 16; Д. Н. Багаляев. История России. Т. I. М., 1914, стр. 210.

⁴ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 78.

христианство, то об этом упоминал бы мних Яков в «Памяти и похвале Владимирю»¹. Но Грушевский забывает, что, как сказано в этом памятнике, Ольга по возвращении из Константинополя «требища бесовские сокруши». Однако сведений о положении христианства на Руси при Ольге сохранилось чрезвычайно мало; они в основном ограничиваются отрывочными показаниями летописи, которые не дают ясного представления ни о церковной политике Ольги, ни о положении христианства на Руси в период ее правления.

На протяжении IX—X вв. мы можем наблюдать в политической жизни Руси две достаточно ярко выраженные тенденции политического развития, отражающие борьбу двух главных общественных укладов древней Руси — военно-рабовладельческую и феодально-крепостническую.

Было бы крайне опасно схематизировать этот процесс, ибо нельзя в отношении этой эпохи говорить об особых классах рабовладельцев и феодалов, отличных друг от друга и противостоящих друг другу, как нельзя и слишком упрощенно противопоставлять два упомянутых классовых уклада еще очень сильному патриархально-родовому.

Все эти уклады теснейшим образом переплетены между собой: рабовладельческие и феодальные элементы скрещиваются в хозяйствах всех представителей родоплеменной аристократии, которая далеко еще не освободилась от уз патриархально-общинных связей. Можно говорить лишь о преобладании тенденций, о группах аристократии, в большей мере заинтересованных в развитии той или иной формы эксплуатации и в использовании тех или других элементов общинного уклада.

Олег, Игорь и Святослав, бесспорно, в основном возглавляют те общественные элементы, которые были заинтересованы в реализации военно-рабовладельческой тенденции развития. Поэтому они часто организовывают крупные завоевательные предприятия, сражаясь на большом расстоянии от своей родины.

Феодальный путь развития, являясь прогрессивным, был вместе с тем значительно более трудным, чем военно-рабовладельческий. Он встречал жестокое сопротивление

¹ М. С. Грушевский. Указ. соч., стр. 403—406.

общин и племен, ибо в процессе его нарастание классовых противоречий внутри государства происходило в гораздо большей степени, чем при арханческом военно-рабовладельческом пути развития.

В противоположность военно-рабовладельческому, феодальный путь развития предусматривал установление мирных, союзнических отношений с более старыми феодальными государствами, сопровождаясь принятием их господствующей религии, укреплением власти на местах, урегулированием сближения славянских смердов, организацией самого великокняжеского домена. На этот путь вступила совершенно определенно Ольга. Однако нельзя сказать, что «феодальные» тенденции на Руси возникли только в середине X в., — они появились гораздо раньше

Глава V

БОРЬБА ЗА БОЛГАРИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Константин Порфирородный рекомендовал своим преемникам опираться в Северном Причерноморье на печенегов и использовать их в качестве орудия против внешних врагов Византии. Но этот совет, очевидно, не вполне соответствовал реальному соотношению сил и потому был нарушен уже ближайшими его преемниками. Византии, прежде всего, пришлось считаться с Русью, которая во второй половине X в. выступает как главная политическая сила в Северном Причерноморье.

Как мы уже говорили, для Византии было чрезвычайно выгодно распадение арабского халифата на самостоятельные феодальные владения, которые поодиночке, конечно, не могли бороться с ней. В мусульманском мире уже давно царил полная анархия. Аббасидский халифат в Багдаде был только тенью властителя. Вся действительная власть перешла в руки его начальника гвардии, буидского султана. В мусульманской Азии и Африке во второй половине X в. повсюду правили отдельные династии феодалов (Гамданиды, Саманиды, Икшиды, Фатимиды и др.), фактически бывшие совершенно независимыми от багдадского номинального главы. Соперничество этих эмиров между собой и с буидскими султанами значительно ослабляло мусульманский мир. Поэтому Византии, казалось бы, представлялась возможность получить передышку от никогда не прекращавшихся войн, освободиться от необходимости быть вечно во всеоружии, напрягать все силы в тяжелой борьбе с внешними врагами. Но такой передышки не произошло. Войны, которые вела Византия, стали еще более ожесточенными. Как известно, марксистско-ленинское понимание истории исходит

из того, что при рабовладельческом строе и феодализме две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять свою территорию за счет других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Агрессивность Византии во второй половине X в. объясняется приходом к власти могущественных малоазиатских династов, представителей военной провинциальной аристократии, которые свое стремление к экспансии проявляли и за счет собственных «убогих» и за счет соседей — арабов и болгар.

В 963 г. императорскую власть в Византии захватил Никифор Фока, представитель малоазиатской военной знати, прославившийся победами над арабами и отвоеванием острова Крита в 961 г. Естественно, его политика отражала интересы того класса, к которому он принадлежал. Поэтому он порывает с политикой Романа Лакапина. Новелла Никифора Фоки 967 г. начинается с утверждения, что его предшественники проявили излишнее пристрастие в пользу «убогих» и потому нарушили принципы справедливости и равного отношения ко всем подданным. Никифор отнимает у «убогих» исключительное право покупки земель династов и устанавливает принцип, что земли крестьян могут приобретать лишь крестьяне, а земли династов — только династы. Одновременно, ввиду истечения сорокалетнего срока давности¹, Никифор Фока закрепляет за династами земли, приобретенные ими у крестьян до голода 927 г. Не так существенны были изменения, произведенные Никифором в законе по крестьянскому вопросу, как велико было психологическое воздействие этого закона, якобы во имя справедливости бравшего светских династов под защиту.

Но стратотское имущество император-солдат стремился сохранить и даже увеличить. По старым законам, стратотское имущество, не превышавшее стоимостью 4 литр, возвращалось прежнему владельцу безвозмездно. Если же оно стояло свыше 4 литр, то прежний владелец при его возвращении обязывался уплатить покупную

¹ Z e r o s. *Jus Graeco-Romanum*, t. I, p. 255.

цену. По закону Никифора Фоки, ввиду того, что стратигот нес большие расходы на приобретение тяжелого вооружения, его неотчуждаемое имущество должно было стоить не меньше 12 лигр, и всякая продажа, уменьшавшая ценность стратиготского имущества, аннулировалась, а имущество возвращалось стратиготу безвозмездно ¹.

Таким образом, Никифор добивался тройного увеличения земельных владений для стратиготов.

В то же время, отражая интересы провинциальной военной знати, он стремился приостановить рост церковной и монастырской земельной собственности. С этой целью новеллой 964 г. запрещалась передача земли монастырям, церковным учреждениям и лицам духовного сословия. Запрещено было также основание новых монастырей и других церковных учреждений ².

Новелла эта была продиктована насущными государственными интересами, так как церковная земельная собственность росла еще быстрее, чем крупное светское землевладение. Эта новелла возбудила против Никифора ненависть духовенства, имевшего в Византии большую силу.

Ликвидируя мелкую крестьянскую собственность в провинциях, византийские военные диплаты вместе с тем стремились раздвинуть границы государства в Европе и Азии.

Пользуясь распадом арабского халифата, они поставили задачей возвращение потерянных в VII в. богатых восточных провинций и восстановление на востоке старых, юстиниановских границ. В этом направлении византийские динаты добились значительных результатов. Вторая половина X и начало XI в. были временем таких крупных военных успехов, каких империя не имела со времени Юстиниана. На византийском престоле были в то время такие воители, как Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Василий II. Первым в ряду стоит Никифор Фока, суровый монах-воин, образ которого служил идеалом для позднейших духовно-рыцарских орденов.

Облеченный званием domestika восточных схол, Никифор тотчас после своего возвращения с Крита в 961 г. начал

¹ Z e r o s. Op. cit., p. 255.

² F. D ö l g e r. Regesten. Bd. I, p. 699.

победоносные походы против Гамданидов, в частности против Сейф-Эд-Доуле, владетеля Сирии и части Месопотамии, неутомимого вонтеля и в то же время поклонника искусств и ценителя красоты, двор которого по своей роскоши папоминал рассказы «Тысячи и одной ночи». Первое затруднение в военных операциях против мусульманских владений в Передней Азии представляла находившаяся в руках арабов Киликия, и Никифор с огромной армией двинулся через Тавр на завоевание ее.

Поход был очень удачен. В короткое время императорские войска овладели 52 городами и крепостями. Осенью 962 г. византийцы снова перешли Тавр, взяли Аназарб, Сис (древний Флавинополь), Мараш и Мамбедж на Евфрате, потом перешли через Аманский хребет и явились в Сирию. 23 декабря г. Алеппо, столица Сейф-Эд-Доуле, попал в руки византийцев и был разграблен.

Впрочем, после этого армия Никифора Фоки покинула Сирию, не надеясь, вероятно, на возможность удержаться там продолжительное время.

Захватив императорскую власть в 963 г., Никифор продолжал борьбу с арабами. Первым крупным военным предприятием Никифора после вступления на престол был поход против арабов (964—965 гг.).

Византийцы отвоевали остров Кипр, взяли сильные мусульманские твердыни в Киликии — Тарс и Массиссу — и вернули под свою власть территорию между Тавром, морем и Аманским хребтом, важную по географическому положению.

Некоторые советские историки недооценивают военные силы Византии того времени. Так, В. В. Мавродин пишет: «Бессильная империя вынуждена была пойти к Руси за помощью»¹. Верно то, что Византия неоднократно обращалась к Руси за помощью, но неправильно подчеркиваемое Мавродиным положение о военном бессилии Византии во второй половине X в.

В то время византийская армия была предметом серьезных забот правительства. Хорошо обученная и представлявшая крупную боевую силу, она комплектовалась из подданных империи и наемников. В 960 г. армия

¹ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 267.

Никифора Фоки, отправленная на отвоевание Крита, кроме византийцев, включала в себя отряд русских, ферганов (турок из Ферганы), славян македонских и болгарских, далматов и мардаитов. Как мы знаем, русские с начала X в. в значительном количестве вступали в войска империи. Однако наемники уступали по численности туземным войскам.

Византийские правители прилагали немало усилий к тому, чтобы поддерживать дух войска на надлежащей высоте. Это видно из сопоставления XIX главы «*De velitatione bellica*» и XXIII главы «*De castrametatione*». В первой автор с жаром и убеждением говорит о необходимости оказывать всякое внимание солдатам, о значении военного сословия для блага государства и предлагает командирам воздерживаться от причинения каких бы то ни было обид своим подчиненным. Во второй подчеркивается, что «почет и свобода побуждают их к отваге, внушают им презрение к смерти и вызывают готовность подвергаться опасностям за своего святого императора и за отечество, как, с другой стороны, наказание, пренебрежение и бесчестие лишают их отваги, делают равнодушными и робкими»¹.

В X в. Византия была единственной страной Европы, где продолжали изучать теорию военного дела, стратегию и тактику. Трактаты по военному делу Льва VI и Константина Порфирородного являются еще произведениями компилятивного характера; оба царственных автора везде, где можно, придерживаются литературных источников и дословно повторяют своих предшественников, в особенности «Стратегикон» Маврикия. К X в. относятся уже труды настоящих военных специалистов, которые самостоятельно излагают то, что знают и что сами применяли в боевом опыте. В XI томе боннского издания византийских историков Газе поместил вслед за сочинением Льва Дьякона трактат «*Περὶ παραδρομῆς πολέμου*» («*De velitatione bellica*»), приписываемый императору Никифору Фоке, но принадлежащий, как видно из введения, одному из боевых товарищей этого императора².

¹ Ю. Кулаковский. Новоизданный византийский трактат по военному делу. «Византийский временник», т. VII, 1900, стр. 652.

² Там же.

В трактате говорится о военных действиях на малоазийской границе.

В трактате «Περὶ κατιστάσεως ἀπλῆκτου», относящемся к концу X в., рассматриваются наступательные действия в Болгарии: разбивка лагеря, караульная служба, нормальная численность конницы, марш во вражеской стране, форсирование клисур, осада вражеских укреплений, смотры и обучение войск¹.

Из этих трактатов видно, что византийское войско приобрело достаточную мобильность для отпора постоянным набегам арабских эмиров. Во второй половине X в., благодаря частым маневрам и подготовке, оно было способно совершать быстрые переходы. Так, чтобы оказать помощь своему вассалу — алеппскому эмиру, Василий II со своим войском прошел путь от Болгарии до Алеппо за 16 дней. Трактат «De velitatione bellica» показывает, что в горных хребтах Тавра византийцы стремились вести войну методически, по правилам военной науки. Ставилась задача — с малыми силами задержать сильного врага. Для этого они должны были иметь большое количество шпионов и разведчиков во вражеской стране. Неприятеля охватывали кольцом разведывательных отрядов легкой кавалерии, которая портила дороги, расстраивала тыл противника. Сведения о передвижении врага передавались световыми сигналами. Пехота занимала горные проходы. Сельскохозяйственное население собирали в крепости. Стратиг вступал в бой только тогда, когда силы неприятеля были разведаны и условия для боя были наиболее благоприятны. Византийская стратегия и тактика предпочитали медлительную войну, в которой все предусмотрено и нет места для случайностей.

В X в. византийское войско состояло из 2 частей: постоянного войска (тагмы) и территориального (фемы).

Тагмы — гвардейские части, составлявшие гарнизон столицы и ее окрестностей. В каждую из них входило четыре гвардейских кавалерийских полка: схола, экскувита, арпма, иканата, и один пехотный — нумера. Кроме них, как отряд императорских телохранителей, существовала гетерия, делившаяся на большую, среднюю

¹ «Traité de tactique connu sous le titre Περὶ κατιστάσεως ἀπλῆκτου — traité de castrametation», «Notices et extraits», t. XXVI.

и малую и состоявшая исключительно из иноземных наемников. Каждая тагма имела свой собственный цвет одежды и знамен. Командир тагмы *схол* — *доместик* *схол* — обычно был главнокомандующим византийской армии.

Фемы поставляли территориальное войско, собиравшееся во время военных действий. После похода его распускали по домам. Каждая фема выставила особый военный контингент. Фемное ополчение почти всегда выступало под командованием своего стратига.

Тагмы и фемы составляли полевую армию. В состав пограничной охраны входили так называемые *акриты*, охранявшие границы, следившие за врагом и совершавшие набеги на вражескую страну¹.

Правительство следило, чтобы стратиотское сословие не уменьшалось, чтобы не было заброшенных земель; оно заселяло такие земли армянами, славянами, турками, даже военнопленными арабами, при условии принятия ими крещения, причем новоселам выдавалось пособие из государственной казны на обзаведение хозяйством².

Нормальной численностью византийской полевой армии, когда ею предводительствовал император, считалось 16 таксирхий пехоты и 8—10 тыс. конницы.

Как и во всех средневековых армиях, главной боевой силой являлась конница. Пехота использовалась для охраны кавалерии. В строевом отношении она делилась на таксирхий, по тысяче человек в каждой, а по роду вооружения в таксирхии — на три разряда: *оплиты* — тяжело вооруженные, копейщики, или легко вооруженные (*ψηλοί*), и стрелки. Метательное оружие (стрелы, дротики, пращи) широко применялось в византийском войске.

Тактика Льва VI требует, чтобы все молодые римляне (до 40 лет) упражнялись в стрельбе из лука, так как «пренебрежение этим оружием явилось причиной больших бедствий для римлян».

Но преобладало оружие, приспособленное для рукопашного боя (копья, мечи, секиры, железные булавы и т.д.).

¹ Н. Grégoire. Aux confins militaires de l'orient byzantin. «Byz. Zeitschr.», Bd. XXXVIII, 1938, S. 280.

² Ю. Кулаковский. Стратегика императора Никифора. «Зап. Ист.-фил. факультета», т. VIII, разд. 9, СПб., 1908.

Таксиархии составлялись из меньших строевых и тактических частей, по 300 чел. (τάγμα, или βάνδον). На каждую таксиархию приходилось 500 оплитов, 200 копейщиков и 300 стрелков.

Согласно тактике Льва VI, тагма (βάνδον) не должна превышать 300 чел., друнг, или таксиархия, — тысячи, турма — трех тысяч.

Кавалерия состояла из личной императорской охраны — гетерии, четырех гвардейских полков и фем. Из состава кавалерии выделялась тяжелая катафрактарная конница, в которой броней были покрыты и люди и лошади.

В устройстве лагеря деятельная роль выпадала на долю пехоты. Византийский лагерь устраивался по образцу римского, с той разницей, что лагерь оказывался только при угрозе неприятельского нападения. Как и у римлян, выбор места и разбивка были делом специалистов — менаураторов. Пехота располагалась по краям и прикрывала конницу. Для охраны лагеря в ночное время приписывались весьма актуальные меры предосторожности¹.

Войско в походе сопровождали обоз и осадные метательные орудия, перешедшие к Византии по наследству от античного мира. При осаде посредством особых приспособлений метали гранаты с «греческим огнем». Константинопольский Манганский арсенал представлял собой громадный склад военных материалов и мастерские для изготовления боевого оружия.

На снабжение войска и организацию вспомогательных служб было обращено серьезное внимание. Это видно из сохранившегося в «De cerimoniis» перечня оборудования и снаряжения, израсходованных в неудачных для Византии экспедициях 910 и 949 гг. Эти списки свидетельствуют об огромном количестве оружия и военных материалов, доставленных войску различными учреждениями и складами.

Каждая воинская часть имела своих санитаров, получавших по одной номисме за спасение раненого, своих оружейников, кузнецов, сапожников. Стратиготов снабжали приспособлениями для переправы через реки,

¹ Ю. Кулаковский. Византийский лагерь конца X в. «Византийский временник», т. X, вып. 1—2, 1903, стр. 70—74.

инструментами: кирками, резаками. На каждых двух воинов полагался один мул, на четверых — по одному прислужнику для ухода за мулом и лошадьми ¹.

Однако на византийской армии не могли не отражаться классовые противоречия византийского государства. Несмотря на все заботы правительства о поддержании дисциплины, восстания были нередки в византийском войске X в. Стратпоты находились в слишком большой зависимости от своих командиров, которые вместе с тем были крупными землевладельцами и динатами и от усмотрения которых зависело оставить стратпота дома или отправить в опасный поход. Поэтому во второй половине X в. малоазиатское войско больше подчиняется своим динатам, чем константинопольскому центральному правительству.

Ведя непрерывную борьбу с арабами, византийская дипломатия в то же время зорко наблюдала за тем, что происходило в Болгарии, и не теряла надежды отобрать у Болгарии завоеванные Симеоном земли, поскольку завоевания эти ослабили позиции Византии на Балканах. По словам Вильгельма Тирского, «народ болгарский занял все страны, лежащие между Дунаем и Царьградом с одной стороны, и между этой же рекой и Адриатическим морем с другой, так что все это пространство, имеющее, как говорят, в длину 30 дней пути, в ширину же 10 или более, стало называться Болгарией». При этом латинский историк не без некоторого удовольствия замечает, что «бедные греки и не понимают, как позорно для них наименование этих стран» ².

И действительно, несмотря на громкие названия, которыми византийцы продолжали величать свои владения на Балканском полуострове, эти владения были очень сужены. Кроме Пелопоннеса и Средней Греции, Византии принадлежало на полуострове пять фем: Фракийская, Македонская, Фессалоникийская, Стримонская и Дирракийская. Но византийская Фракия теснилась вокруг стен Константинополя. Она не заходила далее Анастасиевой стены. Траянополь был западным ее городом. Что касается Македонии, то она огибала Фракийскую область,

¹ Ю. Кулаковский. Стратегика императора Никифора. «Зап. Ист.-фил. факультета», т. VIII, разд. 9, СПб., 1908.

² «Gesta dei per francos», p. 653.

т. е. окрестности Константинополя, и тянулась узкой полосой от Черного моря до Эгейского. Главным городом Македонской фемы считался Адрианополь ¹. Только самая южная часть нынешней Македонии, именно — побережье архипелага, оставалась за Византией и составляла две фемы: Фессалоникийскую с главным городом Солунем и Стримонскую с главным городом Сересом. Фема Диррахийская занимала побережье Адриатического моря от Авлоны до Антивари и включала в себя только приморские города: Дураццо, Дульциньо и Антивари ².

Византийские динаты не могли долго мириться с таким положением и ждали только удобного случая, чтобы расправиться с Болгарией и отобрать у болгар все их завоевания. Такой удобный случай представился византийским политикам в конце царствования болгарского царя Петра (927—969). Царствование это было временем неудержимого проникновения византизма во все стороны болгарской жизни. Этому процессу благоприятствовала политика болгарского правительства, находившегося всецело под византийским влиянием.

Со времени заключения мира 927 г. и установления родственных связей между византийскими и болгарскими правителями Преслав и Константинополь завязали самые дружественные отношения. Болгарская царица часто ездила в Константинополь навещать своих родственников, которые не оставались у нее в долгу ³. По большим праздникам и по случаю каких-либо торжеств в Константинополь приезжали болгарские послы. Там их встречали с большим почетом и отдавали им предпочтение перед послами всех других государств.

Отношения эти, ставшие несколько более холодными после свержения Романа Лакапина, продолжались и при единокровнице Константины и в правление сына последнего Романа. Считая для себя выгодными эти отношения, болгарские правители оказывали Византии важные услуги. По свидетельству русской летописи, они дважды, в 941 и 944 гг., предупреждали византийского императора

¹ A. Rambaud. L'empire grec au dixième siècle. Paris, 1870, p. 190.

² Ibid., p. 190, 191.

³ Theophani Continuati, ed. Bonn, p. 442.

о приближающемся походе русских¹. В византийских войсках, воевавших в 947 и 954 гг. с арабами, находились значительные вспомогательные болгарские отряды².

Но такое тесное сближение с Византией было пагубным для болгарского государства. Византийское влияние ускоряло процесс феодализации Болгарии. Последняя по своему государственному устройству и социально-политическому строю, а равно и по культуре господствующих классов все больше становилась похожа на Византию с ее самодержавием, с господством светского и духовного чиновничества и знати, с закабаленной и угнетенной массой трудящихся. Естественно, что в Болгарии, так же как в Византии, все сильнее росла и углублялась пропасть между высшими, правящими классами, и народом, между государством и церковью, с одной стороны, и народом — с другой. В связи с этим внутреннее состояние Болгарии становилось крайне неустойчивым. Сильное развитие боярского землевладения приводило к обнищанию зависевших от крупных землевладельцев крестьян, или так называемых «париков», страдавших от боярского гнета. Используя слабость центральной власти, бояре не стеснялись закрепощать сельское население. В царствование Петра болгарская церковная иерархия окончательно сложилась по образцу византийской. Как патриарх, так и епископы были окружены обстановкой, которая по пышности не уступала обстановке византийского высшего духовенства. Богатство высшего болгарского духовенства развивало в нем страсть к роскоши, в которой оно начало соперничать с византийским духовенством. Непримируемое и все усиливавшееся противоречие между болгарскими правящими классами и народом послужило основой, на которой развилось и вспыхнуло в болгарском народе мощное оппозиционное социально-политическое движение, известное под именем богомилства³.

Как еретическое учение, богомилство возникло на основе дуалистической ереси павликиан, возникшей в пределах Византии еще в VII в. Получив широкое распространение в народе, богомилство приобрело характер болгар-

¹ Лаврентьевская летопись под 944 г.

² А. Rambaud. Op. cit., p. 380.

³ В. Н. Златарски. История на първото Българско царство. Т. I, ч. 2, стр. 541—567.

ской народной ереси. Подобно павликианам, богомилы совершенно отделились от господствующей церкви, отрицали церковную иерархию, епископскую и священническую власть, иконы и посты. Требуя восстановления равенства, имевшего место в ранней христианской общине, богомилы вместе с тем настаивали на осуществлении равенства и для гражданского мира. Таким образом, богомилство было реакцией трудового люда на социальное неравенство, революционно-плебейской оппозицией против угнетательских порядков. Характерной чертой этого течения был аскетизм, который встречается во всех средневековых движениях с религиозной окраской. «Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, — говорит Ф. Энгельс, — с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того, чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет»¹. В действительности на практике богомилы быстро научились входить в компромисс с жизнью, ограничивая для всей массы верующих крайности своего социального и аскетического учения и сохранив его во всей строгости лишь для добровольных аскетов — «совершенных».

Что это не был монашеский орден со строго аскетическим характером, указывает следующее свидетельство Козьмы Пресвитера: «Учат же своя си не повиноватися властелем своим, хуляще богатых, царь ненавидит, ругаются старейшинам, укоряют бояры, мързкъ богу, мнят работающая царю, и всякому рабу не велят работати

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 51—52.

господину своему»¹. С этим связана и сильная ненависть их к православной иерархии. Болгарский царь Петр запрашивал константинопольского патриарха Теофилакта, как поступать с проклятыми еретиками². Византия не скупилась на советы и не отказывала в своем содействии. Но и советы и содействие ее были явно направлены к увеличению затруднительного положения правительства Петра. Подтверждением этого служит подготовленное политикой Романа отделение сербов от Болгарии. Так поступала Византия вскоре по заключении мира 927 г., когда во главе правительства стоял еще Роман Лакапин, дед болгарской царицы. Что было при Константине Порфирородном, об этом можно судить по следующим данным.

Константин, оставивший нам в «*De cerimoniis*» описание торжественных манифестаций, в которых он от имени византийского правительства заявлял о своем расположении «к друзьям болгарам», — в «*De thematibus*» называет их «богомерзким народом», указывая на то, что эти «друзья» отняли большую часть Фракийской фемы³. А в «*De administrando imperio*» он преподает своему сыну и преемнику наставления, каким образом он может вредить болгарам⁴.

Итак, под шумок торжественных заявлений о дружбе к болгарскому правительству Византия деятельно работала над разложением могущества болгарского царства, надеясь таким образом возвратить себе потерянные при Симеоне территории. При этом она вела свою политику так, что эта политика, в конечном счете губительная для Болгарии, долго казалась болгарскому царю дружеской услугой. Только под конец своей жизни Петр узнал истинную цену византийскому союзу, но было уже поздно.

Раздираемая внутренними противоречиями, Болгария при Петре была уже не в состоянии защитить себя от нападений извне, в частности от мадьярских нападе-

¹ «Православный собеседник», 1864, т. II, стр. 202.

² Н. М. Петровский. Письмо константинопольского патриарха Теофилакта болгарскому царю Петру. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. XVIII, кн. 3, стр. 365—372.

³ «*De thematibus*», ed. Bonn, p. 45.

⁴ «*De administrando imperio*», ed. Bonn, p. 71.

ний 934 и 943 гг., причем мадьяры через Болгарию проникали на территорию византийской империи ¹.

Несмотря на тяжелое поражение, нанесенное им Оттоном I при Лехе в 955 г., мадьяры и после этого не оставляли в покое Балканский полуостров. Венгры грабили византийские владения в 958 и 962 гг. В Константинополе были, разумеется, недовольны, что болгарский царь пропускал их через свои владения.

Поэтому, когда после смерти Романа II, в регентстве Феофано, царь Петр предложил возобновить мирный договор 927 г., византийское правительство согласилось на это с двумя оговорками. Болгарский царь должен был направить в качестве заложников в Константинополь двух своих сыновей — Бориса и Романа, наследников болгарского престола. Он же обязывался не пропускать больше через свое царство мадьяр для нападения на Византию. Как ни невыгодны были эти условия для Болгарии, Петр на них согласился. Своих сыновей он отправил в Константинополь в качестве заложников, но выполнить второе условие он не мог. Мадьяры не прекращали набегов на болгарскую территорию. Попытка заключить союз с Оттоном I против мадьяр, предпринятая Петром в 955 г., не увенчалась успехом. Тогда Петр был вынужден заключить договор с мадьярами, предоставлявший им свободный пропуск в византийские владения, при условии сохранения в неприкосновенности болгарской территории ².

Заключенный в 927 г. мир между Петром и Византией был нарушен последней в царствование Никифора Фоки.

Повод к разрыву был следующий: вторую половину 965 г. Никифор проводил в Константинополе, празднуя овладение Тарсом и окончательное закрепление за Византией Киликии. После октября к нему явились болгарские послы за получением обычной дани. Эта дань была приданое, которое византийское правительство согласилось выплачивать на содержание византийской принцессы, ставшей болгарской царицей пожизненно. Но болгарская царица Мария умерла в 965 г. Поэтому желание

¹ R. Lüttich. Ungarnzüge in Europa in 10. Jahrhundert. Berlin, 1910, S. 146.

² В. Н. Златарский. Указ. соч., стр. 570.

болгар превратить приданое в дань возмутило Никифора и дало ему долгожданный повод для разрыва с Болгарией. Он осыпал оскорблениями болгарских послов и самого царя Петра. Болгарские послы с позором были изгнаны из пределов империи¹.

Лев Дьякон рассказывает, что Никифор в присутствии всего двора воскликнул: «Как несчастны римляне, если они, победив всех врагов, должны теперь, подобно невольникам, платить дань скифам, этому презренному и бедному народу». После этого он велел бить послов по щекам и с большим бесчестьем выпроводил их, не дав никакой дани². Это, по словам Льва Дьякона, послужило знаком к войне с Болгарией.

Вслед за этим, ранней весной 966 г., Никифор направился с войском к болгарской границе, овладел несколькими болгарскими крепостями, находившимися у подножия Фракийских, Родопских и Балканских гор, дошел до «великой Сулы», но не решился проникнуть внутрь Болгарии, этой трудно доступной страны, где уже погибло несколько византийских армий при его предшественниках. Кроме того, у него было много дел на восточной границе. Несмотря на ряд поражений, Сейф-Эд-Доуле еще не сложил оружия. Экспедицию, направленную на отвоевание острова Сицилии, постигла полная неудача. Византийское войско и флот были там целиком уничтожены. При таком положении дел на восточной и западной границах империи Никифор решил поручить ведение этой войны русским, потому, быть может, что Русь была далекой страной и через Болгарию, казалось, не могла угрожать Византии и так как к этому времени русские своим удалством успели затмить печенегов. С боевыми качествами русских, служивших наемниками в византийских войсках, Никифор мог ознакомиться во время собственных походов. Русские продолжали служить наемниками в византийском войске и в царствование Никифора. Арабский историк Новаири рассказывает, что в 964 г. русские наемники участвовали в неудачной для Византии сицилийской экспедиции против арабского эмира Али-Гассана.

¹ Leonis Diaconi, ed. Bonn, p. 61, 63; St. Runciman. A history of the first Bulgarian empire. London, 1930, p. 199.

² Leonis Diaconi, p. 63.

Как раз к указанному времени русские имели крупные поешные успехи в Северном Причерноморье, о которых «Повесть временных лет» дает только очень скудные сообщения. Из русской летописи мы узнаем, что в 964 г. Святослав ходил походом на вятичей, в 965 г. победил хазар, взял их крепость Белую Вежу, покорил ясов и касогов, а в 966 г. победил вятичей и наложил на них дань¹.

Из сообщений Ибн-Хаукаля, однако, видно, что во время этих походов Святослава русские прошли огромное пространство от Средней Волги до Семендера, что они в 358 г. гиждры, спускаясь вниз по Волге, ограбили земли камских булгар, мордвы и хазар, разграбили при этом города Булгар, Итиль, Семендер и тотчас же ушли в Рум и Андалус².

Что разгром этот был очень силен, ясно из слов Ибн-Хаукаля: «в настоящее же время ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара не осталось и следа»³. Булгар обратился в небольшой городок, а Итиль (о цветущем состоянии которого имеются сведения у Константина Порфирородного в письме, составленном около 960 г. хазарским каганом Иосифом) обратился в город, который «не имеет ни многих селений, ни пространного владения»⁴.

Все описанные Ибн-Хаукалем события приурочиваются им к 358 г. гиждры, т. е. к 969 г. нашей эры, по мнению Гаркави⁵, или к 968 г., по мнению Хвольсона и Соловьева⁶.

Мы не имеем никаких оснований предпочитать исторические и географические сведения о нашей родине, сообщенные арабскими писателями, данным наших летописцев. Но мы не можем не замечать того факта, что Ибн-Хаукаль писал свою «Книгу путей и государства» около 976—977 гг., т. е. всего через 7—9 лет после разгрома

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 64—65.

² А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о хазарах и русских. СПб., 1870, стр. 218—219.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Там же, стр. 220.

⁵ Там же, стр. 219.

⁶ Д. А. Хвольсон. Известия о славянах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 5; С. М. Соловьев. История России. Т. I. М., 1883, стр. 133.

хазарского каганата, и, следовательно, сведения об этом событии собрал вскоре после его осуществления. Сопоставление данных летописи и Ибн-Хаукаля показывает, что Святослав был на Оке и Волге, покорил (хотя не окончательно) вятичей, разгромил землю болгар и буртасов, столицу Хазарского царства Итиль, побывал на Каспийском море и на Кубани, подчинил ясов и касогов, взял Саркел. Во всяком случае, Хазария никогда уже не смогла оправиться от нанесенного ей Русью удара. Последние остатки ее мощи были уничтожены в 1016 г. объединенными русско-византийскими отрядами. Тогда же, очевидно, Русь прочно обосновалась в Тамани и появилось постоянное русское население на Нижнем Дону.

Однако мы не можем принять хронологию событий, данную Ибн-Хаукалем, так как хорошо знаем, что в 968—969 гг. Святослав был в Болгарии и на Руси. Значит, в эти годы он не мог предпринимать походы на отдаленный Восток. Следовательно, свои походы на Восток он совершил в течение 964—966 гг., как на это и указывает наша летопись.

Походы Святослава были продиктованы желанием отомстить поволжским народам за их враждебные действия против русских, ярко проявившиеся в 913 и 943 гг. Волжские болгары и буртасы могли полатиться как союзники хазар. Поход Святослава на Хазарию имел целью разгром враждебного соседа, попрежнему претендовавшего, как это видно из письма царя Иосифа Хасдаю Ибн-Шафруту, на славянские земли, издавна включенные в состав Киевского государства. Поход на Хазарию ставил целью сломить враждебный барьер, преграждавший Руси путь на Восток и отрезавший ее от Волги, Дона и Кавказа. Святослав мог стремиться овладеть восточным торговым путем, главной артерией которого являлась Волга с ее притоками — Камой, Окой, а также и Дон¹.

Усиление Русского государства, быстрое объединение вокруг него восточнославянских племен, попытки русских князей завладеть главными морскими путями — все это шло вразрез с интересами Византии. Успехи Святослава на Востоке угрожали византийским владениям в Крыму,

¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 128; А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 225—226.

которые теперь Русь охватывала с двух сторон: с Запада — от Днепра, и с Востока — со стороны Дона. Поэтому, направляя русских на дунайских болгар, Никифор отвлекал их внимание от византийских владений в Крыму¹. Послом к Святославу был выбран житель Херсонеса патрикий Калокир. Херсонес всегда находился в сношениях с Русью. Сын херсонесского протевона патрикий Калокир, возможно, был не только знаком с русскими вообще, но и знал их обычаи и язык.

По словам Льва Дьякона, Никифор, придя к убеждению, что для него опасно углубляться внутрь страны, возвратился с войском в Византию и, почтивши здесь по достоинству отважного и пылкого патрикия Калокира, послал его к тавроскифам, которых византийцы обыкновенно пазывали русскими. Никифор поручил Калокиру, чтобы он, раздавши русским 1500 фунтов (15 кентпарпев) врученного ему золота, привел их в землю болгар для ее завоевания. Калокир отправился в Киев в 966 г.

Истинные намерения Никифора Фоки, призвавшего русских напасть на дунайских болгар, неизвестны; мы не знаем, рассчитывал ли он только на то, чтобы ослабить и обезвредить болгар, или же на Святослава была возложена задача завоевать болгарские земли для империи.

Известно только то, что 1500 фунтов золота, привезенных в Киев Калокиром, были авансом. По выполнении возложенных на него поручений Святославу, кроме военной добычи, было обещано денежное вознаграждение.

Святослав принял предложенные ему деньги, согласился произвести нападение на Болгарию, но он отнюдь не склонен был играть роль простого наемника Византии. Святослав ясно понимал, что захват Болгарии Византией не выгоден для Руси, так как в этом случае русская торговля попала бы в еще большую зависимость от Византии.

Владея устьем Дуная, Болгария держала в своих руках происходившую по этой реке торговлю и в то же время находилась на перекрестке торговых дорог, которые вели из Богемии, Венгрии и Руси в Византию.

¹ В. Н. Златарский. Указ. соч., стр. 573—577.

Торговля в Болгарии была, очевидно, развита больше, чем это обычно предполагается историками. Иначе будут непонятными слова Святослава, которые приписывает ему «Повесть временных лет» в 969 г. Святослав тогда будто бы говорил своей матери: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы».

Из этого мы должны заключить, что в X в., в связи с вступлением Болгарии на широкую арену международной политической жизни, окрепли и ее торговые связи с Европой, осуществляемые как сухим путем, так и по Дунаю и морем. Очевидно, в ее городах регулярно появлялись торговые караваны из-за границы, а на ее территории проживали иностранцы, занимавшиеся торговлей и ремеслами.

Византийцы обычно не вывозили сами своих товаров в Италию и Западную Европу. Но в бассейне Черного моря они проявляли известную торговую активность. Некоторые из них проникали на Русь, что подтверждается русско-византийскими договорами 911 и 944 гг.

Константин Порфирородный отмечает Крайский переправу как пункт, где византийцы, возвращаясь с Руси домой, переправлялись на левую сторону Днепра¹. О появлении византийских купцов на Руси говорит и Скилица-Кедрич².

Ездили они с торговыми целями и в страну дунайских болгар, как об этом свидетельствует Феофан³.

Во времена Симеона относится возникновение на Дунае цветущих болгарских городов. Среди них первое место занимал Переяславец, названный Святославом «срединой» его земли, куда, ввиду обширной торговли, он мечтал перенести свою столицу.

Византийские источники сообщают, что в конечном счете Святослав решил завоевать Болгарию для себя, а затем помогать Калокиру в достижении император-

¹ «De administrando imperio», p. 77.

² Skylitzes-Kedreni, ed. Bonn, t. II, p. 551.

³ Theophani Continuati, t. I, p. 775.

ского престола. Лев Дьякон, конечно, преувеличивает роль византийского посла в принятии этого решения. «Патрикий Калокир, — пишет он, — посланный императором к тавроскифам, пришедши в Скифию, понравился начальнику тавров, подкупил его дарами, очаровал лестными словами и убедил идти против мисян с великим войском, с тем условием, чтобы он, покоривши их, удержал их страну в собственной власти, а ему содействовал в завоевании римского государства и в получении престола. Он обещал ему доставить за то великие, бесчисленные сокровища из государственной казны. Святослав (так пазывался начальник тавров), услышав эти слова, не мог удержати душевного стремления и, собрав ополчение, состоящее из 60 тысяч храбрых воинов, кроме обозных отрядов, отправился против мисян с патрикием Калокиром, которого, по дружеской с собой связи, полюбил, как родного брата»¹.

Мы можем не удивляться стремительной измене византийского посла своему императору. Правление Никифора Фоки, несмотря на его победы, с каждым годом становилось все более непопулярным в Византии, и Калокир мог надеяться использовать непопулярность Никифора в своих личных целях. Лев Дьякон, однако, ошибается, изображая Святослава орудием в руках византийского дипломата.

К лету 967 г. русские были уже готовы к походу на Болгарию. Никифор Фока в то время еще не знал истинных намерений Святослава. Ему сообщили, что Святослав принял его предложение и готов к нападению на Болгарию. Поэтому в июне 967 г. он направился к болгарской границе для осмотра ее готовности к обороне. В то же время, желая оградить себя от упреков, что он навлек нашествие язычников на христианскую страну, с которой до сих пор находился в мире, он пишет с границы болгарскому царю Петру, обвиняя последнего в том, что он позволяет мадьярам переходить Дунай и проникать в империю².

Это обвинение было только предлогом для начала враждебных действий: Никифор хорошо знал, что бол-

¹ Leonis Diaconi, p. 77.

² Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 372.

гарский царь не допустил бы венгерских вторжений на Балканы, если бы был в состоянии это сделать. При возможности же предотвратить это, он добивался, чтобы венгры проходили Болгарию, не грабя население. Ответ Петра был признан неудовлетворительным, и Никифор считал себя вправе начать военные действия¹.

По сообщению русской летописи, нападение Руси на Болгарию произошло в 967 г.² Но у Скилицы дана другая дата первого похода Святослава, которую принимают А. Куник, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, В. Н. Златарский и М. Н. Тихомиров. У Скилицы мы читаем: περὶ θέντες οὖν οἱ Ρῶς καὶ ἐπελθόντες τῇ Βουλγαρίᾳ κατὰ τὸν Αὐγούστον μῆνα τῆς ἐκ ἰνδικτιῶνος πέμπτῃ τῆς βασιλείας Ἰερεὶ τοῦ Νικηφόρου³.

11-й индикт соответствует 968 г., который начинается 1 сентября 967 г. и заканчивается 31 августа 968 г. Таким образом, Скилица относит поход к августу 968 г., что соответствует пятому году царствования Никифора, вступившего на престол 16 августа 963 г. Но, принимая это утверждение, мы наталкиваемся на многие трудности. Мы должны допустить, что в течение двух с половиной лет после разрыва дипломатических отношений византийцы и болгары оставались в полной бездеятельности. Непонятно, как двухлетнее пребывание в Киеве византийского посла и обширные приготовления к походу могли остаться незамеченными болгарским правительством, хотя Киев во времена Святослава был крупным торговым центром и его сношения с Переяславцем были так оживлены, что вполне возможно допустить пребывание в нем значительного количества болгар по своим торговым делам⁴.

Если предположить, что русские двинулись в Болгарию только в августе 968 г., неясным будет резкое изменение византийской политики по отношению к Болгарии, происшедшее уже раньше. Мы хорошо знаем, что в июне 968 г. в Константинополе встречали болгарских

¹ St. Runciman. Op. cit., p. 201.

² «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 967 г.

³ Skylitzes-Sedreni, t. II, p. 372.

⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 247; Н. Д. Знойко. О посольстве Калокира в Киев. ЖМНП, апрель, 1907, стр. 262.

послов с большими почестями и на парадном обеде 29 июня болгарскому послу было отдано предпочтение пред послом германского императора Оттона I¹.

По сообщениям всех источников, такое изменение византийской политики произошло только после нападения Руси на Болгарию, когда выяснилось, что Русь преследует свои собственные цели и не желает считаться с византийскими директивами и интересами. Наконец, если поход начался только в августе 968 г., то непонятно, как русские за короткий промежуток времени могли разгромить болгар, захватить 80 городов на Дунае и в том же 968 г. вернуться для защиты Киева от печенегов.

Отсюда с необходимостью вытекает, что дата летописи правильна и поход начался в 967 г.

Святослав спустился по Днепру к Черному морю и затем вдоль побережья дошел до устьев Дуная. По указанию нашей летописи, Святослав повел в поход войско в 10 тыс. чел.² Византийские источники дают преувеличенные до нелепости сведения о войске Святослава. У Скилицы-Кедрина мы, например, читаем, что русские имели под Адрианополем 308 тыс. воинов, под Доростолом — до 330 тыс. Лев Дьякон, младший современник описываемых событий, насчитывает у Святослава 60-тысячное войско.

Мы не можем верить цифрам, сообщаемым византийскими источниками. Но мы не можем согласиться и с русскими историками-норманистами, которые без всяких к тому оснований утверждали, что Святослав воевал в Болгарии будто бы главным образом со своей варяжской дружиной и потому не мог иметь свыше 10 тыс. ратников³.

К вопросу о варягах мы вернемся в дальнейшем, а пока лишь отметим, что войско Святослава не могло состоять из одной дружины. Когда мы обращаемся к известиям наших источников, записанных своевременно, а не по памяти, то нас не может не поразить количественная

¹ «Liutprandi relatio de legatione Constantinopolitana», cap. 19.

² «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

³ А. Чертков. Описание войны великого князя Святослава Игоревича. М., 1843, стр. 167.

незначительность дружины наших князей¹. Вести борьбу с многочисленными армиями болгар и византийцев силою одной дружины, хотя бы численностью и в 10 тыс. чел., Святослав не мог. Уже Зпойко показал достаточно убедительно, что совершить то, что совершил Святослав в 967—971 гг., с 10-тысячным отрядом было невозможно². Русское войско не могло быть значительно меньше болгарского и греческого.

Появление русских на Дунае было так неожиданно для болгарского царя, что он узнал об этих новых врагах, когда ладьи их плыли уже по Дунаю и выбрали удобное место для высадки. Наскоро Петр собрал и выслал навстречу русским около 30 тыс. войска, но войско это было разбито и принуждено было запереться в Доростоле³. Известие об этом разгроме потрясло болгарского царя. Его поразила апоплексический удар.

Наша летопись кратко сообщает, что русские взяли 80 городов на Дунае и среди них — Переяславец. Установлено, что Переяславец русской летописи — это Малый Преслав, находившийся на болотистом острове Балта и бывший в то время значительным торговым городом⁴. Этот город привлек к себе внимание Святослава, и он хотел устроить там свою постоянную резиденцию⁵. На первых порах, во всяком случае, целью его стремлений была Добруджа, а не вся Болгария. Святослав продолжал завоевательную политику Олега и Игоря, пользуясь, может быть, тем, что население Малой Скифии — Добруджи — было издавна связано с уличами и тиверцами, сидевшими к северу от Дуная⁶. Здесь он получал от императора обещанное вознаграждение, о чем гово-

¹ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, сер. ист.», вып. 8, 1941, стр. 242.

² Н. Д. Знойко. Указ. соч., стр. 242.

³ Leonis Diaconi, p. 78.

⁴ М. Дринков. Южные славяне и Византия в X в. «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 4, 1872.

⁵ Лаврентьевская летопись под 969 г.

⁶ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 147.

рит летопись: «емля даъ на Грьцех», хотя не полностью¹.

В Константинополе, однако, интриги Калокира ставились уже известны и возбуждали большую тревогу, особенно у самого Никифора, так как дело шло о его троне. Византийская дипломатия скоро убедилась, что Святослав вовсе не склонен быть послушным орудием Византии.

Святослав и Калокир, вступив в Болгарию, действовали не только оружием, но и пропагандой, возбуждая болгар против византийского императора. И эта пропаганда находила известный отклик среди болгарского населения. Нашествие русских было ударом, пред которым не могла устоять разьединенная, внутренне расстроенная Болгария. Оскорблений, нанесенных болгарским послам в Константинополе, и беспричинного нападения Никифора на Болгарию в 966 г. было недостаточно правящим классам Болгарии, чтобы увидеть пропасть, к которой они подвели болгарское государство; в среде же болгарского народа эти события послужили стимулом к превращению антивизантийских настроений в стихийную ненависть. Нельзя было скрыть от болгар и то, что киевский князь был направлен против Болгарии Византией². В лучших умах Преславской Болгарии могла зародиться мысль, что, ввиду невозможности отразить вторжение и спасти независимость Болгарии, следует сговориться с завоевателем против тех, кто был виновником этого нашествия.

Таким образом, как это удостоверяет Лев Дьякон, уже в первой половине 968 г. в Константинополе узнали, что между болгарам и Святославом готовились соглашение и союз против Византии³.

Положение Никифора в Константинополе в 968 г. было уже непрочным. Войны, которые Фока вел почти беспрерывно, вынуждали его к значительному увеличению податей и к другим непопулярным мерам, как,

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 967 г.

² П. Мутафчиев. Русско-болгарские отношения при Святославе. «Seminarium Kondakovianum», vol. IV, Prague, 1931, p. 82.

³ Leonis Diaconi, p. 79.

например, порче монеты. Враждебное отношение народных масс к Никифору ярко проявилось во время одного церковного праздника в 967 г. Для защиты от грозившего ему внутреннего мятежа Фока был вынужден оградить территорию Большого дворца крепкой стеной. В то же время Фока был сильно озабочен затруднениями на северных границах империи, приготовлением к новому походу в Сирию и, наконец, итальянскими делами, — вызывающим поведением Оттона I в Италии.

По словам Льва Дьякона, узнав истинные замыслы Святослава, он начал укреплять стены Константинополя, стягивать войска для его защиты; вместе с тем он считал, что польза от всех этих приготовлений была бы не особенно велика, если бы ему «пришлось воевать с обоими народами», т. е. русскими и болгарами¹. Поэтому он решил привлечь на свою сторону один из них и таким образом «легче получить перевес над другим и победить его»².

В Преслав, по сообщению Льва Дьякона, было направлено посольство во главе с патрицием Никифором Эротиком и испытанным византийским дипломатом Евхаитским епископом Филофеем, которое должно было напомнить болгарам об общей им христианской вере и от имени императора предложить им мир и дружбу, скрепленные родственными узами. Другими словами, вместо союза с русскими Византия теперь предлагала болгарам союз против русских³.

Нельзя согласиться со Златарским, что посольство Никифора Эротика и Филофея было отправлено к концу 969 г., т. е. ко времени, когда Святослав вторично явился в Болгарию. Согласно Златарскому, посольство было послано в Преслав для того, чтобы упрочить уже существовавший мир между Болгарией и Византией и предложить для этого брачный союз между представителями обоих дворов. Что касается самого мира, то Златарский считает, что он был заключен в конце июня 969 г., и притом по инициативе не Никифора Фоки, а болгарского царя Петра, принужденного искать помощи против рус-

¹ Leonis Diaconi, p. 79.

² Ibid.

³ Ibid., p. 85.

ских¹. Ошибка Златарского в том, что от него ускользнуло рассмотренное выше сообщение Льва Дьякона, в котором категорически засвидетельствовано, что первые шаги к примирению Константинополя и Преслава были сделаны Фокой. Этот хорошо задуманный маневр Фоки удался. Сближение с империей обещало болгарским правящим верхам поддержку, без которой они не в состоянии были отделаться от нежеланного русского гостя, и поэтому они ухватились за предложение Фоки. Болгарское посольство летом 968 г. появилось в Константинополе, что засвидетельствовано Лиутпрандом. Торжественный прием, почести и особое внимание, оказанные болгарским послам при самом их появлении в Константинополе (именно этим был обиден Лиутпранд в качестве посла Отгона I), показывают, что Византия тогда уже относилась к болгарам как к друзьям и союзникам. Это значит, что в июне 968 г. дружественные отношения между болгарской правящей верхушкой и Византией были уже восстановлены. Скилица пишет, что сыновья Петра в то время жили при византийском дворе и оставались там до смерти своего отца. Лев Дьякон сообщает, что болгарские послы требовали от имени своего правительства «помочь им как можно скорее, чтобы отклонить топор, запесенный русскими над их головами»². Это сообщение раскрывает условия, на которых было достигнуто соглашение между Константинополем и Преславом: чтобы оторвать болгар от Святослава, Никифор Фока обещал им военную помощь против русских. Но удалить русских из Болгарии византийским политикам казалось возможным и без отправки византийских войск в Болгарию. Они натравили печенегов на русские земли. Летом 968 г., по сообщению нашей летописи, печенеги, пользуясь отсутствием Святослава, осадили Киев, что вынудило Святослава спешно вернуться домой. Уход русских развязал руки Никифору, и 22 июля 968 г. он отправился в свой последний сирийский поход, рассчитывая, что Святослав с богатой добычей и со всем своим войском очистит болгарскую территорию³. Но византий-

¹ В. Н. Златарски. Указ. соч., стр. 583.

² Leonis Diaconi, p. 80.

³ Ibid., p. 78.

ский император снова обманулся в своих надеждах.

Сообщение нашей летописи, что «Святослав вборзе вседе на конь с дружиной свою и приде к Киеву», значит, конечно, что он возвратился не на ладях, на которых приехал в Болгарию, а сухим путем¹. Следовательно, весь его флот, состоявший из однодеревок (μονόξυλα), остался в Болгарии, равно как и часть его ополчения, и он только с отборной дружиной явился в Киев. Таким образом, вполне правдоподобно предположение, что в Переяславце и других городах оккупированной болгарской территории им были оставлены гарнизоны. И самые слова Святослава, сказанные им матери и боярам: «хочю жити в Переяславце на Дунае, яко то есть середя в земли моей», значат, что он хотел перенести свою столицу на Дунай в Переяславец, уже ему принадлежавший. Он не мог назвать середней своих владений такой город и такую страну, за которую надо было сражаться вновь². Лев Дьякон также нигде не говорит, что русские два раза вторгались в Болгарию, и даже не знает о возвращении Святослава на Русь для отражения печенегов.

Отгнав от Киева печенегов, Святослав дождался смерти Ольги — 11 июля 969 г., посадил своего сына Святополка в качестве наместника Киева, в стране древлян — Олега, в Новгороде — Владимира, опекуном которого был Добрыня, а затем снова направился в Болгарию³.

В Болгарии 30 января 969 г. умер царь Петр, приняв пред смертью монашество. Ему наследовал старший сын Борис. Новый царь вступил на престол не сразу после смерти отца, так как находился заложником при византийском дворе. Возвращение Бориса Златарский рассматривает как политический ход императора Никифора, стремившегося, в противовес русским, восстановить в стране византийское влияние. Смерть Петра и воцарение Бориса послужили сигналом к распаду Болгарского

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 968 г.

² А. Чертков. Указ. соч., стр. 190—191.

³ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 968 г.

государства. Роковое направление политики Бориса принимали и его современники. В год его воцарения было поднято восстание чотырьмя «комитопулами», сыновьями комита Македонии Николы¹. Восстание началось в Западной Болгарии и имело большой успех, приведя к созданию Западноболгарского, или Охридского, царства. О деятельности комитопулов в то время ничего не известно, и их имена появляются в византийских хрониках только после смерти Цимисхия. Но то обстоятельство, что западноболгарские области не участвовали в обороне государства от Святослава, дает достаточно оснований полагать, что комитопулы противопоставляли себя новому царю и вели самостоятельную, антивизантийскую политику.

Судя по рассказу русской летописи, сопротивление, оказанное болгарами, было на этот раз сильнее, чем в 967 г. Гарнизоны, оставленные Святославом, повидимому, не могли удержаться, и Святославу пришлось снова отвоевывать Переяславец. По сообщению Татищева, в отсутствие Святослава болгары осадили Переяславец, где сидел русский воевода Волк. Узнав, что «некоторые граждане имеют согласие с болгары», Волк вместе с войском покинул Переяславец и пошел вниз по Дунаю. Придя к устью Днестра, Волк узнал о приближении Святослава и тут соединился с ним, и болгары, взяв Переяславец, «елико возможно укрепили»². Под Переяславцем произошел ожесточенный бой. По словам нашего летописца, молодой царь Борис выслал против Святослава большое войско, которое вначале сильно потеснило его рать, и только к вечеру Святослав взял город. В том положении, в каком находилось Преславское царство после отпадения западноболгарских областей, сопротивление не могло быть длительным. Поэтому из болгарской столицы Преслава вторично была отправлена в Константинополь просьба о немедленной помощи³.

Никифор обещал оказать помощь, но просил приехать в Константинополь дочерей Петра для того, чтобы выдать их замуж за сыновей Романа II. Болгарские князья

¹ В. Н. Златарски. Указ. соч., стр. 592.

² К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. Приложение. СПб., 1868, стр. 15.

³ Leonis Diaconi, p. 81.

были отправлены в Константинополь. Однако в Константинополе не торопились с оказанием военной помощи. Лишь поздней осенью 969 г. Никифор собрался было двинуться с войском на помощь болгарам, но весть о взятии византийскими войсками Антиохии заставила его отложить поход, а затем, 11 декабря, Никифор сам стал жертвою дворцового переворота.

Хороший солдат, отвоевавший для империи Крит, Кипр, Киликию, Северную Сирию, стремившийся отвоевать остальную Сирию и Палестину, Никифор жертвовал всем для достижения этой цели. Поглощенный этой задачей, суровый, скупой и нелюбезный, этот солдат на троне действовал слишком прямолинейно, вооружая против себя влиятельное духовенство, восстанавливая дворцовую бюрократию, вызывая ненависть в народе, облагаемом тяжелыми налогами. В течение 966—969 гг. страна страдала от неурожая, и брата императора, куропалата Льва, упрекали в том, что он занимается хлебными спекуляциями, обогащаясь за счет народа. В самой военной группировке, посадившей Никифора на трон, начались раздоры и несогласия. Последствием этого было убийство Никифора ночью 11 декабря и возведение на византийский престол его убийцы — Иоанна Цимисхия, также принадлежавшего к военным деятелям и тоже хорошего полководца.

События, разыгравшиеся в это время в Восточной Болгарии, скрыты от нас непроницаемой тьмой. Известия о положении здесь имеются только с 970 г. Эти известия представляют Святослава уже хозяином всех восточноболгарских земель. В непродолжительный срок он успел подчинить себе все владения Бориса между Дунаем и Балканскими горами, взял столицу Болгарии, захватив при этом самого Бориса и его семейство¹.

В русской дореволюционной историографии уже давно сложился отрицательный взгляд на Святослава. Этого князя изображают как вождя бродячей дружины, ради которой он забывает о своих обязанностях правителя и о своем отечестве, как человека, знавшего лишь одно удовольствие — бродить по свету широкому, огнем и

¹ Leonis Diaconi, p. 130; Н. М. Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 396.

мечом покоряя земли, но не умевшего удержать приобретенное¹.

Точно так же вождем дружины, но не «государственным строителем» изображает его Гильфердинг во время его похода за Дунай: «Придя в Болгарию, — чтобы поживиться там с дружиною, — с первого шага пустивши дружину грабить и разорять, он уже не в силах был остановиться на этом пути»². Нам кажется, что этот взгляд на Святослава не оправдан источниками и нуждается в значительных поправках.

Византийские источники, и вслед за ними некоторые болгарские историки, как, например, Златарский, говорят о страшных зверствах русских в завоеванной Болгарии; однако имеются факты, находящиеся в явном противоречии с этими известиями.

Мы не можем, конечно, утверждать, что войска Святослава не совершали эксцессов, свойственных всем войнам X в. Но в Болгарию Святослав, особенно во втором походе, является не для того, чтобы разорять, а чтобы создать новые порядки.

По вопросу, каковы были взаимоотношения между Святославом и болгарам, до последнего времени преобладало мнение, что русский князь силою оружия преодолел сопротивление, которое болгары пытались оказать ему, а затем кровавым террором не только навязал им свою власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией³.

Этот взгляд основан главным образом на сообщениях двух византийских авторов Льва Дьякона и Скилицы о жестокостях, совершенных Святославом при взятии Пловдива (Филиппополь) и в Доростоле при приближении туда Цимисхия⁴. Но наряду с этими данными те же

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПб., 1842, стр. 118; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 143; Н. Д. Знойко. Указ. соч., стр. 229—232.

² А. Ф. Гильфердинг. Соч., т. I. СПб., 1868, стр. 144.

³ А. Ф. Гильфердинг. Соч., т. I, стр. 144. К. Иржечек. История болгар. Русск. перевод Брука и Палаузова, стр. 242; Н. Дринов. Соч., т. I, стр. 338; G. Schlumberger. Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 570—573; В. Н. Златарский. Указ. соч., стр. 598—604; S. Runciman. Op. cit., p. 210; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 140.

⁴ Leonis Diaconi, p. 105, 138.

авторы сообщают и другие факты, показывающие, что отношения между болгарам и русскими далеко не подходили на отношения между кровожадными завоевателями и дрожащими пред ними рабами.

Эти факты отмечались уже А. Чертковым¹. С наибольшей полнотой они развернуты болгарским историком П. Мутафчиевым². Обычно считают, что русские содержали болгарского царя Бориса как настоящего пленника под стражей в его дворце. Но Скилица, из сообщения которого извлечен этот вывод, говорит, в сущности, совершенно другое. Когда, рассказывает он, византийцы хлынули в город, защитники его стянулись в кремль, где находились царские палаты, и стали готовиться к последнему сопротивлению. Бориса, однако, там не было. Войны Цимисхия еще раньше захватили его во внешнем городе³. Это значит, что болгарский царь не содержался под стражей в Преславском кремле, а мог свободно передвигаться в своей столице. В противном случае, особенно в тот момент, когда неприятель штурмовал ее стены, русские усилили бы свой надзор за царем и не позволили бы ему выходить из своей темницы.

Далее, когда Бориса привели к Цимисхию, он — и это после двухлетнего пребывания в тюрьме — еще носил знаки царского достоинства. Сверх того, среди русских воинов, оставивших преславский гарнизон, которым, следовательно, был поручен надзор за этим «пленником», было очень много болгар. В то время как Борис пребывал в своем престольном городе, Святослав с другой частью войска находился в Доростоле, где, нам кажется, была его постоянная резиденция. Могут ли все эти не подлежащие сомнению данные быть согласованы с представлением о свергнутом с престола владетеле страны, изнемогавшем под невыносимым игом сурового варвара? Можно ли привести в истории другой пример завоевания, когда владетель залитой кровью его парода страны жил бы в условиях, в каких мы находим Бориса II?

Военная добыча была главной приманкой, благодаря которой вокруг русских князей собирались многочисленные

¹ А. Чертков. Указ. соч., стр. 169.

² П. Мутафчиев. Указ. соч., стр. 82—84.

³ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 394—395.

ные дружины для походов в далекие края. Князья делили награбленные богатства и контрибуции со своими соратниками. В прочих своих походах Святослав не представлял исключения среди своих предшественников. Однако в Болгарии было нечто иное. Правда, у Скилицы и Зоары имеются сведения, что болгарские земли не были пощажены¹. Но все эти известия, не говоря уже об их позднейшем происхождении, чересчур общи и лишены более или менее конкретного содержания; весьма важно, что наряду с ними мы находим и другие — прямо противоположного свойства. У того же Скилицы, например, мы читаем, что со времени захвата русскими Преслава и до момента, когда он был отнят у них Цимисхием, сокровища болгарских царей оставались нетронутыми в их дворцах. Они были захвачены Цимисхием, отправившим их в Константинополь². Это сообщение подтверждает и Лев Дьякон, который был современником, а отчасти и свидетелем этих событий³. Но русские щадили не только царские сокровища. Известно, как они, будучи еще язычниками, поступали с христианскими святынями в землях, подвергавшихся их нашествию. Их поведение в Болгарии в этом отношении было совершенно иное.

В одной из ожесточенных битв под Доростолом пал византийский магистр Иоанн Куркуас. Лев Дьякон, который отметил этот эпизод, считает смерть императорского полководца карой божией за то, что он со своими войсками грабил болгар, забирал себе их священные сосуды и церковные облачения⁴. Язычники русские не только пощадил болгарские храмы, но не посягнули и на их богатства. Нужно было прийти православным византийцам, чтобы эти богатства подверглись разграблению.

Имеются сведения, что болгары, появившиеся в войске Святослава тотчас же по его водворении в их земле, остаются сподвижниками Святослава до последних месяцев пребывания его в Болгарии. Было бы слишком

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 372.

² Ibid., p. 413.

³ Leonis Diaconi, p. 136, 158.

⁴ Ibid., p. 148.

большой натяжкой объяснять это террором, который применялся по отношению к ппм.

Известно, чего стоят войска, набранные насильственно и принужденные биться ради своих угнетателей. В этом отношении история болгарских земель до и после Святослава содержит весьма поучительные примеры¹. Что же касается интересующих нас событий, то здесь мы находим как раз обратное.

Византийские авторы рассказывают, что последние защитники Преслава, оказавшие византийцам упорное сопротивление на территории дворца, когда дворец был охвачен пламенем, вышли из него и бились до конца. Окруженные неприятелем, они все пали.

Под его копытами и стрелами никто не попросил пощады. В этом подвиге самопожертвования русские были не одни. Лев Дьякон прямо говорит, что тут пало и очень много болгар². Очевидно, они образовали часть гарнизона осажденной столицы. Что заставило этих болгар жертвовать собой ради Святослава, если он был не более как поработитель их отечества? Если в последний момент господства Святослава над болгарской землей болгары были способны с такой отчаянной отвагой сражаться на стороне русского князя, то явно ошибочно считать, как некогда Гильфердинг, что своей политикой Святослав лишил себя возможности успеха в Болгарии³.

Приведенные отдельные факты, кажущиеся нам теперь столь не совместимыми одни с другими, свидетельствуют о сложности отношений, вызванных появлением русских в Болгарии, и характеризуют лишь отдельные моменты в развитии этих отношений.

От Льва Дьякона и Скилицы мы узнаем, что отряды болгар действуют совместно с русскими войсками против византийцев также в Южной Фракии. Что они не были завербованы насильственно, видно из слов Льва Дьякона, говорящего об этом: «наряду с мадьярами болгары действовали теперь как сподвижники русских» (*протетарі-σхуτες*). Еще определеннее выражается по этому поводу И. Скилица. Русские, пишет он, готовясь к предстоя-

¹ П. Мутафчиев. Указ. соч., стр. 80.

² Leonis Diaconi, p. 134.

³ А. Ф. Гильфердинг. Соч., т. I, стр. 145.

щей войне, объединились для общего дела (κοινοπράξις) с подчиненными им болгарами и двинулись к югу против византийцев¹.

Каковы были формы и степень этого соглашения, на это сейчас никто не в состоянии ответить. Можно утверждать лишь одно: чтобы добиться союза с болгарами, русский князь должен был пойти им на уступки, которые нельзя рассматривать как незначительные для него и обычные. И если Борис II продолжал жить в своей столице, сохранил внешние знаки своего достоинства и, очевидно, пользовался связанными с этим почестями, не значит ли это, что Святослав считал себя обязанным проявлять в лице Бориса уважение к болгарской государственной традиции?

Когда весной 970 г. Иоанн Цимисхий при посредстве послов дважды предлагал Святославу очистить болгарские земли, то, по сообщению Льва Дьякона, Святослав вызывающе ответил, что не покинет этой богатой страны, если ему не будет заплачено огромное количество денег и не будет дано выкупа за взятые войной города и пленных. Если ромеи не желают ему заплатить столько денег, то пусть уже лучше убираются из Европы, которая не для них, и выселяются в Азию. Только при этом возможно будет заключить мир между русскими и ромеями². Громадный выкуп, за который, по его словам, он был готов удалиться, представлял собой условие, поставленное, очевидно, с сознанием, что оно невыполнимо. По тону и содержанию ответ Святослава напоминает речи, с которыми Симеон некогда обращался к византийским представителям. Святослав чувствовал себя преемником политических заветов этого болгарского царя. Если это так, то Святославу не пужны были насилие и террор в качестве единственных средств закрепления своей власти над болгарами. Он не нуждался в применении каких-либо исключительных мер, чтобы заставить их биться под его знаменам. Болгары подчинялись импульсу сильнее страха — ненависти.

Лев Дьякон заканчивает известный нам рассказ о взятии Преслава Цимисхием и о больших потерях,

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 384.

² Leonis Diaconi, p. 105.

понесенных болгарами в этом бою, словами: «они помогали русским из ненависти к ромеям, считая их одними виновниками нашествия русских на их землю»¹. При всем этом мы не можем отрицать жестокостей, учиненных Святославом в Филиппополе. О том, что пережил этот город при Святославе, сообщает Анна Комнина².

«Пловдив, — говорит болгарский историк, — был одним из тех городов, где византийская традиция была особенно сильна и византийское влияние особенно глубоким. Его близость к византийской границе, вероятно, поддерживала всего дольше надежды на византийскую помощь. Не достаточно ли этого обстоятельства для объяснения отпора, на который натолкнулись русские, вместе с тем и кары, постигшей Пловдив за это»³.

Таким образом, можно считать установленным, что во второй войне Святослава в Болгарии, в войне против Византии, болгары были не врагами, а союзниками Святослава, боровшимися вместе с ним против византийцев. Мы не должны, однако, преувеличивать степень начинавшегося в X в. сближения двух славянских народов. Для укрепления союза русских и болгар требовались время и благоприятная обстановка, чего не было в распоряжении Святослава.

И Лев Дьякон и другие византийские авторы подтверждают наличие болгар в войске Святослава, причем союзники Святослава, помимо болгар, были также венгры и печенеги. «Русские, — пишет Лев Дьякон, — послали против ромеев войско, присоединив к ним ополчение из гуннов и болгар». То же самое повторяют позднейшие византийские историки — Скилица и Зопапа.

«Воинство варваров, — говорит Скилица, — разделялось на три части: первая состояла из болгар и русских, вторая из турок, третья из печенегов»⁴. Последнее показание особенно важно, так как оно рисует деление войска на три части в зависимости от языка. Русские и болгары, как говорящие на едином славянском языке, составляли одну часть. На основании всех этих данных можно сделать вывод, что болгары и русские далеко не были так

¹ Leonis Diaconi, p. 137.

² Анна Комнина, ed. Bonn, t. II, p. 257.

³ П. Мутафчиев. Указ. соч., стр. 90.

⁴ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 386.

пращеблы друг другу, как это обычно изображается в некоторых исторических трудах.

Появление русских во Фракии в начале 970 г. приблизило их непосредственно к византийским границам, которые и начали подвергаться опустошению. Положение Цимисхия было трудное. Он еще должен был закрепиться на императорском престоле. В царствование Фоки дало трещину сотрудничество византийской церкви и государства. Когда Цимисхий явился для коронования в Софийский собор, патриарх Полиевкт не впустил императора в храм под предлогом, что способ, каким он достиг престола, является преступным. Император должен был пойти на все требования патриарха. Главным из этих требований была отмена законодательных актов Фоки, согласно которым запрещалось основание новых монастырей и проведены мероприятия, затруднявшие увеличение церковного землевладения и накопление церковных богатств. После отмены этих актов движимые и недвижимые богатства широким потоком снова устремляются в церковь.

Для укрепления своего положения Цимисхий должен был сменить значительную часть высшей администрации, создать новую гвардию «бессмертных». Отвоєванная у арабов в 969 г. с такими трудами и успехами Антиохия в 970 г. была осаждена многочисленной арабской армией, к которой присоединились африканские арабы. На выручку Антиохии пришлось двинуть главные византийские военные силы¹.

«Многие заботы, — говорит Лев Дьякон, — колебали душу императора Иоанна. Как бы стоя на распутье, он не знал, по какой идти дороге, боясь уклониться от истинного пути»².

Недостаток в необходимых предметах продовольствия и охвативший многие области голод уже около 3 лет терзали государство ромеев. Движение русских и нашествие карфагян и арабов на сирийскую Антиохию, недавно завоеванную, еще более ухудшали положение.

В Византии царил смятение и растерянность. Иоанн Геометр в своих поэтических произведениях обращается

¹ Leonis Diaconi, p. 102, 103; Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 383.

² Ibid., p. 63.

к тени славного воителя Никифора Фоки, призывая его выйти из гроба и спасти свой народ. В некоторых списках Скилицы приводится стихотворение, начертанное на гробнице Никифора Фоки Иоанном, епископом Евхантиским:

«Тот, кто был крепче мужа и меча, тот сделался легкой добычей женщины и меча. Тот, кто своей силой держал власть над всей землей, теперь занимает самый малый уголок земли. Тот, кто прежде был лицом священным для самих зверей, того убила жена, член, казалось, одного тела. Тот, который и в ночи не давал себе краткого сна, спит теперь долгим сном. Печальное зрелище! Но восстань теперь, император, и собери войска, фаланги и полки. На нас устремляется русское вторжение. Скифские народы яростно порываются к убийствам»¹.

Византийские источники очень субъективно и пристрастно излагают ход дипломатических переговоров 970 г. Цимисхий сначала хотел мирным путем — дарами и обещаниями удалить русских за Дунай. Он предлагал уплатить обещанное Фокой вознаграждение, если русские очистят завоеванные ими болгарские области. Святослав не согласился, а когда ему пригрозили бросить против него все византийское войско, он велел сказать Цимисхию, чтобы тот не трудился выступать против русских, так как скоро он сам разобьет свой стан под Константинополем². Святослав не ставил своей задачей покорение Болгарии, а довольствовался Добруджей; но в то же время он вступил в союзные отношения с Болгарией, обещая ей свою поддержку против греков, угрожавших независимости Болгарии и спустя некоторое время осуществивших свою угрозу.

«Повесть временных лет» сообщает о переговорах в такой форме: греки хотели обнаружить численность русских войск и прибегли к хитрости, обыкновенной в их сношениях с варварами.

«И рькоша гръци: мы недужни противу вас стати, но возьми даъ на нас и на дружину свою и повежете ны колько вас, да вдамы по числу на головы; сеже рькоша гръци, льстяче под Русю: суть бо гръци льстиви и до сего дни. И рече им Святослав: Есть нас 20 тысящ».

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II. p. 378.

² Leonis Diaconi, p. 105—107.

И прерче 10 тысяч: бе бо руси 10 тысящ толки. И при-
строиша гръци 100 тысяч на Святослава и не даши дани»¹.

Неудача переговоров привела к военным действиям. Русские передовые отряды, усиленные болгарами и мадьярами, вступили во владения империи и, не встречая сопротивления, дошли до Аркадиополя (Люле-Бургас), все опустошая на своем пути. Здесь им преградило путь высланное Цимисхием войско в 12 тыс. чел. под начальством магистра Варды Склира и патрикия Петра, прославившегося при взятии Антиохии².

Византийские источники говорят о решительном поражении русских и их союзников. Русская летопись называет Святослава победителем³.

Историки также расходятся во взглядах. Одни доверяют рассказу византийцев. Другие (Дринов, Белов) отдают предпочтение повествованию русской летописи⁴.

Что рассказ летописи относится к Аркадиопольской битве, видно из слов летописи: «и поиде Святослав, воюя городу и другие города разбивая». «Поиде воюя городу» — значит, пошел к Царьграду. Затем в летописи прямо сказано о возвращении Святослава в Переяславец по получении даров.

Но летопись допускает ошибку, относя Аркадиопольскую битву к 971 г., тогда как она, несомненно, произошла летом 970 г. Если признать, что победа осталась за русскими, то непонятно, почему победители не двинулись на Царьград, почему потерпевший поражение Варда Склир немедленно получает особый знак доверия к его военным способностям, посылается против восставшего Варды Фоки и становится самым видным из византийских полководцев, пытавшимся после смерти Цимисхия даже захватить императорскую корону. Таким образом, источники показывают, что в Аркадиопольской битве перевес оказался на стороне Византии и русские были вынуждены отступить. Но, очевидно, сами греки не придавали этой

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

² Skylitzes-Sedreni, t. II, p. 667.

³ Leonis Diaconi, p. 65—66; Zonaras, t. II, p. 210; «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

⁴ М. Дринов. Соч., т. I, стр. 471; Е. А. Белов. Борьба Святослава Игоревича с Иоанном Цимисхием. ЖМНП, ч. 176, 1873, стр. 177.

победе серьезного значения и готовились к дальнейшей борьбе.

Лев Дьякон сообщает, что тотчас же после Адрианопольского сражения Цимисхий приказал азиатским войскам переправиться через Геллеспонт в Европу, провести зиму во Фракии и Македонии и готовиться к войне с врагами¹. Распоряжения Цимисхия оказались, однако, невыполнимыми, так как около этого времени в Азии вспыхнуло очень опасное для Цимисхия восстание племянника Никифора — Варды Фоки. Это восстание сделало невозможной переправу азиатских войск в Европу. Скилица сообщает, что немедленно после Аркадиопольского сражения Склир получил приказ прибыть в Константинополь для принятия начальства над малоазиатскими войсками, посылаемыми против мятежника². «Когда скифы, — пишет Лев Дьякон, — узнали об отправлении Варды Склира из Европы в Азию, то начали опять сильно разорять римские области. Неожиданными набегами они опустошили и ограбили Македонию»³. Лев Дьякон сурово осуждает оставленного начальствовать над римскими войсками магистра Иоанна Куркуаса — человека, «преданного пьянству, лени и не способного к военным предприятиям»⁴. Неудачи Куркуаса свидетельствуют, что Аркадиопольская битва не имела серьезных последствий и незначительно ослабила военные силы русских.

Вслед за тем Лев Дьякон сообщает, что император, выведенный из терпения наглой дерзостью русских, решил собрать все силы и вести их в бой, приказал приготовить огненосные суда и доставить в Адрианополь хлеб и оружие, необходимые для войска⁵.

Но Цимисхий мог начать этот поход только после подавления восстания в Малой Азии. Пока восстание не было подавлено, положение его было очень тяжелым. Византийские источники не сообщают ни слова о мирных переговорах во время восстания Фоки. В «Повести временных

¹ Leonis Diaconi, p. 111.

² Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 388.

³ В Византии под именем Македонской фемы известны были владения, расположенные в современной Фракии, вокруг Адрианополя, который тогда считался главным городом этой фемы.

⁴ Leonis Diaconi, p. 126.

⁵ Ibid.

лет», однако, имеется указание, что византийцы «даша ему (Святославу) дасть. Имашеть же и за убьенныя, глаголя, яко род его возмет. Взя же и дары многия и возвратися в Переяславец с похвалою великою»¹. Предположение, что Цимисхий, находясь во время восстания Варды Фоки в очень тяжелом положении, мог дарами, обещаниями выиграть время и обмануть русских, находит сильное подтверждение в обстоятельствах, при которых развернулась кампания 971 г.

Нам непонятно, куда исчезли в конце 970 и в начале 971 г. русские отряды, опустошавшие Македонию, почему Святослав в 971 г. так мало ожидал военных действий, что находился в Доростоле, на северной границе Болгарии, а болгарская столица Преслав была занята только небольшим русским гарнизоном, почему Балканские проходы, в которых погибло раньше столько византийских армий и через которые Цимисхий с таким трудом уговорил пройти свое войско, остались без русских и болгарских гарнизонов. Лев Дьякон подчеркивает, что надежды Цимисхия перейти Балканы и попасть в Северную Болгарию основывались единственно на том, что русские не ожидали войны и не были к ней готовы².

Неясно, откуда у него могла возникнуть такая твердая уверенность, если она не была подготовлена дипломатическим путем. Ввиду этого известную долю вероятности имеет высказанное еще Чертковым предположение, что Цимисхий обманул Святослава дарами и обещаниями³.

Мы не можем огульно отвергать все сообщения летописи и рабски следовать за византийскими источниками. Как показал наш анализ, только «Повесть временных лет» указывает верную дату первого похода Святослава в Болгарию и только она излагает причины, заставившие Святослава в 968 г. вернуться в Киев.

Критика уже давно отметила некоторые несообразности в летописном рассказе о второй половине княжения Святослава, например, умолчание о военных неудачах. Вполне естественно, что в народном предании сохранилось воспоминание только о победах Святослава.

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

² Leonis Diaconi, p. 131.

³ А. Чертков. Указ. соч., стр. 48.

В борьбе с призванным сю самой в Болгарию русским князем Византия несколько раз испытывала сильные поражения. Все это запечатлевалось в памяти народной и заглушало воспоминания о конечной неудаче.

Однако Цимисхий не думал мириться со Святославом. Если соглашение и было заключено, то со стороны византийского императора оно было лишь хитростью, при помощи которой он надеялся удалить русских из пределов империи, усыпить их бдительность, чтобы иметь возможность подавить восстание Варды Фоки и лучше подготовиться к походу, который и был предпринят весной 971 г.

Между историками до настоящего времени существуют разногласия относительно даты похода. Многие историки, основываясь на авторитете Васильевского (Г. Шлюмберже, В. Н. Златарский, С. Рансимен, Б. Д. Греков), началом похода считают 972 год. В подтверждение своего мнения они приводят также сообщение Льва Дьякона, что Иоанн Цимисхий в ноябре второго года своего царствования женился на порфирородной Феодоре и, в течение зимы закончив приготовления, ранней весной отправился в поход против русских в Болгарию¹. Считается само собой разумеющимся, что Лев Дьякон исчисляет годы правления Цимисхия, начиная с декабря 969 г., когда Цимисхий вступил на престол. Под вторым годом царствования этого императора следует понимать время с декабря 970 г. до декабря 971 г. и, значит, под ноябрем второго года его правления — ноябрь 971 г., а под следующей весной — весну 972 г. Так как Лев Дьякон был современником событий, то его авторитет является преобладающим, и потому большинство современных историков полагают, что Цимисхий выступил в указанный поход в 972, а не в 971 г. Но еще во времена Дюканжа были историки, датиовавшие этот поход 971 г. Из советских историков, отстаивающих эту дату, можно назвать Шангина, Мавродина². Надо признать, что именно они устанавливают

¹ Leonis Diaconi, p. 127.

² В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 280; F. Dölger. *Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen.* «Byz. Zeitschr.», Bd. 32, 1932; C. Collinet. *Les expéditions byzantines contre les russes sous Jean Tzimiscès.* «Rev. hist. du Sud-Est Européen», vol. XIII, № 10—12; H. Grégoire. *La dernière campagne de Jean Tzimiscès contre les russes.* «Byzantion», t. XII, 1937, p. 20.

правильную хронологическую дату. Свидетельство Льва Дьякона не может иметь перевеса над единогласными свидетельствами трех один от другого не зависящих источников, т. е. Скилицы, Яхьи и «Повести временных лет», относящих поход Цимисхия к 971 г. У Скилицы мы читаем, что Цимисхий отправился в поход во втором году своего царствования (δεύτερω δὲ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐπελλεν ἐπιστρατεύειν)¹.

М. Я. Сюзюмов пытался доказать, что в тех частях своей хроники, где он говорит о Никифоре Фоке и Цимисхии, Скилица не находится в зависимости, как это прежде считалось, от Льва Дьякона, хотя его показания часто дословно совпадают с показаниями последнего. По мнению Сюзюмова, оба они используют один и тот же неизвестный источник². Принимая эту установку Сюзюмова, Дольгер предполагает, что этот источник в части, повествующей о Цимисхии, содержал приблизительно следующую фразу: «Намереваясь во втором году своего правления идти походом против русских, он [Святослав] в ноябре устроил народу и войску торжество и развлечения». Пересказывая это место, Лев Дьякон мог по ошибке отнести ко второму году царствования Цимисхия и время его свадьбы, т. е. ноябрь 970 г.³

Но предположение Сюзюмова едва ли можно принять, так как Лев Дьякон был современником Цимисхия и трудно допустить, что уже до него мог появиться исторический труд, которым он пользовался. Несомненно, однако, и то, что, кроме произведений Льва Дьякона, Скилица использовал другой, очень ценный источник, — возможно, работы Федора Севастийского — историка Василия Болгаробойцы, о которых он сам упоминает⁴.

Яхья Антиохийский⁵, оставивший нам немало ценных сведений о царствовании Василия II, говорит, что в 360 г. гиждры (начавшемся 4 ноября 970 г. и кончившемся 23 октября 971 г.) египетские войска 5 месяцев стояли

¹ Skylitzes-Sedreni, t. II, p. 342.

² М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. «Византийское обозрение», т. II, 1916, стр. 106.

³ F. Dölger. Op. cit., S. 274.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 4.

⁵ В. Ф. Розея. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 182.

под Антиохией и в это самое время «Иоанн Цимисхий находился в Болгарии, воюя ее». Мало того, как бы предвидя вопросы В. Г. Васильевского, Яхья объясняет, что делал император Цимисхий в 972 г.¹

Такое совпадение трех не зависимых один от другого источников не может быть случайным. На этом основании некоторые историки считают, что Лев Дьякон просто допустил ошибку, относя женитьбу Цимисхия к поябрю второго года его правления. Эта ошибка, по их мнению, могла произойти и оттого, что поябрь первого фактического года правления Цимисхия был очень близок к начальной дате второго года его царствования, т. е. 11 декабря 970 г., а празднества и пиршества, которые Цимисхий устроил для константинопольского населения по поводу своей свадьбы с дочерью Константина Порфирородного, вероятно, продолжались и в начале второго фактического года его правления². Но Анастасевич показал, что нельзя говорить и об ошибке, будто бы допущенной Львом Дьяконом, что и по Льву Дьякону Цимисхий предпринял свой поход в 971, а не в 972 г. Во времена Льва Дьякона византийцы считали годы правления своих императоров не со дня вступления на престол, т. е. не по фактическим годам их царствования, а по календарным годам — индиктам, причем год начинался с 1 сентября и оканчивался 31 августа. Поэтому и Лев Дьякон в вышеупомянутом месте считает годы царствования Цимисхия не со дня его воцарения — 11 декабря 969 г., а от начала тогдашнего, 13-го индикта, т. е. с 1 сентября 969 г. Следовательно, в произведениях Льва Дьякона, как и в прочих источниках, выступление Цимисхия в поход против Святослава относится к весне 971 г.³

Восстание Варды Фоки не получило большого развития и было подавлено без особого труда. Поэтому ранней весной 971 г. Цимисхий с основными сухопутными силами империи двинулся через Адрианополь к Балканским горам. В то же время флот в 300 огненосных кораблей был отправлен к берегам Дуная с тем, чтобы преградить русским путь к отступлению. Балканские клисуры не охра-

¹ В. Ф. Розен, указ. соч., стр. 184.

² F. Dölger. Op. cit., S. 274.

³ Д. Н. Анастасевич. Царский год в Византии. «Seminarium Kondakovianum», vol. XI, Prague, 1940, p. 198.

нялись русскими, что служит доказательством неожиданности нападения византийцев. Сам Цимисхий вел передовые части — 15 тыс. пехоты и 13 тыс. всадников — вместе с вновь набранным гвардейским отрядом «бессмертными». За ними следовал паракимомен Василий с остальными войсками и обозом¹. Русские узнали о движении византийцев только тогда, когда византийское войско, пройдя благополучно горные теснины, густыми массами устремилось к Преславу, лежащему у северных подножий Балканских гор. Незначительный русский гарнизон Преслава, в состав которого входили и болгары, не мог успешно защищать обширное пространство болгарской столицы. Защитники города стянулись в царские дворцы, окруженные высокими стенами. Все попытки византийцев проникнуть в цитадель были отбиты с большими для них потерями. Не помогло и присутствие самого императора, который лично явился руководить штурмом. Тогда Цимисхий распорядился пустить в ход огонь. Когда начали бросать в дворцы горящие головни и эти дворцы были охвачены пламенем, защитники Преслава вышли из укрытия. Окруженные неприятелем, они большей частью были перебиты, но никто не просил пощады. Русскому воеводе Сфенкелу с остатками его отряда удалось все же прорваться и уйти к Святославу. 14 апреля 971 г. после двухдневных тяжелых боев Цимисхий овладел Преславом. В Преславе византийцам удалось взять в плен болгарского царя Бориса. Падение Преслава произвело сильное впечатление на болгар. С искусным расчетом Цимисхий сеял среди них иллюзию, что его приход несет болгарам свободу. После взятия Преслава он объявил Борису и уцелевшим преславским болгарам, что несет им не рабство, а освобождение². Цимисхий старался не допустить по отношению к болгарскому населению обычных во время войны эксцессов, хотя, как показывает уже приведенный нами пример хищничества Иоанна Куркуаса, эксцессы все же бывали. Поэтому города и области начали отпадать от русских и переходить на сторону Цимисхия, придававшего своему походу вид войны за освобождение болгар от русского ига. Простояв несколько дней в Преславе,

¹ Leonis Diaconi, p. 137.

² Ibid., p. 136.

Цимисхий двинулся в дальнейший поход по направлению к Доростолу, где находился Святослав. Заняв по дороге без сопротивления Плиску (Плесков) и другие болгарские города, византийцы подошли 23 апреля к Доростолу.

Отпадение болгар, начавшееся после взятия Преслава, означало провал всего, что было достигнуто русским князем. Он не чувствовал себя безопасным и в Доростоле, так как часть его гарнизона состояла из болгар. «Когда он видел, — говорит Лев Дьякон, — что болгары отказывались от своего союза с ним, он, после долгой внутренней борьбы (πολλὰ γνῶσθι καὶ χῆσις), поняв, что если они объединятся с ромеями, то дело его погибло, велел перебить и ввергнуть в оковы болгарских военачальников и воинов в Доростоле»¹.

При этом нужно оговориться, что только Силистрийская, Малопреславская, Преславская, Филиппопольская Болгария подвергалась русской и византийской оккупации, а затем была захвачена Византией. Это были области, оставшиеся верными царю Петру, в то время как другие — западные — отложились и составили особое политическое образование под управлением комитопулов. Таким образом, и Византия и Святослав имели дело только с восточной половиной болгарской земли.

С появлением византийцев под Доростолом начинается его длительная осада. Через несколько дней после прибытия сухопутного византийского войска на Дунае появились византийские огненосные суда. Тогда русские вытащили свои суда на сушу, чтобы они не были сожжены.

Затем начались ожесточенные бои между русскими и византийцами под стенами Доростола. В «Повести временных лет» не упоминается об этих боях. Описания Льва Дьякона и Скилицы окрашены обычным для них колоритом греческого хвастовства. Однако Лев Дьякон дает все же некоторые ценные сведения о войске Святослава. Известно, что войско Святослава состояло из дружин и «воев». Это войско уже сделалось принадлежностью аппарата государственной власти, не теряя, однако, в своей организации многих черт периода военной демократии. Войско — попрежнему народ, но не весь, а собираемый по мере надобности в количестве, определяемом размерами

¹ Leonis Diaconi, p. 136.

данного военного предприятия, и частично вооружаемый за счет государства. Описывая начало похода, Лев Дьякон указывает, что Святослав все юношество тавроскифов призвал к походу¹. Легко догадаться, что здесь имеется в виду усиленный набор войска, «нарубаше воев», а не действия с наемными дружинами. Среди воев были как сельчане, так и горожане. Кроме «воев» и «дружныи», в состав войска Святослава входили болгары, но об их участии в боях под Доростолом не упоминается. У Льва Дьякона мы узнаем, что основную массу войска Святослава составляли пешие воины. У него имеются неоднократные указания, что русские — «пехотные воины и у них не было обыкновения сражаться на конях, что только в войне с византийцами у них появилась конница². Вооружение русских воинов составляли мечи, копья, луки со стрелами, ножи, топоры, а от ударов вражеского оружия их защищали большие, «до самых ног» щиты, шлемы и кольчуги. Сомкнув щиты и копья, наподобие стены, они противостояли византийцам³.

Лев Дьякон подчеркивает выдающуюся храбрость и спайку русского войска. «Этот народ, — по его словам, — отважен до безумия; храбр, силен, нападает на все соседние народы». «Русские, — говорит он, описывая первую битву под Доростолом, — приобретшие славу победителей у соседних народов, почитая ужасным бедствием лишиться ее, сражались отчаянно»⁴.

Оказавшись в трудном положении в Доростоле, испытывая недостаток в продовольствии, Святослав, по сообщению Льва Дьякона, произнес на военном совете следующую речь: «Погибнет слава, спутница оружия россос, без труда побеждавшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. Итак, с храбростью предков наших и сознанием, что русская сила была до сего времени непобедимой, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славой»⁵. «Повести временных лет» также

¹ Leonis Diасoni, p. 77.

² Ibid., p. 143.

³ Ibid., p. 140.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 151.

известна эта знаменитая речь Святослава: «Уже нам покамо ся дети, волей и неволей стати противу. Да не посрамим земли русские, но ляжем костьми ту; мертвыи бо срама не имам; аще ли побегнем, срам имам; ни имам бжати, но станем крепко. Аз же пред вами пойду. Аще глава моя ляжет, то промыслите собой»¹.

Еще ближе к нашей летописи та же речь Святослава передана Скилицей, хотя у него и не выдержано прямого обращения к слушателям. Не забудем, что, помимо Льва Дьякона, Скилица пользовался еще и другим источником — произведениями современного описываемым событиям писателя.

Изложив речь Святослава, сказанную на военном совете, Лев Дьякон добавляет: «говорят, что побежденные тавроскифы никогда не сдаются неприятелям, но, пронзая грудь мечами, себя убивают»². Эти высказывания Льва Дьякона нельзя игнорировать. У византийского историка конца X в. не было и не могло быть никакого интереса и желания приписывать русским несуществующие военные доблести. Эти отзывы отражают только реальные исторические факты.

И действительно, византийские источники не знают ни одного случая проявления русскими измены или трусости во время длительных и тяжелых, притом сопряженных с острыми материальными лишениями, боев под Доростолом. Смелость и храбрость, обнаруженные русскими в боях на Дунае, являются прекрасным опровержением утверждения норманистов, что в X в. норманны господствовали на Руси над поработоченными славянами. Норманисты не решаются утверждать, что войско Святослава, в течение 3 месяцев сражавшееся с главными силами византийской армии, целиком или в большинстве своем состояло из норманнов. Но если большинство его было славянским, то чем объяснить высокую воинскую выдержку и сплоченность, какую русские проявили на Дунае. На этот вопрос норманисты ответить не могут, так как господство варягов могло сделать всех восточных славян покорными подданными, но не воинами, на которых можно

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

² Leonis Diaconi, p. 140.

было бы положиться в войне против Византии. Известно, чего стоят войска, набранные насильственно и принужденные биться ради интересов своих угнетателей. У Льва Дьякона можно найти и другие указания на то, кто были «тавры», составлявшие войско Святослава. Это было юношество, которое отправлялось вместе с ним в далекую Болгарию.

Лев Дьякон рассказывает, что в 970 г., когда переговоры потерпели неудачу и Цимисхий выставил против русских заслон во Фракии под командой Варды Склира и патрикия Петра, Цимисхий приказал послать в неприятельский стан воинов, одетых в скифское платье и знающих оба языка, с тем чтобы они разузнавали намерения врагов и доносили ему¹. Этими двумя языками, знание которых требовалось от разведчиков, могли быть только греческий и славянский языки. Таких лиц в Византии было множество. Варяжские наемники, даже если предположить их наличие в Византии в то время, обычно не знали греческого языка, вследствие чего к ним всегда прикомандировывали переводчиков; а если бы и знали, то византийцы не рискнули бы посылать их к своим соплеменникам. Но раз византийцы посылали в русский лагерь шпионов, знающих славянский язык, то, очевидно, войско Святослава говорило на славянском языке. Когда в 970 г. оно сражалось с византийцами, имея союзниками болгар, венгров и печенегов, то русские выстраивались вместе с болгарами, как говорящие на едином славянском языке². Сообщая, что катархонта тавров зовут Святославом, Лев Дьякон прибавляет, что так его называют тавры, давая тем самым понять, что только тавры — славяне — могли дать своему князю славянское имя³.

Таким образом, известия Льва Дьякона, Скилицы, Кедрина, Зонары о войнах Святослава с Цимисхием не дают ни одного факта, который указывал бы, что среди туземного славянского населения Русь занимала какое-то обособленное положение как племя пришлое, угнетающее восточнославянские племена. Мы не видим в русском войске никакой розни и вражды. Наоборот, византийские

¹ Leonis Diaconi, p. 108.

² Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 386.

³ Leonis Diaconi, p. 150.

источники дают богатый материал, показывающий, что русское войско Святослава представляло крепко спаянное, монолитное целое.

Несмотря на большую храбрость, проявленную русскими под Доростолом, положение их все же было тяжелым. Союзники от них отпали, а вследствие притирки византийской дипломатии печенег выступили враждебно против Руси. Святослав, по летописи, говорил: «А руска земля далечи, а печенеги с нами ратьни, а кто вы поможет»¹.

Положение русских в Доростоле было очень затруднительным, прежде всего, из-за недостатка продовольствия. Об этом свидетельствуют и Скилица и наша летопись. «Неприятель, — рассказывает Скилица, — терпел голод и римляне, корабли которых закрывали всякий выход из Доростола, сделали невозможным для него получение съестных припасов». В то же время византийский лагерь ни в чем не испытывал недостатка. «Все блага, — говорит Скилица, — в изобилии ежедневно стекались к нашим войнам, и свежие войска; как пехотные, так и всадники, подкрепляли римское ополчение и заменяли убитых. Непрерывными вылазками Святослав не давал византийцам покоя и добывал продовольствие»².

Но основной смысл ожесточенных боев под стенами Доростола заключался в том, что Святослав употреблял все усилия, чтобы разбить Цимисхия наголову; последний же пытался отрезать Святославу отступление в Доростол, истребить его войско, а так как это ему не удавалось, он старался голодом принудить русских к сдаче. Святослав ни разу не дал себя отрезать от Доростола, но он не мог и разбить превосходящее по численности и хорошо обученное войско Цимисхия. Бой под Доростолом затянулся на 65 дней. Вылазки и кровавые битвы дорого стоили и византийцам и русским. Потери в войсках и голод заставили Святослава искать мира. По летописи, он не думал оставлять свои планы относительно Болгарии, но ему нужно было собрать новые силы. Длительное пребывание под Доростолом тяготило и Цимис-

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

² Skulitzov-Sodreni, t. II, p. 403, 405.

хия. Он еще не успел прочно укрепиться у власти, и заговор Льва Фоки, брата убитого в 971 г. императора, ясно показывал, как опасна была для Цимисхия долговременная отлучка из столицы.

Результатом переговоров было заключение в «Дерестре» между Святославом и Цимисхием договора, датированного июлем 971 г. Согласно этому договору, Святослав обязался впредь не воевать с Византией, не поднимать против нее другие народы, не воевать ни в Корсунской стране, ни в Болгарии, не претендовать на византийские земли, а в случае если империя подвергнется нападению или будет нуждаться в помощи русских, — оказывать ей поддержку. Договор был закреплен клятвой Перуну и Волосу, «скотью богу»¹.

Святослав должен был сдать Доростол и всех пленных. Император, по словам Льва Дьякона, обязывался дать ему возможность беспрепятственно выйти по Дунаю в море и выдать русским по две меры (медимна) хлеба на каждого из 22 тыс. воинов, оставшихся у Святослава². Возобновлен был, повидимому, и старый договор 944 г., регулирующий торговые и дипломатические сношения обоих государств.

Враги встретились на Дунае. На берега Дуная прибыл Цимисхий в пышных одеждах и в позолоченном вооружении. Его сопровождала многочисленная свита в блестящих доспехах. Святослав подъехал к нему на лодке, гребя веслом наравне с прочими. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, не отличавшаяся. Он брил бороду и волосы, только на голове висел локон волос, означавший знатность рода³. В наружности Святослава, как она описана Львом Дьяконом, не было ничего норманского. Славянские источники свидетельствуют о всеславянском обычае бритья или стрижки головы и бороды. На Руси стали отпускать волосы и бороду только после принятия христианства. Как видно из описания Льва Дьякона, Святослав по облику своему ничем не отличался от любого «воля» его дружины.

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

² Leonis] *D i a c o n i*, p. 156.

³ *Ibid.*, p. 156—157.

Пока продолжалась борьба, Цимисхий уверял болгар, что не думает удерживать их в своей власти и хлопотать единственно об удалении с их родины врага, опасного для византийских владений. Впоследствии, однако, обнаружилось, что эти уверения Цимисхия были не искренни. По окончании войны он объявил запятые им болгарские области византийскими владениями, поставил над ними византийских правителей, оставил гарнизоны, необходимые для удержания их в покорности¹. Великий Преслав был переименован в Иоаннополь, Силстрия — в Феодорополь, по имени св. Феодора Стратилата, который якобы помогал византийцам при взятии этого города. Не довольствуясь политическим подчинением этих областей, Цимисхий уничтожил и их церковную самостоятельность. По окончании этих дел он направился к столице, взяв с собой Бориса II, его жену, детей и брата Романа, т. е. всех членов болгарской царской фамилии.

Зонара и Кедрни сообщают, что при свидании с императором Святослав просил его побудить печенегов не мешать возвращению русских в свою страну². Иоанн Цимисхий будто бы отправил с этой целью к печенегам Феофила Евхастского в качестве своего посланника. Но у печенегов, по сообщению византийских источников, эта просьба не встретила никакого отклика³. На самом же деле печенеги были предупреждены греками, — в источниках в качестве осведомителей печенегов фигурируют жители Переяславца, — что дружина русских мала, а именья у них много. Святослав все еще был очень опасен для Византии, и Византии было выгодно добить его руками печенегов. Свенельд предупреждал Святослава, что обычный путь через пороги опасен, что там печенеги попытаются напасть на русских и отобрать богатую добычу, которую они везли с собой. Он предлагал вернуться в Киев сухим путем, через правобережные степи. Однако Святослав, быть может, не желая покидать на произвол судьбы раненых и больных, не послушал совета воеводы и поднялся в ладьях по Днепру к порогам. Но печенеги были уже предупреждены греками и собрались у поро-

¹ Skylitzes-Cedroni, t. II, p. 401.

² Ibid., p. 682; Zonaras, t. II, p. 204.

³ Ibid., t. II, p. 688.

гов. Пробриться через печенежские орды Святослав не мог и вынужден был зазимовать на Белобережье. Здесь снова русским воинам пришлось страдать от голода: «И бе глад велик, яко по полугривне голове коняче»¹.

Весной 972 г. Святослав снова решил сделать попытку пробиться через пороги. Здесь на малое русское войско, ослабленное голодовкой, напали орды печенежского князя Кури. Святослав был убит, а Свенельд явился в Киев к Ярополку².

Поход Святослава против Византии окончился полной неудачей, но Святослав продемонстрировал силу русского оружия, и Византия надолго сохранила страх перед храбростью русских воинов.

Поход этот был вызван самой Византией, пытавшейся в своих дипломатических комбинациях использовать русского князя как простого военного наемника. Но, по справедливому замечанию академика Б. Д. Грекова, «во всем ходе этого сложного комплекса событий видно, что Киевское государство, идя на предложения византийского правительства, никогда не поступалось собственными интересами, никогда не теряло своей инициативы и всегда заставляло серьезно считаться с собой»³.

Походы Святослава иллюстрируют возросшую мощь Киевской Руси. Разгромив хазар и волжских болгар, оккупировав восточную часть Дунайской Болгарии, Русь становилась первостепенной политической силой и, по существу, добивалась гегемонии в Восточной Европе. Святослав потерпел неудачу на Дунае потому, что, будучи отрезанным от своей родины, не получая подкреплений, он должен был сражаться со всеми силами византийской армии в период ее наивысшего расцвета, когда она, бесспорно, была наиболее хорошо организованной и обученной армией Европы и находилась под командованием одного из лучших своих полководцев.

Следует отметить, что политика Святослава была глубоко отлична от политики Ольги. Игорь и Святослав организовали большие завоевательные предприятия,

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 971 г.

² Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 66.

³ Там же.

сражаясь со своими дружинами вдали от родины, тогда как политика Ольги была направлена на укрепление власти над восточнославянскими племенами, на урегулирование обложения, на организацию самого великокняжеского дома. Внешняя политика Ольги ярко отражена в ее путешествии в 957 г. в Константинополь с мирной миссией, завершившейся крещением княгини. Установление мирных, союзнических отношений с более старыми феодальными государствами, сопровождавшееся принятием их господствующей религии, типично для политики феодальных кругов в раннем средневековье не для одной только Руси. Принятием христианства Ольга укрепляла тенденцию, наметившуюся уже значительно раньше и в 944 г. нашедшую отражение в том, что в составе Игоревой дружины имелась уже значительная группа «христианской Руси».

Однако процесс христианизации Руси, очевидно, протекал не гладко и вызывал резко враждебное отношение в среде старой, военно-рабовладельческой группировки, выражением стремлений и идеалов которой и была политика Святослава.

К ВОПРОСУ О «ЗАПИСКЕ ГРЕЧЕСКОГО ТОПАРХА»

Три отрывка этой «Записки» в 1819 г. издал известный французский византинист К. Б. Газе (1780—1864) в комментарии к произведениям Льва Дьякона — сочинении, впервые напечатанном им по поручению русского канцлера Н. Н. Румянцева. «Записку греческого топарха» Газе нашел в одном кодексе, который содержал разные письма Василия Великого, Фаларида и Григория Назианзина и по почерку был отнесен к концу X в. Отрывки были написаны на пустых страницах этого кодекса, не подряд, а в разных местах, другой рукой, и принадлежат к несколько более позднему времени. Эти заметки не были похожи на копию готового сочинения. Они были испещрены поправками. Многие слова зачеркнуты, написаны наверху, заменены другими¹. Для Газе не было никакого сомнения, что автор этих заметок был владельцем кодекса и заметки представляют его автограф. Кодекс, в котором был отыскан этот любопытный документ, не принадлежал к постоянному фонду Парижской национальной библиотеки. Он был приобретением времени революционных и наполеоновских побед и контрибуций. В предисловии Газе говорит, что он работал над кодексом, который не так давно был привезен из Италии, а в его комментарии сказано, что «этот кодекс раньше принадлежал королевской библиотеке». Из сопоставления этих слов мы вправе заключить, что рукопись была привезена Наполеоном из Италии как добыча среди других произве-

¹ Praefatio, ed. Bonn, XVI, XXXI: «Litteris minutis perplatisque admodum, nec multo quam ipse codex recentioribus».

дений искусства и литературы, а после поражения Наполеона возвращена в Италию.

После Газе никто больше не видел этой рукописи. Если она не погибла на обратном пути в Италию, то должна храниться в одной из итальянских библиотек. Однако до настоящего времени попытки отыскать ее в Италии были напрасны¹. Так как систематические и полные каталоги греческих рукописей, хранящихся в богатейших библиотеках Италии, только недавно стали выходить в свет, то еще не потеряна надежда обнаружить эту рукопись. Во всяком случае, нет никакого основания сомневаться в существовании фрагментов и нельзя допускать возможность подделки и фальсификации со стороны такого серьезного ученого, каким был Газе.

Отрывки, напечатанные Газе, породили у нас целую литературу, но содержание их до настоящего времени остается загадочным. Объясняется это, во-первых, особенностями самого памятника, о котором Ф. И. Успенский писал: «Памятник представляет мало реальных черт, чтобы сделать о нем положительное заключение», во-вторых — стремлением, без достаточных к тому оснований, связать этот памятник с историей крымских готв. Известно, что все события истории Руси IX—X вв. норманистская теория пыталась рассматривать как результат деятельности германской расы.

Издатель отрывков Газе выявил связь между описываемыми в них событиями и указанием Льва Дьякона о взятии Херсонеса «тавроскифами»². Газе отметил, что упоминание о климатах дает основание приурочивать эти события к Херсонесу Таврическому. Этим он, впрочем, и ограничился в объяснении отрывков и писал: «А какой это народ, которому начальник отряда, кто бы он ни был, отдал вверенный ему город, — об этом пусть рассудят ученые, соединяющие знание тех времен с здравым суждением». Однако для нас остаются очень важными палеографические наблюдения Газе. Так как эти отрывки представляют собой автограф, то время их появления

¹ А. К у н и к. О записке готского топарха. СПб., 1874, стр. 65—66; В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 138.

² Leonis Diaconi, ed. Bonn, p. 496: «Haec est illa Chersonis a Wladimiro occupatio».

определяется временем рукописи. Газе отнес кодекс, в который они вписаны, к концу X в., а почерк самых отрывков характеризовал как несколько более поздний — начала XI в. До тех пор, пока не удастся разыскать рукописи и проверить утверждение Газе, очевидно, должна оставаться в силе утвержденная им по палеографическим данным хронология рукописи.

За намек Газе ухватился А. Куник. Куник видит в авторе «Записки» уже не корсунского стратига и наместника, а топарха готских климатов, или областей, на юге Крымского полуострова¹. В неприятелях, которые опустошали соседние с готскими поселениями области Тавриды, Куник видит хазар, но в князе, которому покорились или, лучше сказать, протекторат которого признали теснимые хазарами готы, — русского князя, скорее всего Святослава. Начало протектората русских князей над областью крымских готов Куник относит к 940 г. и предполагает, что протекторат этот продолжался до смерти Святослава. Куник считает, что в X в. готы пользовались в Крыму значительной самостоятельностью, имели своего выборного представителя — топарха, который отстаивал их интересы. Расходясь с Куником в вопросе о роли готов, все другие исследователи до Васильевского также приходили к заключению, что местом, где происходили события, описываемые в отрывках, был южный берег Крыма².

В своем исследовании о греческом топархе, выпущенном в 1876 г., в котором дан перевод отрывков с весьма ценным историко-филологическим комментарием, В. Г. Васильевский приходит к совершенно другим выводам³.

¹ А. Куник. О записке Безымянного Таврического (Anonymus Tauricus). Отчет о 14-м присуждении наград графа Уварова 25/IX 1871 г., стр. 106—110; е го ж е. О записке готского топарха.

² В. К ö h n e. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesus in Taurien. St. Petersburg, 1848, S. 220—222. С. А. Геденов считал, что события происходили при Святославе. См. «Отрывки о варяжском вопросе», «Зап. имп. Акад. наук», т. I, 1862, стр. 66—70. Н. П. Ламбин относил события ко времени Олега: «Поход Олега», ЖМНП, июль 1873, стр. 126; Д. Н. И л о в а й с к и й. Разыскания о начале Руси. М., 1882.

³ В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. Труды, т. IV, Л., 1930; е го ж е. Записка греческого топарха. ЖМНП, ч. 185, 1876, стр. 368—434. Перепечатано в кн.: В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 136—212; е го ж е. О построении крепости Саркел. ЖМНП, ч. 265, 1883, стр. 282—285.

Еще Куник был вынужден отметить несоответствие некоторых выражений отрывков с приурочением их к Крыму. Васильевский доказывал, что упоминание о местности «на север от Дуная» и города Маврокастропа приводит к мысли о том, что это была местность придунайская. По его мнению, слово «климаты» может относиться не только к климатам в Крыму, но и употребляться для обозначения весьма разнообразных местностей; он полагает, что «климаты» наших отрывков не область, а город. Васильевский локализовал этот город в *κλέμδες*. — одной из юстиниановских крепостей на среднем Дунае, упоминаемых Прокопием.

В целом Васильевский много сделал для разъяснения загадочных фрагментов, и эта работа, так же как другие работы Васильевского, до настоящего времени не утратила своей ценности. К сожалению, впадая в противоречие с тем самым отстаиваемыми хронологическими определениями Газе, Васильевский старается поставить содержание отрывков в связь с походом Святослава на Болгарию. Быть может, поэтому выводы Васильевского не получили должного признания в русской научной литературе.

С критикой взглядов В. Г. Васильевского выступил П. Бурачков, без достаточных оснований помещавший климаты на Днепре, к югу от Карийской переправы¹.

Бурачков предполагает, что восточславянское племя уличей незадолго до 944 г. нарушило свои отношения с корсунянами и в союзе с черными болгарами начало тревожить корсунские волости и города, находившиеся вне Крыма, по дороге к Днепру. Под «царствующим к северу от Дуная» Бурачков подразумевает Игоря.

Ф. И. Успенский и П. Н. Милюков сделали попытку освободиться окончательно от хронологического построения Газе и перестали искать объяснения отрывков в области исключительно русско-византийских отношений. В 1881 г. Ф. И. Успенский высказал свое мнение о содержании «Записки» в работе «Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв.»².

¹ П. Т. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, т. 192, 1877, стр. 199—252.

² «Киевская старина», т. 25, № 5—6, 1889, стр. 253—294. Изд. отдельно: Киев, 1889.

Успенский одинаково решительно возражал против положений Куника и Васильевского. Отбрасывая хронологические данные Газе, он приурочивает содержание «Записки» к 903—904 гг., отождествляет «царствующего к северу от Дуная» с Симеоном, царем болгарским, переносит климаты на Дон и усматривает в авторе «Записки» византийского военачальника, задача которого якобы заключалась в расширении греческих владений и в усилении византийского влияния к северу от Крыма. Военная экспедиция была предпринята в населенную хазарами область. Для укрепления власти Византии и защиты сочувствующих ей хазар этот военачальник считал нужным построить крепость. Он деятельно и энергично исполнял свое дело, борясь как с набегами печенегов, так и с малодушием и недоверчивостью местного населения. Закончив постройку крепости, он нашел отрезанным отступление в Крым и должен был с величайшим трудом в позднюю осень пробираться со своим отрядом к одному из черноморских портов. Печенеги стремились заставить местное население перейти на сторону Болгарии.

Взгляды Успенского встретили резкий отпор Васильевского, указавшего, что Успенский допускает необоснованные, противоречащие прямым показаниям историков предположения, произвольно относя построение Саркела к временам Льва Мудрого, видя в Саркеле византийскую, а не хазарскую крепость, принимая Петрону за автора записки¹.

В 1897 г. еще одну теорию истолкования загадочных фрагментов предложил будущий лидер кадетской партии П. Н. Милюков². Милюков пытается примирить взгляды Васильевского и Успенского. Подобно Васильевскому, он приурочивает место действия к придунайским областям. Подобно Успенскому, он видит в «царствующем к северу от Дуная» болгарского царя Симеона. По Милюкову, события, описываемые в «Записке», происходят между 893 и 913 г. По его мнению, в «Записке» речь идет

¹ В. Г. Васильевский. О построении крепости Саркел, стр. 273—289; его же. Ответ на статью Ф. И. Успенского. ЖМНП, ч. 266, 1889.

² П. Милюков. Время и место действия записки греческого топарха. «Тр. 8-го археол. съезда в Москве», т. III, 1897, стр. 278—289.

о полунезависимой области в низовьях Дуная, по соседству с которой находится город, запятый византийским гарнизоном. Милюков предполагает, что это тот самый Маврокастрон, о котором идет речь в первом отрывке. «Царствующий к северу от Дуная» — Симеон Болгарский, вступивший в войну с Византией, союзниками которой были венгры. В 892 г. венгры, занимавшие Бессарабию, населенную улличами и тиверцами, полузависимыми от Болгарии, ушли в поход против Моравии. Воспользовавшись их отсутствием, Симеон прервал переговоры с Византией, вторгся в Бессарабию, страшно опустошил ее и затем обрушился на Византию.

В 893 г. он заставил Византию заключить постыдный для нее мир. После этого соседи топарха не только не захотели подчиняться Византии, но и принудили его искать подтверждения своей власти у государя, победившего Византию. Топарх называет Симеона царствующим к северу от Дуная потому, что якобы имел с ним дело именно в качестве государя левого берега Дуная, на котором сам находился. Милюков обходит вопрос, каким образом в то время, когда Византия не смогла защитить свои основные владения во Фракии и Македонии, могли появиться византийские владения и гарнизоны на левом берегу Дуная и как Симеон, злейший враг Византии, после своих побед мог разрешить византийскому топарху обособиться со своим гарнизоном в Придунайской области. Второе серьезное возражение против его теории: несоответствие хронологическому построению Газе Милюков пытается оправдать тем, что хронологические данные Газе не имеют той точности и определенности, какие появляются у ссылающихся на него позднейших исследователей.

Неудачные гипотезы Успенского и Милюкова привели к тому, что снова восторжествовали старые взгляды Куника.

В 1901 г., через 25 лет после появления работы Васильевского, ученик Куника, историк Ф. Вестберг выпустил работу под названием «Die Fragmente des Töparcha gothiscus», в которой с еще большим жаром, чем Куник, старался доказать, что в «Записке готского топарха» речь идет о крымских готах, что родина и место действия «Записки» топарха — горный Крым; варвары,

с которыми он вел войну, — хазары; события, упоминаемые в «Записке», относятся ко времени Святослава ¹.

Своей заслугой в отношении «Записки» Вестберг считает окончательное, как он думает, установление хронологии упомянутых в ней событий: январь 963 г. как время переправы топарха через Днепр. Труд Вестберга встретил обоснованную критику со стороны Ю. Кулаковского ² и Ф. Успенского ³, которые показали, что на протяжении всей работы Вестберг оперирует тем самым материалом, какой был в обороте задолго до него, и склоняется к тем или иным уже раньше высказанным и мотивированным решениям; при этом Вестбергу не удалось ни одно из них подкрепить каким-нибудь новым материалом, а большая часть их попрежнему остается лишь догадками и гипотезами.

Несмотря на эту критику, взгляды Вестберга получили преобладание в нашей исторической литературе и до настоящего времени являются господствующими. Так, историки средневекового Крыма Ю. Кулаковский и С. Шестаков считают наиболее достоверным поддержанное Вестбергом мнение Куника о приурочении местопребывания топарха к южному берегу Крыма ⁴; они признают, что Херсонес и соседняя с ним Готия искали в то время покровительства киевского князя и переговоры топарха имели целью обеспечить протекторат последнего над готскими климатами, терпевшими тогда всяческие обиды от дружественных некогда хазар. Кулаковский полагает, что этими отношениями готского топарха со Святославом был вызван его поход на хазар и взятие им крепости Белая Вежа (965 г.). Кулаковский и Шестаков принимают также и хронологическое определение Вестберга, причем они

¹ F. Westberg. Die Fragmente des Toparcha gothicus (Anonymus Tauricus) aus dem 10. Jahrhundert. «Зап. имп. Акад. наук», т. V, № 2, 1901; его же. Записка готского топарха. «Византийский вестник», т. XV, вып. 1, 1908 (1909), стр. 71—132; вып. 2—3, 1908 (1910), стр. 227—286.

² Ю. Кулаковский. Записка готского топарха. ЖМНП, ч. 340, 1902, стр. 449—459.

³ «Зап. имп. Акад. наук по ист.-фил. отделению», т. VI, вып. 7, 1904, стр. 243—262.

⁴ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 85; С. Шестаков. Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. М., 1908, стр. 80—81.

отказались от своего первоначального отрицательного отношения к этому определению.

Положение не изменилось и после Октябрьской революции. Долгое время повышенный интерес к готам в Крыму проявляла Академия истории материальной культуры.

Она производила большие и специальные раскопки в Эски-Кермене, обнаружившие, что древнейший центр готов в Крыму—Дори—находился не в Мангупе, а на плато Эски-Кермен. В 1933 г. над изучением готских древностей в Крыму, которых, правда, обнаружить не удалось, работала объединенная русско-американская экспедиция с участием представителей Пенсильванского университета. С 1921 по 1927 г. в «Известиях Академии истории материальной культуры» А. Васильев печатал свою монографию «Готы в Крыму», позднее выпущенную в Америке на английском языке¹. В этой монографии, безмерно преувеличивая роль готов в Крыму, Васильев писал: «С точки зрения общего фона политических, социальных и экономических отношений в бассейне Черного моря, Готия должна быть рассматриваема и изучаема как один из существеннейших элементов в процессе развития европейской цивилизации Ближнего Востока в целом и Крыма в частности»².

Васильев считает «Записку» одним из важнейших источников для уяснения готской проблемы в Крыму; он не сомневается, что описанные в ней события происходили в Крыму. По его мнению, желая восстановить свое падающее в Крыму влияние, хазары в 962 г. прибегли к насилию и грабежу. Они напали на Готию и разрушили стены главного города. Главный город готов в Крыму, как известно, назывался Дорос, или Дори, а в «Записке» он назван *хлѣмѣта*. Но Васильев думает, что топарх дает городу имя всей страны. Когда Дорос был разрушен, топарх решил перенести свою резиденцию в Мангуп; правда, Васильев признает, что описание *хлѣмѣта* в третьем отрывке мало напоминает крымский Мангуп. Не надеясь на помощь Византии, топарх привлек русских,

¹ «Изв. Академии истории материальной культуры», т. I, 1921, стр. 1—80; т. V, 1927, стр. 179—282; A. Vasiliev. The goths in the Crimea. Praefatio. Cambridge, 1936, p. VII.

² A. Vasiliev. Op. cit., p. VII.

которые уже приступили к колонизации Крыма. Васильев расходится с Вестбергом только в том отношении, что сторонников топарха, о которых говорится в третьем отрывке, он считает не готами, а русскими, с IX в. начавшими проникать в Крым.

Как мы уже сказали, эта теория Куника—Вестберга и в настоящее время является господствующей в научной литературе, хотя о готах теперь уже обычно умалчивают. Так, для Б. Д. Грекова «Записка» — «это дневник путешествия топарха, называемого в литературе то греческим, то готским. Он был небольшим владетельным князьком, весьма возможно — в Крыму, хотя имеются показания и в сторону Придунавья, и, теснимый хазарами, решил искать помощи у царствующего на севере, гордого своими победами Святослава... Святослав встретил этого князька дружелюбно и охотно обещал ему помощь. Святославу легко было это сделать, так как он сам готовился к походу против хазар для нанесения им сокрушительного удара и ему было важно иметь в лице топарха союзника. Святослав дал ему денег, обещал в дальнейшем свое покровительство и, самое для нас интересное, прибавил ему одну сатрапию... Стало быть, в Крыму были тогда русские владения»¹.

То же повторяет В. В. Мавродин в своей книге «Образование древнерусского государства», вышедшей в 1945 г. Он пишет: «Старинные связи русских и обитателей Крыма, наличие русских земель и владений в Крыму — все это приводило к естественному тяготению жителей Таврии к Руси, что отмечают и византийские и русские источники на всем протяжении IX и X вв.»².

После обзора главнейшей литературы вопроса мы должны обратиться к самому памятнику и на основании его данных проверить, насколько эта общепринятая точка зрения соответствует исторической истине. Если мы обнаружим, что эта точка зрения не находит достаточного обоснования в фрагментах, то должны заново и самостоятельно решить три основных вопроса, составляющих

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 461. В издании 1944 г. топарх безоговорочно назван «князьком в Крыму»; см. стр. 269.

² В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 281.

загадку записки, а именно: о месте, где разворачиваются исторические события, о времени этих событий, наконец, о том, кто были варвары, опустошавшие область топарха, и кто был «царствующий к северу от Дуная», под протекторат которого отдался топарх.

Фрагменты, прежде всего, дают нам возможность составить известное представление об их авторе. Автор не называет себя, не определяет своего происхождения и звания. Нужно, однако, подчеркнуть, что в фрагментах нет даже и намека на его принадлежность к готам. Давно уже признано, что автор был начальником или топархом небольшой области, в руках которого находилась и военная власть над небольшим отрядом. Его положение как правителя небольшой области и начальника незначительного гарнизона характеризуется выражением $\eta\epsilon\rho\eta\ \alpha\rho\chi\eta$ или $\epsilon\rho\omega\iota\ \delta\epsilon\ \tau\eta\nu\ \tau\omega\nu\ \kappa\lambda\eta\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \alpha\rho\chi\eta\nu\ \acute{\alpha}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\varsigma\ \pi\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\ \epsilon\delta\omega\tau\omega$. Как показал Ф. И. Успенский, в фрагментах дано немало военных терминов, совпадающих с терминами византийских трактатов по военному делу X—XI вв. Для характеристики военного дела «Записка» представляет интересный материал, по содержанию которого можно заключить о принадлежности автора к военному сословию.

Автор — образованный византиец, хорошо знакомый с античной литературой, в частности с Фукидидом, и пишет хорошим литературным языком¹. Он имеет, повидимому, солидные знания и в области астрономии. Анализируя черты, относящиеся к характеристике автора, мы устанавливаем, что принадлежность его к Византийской империи чрезвычайно рельефно обрисовывается в тех местах, где он говорит о противоположности варварского и культурного мира. Автор — лояльный византийский чиновник, но он находится в исключительных обстоятельствах. Необычно и путешествие по Днепру зимой, и война с варварами, и собрание сторонников автора, и решение собрания. Исключительные обстоятельства заставляют автора действовать с большой энергией и принимать самостоятельные решения. Цели «Записки» могут быть различными. Быть может, это проект донесения высшим властям, быть может, набросок литературного произведения или за-

¹ K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 269.

метки для памяти. Во всяком случае, это не дневник. Здесь мы находим такой взгляд на рассматриваемые события, который предполагает события уже совершившимися и ближайшие последствия их уже определившимися.

В первом отрывке описывается возвращение византийского чиновника поздней осенью из какой-то поездки. Автор отрывка — военный, стоящий во главе отряда, снабженного значительным обозом. Пока мы не знаем, что это была за экспедиция и какова ее цель, но ясно, что отряд возвращался с чужбины на родину. Следуя по Днепру, он направлялся к югу и имел в виду возвращение восвояся (πρὸς τὴν οἰκίαν), т. е. в одну из областей Византийской империи. Первый фрагмент не имеет начала и начинается словами: «Они [т. е. спутники автора] с трудом спускались по реке» (κατῆυτο); κατῆυον — синоним κατέρχοντο. В. Г. Васильевский переводит это слово — «приставали» на том основании, что из дальнейшего ясно, что описывается чья-то переправа через Днепр¹. Но мы не можем согласиться с Васильевским: из дальнейшего текста вытекает, что путешественники спускались вниз по Днепру и были захвачены ледоходом. В таком случае нет основания отступать от основного значения глагола.

Во второй главе первого отрывка В. Г. Васильевский переводит: «Совершив переправу беспрепятственно и прибыв в селение Борпон, мы занялись едой и уходом за лошадьми»². Так же переводит и Вестберг³. Вопрос о месте переправы вызвал ожесточенные споры исследователей. Вестбергу и Бурачкову казалось не подлежащим сомнению, что переправа была совершена в порожистой части Днепра. В факте переправы топарха Вестберг видел главный аргумент против выводов Васильевского. «Я с своей стороны, — писал Вестберг, — напieraю на то обстоятельство, что переправа топарха у Днепровских порогов исключает положение Макрокастро́на к западу от низовьев Днепра»⁴.

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 148.

² Там же, стр. 146.

³ Ф. Вестберг. Записка готского топарха. «Византийский временник», т. XV, вып. 2, стр. 281.

⁴ Там же, стр. 102.

Указывая, что в тексте нет никакого намека на пороги¹, Кулаковский полагал, что местом переправы была Кра-рийская переправа, о которой говорит Константин Порфирородный. — недалеко от острова Хортицы (Жич-каса).

Но в тексте, собственно, не говорится о переправе. Так как из предыдущего видно, что путники двигались по Днепру, то переправляться им не было необходимости. Уже М. А. Шангин заметил, что глагол διέρχινω еще не заключает понятия переправы, но только переход из-вестного пространства, и указанное место можно переве-сти так: «Пройдя беспрепятственно [дальнейший путь] и достигнув деревни Бориона, мы занялись едой и уходом за конями»².

Многочисленные споры возникали по вопросу о место-положении селения Борион. Томашек локализовал Бо-рион у Николаева³. Бурачков искал Борион около Не-насытецкого порога. «По-гречески, — писал он, — βόρος — значит прожорливый, не насытный. Отсюда про-изошло название селения Борион и Ненасытецкого по-рога». Отголоски греческого названия сохранились, по мнению Бураčkова, и в наименованиях следующей за Ненасытецким порогом Вороповой Заборы и реки Воро-ной⁴. Всего скорее, селение Борион следует искать в ниж-нем течении Днепра, где можно предполагать какие-либо греческие, в частности корсунские, владения или же по-селения и фактории для торговли⁵. Основанием для та-кого заключения может служить то горячее участие, ко-торое жители Бориона приняли в византийских путы-ках. В течение длительного времени они оказывали им гостеприимство, а затем снабдили их в дорогу продоволь-ствием, фуражом, проводниками. В начале третьей главы мы читаем: «И вот, мы выступили в сопровождении мест-ных жителей. Все меня горячо приветствовали рукопле-

¹ ЖМНП, ч. 340, апрель 1902, стр. 454—457.

² М. А. Ш а н г и н. Византийские источники о войне Свято-слава с греками. Архив ЛОИИ, рукопись, стр. 114.

³ W. T o m a s c h e k. Die Gothen in Taurien. Wien. 1881. S. 38.

⁴ П. Б у р а ч к о в. Указ. соч., стр. 208—209.

⁵ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. II, вып. 1, стр. 149.

сканиями, и каждый смотрел на меня как на своего друга и возлагал большие надежды». Такие горячие проводы дают возможность предположить, что жители Бориона были лично заинтересованы в успехе предприятия и что они сами византийского происхождения. На основании некоторых сообщений источников можно сделать вывод о существовании оседлых поселений византийцев в низовьях Днепра в конце X—начале XI в. У Константина в «De administrando imperio» мы читаем: «От реки Днепра до Херсона триста миль; посреди же находятся озера и гавани, где херсонесцы добывают соль»¹. В другом месте Константин говорит, что херсонесцы, «возвращаясь из Руси, переправлялись через Днепр»². О гречниках киевских упоминается на страницах нашей летописи. Следовательно, на основании показаний Константина и русской летописи мы должны прийти к заключению, что для торговли с Русью и наблюдения за действиями кочевников греки могли иметь поселения на Днепре, что в X в. печенеги не препятствовали грекам ездить на Русь и возвращаться оттуда, так как взаимные отношения их между собой были регламентированы. Далее, нам известно, что херсонесцы с давних времен занимались весьма важным для них рыбным промыслом в устьях Днепра, где для этого имели промышленные заведения и пристанища.

Во время похода Игоря на Константинополь корсунцы успели сообщить в Царьград о готовившемся нашествии, и в последовавшем договоре встречаются уже прямые указания на Корсунскую страну и устья днепровские, где сталкивались интересы обоих народов. В особой статье договора 944 г. было обусловлено обязательство Руси не причинять обиды христианским рыболовам. Самые местности указаны весьма точно: устье Днепра, Белобережье (Ахиллесово ристалище, ныне — Тендра) и остров св. Элеферия, по локализации академика Латышева — Клинбургская коса. В статье договора Игоря 944 г. «О Корсунской стране» говорится: «Аще обрящет в вустье днепровском русь корсуняны рыбы ловяща, не творит им зла никакоже и да не имать власти зимовать в вустье Днепра, Белобережья, ни у святого Элеферия, но аще придет

¹ «De administrando imperio», ed. Bonn, p. 42.

² Ibid., p. 19.

осень, да идут в дома своя, в Русь»¹. Очевидно, корсунцы, промышлявшие рыболовством в устьях Днепра, имели свои становища в Белобережье (Λευκὴ ἄκτις), на Ахплесовой косе и острове св. Элеферия, где нередко зимовали и запоздавшие на море руссы. Договоры предусматривают беспрестанные стычки херсонесцев с русскими рыбаками близ днепровского устья. Мы не можем утверждать, что низовья Днепра, обычное место встреч промысловых и торговых людей Руси и Херсонеса, принадлежали к херсонесским владениям, но это не исключает возможности существования там греческих поселений постоянного характера, вроде Бориона, упоминаемого в «Записке готского топарха». Шестаков отождествлял Борион с Олешьем². Этот населенный пункт впервые упоминается в наших источниках в 1084 г.³, но, несомненно, он возник гораздо раньше. В XI—XII вв. киевские князья очень заботились о безопасности Олешья.

Отождествление Олешья с современными Алепками оспаривается рядом исследователей⁴. И поэтому мы должны ограничиться выводом, что селение Борион надо искать в нижнем течении Днепра, где можно предполагать херсонесские поселения и фактории для торговли.

В Борионе топарх был задержан жестоким северным ветром и вьюгой, и прошло немало дней, прежде чем погода несколько улучшилась и топарх стал готовиться к возвращению домой и направился к Маврокастроу. Относительно местоположения Маврокастроу среди ученых также существуют большие разногласия. Исследователи, приурочивающие местопребывание топарха к Крыму, естественно, стремятся искать Маврокастроу в Крыму или по дороге к Крыму, но в своих попытках локализации встречают большие затруднения. Византийские и другие средневековые документы сохранили нам названия крымских городов и населенных пунктов, но ни один из них не назывался Маврокастроу. Мы знаем названия населенных пунктов южного берега Крыма, где в описываемую эпоху и сосредоточивалась главным

¹ «Полное собрание русских летописей», т. I. Изд. Археол. комиссия, СПб., 1841, стр. 21.

² Шестаков. Указ. соч., стр. 75.

³ Там же, т. I, вып. 1, стр. 205.

⁴ Т. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 190.

образом оседлая жизнь. В Готии, занимавшей территорию южного берега между Балаклавой и Сугдеей, за исключением Херсонеса, насчитывалось от 30 до 40 населенных пунктов (30 — у Константина Порфирородного, 40 — у Барбаро). Древний центр Готии византийцы называли Дори. Другие населенные пункты носили названия: Ускут, Каламита — Инкерман, Символон — Балаклава, Ласии, Кастропуло, Никенеиз, Сименеиз, Алуника, Хуреис, Месахори, Гаспара, Ливадия, Фуллы, Сикита — Никита, Палеокастро, Сугдея, Кафа, Ялита, Гурзувиты, Партенит, Лампас, Алусти и др.¹ Брун готов был признавать Мангуц за Маврокастрон, а позднее высказался за Карасубазар². Куник в поисках Маврокастроу указывал на географические термины средневековых итальянских карт: *Nigropoli*, *Nigropilla*, но Васильевский убедительно показал, что название замка или крепости «Нигрополи», обозначаемой на некоторых позднейших картах к северу от Перекопского залива, происходит, очевидно, от греческого *Νεγρόπουλις*, как этот залив назывался у греков. Следовательно, никак нельзя думать, что слово «Нигрополи» представляет собой итальянский перевод названия «Маврокастрон»³. Васильевский указывал также, что «ни Мангуц, ни Карасубазар не имеют никаких прав присваивать себе чужое имя: первый назывался по-гречески в византийскую эпоху *οι Θεόδωροι* (*Castello Theodoro*) или просто *Δόρος*; последний хотя и включает в себе указание на Черную воду (Кара су), зато едва ли даже существовал в средние века»⁴. После появления работы Васильевского в 1891 г. де Боор (*De' Boor*) опубликовал список епископств VIII в., где среди епископств, относящихся к диоцезу Готии, упоминается епископская кафедра *τοῦ χαρσιίου*⁵. А. Васильев отождествляет этот населенный пункт с современным Карасубазаром⁶. В своей работе Бурачков говорит, что Карасубазар находится на кратчайшей дороге, если ехать в Крым через Арбатскую стрелку или Чонгар. Однако

¹ W. Tomaschek. Op. cit., S. 70—75.

² Ф. К. Брун. Черноморье. Т. I. Одесса, 1879, стр. 177.

³ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 194.

⁴ Там же.

⁵ «*Leitschr. f. Kirchengeschichte*», Bd. 12, 1891, S. 533—534.

⁶ A. Vasiliev. Op. cit., p. 98.

сам Бурачков в другом месте своего труда справедливо недоумевает: «Какая же нелегкая могла бы понести нашего топарха от Днепра в крымские климаты за Карасубазар не кратчайшим путем, через Перекоп, а кружным путем, через Чонгар, среди зимы, при отсутствии воды и подножного корма и в виду своих неприятелей»¹. Но Брамберг уже указал, что открытый де-Боором византийский населенный пункт не мог быть современным Карасубазаром, так как последний в средневековых итальянских документах носит название *Karasol* или *Barason*².

Такой же мало обоснованной является попытка Бертье де Лагарда отождествить Маврокастрон с бывшим громадным имением графа Мордовцева «Черная долина» и селением Черненькое, лежащим на пути от Каховки на Днепре к Перекопу. В письменных источниках указания на этот пункт отсутствуют. Единственным аргументом у Бертье де Лагарда служит современное название «Черная» и найденные здесь византийские монеты³.

Таким образом, попытки найти Маврокастрон в Крыму нельзя признать успешными. С другой стороны, как отмечал Васильевский, в средние века существовал очень известный город с таким названием, находившийся в устье Днестра. В период генуэзских поселений в Крыму и Южной России это был центр хлеботорговли, не уступавший по своему значению Родосто, Каффе и Анхпалу⁴. Васильевский считал, что средневековые итальянские карты (карты Висконти 1318 г., Пипцигани — 1367 г., Пасквалини — 1408 г.), помещавшие Маврокастрон у устья Днестра, не оставляют никакого сомнения, что Маврокастрон — это нынешний Аккерман. Васильевский полагал, что название *Μαυροκάστρον*, означающее на греческом языке «Черный город», могло быть дано только греками и, следовательно, существовало гораздо раньше XIV в. Он, конечно, знал, что Константин Порфирородный помещает в низовьях Днестра разрушенный Белый город (*Ασπρόκάστρον*); знал также, что и в русских источ-

¹ П. Бурачков. Указ. соч., стр. 199—252.

² B r a m b e r g. Toponymical and historical miscellanies. «Byzantion», t. XIII, 1938, p. 57.

³ «Зап. Одесского об-ва истории и древностей», т. 33, Одесса 1919, стр. 18.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 191.

никах, в так называемом «списке градом русским», упоминается «на устье Днестра над морем Белгород», переименованный румынами в *Șetatea alba*, а татарами — в Аккерман, т. е. опять-таки в Белый город. Выход из затруднения Васильевский находит в том, что «на этой территории могли существовать... два града... Белый и Черный»¹. Против Васильевского, поддержанного Томашеком, выступили Бурачков и Вестберг. Бурачков указывал, что Васильевский основывал свое утверждение на итальянских картах XIV—XV вв., но упускал из виду, что они не подходят к событиям, происходившим, по его же мнению, во времена Святослава, что ни один писатель X в. не упоминает о Черной крепости в днестровских лиманах. Напротив, и Константин Порфирородный и русские летописи называют днестровский город Белгородом. Этот Белый город русские летописи отличают от Черни, т. е. Черного города². Вестберг подчеркивал, что Васильевский не доказал: во-первых, что названия итальянских карт *Mancastro*, *Maocastro* искажены из Маврокастро, во-вторых, что город Чернь русских летописей лежал на Днестре подле Белгорода и, в-третьих, самое главное, что Маврокастро уже существовал в X в.³

Однако это главное возражение против Васильевского в настоящее время должно быть отвергнуто, так как найдены источники, показывающие, что Маврокастро, несомненно, был известен византийцам уже в XI в. и тогда там была учреждена даже церковная митрополия. Весьма интересный факт основания такой митрополии, хотя просуществовавшей, повидимому, недолго, сообщает рукопись Парижской национальной библиотеки *Cod. Coislianus*, № 211, vol., 261—262, опубликованная в 1909 г.⁴ Она дает перечисление тех же 80 кафедр византийской церкви, которые давно известны в «*Notitia episcopatum*» Алексея Комнина, но в отличие от последней в *Cod. Coislianus* одна кафедра опущена, а другая прибавлена. Э. Гопигман, обративший внимание на этот любопытный документ, устанавливает, что опущенная в этом списке Наксия, или Паронаксия, была преобразована в митро-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 192—193.

² П. Бурачков. Указ. соч., стр. 209—217.

³ Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 100.

⁴ «*Rev. de l'Orient chrétien*», vol. XIV, 1909, p. 212.

полню в 1083 г. Таким образом, наш список был составлен раньше этого года и раньше известной «Notitia» Алексея Комнина. Но гораздо больший интерес представляет прибавление. Согласно списку «Cod. Coislianus» между Апамеей и Коркирой расположены следующие пункты: Βασιλίου, Τρίστρας, Μαυροκάστρου ἔτοι Νέας Ρωσίας, Νάσιζνκου¹.

Известно, что митрополии помещают в списках обычно в хронологической последовательности установления кафедр. Так, Βασιλίου был обращен в митрополию в царствование Константина X Дуки (1059—1067), а Роман Дноген (1069—1071) дал права митрополии Назпанзу². Следовательно, митрополии Дристры и Маврокастроны были учреждены между 1059—1071 гг. Τρίστρας, несомненно, Доростол. Мы знаем из других источников, что возведение в митрополию Дристры (Доростола) произошло при патриархе Константине III Лихуде (1059—1063) и что этот патриарх весьма заботился об укреплении церковной организации в придунайских областях³. Таким образом, учреждение митрополии Маврокастроны можно отнести к 1059—1071 гг.

Мы не можем обойти молчанием тот факт, что новая митрополия, подчиненная юрисдикции константинопольского патриарха, называлась «Маврокастроны», или «Новая Россия». Последнее название показывает, что во второй половине XI в. здесь существовали русские поселения, составлявшие одно целое с городом, между тем как греческое название свидетельствует о том, что город этот был основан византийцами. Маврокастроны, или Νέα Ρωσία, не может отождествляться с Ρωσία, упомянутой рядом с Таматархой в договоре, заключенном в 1169 г. между Мануилом Комнином и генуэзцами и подтвержденном в 1192 г. Исааком Ангелом. Эта Ρωσία, называемая на итальянских средневековых картах «устьем русской реки» Эдриз и casale di Rossi, находилась в районе Азовского моря, и Мануил не желал предоставлять генуэзцам главный торг рыбой, который

¹ E. Honigmann. Studies in slavich church history. «Byzantion», t. XVII, 1944—1945, p. 159.

² Skylitzes-Sodreni, ed. Bonn, p. 703.

³ E. Honigmann. Op. cit., p. 155.

шел из Азовского моря¹. Таким образом, можно считать установленным, что в средние века существовал город под названием «Маврокастрон», временами приобретающий серьезное экономическое значение; этот город находился в устье Днестра. Однако следует уточнить взгляды Васильевского в том отношении, что Маврокастрон — все же не Аккерман. Лучшие карты средних веков показывают, что Маврокастрон был расположен на левой, или северной, стороне Днестра, в то время как на правой стороне находился ~~Аспрокастрон~~, или «Белая крепость», занимавшая территорию современного Аккермана. Названия эти могли смешиваться. Так, по сообщению Е. Ч. Скрипицкой, в XV в. генуэзцы называли жителей *Moncastro albicastrenses sive mocastrenses*. Такое близкое соседство Белого и Черного городов было не единичным. Например, в непосредственной близости от столицы Сербии Белграда находится Землин — название, означающее город, сооруженный из черной земли. Во всяком случае, можно не сомневаться, что Маврокастрон, упоминаемый в «Записке готского топарха», находился в устье Днестра. Появление византийского Черного города в устье Днестра, очевидно, следует поставить в связь с общим усилением Византии во второй половине X и начале XI в., сказавшимся и в Северном Причерноморье. Конкретным проявлением этого факта является, например, успешная экспедиция Варды Мопга и Владимира Сфенга против хазар в 1016 г.

Мы не можем здесь останавливаться на дальнейшей истории Маврокастро́на, сделавшегося важным генуэзским портом в XIV—XV вв. К несчастью, мы знаем очень мало об истории Северного Причерноморья XI в. Но очень важно отметить, что в то время в устьях Днестра уже имелось оседлое русское население, которое, очевидно, было связано с русским населением верховьев этой реки, где в дальнейшем сложилось Галицкое княжество. Поскольку реки того времени были центрами оседлости и здесь сосредоточивалась хозяйственная и торговая деятельность населения, это было справедливо

¹ Miklosich-Müller. *Acta et diplomata graeca medii aevi*. T. III, p. 36; Zachariae von Lingenthal. *Jus graeco-romanum*. T. III, p. 496.

по отношению не только к Днепру, но и к Днестру, где селились тиверцы.

В 1946 г. на Среднем Днестре археологическими раскопками были обнаружены городища и славянские поселения X—XI вв.¹ Помимо того, в нашем распоряжении имеется «Список городов русским дальним и ближним». Весьма вероятно, что отнесение некоторых из помеченных в нем городов к числу русских восходит ко временам Галицкого княжества. В списке этом мы читаем: «А на сей стороне Дунаа, на усть Днестра над морем Белгород, Черн, Яский торг на Пруте реце, Романов торг на Молдове». Из этого текста можно заключить, что в устье Днестра находились и Белгород и Черн-Белгород, т. е. Белгород Днестровский (Аккерман), расположенный на западном берегу Днестровского лимана; Черн (Маврокастроу), возможно, лежал по другую (по отношению к Аккерману) сторону Днестровского лимана — в Овидиопольском районе Одесской области, д. Роксолены (Бузиновата)².

Таким образом, мы можем прийти к важному выводу, что византийский топарх со своими спутниками двигался от Днепра не в Крым, а на запад. А этот факт имеет немаловажное значение для определения места, где разворачиваются дальнейшие события, описываемые в «Записке».

Когда топарх принял решение задержаться из-за непогоды в Борионе, он сделал астропомпическое наблюдение, на которое первым обратил внимание Васильевский. В тексте мы читаем: «Планета Сатурн находилась как раз в начале созвездия Водолея, а солнце в то время было в зимних знаках зодиака» (*καὶ γὰρ ἔτιχε περὶ τὰς ἀρχὰς διῶν (χρόνος) ὀρθοῦς ἤλιος κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντες*). Так как Сатурн совершает свое обращение между созвездиями, через которые он проходит в 29 лет 166 дней, то возможно вычислить время, когда Сатурн находился в созвездии Водолея в X в. Васильевский, «без всякой помощи астрономии», как он заявлял, вычислил 964—967 и 993—996 гг. и признал первую из этих дат подходящей для своего исторического объяснения памятника.

¹ П. И. Засурцев. Славянские поселения в Молдавии. «Краткие сообщ. ИИМК», вып. XXVII, 1949, стр. 102—103.

² А. Н. Насояв. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 142.

Вестберг обратился к широкому содействию астрономии. К делу были привлечены астрономы Вислицениус, Зейбот, Зейдлер, Кононович, Главная физическая обсерватория.

Хотя Вестберг признает, что астрономические данные «Записки» не вполне ясны и потому раскрытие их смысла представляет некоторые затруднения, тем не менее он все же пришел к выводу, что «на всем протяжении времени от середины января 904 г. до середины декабря 1021 г. Сатурн имел указанное в первом фрагменте положение среди звезд только один раз, а именно — около начала января 963 г.»¹. Этот вывод безоговорочно приняли Шестаков и Васильев². Однако против него возражали Ф. И. Успенский, Кулаковский, Гонигманн, Шангин. Ф. И. Успенский указывал, что астрономы, помогавшие Вестбергу в его выводах, например, Кононович, вносили в эти выводы весьма существенные оговорки; одной из них являлась необходимость предположения, что греческий путешественник обладал таким точным знанием неба, какое имеется лишь у весьма немногих современных астрономов; это представляется тем менее вероятным, что сравнительно слабые и мало бросающиеся в глаза звезды Водолея и Козерога с трудом разграничиваются и легко смешиваются³. Ф. И. Успенский отмечал далее, что результаты изучения Вестбергом астрономических исследований не могли иметь решающего значения потому, что наблюдавшаяся им констелляция звезд повторяется через каждые 29 лет 166 дней. Через каждые 29 лет 166 дней Сатурн вновь может находиться почти в одинаковом положении по отношению к Водолею. Таким образом, в X в., к которому относятся сделанные для Вестберга вычисления, прохождение Сатурна через созвездие Водолея имело место в 903—904, 931—934, 990—993 гг. Почему предпочесть один период другому? Приурочивая описываемые в отрывках события ко времени Святослава, Вестберг, естественно, предпочитает фазу прохождения Сатурна через созвездие Водолея в период 961—963 гг. и старается подкрепить свои доводы ссыл-

¹ Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 270.

² А. Васильев. *Op. cit.*, p. 120.

³ «Зап. имп. Акад. наук», т. VI, № 7, 1904.

кон на то, что такие глубокие знатоки древности, как Кунтик, Геденов, Васильевский, относят эти отрывки к княжению Святослава. Но ссылка на авторитеты еще не достаточное основание, если нет точки опоры в самом памятнике. Кулаковский указывал, что астрономическая дата Вестберга не согласуется с установленной Газе хронологией, которая должна оставаться в силе, пока не удастся обнаружить рукопись. А Газе, как известно, основной текст относил к концу X—началу XI в., а относительно отрывков, написанных на пустых страницах, высказал мнение, что их почерк более поздний. Если мы вместе с Вестбергом будем считать датой написания 963 г., то не получится ли, что отрывки, которые представляют автограф, написаны раньше, чем кодекс, в который они попали на оставшиеся незаполненными страницы? «Если, — писал Кулаковский, — астрономия оказала свою помощь, то эта последняя скорее отрицательного свойства, так как полученная Вестбергом дата находится в противоречии с палеографическими сведениями относительно текста и в высшей степени затрудняет историческое понимание событий, о которых идет речь в «Записке»¹

Ведь в 963 г. Святослав еще не имел никакого отношения к Крыму, на хазар и передний Кавказ еще не ходил. Сам же Вестберг думает, что утверждение русских в Тамани и Крыму произошло после походов и побед Святослава. Что могло побудить топарха в 962 г. искать помощь в Киеве? При этой дате понять исторический смысл отрывков становится еще труднее.

Из изложенного следует, что вывод Вестберга не имеет решающего значения и установить точную дату наблюдений топарха — дело весьма сложное, так как, во-первых, астрономические данные «Записки» не вполне ясны и раскрытие их смысла представляет значительные трудности и, во-вторых, астрономическое сочетание звезд, описанное в первом отрывке, повторяется несколько раз в каждое столетие.

В заключительной части первого фрагмента излагается сопровождавшееся большими трудностями возвращение

¹ Ю. Кулаковский. Записка готского топарха. ЖМНП, ч. 340, 1902, стр. 451—453.

топарха в Маврокастрон. Вьюга, мороз, глубокий снег вызывали гибель вьючных животных. Проводники сбивались с пути, а самое главное — топарх и его спутники, выйдя из Бориона, шли по занесенным вьюгой дорогам, и гибель им грозила одинаково и от суровой зимы и от неприятелей. Если конный караван находился на возвратном пути к себе, в свою страну, расположенную, во всяком случае, южнее порогов, то он проходил через Черноморскую стену. Неприятелем были, очевидно, степные наездники, кочевавшие на север от Черного и Азовского морей. Если же путешествие топарха отнести к концу X — началу XI в., то неприятелем, угрожавшим топарху, по всей вероятности, были печенеги. Из восьми печенежских орд, перечисленных Константином в 37-й главе «*De administrando imperio*», четыре кочевали по правую сторону Днепра, четыре — по левую.

В X в. византийское правительство всячески стремилось поддерживать дружественные отношения с печенегами, особенно с теми ордами, которые кочевали по соседству с Херсонесом. Эти племена занимались торговлей с херсонессцами и выполняли поручения императора на Русь, в Хазарию, Зихию, получая за эту службу от херсонесцев установленное вознаграждение, смотря по свойству услуги и положенному на нее труду, в виде шелковых тканей, перевязей, муслина, бархата, перда. Но так как печенеги распадались на многие орды и каждое племя имело своего вождя, то некоторые из них могли быть враждебны византийцам, особенно если, как это было в данном случае, отряд византийцев двигался не в Крым, а к Днестру.

В первом фрагменте, как мы видели, описывается возвратный путь топарха и его спутников вниз по Днепру — от Днепра к Маврокастроу.

Три фрагмента напечатаны Газе в том порядке, в котором они обнаружены в рукописи. Большинство исследователей считают хронологический порядок иным, предполагая, что хронологически второй отрывок должен быть первым, за ним следует третий и, наконец, первый и что упоминание в третьем фрагменте поезда тождественна с путешествием первого фрагмента. Но уже Васильевский заметил, что во втором отрывке, тесно и непосредственно связанном с третьим, говорится о зим-

нем солнцеговороте, т. е. имеется в виду декабрь. На путешествии топарха из придунайской области до Киева, переговоры с князем понадобилось бы несколько недель, и наш топарх на возвратном пути едва ли бы нашел Днепр еще не замерзшим, так как Днепр обычно замерзает в декабре. Таким образом, необходимо признать, что в «Записке» речь идет о двух поездках и первый фрагмент хронологически не является последним.

Во втором фрагменте мы уже застали топарха в его области. В третьем отрывке автор говорит об обстоятельствах, побудивших его к поездке к задунайскому правителю, отдавшему ему снова власть над климатами. Между первым и вторым фрагментом замечается пропуск. Недостает описания прибытия топарха в свою область. Не хватает изложения событий, происходивших в области топарха по его возвращении. Сколько времени прошло от событий первого фрагмента до событий второго и третьего, нам неизвестно.

Переходя к рассмотрению второго и третьего отрывков, попытаемся, прежде всего, кратко изложить их содержание. Во втором отрывке рассказ ведется в первом лице, иногда во множественном, иногда в единственном числе. Васильев почему-то предполагает, что рассказ ведется от имени крымских готов, хотя ни во втором, ни в третьем фрагменте о готах нет упоминания, а второй фрагмент начинается словами, потом зачеркнутыми: «именно ради этого и северные берега Дуная» (χιτὶ διὰ τοῦτο γὰρ χιτὶ τὰ Βόρεια τοῦ Ἰστροῦ). Можно согласиться с В. Г. Васильевским, что слова эти, хотя и зачеркнуты, имеют важное значение для объяснения отрывков, так как указывают на место, где совершаются события, описание которых следует непосредственно за этими словами. Далее излагаются столкновения топарха с варварами, которые грабили и опустошали все, подобно диким зверям, причем, по словам автора, «им не была доступна пощада даже в отношении к самым близким» (οὐδὲ γὰρ τοῦν οἰκειότατον φείδω τις εἰς αὐτοῦς). Еще Куник указывал, что οἰκειότατοι по-гречески означает «соплеменники, сородичи», и на этом основании допускал возможность, что и нападавшие и страдавшие от их нападений могли быть единоплеменниками¹.

¹ А. К у н и к. О записке готского топарха, стр. 116. Нельзя согласиться с переводом οἰκειότατος у Васильевского словом «сородичи».

Далее автор делает важное замечание: «И не руководились они каким-нибудь расчетом или судом законности, а старались злостно и бесцельно сделать добычей мисян (нашу) свою землю». Характерно, что земля, опустошаемая варварами и населенная их единоплеменниками, первоначально была названа нашей (т. е. византийской) страной, а затем автор признал ее принадлежащей самим варварам, как будто речь идет о такой стране, права владения которой несколько сомнительны и спорны. Дальше автор характеризует варваров следующим образом: «утрачена их прежняя мягкость и справедливость. Уважением, которое они снискали, объясняется достижение ими величайших успехов, так как города и народы добровольно к ним примыкали. Теперь же как будто, наоборот, у них проявились несправедливость и произвол относительно подчиненных. И они решили подвластные города поработить и уничтожить, вместо того чтобы охранять и хорошо управлять ими. Жалуясь на начальников и ясно доказывая, что они ни в чем не виноваты, эти люди [т. е. подданные], тем не менее, не могли избежать смерти». Автор намекает здесь, что подданные как будто в чем-то провинились, а правители их в чем-то обвиняли и подозревали; дальше автор говорит: «люди, ни в чем не повинные, ставовились добычей меча под предлогом нарушения ими клятвы».

Речь идет о событиях крупного масштаба. Автор не щадит красок для описания ужасов происходящего. Он пишет: «Ведь, как казалось, так поднялась волна зла, что затопила все человеческое, и можно было подумать, что обрушилась она таким ужасом, как бы от землетрясения или из какой бездны невероятной и свирепой». В области, соприкасавшейся с владением топарха, более 10 городов и 500 деревень полностью были опустошены. Наконец, злая судьба, обрекая на гибель города несчастных соседей топарха, навлекла опасность и на его владения. Автор должен был ограничиваться оборонительными мероприятиями и отступить перед варварами, но все же принимал энергичные меры для устранения грозившей опасности и мудро избег ее, когда она наступила, причем сам был в тяжелом положении. Но этот выход был временным. В дальнейшем враждебные действия между топархом и его врагами возобновились внезапно. Враги

не вступали в переговоры с топархом, хотя он много раз предлагал им соглашение. Враждебные действия начались поздно осенью. Большое количество пеших и конных варваров напали на область топарха, рассчитывая сразу овладеть ею, так как топарх занял район и город, уже опустошенный и разрушенный, причем стены города были скрыты до основания. Подчищенные топарха делали вылазки из разрушенного города, который был немногим лучше селения. «Тогда, — говорит топарх, — я первый пришел к мысли заселить климаты» (καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρότου πάλιν οἰκῆσαι τὰ κλήματα διανοησάμενον). Очевидно, раньше ни сам топарх, ни его предшественники не имели там своего местопребывания. Поэтому топарх, прежде всего, соорудил башню, чтобы отсюда приступить к восстановлению и всего города.

Третий фрагмент начинается с рассказа о быстром построении крепости, в которой было спрятано наиболее ценное имущество. Город в то время уже заселялся. Одновременно началась и война. Столкновение было неудачно для варваров, и они, потеряв многих своих, со стыдом удалились ночью. Когда утром топарх повел против врагов свой отряд, состоявший из 100 всадников и 300 пращников и лучников, то они уже не могли найти врага. Используя передышку, топарх спешил восстановить стены города, готовился к военным действиям и отправил гонцов к своим сторонникам (πρὸς τοὺς ἡμῖν προσέχοντες), чтобы обсудить положение. Хотя «соседние и близкие области» (τὰ γείτονα καὶ πλησιόγυρα ἡμῖν) были уже в руках варваров, но, очевидно, вблизи климатов были и незавоеванные местности и их правители могли считаться сторонниками топарха. Повидимому, последних было не очень много, если они могли быть быстро созваны гонцами. По зову топарха собрались представители местной знати (ἐκκλησίαις ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης).

Ближайшим предметом совещания было общее положение края. На совещании, в первую очередь, обсуждался вопрос о политическом подданстве, о том, кого избрать господином. Нет сомнения, что дело происходило на окраине, где всегда были возможны колебания политических влияний. Этим объясняется и то, что автор принял на себя решения, далеко выходящие за пределы компетенции командира небольшой воинской части. В своей

речи топарх призывал собравшуюся знать придерживаться византийского подданства, что без достаточных оснований отрицает Вестберг¹.

Самая конструкция фразы, излагающей решение собравшихся и начинающейся выражением οἱ δὲ, показывает, что в речи автора отрывков была затронута та же тема, которая фигурировала в ответе собравшихся. Об ответе собравшихся на речь топарха он пишет следующее: «Они же, или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились о том, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а прежде всего стремились к независимости, или потому, что были соседями царствующего к северу от Дуная (πρὸς τὸν κατὰ τὰ Βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα), который могуч большим войском и гордится силой в боях, или потому, наконец, что не отличались по обычаям от тамошних [жителей] в своем собственном быту, — [так или иначе] решили заключить с ним договор и передаться ему и со-обща пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое».

Васильевский переводит: «Они решили заключить с ним мир (примириться)», но сам же несколько дальше соглашается, что *σπείλῃσθαι* может означать «заключить договор (без предварительной войны)»². Толкование Васильевского вызывается предвзятым мнением, будто варвары, напавшие на климаты, тождественны с русскими.

Не видя другого выхода, топарх отправился к «царствующему на севере от Дуная» и коротко изложил ему причину прихода. Тот благосклонно принял топарха, утвердил его в должности правителя климатов, добавил еще одну сатрапию и гарантировал ему ежегодные достаточные доходы в своей собственной стране. Очевидно, от воли задунайского государя зависело восстановить топарха в его прежних владениях, причем он не только оставил за топархом власть над небольшим городом Климатами, но и возвратил ему всю область, из которой он вынужден был удалиться под напором варваров. Таково содержание второго и третьего отрывков.

¹ Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 122.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 172, 186.

Жители области топарха и его соседи, очевидно, принадлежали к оседлым народам. Это предположение подтверждается сообщениями о наличии большого количества городов и селений вблизи Климатов. Вероятно, территория эта была расположена в Северном Причерноморье, так как в первом отрывке мы видим топарха на Днепре. В конце X и начале XI в. землями, в которых могли находиться византийские военачальники и гарнизоны, могли быть только фема Херсонес на южном берегу Крыма и Придунайская область. Большинство исследователей относят события, описываемые во 2 и 3-м фрагментах, к Крыму, в частности к так называемым готским Климатам. Главным и, пожалуй, единственным аргументом этих исследователей является указание топарха, что он заселил Климаты. По Вестбергу, τὰ κλίματα в качестве имени собственного встречается у Константина Порфирородного в его сочинении «De administrando imperio» только по отношению к области, расположенной на Таврическом полуострове. «Уже одно это обстоятельство, — говорит Вестберг, — заставляет нас по необходимости связывать τὰ κλίματα фрагментов с τὰ κλίματα Константина Багрянородного». Эти «климаты» составляли часть южного моря Таврического полуострова, расположенного между Херсонесом и Боспором¹. В. Г. Васильевский согласен, что название «Климаты» особенно часто употребляется для обозначения южных крымских областей и как будто именно применительно к ним превратилось из нарицательного в собственное. В то же время он показывает, что термин этот употребляется в византийских источниках в самых разнообразных значениях, обозначая склон, покатость, страны света, провинции и области, как большие, так и малые, например: Φρακῶν κλίματα у Льва Дьякона, κλίμα μεσικόν во Фракии, 9 климатов хазарских у Константина Порфирородного (τὰ ἐννέα κλίματα Χαζαρίης)², — а также определенную административную единицу, гораздо меньшую, чем фема. Васильевский показал, что в рассматриваемых фрагментах слово «Климаты» употреблено совсем не в том смысле и значении, в каком оно прилагается к крымским областям и в каком вообще

¹ Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 117, 256.

² «De administrando imperio», cap. 10.

употребляется в других местах и у других писателей. Васильевский совершенно прав, указывая, что в этих отрывках слово «Климаты» представляет собой название отдельного городка, причем очень небольшого, который был разрушен и запустел, а затем стараниями топарха отчасти восстановлен и снова начал заселяться¹. Поэтому невероятно предположение Вестберга, что такая область, как климаты византийской Таврии, могла быть обязана своим именем этой ничтожной крепости². Так же мало вероятно предположение Вестберга, что климаты «скрываются под каким-либо другим наименованием, ибо тамошние города нередко меняли свои названия вследствие наплыва все новых пришельцев»³.

Мы отмечали, что названия большинства *κλίστρα* Крымской Готии известны; известно также, что эти названия сохранялись на протяжении всей истории Византии. Соглашаясь в этом отношении с Васильевским, мы можем поставить более общий вопрос: могут ли события, о которых рассказывается во втором и третьем отрывках, быть относимы к Крымской Готии конца X—начала XI в., могли ли готы в Крыму в то время играть такую активную и самостоятельную роль, какую им приписывают Куник, Вестберг, А. Васильев и последующие ученые. Для решения этого вопроса мы должны коснуться истории средневекового Крыма. Из труда Прокопия «О постройках Юстиниана» мы узнаем, что при этом императоре власть Византии в Крыму была упрочена, хотя большую часть Крыма в то время занимали гудны. Важный город Босфор (Керчь) был возвращен империи, Босфор и Херсонес укреплены, построены сторожевые укрепления Алуэтий и Гурзувиты. Прокопий пишет далее: «Есть там одна страна на морском побережье, называемая Дорп (*ὁὐρὰ κατὰ τὴν περὶ τὴν Δόρην ὁρὰν*). В ней издавна живут готы, которые не были увлечены Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь и еще при мне продолжают быть союзниками римлян; вместе с ними ходят против их врагов, когда этого пожелает император. Численность

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. I, стр. 194—205.

² Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 256.

³ Там же.

их достигает трех тысяч. Они прекрасные воины, а также деятельные искусные земледельцы и отличаются наибольшим гостеприимством среди всех людей. Самая область Дори лежит высоко. Однако она не слишком дика и сурова; напротив, богата и приятна прекрасными плодами. В этой стране император нигде не строил ни города, ни крепости, потому что тамошние жители не терпят, чтобы их зашаражили в стенах, но всего более любят жить в полях. Только в тех пунктах, которые казались легко доступными для неприятелей, он заградил входы длинными стенами и освободил готов от всяких опасностей»¹.

Географическое положение страны Дори, населенной готами, здесь обозначается довольно определенно. На основе указаний, встречающихся в позднейших источниках, а также исследованиями Бруна, Васильевского и Васильева установлено, что страна, именовавшаяся потом Готией, готскими климатами и Дори, была расположена на южном берегу Крыма, простиралась от Балаклавы до Сурожя или Судака, а внутри полуострова ограничивалась Чатыр-Дагом и другими горами, окаймляющими южные берега его².

Из других источников мы знаем, что населявшие эту страну готы уже в конце IV в. приняли христианство, имели своего епископа и поддерживали связь с Константинополем и патриархом. Эта горсть готов, заброшенная на южные берега Крыма, связанная в течение многих веков тесными экономическими, политическими и церковными узами с Византией, естественно, постепенно растворялась в населении империи и эллинизировалась; однако следует отметить, что случаи сохранения ими отечественного языка наблюдались вплоть до XI—XII вв. В VII в., в связи с бедствиями, постигшими Византию, ухудшилось и ее положение в Крыму. По крайней мере, папа Мартин, сосланный в Херсонес, описывает его положение очень мрачными красками. В VII в. хазары переправляются через Керченский пролив, занимают Босфор и большую часть территории полуострова. В начале VIII в. Дорос уже был недоступен византийским властям, и около 787 г. им овладели хазары. Но так как хазарам

¹ Procopii. De aedificiis. Ed. Haury, lib. III, cap. 7, p. 261.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2, стр. 372.

в Византии приходилось бороться против общего страшного врага — арабов, то в VIII и IX вв. отношения между Византией и хазарами почти всегда были дружественными. Христианское население подвластных хазарам городов пользовалось самоуправлением, поддерживало экономические, торговые и церковные связи с империей. Из жития Иоанна Готского видно, что попрежнему из Византии в крымские города присылались епископы. Епископы и монахи Готии присутствовали на византийских церковных соборах. Во время иконоборчества гонимые правительством монахи часто искали убежища в Южной Италии, основали здесь множество монастырей, вследствие чего Феодор-Студит называл в своих письмах Готию «святой». В IX в. дружественные отношения между Византией и Хазарией продолжали сохраняться. Из того факта, что, с одной стороны, византийским спафарокандидатом Петроной Каматиром около 833 г. была построена для хазар крепость Саркел, а с другой — Херсонес и окружающие его местности были обращены в фему тем же Петроной, — вытекает наличие какой-то общей опасности, грозившей в то время и хазарскому государству и области Херсонеса¹. Весьма возможно, что первый стратиг Херсонеса Петрона Каматир по соглашению с хазарами и принял на себя функции защиты Готии и климатов. По крайней мере, в списке должностей, составленном при Михаиле III и его матери Феодоре, он официально называется «патрицием и стратигом Климатов»².

С конца IX в. в степях Южной Руси поселяются печенеги. Постепенно распространяясь, они проникают в Крым, так что несколько десятилетий спустя, около 950 г., Константин Порфирородный писал: «Печенегия простирается вдоль всей Руси и Боспора до Херсона, Серета, Прута и 30 регионов»³. Отсюда видно, что печенеги уже заняли значительную часть Крыма и могли угрожать Херсонесу и климатам. Это подтверждается другим местом того же труда, где Константин замечает:

¹ J. B. Bury. A history of the Eastern Roman empire from the fall of Irene. London, 1912, p. 417.

² Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. «Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе», т. III, 1898, стр. 115.

³ «De administrando imperio», p. 166.

«Народ печенегов грабичит с областью Херсона, и если мы не будем находиться в дружественных отношениях с ним, он может идти на самый Херсон, грабить и опустошать Херсон и так называемые климаты»¹.

Растущее могущество печенегов означало соответствующий упадок господства хазар в Крыму. Отступая на восток, хазары должны были очищать территорию, занимаемую ими в Крыму. В начале X в. период господства хазар в Крыму уже пришел к концу. Этому упадку могла способствовать византийская политика. Пока это выгодно было Византии, она поддерживала дружественные отношения с хазарами, но быстро учла изменившееся соотношение сил в Северном Причерноморье и оценила растущее значение печенегов, дружественные отношения с которыми сделались краеугольным камнем византийской внешней политики. Эта перемена затронула также и Крымскую Готию. Когда власть хазар в Крыму ослабела, климаты и Крымская Готия освободились от нее и снова вернулись под власть Византии. К середине X в. восстановление византийской власти над Готией и климатами было уже давно закончено.

Большинство исследователей согласны в том, что восстановление византийской власти в климатах произошло значительно ранее написания «De administrando imperio», а именно не позже конца IX в.²

В первой половине X в. руссы, несомненно, угрожали византийским владениям, и, по договору Византии с Русью 944 г., Игорь обязывается положить конец этой агрессии. Константин Порфирородный не пользуется названием «Готия»; он называет эту местность климатами, как местность, которая уже давно находилась под властью Византии. Правда, этому утверждению можно противопоставить известное письмо хазарского кагана Иосифа испанскому еврею Хасдаю-ибн-Шафруту, в котором перечисляется ряд городов в Крыму, якобы принадлежавших хазарам. Многие исследователи отказываются признать это письмо целиком подлинным, так как имя Фирковича, открывшего полный текст письма, было неодно-

¹ «De administrando imperio», p. 68.

² St. Runciman, Byzantine civilisation. New York — London, 1933, p. 156.

кратно связано с фальсификацией исторических документов. Но если даже признать это письмо подлинным целиком, то здесь речь могла идти только о сохранившихся в 60-х годах X в. притязаниях хазар, а не о действительном владении¹. Во второй половине X в. под властью хазар в Крыму оставались, повидимому, только Босфор и Каффа. Эти последние остатки хазарских владений X в. были ликвидированы совместным русско-византийским походом 1016 г. Что касается крымских готов, то даже Васильев признает, что в X в., в результате долгого периода экономического, политического и идеологического воздействия Византии, немногочисленные готы в Крыму уже были эллинизированы. Между тем в третьем отрывке топарха мы читаем, что его сторонники никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились о том, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а больше всего стремились к независимости. Васильев считает, что этот текст не может относиться к крымским готам, которые в течение долгого времени находились под византийским протекторатом и вполне усвоили византийские обычаи. Точно так же вопрос о независимости никогда не возникал среди крымских готов, которые в течение веков жили сначала под властью Византии, потом хазар и, наконец, в X в. снова под властью Византии.

Отсутствие у готов в X в. стремления к независимости лучше всего подтверждается тем обстоятельством, что Константин Порфирородный в своих сочинениях даже не упоминает о готах, а говорит только о климатах. Он опасается возможного отпадения только со стороны жителей Херсонеса и заботливо перечисляет своему сыну и наследнику Роману наиболее эффективные мероприятия со стороны византийского правительства, которые следует предпринять после отпадения херсонесцев, чтобы привести их снова к покорности. Однако эти репрессии опять-таки имеют в виду только торговое население Херсонеса². Что касается местности, в которой действовал топарх, то

¹ См. ст. А. Я. Гаркави в журн. «Еврейская библиотека», т. VIII, 1880, стр. 140; В. Т. Горянов. Византия и хазары. (Обзор иностранной литературы). «Ист. зап.», № 15, 1945, стр. 262—277.

² «De administrando imperio», p. 53.

подвластные ему климаты трудно отождествлять с крымскими климатами уже по одному тому, что в X в. крымские климаты были тесно связаны с Херсонесом в единое географическое и политическое целое. Поэтому представляется совершенно невероятным, чтобы какое-либо византийское должностное лицо могло действовать здесь самостоятельно, независимо от херсонесского стратига. Еще Ф. И. Успенский выражал сомнение, чтобы византийский чиновник X в., будь это комендант крепости или командир отряда в Южном Крыму, и притом близ Херсонеса, не поискав опоры в этом крупном и хорошо укрепленном городе, шел передавать свой город и свой отряд царствующему к северу от Дуная¹. Подобное допущение он называл вопиющим анахронизмом. Для всякого, кто внимательно прочитает отрывки, ясно, что территория, на которой происходили события, описываемые в отрывках топарха, не была исконной греческой областью. Она византийская только потому, что в ней построена византийская крепость и находится византийский гарнизон, но раньше она не принадлежала византийцам. Отсюда постоянные колебания у автора: то он пишет «наша земля», то «их земля». Поэтому необходимо предположить, что дело происходит не в Херсонесе и не на южном берегу Крыма².

В X в. положение Византии на южном берегу Крыма было твердое и обеспеченное. Такой неустойчивости византийского авторитета в Южном Крыму, о которой говорится в «Записке», не могло быть. В конце второго отрывка сказано, что топарх все свои заботы устремляет на построение крепостцы или башни (εργοῦριον), так как видит в этом лучшее средство «защиты местности от набегов варваров. Но следует припомнить, что южный берег Крыма (т. е. подразумеваемая здесь местность близ Херсонеса) в X в. никогда не находился в таком положении, чтобы рассматриваться как опустошенный и не населенный край и чтобы безопасность его зависела от маленькой крепостцы или

¹ См. рецензию Ф. И. Успенского на книгу Вестберга «Комментарии на записку готского топарха». «Зап. имп. Акад. наук по ист.-филос. отделению», т. VI, № 7.

² Ф. И. Успенский. Византийские владения на северном берегу Черного моря. «Киевская старина», т. XXV, апрель 1889.

башни, маскоро выстроенной нашим топархом. Да и масштабы опустошений (было разорено 10 городов и более 500 селений вблизи города топарха и земель его сторонников) мало подходят к ограниченной территории византийской фемы Херсонеса, занимавшей вместе с климатами только узкую береговую полосу от Балаклавы до Судак.

Далее, в третьем отрывке, мы читаем, что сторонники и соседи топарха были вместе с тем и соседями «царствующего к северу от Дуная». Отсюда естественный вывод, что такое определение местности могло принадлежать только задунайскому жителю и если сторонники топарха были соседями «царствующего к северу от Дуная», то, очевидно, они и жили где-нибудь в придунайских землях. Трудно предположить, чтобы образованный византиец, живший на южном берегу Крыма, знакомый с астрономией и географией, побывавший сам в южнорусских степях на Днепре и Днестре, мог называть Святослава своим соседом и «царствующим к северу от Дуная».

В том же третьем отрывке говорится, что нравы и обычаи сторонников и соседей топарха не отличались от нравов и обычаев народа, «царствующего к северу от Дуная». Это вполне понятно, если речь идет о славянах — болгарях и живших по другую сторону Дуная восточнославянских племенах, подчиненных русскому князю. Но всякий добросовестный исследователь должен признать, что между населением южного побережья Крыма, в течение веков связанного с Византией, и восточнославянскими племенами X в. существовала весьма значительная разница в нравах и обычаях. Только сторонники норманской теории происхождения Руси, как, например, Куник, могут видеть здесь новое подтверждение норманской теории. По Кунику, собрание сторонников топарха состояло из крымских готов, которые по своему национальному характеру были довольно близки к норманнам, окружавшим русского князя и по преимуществу составлявшим его военную силу. Но даже ученик Куника Вестберг не решается поддерживать это предположение своего учителя и считает его слишком смелым¹.

Васильев пытается выйти из затруднения предположением, что под сторонниками вождя готов следует понимать руссов, которые в IX—X вв. постепенно заселяли Крым и имели там свои владения. Но Васильев и поддерживающие его в этом отношении Б. Д. Греков и В. В. Мавродин упускают из виду, что если бы при Святославе в Крыму или Тамани прочно укрепилась русская колонизация и если бы между населением Тавриды и Руськ существовали такие тесные культурные и бытовые связи, как предполагает В. В. Мавродин¹, то Святослав, возвращаясь водным путем в 972 г. после своей неудачи под Доростолом, не стал бы зимовать в Белобережье, в устьях Днепра, испытывая жестокий голод². Если он вынужден был это сделать, то, очевидно, потому, что ни в Крыму, ни на Тамани еще не было крепких русских колоний, которые могли бы оказать ему эффективную помощь людьми и продовольствием.

На основе изложенного можно сделать следующий вывод: что касается местности, в которой действовал топарх, описанной им во втором и третьем фрагментах, то подвластные ему климаты невозможно отождествлять с крымскими климатами. В X в. крымские климаты были тесно связаны с Херсонесом.

Если события, описываемые в «Записке», происходили в Придунайской области, то мы должны поставить следующие вопросы: 1) кого нужно понимать под врагом топарха, 2) кто был «царствующий к северу от Дуная», взявший топарха под свое покровительство, и, наконец, 3) когда происходили описываемые события. Большинство исследователей считали, что врагами топарха были хазары. Но если место действия происходило в Придунайской области, то о хазарах здесь, разумеется, не может быть речи. Нельзя предположить, что врагами этими была какая-либо кочевая орда вроде печенегов, опустошавшая ту или иную область. По показанию топарха, эти враги были владельцами или начальниками обширной территории, принадлежавшей стране, которая была цели-

¹ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 261.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 73—74: «И приде Святослав к порогом, и не бе льзе пройти порог, и ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полугривни глава коняча, и зимова Святослав ту».

ком в их руках, за исключением нескольких полосок, оставшихся под протекторатом Византии. Непохоже, чтобы эти враги были каким-то небольшим, мало известным народом¹. Характеристика, которую им дает топарх, — их прежняя мягкость и справедливость, их прежнее могущество, когда они одерживали блестящие победы и к ним легко присоединялись города и народы, — не подходит ни к диким печенегам, ни к разбойничьему племени черных болгар; не подходит она и к руссам, которые, по словам топарха, Фотия, Константина Порфирородного, Льва Дьякона, отнюдь не отличались мягкостью.

В. Г. Васильевский, тем не менее, видит во врагах топарха руссов, а «в царствующем к северу от Дуная» — великого князя Святослава. По его мнению, Святослав явился на Дунае первоначально как союзник Византии, что дало возможность Византии попытаться хоть частично восстановить свою власть на Дунае, тем более, что она располагала значительным флотом. Таким образом, представитель императорской власти мог явиться на Дунае с небольшой свитой и небольшим гарнизоном. Когда же византийское правительство вступило в союз с царем Петром и начало возбуждать болгар против русской власти, тогда варвары руссы со своими союзниками печенегами и венграми забыли прежнюю справедливость и начали без разбора истреблять своих подданных. Топарх сначала находился ближе к центру русских операций, т. е. к Доростолу и Переяславлю, а затем отступил в Климаты (место старой юстиниановской крепости *κλίματες*). Но местные жители, бывшие раньше на стороне византийского топарха, скоро стали искать спасения в признании верховной власти русского князя Святослава и заставили топарха сделать то же. В характеристике деятельности топарха на Дунае Васильевский колеблется: с одной стороны, он готов признать его лояльным византийцем, до конца отстаивавшим интересы империи на Дунае и ведшим, как то и вытекает из «Записки», войну с руссами; с другой — допускает, что он был спутником Калокира, вместе с Калокиром предавал Византию и

¹ А. А. Куник. О записке готского топарха, 1874, стр. 82.

потом в Доростоле¹ испросил себе помилование у Цимисхия вместе с посланцами 80 городов, плативших дань Святославу². Но совершенно очевидно, что если бы он был спутником Калокира и вместе с Калокиром предавал Византию, то он, естественно, пользовался бы покровительством Святослава и никакой войны против него руссы, разумеется, не вели бы.

Трудно представить, чтобы в 968—969 гг., после покорения Дунайской Болгарии руссами, византийское правительство посылало свои гарнизоны в эту страну, так как Святослав не нуждался в помощи, а источники свидетельствуют о том, что Византия поддерживала Святослава только золотом. Но если бы византийское правительство и забросило неблагоразумно свои гарнизоны на Дунай и если бы эти отрезанные от империи гарнизоны попытались в 969—970 гг. вступить во праждебные действия с руссами, венграми и печенегами Святослава, то они были бы, конечно, быстро уничтожены. Известно, как беспощадно расправлялся Святослав со своими врагами, и совершенно невероятно, чтобы враждебный Святославу византийский топарх получил у него такие богатые милости, о которых рассказывается в «Записке». Область топарха должна определяться каким-то местом в придунайских странах. Однако трудно согласиться с мнением Васильевского, отождествлявшего Климаты топарха с юстиниановским укреплением *κλέμυδες*, так как, во-первых, невозможно допустить, чтобы небольшое юстиниановское укрепление, построенное в VI в., сохранилось на Дунае до конца X в.; во-вторых, юстиниановские *κλέμυδες* и в звуковом отношении не подходят к *τὰ κλέμυδα*; в-третьих, из первого отрывка видно, что владение топарха пужпо искать поближе к Маврокастроу, где находился топарх с его отрядом. А самое главное — в тексте записки не замечается ни малейшего намека на то, чтобы варвары, враги топарха, были тождественны с подданными русского князя. Напротив, все говорит, что это были два совершенно различных народа. В «Записке» мы читаем: «Варварам не была доступна никакая пощада даже в отношении к са-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 210.

² Там же, стр. 212.

мым близким». Какие же близкие соплеменники могли быть в Болгарии у руссов? Как мы уже устанавливали, из слов топарха достаточно определенно вытекает, что какой-то вождь опустошал свою собственную страну. Васильевский отождествляет «царствующего к северу от Дуная», которого избирают своим господином и покровителем собравшиеся топархом его сторонники, с главой тех самых варваров, которые, по свидетельству топарха, бесчеловечно все опустошали. Из третьего отрывка мы узнаем, что из опасения, чтобы неприятель не появился снова с большим войском, топарх принимает разнообразные меры: обучает своих людей военному делу, укрепляет стены города, собирает знатнейших людей на совещание.

Во всех его действиях проглядывает твердое решение вести войну дальше, а не желание заключить мир с варварами. Он раньше делал мирные предложения, но они оказались совершенно бесполезными. Поэтому соглашения с варварами быть не могло. Поэтому и на собрании речь идет не о заключении мира с неумолимыми варварами, а о выборе сильного покровителя, который мог бы охранить от неприятельских покушений. Трудно предположить, чтобы сторонники топарха, присутствовавшие на этом собрании, возымели намерение броситься в объятия тех самых варваров, которые не давали пощады даже своим единомышленникам и которые только что потерпели поражение вблизи Климатов.

От этих непримиримых врагов сторонники топарха не могли получить ни мира, ни независимости. «Лучшие люди», явившиеся на зов топарха, были сторонниками топарха, а не варваров. Они объединились с топархом для общей борьбы, направленной именно против опасных варваров. Если бы варвары были русскими, как это предполагает Васильевский, и русские вели борьбу с топархом, то как объяснить столь лестный для топарха прием у русского великого князя, быстрое окончание дела и выгодные условия договора?

Таким образом, содержание второго и третьего отрывков не подтверждает мнения Васильевского, который во прагах топарха видит руссов, а в «царствующем к северу от Дуная» великого князя Святослава. По той же причине мы не можем признать и выводы М. А. Шангина,

который в своей работе «Византийские источники о войнах Святослава» также относит «Записку» топарха к времени войн Святослава в Болгарию, приурочивая содержание «Записки» к событиям 970 г., и пытается идентифицировать Климаты «Записки» с фракийскими Климатами, которые, по Константину Порфирородному, находились на реке Месте¹.

Константин, действительно, упоминает среди городов фемы Фракии, рядом с Филиппополем, Фазосом и Самофракией, «Клима Местик и Аконтисма». По мнению М. А. Шангина, с таким географическим определением местопребывания топарха согласуется, что он был представителем современной ему греческой образованности, а также и то, что греки этого края находились в непосредственном общении со своими соседями — славянами, а отсюда — признание жителями этого края родства своих обычаев с обычаями соседнего славянского населения. Шангин полагает, что греки сначала оставили свой город, потом возвратились в него и при наступлении зимы 969 г. отразили пабег врагов. По мнению Шангина, описываемые в третьем отрывке общие действия были вызваны набегами на Фракию русских и их союзников — печенегов и венгров — в 970 г. В том же году топарх этих фракийских Климатов вместе со своими соседями отдался под власть Святослава. Таким образом, Шангин, так же как Васильевский, считает, что врагами топарха были русские. Мы уже указывали, почему этот взгляд непримлем.

Но против теории Шангина могут быть выдвинуты и дополнительные возражения. Прежде всего, мы не знаем, существовал ли действительно в феме во Фракии в X в. такой город или административный округ, так как Константин заимствовал перечисление городов Фракии из источника VI в. — Синекедема Иерокла. Далее, вероятно, чтобы начальник города или небольшого административного округа, близкого к столице, действовал так независимо, помимо византийского правительства, и затем-то очутился на Днепре и Днестре. Непонятно также, как мог Святослав раздавать города и владения в не принадлежавшей ему никогда византийской Фракии. Так же

¹ «De thematibus», ed. Bonn., p. 47.

невероятна гипотеза Миллюкова, полагавшего, что врагами топарха были болгары эпохи царя Симеона (в конце IX в.). Во времена Симеона Византия не могла сохранить свои собственные владения во Фракии и Македонии. Поэтому трудно предположить, что при Льве Мудром византийские гарнизоны могли появляться на Дунае. Затем византийский автор не мог называть болгарского царя Симеона царствующим к северу от Дуная и, наконец, гипотеза Миллюкова совершенно не согласуется с палеографическими наблюдениями Газе.

Итак, если события, о которых рассказывается в «Записке», происходили в Придунайской области, то, очевидно, их нужно отнести к тому времени, когда Болгария была уже завоевана Византией и византийские гарнизоны действительно появились на Дунае. После победы Цимисхия над Святославом он оставил в дунайских городах достаточные гарнизоны, в окрестностях Филиппополя расселил выведенных из Азии павликиан, Доростол переименовал в Теодорополь. Как всякая вновь покоренная область, Дунайская Болгария получила военную администрацию, но воля болгарского народа к независимости не была сломлена, и понадобились еще десятки лет ожесточенной борьбы, чтобы привести Болгарию к покорности. Одним из важнейших пробелов в истории греко-болгарской борьбы конца X и начала XI в. навсегда останется отсутствие собственно болгарских источников. Это обстоятельство усугубляется потерей современной той эпохе хроники Феодора Севастийского и тем, что мы должны почерпнуть наши сведения об этой войне из компиляции XII в. Неудивительно, что важные события этой войны до настоящего времени остаются плохо освещенными. Однако известно, что смерть Цимисхия и внутренние смуты в Византии в связи с гражданской войной, начатой Вардой Склиром, бедственно отразились на новых приобретениях Византии. Пользуясь удобным случаем, против византийских поработителей поднялись западные болгары, во главе которых стояли четверо братьев комитопулов: Давид, Моисей, Аарон и Самуил; из них на первый план выдвинулся Самуил¹.

¹ Skylitzes-Cedreni, p. 434; Zonaras, p. 175.

Склира-Кедрия пишет: «В то время как ромейские силы были заняты борьбой против Склира, Самуил, уловив удобный случай, разорял весь Запад, не только Францию, Македонию и окрестности Фессалоники, но и Фессалию, Элладу и самый Пелопоннес. Он взял много укрепленных городов, в числе которых главным был Ларисса. Жителей целыми родами он переселял во внутреннюю Болгарию и, зачисляя в свои воинские списки, пользовался их содействием против греков».

В то же время или немного позднее была потеряна Византией почти вся Дунайская Болгария, хотя не исключена возможность, что, имея флот и используя такую артерию, как Дунай, Византия могла сохранить отдельные пункты на Дунае. Но положение этих отрезанных от Византии гарнизонов становилось все более тяжелым. Они в значительной степени были предоставлены самим себе, что и заметно в действиях нашего топарха. Попытка молодого императора Василия II нанести удар восставшим болгарам у Софии (Средца) закончилась 17 августа 986 г. полной неудачей: потерей обоза, казны, гибелью большого количества войска¹.

За этим ударом Византию постигло новое тяжелое бедствие — восстание Варды Фоки (987—989). Положение на Балканах в это время картинно изображает византийский поэт Иоанн Геометр во втором стихотворении: «А то, что делается на Западе, какое слово нам это расскажет? Толпа скифов... как будто на своей родине рыщет и кружит здесь по всем направлениям. Как из земли произрастающие благородные ветки, они с корнем вырывают крепкую породу железных мужей, и меч делят пополам поколение младенцев: одни остаются матери, других враг вырывает насильем своих стрел. Прежде крепкие города — теперь легкий прах, табуны лошадей там, где жили люди. Видя это, как перестану — удержусь от слез? Так истребляются города и села». Очевидно, здесь описывается та же картина, которую мы видим в «Записке» топарха. Врагами византийского топарха являлись комитопулы и их приверженцы, жестоко управлявшиеся не только с византийскими гарнизонами,

¹ А. Л. Липовский. История греко-болгарской борьбы в X—XI вв. ЖМНП, ч. 278, ноябрь 1891, стр. 130—132.

но и со сторонниками византийцев, которых было немало среди кметей, духовенства, влахов. Из слов топарха достаточно ясно, что какие-то вожди опустошали свою собственную страну и не щадили своих единоплеменников.

Восстание комитопулов против Византии носило характер гражданской войны. С одной стороны, на сторону комитопулов перебогали отдельные византийские динаты, недовольные Василием, как Ватаца, Василий Глава, Никкулица; с другой — Самуил должен был умертвить собственного брата Аарона, уличенного в предательских сношениях с Византией. Зять Самуила предательски сдал Византии важную крепость Дураццо, епископ Виддинский помог византийцам овладеть Виддином. Понятно, что поборники болгарской независимости жестоко расправлялись не только с византийцами, но и с их прислужниками и сторонниками. Естественно, что автор-византиец очень недоволен поведением Самуила и, так же как Иоанн Геометр, описывает современное положение дел в Болгарии самыми мрачными красками. С этим неумолимым врагом у византийского топарха не могло быть ни примиренья, ни соглашения. Хотя главным театром военных действий все время была Западная Болгария, но и на Дунае положение византийских гарнизонов, не получавших помощи, становилось все более тяжелым. Постепенно под ударами комитопулов один за другим гибли несчастные соседи топарха. Он сам был вынужден отступить и на новом месте строить крепости из остатков старой, разрушенной крепости. Положение казалось таким безнадежным, что созванное топархом собрание местной знати, еще подчинявшейся Византии, увидело единственное средство спасения в том, чтобы отдаться под покровительство «царствующего к северу от Дуная». Хронологически время описываемых в «Записке» событий может быть приурочено к периоду от смерти Цимисхия, когда комитопулы открыто выступили, до 1001 г., когда византийские полководцы Теодорохан и Никифор Ксифия снова покорили Придунайскую Болгарию, взяли города Великую и Малую Преславу, Плиску, Доростол и другие придунайские крепости¹. В 1003 г. власть Византии

¹ В. Н. З л а т а р с к и. История на Българската държава. Т. I, ч. 2. София, 1927.

в Придунайской Болгарии была окончательно закреплена. Следовательно, наблюдаемая топархом в первом отрывке констелляция звезд в Борнионе могла иметь место в 993 г., когда Сатурн проходил созвездие Водолея.

Теперь нам остается разрешить вопрос, кто был «царствующий к северу от Дуная», к покровительству которого прибегли теснимые восставшими болгарами топарх и его сторонники.

Если события «Записки» относятся, как мы признали, к области Нижнего Дуная и приурочиваются к последнему десятилетию X в., то покровителями топарха могли быть только венгерский король Стефан или русский великий князь Владимир. Что касается Венгрии, то после набегов и побед, устранивших всю Западную Европу в начале X в., венгры потерпели сильное поражение от Оттона I под Лехом в 955 г., значительно их ослабившее. После этого Венгрия начинает играть активную роль в делах Восточной Европы только с 70-х годов XI в. К концу X в., в царствование Стефана I, венгры были крещены, но новая вера медленно распространялась в массах. В Трансильвании венгры начинают проникать при Стефане I. Источники не сохранили следов активного вмешательства венгров в болгарско-византийскую войну. Мы знаем, что в 999 г. Самуил заключил мирный договор с мадьярами, скрепив его браком своего сына Гавриила Радомира с дочерью венгерского короля. Но, повидимому, византийская дипломатия помешала упрочению дружественных отношений между Венгрией и Болгарией. Зато между Византией и Венгрией при Василии II установились самые дружественные отношения, что, вероятно, и явилось причиной произошедшего вскоре развода Гавриила Радомира с дочерью венгерского короля и изгнания последней из Болгарии.

Дружественные отношения между Василием II и Стефаном делали бы правдоподобным предположение о том, что греческий топарх со своими сторонниками мог искать и получить покровительство венгерского короля, если бы это не противоречило указанию «Записки», что сторонники топарха не отличались по своему быту и нравам от быта и нравов народа, «царствующего к северу от Дуная». Мы знаем, что в указанное время венгры в огромном большинстве оставались кочевниками и даже в XII в.

еще сохраняли пережитки кочевого быта. Зато русские, входившие в состав государства великого князя Владимира, действительно были единоплеменниками дунайских болгар и мало отличались от них в своем быту.

Бурачков полагает, что Русь в то время была отделена от Дунайской Болгарии землями печенегов, и потому нельзя сказать, что владения русских князей граничили с землями дунайских болгар. Но исторические свидетельства показывают ошибочность этого утверждения. Еще в летописные времена по Днестру и Бугу, вплоть до Дуная, сидели восточнославянские племена уличей и тиверцев: «Улучи и тиверцы сидяху бо по Днестру, приседяху к Дунаси, бе бо множество их седяху по Днестру от до моря. Суть бо гради их до сего дня» — сообщает летописец. В своем продвижении на запад от низовьев Днепра уличи заходят далеко вглубь современной Молдавии, где самые названия поселений, как Сулучи, Залучи, Лучну, Улуйцы, свидетельствуют о пребывании уличей¹.

Связи между развивающимся русским государством, центром которого было Среднее Поднепровье, и Дунаем были очень тесными. Мы не говорим о торговых караванах русских, которые регулярно заходили в устье Дуная. В XI, XII, XIII вв. и даже позднее по Пруту и Днепру, и даже Трансильвании сохраняются русские поселения. Анна Комнина сообщает о самостоятельных князьях, правивших на нижнем Дунае; в числе их она называет русского князя Всеслава, правившего в Вичине². Русские не сплошь занимали территорию нижнего течения Дуная. Атталиот говорит о множестве городов по Дунаю, а население их называет многоязычным. Еще в начале XII в. русские играли довольно активную роль на Дунае.

В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишча, который сажает в подунайских городах княжеских посадников, причем для этого Мономаху не пришлось

¹ М. С. Грушевский. Киевская Русь. СПб., 1911, стр. 240—256; Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 99; В. В. М я в р о д и н. Русские на Дунае. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», сер. гуманитар. наук, № 87, стр. 4—17.

² Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата. «Византийский временник», т. IV, вып. 3—4, 1897, стр. 322; В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, ЖМНП, ч. 164, 1872, стр. 305.

прибегать даже к военным действиям. В XII в. Подолия, Галичина, Буковина, части Молдавии и Бессарабии входили в состав Галицкого княжества — древней Червоной Руси. Наличие не отдельных русских жителей, а целых поселений по Днестру и Дунаю подтверждается Воскресенской летописью, где имеется длинный список городов русских, расположенных по Днестру и Дунаю¹. Таким образом, наличие русских поселений к северу от нижнего Дуная не вызывает сомнений. Известно, что никогда авторитет великого князя киевского в Восточной Европе не стоял так высоко, как при Владимире. Владимир, по существу, закончил объединение восточнославянских племен. Летопись сообщает, что в 981 г. он подчинил себе Волынь и Галицию. В следующем году он выступил против восставших ятвячей; в 983 г. «пде Володимер на ятвяги, и победи ятвяги, и взя земли их». В 984 г. Владимир воевал с волжскими болгарами. Ф. И. Успенский полагал, что Владимир вмешался в борьбу между дунайскими болгарами и Василием II, но Б. Д. Греков убедительно доказал, что Владимир воевал с камско-волжскими болгарами².

Отношения с Византией при Владимире претерпели немало резких изменений. Как свидетельствует Яхья, у Владимира с Византией долгое время были враждебные отношения. В 987 г. эти враждебные отношения сменяются союзом. Посылкой шеститысячной дружины в Константинополь, которая в двух сражениях разгромила Варду Фоку, Владимир спас Василия II от политической, а может быть, и физической гибели. Но так как Василий II не выполнил условий договора и отказал Владимиру в выдаче замуж своей сестры, то Владимир в 989 г. направляется в Крым и после нескольких месяцев осады берет Херсонес. Эта катастрофа произвела глубокое впечатление в Византии. Василий должен был заговорить другим языком. Он сейчас же, несмотря на слезы Анны, посадил ее на корабль и доставил в Херсонес. За этим последовало бракосочетание Владимира и крещение Руси. После крещения Русь вступает в более близкие отношения с византийской империей. Владимир и после

¹ «Полное собрание русских летописей», т. 7, стр. 240.

² Б. Д. Греков в. Указ. соч., стр. 466.

крещения держался по отношению к Византии достаточно самостоятельно. Главой русской церкви и настоятелем построенной Владимиром десятиной церкви стал Анастас, который сдал Херсонес Владимиру. Владимир высылал на Русь болгарских церковников, выписывал церковно-богослужебные книги на славянском языке. Но родственные связи с византийским двором и начатая Владимиром христианизация Руси выпуждали его поддерживать дружественные отношения с Византией. Он не отозвал варяго-русской дружины из Константинополя, и она играла славную роль в течение всего царствования Василия II. В 1016 г. войска Владимира и Василия Болгаробойцы предприняли совместный поход против хазар и вскоре одержали победу, в результате которой остатки хазарских владений были разделены между союзниками¹. Во вполне обоснованном представляется предположение, что в период наибольших успехов Самуила находившийся на Дунае византийский топарх вместе со своими сторонниками из туземного населения, теснимый восставшими болгарами и отрезанный от Византии, мог искать спасения и покровительства у русского князя Владимира.

Нас не удивляет, что великий князь Владимир, зять Василия II, дружественно отнесся к византийскому топарху и не только оставил в его руках власть над небольшим городом Климатами, но и предоставил ему целую сатрапию; сверх того, Владимир обеспечил топарху достаточные ежегодные доходы: подаренная ему пограничная территория могла рассматриваться как его собственная. Во всяком случае, покровительство великого князя имело решающее значение для врагов топарха, которые к тому же, как видно из текста, не располагали большими силами на Нижнем Дунае.

Васильевский считал, что время Владимира никак не подходит для объяснения событий, описанных в «Записке». Он писал: «В 993—99 гг. мы не можем допустить неприязненных отношений Руси с греками»². Но из изложенного видно, что таких неприязненных отношений и не было. Врагами топарха, заставившими его искать покровительства русского князя, были болгары Самуила, а не руссы Святослава.

¹ Skylitzes - Cedreni, t. II, p. 464.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 206.

Однако топарх все же не добровольно и не сразу отдался в руки киевского князя. Как видно из текста «Записки», он созвал предварительно собрание своих сторонников для того, чтобы они объявили себя византийскими подданными и тем самым подкрепили его силы, и только по требованию собрания согласился заключить с киевским князем договор и предаться ему, причем сделал это потому, что у него не было другого выхода. Ф. И. Успенский считает псевдотыпичным, чтобы византийский чиновник X в., приложив все усилия к тому, чтобы найти иной выход, сдал свои полномочия «царствующему на север от Дуная» и таким образом совершил акт государственной измены.

Но сам же Ф. И. Успенский признает, что топарх действует с исключительной энергией потому, что находится в чрезвычайных обстоятельствах. Во время византийско-болгарской войны при Василии II византийские должностные лица, находившиеся в подобных обстоятельствах, нередко действовали весьма самостоятельно и проявляли собственную инициативу. Так, в открытом Васильевским «Стратегиконе» Кекавмена, в главе «О разумном начальнике крепости», Кекавмен рассказывает следующее: «Когда дед мой Кекавмен был в Лариссе, имея власть над Элладой, тиран болгарский Самуил много раз пытался то войной, то хитростью овладеть Лариссой, но всякий раз терпел бесславное поражение. [В свою очередь, дед мой] то преследовал его войной, то старался смягчить его самого и приближенных подарками. Поступая так, он получал полную возможность сеять и жать и таким образом сохранять своих людей в довольстве. Когда же увидел, что тиран взял верх, то он признал его своим государем и, таким образом опять проведя его, посеял и сжал. Он написал порфирородному императору Василию, что я де, святой мой господин, вынужденный отступить, велел лариссийцам признать его своим государем и они с богом сеяли и жали, и твоими молитвами я собрал плодов столько, что лариссийцам их будет достаточно на четыре года, и вот мы теперь опять — твои рабы. Узнав об этом, царь одобрил хитрость моего деда»¹.

¹ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI в. ЖМНП, ноябрь, 1881, стр. 103.

Таким образом, мы видим, что «Записка» топарха не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готам. Автор «Записки» — византийский чиновник, а не крымский владетельный князь. Точно так же ни Святослав, ни хазары не имеют никакого отношения к «Записке». «Записка» проливает новый свет на историю греко-болгарской борьбы при Василии II и Самуиле. Непонятно, как болгарские историки до сих пор не обратили внимания на этот источник, представляющий значительный интерес для изучения эпохи героической борьбы болгарского народа за свою независимость.

«Записка» показывает отчаянные усилия византийских властей удержаться в Придунайской области в период наибольших успехов Самуила. Это был период, когда Византия, пытаясь восстановить старые римские границы в Придунайской области, наталкивалась на ожесточенное сопротивление болгарских народных масс, боровшихся за свою независимость. «Записка» знакомит нас с деятельностью византийских администраторов конца X в., которые развивали большую активность, проявляли гибкость и изворотливость. Мы можем привести немало примеров самостоятельных действий византийских администраторов времени Василия II. Достаточно вспомнить, например, какую находчивость, соединенную с чисто византийской неразборчивостью в средствах, проявляли во время подавления болгарского восстания такие сподвижники Василия II, как Константин Дюгген при овладении Сирмием, Евстафий Дафномонхис в борьбе с представлявшим серьезную опасность для Византии болгарским вождем Пивадем.

Однако значение «Записки» топарха этим не ограничивается. Этот документ представляет серьезный интерес как новое доказательство тесных связей древней Руси с придунайскими странами в конце X в. и как иллюстрация того влиятельного положения, которое занимал в то время русский великий князь в Восточной Европе.

Вместе с тем «Записка» топарха является важным источником, подтверждающим наличие русского оседлого населения в придунайских областях и в устье Днестра, где в половине XI в. была даже учреждена церковная митрополия, получившая название «Маврокастро» или «Новая Россия».

КРЕЩЕНИЕ РУСИ ПРИ ВЛАДИМИРЕ

Крещение Руси обычно приурочивается ко времени княжения Владимира Святославовича и к определенному году — 988 или 989. Такое приурочивание далеко от исторической точности, поскольку христианизация Руси представляла вековой, длительный и сложный процесс. Обращение в христианство еще в IX в. части дружинников и купцов, появление христианской церкви в самом Киеве, крещение княгини Ольги — все это подготовило крещение Руси при Владимире. Приятие христианства Русью было явлением закономерным. К концу первого тысячелетия нашей эры христианство охватило большую часть Европы. Обе церкви — Западно-Римская и Восточно-Греческая — действовали самостоятельно, каждая в своем районе. Западная церковь втянула в круг своего влияния все романские и германские народности, а из славян западную группу — хорватов, чехов и поляков, Восточная церковь — славян южных (болгар, сербов) и восточных (русских).

Уже давно за преобладание в Киеве спорили представители трех исповеданий: сторонники римской церкви, греческой и мусульмане халифата.

Неоднократные попытки распространения латинской веры шли из Рима. Из Германии присылали латинского епископа при Ольге, были также посольства к Ярополку перед ссорой его с братом. Но утвердилось все же на Руси византийское православие.

Мы уже говорили о роли Болгарии в христианизации Руси. Греческая иерархия, установленная на Руси Фотием и Игнатием, едва ли пережила политический пере-

ворот в Киеве, о котором говорит «Повесть временных лет» под 882 г., но христианская община не погибла.

Имеются серьезные данные полагать, что в конце IX в. богослужение в Киеве совершалось на славянском языке и по славянским книгам, получаемым из Болгарии. Христианизация древней Руси была длительным процессом, и в этом процессе до Владимира христианство болгарское оказывало более активное действие на древнюю Русь, чем христианство византийское¹.

Открытия советской археологии все более разрушают ошибочное представление о крайне слабом развитии письменности на Руси в X в. Гнездовская надпись, недавно обнаруженная Д. А. Авдусиным и М. Н. Тихомировым, показывает, что грамотность на Руси восходит к концу IX в. и первым десятилетиям X в., причем при обучении грамоте обычно пользовались кириллицей². Если мы вспомним, что кириллица была принята в Болгарии, с которой Русь в X в. имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представляется вполне закономерным.

Почти во всех рукописных списках «Повести временных лет» под 898 г. записано: «Яже грамота есть на Руси и в болгарех дунайских»³. Если верить этому сообщению летописи, то еще за сто лет до официального крещения Руси славянская грамота употреблялась в Болгарии и на Руси. Следовательно, в то время на Руси уже существовала церковная религиозная литература. В некоторых древних рукописях «Повести временных лет» устанавливается зависимость между крещением болгар, переводом церковных книг на славянский язык и крещением Руси⁴.

Однако никакие влияния не могли бы сделать христианство господствующей на Руси религией, если бы сама Русь своим внутренним развитием не была подготовлена к принятию христианства. Правящие круги на

¹ А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. «Научно-исторический журн.», СПб., 1914, № 4, стр. 52.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древняя русская надпись. «Вестник АН СССР», 1950, № 4, стр. 78.

³ Лаврентьевская летопись под 898 г.

⁴ ПСРЛ, т. XV, стр. II.

Руси выполнили только то, что диктовалось всем ходом исторического развития.

Крещение Руси стоит в тесной связи с политической ситуацией, сложившейся в Восточной Европе к концу X в. В войне с Цимисхом Святослав не мог добиться осуществления своих планов, но он продемонстрировал силу русского оружия, и Византия сохранила прочную память о храбрости русских войск. Не прошло 15 лет после войны Святослава с Цимисхом, как византийский император Василий II, находясь на краю гибели, вынужден был обратиться за помощью к русскому князю Владимиру.

Конечная неудача Святослава и его гибель не могли не вызвать на Руси смуты и волнений. Боярские группировки, правившие в Киеве, в земле древлян и в Новгороде именем молодых сыновей Святослава, заботились только о своих местных интересах.

Отправляясь во второй поход в Болгарию, Святослав оставил в Киеве своего старшего сына Ярополка; второго сына, Олега, посадил в древлянской стране, третьего — Владимира — в Новгороде. Вскоре после смерти Святослава между этими князьями обострились противоречия, и Ярополк прибег к силе, чтобы снова объединить все русские земли под своей властью. Олег Древлянский пал в борьбе с Ярополком. Владимир бежал в Скандинавию, и Ярополк поставил своего посадника в Новгороде. Владимир возвратился из-за моря с наемной варяжской дружиной, снова занял Новгород, собрал большое войско из варягов, славян, чуди и кривичей, занял также Полоцк и пошел на Ярополка.

Владимир располагал значительно большими силами, чем Ярополк, который не мог поэтому успешно вести борьбу с Владимиром (по сообщению «Повести временных лет», ему изменяли приближенные). Он бежал из Киева и погиб вследствие измены. Варяги, помогавшие Владимиру, ожидали богатой добычи, думали учинить какой-то бунт против него. Но Владимир, не доведя дела до открытого конфликта, сумел уладить его и оставить варягов ни с чем. Сообщение «Повести временных лет» о том, что после взятия Киева Владимир отослал варягов в Константинополь, возможно, отражает действительный факт. Но так же вероятно, что сообщение «Повести» под 980 г.

является отражением случившихся позднее событий — отправки русского вспомогательного корпуса на помощь Византии в 987 г.

В дальнейшем процесс объединения восточных славянских племен в единое государство протекает интенсивно. Период княжения Владимира (980—1015) можно рассматривать как время высшего подъема Киевского государства.

Владимир осуществляет обе главнейшие функции средневекового государства: закрепляет свою власть над подвластной ему территорией и упрочивает положение боярства; в то же время он расширяет границы государства, включая в него новые, еще не покоренные племена, и защищает его от нападения врагов, прежде всего — печенегов. Войны, которые вел Владимир в первые годы княжения, были необходимы для укрепления внутреннего положения и обеспечения безопасности границ государства извне.

Так, два похода Владимир предпринял с целью покорения вятичей, которые ранее были подчинены Святославу, но потом, очевидно, отпали. Владимир снова заставил их платить дань¹. Силой оружия он принудил к повиновению живущих в области Верхнего Днестра радимичей². Для охраны границ Владимир должен был выступить против ятвягов, обитавших на Среднем Немане³. С двойным походом на вятичей, очевидно, были связаны военные действия против волжских болгар. По сообщению летописи, поход этот, в котором участвовал вспомогательный конный отряд торков, закончился победой Владимира⁴.

Об этом походе упоминается в «Похвале Владимиру»⁵, в которой болгарам дан эпитет «серебряные». В рукописи, использованной Татищевым, это слово подверглось порче, и потому Татищев считает, что Владимир воевал с болгарами и сербами. Отсюда предположение Соловьева, что

¹ Лаврентьевская летопись под 981 и 982 гг.

² Там же, под 984 г.

³ Там же, под 983 г.

⁴ Там же, под 985 г.; В. Д. Г р а к о в. Киевская Русь. М., 1949, стр. 466.

⁵ «Зап. имп. Акад. наук», сер. 8, т. I, № 6, 1897, стр. 6, 31.

Владимир совершил поход в Дунайскую Болгарию¹. Это предположение принял и Ф. И. Успенский², пытавшийся его обосновать ссылкой на Льва Дьякона, где говорится о «скифском мече» (*μᾶχιον σκιδῆν*), от которого едва не погиб в сражении при Сардики 17 августа 986 г. историк Лев Дьякон³.

Но Лев Дьякон выше сообщает, что на императорские войска напали млы (болгары), и ни единым словом не упоминает о русских как врагах Византии. Из дальнейшего изложения его ясно видно, что он не только русских, но и болгар называл скифами⁴. В русской летописи сказано, что Владимир воевал с болгарами и победил их, однако, как мы видели выше, предположение Ф. И. Успенского о том, что это были дунайские болгары, неправильно (см. стр. 336). Сообщение Яхьи⁵, что русские, когда Василий запросил их о помощи, были его врагами, не означает, как предполагает Ф. И. Успенский, что между Византией и Русью существовала война⁶. Гораздо более правильное толкование этого места дает Розен, выяснивший, что между Русью и Византией существовала только натянутость отношений⁷. Несмотря на победу над волжскими болгарами, их территория не была включена в состав русского государства. Повидимому, Владимир и не ставил себе такой цели. Возможно, что от болгар требовалось только признание, что вятичи входят в состав русского государства. В 981 г. Владимир ходил в поход из-за червенских городов. В 983 г. он совершил поход на литовское племя ятвягов и, по словам летописи, «взя землю их». Владимир не только расширяет пределы своего государства, но и укрепляет связь между отдельными его частями. В первые годы своего правления он сделал попытку приспособить язычество к своей объединительской политике. Исходя из политических мотивов, он

¹ С. М. Соловьев. История России. Т. I. Изд. 6-е, 1883, стр. 166—167.

² ЖМНП, ч. 232, апрель 1884, стр. 293.

³ Leonis Diaconi, ed. Bonn, p. 173.

⁴ Ibid., p. 171.

⁵ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 23.

⁶ ЖМНП, ч. 232, 1884, стр. 307.

⁷ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 195.

хотел собрать всех богов, которым поклонялись различные племена, и составить из них в Киеве пантеон¹. «И поставил кумир на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь»². В числе владимировых богов, поставленных на видном месте для всенародного поклонения, находились не только русские боги: между Перуном и Дажьбогом, богом солнца, стоял Хорс, тоже бог солнца народов Востока. Поставлен был тут и Симургл — божество, упоминающееся в эпосе народов Средней Азии. Тут же находилась и Мокошь — богиня финских племен. Но в этом пантеоне нет норманских божеств, и Геденов правильно отмечает, что даже поверхностного рассмотрения достаточно для установления разноплеменности руси и норманнов³.

Владимир хотел создать религию, которая могла бы служить прочной основой для объединения всего государства. Но попытки модернизации старых культов не отвечали назревшим нуждам, так как языческие боги, представлявшие пережиток первобытного строя, с характерным для него бесклассовым обществом, не могли удовлетворять потребностям общества классового. Для тех целей, которые ставили правящие классы Киевского государства, гораздо более подходило христианство, с его детально разработанным учением и сложной церковной организацией.

Но, в отличие от Чехии и Польши, христианство на Руси было принято уже не по римскому, а по византийскому обряду. В нашей летописи сохранились лишь слабые отзвуки борьбы, предшествовавшей крещению Владимира. Сюда относится легенда об испытании вер. Когда в IX в. встал вопрос о крещении болгар, то на этой почве возникли значительные осложнения, приведшие к временному разрыву между Восточной греческой и Западной римской церковью.

Если крещение сравнительно небольшого болгарского народа могло повести к таким осложнениям, то еще большая борьба должна была происходить за при-

¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 472.

² Лаврентьевская летопись под 980 г.

³ С. А. Геденов. Варяги и Русь. Ч. I. СПб., 1876, стр. 45.

общение к христианству обширного русского государства. Из этой борьбы, в которой принимали участие христиане—греки и немцы, мусульмане и иудеи-хазары, победителями вышли греческие церковники.

С этим событием, имевшим крупнейшее значение не только для Руси, но и для всей Восточной Европы, нас знакомят разнообразные источники. Первым источником является летописный рассказ о Владимире и его крещении под 6494—6496 гг. Но Шахматов показал, что корсунская легенда сложилась не раньше второй половины или даже последней четверти XI в.¹ Шахматов предполагает, что речь Философа и наставление в вере взяты из не дошедших до нас сообщений о крещении болгарского царя Бориса греками². Автором этой легенды мог быть грек-христианин, один из создателей древнерусской церковной организации, человек хорошо знающий топографию Херсонеса, вставляющий греческие слова в русскую речь («кубара», «лимен», «Василики»). «Повесть временных лет» также дает ценные сведения об осаде и взятии Херсонеса и обстоятельствах крещения Владимира и Руси.

Со времени XIX в. русская историография обладает тремя другими древними источниками, которые проливают свет на интересующий нас вопрос. Первый относится к половине XI в., но дошел до нас в памятниках XV—XVI вв. Это — «Слово о законе и благодати», приписываемое митрополиту Илариону³.

Второй из этих памятников — житие Бориса и Глеба Нестора. Так же как и в предшествующем памятнике, в нем не говорится ни о крещении Владимира в Херсонесе, ни о приходе к Владимиру миссионеров разных стран. Согласно этому источнику, Владимир, вдохновленный свыше, открыл истину сам собою. Крещение датируется в нем 6495, т. е. 987, а не 988 г.

¹ А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 134.

² Там же, стр. 52.

³ А. В. Горский. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава. М., 1844; Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 75—86.

Третий источник — «Память и похвала Владимиру»¹. Этот документ приписывается мниху (монаху) Якову, упоминаемому в летописи под 1074 г.² Он, несомненно, принадлежит к домонгольской литературе и сохранился в рукописях, самая древняя из которых датируется XV в. В этом памятнике, так же как и в предшествующих, говорится, что Владимир принял христианство по вдохновению свыше. Крещение отнесено в нем к 987 г. Здесь же сообщается, что «после крещения Владимир прожил 28 лет» и что на третий год после крещения взял город Херсонес.

Следующее место занимают арабские источники. Только после их привлечения сделалось возможным связать крещение Руси с общеполитической ситуацией в Восточной Европе и Передней Азии того времени. Соответствующие разделы хроники Яхьи Антиохийского даны в русском переводе Розена³. Хроника Яхьи составлена в первой половине XI в., следовательно вскоре после того, как произошли излагаемые в нем события. Хроника Аль-Мекина, папиisanная в XIII в. и переведенная на латинский язык в XVII в., самостоятельной ценности не имеет. Относящиеся к истории Руси разделы переведены В. Г. Васильевским⁴. Сообщение Ибн-Эль-Атира, умершего в 1223 г., также не имеет самостоятельного значения. Русский перевод глав, касающийся подавления восстания Варды и принятия христианства, сделан Розеном⁵.

Для освещения вопроса о крещении Руси большой интерес представляют сообщения почти современного этому событию армянского историка Стефана из Тарона, на которые впервые обратил внимание В. Г. Васильевский⁶.

¹ «Христианское чтение», 1849, т. II, стр. 317—329; В. И. Срезневский. Память и похвала Владимиру и его житие. (По списку 1494 г.).

² Лаврентьевская летопись под 1074 г.

³ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 23. Комментарии переводчика, стр. 194 и 214. Издание и французский перевод Яхьи доведены только до начала царствования Иоанна Цемисхия (Ed. Kračkovsky—Vasiliev («Patrologia orientalis», t. XVIII, 1924).

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 73—83.

⁵ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 200.

⁶ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 200.

Только Стефан сообщает, что русский вспомогательный отряд, посланный в Византию князем Владимиром, насчитывал 6 тыс. чел. Содержание византийских источников этого периода очень бедно. Из современных событию византийских историков Лев Дьякон коротко упоминает только о взятии Херсонеса русскими. Пселл говорит лишь о прибытии русского вспомогательного отряда незадолго до сражения при Хрисополе¹. Скилица и Зонара упоминают о браке сестры императора Анны с князем Владимиром. Никто из византийских историков ничего не говорит о крещении Руси, хотя по сообщению арабских источников оно являлось предпосылкой брака византийской царевны с Владимиром².

Наконец, не может быть обойден подавно открытый Н. Ф. Минорским в Лондоне арабский текст книги среднеазнатского врача-естествоиспытателя XI—XII вв. Шарафа ал-Замапа Техира-Марвази, в котором содержится интересный отрывок, посвященный описанию Руси конца X в. В нем подтверждается сообщение нашей летописи о том, что в первый период своего княжения Владимир в новых условиях пытался продолжать политику Святослава, связанную с резким усилением аристократических тенденций. Попытка модернизации язычества о которой упоминается в летописи под 980 г., гонение на христиан, отраженное в рассказе о кровавой расправе с двумя варягами-христианами, обреченными в жертву богам (983 г.), и, наконец, колебание в сторону ислама (986 г.), отмеченное в рассказе Марвази, — все это звенья одной цепи. Но, разумеется, ислам с его чуждым культовым языком, не мог реально конкурировать с христианством, уже имевшим в то время многовековую традицию в южнославянских странах, тесно этнически и культурно связанных с Русью. Славянская письменность и литература пустили глубокие корни на Руси. Владимир принял смелое и единственно правильное решение: разрыв с исламом, господство которого означало бы превращение Руси в орудие мусульманского Востока, и окончательный поворот в сторону христианства.

¹ Leonis Diaconi, p. 171.

² Skylitzes-Cedreni, ed. Bonn, p. 444.

По данным источников, ход событий в 987—989 гг. вырисовывается в следующем виде. Стоя во главе одного из самых крупных раннефеодальных государств, Владимир, подобно Святославу, не мог не принимать участия в европейских делах того времени. Как и Святославу, Владимиру пришлось иметь дело с Византией, причем инициатором установления этой связи снова явилась Византия.

В Византии X в. интенсивно росло крупное землевладение, светское и церковное, несмотря на неудачные попытки отдельных императоров Македонской династии задержать этот рост. Возрастание силы и могущества феодалов неизбежно приводило к децентрализации государственной власти и ее ослаблению. В то время византийские феодалы — Фокады, Склиры, Куркуасы и др. — представляли грозную опасность для центрального правительства. Ободренные тем, что им удалось уже посадить на византийский престол двух императоров — Никифора Фоку и Иоанна Цимисхия, они хотели в третий раз по своему усмотрению распорядиться византийским троном и возвести на него domestika схол Варду Склира. Поэтому Византийская империя, которая должна была развивать успешное наступление против восточных арабов, начатое Никифором Фокой и Цимисхием, теперь раздиралась ожесточенной гражданской войной между малоазиатскими феодалами и центральным правительством. После смерти Цимисхия (10 января 976 г.) византийский престол, собственно говоря, не был свободным. Уже с 963 г. он был занят двумя сыновьями Романа II — Василием и Константином. Вследствие малолетства этих двух наследников престола, Никифор Фока и Цимисхий были только опекунами этих двух порфирородных правителей.

В 976 г. старшему из них, Василию, уже было 18—20 лет, но ничто еще не предвещало в будущем императоре способности сделаться тем властным и энергичным правителем, каким он стал впоследствии. Выпавшее из рук Цимисхия кормило правления перешло к небезызвестному нам паракимомену Василию, явная непопулярность которого и дала повод к восстанию. Варда Склир, бывший при Цимисхии domestikom схол и назначенный после смерти Цимисхия Василием на должность

стратига фемы Анатолик, отказался подчиниться этому приказу, восстал в 976 г. против центрального правительства и провозгласил себя императором. К нему присоединилась малоазнатская провинциальная военная аристократия, предоставившая в распоряжение Склира и малоазнатские фемные войска. В короткое время Склир отнял у центрального правительства всю Малую Азию. Центральное правительство не имело другого выхода как противопоставить Варде Склиру другого феодала — Варду Фоку, выпустив его из монастыря, куда тот попал после неудачного восстания при Цимисхий. Варда Фока сбросил с себя монашеское платье, и старые соперники снова встретились с оружием в руках. Долго кружили они по Малой Азии, оставляя после себя страшные следы разрушения. Два раза был разбит Фока Склиром — при Амории и при Царских банях (в округе Харсианском)¹. После этого Фока удалился в Грузию, при помощи грузинского князя — куропалата Давида собрал сильное войско и в третий раз встретился со Склиром на берегах Галиса. На этот раз удача изменила Склиру: несчастный случай с ним расстроил его войско, которое разбежалось или передалось на сторону Фоки. Склир спасся бегством на арабскую территорию, но здесь был заключен в тюрьму по приказанию наместника халифа.

Длительная гражданская война в Византии позволила западным болгарам, которые остались непокоренными Цимисхием, начать военные действия против Византии. Во время византийско-русской войны в Западной Болгарии проживал комит, или провинциальный правитель, по имени Николай. От своей жены Репсиме он имел четырех сыновей, которых он назвал Давидом, Моисеем, Ааропом, Самуилом². В Византии они были известны под именем комитопулов. Мы не знаем, какой областью правил Николай и когда он умер. Сыновья наследовали его власть. Продолжая политику Константина V, Цимисхий поселил большое количество армянских павликиан вокруг Филиппополя.

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 60.

² Procić. Die Zusätze in den Handschrift des Johannes Skylitzes, p. 28; St. Runciman. A history of the first Bulgarian empire. London, 1930, p. 216.

Западные болгарские области он, повидимому, не смог подчинить Византии. Скилица сообщает, что только после его смерти комитопулы «восстали» против Византии, однако известно, что они были независимы уже в 973 г.¹

Когда Оттон I принимал в Кведлинбурге послов различных народов, среди них были послы болгар, просившие помощи против Византии². Так как в течение 4 лет у правительства Василия II руки были связаны восстанием Варды Склира, то комитопулы имели возможность развернуть успешную деятельность.

Скоро они отобрали у византийцев большую часть завоеванной последними Дунайской Болгарии, хотя Филиппополь остался в руках Византии. Был восстановлен самостоятельный болгарский патриархат. По всей границе от Фракии до Адриатического моря имели место разрушительные и непрерывные болгарские набеги, с 980 г. сосредоточившиеся на Фессалии и Средней Греции. Главным объектом нападений был г. Ларисса, в 986 г. взятый болгарами.

Это заставило византийцев вступить в войну с Болгарией. Василий II, освободившийся в 985 г. от стеснительной опеки паракимомена Василия и начавший править самостоятельно, предпринял военный поход против болгар. Но вследствие измены и предательства византийских феодалов первое его самостоятельное военное выступление закончилось плачевной неудачей. В 986 г. после неудачной осады Софии отступавшие войска были совершенно разбиты болгарами в узких балканских проходах, и Василий только с жалкими остатками своего войска добрался до Филиппополя. После этого Самуил быстро отвоевал у византийцев всю Восточную Болгарию; в его руки попал и крупнейший византийский порт на Адриатическом море — Диррахий.

Василий был бессилен теперь предпринять что-либо против болгар, так как с 986 г. снова началось восстание малоазиатских феодалов, на этот раз под предводительством Варды Фоки. Варда Фока, командовавший малоазиатскими войсками, успешно вел войну

¹ Skylitzes - Cedreni, t. II, p. 434.

² «Annales Hildesheimenses», p. 23.

с восточными арабами и принудил александрийского эмира платить дань Византии. Но когда Василий II, взяв власть в свои руки, захотел установить строгий контроль над деятельностью областных правителей и прекратить произвол и хищничество магнатов, когда он лично принял военное командование над армией, Варда Фока присоединился к недовольным. В Харсианской феме в Армении, в доме магната Евстафия Малекна, собралась военная вожди, богатые византийские динаты, недовольные императором, и 15 августа 987 г. провозгласили императором Варду Фоку. Между тем приближительно в то же время освободился из плена и Варда Склир. Фока предложил своему сопернику поделить империю полюбовно, но когда тот явился в лагерь Фоки для переговоров, Фока заключил его в крепость и один начал борьбу против Василия II, которую вел очень успешно. Летом 988 г. он уже захватил большую часть Малой Азии и стоял на Босфоре, угрожая Константинополю. Варда Фока разделил свое войско на две части. Более многочисленная часть этого войска под предводительством его брата Никифора и Калокира Дельфины должна была занять возвышенности, доминирующие над Хрисополем (ныне Скутари). Целью этого маневра было создать видимость угрозы столице и посеять панику среди ее многочисленного населения.

Вторая часть войска под командованием Льва Мелносена осаждала Абидос на азиатской стороне Дарданелл. Лев должен был любой ценой овладеть этим ключом к проливам и здесь соединиться с мятежным флотом, занимавшим проходы, что давало возможность прекратить подвоз продовольствия в Константинополь и взять столицу голодом. Между тем болгары, занимавшие большую часть европейских фем империи, угрожали остальным. Представление об отчаянном положении Константинополя в это время дают поэтические жалобы византийского поэта Иоанна Геометра. Находясь в такой критической обстановке, Василий II вынужден был большими уступками купить дружбу каирских калифов и обратиться за помощью к русскому князю Владимиру. Ценные сведения об этом сохранил Яхья Антиохийский, который в следующих словах описывает критическое положение Василия II: «и стало опасным дело его [Василия]

по причине силы войска и победы [Варды Фоки], истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов, — а они его враги — чтобы просить их помочь ему в настоящем положении, и согласился тот на это. И заключили они между собою договор о сватовстве и желанье царя руссов на сестре царя Василия после того, как он поставил ему условие, чтобы крестился он и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли тогда себя руссы ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал ему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимала его земля, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда решено было между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились на борьбу с Вардой Фокой морем и сушей к Хрисополю. И победили Фоку»¹.

В. Г. Васильевский делает правдоподобное предположение, что византийское посольство появилось в Киеве уже вскоре после разгрома болгарами войск Василия II в 986 г.² К этому году «Повесть временных лет» относит прибытие в Киев греческого посольства, по ее словам — с чисто миссионерскими целями.

Мы стремимся установить степень достоверности всех подробностей этого сказания, и в частности возможности одновременного существования в Киеве византийского, еврейско-хазарского и мусульманского (от камских болгар) посольств. Вместе с другими исследователями мы считаем эти подробности составленной позже легендой, но самый факт появления византийского посольства в Киеве можно признать реальным. По договору 971 г. русский князь обязан был оказывать византийскому императору военную помощь в случае нападения на его страну. Но Владимир, так же как его отец Святослав, отнюдь не склонен был выступать простым наемником в сношениях с Византией. За военную помощь, которую он готов был предоставить, он потребовал высокого вознаграждения — руку сестры императора, порфирород-

¹ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 23—24.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 88.

ной принцессы Анны. Мы с трудом теперь можем представить, что означало это требование. Византийский двор не только считал себя первым из правящих христианских дворов, но и всеми признавался таковым. Он являлся носителем вековых традиций римской империи: нигде «величие императорского достоинства» не окружалось таким ореолом, как в Византии. Богатство и блеск Константинополя, роскошь и уточенный церемониал императорского двора служили предметом повсеместного удивления и подражания. Константинополь все еще оставался главным центром европейской культуры. Требование Владимира дать ему в жены сестру императора означало, что гордые и высокомерные византийцы должны признать русского князя равным себе. Это требование было беспрецедентным. Болгарский царь Петр, угрожавший Византии в то время, когда она не могла выставить против него никакой армии, должен был удовольствоваться вступлением в брак с внучкой узурпатора Романа Лакапина, не принадлежавшего к императорской династии. Императоры Западно-Римской империи со времен Каролингов напрасно добивались чести вступить в родственные отношения с византийским двором. Таким образом, русский князь потребовал от Византии того, чего от нее не могли добиться западные императоры.

Появившиеся в Киеве византийские послы едва ли были уполномочены принять это требование. Они должны были дать Владимиру ответ, который рекомендовал давать в подобных случаях Константин VII¹, — ответ, конечно, признанный Владимиром неудовлетворительным. Переговоры затягивались, но критическое положение Василия II заставило его уступить домогательствам русского князя. Он объявил, что готов дать русскому великому князю в жены свою сестру Анну, если Владимир и его народ примут христианскую веру из Византии и будут крещены. Но, прежде всего, от русского князя требовалась быстрая военная помощь. По заключенному соглашению, Владимир обязал был тотчас же послать вспомогательный военный отряд в Константинополь, а его брак с принцессой Анной должен был состояться после крещения русских. Мы знаем, что почва

¹ «De administrando imperio», ed. Bonn, p. 86.

для объявления христианства на Руси господствующей религией была уже достаточно подготовлена, а потому Владимир принял эти условия и без промедления послал шеститысячный отряд варягов и русских в Константинополь. Этот отряд явился во-время, чтобы изменить ход войны и спасти Василия II. Появление его в Константинополе следует датировать, во всяком случае, позже апреля 988 г., так как еще в апреле Василий II считал свое положение чрезвычайно тяжелым. В начале апреля 988 г. он издал эдикт, отменявший постановления его предшественников, направленные против чрезмерного развития монашества, против губительного увеличения численности монастырей, наносившего величайший ущерб экономическим и военным силам империи. Мы знаем, что уже патриарх Полиект (956—970) после убийства Никифора Фоки Цимисхием заставил последнего отменить эти постановления, но, очевидно, они были позднее восстановлены самим Цимисхием или паракимоменом Василием.

Характерны мотивы этого законодательного акта: «От монахов, засвидетельствовавших себя благочестием, а также от многих других людей мы слышали, говорит император, что законы о божьих церквях и богоугодных домах, изданные нашим предшественником кр. Никифором, были причиной и корнем всех настоящих бедствий — причиной ниспровержения и смятения всей вселенной, так как эти законы направлены к оскорблению и обиде не только церквей и богоугодных домов, но и самого бога. А что это справедливо, в том мы убедились самым опытом, ибо с тех пор, как это законодательство вошло в силу, и до настоящего дня (4 апреля 988 г.) в нашей жизни не только не было ничего хорошего, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого бы мы не испытали. Поэтому настоящей грамотой с нашей подписью объявляем вышеуказанные законы отмененными и недействительными»¹.

Первой битвой, в которой приняли участие русские на стороне Василия II, была битва при Хрисополе. Ученые расходятся в ее датировке. Шломберже относит

¹ Zachariae Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, t. III. p. 303.

ее к февралю — марту 989 г., тогда как В. Р. Розен, В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский на основе данных Яхья Антиохийского придерживаются мнения, что она имела место летом 988 г.¹ Эта точка зрения подтверждается русским источником. По сообщению «Памяти и похвалы», Владимир на следующее лето после крещения «к порогам ходи». Высказывалось даже предположение, что Владимир отправился с русским вспомогательным отрядом в самый Константинополь. Прибытие русских в Константинополь в 988 г. подтверждается армянским историком Асохином, который сообщает, что битва при Хрисополе имела место в 437 г. армянской эры, т. е. в 988 г., а при Абидосе — в 438 г. армянской эры². Византийские источники дают лишь очень краткие сведения о подавлении восстания Варды Фоки при помощи русских. Лев Дьякон ничего не говорит об этом событии. Пселл сообщает: «Император Василий убедился в нерасположении к нему греков, и так как незадолго перед этим к нему прибыл от тавроскифов значительный военный отряд, то он соединил их вместе и, создав новую военную силу, выслал их против расположенной на другой стороне [пролива] фаланги»³. То, что неясно в рассказе Пселла, находит объяснение в сообщениях Скилицы-Кедрина и Зонары.

Скилица-Кедрин пишет, что когда один отряд Варды явился в виду Хрисополя, то Василий II приготовил ночью корабли и посадил на них руссов, так как незадолго пред тем он призвал их к себе в качестве союзников. Переправившись с ними на другую сторону пролива, он внезапно напал на врагов и легко захватил их в свои руки.

Высадившись на азиатской стороне, русские с восходом солнца бросились на не ожидавшего нападения противника, которого они застали врасплох. В то же время императорский флот поджег греческим огнем мя-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 122; В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 198, 208. См. рецензию Ф. И. Успенского на книгу В. Р. Розена — ЖМНП, ч. 4, 1884, стр. 282—310.

² E. Asoghic de Dagon. Histoire universelle. T. III, сар, 25, р. 130.

³ Michaelis Pselli, ed. K. N. Sathas, «Bibliotheca graeca medii aevi», t. IV, 1874, р. 10.

тежный лагерь. Стороппики Фоки напрасно пытались сопротивляться: они были частью перебиты, частью разогнаны. Калокир Дельфина и большинство вождей повстанцев попали в плен; их подвергли жестоким пыткам.

После победы при Хрисополе Василий II возвратился в Константинополь, чтобы подготовиться к решительной борьбе с Вардой Фокой. Находившийся в Никее Варда Фока, услышав о неудаче в Хрисополе, не растерялся. Собрал все свои силы, он соединился около Абидоса со Львом Мелиссеном. По сообщениям Пселла и Асохика, помимо византийцев, Варда Фока опирался на грузин. В сражении, которое решило его участь, грузинская пехота составляла лучшую часть его войска. Асохик утверждает, что Фока начал войну против Константинополя во главе греческих и иверийских войск¹. Считая, что захват Абидоса даст возможность взять столицу измором, Фока энергично вел осаду.

Василий II разделил свое войско на две части. Во главе одной он поставил своего брата Константина, другую возглавил сам. Русский отряд составлял его основную силу. Высадившись под Лампсаком, он расположился против лагеря Варды. Последний направил свои главные силы против императора. Несколько дней прошло без боя. Наконец, в ночь с 12 на 13 апреля 989 г. Василий, сделав тайно все приготовления, внезапно атаковал ополчение бунтовщиков. В то же время первый отряд императорского войска поджег их флот. Эта неожиданная атака внесла смятение в армию мятежников, которая начала рассыпаться. Восстановив кое-как порядок в своем войске, Варда во главе грузинской гвардии бросился на отряд, предводительствуемый императором, но в это время с ним произошел апоплексический удар. Внезапная смерть вождя посеяла панику в рядах инсургентов; войска Варды частью были уничтожены, частью разбежались. Таким образом, благодаря помощи русских Василий II избежал политической, а может быть, и физической гибели и сохранил свой трон. Но, избавившись от Варды Фоки, византийский двор не обнаружил намерения выполнить данные Владимиру обязательства.

¹ E. Asoghic de Daron. Op. cit., p. 178.

Ссылаясь на сообщение Ибн-аль-Атира, который говорит, что Владимир, женившись на византийской царице, предпринял поход против врагов императора В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский высказывают предположение, что Владимир лично явился в Константинополь со своим отрядом и принял участие в войне против Варды Фоки.

В. Г. Васильевский обращает также внимание на сообщение Аль-Макина о том, что царь руссов направился «со всеми войсками своими к царю Василию и соединился с ним. И оба они сговорились пойти навстречу Варде Фоке и отправились сушей и морем и обратили его в бегство»¹.

По мнению Баумгартена личное присутствие Владимира в Константинополе доказывается всем ходом событий после битвы при Абыдосе². Баумгартен указывает, что если бы Владимир находился в 989 г. в Киеве, известие об отказе императора выполнить свое обещание могло бы дойти до него только в начале мая. Путешествие послов между Киевом и Константинополем, вероятно, отняло бы еще месяц. Таким образом, Владимир мог получить сведения об этом только в начале июня. Собрать новое войско и нужные для него перевозочные средства было невозможно менее чем в 2—3 месяца. Поэтому, по мнению Баумгартена, Владимир не мог в 989 г. находиться в Киеве³.

Но предположение, что Владимир в 989 г. находился в Константинополе, опровергается полным молчанием об этом русских и византийских источников. В. Г. Васильевский со свойственной ему научной добросовестности не мог не обратить внимания на это: «казалось бы, что такой важный и памятный факт, как путешествие внука Ольги по следам своей бабки в Царьград, не мог изгладиться из народной памяти, не мог быть забытым во времени летописца»⁴.

Когда Васильевский формулировал это свое предположение, он не знал Яхьи и опирался только на Аль-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 91.

² N. de Baumgarten. Saint Wladimir et la conversion de la Russie. «Orientalia christiana», vol. XVIII, p. 80.

³ Ibid., p. 81.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 96.

Меккиа и Ибн-аль-Атира. Но с того времени, как стали достоянием истории сообщения Яхьи, арабские компиляции XIII в., основывающиеся на тех же сообщениях, теряют для нас свое значение. В своей рецензии на книгу Розена Ф. И. Успенский чрезвычайно преувеличивает их источниковедческую ценность¹.

Яхья указывает, что согласно договору, заключенному русским князем с византийским императором, русские войска соединились с греческими и помогли им победить Варду Фоку. Разумеется, он не умолчал бы о личном появлении Владимира в Византии, если бы оно было историческим фактом. Таким образом, арабские источники не содержат данных для обоснования присутствия Владимира в Константинополе. Следовательно, отпадает главный аргумент в пользу такого предположения. Свидетельство Скилицы, на которое ссылается Васильевский, имеется только в ошибочном старом латинском его переводе. Если сравнить этот перевод с греческим текстом Скилицы, то легко можно установить, что латинский перевод так же неправильно передает греческий текст, как Ибн-аль-Атир и Аль-Мекки — текст Яхьи². Аргументация Баумгартена о невозможности для Владимира предпринять поход на Херсонес основывается на произвольном предположении, что Владимир узнал о нежелании византийского правительства выполнить свои обещания только после битвы при Абидосе. Возможно только одно объяснение причины разрыва между русским князем и византийским императором.

В своей гордости и, может быть, уступая просьбам сестры, император отказался выполнить свое обещание отдать Анну в жены Владимиру. Неизвестно, почему за год до корсунского похода Владимир «к порогам ходил», но можно предположить, что здесь он ожидал Анну, выйдя ей навстречу и остановившись в том месте, где византийской миссии, в составе которой должна была прибыть и Анна, угрожала опасность со стороны печенегов, постоянно подкармливавших русских у порогов. Не дождавшись Анны, он вернулся в Киев, чтобы

¹ ЖМНП, т. 4, 1884, стр. 306.

² G. L a e h r. Die Anfänge des russischen Reiches. «Historische Studien», N. 189, Berlin, 1930, S. 115.

подготовить на следующий год поход на Херсонес и таким образом силой оружия вынудить византийского императора выполнить свои обязательства. Русский князь принял самые решительные меры к этому. С войском, состоящим из варягов, словен и кривичей, в том же 989 г. он осадил главную твердыню византийского владычества в Северном Причерноморье — Херсонес, который в это время не мог ожидать никакой помощи от Византии, и взял его ¹.

Сопоставляя показания Льва Дьякона о небесных явлениях 989 г. с сообщениями Яхьи и Аль-Мекина, можно установить с достоверностью, что Херсонес был взят русскими в 989 г., в промежутке времени между апрелем и половиной июля ².

По сообщению Льва Дьякона, северное сияние, которое он называет «огненными столбами», являлось печальным предзнаменованием взятия Херсонеса русскими и Вегри — болгарами, а появившаяся на небе комета была сигналом нового страшного бедствия — сильного землетрясения, которое произошло 25 октября того же года. Благодаря Яхье и Аль-Мекину мы знаем точную дату появления северного сияния. Яхья сообщает, что после страшной бури 7 апреля в Капре до 12 апреля видели необычайное северное сияние.

Итак, огненные столбы, которые, как видно из рассказа Льва Дьякона, явились не ранее апреля 989 г., а по Аль-Мекину именно 7 апреля этого года, только еще предвещали взятие Херсонеса русскими. Другими словами, Херсонес был взят русскими позже апреля 989 г.

Комета показалась 27 июня и стояла больше 20 дней. Она предвещала землетрясение. Если допустить, что при связывании этих знамений с указанными событиями Лев Дьякон не увлекается, так сказать, симметричностью, то мы должны будем признать, что взятие Вегри болгарами и Херсонеса русскими случилось не только позже 7 апреля, но и раньше 27 июня, т. е. раньше появления кометы, предвестницы нового бедствия.

¹ А. Васильев. Готы в Крыму. «Изв. ГИИМК», вып. V. 1927.

² См. ст. В. Г. Васильевского в ЖМНП, март 1876, стр. 157. В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 215.

Источники, сообщающие о взятии Херсонеса, отличаются крайней скудостью. Большая часть сведений об этом событии содержится в «Повести временных лет». Степень достоверности этих деталей различна. Некоторые данные привлекаются из многочисленных «житий» Владимира¹, древнейшие рукописи которых относятся к XIV в.² Несомненно лишь, что весной 989 г. русские суда появились у стен Херсонеса. Место высадки русского десанта, отрезавшего Херсонес от суши, разные исследователи приурочивают к различным пунктам побережья.

Гарнизон и население Херсонеса оказывали упорное сопротивление. Чтобы ворваться в город, русские насыпали перед стенами его земляной вал. Однако в осажденном Херсонесе нашлись люди, которые оказали помощь Владимиру. Один из вариантов сказаний о взятии Херсонеса сообщает, что запиской, прикрепленной к стреле, Владимиру было сообщено, где находятся водопроводные трубы, снабжающие город водой. Владимир приказал их перекопать, и лишенный воды город сдался.

В различных вариантах рассказа о взятии Херсонеса среди лиц, способствовавших взятию Херсонеса, фигурируют церковник Анастас и варяг Ждьберн. В. Д. Греков считает, что Анастас и Ждьберн могли действовать одновременно и даже сообща³. Взятием Херсонеса Византии был нанесен тяжелый удар, о чем свидетельствует сообщение Льва Дьякона. Хотя положение Василия II после гибели Варды Фоки и улучшилось, но до полной безопасности было еще далеко. Со времени своей победы над Василием II у Траяновых ворот в 986 г. болгары не переставали угрожать империи и в то время, как русские заняли Херсонес, захватили в Македонии город Веррию. Это тоже было тяжелым ударом для Византии, так как теперь болгары могли угрожать Фессалонике.

Кроме того, узнав о смерти мужа, вдова Варды Фоки выпустила на свободу Варду Склира, и этот опытный

¹ И. И. Малышевский. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. 1887, стр. 16.

² Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 240.

³ В. Д. Греков. Указ. соч., стр. 111.

византийский тактик повел в Малой Азии партизанскую войну против Василия II, препятствовал подвозу продовольствия в столицу и нарушал нормальную деятельность правительственного аппарата в Малой Азии. Поэтому Василий II прилагал все усилия, чтобы примириться со Склиром¹.

Взятие Херсонеса было событием чрезвычайно важным, так как неожиданно для Византии выявило нового врага, и притом врага весьма серьезного в лице недавнего союзника. Возобновление военных действий со стороны русского князя должно было вызвать опасение, что русские суда скоро опять появятся под Константинополем, что русский князь соединится с болгарами; наконец, известие это могло вызвать волнение среди русского вспомогательного отряда². Поэтому Василий должен был согласиться на требование Владимира. Русский князь уже доказал, что может быть очень опасным врагом. Если мы признаем, что взятие Херсонеса (между 7 апреля и 27 июня) является прямым результатом преднамеренного замедления в присылке царевны, то должны будем предположить, что весьма скоро, а может быть, даже немедленно, состоялось снаряжение в путь царевны Анны с подобающей свитой церковников и сопровождающих лиц и отправка ее в Херсонес. На этот раз император вынужден был выполнить условия, на которые он раньше дал согласие.

По сообщению «Повести временных лет», крещение Владимира осуществилось поздним летом или осенью в Херсонесе присланными вместе с Анной византийскими церковниками. Летописи различно называют церковь, в которой крестился Владимир. Так, например, по Ипатьевской летописи, Владимир крестился в церкви Софии, по Новгородской первой — в церкви св. Василия. Весьма возможно, что летописное определение церкви, где крестился Владимир, — результат ошибочного чтения греческого слова *τὸ βασιλικόν* (базилика — церковь). Чтение «св. Василия», которое мы находим в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку, может

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 446.

² Zonaras, t. IV, p. 116.

являться результатом дальнейшего искажения¹. Летописное известие о крещении Владимира в Херсонесе и свидетельство Яхьи имеют особо важное значение, так как последний с 1014/15 г. жил в Антиохии и, помимо рассказов современников, по всей вероятности, пользовался современными письменными документами греческого, хотя, быть может, и не константинопольского, происхождения. Это дает нам право считать, что его версия отражает византийскую точку зрения. Согласно этим источникам, Владимир крестился в Херсонесе и здесь же вступил в брак с византийской царевной.

Васильевский и Грушевский, отвергающие сообщение о крещении Владимира в Корсуни, основываются главным образом на том, что в «Памяти и похвале Владимиру» сказано: «По святем крещении пожи блаженный князь Володимер 28 лет. На другое лето по крещении к порогам ходи, на третье Корсунъ город взя»².

Шахматов установил, что летопись, использованная составителем «Памяти и похвалы», существенно отличалась от дошедших до нас сводов³. Он склонен думать, что предание о крещении Владимира в Киеве древнее предания о крещении его в Херсонесе. Ввиду противоречивости источников некоторые историки прибегали к компромиссу, предполагая в 987 г. только так называемое церковное «оглашение», а в 989 г. самое крещение⁴. По мнению Линниченко, крещение Владимира состоялось в Корсуни в 989 г.

Одни исследователи предполагали, что корсунская версия сделалась господствующей вследствие того, что по договору с византийским императором, крещение Владимира (987 г.) содержалось в тайне⁵. Другие, например, Розен, вообще отбрасывали сообщение этого источника как ошибочное. Но эту дату, повидимому,

¹ «Повесть временных лет». Т. II. Статьи и комментарии Д. Е. Лихачева. Изд-во АН СССР, М., 1950, стр. 338.

² Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I, ч. I. М., 1901, стр. 245.

³ А. Шахматов. Указ. соч., стр. 24.

⁴ И. А. Линниченко. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси. «Тр. Киевской дух. академии», № 12, 1886, стр. 592—602.

⁵ Skul. Drei Fragen der Taufe des heiligen Wladimir. «Arch. f. slavische Philologie», t. XXIX, Bd. I, 1907, S. 272.

противоречащую данным «Повести временных лет», можно объяснить, показав, что в ней все же скрывается зерно исторической истины. Как мы знаем, в 987 г. Владимир вел с Василием II переговоры, закончившиеся очень важным соглашением. По сообщению арабских источников, в основе заключенного договора лежало соглашение о браке Владимира с Анной и о крещении Владимира и Руси как предпосылке к этому браку. Таким образом, в конце 987 г. Владимир обязался принять христианство. Отсюда понятно, что составитель «Памяти и похвалы Владимиру» мог говорить о его обращении к христианству, или «крещении», в 987 г.

Во всяком случае, ни «Память и похвала Владимиру», ни какие-либо другие древние русские источники ничего не сообщают о реальных действиях Владимира по христианизации Руси до 989 г. Только после взятия Херсонеса Владимир повез с собой христианских священников из Херсонеса в Киев и начал активно проводить христианизацию Руси. В этом мних Яков согласен с «Повестью временных лет». Таким образом, можно считать твердо установленным, что завоевание Херсонеса предшествовало официальному введению христианства на Русь, объявлению его здесь государственной религией.

Отстаиваемое Голубинским мнение, что Владимир, воспитанный своей бабушкой в христианстве, был крещен в Киеве, поддерживает и В. В. Мавродин, который пишет: «древнейшие русские источники говорят о местных корнях христианства Владимира, о крещении его в Киеве кем-либо из представителей многоязычного, многоплеменного киевского христианства»¹. Однако единогласное свидетельство русских источников, что Владимир при крещении получил христианское имя Василь, в честь византийского императора Василия II, так же как и Ольга получила при крещении имя современной ей византийской императрицы Елены, ставит вне сомнения связь византийского двора с крещением Владимира.

Как сообщает «Повесть временных лет», Владимир был крещен корсунским епископом и пришедшими с Ан-

¹ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 330.

ной священниками в Херсонесе в церкви св. Василия¹. Затем в Херсонесе же произошло бракосочетание Владимира и Анны. Сообщение «Повести временных лет» подтверждает Яхья Антиохийский. Он говорит, что позднее Василий II послал к Владимиру митрополитов и епископов, и «они окрестили царя и всех, кого обнимала его земля, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов»².

Покидая Херсонес, Владимир возвратил его своим новым родственникам, как это отмечено русской летописью. А. Л. Якобсон ошибочно полагает, что Херсонес только в 1016 г. стал византийским и что до 1016 г. «византийцам было не до него». «Помимо восстания Варды Фоки, — пишет он, — с севера надвигалась болгарская угроза». Полуразрушенный город был брошен на произвол судьбы и захвачен хазарами³. К сожалению, Якобсон допускает здесь фактическую ошибку. Угрозы со стороны Варды Фоки, как известно, уже не существовало, так как он погиб 13 апреля 989 г. Точно так же разгром византийского войска болгарами произошел не в 981, а в 986 г. С другой стороны, Якобсон рисует положение Византии в эти годы в слишком мрачных красках. Веррия ведь была отобрана византийцами у болгар в 991 г.⁴ В 992 г. мы видим византийские войска осаждающими отдаленное Алеппо. Василий II отослал свою сестру, несмотря на ее слезы, к Владимиру для того, чтобы возвратить себе Херсонес, а не для того, чтобы передать его хазарам. Несомненно, немедленно по оставлении его русскими, Херсонес был занят византийским гарнизоном. После крещения Руси Херсонес приобрел еще большую важность для Византии, как промежуточный пункт для сношений с русскими. Мало вероятно, однако, что единственным вознаграждением Владимиру за важные услуги, оказанные им Василию II, была рука принцессы Анны.

Русский вспомогательный отряд оставался на службе у византийского императора и в последующее время.

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 47.

² В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 24.

³ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.—Л., 1950, стр. 15.

⁴ Jahrbuch of Antioch. History. Ed. Krakowsky—Vasiliev. «Patrologia orientalis», t. XVIII, Paris, 1924, p. 27—28.

Имеются основания думать, что Владимир добился за это соответствующего вознаграждения. Уже дед Василия, император Константин VII, указывает, что правители скифских народов, обитавших к северу и востоку от Черного моря — хазар, венгров, русских, добивались не только чести породниться с императорским двором, но также императорских инсигний и корон. Константин всячески предостерегает своего сына против таких попопзновений «северных варваров»¹.

Но, несмотря на это предостережение, жестокая необходимость заставила Василия II согласиться на брак сестры с русским князем. Учитывая честолюбие Владимира, трудно допустить, чтобы остались неудовлетворенными и другие домогательства русского князя. Византийские источники обходят молчанием вопросы, связанные с крещением Владимира и Руси, так как они считали унизительным рассказывать об уступках, какие Византия выпущдена была сделать русскому князю. Трудно сказать, какой титул получил Владимир от императора. Древние русские источники ничего не сообщают ни о присылке инсигний Владимиру, ни о данном ему титуле. Владимир называется в них просто князем. Митрополит Иларион в «Житие Владимира» именует его «каганом». Славянскому слову «князь» соответствует византийский титул *ἄρχων*. Владимир так и называется в греческих источниках². Все три титула относятся к Владимиру как к киевскому князю; о том, который мог быть дан ему из Византии, не имеется упоминаний.

Можно все же предполагать, что родство с императорским двором было связано с дарованием какого-нибудь византийского придворного титула, византийских инсигний, которых так добивались при Константине Порфирородном русские князья. Мы знаем, что при династии Комнинов титул кесаря часто давали иностранным владетелям, породнившимся с императорской фамилией. Так, норманский принц Рожер получил этот титул, женившись на дочери императора Иоанна Комнина³.

¹ «De administrando imperio», p. 82.

² Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 444; Zonaras, l. IV, p. 114.

³ Cinnami, ed. Bonn, p. 36.

Венгерский князь Бела также получил титул кесаря, когда женился на дочери императора Мануила¹. О возможности получения Владимиром высокого византийского титула свидетельствует «Записка греческого топарха», в которой Владимир назван βασιλεύς, а также и то, что в очень древних русских источниках жена Владимира Анна именуется «царицей». Никифор Григора говорит о жадности, с которой иностранные государи стремились получать византийские придворные титулы. Он упоминает о русском князе, которому будто бы Константин I дал титул ὁ ἐπὶ τῆς τραπεζῆς. Но так как эта информация относится к XIV в., допускает грубый анахронизм, говоря о Константине I, и, наконец, не дает ни малейшего указания на Владимира, то она не представляет для нас никакого интереса. Если это указание основано на реальном историческом факте, то оно должно относиться к другому русскому князю, тем более, что одевание Владимира на дошедших до нас его монетах не имеет ничего общего с костюмом ὁ ἐπὶ τῆς τραπεζῆς. Византийский топарх, который называет Владимира могущественным βασιλεύς, повидимому, ближе к истине в обозначении титула Владимира.

Но имеются и другие указания источников, могущие служить для нас отправным пунктом в этом вопросе. Жена Владимира, византийская принцесса Анна, почему-то во всех наших древних источниках называется «царицей». Этот титул фигурирует в летописном рассказе о крещении Владимира, в «Житии Владимира», в сообщении о смерти Анны в русской летописи. Если бы летопись хотела назвать Анну византийской принцессой, она, вероятно, употребила бы слово «царевна». Титул «царица» мог относиться к ней только как к жене Владимира. На это показание двух важных источников наши историки еще не обратили должного внимания. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени монеты Владимира I, где он изображен в царских одеждах. Все дошедшие до нас монеты Владимира вычеканены по византийским образцам. На этих монетах он представлен с теми же атрибутами императорского облачения, какие

¹ C i n n a m i, ed. Bonn, p. 287.

мы находим на монетах византийских¹, с византийской императорской короной на голове. В правой руке он держит скипетр с крестом. Одежда Владимира соответствует императорской *λαῖρος* или *χλαῖρος*². Таким образом, иконографии, имеющиеся на монетах Владимира, соответствуют императорским.

Эти данные Регель пытался подкрепить ссылкой на патриаршую грамоту 1561 г., утверждающую права московских царей на царский титул, где в исправленном месте он нашел указание на коронавание царским титулом Владимира I. Но документ этот очень позднего происхождения, да и попытка Регеля восстановить подлинный текст грамоты осталась недоказанной³. В XV—XVI вв. была весьма распространена легенда относительно принесения на Русь царских регалий из Византии. В наиболее популярной версии этой легенды, изложенной в литературной форме великорусскими книжниками первой четверти XVI в., сообщается, что Владимир Мономах выслал войско в Византию для опустошения этой страны. Перепуганный император Константин Мономах посылает в Киев послов с дарами и царскими вещами. Они коронуют Владимира, и он передает эти регалии своим потомкам⁴. Конечно, всякие попытки объяснить эти сказания как несомненный исторический факт, относящийся к Владимиру Мономаху, совершенно бесплодны и не выдерживают исторической критики. Заметив, что Константин Мономах и русский князь Владимир Всеволодович не были современниками, С. М. Соловьев заменяет имя Константина именем Алексея I Комнина, ссылаясь на Густинскую летопись, в которой стоит это имя. Но сама Густинская летопись является весьма поздней компиляцией с притязаниями на ученость, и ее поправка, т. е. замена Константина Алексеем, есть ученая поправка, свидетельствующая лишь о том, что внесший исправление был несколько знаком с византий-

¹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

² W. E. Regel. *Analecta byzantino-rossica*. Petropoli, 1891, p. LXXIX.

³ См. возражения П. Н. Милокова в кн. «Главные течения русской исторической мысли», т. I, М., 1895, стр. 157, прим. 2.

⁴ М. А. Оболенский. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем в 1561 г. М., 1850.

ской хронологией¹. Но уже в «Слове о погибели русской земли», составленном во второй половине XIII в., мы встречаем эту легенду; в ней рассказывается, что император (Мацуил) посылал Владимиру Мономаху дары, чтобы тот у него не отнял Царьграда.

Кроме этой, имеются и другие версии. Одна из них утверждает, что Владимир получил царские инсигнии во время похода в Крым от генуэзского губернатора Каффы. Вторая версия сообщает, что царская корона была дана Владимиру I; по этой версии, его война с греками превращалась в поход на Константинополь. Представляется вполне вероятным, что все эти версии возникли на базе первоначального сказания о получении Владимиром инсигний после похода на Крым, послужившего источником двух версий: одна, сообщающая о походе на Крым, была впоследствии модернизирована; в результате этой модернизации появились Каффа и генуэзцы. В другой версии поход на Крым заменен походом на Константинополь, а имя «старого Владимира» — именем его известного правнука, который также был в родстве с византийским двором и вел войну с Византией.

Оставляя Херсонес, Владимир взял с собой Анну, Анастаса и корсунских священников, а также мощи Климента и Фива, его ученика, церковные сосуды и иконы; не позабыл он захватить с собой и памятники искусства — две медные статуи и четыре медных коня.

Началась христианизация Руси, которая проходила успешно, встречая лишь разрозненные попытки сопротивления. Это доказывает, что господствующий класс на Руси в целом был заинтересован в принятии христианства и что он был достаточно сильным и властным, чтобы провести христианизацию в жизнь. Если бы в этом были заинтересованы только едипицы, то принятие христианства в качестве государственной религии было бы невозможным. Очевидно, вся предыдущая история древнерусского государства уже создала для этого достаточно прочную базу. В летописи рассказывается, что Владимир, «любя дружину, и с ними думал о строе землянем, и о ратех, и о уставе землянем». Летописи свидетельствуют, что ни одно решение по более или менее важному вопросу

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 51.

князь не предпринимал без совета с дружиной¹. Но, кроме дружины, в состав правящего класса входила городская верхушка — посадники, сотские, десятские, которые в основном вербовались из состава имущего населения. Летописи пестрят упоминаниями о том, как Владимир «созва бояре и старцы, и реша бояре и старцы»². Именно эти представители правящего класса при Владимире и решали задачу объединения, хотя бы в самой примитивной форме, под властью Киева всех сил восточнославянского мира, сосредоточения в своих руках более непосредственной и действенной власти над ним, создания соответствующих этому объединению форм управления и проведения религиозной реформы. Реформа эта призвана была отразить изменения в идеологии, обусловленные развивающимися формами господства и подчинения. В этом отношении Владимир шел по следам своей бабушки Ольги, но достигнутые им результаты были более значительны.

Владимир покинул Херсонес, вероятно, весной 990 г. Трудно предположить, что он мог предпринять путешествие зимой со своей молодой женой. Гораздо удобнее было совершить это путешествие весной. Возвратившись в Киев, Владимир немедленно принялся за дело христианизации. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи сообщают, что Владимир «просветися сам и сыновыи его»³.

Первым актом христианизации было ниспровержение идолов, которое должно было наглядно продемонстрировать их ничтожество. Затем начались проповеди духовенства и массовое крещение киевлян.

Непосредственным следствием принятия христианства Владимиром и распространения его на русской земле было построение церквей. Тотчас же после крещения Владимир строит церкви там, где прежде стояли идолы. Так, была построена церковь Василия на холме, где прежде находились идолы Перуна и других богов⁴. Вскоре после крещения киевлян Владимир приступил к созданию такой церкви, которая была бы церковью всей Руси и матерью

¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 112.

² Лаврентьевская летопись под 996 г.

³ Лаврентьевская летопись под 988 г.

⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 117.

всех церквей русских, которая, одним словом, вещественно и монументально представляла бы русскую церковь. По сообщению Никоновской летописи, такую общерусскую церковь, совершенно выдающуюся по своим размерам и великолепию, единственную каменную среди деревянных церквей, Владимир начал строить силами привезенных из Византии мастеров в 991 г., вскоре после того, как приступил к массовому крещению народа. Строительство это продолжалось 5 лет и закончилось 12 мая 996 г.¹

«Повесть временных лет» сообщает, что когда церковь была закончена, Владимир передал ее в ведение Анастаса Корсунянина; служба в ней отправлялась корсунскими священниками. Владимир передал этой церкви все, что взял перед этим в Корсуни, — иконы, сосуды, кресты². Десятинной церкви он предоставил «от имени и от град своих» десятую часть: «и вдасть десятину Анастасу Корсунянину». Владимир дает церкви и первый церковный устав. До нас дошли списки так называемого «Устава Владимира Святославовича о церковных судах» в краткой (первоначальной) и пространной (последующей) редакции. «Устав» этот имеет явные следы позднейшей литературной обработки, но нельзя не согласиться с А. С. Павловым, что в основе «Устава» лежат правила, установленные еще при Владимире. А. Е. Пресняков ошибочно полагает, что десятина как вид дотации церкви была несвойственна греческой церкви, и связывает ее (с некоторыми оговорками) с Западом. Но десятина в пользу церкви в Византии существовала³. И на Руси дела по преступлению против православной религии и церкви, а также дела семейного характера были переданы церковному суду. Некоторые категории населения, так называемые «церковные люди», связанные с церковью, живущие при церквях или на церковной земле, были изъяты из ведения княжеского суда и княжеской адми-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 121.

² «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 996 г.

³ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. Т. I. М., 1938, стр. 115; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 124.

министрации по всем вопросам «суда и обиды» или ссоры или наследства. «Устав» Владимира определяет порядок сбора десятины в пользу церкви и из каких доходов князя она изымается¹.

Так было положено начало церковному законодательству, появилось духовенство, установились были доходы церкви. По летописным данным, Владимир приказал также приводить людей к крещению по всем городам и селам, строить церкви и назначать священников. Пред нами естественно возникают два вопроса: по каким городам и областям было распространено христианство при Владимире и откуда явились при церквях священники. По первому вопросу «Повесть временных лет» не дает никаких сведений.

Как сообщает Никоновская летопись, митрополит с епископом, присланным из Константинополя, с Добрыней, дядей Владимира, и с Анастасом ходили на север до самого Новгорода и крестили народ². Естественно, что они шли сначала по великому водному пути вверх по Днепру волоком и Ловатью до северного конца этого пути — Новгорода. По сообщению Новгородской четвертой летописи, в Новгороде епископ Иоаким Корсуний сокрушил язычество окончательно, хотя так называемая Иоакимовская летопись повествует о том, что христианство натолкнулось там на более значительное сопротивление, вызвавшее правительственные репрессии. У новгородцев же составила поговорка: «Путья крестил мечом, а Добрыня огнем»³.

Таким образом, христианство при Владимире было распространено преимущественно в районе узкой полосы, простирающейся по великому водному пути из Новгорода в Киев к востоку от Днепра. Сохранились известия, что Владимир сам распространял христианство на запад от Днепра — в странах, которые он должен был посещать по своим отношениям с Польшей.

¹ М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Т. I. Изд. 3-е, Киев, 1885, стр. 212—215; А. С. Павлов. К вопросу о подлинности Устава св. Владимира. «Труды Археол. съезда», т. IV, стр. 72—73; С. В. Юшков. Исследования по истории русского права. Вып. 1.

² Никоновская летопись под 990 г., ПСРЛ, т. IX, стр. 63—64.

³ См. также сообщение Воскресенской летописи под 991 г., ПСРЛ, т. VII, стр. 313.

Имеются сведения, что в 992 г. он ходил с епископами на юго-запад, крестил людей в земле Червенской, построил по имя свое город Владимир и деревянную церковь богородицы ¹.

Обратимся к вопросу, откуда русская церковь получила епископов и священников, тесно связанному с более общим вопросом об организации русской церкви при Владимире.

В настоящее время ни один серьезный историк не верит сообщению скандинавских саг, что Олаф Тригвасон оказал решающее влияние на обращение Владимира в христианство, и старой гипотезе, вновь пущенной в научный оборот Баумгартеном, что учреждение епископской кафедры на Руси должно быть приписано римской церкви.

Более обоснованной является попытка объяснить организацию русской церкви влиянием Болгарии. Эта теория нашла ревностного защитника в лице Приселкова, который стремился доказать, что до 1037 г. русская церковь зависела от болгарской Охридской архиепископии.

По мнению Приселкова, древнейший летописный свод 1039 г., касающийся факта крещения русского народа, ничего не сообщает об установлении церковной иерархии на Руси по той простой причине, что греческая церковная иерархия в Киеве не установилась и византийская дипломатия в данном случае проиграла игру, «так как северный варвар успел уйти из церковно-политических сетей императора». Владимиру была нужна церковная иерархия, и он, по мнению Приселкова, создал ее по образцу, заимствованному от Самуила Болгарского ².

Однако, как уже отмечалось в научной литературе, эта теория Приселкова основывается исключительно на системе косвенных аргументов, и ни в одном из источников русских или болгарских нет указаний на зависимость русской церкви при Владимире от Охридской архиепископии ³. Вся гипотеза М. Д. Приселкова основывается

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М., 1848 стр. 78.

² М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 23 и сл.

³ G. Vernadsky. The Status of the russian church history during the first half century. «The slavonic and east-european review» vol. XXI, 1941, p. 255.

на совпадения имен архиепископов Киевской и Охридской церквей, живших в 20-х годах XI столетия. Летописи и различные «жития» Владимира свидетельствуют, что необходимых для христианизации Руси епископов и священников Владимир получил от Византии. В «Повести временных лет» ничего не говорится о присылке грекам митрополита и епископов, но сообщается, что Владимир взял с собой из Херсонеса священников, а также и Анастаса Корсунянина, который был при нем доверенным лицом по церковным вопросам. В вышеуказанном труде Приселков высказывает предположение, что Анастас имел сан епископа. Шахматов считает, что это предположение обосновано. «Повесть временных лет» называет Анастаса мужем Корсунянина. Но одно из «житий» Владимира именует его епископом.

М Иоанн Корсунянин, несомненно, был новгородским епископом. Возможно, что и корсунянин Анастас был посвящен в епископы еще в Херсонесе. Следовательно, церковная организация, установившаяся при Владимире, была заимствована у греков. Для решения сложного вопроса о начале русской митрополии необходимы еще никак не проделанный тщательный анализ перечней наших митрополитов и показаний синодиков, древнейшие из которых восходят к XIV в., и определение времени и условий возникновения таких древнейших перечней. В Никоновской летописи после сообщения о браке Владимира и устроенном по этому случаю пиру идет следующий текст неясного происхождения: «По сих же посла Володимер в греки к преосвященному Фотию, патриарху Цареградскому, и взя от него первого митрополита Михаила Киеву и всей русской земли. Михаил, митрополит Киевский и всея Руси. Бысть же сей митрополит учителем зело и премудр премного, и житием велик и крепок зело, родом Сприни, тих убо бе, и кроток, и смирен, и мнлостив премного, иногда же страшен и свиреп, егда время требоваше. Чествоваше бо его Володимер, и в согласии и любви мнозе с ним пребываше, и радовахуся вси, и слава божия превосхожаше. Также Володимер благословением отца своего митрополита постави церковь в Корсуни на горе, юже съсыпаша среде града, крадуше приспу. Сиа церкви стоит и до сего дни. По сем мнози послы приходиша из грек от царей с многою честию и з дары и с любовью. Приходиша послы

из Рима от папы и мощи святых принесомъ к Володимеру. Тогда же приде Печенежский князь Метигай к Володимеру, и, веровав, крестися во имя отца и сына и святаго духа. Отдаде же Володимер яже взял Корсунь град греком царицы для»¹.

Происхождение этих сведений Никоновской летописи о первом русском митрополите Михаиле весьма загадочно. Новгородская первая летопись помещает список митрополитов, который начинается с Феофемпта, упоминающегося и в Лаврентьевской летописи и поставленного на Русь уже при Ярославе. Позднейшие же летописи (XVI в.) дают такой список митрополитов: Михаил, Леон, Иоанн, Феофемпт, или другой: Леон, Михаил, Иоанн, Феофемпт. Михаил или Леон упоминаются как первые митрополиты в различных редакциях церковного «Устава» Владимира с указанием, что взят этот первый митрополит (Михаил или Леон) у «патриарха Фотия», который на самом деле жил столетием раньше Владимира. Леон более известен в русских источниках. Один хронист даже сообщает, что он был назначен патриархом Николаем Хрисовергом². Некоторые исследователи (Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов и др.) предполагают поэтому, что имя Михаила как первого русского митрополита могло быть взято из сказания о крещении руссов в 867 г., а имя Леона — из сказания о крещении болгар³.

До настоящего времени существует мнение, что византийские источники хранят полное молчание относительно русской иерархии с 989 по 1039 г. Из этого молчания сделан вывод, что в указанный период русская церковь еще не находилась в зависимости от Константинопольского патриархата. Но это мнение не совсем точно. В византийских источниках сохранились все же некоторые намеки на время создания русской митрополии. Одним из способов, позволяющих датировать его, является установление места, которое эта митрополия занимает в так называемой «Notitia episcopatum» (τάξεις) Константинопольского патриархата. Если мы сравним опубликованный между 901—907 гг. императором Львом Мудрым и патриархом

¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

² Там же, стр. 113.

³ «Повесть временных лет», т. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, стр. 339

Николаем Мистиком официальный список, насчитывающий в Константинопольском патриархате 51 митрополита и 51 архиепископа, с «Notitia» времени Алексея Комнина (1081—1118), то обнаружим, что за два века (X—XI) было создано 30 новых митрополий. Гельцер, который первым подверг «Notitia» тщательному анализу с целью определения последовательности их создания, установил, что порядок, в котором эти тридцать митрополий стоят в списке, точно соответствует хронологической последовательности их создания (между 901—1084 гг.)¹. Вновь открытые списки «Notitia» подтвердили этот вывод. Таким образом, для определения приблизительной даты создания русской митрополии необходимо установить даты образования тех митрополий, которые ей предшествуют в «Notitia», и тех, которые за ней следуют.

Основываясь на ошибочном толковании «Повести временных лет», Гельцер полагал, что русская митрополия была создана в 1035 г. Но, как показал Де Боор, он ошибся в определении даты возникновения митрополии Кельцены, которая в «Notitia» предшествует русской, отнеся ее на пятьдесят лет позже ее действительного создания².

Кроме того, уже после смерти Гельцера был опубликован документ, дающий новый *terminus ante quem* для образования митрополии Алании, которая в «Notitia» Алексея Комнина непосредственно следует за русской и потому, естественно, была создана позже. В 1922 г. Фиккер опубликовал документ патриаршего монастыря Епифания в Керасунте, датруемый маем 1024 г., в котором упоминается типикон 6506 г. (сентябрь 997—август 998) для митрополита Николая из Алании³. Из этого документа видно, что митрополичья кафедра Алании существовала уже в конце X в. Следовательно, русская митрополия также была создана до 997—998 гг. Отсюда естественный вывод, что она была основана патриархом Николаем Хрисовергом в ближайшее же время после крещения Владимира. Этот вывод, как мы видим, не противоречит показаниям русских

¹ См. статью Н. Gelzer в «Jahrbuch f. protestantische Theologie», Bd. XII, 1886, S. 536—544.

² «Zeitschr. f. Kirchengeschichte», Bd. XII, 1891, S. 321.

³ «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», Bd. III, 1928 S. 93—95.

источников. Он согласуется и со свидетельством Яхьи Антиохийского, который писал относительно этого события: «Император Василий послал митрополита и епископов, крестивших князя и весь народ»¹.

Есть еще один византийский источник, правда поздний, в котором упоминается о посылке греческого митрополита на Русь. Это «Церковная история» Никифора Каллиста, написанная около 1328 г. По поводу назначения Кизикского митрополита Прокла патриархом Константинопольским в 434 г. Каллист в своей работе перечисляет другие случаи перевода в Византии епископов с одной кафедры на другую, что, как правило, запрещалось церковными законами. Так, говоря о царствовании Василия II, Никифор Каллист сообщает о втором случае такого перевода: «при том же царствовании Феофилакт был возвышен из этой митрополии Севастийской на Русь»². Если верить Каллисту, то в царствование Василия II (976—1025) Феофилакту, митрополиту Севастии, главного города провинции Армении II, был присвоен сан русского митрополита. Гониманн, первым обративший внимание на это свидетельство, высказывает даже предположение, что Феофилакт был первым русским митрополитом, так как из сообщений Яхьи известно, что патриархат в Константинополе был вакантным с 16 декабря 991 г. по 12 апреля 996 г. Следовательно, перевод мог совершиться в 991 или в 996—997 гг.³.

Значение этого показания, однако, ослабляется тем, что в сохранившемся специальном византийском трактате по вопросу о переводе епископов из одной епископии в другую (*περί μεταθέσεων* — *de translatione*) нет упоминания ни о Феофилакте, ни о направлении его на Русь⁴.

Таким образом, показания источников свидетельствуют, что после крещения Владимира на Русь приходили не только священники, но и епископы и митрополиты. Киевский митрополит Иоанн упоминается в более древних

¹ Yahya ibn Said al Antali. Chronicle. Ed. Kračkovsky-Vasiliev. «Patrologia orientalia», t. XXIII, 1932, p. 423.

² Nicephori Callisti, ed. Migne, PG, t. 146, col. 1196.

³ E. Honigmann. Studies in slavie church history. «Byzantion», t. XVII, 1944—1945, p. 128.

⁴ «De translatione episcoporum», ed. Lounclavius, Migne, PG, t. 119, coll. 904—909.

русских источниках, чем те, в которых даны имена Михаила и Леона, в частности в различных сказаниях о Борисе и Глебе. Показания этих источников не следует игнорировать ввиду того, что в основу их были положены древние записи, которые велась при Вышегородской церкви¹. Общепринятое мнение об учреждении в 997 г. первых епископств на Руси основывается на свидетельстве Никоновской летописи², которая, несмотря на свою позднюю редакцию, сохранила ряд древних сведений. Эта летопись сообщает об учреждении при Владимире епископств Новгородского, Черниговского, Ростовского, Владимира-Волынского. Наличие византийской церковной иерархии на Руси не дает, однако, права сделать вывод, что Владимир передоверил ей дело христианизации Руси. На церковные должности и на епископские кафедры он умел назначать своих ставленников. Лучшим доказательством этого является та роль в церковных делах, которую играл при Владимире Анастас Корсунянин, изменивший своей родине и сдавший ему Херсонес. Конечно, не Константинопольский патриархат выдвигал этого кандидата. Нас поэтому не может удивлять сообщение Никоновской летописи, что резиденцией русских митрополитов при Владимире был Переяславль, расположенный на левой стороне Днепра, в 94 км южнее Киева, при слиянии рек Альты и Трубежа. Это сообщение летописи XVI в. подкрепляется титулом митрополита Льва в сохранившемся его трактате, составленном около 1004 г. (Λέωντος μητροπολίτου Ῥωσίας τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσλάβας πρὸς Ῥωμίων καὶ ἄλλων περὶ τῶν ἁγίων).

Так положено было на Руси начало церковной организации, которая стала верной помощницей княжеской администрации, точно так же, как сама церковь стала правой рукой князя. Вместе с церковной организацией было создано церковное законодательство, появилось духовенство, установлены были доходы церкви. Церковь сливалась с государством, верой и правдой служа князю. Признав достоверным дошедшее до нас предание, что

¹ «Повесть временных лет», т. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева, стр. 339; «Чтение о Борисе и Глебе и церковные службы им». Житие Бориса и Глеба под редакцией Абрамовича. Пг., 1916, стр. 17, 19, 53—55, 136.

² ПСРЛ, т. IX, стр. 15.

Киевская Русь получила при Владимире крещение от греков, мы все-таки должны допустить, что русские постоянно обращались к болгарам за книгами и учителями. Это прошло как будто незамеченным и является лучшим доказательством того, что наши сношения с болгарями шли путем неофициальным. Но перенесение к нам древне-болгарской письменности служит доказательством наличия тесных культурных связей между древней Русью и Болгарией. Необходимо было, конечно, увеличить и количество своих, русских священников и количество грамотных людей. Это могло произойти не иначе, как посредством распространения грамотности. «Повесть временных лет» под 988 г. сообщает, что Владимир велел отбирать детей у лучших граждан и отдавать их в учение. Матери плакали по ним, как по мертвым, прибавляет летописец, потому что еще не утвердился верою. Детей раздавали учиться по церквам к священникам и причту. Набирали и детей «нарочитой чадя», т. е. старших дружинников, княжих мужей, бояр. Это делалось не для того, конечно, чтобы воспитать из них пономарей или даже рядовых священников, а для того, чтобы создать образованных людей и государственных деятелей, способных поддерживать общение с той же Византией и другими странами¹. Принятие христианства, признание его государственной религией было для Руси очень крупным событием. Для того времени оно имело, несомненно, прогрессивное значение, так как ликвидировало пережитки родового строя, обычай кровной мести, многоженство и способствовало быстрому росту науки, техники, искусства, развитию торговли и ремесел. Значительные успехи делает строительная техника, развиваются ремесла, в том числе и художественное. Помимо византийских церковников, на Русь в большом количестве являются также и зодчие, художники, ремесленники, певцы, музыканты, торговцы. Влияние более высокой византийской культуры сказалось в Киевской Руси не только на русском искусстве — прекрасном церковном зодчестве, изящных мозаиках, эмалированных и филигранных изделиях, но и в распространении письменности на сла-

¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 399.

вянском языке¹. Русь не только приняла христианство от самой культурной страны Европы того времени, но, что весьма важно, приняла его на родном языке.

Ведение богослужения и проповеди на славянском языке стимулировало развитие самобытной русской культуры, тогда как римско-католическая церковь, с непонятной для народа латынью, задерживала развитие самостоятельной культуры западных славян. Поэтому выбор киевского князя Владимира, который предпочел укрепить давно налаженные политические, экономические и культурные связи с Византией, нужно считать актом государственной мудрости. Эта истина настолько очевидна, что ее признавали даже буржуазные историки из поляков и чехов. Так, например, профессор Кентржинский, полемизируя с немецкими фашистскими историками и указывая на более высокий культурный уровень Киевской Руси по сравнению с Польшей в XI—XII вв., объяснял это большим влиянием славянской письменности по сравнению с закованной в формы латинского языка письменностью западославянской. Таким образом, из факта принятия христианства в качестве господствующей религии для Руси вытекало много важнейших последствий. «Во-первых, христианство, как религия общепринятая в Европе, еще больше сблизило Киевское государство с Европой. Во-вторых, церковная организация, создание которой взяли на себя греки (византийцы), заняла весьма определенное место в истории киевского общества и стала новым и сильным орудием воздействия на массы в целях дальнейшего их подчинения государственной власти. В-третьих, христианская церковь подняла значение княжеской власти в Киеве на большую высоту и упрочила связь между всеми частями государства. В-четвертых, византийская церковь, стараясь приобщить Русь к византийской культуре, способствовала поднятию культуры в нашей стране»².

Мы не отрицаем, что в период раннего средневековья Византия по отношению к Востоку и Западу была носителем более высокой культуры, так что заимство-

¹ С. В. Б а х р у ш и н. К вопросу о крещении Киевской Руси. «Историки-марксисты», 1937, № 2, стр. 69.

² В. Д. Г р е й о в. Указ. соч., стр. 473.

важное из Византии христианство было шагом вперед для славян, и в частности для русских, поскольку вместе с христианством среди русских распространялась греческая культура и образованность. Византия передала Руси, так же как и Западной Европе, богатейшее наследие античной культуры. Введение христианства и византийская культура облегчили переход Руси на более высокую ступень развития. Но, как мы уже говорили, большинство буржуазных византийстов безмерно преувеличивает влияние византийской культуры на русскую. Они лишают древнерусскую культуру всякой самостоятельности, утверждая, что эта культура целиком заимствована из Византии. Мы должны, прежде всего, отвергнуть ошибочное мнение, что в X в. Русь могла противопоставить Византии только первобытное варварство. Если стати на эту точку зрения, то никак нельзя объяснить расцвет в XI в. русского художественного ремесла и русского искусства, произведения которых не уступают лучшим образцам Запада. Русские письменные источники, из которых наиболее древними являются договоры с греками (начало X в.), показывают, что на Руси в то время было уже достаточно развитое классовое общество. В этих договорах перед нами выступает знать, уже оформившаяся в своем материальном и правовом положении. Таким образом, древнейшая русская культура была культурой самостоятельной, развившейся на территории, заселенной русскими племенами. Однако, будучи самостоятельной, она развивалась не изолированно от культуры соседних народов. Одной из отличительных черт русского народа является его восприимчивость ко всему новому и передовому, что имеется у других народов, в сочетании с весьма ярко выраженной самобытностью. Принимая различные достижения культуры чужих народов, русские всегда интерпретировали их по-своему и подчиняли принципам собственной культуры. Опираясь на факты, выявляемые новыми исследованиями, советская историческая наука изучает подлинное содержание и историческое значение культуры Византии и ее связи с культурой других народов. Она разоблачает легенду о якобы «определяющем значении культуры Византии для культуры народов СССР». Признавая, что «вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые

элементы более высокой византийской культуры», советская наука не отрицает прогрессивного в данных исторических условиях значения византийской культуры. Она дает лишь этому фактору надлежащую оценку. Советская наука выявляет самостоятельность культуры древней Руси, Грузии, Армении и т. д., развивавшихся в соответствии с исторически сложившимися социальными условиями каждого народа, но в некоторых случаях использовавших и накопленный византийской культурой опыт. Необходимо сделать еще одну оговорку: хотя христианство на данном этапе было явлением прогрессивным в Киевской Руси, по-прежнему в то же время забывать, что, как проводник феодальной идеологии, оно с самого начала являлось орудием угнетения трудящихся масс. Христианская церковь была в Приднепровье крупнейшим учреждением, концентрировавшим в своих руках крупную земельную собственность. Она принесла в Киевскую Русь византийские методы хозяйствования, укрепила своим авторитетом весь тот гнет, который феодальные порядки накладывали на массу свободных общинников, ускорила экспроприацию общинных земель. Христианизация Руси была в то же время выигрышем для византийской дипломатии. Поражение Византии в борьбе за христианизацию Руси означало бы ее полную изолированность и, вероятно, значительно ускорило бы ее крушение под напором, с одной стороны, западноевропейских государств, а с другой — восточномусульманского мира. Вовлекая Русь в орбиту своего церковного влияния, Византия сумела извлечь из этого немалые выгоды для себя.

Политические и военные успехи знаменитого Болгаробойцы были невозможны без постоянной русской помощи. Русь активно поддерживала Василия II вспомогательными войсками, хотя у самого Владимира была «рять с печенегами без перестани». В византийском военном трактате «*De castrametatione*», относящемся, как выяснил Кулаковский, к войне, которую в 991—995 гг. Василий II вел против героически отстаивавших свою свободу болгар, даны некоторые сведения о русских в византийской армии. Из этого трактата мы узнаем, что в походе при особе императора всегда состояла русская гвардия. Русские входили в состав пешего войска, но в экс-

тренных случаях для быстроты нападения должны были садиться на коней.

При описании размещения войск в византийском лагере в трактате указывается, что вокруг императорской палатки помещаются гвардейские части: великая гетерия, тагма схол, гетерия бессмертных, прочие тагмы. Русские не показаны отдельно от других гвардейских частей. Очевидно, они входили в великую гетерию и другие гвардейские части. Из этого же трактата видно, что, несмотря на активную помощь, византийское правительство не вполне доверяло Руси¹. В XVIII главе, «О проводниках и лазутчиках», автор трактата отмечает, что для успеха военных действий необходимо иметь в армии хороших проводников и лазутчиков. Он предъявляет к ним очень высокие требования: они не только должны знать местность в той стране, куда предстоит поход, но и обязаны быть хорошо осведомленными относительно общего положения дел, — «так, чтобы не оставался скрытым от нас никакой их замысел». Далее автор трактата говорит: «и не только относительно болгар надлежит иметь таких соглядатаев domestiку и пограничным стратигам, но и относительно остальных соседних народов, как то: Печенегия, Турция (Венгрия) и Россия (Ρωσία), чтобы нам ведомы были все их замыслы»².

Таким образом, византийский военный трактат считает Русь пограничной страной и не вполне доверяет ей, так же как Венгрии и Печенегии.

Тем не менее в 999 г. русские сражаются вместе с византийскими войсками в Северной Сирии. В следующем году они помогают восстановить византийский суверенитет в Закавказье, причем Стефан Асохин говорит, что их было 6 тыс. пехоты, вооруженных копьями и щитами, и что они были те самые, которых выпросил царь Василий у царя руссов в то время, когда выдавал сестру замуж за него.

В 1016 г. войсками русского князя и Василия II Болгаробойцы были ликвидированы остатки государства хазар в Крыму и в связи с этим расширена византийская

¹ Ю. Кулаковский. Новонайденный византийский трактат по военному делу. «Византийский вестник», т. VII, вып. 4, 1900, стр. 658.

² Там же, стр. 659.

территория на Крымском полуострове. По сообщению византийских хронистов XI—XII вв., император Василий II послал в Хазарию флот под командой Монга, сына Андроника, и с помощью Сфенга, брата Владимира, завоевал эту страну¹. Упоминание об этом событии слишком кратко, но речь идет о морском походе, а потому можно предполагать, что театром военных действий было побережье Азовского моря. Правитель хазар Георгий Цул был взят в плен в первой же битве. Поход этот, несомненно, был направлен на Крым, так как Хазарией в середине века назывался Крым вследствие того, что здесь истари господствовали хазары. Предпринимая этот поход, Византия хотела покончить с остатками враждебного ей хазарского каганата в Крыму. Поход закончился вполне успешно для союзников. Византийская власть в Крыму была полностью восстановлена, и территория византийских владений здесь была расширена. Великий князь Владимир оставил своему младшему сыну Мстиславу Тмутараканский удел, т. е. Таманский полуостров. Прекратилась зависимость от хазар и восточной половины Таврического полуострова. Прямое свидетельство о том, что Сугдея вошла в состав византийской фемы, дано в херсонесской надписи 1059 г., в которой Лев Алиатт назван стратигом Херсонеса и Сугдеи².

Ввиду того, что Боспор не фигурирует в титуле этого стратига, Кулаковский делает заключение, что в ту пору власть императора не распространялась на Боспор, и считает возможным, что он подпал под власть русских³. Но имеются источники, свидетельствующие, что и Боспор в XI в. был подвластен византийскому императору. Сохранилась печать XI в., принадлежавшая протоспафарису и стратигу Боспора Аркадию. В то же время русский вспомогательный корпус помог Василию II окончательно подчинить Болгарию. Какую роль играл русский корпус в покорении Болгарии, показывает следующий факт.

¹ Skylitzas-Cedreni, t. II, p. 464. В русских летописях нет сообщений об этом походе. О Сфенге, брате Владимира, не имеется упоминаний ни в русских, ни в других византийских источниках.

² Сб. «Христианские надписи юга России», стр. 8.

³ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914 стр. 89.

В 1016 г. Василий II в битве при Пелагонии захватил множество пленников. Он разделил добычу на три части, причем одну часть предоставил союзной Руси, другую грекам, а третью взял себе¹. Надо думать, что количество русских, служивших в греческой армии, было весьма значительным, если они получили треть всей добычи.

Приведенное свидетельство достаточно убеждает нас, что в составе войск византийской империи начала XI в. всегда имелись многочисленные русские отряды, игравшие в них видную роль.

¹ Skylitzes-Cedroni, t. II, p. 456.

Глава VIII

РУСЬ И ВПЗАНТНЯ В XI п.

После смерти Владимира в 1015 г. Руси пришлось пережить долгую кровопролитную войну между его сыновьями, прежде чем одному из них — Ярославу — снова удалось объединить под своей властью русское государство. Уже за год до смерти Владимира появились признаки отпадения от Клева Новгородской земли: новгородский князь Ярослав прекратил выплату обычной дани Клеву. После смерти Владимира старший из его сыновей, Святополк, умертвив своих братьев Бориса, Глеба и Святослава, захватил власть в Клеве; однако он нажил опасного противника в лице Ярослава, которого поддерживали новгородцы и варяги. Святополк был жепат на одной из дочерей польского короля Болеслава. С нею прибыл из Польши Рейберн, епископ колобережский. Узнав, что Святополк по тайному наущению Болеслава готовит восстание против него, Владимир заключил сына, его жену и епископа в тюрьму, где Рейберн и умер. Перед смертью отца Святополк паходился уже на свободе, но Владимир не доверял ему, и он был отстранен от политической деятельности.

В 1016 г., несмотря на помощь, оказанную ему печенегами, Святополк был разбит Ярославом под Любечем и бежал к своему тестю Болеславу польскому. Ярослав овладел Клевом, но продержался в нем недолго: в 1018 г. объединенными силами Болеслава и Святополка ему было нанесено жестокое поражение, и он выпужден был бежать в Новгород в сопровождении лишь четырех дружинников.

Болеслав вступил в Киев и расставил польские гарнизоны в Киевской земле, но там они натолкнулись на вра-

ждебное отношение со стороны местного населения. Это вынудило Болеслава вскоре уйти из Киева; ему удалось закрепить за собою лишь червепские города. Оставшись без польской помощи, Святополк не смог удержаться в Киеве и, разбитый Ярославом в 1019 г. на реке Альте, исчез с политической арены. Ярослав окончательно овладел Киевом. В Полоцке сохранял в то время власть брат Ярослава Брячеслав, которому Ярослав уступил также и Витебск. Против попыток Ярослава установить единовластие выступил второй его брат — Мстислав, князь тмутараканский. В 1024 г., несмотря на оказанную варягами Ярославу помощь, Мстислав нанес ему сильное поражение. По заключенному затем между ними соглашению, земли к востоку от Днепра получил Мстислав, а правобережье с Киевом — Ярослав. Только в 1036 г., после смерти Мстислава, Ярослав объединяет под своей властью всю Русь.

Ярославу удалось добиться от византийской церкви канонизации убитых Святополком Бориса и Глеба (24 июля 1026 г.). Упрочив свое положение, он развернул широкое строительство в Киеве. На том месте, где в 1036 г. произошла успешная для Руси битва с печенегам, Ярослав построил «Золотые ворота» с церковью над ними. Им же были построены монастыри Георгия и Ирпы и воздвигнут Софийский собор, в реконструированном виде сохранившийся до настоящего времени. Собор этот представляет образец роскошной постройки, предназначенной для поддержания за Киевом славы соперника Константинополя.

Византийские хронисты того времени уделяли очень мало внимания отношениям Византии с русскими князьями. Русская летопись времен Ярослава также характеризуется скудостью исторических данных.

После крещения Владимира в 989 г. мирные отношения между Русью и Византией не прерывались вплоть до войны 1043 г. Русские купцы большими партиями приезжали в Константинополь.

Византийское известие, относящееся к первым годам правления Ярослава, свидетельствует о постоянном наплыве русских воинов в Константинополь, так что византийское правительство стало уже смотреть на них подозрительно и принимать меры предосторожности. «Когда

умерла на Руси сестра императора, — пишет Скилица, — а еще раньше ее муж Владимир, то Хрисохир, какой-то сородич умершего, привлекая к себе 800 человек и посадив их на суда, пришел в Константинополь, как будто желая поступить на военную службу. Но когда император потребовал, чтобы он сложил оружие и только в таком виде явился на свидание, то он не захотел этого и ушел через Пропонтиду. Прибыв в Абидос и столкнувшись со стратигом [Пропонтиды], он легко его одолел и спустился к Лемносу. Здесь [он и его спутники] были обмануты притворными обещаниями, данными начальником флота Кивирреотом и Давидом из Охриды, стратигом Самоса, да Никифором Кавасилой, дукой Солунским, и все были перебиты¹. Норманисты хотели превратить Хрисохира в норманна, но так как Хрисохир был сородичем Владимира, *συγγενὴς τῷ βασιλεὺς αὐτοῦ*, то он, несомненно, был таким же русским, славянином, как и великий князь. В нашем распоряжении нет известий, показывающих, что гибель Хрисохира послужила поводом для конфликта между двумя государствами. Очевидно, этот случай был исключительным; в то время русские и варяги составляли постоянную прослойку в византийской армии.

Мы встречаем варяго-русов в Италии, в г. Барн, откуда они восприняли обычай почитания св. Николая чудотворца. В 1030 г. полководец Роман Аргир, попавший в бедственное положение во время похода в Алешпо, спасся исключительно благодаря мужеству русских. В 1036 г. на армянской границе патрикий Никита осаждал крепость Пергри, и с ним, по сообщению Кедрина, был отряд русских².

В 1040 г. в войске, направленном под командованием Маннака в Сицилию, было много русских. В результате этого похода почти вся Сицилия подпала под власть греков.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в войске византийской империи XI в. численность русских была велика и последние играли в нем видную роль. Норманисты до настоящего времени твердят о том, что эта варяго-русская дружина была норманской, а не славян-

¹ Skylitzes-Cedreni, ed. Bonn, t. II, p. 478—479.

² Ibid., t. II, p. 503.

ской. Но если бы на византийской службе были только скандинавские воины, присутствия которых там никто не отрицает, то между ними и Киевской Русью не было бы никакой связи. Между тем в XI в. в Византии было распространено убеждение, что между варяго-русской дружиной и Киевом существовала тесная, неразрывная связь. В качестве доказательства приведем следующий пример. В 1043 г. отношения между Византией и Русью резко ухудшились. В Константинополе начались притеснения русских торговцев. Был даже убит знатный «русс». В ответ на это великий князь Ярослав послал в Константинополь экспедицию на 400 ладьях под предводительством Владимира Ярославича. Когда византийское правительство узнало о готовящемся походе на Константинополь, оно, по свидетельству Скилицы-Кедрина, сочло невозможным верить безопасности императора и столицы дипломаты-иностранцам враждебного народа. Когда же русские действительно стали грозить пагубным, из столицы были немедленно удалены как русские купцы, так и русские военные. «Скифы, находившиеся в столице, были рассеяны в провинциях. Это было сделано для того, чтобы уничтожить возможность какого-нибудь движения или покушения изнутри»¹.

Эти сообщения ярче всего показывают, что варяго-русская дружина, состоявшая на службе у византийского императора, не представляла собой интернациональную воюющую: она была тесно и неразрывно связана с Киевской Русью. Помимо указания на присутствие русского корпуса в Византии, для нас важно еще одно сообщение Скилицы-Кедрина. В Константинополе знали, что русские шли в 1043 г. на Константинополь не одни, — их союзниками были народы, обитавшие на северных островах океана. Можно не сомневаться, что Скилица имел в виду жителей Скандинавии, которых греки, а вслед за ними и византийцы, считали островитянами. Следовательно, византийцы умели отличать русских от норманнов и в случае нужды не затруднялись находить соответствующие слова и выражения для обозначения последних. Если бы варяго-русская дружина состояла из одних скандинавов-норманнов, то было бы совершенно непонятно,

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 552.

как византийское правительство могло их посылать сражаться в 1019 г. против тех же норманнов. А такие факты неоднократно имели место. В 1019 г. французские норманны пришли в византийскую Италию на помощь апулийским инсургентам и барийцу Мело. Здесь они были наголову разбиты византийцами в сражении при Каппах. Сражение это замечательно тем, что в нем против норманнов действовали русские, которые выиграли битву. Адемар пишет: «Когда император услышал, что смелые рыцари напали на его землю, он против норманнов направил самых храбрых людей, которых мог найти». И дальше: «В первых трех сражениях норманны остались победителями, но в четвертой битве, где им пришлось бороться с народом русским, они были побеждены, обращены в ничто и в бесчисленном количестве отведены в Константинополь, где до конца жизни истязались в темницах».

Исследование В. Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе» показывает, что под варягами XI в. в Византии нельзя понимать исключительно скандинавских варягов. Такое предположение не выдерживает критики уже ввиду самой численности этого корпуса. Несомненно, в XI в. в составе его были и скандинавские норманны, так же как были они и в Киеве. Однако в Константинополе их было еще меньше, чем в Киеве. Память об этой дружине до сих пор сохранилась в народной поэзии. Если в песнях о Соловье Будимировиче рассказывается о греческой торговле, о судах, приходивших в Киев с греческими товарами, то в Галицийской Руси еще и теперь поют об этих дружинниках, о руссах, которые собирались идти на тихий Дунай служить царю болгарскому или в Константинополь к византийскому императору.

«В чистом поле шатер стоит, в шатре сидят добры молодцы;
Сидят они думу думают: как пойдем мы к кузнецу доброму,
Покуем себе медные челны, медные челимы, золотые весла,
Как пустимся мы на тихий Дунай, вдоль Дуная под Царьгород.
Ой, чуем там доброго пана, что платят щедро за службу молодецкую,

· Дает что год по сту червонных, да по вороному коню, по вороному коню

Да по сабельке, да по кафтанчику, по кафтанчику да по шапочке,
По шапочке да по красной девице».

В это время на Русь, несомненно, являлось много византийских церковников, торговцев, художников, архитекторов, присутствие которых в Киеве неоспоримо доказывается и письменными источниками и сохранившимися на Руси археологическими памятниками. Но как показывают события 1043 г., представлять русско-византийские отношения того времени в идиллических тонах — не приходится.

Показания греческих летописцев о причинах похода Владимира Ярославовича на Константинополь и об отношениях Руси и Византии до 1043 г. противоречивы.

Скилица-Кедрич утверждает, что в течение всего этого времени отношения были добрые и спокойные и сношения безбоязненные, и купцы ходили туда и сюда, и что война 1043 г. разгорелась вследствие ссоры купцов в Византии, где убит был знатный русский, и вследствие горячего и гневного характера князя киевского; наконец, что походу предшествовали дипломатические акты императора, старавшегося предотвратить разрыв, но они были отвергнуты князем¹.

Пселл сообщает другое. Он пишет: «Дойдя в своем рассказе до этого места [нападение русских на Царьград в 1043 г.], я хочу объяснить причины, вследствие которых они [русские] произвели это морское движение и наступление, тогда как император ни в чем не показал себя их противником.

Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой гегемонии; при каждом удобном случае изобретая то или другое обвинение, они создавали предлог для войны с нами. Когда умер наводивший на них страх император Василий, когда брат его Константин совершил предназначенную ему часть века и зять его принял власть, они тотчас возобновили против нас старую вражду и начали готовиться к войнам. Но и царствовавшие Романы казались им блестящими и славными, и сами они не успели довершить приготовления. Когда же Роман, прожив короткое время, оставил царство и власть досталась какому-то неизвестному Михаилу, они стали вооружаться против него и, решив напасть на нас с моря, направились вверх по лесу, выстроили

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 551.

из него малые и большые ладьи, тайком в короткое время сделали достаточные приготовления и уже готовы были направиться против Михаила с большим флотом. Когда все было у них устроено и война должна была начаться, сам император предупредил их нашествие, расставшись с земной жизнью. Умер и преемник его, едва оставив по себе воспоминание во дворце, а власть перешла к Константину. Хотя варвары и не имели против него никаких обвинений, могущих служить предлогом для войны, но чтобы их приготовления не оказались бесполезными, они подняли против него войну беспричинную. Таково беспричинное их устремление против самодержца»¹.

Пселл был человеком близким ко двору. Во время морской битвы 1043 г. он находился при императоре, и потому его сообщение заслуживает особого внимания. Ему были известны все нити византийской политики. Сведения Скилицы, впрочем, не противоречат ему, если рассматривать их как внешнее описание событий, без указания внутренних движущих причин.

Отношения между Русью и Византией были внешне спокойны, торговля также не нарушалась. Смысл свидетельства Пселла сводится к тому, что у русских уже давно назрела бешеная ненависть против греческой гегемонии, готовая вылиться в форму открытого военного выступления, но их удерживал страх перед императором Василием, потом перед Романом.

При императоре Михаиле IV (1034—1041) они уже готовились к войне, но император умер, умер вскоре и его преемник, Михаил V (1041—1042); затем вступил на престол император Константин IX (1042—1054), и варвары начали войну.

Этот язык дипломата нетрудно перевести на язык исторической действительности. Прежде всего, необходимо выяснить, о какой «гегемонии греческой» над Русью говорит Пселл, свидетельствующий о «яростной и бешеной» ненависти русских к этой «гегемонии». Приселков полагает, что речь идет о церковно-политической зависимости Руси от Византии, которая была результатом крепления Владимира, и что услуги, оказываемые Визан-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 306.

тией церковному строительству на Руси, дорого обошлись последней.

С учреждением митрополии, пишет М. Д. Приселков, Киевское государство вступило в тесные отношения с империей. «Русский князь получил звание стольника империи, а агент империи, поселившийся в Киеве в качестве русского митрополита, стал играть видную политическую роль не только как проводник распоряжений императора, но и как один из направляющих центров междукняжеских отношений»¹.

Эти взгляды М. Д. Приселкова об угрозе суверенитету Руси при Ярославе со стороны Византии принимают Д. С. Лихачев и В. В. Мавродин, считающие, что поход Руси на Константинополь в 1043 г. был кульминационным пунктом ее борьбы за культурную, гражданскую и церковную самостоятельность².

У нас нет оснований отвергать сообщения русских летописей и Яхьи о том, что митрополия на Руси была учреждена уже при Владимире. Это, несомненно, отвечало интересам Византии, получившей возможность с помощью митрополита более активно вмешиваться в русскую политику. Но и для Руси было выгодно поднять значение своей церковной организации, тем более что Русь вовсе не собиралась подчиниться притязаниям митрополита в политической области. А если обе стороны были заинтересованы в учреждении Киевской митрополии, то непонятно, почему этот акт должен был вызвать войну между Византией и Русью. В то же время ни в одном русском источнике нет и намека на то, чтобы империя посягала на политическую самостоятельность Руси, чтобы какой-либо «грек митрополит» (хотя бы он и являлся агентом империи) претендовал на заметную политическую роль. Да этого и не могло быть, ибо ко времени принятия Владимиром христианства русская государственность уже настолько окрепла и пустила такие глубокие корни, что представляется совершенно невозможным добровольный отказ русского князя хотя бы от частицы своей политической власти в пользу грека-митрополита.

¹ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. ВДП, № 3, 1939, стр. 104.

² «Русские летописи», стр. 48; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 367.

В Константинополе сидели слишком искушенные в политике люди, чтобы мечтать об «инкорпорации» Киевского государства. За двести, по крайней мере, лет общения с Русью Византия могла убедиться, что это было бы фактически погоней за призраком. Каким бы теориям ни разрабатывали византийцы о вселенской власти своих императоров, эти теоретические положения не могли лечь в основу реальной политики последних в отношении Руси. Исторические факты свидетельствуют о том, что Ярослав был могучим государем, пользовавшимся всей полнотой власти и не делившим ее с каким-либо представителем константинопольского патриарха. Никакой греческой гегемонии он не подчинялся, и едва ли в его расчеты входило предпринять сложный, долгий поход готовившийся поход единственно ради того, чтобы согнать смесь с византийцев или лишить их приятного самообмана¹.

И. У. Будовиц правильнее, чем указанные авторы, понимает слова Пселла, а именно: под «старой враждой» следует разуметь походы Игоря, Святослава, Владимира, т. е. давнее соперничество, возникшее задолго до крещения Руси и с ним не связанное. По мнению Будовица, слова Пселла: «ἐπὶ τῇ Ῥωμανῇ ἡγεμονίᾳ» следует переводить не «против греческой гегемонии», а гораздо проще: «против РOMEЙСКОЙ державы», т. е. Пселл хочет сказать, что русские всегда питали ненависть к Византии.

Д. С. Лихачев рассматривает поход 1043 г. как кульминационный пункт борьбы Руси за свою самостоятельность. Так как поход закончился для Руси полной неудачей, то это, повидимому, должно было усилить ее зависимость от Византии. На самом же деле мы видим другое. После своей победы Византия добивается восстановления сношений с Русью, идет на уступки, закрепляет достигнутое соглашение вступлением в брак родственницы Константина Мономаха с сыном Ярослава Всеволодом. Где же тут кульминационный пункт? Очевидно, причина конфликта была иной.

Нельзя сбрасывать со счетов и тех притеснений, которыми, несомненно, как показывают Скилица и русская

¹ И. У. Будовиц. Об исторических построениях М. Д. Приськикова. «Ист. зап.», № 35, 1950, стр. 207.

летопись, подвергались русские купцы в Константинополе, бывшем мировым торжищем того времени. Не только имущество, но и жизнь русских (даже знатных) в то время не были там в безопасности. А между тем при Константине Мономахе немало русских жило в Константинополе. Об этом свидетельствует сказание о двух чудесах Николая Чудотворца (о ковче и оправдании невинно обвиняемого), очевидно, сочиненное русским жителем Константинополя. В первом сказании отмечается: «Мне же хоудому хотящу начати тое чудо святого Николы створившееся при моей хоудости тогда в Цариграде». Во втором сказании говорится о царе Константине: «от царя Константина тогда соущаго»¹. Бесправное положение русских в Константинополе объясняется прогрессирующей дезорганизацией и коррупцией византийского правительственного аппарата после смерти Василия Болгаробойцы. Василий II оставил византийские границы обеспеченными в военном отношении. Эти границы снова простирались от Дуная до Евфрата. Вокруг них располагалось кольцо вассальных государств: Неаполь, Салермо, Венеция, сербо-хорватские земли, армянские и грузинские феодальные владения.

В последние годы своей жизни Василий, как известно, подготовил военную экспедицию в Сицилию с целью отвоевания ее от арабов. Но после смерти Болгаробойцы начинается упадок византийского государства, имевший глубокие экономические основания.

Развивавшееся в VII—VIII вв. свободное крестьянское сословие к XI в. лишилось большей части своей земли, а вместе с землей крестьяне теряли и свободу, опускаясь до положения зависимых дариков. С исчезновением же свободного крестьянства исчезал и тот источник, из которого, выражаясь словами новеллы Романа Лакапина 943 г., государство черпало возможность для удовлетворения двух основных своих потребностей: собирания податей и набора военной силы. В связи с этим быстро падала обороноспособность государства, уменьшалось ресурсы

¹ А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. П. Хлудова. М., 1872, стр. 451, 453. В конце за декабрь (рукопись Троицкой лавры, № 90, л. 223) прямо говорится о купцах русских в Константинополе: «идеже русские купцы приходяще, челядь продают».

государственной казны, обострялись классовые противоречия. Положение еще ухудшалось прогрессирующим разложением правящей верхушки, нарастанием противоречий между провинциальной феодализировавшейся военной знатью и столичной бюрократией из придворных чиновников, евнухов, церковников, которые захватили в Византии власть в XI в.

При частых сменах императоров становившаяся у власти группировка стремилась заручиться одобрением сената и константинопольского населения, главным образом торговцев и ремесленников. Так, вступление на царство Михаила Пафлагона сопровождалось собранием сената и городских корпораций в целях получения их одобрения. В благодарность сенаторам были даны новые чины, а корпорациям подарки¹. То же повторилось при вступлении на престол Михаила Калафата. Вследствие этого городские корпорации восторженно его встречали и провожали. Во время выходов из дворца в церковь на пути его расстилали шелковые ткани, на домах и на окнах вывешивали разные украшения². При вступлении на престол Зои посыпались чины на сенаторов и подарки корпорациям. Так же было обставлено и вступление на престол Константина Мономаха³.

В это время наиболее богатые члены корпораций тоже получали чины и даже включались в сенаторское сословие. Это заигрывание константинопольских властей со столичными торговцами и ремесленниками имело и обратную сторону. Оно, несомненно, значительно ухудшало положение иностранных торговцев в Константинополе, в том числе и русских, подвергавшихся всяким насилиям и вымогательствам. Эти притеснения, очевидно, и заставили русского князя предпринять поход 1043 г.

Во всяком случае, несправедливость к русским, которой пропикнут рассказ Пселла, и самый поход показывают, что о дружеских отношениях в русско-византийских отношениях в первой половине XI в. говорить не приходится.

Скилица сообщает преувеличенные данные о 100 тыс. русских, якобы напавших на Константинополь. Более

¹ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 507.

² Attaliatae, ed. Bonn, p. 12—13; Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 536.

³ Skylitzes-Cedreni, t. II, p. 549.

вероятна, хотя тоже высока цифра, пазываемая Атталиа-
том: 20 тыс. войска на 400 ладьях. Можно поверить Пселлу,
что русский поход застал Мономаха врасплох. Он еще
не успел упрочить свою власть и в начале 1043 г. был за-
нят подавлением очень опасного для него восстания Геор-
гия Маница. В летописях, восходящих к Новгородско-
Софийскому споду 30-х годов XV в., поход Владимира
Ярославовича на Византию изложен с большими по-
дробностями, чем в «Повести временных лет». Подроб-
ности эти объясняют, почему в «Повести временных лет»
упомянут Дунай. Здесь мы читаем: «И поиде Владимир
на Царьград в лоднях. И прошедше пороги, и придоша
к Дунаю, рекоша русь Владимиру: «Станем зде на поле»,
а варяги рекоша: «поидем под город». И послуша Влади-
мир варяг и от Дуная поиде к Царьграду с вои по морю.
Грьци же, видевше, пзидоша на море и начаша погружать
целены Христовы с мощьми святых. И божьм гневом
возмутися море, и гром бысть велик и силен. И бысть буря
велика, и начашася люди разбивати. И разби корабли
и побегоша варязи вспять».

Повидимому, рассказ этот имеет источником предше-
ствующий «Повести временных лет» Начальный свод.
В этом рассказе характерно противопоставление руси
варягам, которое чрезвычайно важно для определения
древнейшего значения слова «Русь», так как указывает,
что в летописи, предшествующей «Повести временных
лет», варяги не назывались русью, а русь варягами.

В «Повести временных лет» сообщается, что фактически
предводителем русских был Вышата. Несколько ниже,
однако, говорится, что воеводой был не Вышата, а Иван
Творимирович, который спас князя Владимира Яросла-
вовича во время бури, описанной Пселлом: «и взя князя
в корабль Иван Творимирьч, воевода Ярославль». Пови-
димому, в летописном повествовании о походе Владимира
Ярославовича на Византию слыты два источника: сообще-
ние предшествующей летописи, где воеводой выступает
Иван Творимирович, и устный рассказ Яна Вышатича, от
которого летописец позаимствовал некоторые сведения¹.

¹ Д. С. Лихачев. Устные летописи в составе «Повести вре-
менных лет». «Ист. зап.», № 17, 1945; «Повесть временных лет»,
ч. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Изд-во АН СССР,
М., 1950, стр. 378.

Выброшенные во время бури на берег войны, в количестве около 6 тыс., решили пешком пробираться на Русь. Но так как с ними никто из бояр не хотел идти, то предводительствовать ими согласился сам Вышата, произнесший при этом героическую фразу: «Аще жив буду, то с вами, аще погибну, то с дружиной». Спасенные от кораблекрушения были очень плохо вооружены, а потому легко рассеяны встретившим их близ Варпы Катакалоном Кекавменом. Около 800 пленных были приведены в Константинополь и здесь ослеплены. Византийские источники свидетельствуют, что византийцы часть пленных ослепили, а остальным отрезали правые руки. Сам Вышата только через 3 года смог вернуться на Русь. Оставшиеся же на ладьях благополучно вернулись домой, уничтожив 14 византийских судов, которые пытались их преследовать.

В целом поход, организованный Ярославом против Византии, окончился неудачей. Это доказывает, что вследствие развития феодальных процессов завоевательная тенденция древнерусского государства уже ослабевала.

По сообщению летописи, русско-византийские отношения были восстановлены три года спустя после похода. К сожалению, мы ничего не знаем об условиях заключенного мира, за исключением того, что русские пленные были отпущены домой.

Повидимому, в течение этих трех лет Византия не чувствовала себя в безопасности от нового нападения русских, что могло иметь для нее огромное значение в связи с постоянной угрозой, которую в то время представляли для Византии печенегы за Дунаем, сельджуки на Востоке, норманны, с которыми шла война в Южной Италии, а также различные претенденты на трон, как Георгий Маниак (1042—1043), Лев Лапрос, Стефан Стефанофор (1043) и Лев Торрик (1047). Русская летопись свидетельствует, что с 1043 по 1047 г. Ярослав не предпринимал никаких походов. В Византии могли думать, что она готовится к новому походу. Естественно поэтому, что там должны были с большим подозрением относиться ко всем русским. Следует предположить, что это недоброжелательство к русским отразилось и на отношении афонцев к русскому монастырю Древодеда (Ξυλοβουδῶν). А так как у страха глаза велики, то соседям русского

монастыря могло показаться опасным в такое время оставлять в руках русских каменные постройки в бухте и лодки, которые, по предположениям греков, могли быть построены русскими монахами для связи с могущей прорваться в Эгейское море русской флотилией. Этим объясняется разгром греческими монахами русских построек на пристани, а также причинение ими других убытков, удовлетворение за которые афонские русские монахи получили только в 1047 г.¹

Побудить Византию к уступчивости по отношению к Руси могла лишь угроза со стороны печенегов, с которыми у Византии в то время началась тяжелая борьба на Дунайской границе. Уже в 1034 г. теснимые византийцами печенеги ворвались на территорию Болгарии и проникли до Фессалоники, уничтожая на своем пути все живое.

Опустошительные печенежские вторжения повторялись в 1035 г. и трижды в 1036 г. В 1036 г. Ярослав нанес печенегам решительное поражение под Киевом. Это заставило их усилить натиск на Балканы. К 1048 г. относятся два массовых вторжения печенегов на территорию Северо-Восточной Болгарии. Лишь небольшой отряд печенегов, предводительствуемый Кегеном, перешел на сторону Византии. Основная же масса их во главе с Тирахом выступила против Византии, разгромила войска византийского императора и, водворившись на Балканском полуострове, опустошала византийские владения, доходя до стен Константинополя².

Этим стесненным положением империи, вероятно искавшей, если не поддержки, то мира со стороны Киева, решил воспользоваться Ярослав для осуществления давней лелеемой им мысли об избрании киевского митрополита собором киевских епископов. Он решил сделать это, не дожидаясь присылки ставленника византийского императора и константинопольского патриарха. В летописи сообщается: «В 6559 [1051 г.] постави Ярослав Ларiona митрополитом Руси в святой Софьи, собрав епископы»³.

¹ В. М о ш к и н. Русские на Афоне. «Byzantinoslavica», t. IX, 1947, стр. 72; «Акты русского монастыря Пантелеймона на Афоне», Киев, 1873, стр. 19—27.

² В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. I, стр. 9—12, 17—24.

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 155.

Известно, что русские митрополиты до XV в. получали свой сан от константинопольского патриарха. Ярослав, предпринимая этот шаг, очевидно стремился к независимости русской церкви от Византии. Поставив митрополита Илариона, он санкционировал это избрание только решением собора русских епископов. Никоновская летопись следующим образом объясняет действия Ярослава: «Ярославу, сыну Владимирову, внуку Святославию, с греки брани и цестроения быша, и сице Ярослав с епископы своими русскими съвещавше, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило святых апостол 1-е: два или три епископы да поставляют единого епископа, и по сему священному правилу и уставу божественных апостол съшедшеся русстии епископы поставиша Илариона, русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающесе от православных патриарх и благочестна греческаго закона, ни гордящесе от них поставлятися, но съблюдающесе от вражды и лукавства, якоже беша тогда»¹.

Выбор Ярослава, павший на Илариона, был не случайным. Это был, прежде всего, русский (между тем, греки, естественно, стремились к тому, чтобы во главе русской митрополии стоял грек), талантливый проповедник, выступивший в своем замечательном «Слове о законе и благодати» с горячей проповедью равноправия русского народа и русской церкви с другими народами и церквями.

Однако, как и следовало ожидать, в Константинополе отказали в его утверждении, и Иларион должен был уйти. Вероятно, это случилось еще до смерти Ярослава и объясняется следующими соображениями. Под 1053 г. в летописи значится: «От Всеволода родися сын, и парече имя ему Володимир, от царице грькине»². Естественно думать, что этот брак относился к 1052 г., т. е. явился завершением переговоров об устранении Илариона. Мы уже знаем, как высоко ставили себя византийские императоры, как неохотно они соглашались в ту пору на политические браки с соседними правителями. Возможно поэтому, что брак Всеволода с представительницей рода Мономахов явился

¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 83.

² ПСРЛ, т. I, стр. 69.

крупной со стороны империи уступкой, покрывавшей какие-то уступки русским.

Вероятно, в числе последних был отказ от домогательства на признание Илариона киевским митрополитом. Нам известно, кто заменил Илариона. Под 1055 г. Новгородская летопись сообщает: «В сем же лете клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудики; и изыде из Новгорода и иде к Киеву, и осуди митрополит Ефрем, и пребысть там три лета»¹.

В Мстиславовом евангелии под 4 ноября читаем: «в тот же священие св. Софии, иже есть в Киеве. Священа Ефремом митрополитом»². Следовательно, после отказа в утверждении Илариона (1052 г.), смягченного браком Всеволода Ярославовича с греческой царевной, обе стороны сошлись на кандидатуре Ефрема. После утверждения Ярослава в Киеве Анастас Корсунянин ушел к Болеславу; вместо него в Новгороде остался Иоанн Корсунянин. В лице ученика своего Ефрема он подготовил себе преемника, не признанного, однако, Ярославом, который вместо него поставил епископа Луку Жидату. Митрополит Феопемпт, прибывший в Киев около 1037 г., согласился с требованием Ярослава. Правдоподобно предположение, что после устранения от епископской кафедры Ефрем вошел в число клириков Киевской митрополии, где, конечно, требовались люди ученые и знавшие русский и греческий языки. Вполне допустимо, что византийцы в силу изложенных выше обстоятельств пошли на уступки: хотя они и отклонили неприемлемую для них кандидатуру Илариона, но согласились поставить митрополита из числа лиц если не русских, то живших на Руси и числившихся членами русской иерархии. Таким человеком был Ефрем, преданный византийской политике, но говорящий по-русски и проживший немало лет на Руси.

После смерти Ярослава начинается совместное правление его сыновей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Триумvirат этот просуществовал до 1068 г. Мы имеем очень мало прямых свидетельств о византийско-русских отношениях в этот период. Можно отметить некоторые коле-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Издательство АН СССР, М., Л., 1950, стр. 182—183.

² С е р г и й, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. I. Прилож., стр. 12.

бания в политической ориентации Руси между Западной Европой и Византией, причем эти колебания обнаруживаются не только в разные моменты данного периода, но иногда даже в одно и то же время, в связи с наличием разных княжеских центров с различными движущими силами тогдашней мировой политики. Правда, все три князя вместе издают законы, распределяют княжения между младшими князьями, предпринимают походы на кочевников. Однако это не мешает каждому из князей иметь особую международную ориентацию, на которую могли влиять брачные связи каждого из них. Старший, Изяслав, в 1043 г. женился на Гертруде, сестре Казимира Польского. Вторым, Святослав, в первый брак вступил в промежутке между 1043 и 1047 гг., т. е. во время разрыва с Византией. Учитывая политическое значение тогдашних княжеских браков, можно думать, что первая его жена, Килкия, происходила из какого-нибудь двора, враждебного Византии. Вторая же жена, Ода, была саксонкой. Третий, Всеволод, был женат на родственнице византийского императора. Конечно, каждая из этих княгинь имела свое окружение, которое поддерживало ее связь с родиной, и могла оказывать влияние на политику своего мужа.

В середине XI в. в южнорусских степях впервые появляются половцы. Это событие было зарегистрировано в летописи под 1055 г.¹, а первое нападение на Русь под 1061 г. Борьба Ярославичей против них была мало успешной. Половцы обосновались в южнорусских степях довольно прочно: они оставались там вплоть до нашествия татар². Половецкая угроза впервые стала ощущаться в византийской Тавриде, с чем связано, очевидно, возобновление херсонесским стратигом Львом Алиаттом в 1059 г. крепостных сооружений города. Найденная в 1894 г. в Херсонесе надпись сообщает: «сооружены железные ворота претория, возобновлены и прочие [ворота] города при Исааке Комнине, великом царе, самодержце римском, и Екатерине, благочестивейшей августе, Львом Алиаттом, патриkiem и стратигом Херсона и Сугден, индикта 12,

¹ Ипатьевская летопись под 1055 г., ПСРЛ, т. II, вып. 1, стр. 150.

² П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Гл. III. «Киевские университетские известия», № 5, 1883, стр. 257—262.

лета 6567», т. е. в 1059 г.¹ Надпись 1059 г. представляет интерес в том отношении, что патрикий Лев Алиатт назван в ней стратигом Херсона и Сугдеи. Весьма возможно, что в это время власть Византии распространялась и на восточный Крым. Повидимому, одно время здесь был правителем византийский протоспафарий и стратиг Аркадий.

В середине XI в. Византия сохраняла свою власть и над херсонесскими климатами: Доросом (Мангупом), Эски-Керменом и Фуллами (Чуфут-Кале).

Незадолго до этого происходили важные события в русской Тмутаракани.

В 50-х годах XI в. Святослав сажает здесь своего сына Глеба. Но в 1064 г. сюда является князь-изгой, Ростислав, внук Ярослава, и выгоняет Глеба. Святослав, очевидно, не желал мириться с потерей Тмутаракани. В 1065 г. он изгоняет его из Тмутаракани и вновь сажает там Глеба. Но по возвращении Святослава на север Ростислав вновь овладевает Тмутараканью². О том, что предпринял в связи с этим Святослав, летопись умалчивает.

А. Л. Якобсон с достаточным основанием предполагает, что, не имея возможности задерживать свое войско на юге и бесконечно охотиться за Ростиславом, будучи занят новгородскими делами и борьбой со Всеславом, Святослав просил императора Константина X Дуку (1059—1067) помочь ему убрать этого беспокойного изгоя³. Византийское правительство ответило на это согласием; соответствующее поручение было дано херсонесскому стратигу, который и осуществил его привычным для Византии способом. По словам летописи, «в лето 6573 Ростиславу суцию Тмutorакани, и емлющую дань у насю и у иных странах, сего же убоявшеся гръци, послаша с лествью Котопана; оному же, пришедшу к Ростиславу и вверившюся ему, чтяшеть и Ростислав. Единою же пьюшк Ростиславу с дружиною своею, рече Котопан: «княже! хочю на тя пити»; оному же рекшю: «пий». Он же испи половину, а половину дасть князю пити; дотиснувшись

¹ В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей Южной России. СПб., 1896, стр. 16—17.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 163—164.

³ А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 17, М.—Л., 1950, стр. 21.

палцемъ в чашю, бе бо имея под ногтемъ растворены смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне сегого. Оному же испившю, Котопан же, пришед Корсуню поведаше, яко в сий день умереть Ростислав, яко же и бысть; сего же Котопана побиха каменьемъ корсуньстии людье»¹.

А. Н. Насонов, остаиваясь на этом летописном сообщении, в убийстве Ростислава усматривает реакцию Византии на политическую активность русского князя и вообще на усиление Киевской Руси в Приазовье, явившееся не только в покорении касогов, но и в предполагаемом захвате русскими Боспора². Однако ни в одном из источников нет упоминаний о том, что целью убийства Ростислава было устранение русских политических влияний на Таманском полуострове. После Ростислава в Тмутаракани был вновь посажен Глеб, и власть русских здесь сохранялась до самого конца XI в.

Далее, как рассказывает летописец, после возвращения Котопана корсуняне его убивают, иначе говоря — восстают против власти Византии. Об этом восстании корсунян в 1066 г. не сообщает ни один византийский источник, хотя аналогичных случаев расправы с администраторами в византийских хрониках зарегистрировано немало. Однако, если восстание в Херсонесе действительно имело место, то едва ли причиной этого восстания могло быть предательское убийство Ростислава. Вряд ли население Херсонеса могло быть осведомлено о настоящей причине его смерти — замысел Котопана сохранялся, конечно, в тайне. Кроме того, вряд ли трудовой люд города так близко принимал к сердцу дела византийской дипломатии, к тому же непосредственно не касавшиеся самого Херсонеса.

В марте 1073 г. на Руси вспыхнули усобицы. Святослав и Всеволод изгнали из Киева Изяслава. Грушевский видит в этих действиях Святослава и Всеволода ответ на предполагаемую попытку Изяслава в союзе со Всеславом вернуть себе Новгород, отданный Святославу в пору пленения Всеслава³. Изгнанный из Киева Изяслав старается найти

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 166.

² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 96—97.

³ М. Грушевский. Історія України — Русі. Т. II. Львов, 1904, стр. 60—61.

поддержку сначала у Болеслава польского, потом у императора германского Генриха IV и, наконец, у папы Григория VII (1075). Когда на Руси вспыхнули раздоры между Ярославичами, Византия переживала один из самых тяжелых периодов своей истории: она теряла главный опорный пункт своего могущества — Малую Азию.

Мы уже отмечали, что правление последних представителей Македонской династии было временем господства столичного гражданского чиновничества и церкви, оттеснивших на задний план военную провинциальную аристократию. Это делало неизбежными частые конфликты между столичной бюрократией и вождями византийского войска.

В 1057 г. восстание в малоазийских фемах дало победу военной партии, выдвинувшей на императорский престол одного из наиболее видных своих представителей — Исаака Комнина (1057—1059).

Комнин немедленно приступил к осуществлению программы военной партии: сократил содержание крупных чиновников, упразднил разорительные для государства синекеры для придворных, многочисленного духовенства, сместил с патриаршего престола Михаила Керулария. Однако военной партии удалось продержаться у власти только два года. Из своей деятельности Исаак натолкнулся на такие трудности, что в 1059 г. сам отказался от престола в пользу Константина Дуки, политика которого снова являлась торжеством столичной бюрократии. Чтобы сломить военных магнатов, правительство Константина снова уменьшило количество войска и урезало его содержание. Но международное положение не оправдывало такой политики. С севера Византия продолжала подвергаться нападениям печенегов, обосновавшихся на территории между Дунаем и Балканами. На Дунае образовалась страшная смесь бродячего населения, составленного из самых разнообразных элементов. Здесь, по словам византийского историка, можно было встретить людей всякого языка¹. В Италии норманны захватывали один за другим византийские города. Но наиболее грозная опасность начала вырисовываться на Востоке, где возрастало могущество турок-сельджуков. При Константине Дуке и в регентство его жены сельджукинский султан

¹ Attaliatae, p. 204.

Альп-Арслан завоевал Армению с ее столицей Ани, опустошал Сирию, Кипрскую, Каппадокию. Угрожающая внешняя обстановка дала еще раз победу военной партии, в 1068 г. посадившей на византийский престол своего ставленника Романа IV Диогена. Но Роман не мог одновременно вести борьбу против турок и против внутренних врагов: знатной фамилии Дуков, чиноуничества, возглавляемого сенатом и поддерживаемого патриархом и духовенством. Попытка Романа задержать продвижение Дуков закончилась полным крахом. В 1071 г. в битве под Манцикертом Роман был разбит турками и попал к ним в плен, а по возвращении из плена зверски ослеплен Дуками.

Малая Азия, где различные категории зависимого сельскохозяйственного населения обрабатывали земли церковных и светских крупных землевладельцев, являлась легкой добычей для турецких завоевателей. Султан Сулейман объявил этих крепостных и париков свободными при условии уплаты ими поголовной подати, и таким образом, Армения и восточная часть Малой Азии оказались потерянными для Византии сразу и безвозвратно. Одновременно империя лишилась остатков своих владений в Италии. В 1071 г. норманны завоевали Барз, единственный город в Италии, еще остававшийся в руках Византии. В уцелевшей части империи народные массы были давлены налогами. Феодальная знать поднимала восстание за восстанием против обесшленного центрального правительства. Вожди византийских наемных отрядов Эрве, Байель заботились только о собственных выгодах. После битвы под Манцикертом императором был провозглашен сын Константина Дуки, воспитанник ученого Пселла, неспособный Михаил VII (1071—1078), но против него подняли восстание представители феодальной знати: в Азии Никифор Вотапат, в Европе Врещий. Пользуясь ослаблением военной мощи империи и ее внутренними раздорами, турки проникали все дальше на запад и дошли до Никеи и Хрисополя, которыми и овладели. Они поддерживали Никифора Вотапата в его стремлении захватить императорский престол. Когда Никифор Вотапат сделался императором (1078—1081), против него подняли восстание новые претенденты: в Азии Мелиссен, в Европе Василиаки. В то же время печенеги опустошали Бал-

канский полуостров. Конец анархии положил переворот (апрель 1081 г.), в результате которого Никифор Вотаниат был свергнут, а императорский престол достался Алексею Комнину. Этот переворот, означавший победу феодальной военной знати над столичной дворцовой верхушкой и гражданским чиновничеством, приостановил дальнейший распад империи.

Приято считать, что после брака Всеволода с родственницей Константина Мономаха между Русью и Византией установились вполне мирные отношения. Доказательством дружественных связей между русскими князьями и византийским правительством служат два письма Дуки киевскому князю Всеволоду. Эти письма были впервые опубликованы в 1874 г. греческим ученым Константином Сафой и взяты из обширной корреспонденции византийского ученого, философа и политического деятеля второй половины XI в. Михаила Пселла¹. Они были написаны Пселлом по поручению императора Михаила VII Дуки и содержат предложение заключить брачный договор между братом императора Михаилом Константином и дочерью того лица, которому были адресованы эти письма. Сафа, а затем и многие другие ученые пришли к выводу, что эти письма могли быть адресованы только Роберту Гвискарду.

Но В. Г. Васильевский доказывает, что эти письма предназначались русскому князю Всеволоду Ярославичу².

Васильевский считает, что одна из дочерей Всеволода была раньше помолвлена с сыном Романа Диогена. Брак должен был совершиться при условии предоставления Византии военной помощи и принятия обязательства о невмешательстве в события болгарского восстания 1073 г. Васильевский приурочивает эти письма к 1073—1074 гг. Точка зрения Васильевского впоследствии была поддержана его учеником Безобразовым и с некоторыми вариациями принята почти всеми русскими учеными³. Приселков рисует такую картину событий той эпохи,

¹ K. N. Sathas. «Bibliotheca graeca medii aevi», t. V, p. 285—392.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1.

³ П. Н. Безобразов. Материалы для истории Византийской империи. III. Непзданный брачный договор Михаила Дуки с Робертом Гвискаром. ЖМНП, ч. 265, 1889, стр. 23—31.

когда посылались эти письма: между митрополитом Георгием и великим князем Святославом, заявившим Киев по изгнании Изяслава, вспыхнула ссора. Митрополит оставил Киев и выехал в Византию. Свержение Романа Дюгена вызвало у его русских родственников недоброжелательное отношение к Михаилу Дуке. Для того чтобы предотвратить враждебные действия Руси, император спешит предложить брак своего брата с дочерью Всеволода¹.

Приселков пытался ответить на естественный вопрос: почему византийский император обратился к удельному русскому князю Всеволоду, а не к великому князю киевскому Святославу? По его мнению, это случилось потому, что Святослав резко разорвал с греческой митрополией и угрожал перейти в католичество. В противовес своему брату и врагу Изяславу, искавшему помощи у западных дворов и папы Григория VII, Святослав сам вступил в переговоры с папой и этим обезоружил Изяслава.

Приселков полагает, что Михаил Дука пишет Всеволоду также и из тех соображений, что поход на Дунай должен был предпринять Всеволод, находившийся наиболее близко к границам Византии.

Он считает, что из Константинополя в Переяславль были посланы не только письма, но и митрополит, нашедший здесь временный приют, в то время как Святослав своим разрывом с Византийской империей и переговорами с Западом обезоружил не только Польшу и Генриха IV, но и самого папу Григория VII. Приселков основывается на сообщении летописи под 1089 г.: «В се же лето священа бысть церкы святого Михаила [переяславльская] Ефремом, митрополитомъ тоя церкы, юже бе создал велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополья, и пристрой ю великою пристроею, украсив ю всякою красотою, церковными сосуды»².

Он предполагает, что митрополия была учреждена в Переяславле между 1073 и 1086 г., под которым упоминается митрополит Иоанн, погребавший Ярополка Изяславовича. Приселков считает, что до нас дошло имя этого

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 126—135.
² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 208.

переславльскаго митрополита в заголовке греческаго полемическаго сочинения против латинян¹, написание котораго он приурочивает к 1074—1078 гг. Но для принятия всех этих гипотез необходимо, прежде всего, установить, действительно ли письма Михаила Дуки были адресованы Всеволоду. Внимательное ознакомление с этими письмами делает это предположение весьма сомнительным.

Каждому, знакомому с внешнеполитическим положением Византии после несчастливаго для нее 1071 г., понятно, что, находясь между двумя врагами — турками-сельджуками и южноитальянскими норманнами, лишенная в то же время возможности бороться с оружием в руках против этих противников, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить его другому. Что такая попытка и была ею предпринята, показывает опубликованный П. Н. Безобразовым брачный договор 1074 г., заключенный между Робертом Гюискардом и Михаилом VII Дукой о браке его сына Михаила и дочери Роберта Гюискарда.

Смысл этого договора правильно определяет современник описываемых событий, византийскій хронист Скилица: «Михаил, — пишет он, — не только не сумел сохранить принадлежавшую ему страну (Южная Италия), но, чтобы изгнать с востока турок, счел нужным заключить союз с норманнами и при их помощи отворотить нападения турок на Византию. Поэтому он и заключает брачный договор с Робертом и обручает Елену со своим сыном Константином». Известно, насколько увеличилась угроза со стороны турок в 1071—1076 гг., после битвы под Манцикертом. Михаил VII Дука, конечно, был очень заинтересован в заключении этого договора, направленнаго против турок, главнаго врага Византии. Роберт Гюискард уже показал Византии, что может быть очень опасным врагом. Византия стремилась к тому, чтобы обезоружить этого опаснаго врага и приобрести в его лице союзника, могущаго приостановить натиск турок-сельджуков. Повтому дошедшие до нас два письма Михаила VII Дуки

¹ См. текст в кн.: А. С. Павлов. Критические опыты по истории греческой и древнерусской полемике против латинян. СПб., 1878, стр. 130.

следует рассматривать как начало переговоров с норманским владетелем. Аргументы Васильевского, пытавшегося оспаривать это положение, искусственны и легко могут быть опровергнуты.

Васильевский, прежде всего, отмечает запутанность южноитальянских источников и их недостаточную достоверность¹. Однако мы все же можем, несколько не противореча прямым указаниям южноитальянских источников, предположить, что первоначально велись переговоры о браке между дочерью Роберта и братом императора; брак же был заключен впоследствии между норманской принцессой и сыном Михаила. Зная тяжелое положение Византии, Роберт стремился получить от нее как можно больше, а византийский император, естественно, был заинтересован в обратном. В. Г. Васильевский замечает: «Всего менее можно предполагать в Михаиле VII какую-либо заботливость о брате. Константин Дука был нелюбимым и подозреваемым братом Михаила»².

Известно, однако, что приблизительно до 1073 г. между Михаилом VII и Константином были хорошие отношения. Только с 1073 г., не без участия евнуха Никифора, Михаил порывает со своими родственниками, в том числе с Константином. Возможно, что письма были написаны до разрыва.

Михаил мог сначала вести переговоры о браке своего брата, а затем после разрыва с ним — об обручении своего сына с норманской принцессой. В свою очередь, Роберт мог добиваться, чтобы мужем его дочери был сын императора, будущий наследник византийского престола, а не брат императора. Может быть, этим и объясняется, что переговоры затянулись на долгое время.

Брачный договор 1074 г. как раз и свидетельствует о таких переговорах, весьма длительных и не очень приятных для императора. «Царственность моя, — пишет Михаил в брачном договоре с Гюнскардом, — ставит это условие не по собственному желанию, но после того, как она много раз говорила об этом с присланными тобой посланцами и много раз обсуждала с ними это, одно пред-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 15—22.

² Там же, стр. 34.

лагая, другое выслушивая, пока не узнала, что они довольны договором и клятвенно это подтвердили, и пока ты не объявил, что согласен с их мнением».

Эти строки пропикнуты не свойственным византийским императорам смиренцем, а условия договора показывают, как велики были сделанные Роберту уступки.

Васильевский, выдвинувший гипотезу о том, что указанные письма были адресованы русскому князю Всеволоду, не может удовлетворительно объяснить, чем русский удельный князь Всеволод мог помочь Византии в борьбе с турками-сельджуками и против кого мог быть направлен союз Дуки со Всеволодом. Он мог быть заключен только с целью совместного выступления против печенегов. Но при Романе, как отмечает и сам Васильевский, печенеги и торки, поселившиеся в пределах империи, принимали активное участие в его походах. Они составляли в византийском войске легкую конницу. При Михаиле Дуке праждебные выступления печенегов против империи начались только после 1074 г., письма же написаны, несомненно, раньше.

По мнению В. Г. Васильевского, имеются очень достоверные русские известия о том, что в 1073—1074 гг. византийский император направлял посольства к двум русским князьям, просил у них помощи против болгар и корсунян и что обращение его не осталось без последствий, по крайней мере относительно Корсуна¹.

В доказательство Васильевский приводит следующие строки из «Истории» Татищева, хотя сам признает, что это источник поздний и случайный: «Михаил, царь греческий уже отца своего Романа царства лишивше, сам принял, но вскоре от болгар побежден, и корсуняне ему отреклися, прислал ко Святославу послов со многими дарами и обещаниями, прося его и Всеволода о помощи на болгар и корсунян. Святослав же, согласяся со Всеволодом, хотел на болгар сам идти с сыны, а Владимир сыновца и с ним сына Глеба послал на корсунян, но вскоре сам разболевся, послов отпустил с тем, что сам немедленно пойдет или сынов своих пошлет. По смерти же Святослава пришла от грек весть, что Михаил умер, а царство

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 34.

принял Никифор. Всеволод же войско все распустил в дома и сына Владимира из Корсуня возвратил».

Поход Владимира и Глеба на Херсонес, а также письма Михаила Дуки Васильевский относит к 1073 или 1074 г., но сам же считает странным, что об этом походе нет ни слова в «Поучении» Владимира Мономаха, где он перечисляет свои походы на протяжении 13 лет¹.

Поэтому высказанное В. Г. Васильевским предположение, что сообщение Татищева (так же как и известие Муральта) о походе Владимира Мономаха и Глеба Святославовича на восставших против императора Византии корсунии связано с этими письмами, приходится отвергнуть, так как в своем «Поучении» Владимир об этом походе не упоминает, а Глеб в годы предполагаемого похода находился в Новгороде².

Недостоверность сообщений Татищева признает и Приселков, в целом принимающий гипотезу Васильевского. Приселков считает, что целью писем было «удержать русского князя от предполагаемого похода на византийские границы». Но вряд ли, учитывая княжеские усобицы того времени, был возможен такой поход русских на Византию. Со стороны же Роберта такой поход был вполне реален. Роберт действительно мог ставить перед собою цель захвата византийских владений на Балканах. И такую попытку он фактически предпринял в 1081—1082 гг. В письмах имеются указания, что предшествовавший Михаилу византийский правитель (т. е. Роман Диоген) заключил с адресатом соглашение о браке своего сына с дочерью адресата.

В. Г. Васильевский указывает, что если бы сын Романа был обручен своим отцом с дочерью Роберта Гюискарда, то это предполагало бы мирные отношения между Византией и Гюискардом в 1068—1071 гг. Но таких отношений не было. Напротив, источники сообщают о непрекращавшейся в эти годы войне между Византией и южноитальянскими норманнами³.

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 240—265.

² М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., стр. 129.

³ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 21—22.

Однако у нас нет никаких указаний о том, что ведение военных действий не сопровождалось мирными переговорами. Весьма возможно, что когда Бари был взят Гюискардом, между Византией и последним было заключено мирное соглашение. От взятия Бари до отправления Романа в его последний поход против турок прошло 4 месяца, во время которых Гюискард не вел военных действий, так же как и после отъезда Романа в Армению. Васильевский не замечает, что в письмах имеются совершенно конкретные указания на существование между обеими странами вражды, при этом очень серьезной. Одной из целей писем было устранение этой вражды. «Для нас обоих, имеющих соединиться дружбой, — читаем мы в письмах, — будет служить краеугольным камнем сам Господь, соединяющий прежде разделенное. . . нелепо и неразумно, . . . чтобы спорили друг с другом о превосходстве те, кто должен жить в согласии. Я хочу вступить в общение с тобой. . . через общение двух родов, что уничтожает всякие споры и разрешает всякие несогласия и противоречия»¹. Таким образом, и до написания писем между обеими сторонами существовали споры и разногласия.

В византийско-русских отношениях того периода мы не можем установить наличие таких споров и разногласий. Если же обратиться к Южной Италии, там действительно до 15 апреля 1071 г. шла борьба Византии с норманнами, которая после 1071 г. прекратилась и возобновилась лишь при Алексее Комнине.

В обоих письмах очень часто упоминается о «единстве веры», «одном образе благочестия». «Три причины, благороднейший и разумнейший муж, — пишет Дука, — пробудили во мне дружественное и самое искреннее расположение к тебе: единомыслие в истинной вере, благородство твоего образа мыслей и знатность твоего рода»².

По мнению В. Г. Васильевского, трудно предположить, чтобы при каких бы то ни было отношениях к римской церкви византийский император второй половины XI в. стал говорить с такой прямоотой и решительностью выражений, с таким отсутствием всяких ограничений

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 11—12.

² Там же, стр. 8.

о единстве и тождестве своей веры с латинской¹. Но он упускает из вида, что происшедший в 1054 г. разрыв между восточной и западной церквами мог считаться в то время одним из обычных и частых конфликтов между Византией и Римом и едва ли кто-нибудь в Риме и Византии считал его в то время окончательным.

В конце 1074 г. папа Григорий VII писал, что константинопольская церковь, не согласная с латинской по вопросу об исхождении св. духа, ожидает соглашения с римским престолом.

В июле 1073 г. к Григорию VII явились от императора Михаила VII два монаха с письмом, в котором выражалось «немалое почтение» к римской церкви². Далее, известно, что в марте 1074 г. Григорий VII призвал западных христиан к походу на восток для помощи христианам Византийской империи.

В. Г. Васильевский высказывает далее предположение, что дочь Всеволода Янка должна была стать невестой Константина Дуки. Одним из косвенных доказательств этого Васильевский считает летописное известие о поездке Янки в Константинополь³.

Из этого летописного сообщения мы узнаем, что дочери киевских князей в XI в. посещали Константинополь и могли даже приводить оттуда на Русь митрополитов. Это показывает, что путь «из варяг в греки» продолжал существовать и в XI в., несмотря на появление в южно-русских степях половцев. Но Янка, как сообщает летопись, не вступила в брак и девицей постриглась в монахиню. Слою гипотезу Васильевский обосновывает также и тем, что в русской летописи упоминаются два Диогеновичи. Об одном из них говорится под 6603 (1095) г. «Идоша половцы на гръки с Девгениевичем, воеваша по гречьстей землю, и цесарь я Девгениеча, и повеле и слепити»⁴. Но этот Диогенович не имеет никакого отношения к письмам Михаила Дуки: он был не сыном Романа Диогена, а только самозванцем, выдававшим себя за такового. О его ссылке в Херсонес, о его союзе с половецкими ханами Боняком и Тугорханом, об их вторжении в пределы империи

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 25

² Там же, стр. 31.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 97.

накопец, о самом ослеплении мнимого сына Диогена подробно рассказывает дочь Алексея Комнина¹.

Второй Диогенович выступает в русской летописи через 30 с лишним лет после 1073 г. В летописи под 6624 (1116) г. сообщается: «В то же лето Леон Диогенович, зять Володимерь, иде на царя Алексия и вдашася ему город Дунайских неколико; и в Дерестре, городе Дунаистомь, лествю убиста и два сорочинина, послана цесиремь, месяца августа в 15 день»². Из византийских источников известны три сына Романа Диогена, и хотя один из них действительно носил имя Льва или Леона, но Васильевский считает, что никто из них не является Диогеновичем, названным в русской летописи зятем Владимира Мономаха³.

Все русские историки, кроме Васильевского, согласны в том, что летописный Леон Диогенович был мужем дочери Владимира Марии, и, следовательно, тоже не имеет никакого отношения к письмам Михаила Дуки, так как в 1071 г.⁴, когда был изложен Диоген, у Владимира Мономаха не было ни дочери, ни сына. В письме Дуки сказано: «Если такого рода соглашение и было у тебя заключено с моим прежним совластителем и если сын его был обручен с одной из дочерей твоих, то есть все-таки большое различие между тем и другим». Васильевский признает, что в этой фразе не имеется в виду ни один из известных нам сыновей Романа. Если у Романа до момента его вступления на престол был еще сын, то странно, почему он назывался Леоном. Очень редко бывает, чтобы два живых сына одного отца имели одинаковые имена. Из текста письма отнюдь не вытекает, что брак, о котором идет речь в письмах, был осуществлен. В тексте сказано: «И если тебе обещаи сын для одной из

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 109—116.

² ПСРЛ, т. I, стр. 128.

³ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 39.

⁴ С. Соловьев. История России. Т. I. М., 1883, стр. 355. Н. С. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. СПб., 1872, стр. 63; Д. И. Иловайский. История России. Т. I. М., 1876, стр. 46. Сын Леона Диогеновича Василько Маричич упоминается в Ппатьевской летописи под 1136 г. См. краткую сводку данных о Леоне Диогеновиче: П. У. Будовиц. Владимир Мономах и его военная доктрина. «Ист. зап.», № 22, 1947, стр. 96—98.

твоих дочерей». Отсюда можно сделать вывод, что переговоры шли относительно одной и той же дочери владельца, к которому обращался византийский император. Следовательно, Михаил Дука имел все основания считать, что брак дочери этого владельца с его братом мог совершиться, так как брак сына Романа остался в области предположений. Таким образом, гипотеза Васильевского, что брак Дюгеновича с дочерью Всеволода был совершившимся фактом, а потому не мог быть расторгнут, повисает в воздухе.

В последней главе своей работы В. Г. Васильевский пытается объяснить следующие слова писем: «Научают меня священные книги и достоверные истории, что наши государства имеют некий единый источник и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, что одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия»¹.

Стремясь доказать, что эти письма адресованы русскому князю, Васильевский ссылается на легенду о посещении Руси апостолом Андреем. Но у нас имеются серьезные основания полагать, что древнейшие русские источники не только не знали легенды о пребывании апостола Андрея на Руси, но, наоборот, утверждали, что апостолы на Руси не учили. Так, в житии Бориса и Глеба прямо сказано: «не беша бо ни апостолы ходили к ним [русским]: никтоже бе им проповедал слово божие». В тексте письма имеется в виду не один апостол, а несколько. Васильевский не может указать другого «самовидца божественного таинства», который бы проповедовал на Руси. Если же предположить, что в этих словах речь идет о территории, ранее входившей в состав Римской империи, то количество «самовидцев» резко увеличится. Вероятнее всего, в письмах подразумеваются Петр и Павел, которые, по христианской легенде, проповедовали на территориях, позднее вошедших в состав Византийской империи, а также в Италии и почитались одинаково и на Западе и на Востоке.

Васильевский признает, что в словах второго письма: «научают меня... достоверные истории, что оба наши

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 11.

государства имеют некий единый источник и корень», содержится определенный реальный смысл. Но в каких «достоверных историях» говорится, что Византия и Русь «имеют некий единый источник и корень»? Источники таких упоминаний не содержат.

В письмах, далее, имеются такие фразы: «Было бы чепехо. . ., чтобы спорили друг с другом о превосходстве те, которые одного и того же бога поставили превыше правителей в собственных государствах. Это было бы не что другое, как рассечение одного и того же тела, растерзание и раздробление наиболее соединенных членов»¹. Дальше мы читаем: «Ибо следовало когда-нибудь этому совершиться и власти разделившейся возвратиться опять к тому же источнику»².

Если мы примем гипотезу Васильевского, то вынуждены будем или признать, что эти фразы не содержат никакого смысла, или сделать вывод, что Византия и Переяславское княжество (а Всеволод в то время был переяславским князем) «имеют некий единый источник и корень». Едва ли в Византии могло существовать мнение, что некогда власть в Византии и на Руси была единой и что когда-то государство это разделилось надвое, а теперь вновь представляется возможность объединить его. Но стоит лишь допустить, что адресатом был не Всеволод, а Роберт Гюискард, и тогда все становится на свое место и получает определенный смысл.

Пселл, бывший автором писем, хорошо знал, что Италия и Византия некогда входили в состав единой империи. Возможно, у него была цель посредством брака снова объединить эти земли. Тогда получают смысл и такие выражения, как «рассечение одного и того же тела», «растерзание и раздробление наиболее соединенных членов». Называть Византию и Переяславское княжество «наиболее соединенными членами» — невозможно. Применительно же к бывшим византийским владениям в Италии такие слова вполне законны.

Наконец, если придерживаться точки зрения Васильевского, то останется непонятным, почему император обратился за помощью и с предложением родства к удель-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 11.

² Там же, стр. 14.

ному князю Всеволоду, а не к великому князю киевскому Святославу.

Ввиду изложенного предположение Васильевского должно быть отвергнуто, так же как и основанная на нем гипотеза Приселкова.

После изгнания Изяслава главную роль на Руси играл Святослав, в руках которого была Киевщина, Черниговщина с Муромом, Новгород и Псков, Поволжье, Тмутаракань. Всеволод был значительно слабее своего брата и при жизни Святослава не мог вести самостоятельную политику. Кроме Переяславской земли, Всеволод владел Волынью, Смоленском и Туровом, но его земли были значительно беднее Киевского княжества. При Святославе еще нельзя было говорить об экономическом упадке Киева, который германский хронист того времени Адам Бременский называл «соперником Константинополя и лучшим украшением Греции» (*aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae*)¹.

Святослав пресекал попытки изгнанного Изяслава заручиться помощью польского короля Болеслава и германского императора Генриха IV такими богатыми подарками, что они производили глубокое впечатление в Германии. По свидетельству Ламберта Святослав послал Генриху с Бурхардтом так много золота, серебра и дорогих одежд, что никто не помнил, чтобы в Германию когда-либо было привезено столько богатства².

Очевидно, Киевская Русь могла тогда удивлять Германию своим богатством. По сообщению Титмара, Киев был большим городом (*magna civitas*); в нем было 400 церквей, 8 рынков и весьма многочисленное население (*populi ignota manus*)³.

О русско-византийских отношениях того времени мы знаем следующее: к тому же году (1073), под которым Татищев поместил вышеприведенное известие о заключении союза между Михаилом VII и Святославом Киевским, относится пребывание в Константинополе русского митрополита Георгия, а также приурочивается основание знаменитой Печерской церкви в Киеве: «В се же лето

¹ «Adami Gesta Hammaburgensis», «Ecclesiae Pontificum», t. II, p. 19.

² «Monumenta Germaniae historica scriptores», t. II, p. 219—230.

³ «Titmari Merseburgensis», t. VIII, p. 16.

основана бысть церкви Печерская игуменомъ Феодосѣемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгию тогда сущю в Грьцех, Святославу Кыеве сядящю»¹.

В преданиях, сохранных Киевским патериком, рассказывается, что первыми строителями церкви были зодчие, прибывшие из Константинополя; отсюда же несколько времени спустя явились и живописцы². Все эти предания свидетельствуют о существовании оживленных связей между русскими князьями и Константинополем в конце правления Михаила Дуки и в начале правления Вотаниата и подтверждают известие Атталиаты о русских ладьях, стоявших около Константинополя, и о варягоруссах, сражавшихся здесь около 1078 г. за права Михаила Дуки с одним восставшим против него узурпатором³.

После неудачной для лишенных наследства сыновей Святослава битвы на «Нежатиной ниве» и гибели старшего из Святославичей, Романа, в 1079 г., второй сын Святослава, Олег, тогда же, очевидно по наущению Всеволода, был захвачен тмутараканскими хазарами и отослан в ссылку в Византию. Вероятно, по этому поводу имелась также договоренность между киевским князем и византийским правительством. Олег пробыл в греческой ссылке 4 года, из них два, как сообщает игумен Даниил⁴ — на острове Родосе.

С этим пребыванием возможно связать брак Олега с гречанкой. Шлюмберже издал печать с надписью: $\chi. \epsilon. \beta. \delta$ ($\chi\acute{\upsilon}\rho\iota\varsigma \beta\omicron\tau\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}$) $\tau\eta\ \sigma\eta\ \delta\omicron\upsilon\lambda\eta$ $\Phi\epsilon\omicron\phi\acute{\alpha}\nu\omicron$ $\acute{\omicron}\rho\chi\omicron\nu\tau\eta\sigma\eta$ $\rho\omega\sigma\iota\alpha\varsigma$ $\tau\eta$ $\mu\omicron\upsilon\sigma\alpha\lambda\omega\nu\eta\sigma\eta$ ⁵. Д. Лопарев высказал правдоподобный взгляд, что Феофан из рода Музалонов была женой Олега⁶. Имеется предположение, что этот брак с византийской патрицианкой и дал Олегу возможность

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 78—79.

² «Памятники русской литературы XII—XIII вв.», изд. В. Яковлева, стр. 117—121.

³ Attaliatae, p. 253.

⁴ «В том же острове был Олег князь русский два лета и две зимы», «Путешествие игумена Даниила», изд. Норова, стр. 7.

⁵ G. Schlumberger. Sigillographie byzantine. Paris, 1884.

⁶ Д. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини. «Византийский временник», т. I, 1894.

вырваться из византийского плена¹. Известно, что после смерти Олега изгойское гнездо — Тмутаракань — осталось без хозяина и Всеволод послал туда своего посадника, но последний оставался там недолго.

В 1081 г. там появились другие изгои: Давид Игоревич с Володаром Ростиславовичем выгнали наместника Всеволода и овладели Тмутараканью. Но уже в 1083 г. явился в Тмутаракань Олег, который сначала захватил Давида и Володаря, а потом отпустил их, после чего утвердился здесь. Можно полагать, что возвращение Олега было не самочинным, а произошло по соглашению со Всеволодом. В самом деле, с 1083 г. до 1094 г., т. е. до смерти Всеволода, Олег сидел в Тмутаракани, не предпринимая против него активных действий с целью возвращения родного Чернигова. Приселков полагает, что здесь имела место не удавшаяся Всеволоду попытка столкнуть интересы племянников, сидевших в Тмутаракани с 1081 г., с интересами Олега. В таком случае предположение, что благодаря браку со знатной гречанкой Олег получил возможность вырваться из греческого плена, едва ли правдоподобно².

Изгнанный из Тмутаракани Давид не сошел, однако, с политической арены. В 1084 г. он напал на Олешье — важную киевскую торговую станцию на Нижнем Днепре, захватил там торговцев (греков или занимающихся торговлей с ними) и их имущество. Это причинило такой ущерб киевской торговле, что Всеволод должен был пойти на уступки Давиду и дать ему Дорогобуж.

Отношения, существовавшие между киевским князем Всеволодом и митрополитом Продромом, трудно представить с полной ясностью.

Близость, родство и дружба киевского князя с императорской фамилией в Константинополе должны были повлечь за собой и дружественное отношение к нему со стороны митрополита.

Новый киевский митрополит, вступивший в управление русской церковью еще в 1077 г., был незаурядной фигурой среди греческих митрополитов на Руси, которые обычно выступали здесь как аккуратные византийские

¹ «Летопись археографической комиссии», т. IX, стр. 24—34.

² М. Грушевский. Указ. соч., т. II, стр. 73, прим. 1.

церковные чиновники и не оставляли после себя заметного следа. Поэтому русские летописи редко и мало упоминают об их деятельности. Митрополита же Иоанна летопись помнит как выдающегося своей ученостью («хитр книгами и ученью») человека и достойного представителя своего высокого сана. Эта характеристика находит подтверждение в словах известного придворного поэта, жившего при императоре Калюгане, Федора Птохопродрома, который называет дядю, воспитавшего его в благочестии, «сильным в слове»¹.

Пребывание в Киеве митрополита Иоанна, «нареченного пророком Христа» (1077—1089), было использовано им с большим искусством и надолго укрепило положение греческой митрополии в Киеве. С именем этого митрополита связано послание к антипапе Клименту III (1080—1099), являющееся ответом на его послание о соединении церквей и доставленное при посредстве какого-то епископа².

По заключительным словам ответного послания можно думать, что митрополит отправил свое послание после соборного обсуждения его с епископами, игуменами, клиром и народом, хотя все послание написано от имени одного лишь митрополита. Известно, что Изяслав, изгнанный братьями из Киева, просил помощи у польского короля, германского императора Генриха IV и папы Григория VII.

Вмешательство в киевские дела германского императора, выразившееся в посольстве Бурхардта, и папы Григория VII, нашедшее отражение в его грамоте Изяславу, показывает живой интерес, с которым Западная Европа отнеслась к делу Изяслава.

Когда Святослав умер, а киевский престол занял Изяслав, повидному порвавший связи с Западом, произошел разрыв Генриха IV с папой Григорием VII, приведший в 1080 г. к объявлению Григория VII изложенным и к избранию нового папы — Климента III. Совершенно естественным было со стороны императора и нового

¹ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1. Изд. 2-е, М., 1901, стр. 286; В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 174—175.

² А. С. Павлов. Указ. соч., стр. 169—170.

папы попытаться выяснить отношение в Киеве к давним связям и обещаниям Изяслава.

Несмотря на последовавший в то время разрыв Византии с Генрихом IV и Климентом III, можно думать, что к 1089 г. сношения Киева с Западом оживились в связи с женитьбой Генриха IV на Евпраксии, вдове маркграфа Саксонского, дочери киевского князя Всеволода.

Возможно, что разговоры о предполагаемом браке Генриха IV с Евпраксией вызвали со стороны митрополита Иоанна резкое осуждение по адресу русских князей, отдававших своих дочерей замуж за правителей тех народов, у которых причастие совершалось на опресноках. Митрополит считает эту практику недопустимой и весьма неприличной. Он даже грозит за это церковным отлучением¹. Возможность признать в этих словах митрополита Иоанна намек на брак Евпраксии с Генрихом IV ведет к датированию указанных «капонических ответов» митрополита концом его жизни (1089 г.). Это может быть подтверждено также и анализом 32-го ответа².

К моменту смерти Всеволода (1093 г.) усиливается роль Киево-Печерского монастыря, основанного в самом конце княжения Ярослава и в пору ярославичей занявшего первое место среди монастырей Киева и всей Руси. Уже в первые годы его существования деятельность этого монастыря распространяется далеко за пределы монастырской ограды. Здесь ведется большая литературная работа: монастырь берет в свои руки летописание; из его стен выходит немало лиц, занимавших впоследствии епископские кафедры. Естественно, все это вызывает к нему пристальное внимание со стороны князей, митрополитов, епископов и других представителей правящей верхушки Киевского государства. Однако не следует изображать, как это делает М. Д. Приселков, этот монастырь как близкое народу учреждение, которое возглавляют бесстрашные «князеборцы», стоящие «над классами».

Разумеется, нельзя отрицать, что Киево-Печерский монастырь, являясь мощным идеологическим центром, играл видную роль в жизни Киевской Руси, был в первый период своей истории очагом просвещения и центром

¹ «Русская историческая библиотека», т. VI, изд. 2-е. Прилож., стр. 342.

² Там же, стр. 19.

летописания, поборником единства русской земли. Но необходимо помнить, что руководители монастыря были выходцами из феодального класса, защищавшими интересы последнего. Они никогда не выступали против интересов феодального класса в целом и княжеской власти как таковой. Поэтому монастырь и пользовался неизменной поддержкой и материальной помощью со стороны киевских князей.

Имеются факты, свидетельствующие, что русские монастыри в то время находились в общении с византийскими монастырями. О путешествии на Афон Антония, основателя Киево-Печерского монастыря, летопись рассказывает под 1051 г. в связи с вопросом о поставлении киевским митрополитом Иларионом, в пещере которого поселился по возвращении с Афона Антоний. Однако нет сомнений, что путешествие его на Афон произошло гораздо раньше¹.

¹ В. Мошин. Русские на Афоне. *Byzantinoslavica*, t. IX, 1947, стр. 59—60.

Восстапавлявая отдельные места древнего жития Антония на основе данных о нем, имеющихся в житиях других печерских святых, Шахматов приходит к выводу, что Антоний поселился в пещере задолго до 1051 г. Уже в 1031 г. к нему пришел один из первых учеников — Угрии, а в 1032 г. — Феодосий. Последняя дата, имеющаяся во 2-й Кассиановской редакции патерика 1462 г., не могла быть привнесена в позднейшее время. А. А. Шахматов. *Житие Антония Печерского*. ЖМНП, ч. III, 1898, стр. 105—149; его же. *Киево-Печерский патерик и Печерская летопись*. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности (ИОРЯС) Акад. наук», т. II, кн. 3; его же. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908.

М. Д. Присьяков высказал предположение, что житие Антония составлено при митрополии ко дню канонизации Антония, в целях превращения канонизации Феодосия (чего желали Печерский монастырь и киевское население), и что поэтому в указанном житии тенденциозно подчеркивалось «благословение святой горы» (М. Д. Присьяков. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.* СПб., 1913).

Допуская, что в положении жития Антония имеется определенная тенденциозность, В. А. Пархоменко настаивает на наличии в нем фактических данных и, в частности, подчеркивает, что, при известной западноримской ориентации князя Изяслава; сообщение о связях жития Антония со страной греческой и Афоном нельзя считать тенденциозным. Вопрос этот рассматривается в ИОРЯС, кн. 1, 1914, стр. 288.

С. П. Розанов не согласен с точкой зрения Присьякова о степени достоверности показаний жития; что же касается путеше-

Во всяком случае, в настоящее время доказано, что русский монастырь на Афоне уже существовал во времена Антония.

В первом томе «Актон Лавры» Афанасия, изданном в 1937 г., помещен один акт святогорского протата, датированный февралем 1016 г., под которым среди других подписей разных игуменов стоит и подпись: «Герасим, монах, божьею милостью пресвитер и игумен обители русской, свидетельствуя, подписал собственноручно»¹.

Великий князь киевский Всеволод умер в 1093 г. Управлять из Киева отдельными феодальными княжествами было уже невозможно. На смену гегемонии Киева пришел сепаратизм местных вотчин-княжений и как его неизбежное следствие — феодальные войны. Для предотвращения этих войн выдвигается практика княжеских феодальных съездов, из которых особенно важную роль играл Любечский съезд 1097 г. На нем было признано, что каждый из князей должен держать свою вотчину, т. е. владения, унаследованные от отца, и не покушаться на чужие.

В то время как в Киевской Руси была узаконена феодальная раздробленность, Византия вела отчаянную борьбу за самое свое существование. Ко времени вступления Алексея I Комнина на византийский престол византийское государство находилось в крайне тяжелом положении. В результате военного разгрома под Манцикертом в 1071 г. и длительной внутренней анархии малоазиатские области, доставлявшие империи наибольшие доходы и лучших солдат, стали добычей турок. В первые годы правления Алексея турки захватили западные берега полуострова и ряд островов, и в распоряжении империи в Малой Азии остались лишь немногие прибрежные пункты. Европейские провинции опустошались постоянными войнами. На Балканах Византия имела непримиримых врагов в лице печенегов и павликиан. Непокойно было и население придунайских городов, где в значительном количестве были представлены

ствия Антония на Афоне, то Розанов вполне убежден в том, что оно имело место («К вопросу о житии преподобного Антония Печерского», ИОРЯС, кн. 1, 1914, стр. 36—37).

¹ «Actes de Lavra», t. I, ed. par G. Rouillard et R. Collomp, Paris, 1937, p. 51—52.

и русские, что блестяще доказал академик В. Г. Васильевский в своей работе «Византия и печенеги»¹.

К этому присоединилась грозная опасность со стороны южноитальянских норманов. Норманские авантюристы, которые в 70-х годах лишили империю Апулии и Калабрии, теперь готовились переправиться через Адриатическое море и напасть на нее с запада. Их силы были объединены Робертом Гюискардом, сильным, неразборчивым в средствах герцогом Апулии. В июне 1081 г. норманская армия осадила Дураццо, морскую крепость, прикрывавшую берега Эпира.

Византия ничего не могла противопоставить своим врагам, флота не было. От сухопутных войск сохранились только жалкие остатки. Варяго-русская дружина прекратила свою деятельность на службе у Византии в конце XI в. Причинами этого обычно считают бунт варягов против Никифора Вотаниата в 1079—1090 гг., в результате которого произошел разрыв между ними и константинопольским правительством, закрепление половецких орд между Днестром и Дунаем, что затрудняло сообщение между Русью и Византией, и, наконец, крестовые походы, связавшие Византию новыми узами с европейским Западом. Однако среди этих причин не указывается основная — полный крах византийских вооруженных сил при Михаиле Дуке. «Римская империя, указывает Анна Комнина, не имела тогда ни боеспособного войска, ни достаточного количества денег в царской казне, чтобы на них можно было найти вспомогательные войска из чужеземцев»².

Поэтому Алексею Комнину пришлось строить войско уже на новой основе. Крестовые походы, несомненно, оказали влияние на комплектование нового византийского войска. Но это еще не означало, что Византия перестала нуждаться в русской военной помощи. Эта помощь и в дальнейшем оказывалась ей, но только, как увидим дальше, в иной форме. Половцы представляли в то время такую большую силу, что Византия не могла справиться с ними самостоятельно и обращалась за содействием к русским князьям.

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 122—134.

² Анна Комнина. *Alexias*. Ed. Teubner, 1884, p. 118.

Первый представитель новой династии, Алексей, проявил замечательную энергию и настойчивость, но не разбирался в выборе средств борьбы. Помощь Венеции в борьбе против Роберта Гюискарда он купил самой дорогой ценой. Он «освободил торговлю [венецианцев] от пошлины во всех областях империи, так, чтобы они имели право торговать свободно и по своей воле, не внося в казну ни одного обола, находились вне всякой римской власти»¹.

Монополия Византии в торговле восточными товарами исчезла. Вследствие переноса центра торговых путей начинает терять свое прежнее значение и торговый путь «из Варяг в Греки». Порвались на Руси и связи с Тмутараканью, которая не случайно вскоре после этого, с 1094 г. перестает появляться на страницах летописи.

Византийские историки этого периода дают некоторые сведения о русском населении придунайских городов. Атталиат подчеркивает разнохарактерность населения в дунайских городах второй половины XI в.² При этом он не упоминает во внимание печенежской орды, поселившейся между Дунаем и Балканами. Основным элементом в городах составляли славяне. Это доказывается и назначением сюда при Михаиле Дуке начальником Нестора, который вел свой род от славян.

Анна Комнина прибавляет, что, когда Татуш Печенег, Всеслав и пр. господствовали в придунайских городах, то «какой-то род скифский, подвергавшийся постоянному разбою савратов, спустился к Дунаю. Переселенцы вошли потом в соглашение с вышеуказанными властителями и стали без опасения переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, так что захватили даже некоторые городки. После этого, пользуясь известным спокойствием, они пахали землю и сеяли овес и пшеницу». Анна не могла применять к печенегам, хорошо ей известным, выражение «какой-то скифский род», обычно употреблявшееся в XII в. по отношению к русским³.

Далее, по словам Анны, переселенцы пришли на Дунай, теснимые савратами, или сарматами. Сарматами Анна называет половцев, так как переселенные «скиф-

¹ Annae Comnenae. Op. cit., p. 197.

² Attaliatae, p. 205.

³ Zonaras, ed. Bonn, t. II, p. 182.

ского рода» совершилось после утверждения печенегов в пределах Византийской империи. Кто же мог быть тесним печенегами, если не русские? ¹.

В смутное время низвержения Михаила VII Дуки приданайская польница не принимала никакого участия в борьбе претендентов, тогда как печенеги и половцы стремились поживиться за счет Византии. Атталиат, один из придворных Никифора Вотаниата, рассказывает о посылке скифов, живших около Дуная, к этому императору. Послы заявили о верности и готовности к повиновению тех, кто их отправил. Для того, чтобы доставить удовлетворение вновь воцарившемуся императору, послы привели с собой несколько соотечественников, вступивших в связь с печенегами при Михаиле VII, и подвергли их наказанию перед самим императором, называя их поступок схизмой и отступничеством ².

Васильевский полагает, что русские, а именно князь Василько Ростиславович, в 1091 г. оказали значительную помощь Алексею Комнину в решительной битве с печенегами, закончившейся полным истреблением всего печенежского народа. Как сообщает Анна Комнина, накануне этой битвы с печенегами пятитысячный отряд отделился от половецкого стана и присоединился к греческому лагерю ³.

По мнению Васильевского, «смелые и мужественные обитатели горных стран» — это русские, пришедшие вместе с половцами из Карпатской Руси. Их князь, знаменитый своей предприимчивостью, Василько Ростиславович в том же 1091 г. участвовал в походе половцев на Венгрию, а в 1092 г. с ними же ходил на поляков. Васильевский полагает, что и теперь он не усидел дома и был в числе тех вождей, которые в решительную минуту оказали помощь византийскому императору ⁴.

Но Анна Комнина ничего не говорит об участии русских в этом решительном сражении, а то, что мы знаем о дальнейшей судьбе Василько Ростиславовича, не дает нам никаких оснований видеть в нем друга и союзника Византии.

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 132.

² Attaliatae, p. 302.

³ Annae Comnenae. Op. cit., p. 231.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 101—102.

Усилением в конце XI в. Галицкой земли, оказавшейся во владении Володаря и Василько, объясняется особый интерес этих князей к придунайским областям.

Василько Ростиславович, несомненно, был одним из выдающихся русских князей конца XI и начала XII в. Он замыслил большие походы против соседних стран. С помощью кочевников он предполагал завоевать Польшу, после чего думал идти в Болгарию. Программу своих действий он выразил словами: «И по сем, хотел еси пореяти болгары дунайские и посадити я у собе»¹. Таким образом, речь шла не столько о завоевании придунайских областей, сколько о переводе болгар на другую сторону Дуная, в русские пределы, туда, где в XII в. были города Малый Галич и Берлад. Проект Василько основывался на хорошем знакомстве с положением дел в покоренной Византией Болгарии и крайнем недовольстве болгар византийским владычеством. Угроза Василько «отнять» болгар и посадить их в своей земле, таким образом, была вполне реальной.

Но проекты Василько не остались незамеченными византийскими политиками, которые реагировали на них свойственными им методами. В этом и надо искать загадку судьбы Василько, ослепленного в Киеве в 1097 г. по приказу князя киевского Святополка Изяславовича.

Фактическим виновником этого преступления был Давид Игоревич, который в юности пытался утвердиться вместе с Володаром Ростиславовичем в Тмутаракани, а в 1084 г. задержал в Олешье греческих купцов и отнял у них товары².

Византийское влияние, сказавшееся на интриге, которая привела к ослеплению Василько, заметно и в чисто византийском способе устранения соперника — путем ослепления³.

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 113.

² Там же, стр. 88.

³ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 160.

Глава IX

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВИЗАНТИИ И РУСИ В XI—XII вв.

В XI—XII вв. экономические, политические, церковные и культурные связи Руси с Византией были более широкими, чем с какой-либо другой из соседних стран. Удар этим связям нанесли только разгром Константинополя латинянами в 1204 г. и разгром Руси татарами в 1238—1240 гг.

Об интенсивности торговых сношений Руси с Византией мы можем судить по тому, что притеснения русских купцов в Константинополе заставили князя Ярослава послать туда в 1043 г. войска с тем, чтобы добиться обеспечения прав русского купечества.

В «Повести временных лет» под 1069 г. встречается сообщение, дающее представление об обширности и распространённости русских торговых отношений Руси с Византией. Так киевляне, опасаясь возвращения в Киев раздражённого Изяслава и прося других князей вступить за них, добавляли: «аще ли не хочет, то нам неволя; зажегши град свой, отступим в греческу землю»¹. По поводу этой угрозы В. В. Мавродин справедливо замечал: «Кто же собирался выселиться в греческую землю? Смерды, ремесленники, холопы? Конечно, нет. Такая угроза могла исходить только от тех, кто с греческой землей был связан, и связан крепко материально, кто боялся потерять эту связь из-за неумелой политики Изяслава и неудачной его борьбы с отрезающими торговые пути в Византию половцами, а таковыми были купцы».

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 1069 г.

«гречники»¹. Некоторые исследователи утверждают, что в древнерусских источниках не упоминается о том, что в Киеве находились греческие купцы. Но такие утверждения основаны на недоразумении. В Киево-Печерском патерике, в рассказе о построении Успенского собора Киево-Печерской Лавры, говорится о большом количестве греческих купцов, приехавших из Константинополя вместе со строителями Успенского собора². Летопись сообщает также, что Андрея Богословского посещали греческие купцы. И в XII в., так же как в X, плавали в Киев купцы-«гречники». Конечно, путешествия эти в XII в. были еще более опасны, чем в X в., так как половцы были значительно сильнее печенегов. Поэтому киевский князь Ростислав был вынужден посылать на Днепр в опасные места свою дружину для охраны купцов.

Это было препятствие, вынуждавшее принимать чрезвычайные меры, вроде совместных походов навстречу «гречникам». Торг по Днепру и Черному морю, а следовательно и плавание «гречников» между Киевом и Константинополем, не прекращался, несмотря на то, что вследствие переноса торговых путей торг этот был уже менее выгоден для Руси, и плавание «гречников» были еще более для них опасны, чем в X—XI вв.

В X, XI и первой половине XII в. Киев как торговый центр не только заменил Итиль, но и превзошел его обширностью торговых операций и разнообразием их. В это время через Киев шел оживленный обмен товаров. Ясно выделяются пять магистральных торговых путей: западный (польский), южный (греческий), юго-восточный (тмутараканский) и северные (новгородский и суздальский).

Западный путь существовал уже в 903—904 гг., как о том свидетельствует Раффельштеттенский таможенный, или мытный, устав³.

Сохранилось даже более раннее упоминание об этом пути еврейского путешественника Ибрагима-Иби-

¹ В. М а в р о д и н. Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, стр. 170—171.

² «Патерик Киево-Печерского монастыря», изд. имп. Археологической комиссии. СПб., 1911, стр. 8.

³ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНЦ, ч. 258, 1888, стр. 122.

Якуба, посетившего славянские земли — Чехию и Польшу — во времена Оттона I. Сообщения его сохранены для нас арабским писателем Аль-Бекри¹. Дальнейшие упоминания источников об этом пути собраны Васильевским в указанной работе.

Южная Русь долгое время получала соль из Галича. Этот важный продукт шел водным путем по Припяти и Днестру. О доставке соли в Киев из Галича имеется прямое свидетельство Киево-Печерского патерика. Но большинство исследователей ищет соляной путь среди дорог, соединявших Киевское Приднепровье с причерноморскими степями. Что русские издавна ездили в Крым за солью, засвидетельствовано в середине XIII в. Рубруком². Поэтому можно считать, что соляной путь на Русь начинался с крымских соляных озер. Чтобы обойти опасные пороги, он должен был пересечь Днепр по одной из тех переправ, которые лежали ниже порогов³.

Западная Европа давала Руси серебро, железо и другие металлы, коней, соль, оружие. Из Руси она получала меха, воск, паволоку (*pale, raile*), сукно и другую плотную ткань (*drag*), шелковые туники русской работы⁴.

Залозный путь проходил в Тмутаракань. По рассказу летописи под 1170 г., русские, совершив перед тем удачный набег на орельских половцев; испугались, что те могут легко отомстить «гречнику и залознику», и потому вышли навстречу купцам к Каневу. Видимо, и тот и другой путь проходил недалеко от бассейна Орели. В Каневе князья оставались, конечно, потому, что залозный путь был неподалеку; чем дальше князья стали бы продвигаться на юг, тем больше бы отходила залозная дорога в сторону. Естественно предполагать, что залозный путь заканчивался в Тмутаракани и служил для перевозки оттуда товаров в Киев. Сюда направлялись грузы, до-

¹ «Известия Аль-Бекри о славянах и их соседях», «Зап. зап. Акад. наук», т. 32, СПб., стр. 1872.

² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны в 1253—1255 гг. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 68—69, 85.

³ К. Н. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 106.

⁴ F. Michel. Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes de soie. T. I. Paris, 1852, p. 304.

ставляемые из Трапезунта, где с давних пор можно было приобрести все необходимые персидские, китайские и индийские товары. Товары из Трапезунта шли также на ярмарки в Синоп и Тмутаракань¹. Русь приобретала в Тмутаракани всевозможные ткани и пряности и платила за них мехами и донской рыбой. Меха получались отчасти из Киева, главным же образом — из Муроме через Рязань, а может быть, и по Волге².

В 1184 г. князя, вышедшего навстречу Кончаку, «суетоста гости идущь противу себе из половець, и поведаша им, яко половцы стоят на Хороле». Эти гости «из половець», вероятнее всего, были заложниками.

Без согласия владельцев края — половец — вообще невозможно было никакое движение в степях, а при согласии удобно было выбрать путь на виду у всех.

Гости, видимо, двигались в степях спокойно и пользовались обычно покровительством половец. Опасность грозила лишь в случае мести за недавний набег. Известно, что всякое замешательство в южнорусских степях немедленно отражалось на торговых делах восточных и трапезунтских купцов.

Греческий путь был прямым путем между Киевом и Константинополем. Он был установлен при первых русских князьях, а может быть, и ранее. Вначале он подвергался разного рода изменениям, а иногда совершенно переставал функционировать, например при Святославе, но затем, с принятием русскими христианства, вновь установился и держался долгое время, можно сказать, до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Из Киева шли в Константинополь, как мы знаем, меха, воск, а взамен — греческие шелковые и парчевые ткани, готовые одежды и украшения, а также все необходимое для церквей.

Путь этот все время совершался порядком, описанным Константином Порфирородным.

Гости грузились в ладьи, переходили пороги, заново оснащали ладьи в Олешье, в низовьях Днепра, и шли морем

¹ Савельев. Мухамеданская нумизматика. СПб., 1847, стр. CXLVI.

² А. Спидын. Торговые пути Киевской Руси. Сб. «С. Ф. Платонову ученики», СПб., 1911, стр. 246.

до царьградского рынка. Возвращались тем же путем через Олешье.

Киев непосредственно сносился и с Херсонесом, скорее всего тем же греческим путем и в меньшей степени — сухопутным: от Кичкаса — Борислава или Олешья. Морской путь ярче всего обрисован в рассказе Киево-Печерского патерика о пути «преподобного» Никона, вышедшего из Киева с другими монахами, «хотящем особо сестя». «И пришедши морю разлучишася. Болгарин убо идый к Константинограду, обрете остров среди моря и вселися в нем. Великий же сей Никон отыде в остров Тмутараканский и вселися там»¹.

Очевидно, оба монаха примкнули к купеческому каравану, большая часть которого отправилась в Константинополь, а некоторые в Херсонес и Тмутаракань.

Представляется обоснованной гипотеза М. Н. Тихомирова, что русские в XI—XII вв. имели в Константинополе свой квартал. Отсутствие упоминания о св. Маме Паргуар объясняет тем, что русские уже могли жить не в предместье, а в самом городе². О местоположении русского квартала в Константинополе Тихомиров считает возможным составить представление по рассказу новгородского архиепископа Антония, посетившего Константинополь около 1200 г. и сообщającego о мощах русского паломника Леонтия на уболе Святого Георгия. Упомянув о некоторых других мощах на этом уболе, Антоний добавляет: «конец же русского убола — церковь 40 мученок»³. Слово «убол», конечно, является испорченным греческим *ἔμβολος*. Это — улица, снабженная портиками с обеих сторон, так что прохожие имели кров для защиты от дождя и солнечных лучей. Так как такие улицы были пригодны для торговых помещений, то византийские императоры отдавали их торговцам той или другой народности. Весь квартал также получал от этого имя эмвола⁴.

¹ «Киево-Печерский патерик», изд. Яковлева, стр. XVIII.

² J. Pargoire. Le Saint-Mamas de Constantinople. «Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе», т. III, вып. 1—2, 1904, стр. 261—316.

³ П. Саввантов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стр. 433—434.

⁴ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 154—155.

В виду этого, можно полагать, что слова «русский убола» у Антония обозначают целый квартал, населенный русскими людьми. Этот квартал, по сообщению Антония, был расположен в районе церкви св. Георгия, почитание которого было уже распространено на Руси. Упоминание о двух многочтимых мощах русских святых Леонтия и Бориса показывает, что русские осели в Константинополе прочно и стали там обзаводиться своими святыми¹. Никаких подробностей о жизни «русского убола» в Константинополе не имеется, но организованный его характер вне сомнения, и вместе с тем большую вероятность принимает предположение о существовании в Киеве корпорации купцов-гречников, торговавших с Византией.

Таким образом, памятник в характере русского мореходства на Черном море в XI—XII вв. и позднее — до самого Батыева нашествия, в самом характере связей с Византией, осуществляемых по морю, обусловлено причинами не внешнего порядка — с ними Русь, хоть и с трудом, справлялась, а внутренними: общественным развитием самой Руси, — развитием и укреплением феодальных отношений.

Русские купцы были частыми гостями не только в Константинополе, но и в Крыму.

Основным фактом истории Тавриды в XII в. было усиление там половцев и рост значения Судака как важнейшего центра черноморской торговли того времени. По словам Рубрика, «команы заставляли вышеупомянутые города (от Херсона до Судака) и замки платить им дань»².

О значении Судака в XII—XIII вв. имеется свидетельство названного выше арабского писателя Ибн-аль-Аспира: «это главный город кипчакский, обильный источник их богатства, потому что он на море хазарском, и приходят к нему суда с одеждами, и их покупают, и выменивают на невольниц и невольников, чернобурых лисиц, бобров, белок и другие товары, находящиеся в их земле»³. Меха эти были, несомненно, русского про-

¹ М. Н. Тихонов. Древнерусские города. М., 1946 стр. 154—155.

² Вильгельм де Рубрук. Указ. соч., стр. 68.

³ Пер. Н. И. Ильминского. «Уч. зап. имп. Акад. наук по III отд.», т. II, 1854, стр. 660.

исхождения и доставлялись русскими купцами. Их привозили сюда старым «греческим путем», шедшим по Днепру, а затем направлявшимся в Тавриду степью через Перекоп¹. Голубовский не без основания предполагает, помимо того, и существование Донского пути в Крым².

Настойчивость, с которой русские князья в XII в. оберегали этот путь от кочевников, с несомненностью свидетельствует о его значении для русских купцов.

Впрочем, половцы, как видно из сообщений летописи, далеко не всегда препятствовали русской торговле. Ипатьевская летопись сохранила характерный рассказ о русском госте идущем «из Половец»³, повествуя об этом как об обыкновенном явлении. С этим хорошо согласуется известие Ибн-аль-Асира, хотя и относящееся к немного более позднему времени — началу XIII в.: «Когда пришли татары, дорога нарушилась, и не получалось никаких товаров — ни чернобурых лисиц, ни бобров, ни белок, что отправлялись из тех стран. Когда же татары возвратились к себе, дорога открылась, и стали отправлять товары попрежнему»⁴. Очевидно, здесь имеется в виду путь на север — в русские земли. Таким образом, половцы порой не только не препятствовали русской торговле, но в связи с возрастанием значения Судака как торгового центра, даже способствовали ее развитию⁵.

О том, что торговые связи Руси с юго-западной Тавридой в XII в. не прекратились, может намекать житие Антония Римлянина, якобы прибывшего в Новгород в 1106 г.: «Сниде преподобный с камени и поиде во град и обрете человека греческие земли гостбу деюща, купецкий чин имуща, иже умеаше римским и греческим и рус-

¹ П. Г о л у б о в с к и й. Печенеги, торки и половцы. «Киевские университетские известия», № 10, 1883, стр. 548.

² Там же, стр. 548.

³ Ипатьевская летопись под 1185 г., ПСРЛ, т. II, 1911, стр. 635.

⁴ Пер. Н. И. Ильинского. «Уч. зап. имп. Акад. наук по I и III отд.», т. II, стр. 662.

⁵ А. Ю. Я к у б о в с к и й. Рассказ Ибн-аль-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. «Византийский вестник», т. XXV, 1928, стр. 63.

ским языком»¹. Немного позже этот гость из греческой земли назван «гречанином-готфином»; очевидно, он являлся выходцем из Тавриды, точнее говоря, из юго-западного ее района (так называемой Готии), скорее всего — из Херсонеса.

В XII столетии торговлю с русскими в Крыму вели не только греки. Благодаря выгодному договору 1169 г. с императором Мануилом I (1143—1180), предоставившим генуэзцам право торговли на Черном море, последние скупали в Судакe русские меха, половецкое сырье и невольников в обмен на изделия заморской ремесленной промышленности. Этот договор Мануила с генуэзцами был подтвержден в 1172 г. Исааком Ангелом.

В договоре сказано: «пусть с безопасностью торгуют генуэзские корабли во всех где-либо расположенных местах моего царства, кроме России и Матрахов» («Ρωσίζα καὶ τῶν Μιτράχων») ².

Второе из этих географических названий ни у кого не вызывало сомнений: это — Тмутаракань. Зато относительно первого названия существуют разногласия. Согласно мнению одних, Россия находилась на побережье Азовского моря или даже в низовьях Дона ³. Другие помещают ее на Керченском полуострове. ⁴

На вопрос, чем вызвано было запрещение генуэзским торговым судам посещать эти места, обычный ответ заключается в том, что «главный торг рыбой шел из Азовского моря через пролив, и император не желал предоставить эту важную часть ввоза из северных стран генуэзским купцам оберегая ее для греков» ⁵.

А. Л. Якобсон в виде «осторожной догадки» ставит это запрещение в связь с попытками императора Мануила заключить союз с киевским князем Ростиславом.

¹ «Сказание о житии . . . Антония Римлянина», «Православный собеседник», т. II, Казань, 1858, стр. 165.

² Miklosich-Müller. «Acta et diplomata graeca medii aevi», t. III, p. 35.

³ А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. ЖМНП, январь 1909, стр. 82—83.

⁴ Ю. А. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1906, стр. 93.

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 17, М.—Л., 1950, стр. 27.

По его мнению, союз этот был необходим Византии для борьбы с Венгрией. Платой за эту помощь, помимо прочего, могло быть и обязательство охранять русские торговые интересы в Приазовье, которые во второй половине XII в. отнюдь еще не исчезли¹. Не совсем понятно, каким образом запрещение генуэзцам торговать в России и Матрахе могло содействовать охране русских торговых интересов в этих пунктах. Большое количество покупателей могло лишь способствовать лучшему сбыту русских товаров. Кроме того, великий князь киевский Ростислав здесь ни при чем, так как в 1169 г. его уже не было в живых (он умер в 1168 г.). К тому же он имел слишком много дел на Руси, чтобы втягиваться еще в борьбу с Венгрией. Указанный договор все же имеет важное значение. Он показывает, что хотя тмутараканское княжество уже прекратило свое существование и его территория попала в руки Византии, русское население далеко еще не исчезло на этой территории. «Русские села» встречались на пути Рубрука на Дону. На старинных генуэзских картах русские населенные пункты располагаются у Калмиуса.

В XI—XIII вв. и даже позднее в Придунайской области сохраняется русское население, в значительной своей части — потомки уличей и тиверцев. Еще в начале XII в. на Дунае действуют русские. В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает в подунайских городах княжеских посадников. Для этого Мономаху не пришлось прибегать к военным действиям. Русские жили тогда к востоку от Доростола. Это видно из того, что в 1116 г. Вячеслав и Фома Ратиборович не могли назначить посадника в Дристру, так как это был византийский город².

В 1162 г. император Мануил дает Васильку и Мстиславу Юрьевичам четыре города и волость на Дунае³. В XII в. Подоллия, Галиция, Буковина, Молдавия, Бессарабия входят в состав Галицкого княжества, древней Червонной Руси. Галицкий князь Ярослав Осмомысл в представлении автора «Слова о полку Игореве» «затворили

¹ Ю. А. Кулаковский. Указ. соч., стр. 93.

² Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, стр. 8.

³ Там же, стр. 91.

вороты Дуная, один правил до самого Дуная. Здесь на Дунае, «в городах подунайских», развертывается бурная деятельность Ивана Ростиславича Берладника. Тут лежат города Берладь (ныне Бирлат), Малый Галич (Галац) и Текучий, упоминаемые в известной грамоте Ивана Берладника¹. Наличье не отдельных русских жителей, а целых русских поселений по Днестру и Дунаю подтверждается и другими источниками. В Воскресенской летописи мы находим список русских городов, расположенных по Днестру и Дунаю².

Несомненно, во время составления списка некоторые упомянутые в нем города уже не были русскими и попали в список только потому, что некогда действительно принадлежали русским. Но сведения Воскресенской летописи о русских городах на Дунае в значительной степени подтверждаются греческим источником. В собрании документов, изданных Миклошичем и Мюллером, есть список (№ 52) городов на Дунае, не принадлежавших болгарам, но и не византийских³. Среди этих неболгарских городов на Дунае значатся: Карна, Дрествин, Капарна, Кулия, Аколятра⁴.

Дашкевич предполагает, что низовья Дуная и Днестра носили в XII в. название «Берладь», а следовательно, их русское население называлось берладниками. Самый же город Берладь был лишь главным центром берладской земли. «Идти в Берладь» на языке летописца древней Руси означало примерно то же, что на языке позднейшего казачества означало идти на Дон или Сечь.

Берладники представляли собою смешанное по этническому составу, но в основе своей русское население, занимавшееся в низовьях Дуная и Днестра земледелием, охотой, рыбной ловлей, часто выходившее на своих челнах для торговли и пабегов в море. Берладники были

¹ Н. П. Д а ш к е в и ч. Грамота князя Ивана Ростиславовича Берладника 1134 г. Сборник статей, посвященных Владимиру-Будапозу. Киев, 1904; В. В. М а в р о д и н. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв. «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та», т. XVIII, вып. 5.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 240.

³ «Acta patriarchatus Constantinopolitani», № 52.

⁴ Ю. К у л а к о в с к и й. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата. «Византийский временник», т. IV, вып. 3—4, 1897, стр. 335.

хозяевами «подунайских городов», весьма слабо ощущавшими власть галицкого князя. Полуоседлые земледельцы и промысловики, постоянно готовые к нападению и отпору врагам и потому опытные воины, берладники были своеобразной «вольницей», населявшей и охранявшей юго-западные окраины Червонной Руси.

Для нас представляют значительный интерес плавание берладников по Черному морю. У впадения Днепра в Черное море лежал город Олешье. Это был русский порт, предназначенный для торговли, в частности для торгова с Царьградом, последний пункт на пути купцов «гречников», место, где издавна обитали русские рыбаки. Здесь, «во Олешьи», в 1184 г. князь Давид «зая грекы . . . и зая в них все пменьє»¹.

Олешье, как важный торговый порт, было хорошо известно и за пределами Руси. Знали его в Царьграде, где жили греческие купцы, ездившие в Олешье, как это было, например, в 1084 г. Обозначался он и на генуэзских картах. На некоторых итальянских картах XIV в. Днепр носит название «реки Олешья» (Ellexe, Elexe, Illicis)². Все это свидетельствует о значении Олешья в торговых связях Руси, о его роли в русском мореходстве на Черноморье в XI—XII вв.

Здесь-то, в дунайских гирлах, в днепровских плавнях, от Берладки до Олешья по Черноморскому побережью разворачивается эпопея морских походов «подунайцев».

В 1159 г. Иван Ростиславович Берладник «ста в городех подунайских, и пзби две кубаре (корабля, от греческого *κουβάριον*), и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовом галичским»³. Лишь в 1160 г. берладники были изгнаны из Олешья, и то только после того, как против них был брошен опустившийся в «насадах» вниз по течению Днепра вплоть до Олешья многочисленный отряд, предводительствуемый киевскими воеводами Юрием Нестеровичем и Якуном. «Юрий (Гюрги) Нестерович и Якун разбили берладников и преследовали их по морю до Дичила»⁴. Около 1185 г. какая-то русская

¹ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, стр. 92, 161.

² М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. II, Львов, 1904, стр. 517.

³ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, стр. 83—84.

⁴ Там же, стр. 341, 346.

вольница на 72 судах совершает даже поход по Каспийскому морю, нападает на Ширван, на короткое время занимает Шемаху, а затем удаляется из Ширвана¹.

Кем был предпринят этот поход, неизвестно. Попадному, следует согласиться с А. Кунником, который в примечаниях к книге Дорна высказывает предположение, что поход на Ширван совершили бродники, русская вольница степной и юго-западной окраины Руси².

В период феодальной раздробленности такие походы предпринимались не из одного политического центра, как это имело место в период образования древнерусского государства, а из разных мест, в различных направлениях и с различными целями.

С потерей Малой Азии прежняя мощь Византии исчезла безвозвратно, но Комнинам на целое столетие удалось задержать дальнейший распад государства. При Алексее I (1081—1118), Иоанне (1118—1143), Мануиле (1143—1180) Византия еще играет роль великой державы Европы, не без успеха выдерживая непрерывные войны со своими соседями. При этих императорах Византия сравнительно благополучно избавилась от грозной внешней опасности: новой войны, грозившей ее захлестнуть, — первых крестовых походов, хотя отношения Византии и крестоносцев становились все более враждебными. В результате первого крестового похода, Алексей I, воспользовавшись ослаблением сельджуков, отнял у турок западную часть Малой Азии. Его преемники несколько расширили эту территорию. Но, поглощенные непрерывными войнами, Комнины так организовали внешнюю оборону империи, что права и средства центрального правительства постепенно и незаметно переходили в руки феодализирующейся знати, а в городах — в руки венецианских и других латинских купцов. Оборону государства Комнины должны были строить в основном на экономическом мощном крупном землевладении. Уже в XI в. императорские земли, как незаселенные, так и населенные париками, начинают отдаваться в прощю (буквально: на попечение) служилым людям, получавшим их в пожизненное владение. В XII в. эта система охва-

¹ Б. Д о р н: Каспий. СПб., 1875, стр. 20, 388—396, 529, 530.

² Там же, стр. 390.

тывает все большее количество земель вместе с сидящими на них крестьянами. Территория пропиара, как правило, выделялась в особый круг, в котором пропиар пользовался судебными и административными правами и взимал подати и оброки с крестьян. Попятно, что широкое распространение таких экзимирированных округов, где крупное землевладение наделялось судебно-административными правами, должно было неблагоприятно отразиться на авторитете центрального правительства, подрывая самые основы централизации Византийского государства. С течением времени византийские пропии обнаруживали все большее сходство с западноевропейскими бенефициями.

Буржуазные историки до настоящего времени спорят о том, была ли Русь в XI—XII вв. колонией Византии. В этом отношении показательна работа А. Васильева, вышедшая на английском языке¹. Но он оказался не в состоянии ответить на поставленный ими вопрос в утвердительном смысле. Он не мог этого сделать, так как Киевское государство XI в. и русские княжества XII в. развивались совершенно самостоятельно и Византия не имела никакой возможности силой навязать русским князьям свою волю.

Практические задачи византийской политики по отношению к Руси определялись двумя целями: 1) добиваться русской военной помощи и 2) сохранять зависимость русской церкви от константинопольского патриархата. Если русские князья обнаруживали склонность не считаться в этом отношении с интересами Византии, византийские императоры пускали в ход все средства своей изворотливой дипломатии, обычно в виде брачных союзов и щедрых подарков русским князьям за послушание. Так, когда киевский князь Ростислав не хотел принимать митрополита Иоанна, присланного константинопольским патриархом помимо его воли, императору Мануилу пришлось затратить много труда и стараний для того, чтобы убедить Ростислава принять этого митрополита. Решающую роль при этом сыграли богатые подарки,

¹ A. Vasiliev. Was old Russia a vassal state of Byzantium. «Speculum», vol. VII, № 3, 1932.

привезенные послом Мануила киевскому князю, особенно роскошные византийские аксамиты¹.

Буржуазные историки, например Ш. Диль, доказывают, что Византия была для Руси «великим воспитателем, инициатором, посетителем религии и цивилизации», что она принесла русским историческую жизнь и цивилизацию, дала им алфавит, литературный язык, принципы гражданского управления, законы литературы и искусства». Историк-марксисту ясна вся ошибочность этих утверждений. Если верить Дилью, то русское право того времени должно было бы развиваться по византийским образцам.

В действительности, право той раннефеодальной монархии, которую мы называем Киевским государством, было построено отнюдь не по византийским образцам. Уже давно установлена глубокая древность правовых норм, внесенных в наш первый «свод законов», известный под именем «Русской правды». Памятник этот, признаться ли его происхождение новгородским или киевским, отражает не византийское, а обычное право восточных славян. С византийским правом русское право, как оно отражается в «Русской правде», не имеет почти ничего общего. Наоборот, «Русская правда» представляет известное сходство с варварскими «правдами», т. е. сборниками законов — судебниками, действовавшими у различных племен Западной Европы. Сходство правовых норм отдельных народов древности и средневековья объясняется не «заимствованием», а одинаковой степенью развития, на которой стояли эти народы. Для историков-марксистов, рассматривающих исторический процесс в свете учения классиков марксизма о смене общественно-экономических формаций, вопрос этот не вызывает никаких сомнений. И варварские «правды» и «Русская правда» одинаково отражают право разлагающегося родового строя и начала вырастающего в его недрах и побеждающего феодализма. Поэтому сходство между этими памятниками закономерно и неизбежно.

Этим мы не отрицаем, что византийское духовенство всячески стремилось в своей практической деятельности

¹ С. М. Соловьев. История России. Т. I. М., 1883, стр. 725.

на Руси проводить основные принципы византийского феодального права, в значительной степени выросшего на рабовладельческой основе. С этой целью оно распространяло переводы сборников византийского церковного права — пономанов, которые впоследствии получали на Руси название кормчих книг. Эти законы уже в киевский период находили применение на Руси, но исключительно в делах, касавшихся церкви и так называемых церковных преступлений. Таким образом, их действие в киевский период было весьма ограничено.

В «Русской правде» мы видим продукт самостоятельного русского феодального права. Необходимость держать массы в повиновении и спаять недавно еще самостоятельные племена в единое государственное целое заставила присоединить к карающему мечу светской власти силу «духовного меча» — религии.

Утверждение на Руси христианства в его византийской форме было закономерным результатом внутреннего развития страны. Оно было «крутым и прогрессивным поворотом в культурном развитии древней Руси и обозначало коренную ломку старого во всех областях ее культуры. Развитие письменности и просвещения, быстрый расцвет литературы и искусства свидетельствуют о том, что элементы христианско-византийской культуры попали на вполне подготовленную и плодотворную почву и послужили новым стимулом быстрого прогресса. Христианство ускорило оформление феодального строя и освящало его незыблемость; оно усилило и сделало постоянными связи древней Руси с Византией и государствами Центральной Европы»¹.

Изучая русско-византийские отношения XI—XII вв., мы видим, несмотря на скудость известий, что феодальные верхи были настроены по отношению к Византии дружелюбно и оказывали ей военную помощь. Мы уже отмечали, что Русь дорожила связями с Византией потому, что Византия в то время была страной высокой культуры. В своем культурном строительстве Киевская держава обращалась к Византии, самой культурной стране раннего средневековья, потому, что там можно

¹ «История культуры древней Руси», т. II, Изд-во АН СССР, 1951, стр. 513.

было получить наиболее сложные и высокие образцы этой культуры. «Эта культура была по росту русскому народу и отвечала высоким запросам его развития»¹.

В XI—XII вв. русские смело брали из этой культуры то, что им было нужно, что обогащало русскую культуру, двигало ее вперед, способствовало ее росту, отвечало потребностям и уровню развития русского общества.

Такие литературные памятники, как «Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», ярко иллюстрируют активный и самостоятельный характер русской культуры. В «Слове о законе и благодати», с законной гордостью называя имена победоносных предков — «великого кагана Владимира», «старого Игоря» и «славного Святослава», автор отметил их славную память: они «мужеством и храбростью прослуша в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словути. Не в хуе бо, и не в неведоме земли владычествоваша, но в руськой, яже ведома и слышима есть всеми коньци земли». Такой Русь представлялась самим русским в XI в.

Наиболее замечательный памятник русского самосознания XI—XII вв. — «Повесть временных лет», дающий первый опыт истории молодого русского государства и прославляющий его князей, особенно Владимира и крещение Руси, был «тем дипломатическим и юридическим актом, которым русские заявили о своем равноправии всем народам Европы»².

Можно привести немало примеров, показывающих, что Русь выступала в то время как могучее, равноправное с Византией государство, а Киев многими рассматривался как соперник Константинополя.

Остановимся еще раз на «Повести временных лет», дающей богатый материал для установления самостоятельности русской культуры, в частности — на анализе вопроса, действительно ли греки начали русское летописание. Такой взгляд высказывали А. А. Шахматов и его ученик М. Д. Приселков. Шахматов пытался доказать

¹ «История культуры древней Руси», т. II, Изд-во АН СССР стр. 514.

² Там же, стр. 515.

что около 1039 г. при Софийском соборе была создана для нужд греческого клира и в грекофильском духе первая русская летопись — Древнейший свод¹. Материалом, по его мнению, послужили некоторые письменные источники (сказания о Борисе и Глебе, «Уставная грамота Десятицой церкви», предания о княгине Ольге, о варягах-мучениках, устные предания о первых русских князьях).

Шахматова целиком поддерживает его ученик Приселков: «Нельзя, — пишет он, — не согласиться с указанием А. А. Шахматова на связь составления этого свода 1039 г. с устроением храма св. Софии и установлением в Киеве митрополии. Первый русский митрополит, вступив в управление новой митрополией Черниговского патриархата, задался целью составить летопись, где изложить возникновение Киевской державы и историю установления своей митрополии»².

Эта точка зрения, согласно которой русское летописание начали византийцы, встретила обоснованную критику со стороны ряда русских ученых.

В самом факте появления самостоятельной русской летописи Истрии усматривает протест, — может быть, не совсем ясно осознанный ее составителями, — именно против засилья греческого духовенства³.

Однако Истрия сам недооценивает степень самостоятельности древнерусской летописи и причину ее создания видит в косвенном, если можно так выразиться, греческом влиянии. Согласно его взглядам, первая русская летопись была создана на основе переводных византийских памятников. По его мнению, при Ярославе хроника Амартола (так называемый «Хропограф по великому изложению») была продолжена рассказом о русских событиях, для чего наряду с устными преданиями были исполь-

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 226; «Повесть временных лет», т. I, Пг., 1916; М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 26—29; Д. С. Михачев. Русское летописание. М.—Л., 1947, стр. 419—424; М. Н. Тихомиров. Источниковедение СССР. Ч. I. М., 1940, стр. 51—53.

² М. Д. Приселков. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 82.

³ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе и связанные с нею памятники. ЖМНП, ч. 5, 1917, стр. 1—25.

зованы также разрозненные летописные заметки, после смерти Ярослава русские известия были отделены от «Хронографа по великому изложению», пополнены новыми устными преданиями, — и так возникла «Повесть временных лет», где уже были изложены и договоры с греками и корсунская легенда¹. Однако предположение Истрина о том, что первые летописные записи представляют собой продолжение переводного хронографа, совершенно неосновательно.

Критикуя установку Шахматова, Никольский резонно отмечал, что если бы изданный Шахматовым в приложении к его «Разысканиям» Древнейший киевский свод действительно был обязан своим происхождением пришлому греческому духовенству, то он не содержал бы известий, соблазнительных с точки зрения средневекового моралиста-церковника, уделял бы больше внимания церковным событиям, о которых он совершенно умалчивает, и теснее примыкал бы к греческим образцам². Не лишены значения и его направленные против Истрина замечания, на основе которых он делает вывод, что ни одна византийская хроника не может быть признана образцом «Повести временных лет». Серьезного внимания заслуживают также взгляды Лихачева на историю русского летописания. Присоединяясь к точке зрения Шахматова на основные моменты русского летописания, Лихачев в то же время обоснованно критикует предположение Шахматова и Приселкова о тесной связи Древнейшего свода с учреждением греческой митрополии и указывает на местные, глубоко патристические источники русской летописи³.

Окончательно опроверг теорию о греческом происхождении русского летописания Б. Д. Греков в своих многочисленных работах⁴. Разделяя взгляды русских

¹ «Хроника Амартола», изд. В. М. Истрина, т. 2, стр. 410—422.

² И. К. Никольский. «Повесть временных лет» как источник для истории русской письменности и культуры. Л., 1930, стр. 3.

³ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 43; его же. Национальное самосознание древней Руси. Л., 1945, стр. 16—24.

⁴ Б. Д. Греков. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. «Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии», 1929, № 3, стр. 105; его же. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1937, стр. 4—12;

ученых XIX в., справедливо отмечавших, что зачатки русской письменности восходят к началу X в., и развивая их новыми наблюдениями и сопоставлениями, Б. Д. Греков приходит к установлению факта о сравнительно раннем существовании на Руси особых календарных таблиц, которые заключают в себе краткое перечисление основных событий каждого княжения¹. Эти заметки были объединены в единое целое при Ярославе и наряду с устными преданиями послужили основой для древнейшего свода и последующих памятников письменности².

Б. Д. Греков отмечает значение киевской саги в качестве одного из основных источников летописи IX—X вв. По этим уцелевшим в летописи обломкам киевской быliny можно заключить, что в половине XI в. на Руси уже сложился целый цикл историко-поэтических преданий, главное содержание которых составляли походы Руси на Византию.

«Как же быть, — спрашивает Б. Д. Греков, — с греками, которые, по мнению одних, создали нашу писанную историю, по мнению других — научили, как ее писать? Первое мнение, как совершенно ни на чем не основанное и противоречащее всем известным данным, должно быть решительно отвергнуто. Второе — имеет некоторое основание, но должно быть решительно уточнено. Конечно, русские люди многому научились у греков, в том числе познакомились с формой литературных произведений. Русские люди рано стали читать и греческих хронистов. В этом отношении Русь была ученицей греческих мастеров. Но это касается только формы. Если же говорить о содержании, то, подобно всем другим народам, русские люди, без всяких влияний и воздействий, на известном этапе своей собственной культуры почувствовали потребность оглянуться назад, осмыслить прошлое для самих себя. Затем был сделан обществен-

его же. Первый труд по истории России. «Ист. журн.», 1943, № 11—12, стр. 56—57; его же. Культура древней Руси. М.—Л., стр. 44—75; его же. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 3, 48—50, 52—55; его же. Киевская Русь. М., 1949, стр. 11—20, 396—416.

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 397—398; его же. Борьба Руси за создание своего государства, стр. 54—55.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 398—414; его же. Борьба Руси за создание своего государства, стр. 54—55.

ный заказ на систематическую историю русской страны, и появилась возможность его выполнить»¹. Возможность к возникновению собственного летописания уже была. Б. Д. Греков подчеркивает, что со времени Владимира в Киеве существовала государственная школа. Когда Владимир прибыл в Киев с женой — сестрой греческого императора, окруженной свитой образованных греков, он начал «попмать у нарочитые чади дети и нача даяти на учение книжное». Несомненно, это не была школа простой грамотности. Грамотности обучались не в той школе, где преподавалось «учение книжное». Грамотность была известна на Руси задолго до Владимира.

Летопись отмечает стремление Ярослава к распространению книжного просвещения и грамотности. Как сообщается в летописи, Ярослав, «книгам прилежа», читал книги днями и ночами и стремился к увеличению их количества. Он собирал писцов и поручал им переводить книги с греческого на славянский язык и попросту переписывать. Русь имела возможность пользоваться готовым богатым запасом болгарских переводов преславской школы.

Вместе с тем Ярослав продолжал начинания Владимира относительно распространения книжного просвещения на Руси. Достаточно достоверное известие летописных сводов под 1030 г. сообщает, что Ярослав, приехав в Новгород, собрал из детей старост и священников 300 чел. и отдал их в книжное учение. Разумеется, такого рода начинания не ограничивались Киевом и Новгородом. В летописи высоко расцениваются заслуги Ярослава в этом отношении, и его деятельность сравнивается с деятельностью его отца. Ярослав признается завершителем дела, начатого Владимиром.

По сообщению летописи, Ярослав строил церкви в разных местах и городах, определяя в них священников и обеспечивая их из своих доходов. Таким образом, наша летопись констатирует, что во времена Ярослава произошел крупный сдвиг в распространении христианства и связанной с ним христианской культуры. Писалась же эта летопись тогда, когда память о княжении Ярослава еще была жива на Руси.

¹ Б. Д. Греков. Первый труд по истории России. «Ист. журн.», 1943, № 11—12.

В летописи указывается, что русские монастыри появились при Ярославе, который имел особую склонность к монахам («из лиха бе любиче черноризьцы»). Распространение последних на Руси относится именно к его княжению. Это подтверждают Иларион в своем изображении христианского жителя на Руси и Нестор в житии Феодосия, но подробных сведений об основанных Ярославом монастырях не имеется. Для продолжения и углубления образования, а также для самообразования в русских монастырях, наряду с введением в них Студийского монастырского устава, создавались библиотеки.

Изучение памятников древнерусской литературы выявляет все большее количество переводов, сделанных в XI в. с греческого на русский язык и притом русскими переводчиками. К их числу принадлежат переводы хроники Георгия Амартола, хроники Синкелла, замечательный перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, переводы «Христианской топографии» Космы Индикоплова, «Александрии», «Повести об Акире Премудром», «Жития Василия Нового» и мн. др. Интенсивная переводческая деятельность была только одним из проявлений большого литературного подъема, которым характеризуется княжение Ярослава. В первой половине XI в., несомненно, уже велось русское летописание, писались жития первых русских святых, составлялись блестящие ораторские произведения (например, проникнутое патриотическим подъемом «Слово о законе и благодати»).

В настоящее время установлено, что «Повесть временных лет» в том виде, в каком она дошла до нас, является произведением, над которым трудились несколько поколений русских летописцев, пересматривавших и продолжавших работу своих предшественников и создавших замечательный историко-литературный памятник — древнерусскую летопись, одно из самых ярких свидетельств высокого развития древнерусской культуры¹. Немецкие буржуазные историки, никогда не питавшие никаких чувств к России и склонные смотреть на ее куль-

¹ Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. М., 1945, стр. 121—123; Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 419—424.

туру сверху вниз, вынуждены были признать, что «Повесть временных лет» — явление исключительное среди памятников европейского средневекового летописания. Весьма вероятно, что во второй половине княжения Ярослава наряду с другими оригинальными произведениями возник и труд историко-повествовательного характера, условно именуемый Древнейшим сводом. Последний появился, по всей вероятности, в 40-х годах, и составители его имели в своем распоряжении, кроме перечисленных произведений, ряд погодных записей и заметок, датированных в древних источниках годами правления русских князей. Как предполагает Л. В. Черепнин, не исключена возможность, что эти заметки были собраны в единое целое уже в конце X в.

Оживленными в XI—XII вв. были церковные связи Руси с Византией. В средние века церковь имела гораздо большее значение, чем в настоящее время. Она держала монополию на культуру, науку и грамотность. Она имела широкие права и привилегии и являлась могущественным элементом феодального общества. Значение духовенства в средние века было велико еще и потому, что на Руси, так же как и в Византии, епископы были судьями. Они судили за некоторые преступления и мирян и церковников. Они вели дела о разводе, о многоженстве, о завещаниях, о преступлениях против нравственности, о незаконнорожденных детях, принимали жалобы жен на мужей, и обратно. Епископские суды взимали пошлины за судебные дела, имели свои тюрьмы, применяли наказания не только церковного характера. Вместе с византийскими судьями на Русь проникли и византийские судебники. Эти своды церковных законов получили у нас название «кормчих книг». В Киевской Руси установилась церковная иерархия по византийскому образцу. Русская митрополия была митрополией константинопольского патриархата и имела для него огромное значение: она была по территории больше константинопольского патриархата и самой доходной из всех его митрополий. Патриарх назначал русского митрополита и за это получал очень крупные суммы. Если митрополит совершал противозаконные действия, то патриарх мог вызвать его на свой суд. Патриарх представлял высшую апелляционную инстанцию.

Русские митрополиты избирались в Константинополе патриархом и собором епископов, причем такой порядок сохранялся в течение всего домонгольского периода. Все киевские митрополиты были греками, за двумя исключениями.

Митрополит имел право высшего надзора над епископами, мог подвергать их суду, низлагать в случае вины. По вызову митрополита епископы съезжались в Киев на церковные соборы.

Митрополия распадалась на несколько епископских кафедр. Русские епископии отличались от византийских тем, что их было мало и они охватывали огромные территории.

Многие из русских епископий равнялись по своей территории сотням греческих епископств. В домонгольский период на Руси было не больше 16 епископских кафедр. Они помещались в столицах удельных княжеств. Открытию новых сопротивлялись уже существующие епископства, так как это означало уменьшение их доходов. При Ярославе почти все епископы были греками, но после его смерти большинство епископских кафедр уже было занято русскими, несмотря на то, что митрополиты обычно привозили с собой из Константинополя своих детей, которых старались пристроить на русские епископские кафедры.

Подобно тому как великие князья киевские позволяли константинопольскому патриарху присылать к ним митрополитов только с их согласия, так и удельные князья не разрешали киевскому митрополиту назначать епископов в их города по собственному произволу. Так, например, когда в 1183 г. митрополит Никифор поставил епископом в Ростов грека Николая, то Всеволод III не принял его и послал сказать митрополиту: «не избрали его люди земли нашей, но если ты его поставил, то держи где хочешь, а мне поставь Луку, смиренного духом и кроткого игумена св. Спаса на Берестове»¹.

Митрополит сначала отказался поставить Луку, но впоследствии принужден был уступить воле Всеволода и киевского князя Святослава и назначил его епископом Суздальской земли, а своего грека Николая послал

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 127.

в Полоцк. К грекам вообще на Руси были не очень расположены, что мы замечаем из отзыва летописца о черниговском епископе Антонии: «он говорил это на словах, а в сердце затаил обман, потому что был родом грек»¹. Таким образом, избрание епископов не подлежало исключительно ведению митрополита. В Новгороде при избрании епископа в совещании участвовали князь, игумены, софьяны (люди, находившиеся в ведении Софийского собора), белое духовенство (священники); в случае несогласия бросали жребий, и избранного таким образом посылали к митрополиту на поставление². В других областях выбор зависел большею частью от воли князя. Постоянным русским источником, пополнявшим ряды высшей церковной иерархии, являлась черническая верхушка русских монастырей, в которой большую роль играли аристократические круги. В начале XIII в. один из постриженников Печерского монастыря в Киеве с гордостью уверял, что «от того Печерского монастыря пречистые богоматере мнози епископи поставлены быша». По его же очень неполному списку, из числа печерских монахов вышло 15 епископов (в относительно короткое время — полтора столетия). Среди них были такие выдающиеся представители русской церкви, как митрополит Иларион, переяславский епископ Ефрем, ростовские — Леонтий и Исайя, новгородский — Нифонт и черниговский — Феоктист.

Русские монастыри того времени не только выдвигали кандидатуры на должности епископов, но были и центрами письменности и образования. Более или менее богатый древнерусский монастырь обычно имел хорошую библиотеку и при ней штаты писцов. Здесь вырабатывались определенные навыки писцов, трудившихся над перепиской книг. Здесь же создавались и оригинальные литературные памятники, например, жития святых, летописи, различные церковные сказания.

Письменность в древней Руси, конечно, не являлась уделом одного монашества, и лучшее произведение русской литературы XII в. — гениальное «Слово о полку Игореве» — составлено не в монастыре, но самый про-

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 92.

² ПСРЛ, т. III, стр. 21.

цесс писания книг был настолько трудоемким, что требовал особого внимания и затраты времени. К тому же материал для письма (пергамент, чернила, краски) стоил очень дорого, и это препятствовало распространению письменности в широких массах. Поэтому переписка книг, переводы их и изготовление в основном были делом рук монахов.

В этом отношении было особенно велико значение Киево-Печерского монастыря, выдвинувшего из среды монахов несколько литературных талантов. Здесь не только создавались оригинальные произведения, но и была развернута весьма значительная переводческая деятельность.

Несмотря на то, что книги тогда были очень дороги и огромное количество литературных памятников Киевской Руси было уничтожено во время татарского погрома, до нас все же дошли десятки пергаментных рукописей того периода.

Необходимо отметить, что вся русская переводная литература того времени была заимствована или прямо из Византии, или при посредстве Болгарии.

После крещения перед Русью открылась сокровищница, которую держала в своих руках Византия в виде сохранных и созданных ею литературных памятников.

Русь стремилась использовать это богатство, которое она могла получить только из Византии. Конечно, лучшая часть его в виде памятников античной литературы осталась недоступной Киевской Руси XI—XII вв. В самой Византии ценность сокровищ античной литературы понимали тогда только некоторые культурные люди.

Выбор книг из наследия Византии для перевода на славянский язык уже раньше был сделан в Болгарии, где при царе Симеоне болгары выбрали все для них наиболее подходящее и перевели на славянский язык. Поэтому русские книжники уже в X в. могли пользоваться болгарской переводной литературой, но на Руси в XI—XII вв. этим не удовлетворялись и некоторые византийские авторы были переведены непосредственно на русский язык. Состав средневековой литературы был одинаков для всей Европы. Это была, прежде всего, церковная литература: богослужебные книги, священное писание, произведения «отцов» христианской церкви, церковные

проповеди, жития святых. Библия дала Киевской Руси ряд новых моральных, общественных, философских понятий, служа для русских книжников образцом литературного жанра. Затем шла обширная житийная литература, на конкретных примерах показывающая, как церковные правила должны выражаться в поступках людей.

На Руси домонгольского периода были очень распространены византийские патерики — сборники рассказов и новелл из жизни святых (πατήρ — отец): «Лавсанки» V в., «Луг Духовный» VI в., патерик скипский.

В духе этих византийских патериков был составлен Печерский патерик в Киево-Печерской лавре, имеющий большое значение как исторический источник.

Большой интерес у русских читателей XII в. вызывала византийская историческая литература, причем византийские хроники были более приспособлены ко вкусам русского читателя, чем произведения византийских историков. Из всей массы всемирно-исторического материала, доступного для наших предков, история Византии представлялась наиболее пригодной для практического приложения, для заимствования справок и примеров в пужных случаях. Самым капитальным руководством для знакомства с византийской историей на Руси были так называемые хронографы, представлявшие по содержанию и составу нечто вроде довольно обширного курса всемирной истории от Адама до Алексея Комнина (1030). Эти хронографы дошли до нас в большом количестве списков.

Весьма тщательные и добросовестные исследования А. Попова привели к несомненному выводу, что огромное большинство русских хронографов представляет собой компиляции, составленные из произведений четырех византийских хронистов: Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Константина Манасси и Иоанна Зонары¹.

Из работ этих хронистов древняя Русь получила сведения по истории всеобщей и византийской, античной культуре, литературе и философии.

Древнерусские книжники внешне воспринимали отрицательное отношение к античности, но внутренне она

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866—1869.

была им близка; на Руси еще не было изжито двоеверие, и потому древнерусский книжник не очень удивлялся язычеству.

Любознательность древнерусских читателей не могла ограничиться узкими рамками хроник. На Руси появляется ряд переводных повестей, например: «Александрия» — повесть о жизни и деятельности Александра Македонского, «Трояпские деяния» — повесть, знакомившая с содержанием Иллиады и Одиссеи, византийский эпос о Дигенисе Акрите, причем в переводах герой византийского былинного эпоса ставится в тесную связь со славянским миром и превращается в могучего волшебника, об Акире Премудром, о Варлааме и Иоасафе.

Непосредственно с греческого на русский был переведен в XII в. известный труд еврейского историка Иосифа Флавия «Иудейская война».

Перешли на Русь из Византии сборники изречений выдающихся писателей, философов, отцов церкви, в которых византийцы стремились соединить мораль античных философов с христианской моралью. Не позже 1220 г. в Галицкой области появился византийский сборник наставлений и коротких рассказов, известный под названием «Пчела», в котором были собраны изречения Эсхила, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Демосфена, Сократа, Платона, Плутарха вместе с христианскими правоучительными афоризмами и изречениями.

Византия передала Руси огромное количество церковных гимнов, собранных в богослужебных книгах, митреях, тропях, октоихах.

Большинство произведений византийских церковных поэтов характеризуется риторичностью, в них мало простоты и искренности. Но некоторые из них отличались высокими поэтическими достоинствами и еще в XIX в. привлекли внимание русских поэтов (А. С. Пушкина, А. Толстого и др.).

Из так называемых «отцов церкви» на Руси много читались Иоанн Златоуст и Григорий Богослов, Григорий Нисский, Василий Каппадокийский, Ефрем Сирин. Сочинения Иоанна Дамаскина были переведены еще в Болгарии в X в. и затем перешли на Русь. Они являлись одним из основных источников богословских и философских знаний в древней Руси.

Таким образом, в XI—XII вв. Русь много поработала над тем, чтобы использовать литературное богатство наследницы античности — Византии.

Русская литература развилась во вполне сложившемся феодальном обществе. Она удовлетворяла потребностям феодалов в надстройке, которая защищала и укрепляла феодальный базис.

Как мы уже говорили, возникновение феодальной литературы является результатом не «заимствования» и подражания, а классовой дифференциации общества на известной ступени его развития. «В русской литературе XI в. с самого ее зарождения столкнулись две линии развития. Одна шла сверху, от господствующего класса, а другая — снизу, от эксплуатируемого большинства»¹. Обе линии отражали борьбу двух культур внутри единой русской литературы. Струя народного творчества была прогрессивной, устремленной вперед носителем реалистических элементов. Но господствовала идеалистическая, церковная культура, теснейшим образом связанная с Византией. У нас нет никаких оснований умалять значение переводной литературы в формировании литературы собственно русской. Роль переводной литературы бесспорна.

Жанровое обилие переводной литературы оказалось весьма плодотворным для литературы Киевской Руси. Каждый из этих жанров был творчески освоен на русской почве. Рядом с переводами византийских произведений создавались русские жития и проповеди, повести и гимны, «создавались . . . свои жанры, возникшие на русской почве совершенно самостоятельно: летописи, воинские повести, повести о княжеских преступлениях, а также произведения, стоявшие вне всяких жанров, — «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и многие другие. Русская литература движется по своему, самостоятельному руслу, беря истоки в дописьменной, устной литературе и фольклоре, захватывая в своем могучем движении произведения переводной литературы, перерабатывая их, отбирая то, что в первую очередь отвечало русским потреб-

¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 90.

ностям, и стремясь вперед, к постепенному накоплению элементов реалистичности, к освобождению от церковности»¹.

Но вместе с тем роль передовой литературы не в такой мере всеобъемлюща, как это представлялось буржуазному литературоведению, изучавшему литературу древнерусского государства в отрыве от общих проблем русской культуры того времени.

Мы уже отмечали то важное обстоятельство, что Русь пришла к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Правящие круги русского общества, прежде всего, требовали от литературы и искусства, чтобы они вселяли уважение к государственной власти и власти церкви.

Этим требованиям удовлетворяли византийская литература и искусство. И литература и искусство Византии носили ярко выраженный идеалистический характер, шли не от опыта, не от наблюдения, не от реальной жизни, а от прочно установившихся «канонов». Конечно, в византийской литературе отражались и политические требования, пропихали в нее и народные темы, сюжеты, но она в основном подчинялась господствующей идеологии. Часто народная литература пропихалась на Русь неофициальными каналами, вместе с ересями. К этой народной литературе могут быть отнесены некоторые апокрифы.

Таким образом, «влияла» на Русь не византийская культура в целом, а преимущественно та ее часть, которая имела теснейшую связь с господствующим классом и отвечала его нуждам. Поэтому в «византийском влиянии» нельзя видеть явление общенародное. Это было явление классовое, искусственное и вызывалось оно главным образом потребностями класса феодалов на Руси. Русские феодалы активно воспринимали лишь те элементы византийской культуры, которые им были необходимы для утверждения их классового господства, причем усвоение элементов этой культуры при Ярославе сочеталось с борьбой против политического влияния этой культуры, против притязаний византийского императорского двора.

¹ «История культуры древней Руси», т. II, стр. 177.

«Элементы византийской культуры со всей определенностью, со всей решительностью были поставлены на службу Русскому государству»¹.

Рассматривая вопрос о том, способствовало ли восприятие этих элементов культуры господствующего класса Византии развитию русской культуры в целом на данном отрезке времени мы должны ответить на него положительно. В утверждении единства Руси, в создании относительно единого древнерусского государства были заинтересованы не только феодалы, но и сам народ. Древнерусское язычество было связано с доклассовой стадией развития общества, и оно стало тормозящей и реакционной силой в развитии политической жизни Руси IX—X вв.

Переводная византийская литература в то время имела в целом скорее прогрессивное значение, чем консервативное. Поэтому и государственная власть в Киеве форсировала усиленную переводческую деятельность.

Мы подчеркивали классовый характер переводной литературы. Однако это не значит, что вся переводная литература носила до конца последовательно классовый характер. Господствующий класс Руси в XI—XII вв. был классом поднимающимся. На первых порах его роль во многом была прогрессивной.

Марксистско-ленинская наука установила, что общим для всех формаций является закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Утверждение же будто производственные отношения в истории общества являются только тормозом, сковывающим развитие производительных сил — является ошибочным.

В истории каждой средневековой страны можно указать время, когда новые производственные отношения определяют дальнейшее развитие производительных сил. Период образования древнерусского государства является таким временем. Поэтому господствующий класс Руси в некоторых случаях мог легче воспринимать элементы народной культуры, чем господствующий класс Византии: его «идеологическая цензура» была слабее, чем в Византии. Замечательно, что целые области византийской ли-

¹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 126.

тературы не получили отражения в русской переводной литературе.

Таким образом, переводная литература оказывала «влияние» на русскую литературу не непосредственно, а через классовое мировоззрение русских людей. Ее влияние сильнее сказывалось на представителях феодального класса, а внутри него — преимущественно на представителях церкви.

«Перенесенная в жизненно крепкую среду, столкнувшись с интенсивнейшей потребностью в собственной литературе, вступив в борьбу с многовековыми местными традициями устного народного творчества, переводная литература приобрела важное значение в развитии русской литературы не как образец для пассивного подражания, а в ее творческом поступательном движении»¹.

Последовательное развитие древнерусского искусства возможно проследить только начиная с эпохи Киевского государства, ко времени которого относится принятие Русью христианства, сыгравшего в то время прогрессивную роль.

Древнейший политический центр Руси — Киев, являющийся колыбелью искусства России, Украины и Белоруссии, хранит замечательные памятники древнерусской культуры.

Ранние памятники киевской архитектуры дают яркое представление о величии и роскоши великокняжеского города. К сожалению, большинство из них перестроено: от Десятинной церкви (991—996), заложенной великим князем Владимиром, сохранились лишь остатки фундамента и фрагменты фресок. Лучшая из построек Ярослава — собор св. Софии (1017—1036) — также пострадала от позднейшей реконструкции.

Хотя в сохранившемся до нашего времени Софийском соборе в Киеве применен обычный для Византии тип купольного строительства, но ни в Византии, ни на Западе нельзя было встретить церковного здания с таким количеством куполов. Это приходится считать чисто русским явлением, наследием деревянного зодчества, перенесенным на каменную стройку.

¹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 155.

Византийским зодчим пришлось считаться и сообразовываться со вкусами русских князей и русской знати. Первая церковь св. Софии в Новгороде была дубовой, тринадцатикупольной.

Многокупольной была и Десятинная церковь. Эта старая традиция жила долго¹, что свидетельствует о тесной связи сохранившегося древнейшего памятника русского зодчества с более ранней русской архитектурой.

Мозаики в Софийском соборе принадлежат к двум стилям: 1) эллинистическому, сохранившему античные традиции, произведения которого отличаются реализмом и портретной характеристикой, и 2) церковно-аскетическому, постепенно получившему преобладание в Византии. На стенах двух башен, лестницы которых ведут во второй ярус («полати») собора, сохранилась единственная по своей обширности стенопись XI—XII вв. светского содержания. Посетитель здесь видит фресковые изображения зверей и птиц, охотничьих сцен, например, охоты на медведей, изображения музыкантов со свирелями, гуслиями, домрами, спортивные игры, плясунов и акробатов. Башни эти были в древности изолированы от посетителей собора и служили лестничными входами на полати для князя, его семьи и ближайшего круга придворных. «На полатях» происходили государственные совещания, а также устраивались приемы князем иностранных послов. Установлено, что темы для некоторых из этих фресок, например, сцен на константинопольском ипподроме, взяты из византийской столичной жизни².

Но несмотря на то, что Десятинная церковь и громадное строительство, предпринятое в Киеве Ярославом Мудрым, в частности храм Софии с его пышным внутренним убранством, были осуществлены в основном в византийских формах, они были творчески переработаны, — это было русское искусство, и не только по праву собственности. Строительство это служит Русскому государству. Стремление создать пышные храмы диктовалось отчасти

¹ В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 391.

² Н. П. Кондаков, О фресках лестницы Киево-Софийского собора. «Зап. Русск. архитектурного об-ва», т. III, СПб., 1880, стр. 287.

чувством равноправности Руси с Византией. Самые размеры и великолепие убранства церкви Софии как бы доказывали силу и могущество Руси, русской церкви, ее права на самостоятельное существование. Не случайно Адам Бременский называл Киев соперником Константинополя, а Маркс и Энгельс, вероятно, имея в виду именно это свидетельство Адама Бременского, говорят, что Киев «называли вторым Константинополем»¹.

К этому надо добавить, что русские зодчие смело вводят в обиход понравившиеся им технические или декоративные новшества, оригинально переосмысливая их и реализуя в сложном органическом единстве своих произведений. В этом творческом процессе стираются следы византийских «образцов» и крепнут своеобразные черты русского архитектурного искусства, проявленные им с первых шагов. «В XII—XIII столетиях русские летописи запечатлели имена выдающихся русских каменных зодчих — полоцанина Иоанна, новгородца Петра, зодчего князя Рюрика Ростиславовича Петра Миронег, галичского скульптора — «хитреца» Авдия. Их, несомненно, было больше — остались безымянными произведения гениальных архитекторов Владимирской земли и других областей»². Точно так же русские мастера-живописцы, быстро восприняв искусство греков, вписали в свои произведения черты своего художественного мышления. Уже на рубеже XI—XII вв. источники называют знаменитого русского живописца Алимпия. Он был учеником греческих мастеров, работавших над росписью собора Киево-Печерского монастыря, «добре извык хитрости иконней, иконы писать хитр бе зело», и имя его стало столь же значительным, как имена позднейших мастеров кисти — Андрея Рублева и Дионисия³.

Исследования советских искусствоведов показывают, что имевшая прежде место оценка древнерусской живописи как «провинциального ответвления» византийского искусства, очень далека от истины.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 439.

² «История культуры древней Руси», т. II, стр. 338.

³ «Памятники славяно-русской письменности», т. II, изд. вып. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 121—125.

«Русская живопись домонгольского периода все яснее выступает перед нами как большое и самостоятельное искусство, со своими национальными и местными чертами, искусство, несколько не уступающее по высоте своих достижений ни западноевропейской, ни византийской живописи того времени»¹.

Одним из наиболее ярких проявлений русского искусства периода феодальной раздробленности была владими́ро-суздальская школа зодчества и живописи. Усилением Владимиро-Суздальского княжества и борьбой местных князей за объединение Руси объясняется быстрый расцвет владими́ро-суздальского искусства.

Развивая традиции искусства Киевской Руси, владими́ро-суздальское зодчество использовало некоторые приемы так называемого романского стиля, творчески перерабатывая их. Глубоко оригинальные и художественно совершенные здания строились из тесаного известняка, позволявшего применять декоративную резьбу, отличающуюся большой сложностью и своеобразием. Во владими́ро-суздальской архитектуре и декоративной скульптуре широко проявляется народная любовь к сказочной узорчатости убранства.

Памятники владими́ро-суздальского зодчества принадлежат к числу выдающихся сооружений Европы XII—начала XIII в. и сыграли громадную роль в становлении московской архитектуры.

То же можно сказать о лучших произведениях владими́ро-суздальской живописи, например, о росписи Дмитриевского собора (конец XII в.), над которой рядом с греческими мастерами работали русские живописцы.

Не менее замечательными качествами обладает новгородское искусство. «Новгородское искусство, — говорит один из знатоков этого искусства — В. Н. Лазарев, — выдается своим монументальным характером. Почти лишенные украшений стены, обобщенные архитектурные массы с могучими силуэтами, статичные по своему композиционному ритму фрески с крупными, тяжелыми фигурами и предельно простыми архитектурными фонами, большие иконы, чаще всего с одиночными изображениями, — все это способствует созданию того монументаль-

¹ «История культуры древней Руси», т. II, стр. 394.

ного впечатления, которое оставляют новгородские памятники XII—XIII столетий»¹.

Фресковая живопись Новгорода знаменует одну из высших точек развития русского монументального искусства. По полнокровности своих образов, по богатству и разнообразию декоративных и цветовых решений, по тонко продуманной соподчиненности архитектуре, по совершенству технических приемов она не знает себе равных во всем русском искусстве XII—XV вв.

Простота и выразительность русского искусства, его пародный характер, органическое претворение, которое нашли в нем многочисленные фольклорные мотивы, крепость и почвенность не допускают ничего переутонченного и манерного, надуманного и болезненного. Оно подкупает своей глубокой искренностью и силой эмоционального воздействия.

«Новгородские церкви с их мягкими асимметрическими, живыми линиями, с их приземистыми и какими-то кряжистыми пропорциями, с спокойной гладью их стен, с их уютными, зовущими к раздумью интерьерами, с их изумительной слитностью с русским пейзажем, из которого они вырастают столь же органично, как цветок из стебля, навсегда останутся одним из совершеннейших порождений русского гения»².

В советское время появились новые исследования о зодчестве Чернигова и Киева. Археологические исследования памятников Галича существенно дополнили наши знания о художественной культуре этого первого наследника Киева и соперника северного Владимира. Были выявлены своеобразные архитектурные школы Полоцкого и Смоленского княжеств и исследован связанный с Суздалем и Черниговом особый мир зодчества феодальной Рязани³. В недавнее время была сделана попытка раскрыть с возможной полнотой и обстоятельностью творческий облик строителей изучаемых памятников.

¹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 62.

² Там же, стр. 139.

³ Н. Н. Ворониц. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР», 1952 стр. 258.

В процессе решения последней задачи воскресли имена русских зодчих: Миронига, Ждана Николы, Полочанина Иоанна, иконописца Кирилла. Оказалось, что наиболее выдающиеся проявления своеобразных русских эстетических представлений в архитектуре — плод творчества замечательных русских мастеров, обладающих яркими творческими индивидуальностями. Появление в истории древнерусской архитектуры таких характеристик, строго обусловленных самими памятниками и историческими источниками, в корне подрывают космополитическую, антинародную теорию об извечной несамостоятельности русской культуры, и, в частности, зодчества, в развитии которого некоторые исследователи видели лишь пассивный итог смелы различных «влияний».

То же можно сказать о русском художественном ремесле и прикладном искусстве: об эмалях, золотых дел мастерстве, басменном деле, ювелирном искусстве и пр.

Многочисленные клады, открытые в XIX в. в Рязани, Кпее, Чернигове, Переяславе, Каневе и других местах¹, показывают, какого высокого уровня достигла южнорусская художественная промышленность во многих отраслях.

Особенной славой пользовались русские эмали. Тщательность работы, яркость красок, продуманное сочетание тонов и тонкость рисунка в соединении с прочностью делают эмалевые вещи одним из лучших образцов мирового ювелирного искусства XI—XII вв.

Ко времени объявления христианства государственной религией Русь уже обладала своими художниками, своими техническими приемами, своим стилем искусства. Русские мастера XI—XII вв. создали много прекрасных вещей, которые находили признание и за границей. В Западной Европе восхищались русской эмалью и чернью. В Константинополе тоже отдавали должное русской работе того времени. Так, византийский писатель XII в. Иоанн Тцетцес получил в подарок от своего друга, митрополита Болгарского, из города Доростола изображение русского мальчика и резную коробку (пиксиду) из моржового клыка. Красота русской резьбы была воспета ученым византийцем в стихах, в которых он сравнивал искусство русских мастеров с умением легендарного Дедала.

¹ Н. П. Коядаков. Русские клады. Т. I. СПб., 1896.

Русские ювелиры XI—XII вв., в совершенстве владевшие сложной техникой обработки благородных металлов, нередко восхищали своих современников тонкостью и изяществом работы. Описывая сделанный русскими мастерами серебряный позолоченный киворий над гробницами Бориса и Глеба, автор сказания о Борисе и Глебе не находит слов для выражения своего восторга и восклицает: «Нигде же сицея красоты бысть».

Приведенные примеры, количество которых без труда можно было бы увеличить, показывают, что приглашение греческих художников и ремесленников на Русь было результатом возросшей культуры самой Руси, стремившейся установить широкое культурное общение со своими соседями.

Той же цели служили и многочисленные поездки русских в XI—XII вв. в Византию и Палестину.

В настоящее время установлено, что русская монастырская община на Афоне возникла в самом начале XI в., во всяком случае до 1016 г. На самом Афоне твердо держалось убеждение, что русский монастырь там построен во времена Владимира и с его помощью¹. Русской обителью был тот самый монастырь Древодеда (τοι ξυλοειργου), акты которого от 1030, 1048, 1070 и 1142 гг. хранятся в архиве теперешнего Афонского монастыря Пантелеймона, о котором протатский акт 1169 г. свидетельствует, что он всегда принадлежал русским².

Что обитель Древодеда была действительно русским монастырем, особенно ясно подтверждает известная и много раз публиковавшаяся опись ее имущества 1142 г., в которой перечисляются русские книги и разные другие принадлежавшие русским вещи.

Купчая 1030 г. показывает, что русские монахи на Афоне стремились к расширению своих владений и располагали свободными средствами. Такие средства не могли образоваться у отшельников, а лишь в организованном монастыре с налаженной хозяйственной жизнью.

Этот русский монастырь на Афоне был основан не без ведома и содействия русского княжеского двора и не без

¹ В. Н. Татищев. История российская. Т. V. М., 1848, стр. 127.

² «Акты русского на Афоне монастыря великомученика Пантелеймона», М., 1873, стр. XVII.

согласия византийского императора, которому Афонская гора была подчинена непосредственно.

Значительные средства мог присылать в русскую обитель и Ярослав, который считался одним из ктиторов Ксилургова монастыря¹.

Принимая во внимание известность, которую стяжал Ярослав своими заботами о насаждении просвещения, о церковном строительстве и учитывая особый интерес, который он проявлял к связям с инопатричными государствами², можно предположить, что он не остался равнодушным и к созданию русского монастыря на Афоне. Значение русского центра на Афоне определялось не только той ролью, которую могли играть афонские русские монахи в переводе на русский язык сокровищ византийской литературы, — работе, которой Ярослав придавал такое важное значение, но и возможным соображением о пользе, которую могло принести русскому князю наличие постоянного русского уголка в том пункте византийской империи, который находился в непрерывных и непосредственных сношениях с византийским двором.

О путешествии на Афон Антония, основателя Киево-Печерского монастыря, летопись рассказывает под 1051 г., в связи с вопросом о поставлении киевским митрополитом Иларионом, в пещере которого поселился по возвращении с Афона Антоний. Однако нет сомнений, что путешествие последнего на Афон произошло гораздо раньше³.

С целью изучения уставов византийских монастырей, а также и всего того, что могло интересовать русских монахов, поехал в Константинополь инок Ефрем, поселившийся в одном из Царьградских монастырей. К этому Ефрему был послан игуменом Феодосием один из монахов Печерского монастыря, и Ефрем, собственноручно переписав устав Студийского монастыря, переслал его Феодосию.

Варлаам, взятый князем Изяславом из Печерского монастыря и назначенный игуменом княжеского Дмитриев-

¹ В. Мош и н. Русские на Афоне. «Byzantinoslavica», т. IX, ч. 1, 1947, стр. 67.

² В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. II, кн. 1. Киев, 1891—1892, стр. 142—146.

³ В. Мош и н. Указ. соч., стр. 59—60.

ского монастыря, также предпринимал путешествия в религиозных целях. Первое из них было совершено в Иерусалиме, второе — в Константинополе, где он обходил все монастыри и «купил еже на потребу монастырю своему». На обратном пути Варлаам умер во Владимире, в монастыре, называемом «Святой горой», заповедав «сущим с ним, да допроводят тело его в монастырь блаженного Феодосия и ту положат его и вся сущая, яже бе купил в Константинополе граде иконы и яно, еже на потребу, повеле сия вдати блаженному»¹.

Феодосий ввел в Печерском монастыре Студийский устав в редакции патриарха Алексея². Это введение строгого устава было сделано по инициативе Печерского монастыря, пытавшегося насадить «истинное» монашество. Практику Печерского монастыря переняли и другие монастыри, «от того же монастыря переяша вси монастыреве устав; тем же почял монастырь Печерский скорее всех».

В XII в. оживленное общение Руси с Византией не прекратилось и совершалось двумя способами: при посредстве греков, приходивших на Русь, и при посредстве русских, входивших в Царьград.

На Русь в большом количестве приходили, прежде всего, греческие церковники — митрополиты, епископы и клирики. Они могли быть по происхождению не чистокровными греками. Некоторые из них были славянами. Последним легче было справляться со своими обязанностями. Но в своей деятельности и те и другие были представителями и проводниками византийского православия и византийской образованности. Почти все русские митрополиты XII в. были греками. Они крепко держали в своих руках бразды церковного управления и ни за что не хотели уступить их туземцам. Епископские кафедры русских епархий в XII в. также иногда занимали греки, например, Антоний Черниговский, изгнанный князем в 1168 г.³, Мануил Смоленский, евнух и домостик, который первым ввел на Руси особые церковные распевы, епископствовавший

¹ «Патерик Киево-Печерского монастыря», «Памятники славяно-русской письменности», т. II, стр. 32.

² ПСРЛ, т. IX, стр. 85.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 151.

с 1137 г., Феодор Владимиро-Волынский, занимавший должность епископа с 1137 г., и пр.

Вместе с митрополитами и епископами немало приходило на Русь священников и монахов.

Приходили на Русь из Византии и певцы. По свидетельству Степенной книги, в 1053 г. «приидоша веры ради христолюбивого Ярослава из Цареграда богоподвигаемы три певцы греческии с роды своими. От них же начал быти в русской земле ангелоподобное пение: изрядное осмогласие, наипаче и трисоставное сладкогласование, и самое красное демественное поение»¹.

Летопись сообщает, что Мануил, поставленный епископом смоленским в 1137 г., был искусным певцом и что он пришел к Мстиславу из Греции со своей семьей, состоявшей из трех человек.

Приходили из Византии и послы от императора. Так, в 1161 г. пришел посол от Мануила к великому князю Ростиславу с дарами, «многими аксамитами, паволоками и всякими узорчыми разноличными», и с просьбой принять новопоставленного митрополита Иоанна Грека. Послы, конечно, бывали и при заключении брачных союзов между византийским и русским правящими домами. Приходили, хоть и очень редко, на Русь также лица византийской царствующей династии, терпевшие гонения у себя на родине. Так, у галицкого князя Ярослава Осмомысла жил некоторое время известный Андроник Комнин, бежавший из константинопольской тюрьмы и гостеприимно принятый русским князем.

В 1186 г. приезжал в Новгород человек, называвший себя греческим царем Алексеем, сыном Мануила, — очевидно, самозванец².

Следует назвать также и гречанок, выходивших замуж за русских князей. Такова неизвестная по имени родственница императора Константина Мономаха, супруга Всеволода Ярославича, мать Владимира Мономаха и также неизвестная по имени вторая жена Юрия Долгорукого, по смерти его уехавшая в Византию со своими сыновьями, изгнанными Андреем Боголюбским.

¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 85.

² ПСРЛ, т. V, стр. 10.

Но если греки часто ездили на Русь, то немало русских побывало в Византии в XII в. — с религиозными целями или для торговли и промыслов.

В начале XII в. три русские княжны: в 1104 г. дочь Володаря Ростиславича, около того же времени дочь Владимира Мономаха Мария и в 1120 г. дочь Мстислава Владимировича — отправились в Византию, так как были выданы замуж за членов царствующей династии. В 1194 г. внучка Святослава Анфимия была выдана замуж за византийского царевича¹.

Около 1114 г. знаменитый русский паломник игумен Даппил совершил путешествие в Константинополь с большой группой паломников, о которых он упоминает в следующих словах: «вся дружина моя русские сынове, приключившиеся тогда и повгородцы и княне, Седеслав Иваковичь, Гардислав Михайловичь, Кишнича два и инии мнози»².

Под 1134 г. сообщается о каком-то паломнике Дионисии, посланном в Константинополь киевским боярином Мирославом и привезшем на Русь реликвию с так называемого гроба господня.

В 1160 г. ездил в Константинополь посол Андрея Боголюбского Яков Станиславич с просьбой об утверждении во Владимире особой митрополии.

В 1162 г. три брата Андрея Боголюбского, теснимые властолюбивым Андреем, удалились в Византию и нашли приют у византийского императора. В 1170 г. киевский монах Феодор, известный под именем Белого Клобучка, ездил в Константинополь с большим богатством и потому был там поставлен патриархом на должность епископа ростовского.

Перед своей смертью совершила путешествие в Константинополь полоцкая княжна Евфросиния (1173) вместе с сестрой Евпраксией и князем Давидом, уже бывавшим на Востоке. Быть может, полоцкую княжну влекло в путь не только желание поклониться святым местам, но и стремление побывать там, где жили и страдали ее родичи.

В 1195 г. русская княжна Евфимия вышла замуж за представителя византийской царствующей династии.

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 143.

² «Путешествие Даниила», изд. П. Саввантова, стр. 34.

Наконец, паломничества XII в. достойно завершил новгородец Добрыня Ядрейкович, впоследствии Антоний архиепископ новгородский, оставивший превосходное описание Софии и других церковных святынь Константинополя. Когда Добрыня приехал в Константинополь, он застал там послов великого князя Романа Волынского, Твердятина Остромиряча, Недана, Домажира, Дмитрия и Негвара. Все они были в Константинополе 21 мая 1200 г.¹

Не подлежит сомнению, что в течение всего домонгольского периода количество русских паломников в Византию и Палестину было очень велико. Паломничество, увлекавшее наиболее любознательных и предприимчивых людей, не только давало материал для множества устных рассказов, но и обогащало русскую письменность, что нашло отражение в народной поэзии, и именно в былинах о Василии Буслаевиче и о сорока каликах с каликой. Расцвет русского паломничества совпал со временем крестовых походов.

Наряду с добровольными путешествиями русских в Византию бывали и принудительные. Так же как в XI в., в Византию в заточение иногда отправляли в чем-либо провинившихся русских князей. Так, в 1129 г. Мстислав Владимирович захватил пятерых полоцких князей с их семьями и отправил их в заточение в Византию. Иные из них там и умерли, другие возвратились на Русь. В летописи под 1140 г. значится: «взыдоша княжича два из Царяграда; заточени были Мстиславом». Василько Рогволодович возвратился еще раньше: в 1137 г. он уже был на Руси².

Однако князей ссылали в Византию очень редко. Гораздо чаще туда ссылали опасных для правящего класса Киевской Руси еретиков — павликиан и богомилов. Обострение классовых противоречий на Руси в XII в. создавало благоприятную почву для их деятельности. Ересь павликиан и богомилов пытался распространять на Русь монах Андриан еще в 1004 г. Брошенный в тюрьму, Андриан отказался от своего учения. Однако в 1123 г.

¹ П. Саввантов. Указ. соч., стр. 88.

² В 1162 г. умер в ссылке в Фессалонике племеник галицкого князя Владимира Иван Ростиславович Берладник. Предание гласит, что его там отравили. Когда он был сослан, неизвестно.

попытка эта была возобновлена каким-то Дмитрием, который вскоре был сослан в заточение.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в XI—XII вв. русские и греки могли довольно свободно общаться между собой, извлекая из этого взаимную выгоду. Мы видим, что в Византии в XII в. отношение к Руси изменяется, и у Никиты Хониата Русь уже выступает с эпитетом «народа христианнейшего». Все успехи русской культуры того времени, порожденные русской исторической действительностью, были достигнуты не в изоляции от внешнего мира, а в активных и плодотворных связях с ним. Молодое, полное творческой мощи Киевское государство использовало эти связи для быстрого развития своей культуры.

Из сказанного следует, что Русь многим была обязана византийской культуре, но «византийское влияние» только помогало росту самостоятельной и прогрессивной русской культуры.

Глава X

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В XII СТОЛЕТИИ

Киевский период истории Руси сменяется периодом феодальной раздробленности (начало XII в.), в основе которой лежали глубокие социально-экономические процессы, связанные с окончательной победой феодализма — с закабалением смердов.

Дальнейшее развитие феодальных отношений, расширение земельной собственности князей, боярства, церкви, раздробленность страны вследствие господства натурального хозяйства и слабой экономической связи между областями — все это делало невозможным для господствующего класса сохранение власти над трудящимися средствами относительно единого древнерусского государства. Отсюда политическое расчленение древней Руси к XII в. Анализ причин феодальной раздробленности нельзя ограничивать явлениями политической жизни. Она определялась, прежде всего, экономическими условиями.

Если в IX—X и в первой половине XI в. вотчинники эксплуатировали челядь путем взимания примитивной отработочной ренты, когда челядь работала непосредственно на хозяина, то в дальнейшем феодалы стали получать все необходимое от массы зависимого крестьянства в форме оброка, т. е. ренты продуктами, или появилась смешанная форма эксплуатации: отработочная рента и рента продуктами¹. В связи с изменением форм эксплуа-

¹ Б. Д. Греков. Генезис феодализма в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке. «Вопросы истории», 1952 № 5, стр. 41.

тации продолжалось общее наступление феодалов на свободное крестьянство при активной поддержке государства. В XI в. это вызвало волны народных антифеодальных восстаний, жестоко подавленных государством.

Рост производительных сил на местах создал возможность появления и экономического развития новых экономических и политических центров, конкурентов «матери городов русских» — Киева. XI—XII века являются важным этапом в процессе отделения ремесла от земледелия, выражающемся в росте городов. Если в XI—XII вв. было известно 26 городов, то в XI в. возникло еще 62 города, а в XII — 119¹. Не случайно пространная редакция «Русской правды» уделяет особое внимание городам и городскому купечеству.

Рост городов как областных экономических центров, являясь следствием развития производительных сил, при общей натуральной основе экономики страны, создавал предпосылки для политического обособления отдельных феодальных княжеств. Стремление усилить власть над местными крестьянами, с оружием выступавшими против угнетавших их феодалов, потребовало всемерного приближения государственного аппарата к феодальному хозяйству, создания из него силы, повсеместно и каждодневно содействующей закабалению крестьянства. В условиях натурального хозяйства, а следовательно и экономической раздробленности, усиление государственной власти на местах неизбежно должно было привести к ослаблению центральной власти, к политической раздробленности страны.

Феодальная знать создает новую форму государства, способствующую дальнейшему росту политической независимости феодалов на местах. Конец XI—начало XII в. характеризуются укреплением вотчины-сеньории в ряде феодальных центров Руси, что было важным историческим этапом в ее развитии.

Земельная собственность и неполная собственность на работников производства явились экономической основой политической независимости крупных землевладель-

¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 10, 21—23.

цев, обладавших правами иммунитета как одним из средств внеэкономического принуждения¹.

На этой экономической основе господствующий класс отдельных «полугосударств», на которые теперь была раздроблена Русь, представлял сословно-иерархическую организацию, во главе которой стоял великий князь и которая строилась на угнетении зависимого крестьянства. Эта политическая надстройка соответствовала развивающемуся базису феодального строя, и призывы идеологов консервативной части феодального общества к сохранению старых политических порядков были анахронизмом и противоречили экономической закономерности общественного развития.

Процесс дальнейшей феодализации русского общества, ускоренный активной ролью феодальной надстройки (усиленный рост феодального землевладения, подчинение все больших масс сельского населения феодалам и т. д.), сказался и на состоянии древнерусского войска.

Поскольку укрепление экономических и политических позиций бояр шло параллельно уменьшению количества свободных смердов, постольку прежний военный строй, основанный на несении военной службы лично свободными смердами, стал уже невозможным. Вооружить большое войско за счет государства киевский великий князь уже не мог.

Военную силу, в виде дружины, теперь содержали феодальные князья и бояре. Поэтому понятно, что Владимиру Мономаху пришлось уже не приказывать, а уговаривать князей и бояр объединить свои военные силы для похода на половцев. Он, а вслед за ним и другие «великие князья», не мог предпринимать походы так, как это делали Олег, Святослав и Владимир, которые располагали большими военными силами и вели за собой десятки тысяч вооруженных людей. Уже в 1097 г. Владимиру Мономаху приходилось считаться с новым политическим строем, с новой формой организации военных сил. Был узаконен новый лозунг: «каждо [из князей] да держит отчину свою», — каждый из князей со своими войсками распоряжается и своими вооруженными силами.

¹ Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси. «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 52.

Не следует, конечно, формально понимать начавшееся раздробление древнерусского государства при Ярославичах. Не только во второй половине XI, но и в начале XII в. южнорусские княжества получили преобладание над другими феодальными государствами. И позже, в XII в., когда последние стали самостоятельными, их самостоятельность не исключала некоторых элементов государственного единства и стремления к такому.

Развитие феодальных отношений на Руси изменило и характер связей Руси с Византией. Русские князья прекращают свои походы против Византии, перестают искать чужой земли, а занимаются освоением своей земли и эксплуатацией ее населения. Архангелский военно-рабовладельческий путь развития, заставлявший Олега, Игоря, Святослава организовывать крупные завоевательные предприятия по отношению к Византии, был окончательно отброшен.

После принятия господствующей религии из Византии между Русью и Византией устанавливаются мирные, добрососедские отношения. Установление добрососедских отношений с более старыми феодальными государствами типично для политики «феодальной партии» не только на Руси. Во многом аналогично протекает этот процесс и в Византии.

Но, конечно, в феодально раздробленной Руси международная политика уже не определялась одним политическим центром, как это было в X и первой половине XI в. Интересы отдельных феодальных полугосударств могли быть враждебными интересам Византии.

Мы видим, например, что в XII в. отдельные русские князья стремились освободиться от церковного подчинения Византии, но их попытки в этом направлении не встречали поддержки других русских феодалов и потому были бесплодными.

В области международной политики выступления народных низов также шли иногда вразрез с политикой князей. Например, бродники в конце XII в. оказывали поддержку восставшим против Византии болгарам, тогда как русские князья были союзниками Византии.

Как мы уже говорили, наука не располагает достаточными известиями о русско-византийских отношениях в XI—

XII вв. Фрагментарность этих известий мешает созданию яркой и последовательной картины этих взаимоотношений.

Поэтому нам приходится ограничиться подбором из летописей и других источников скудных данных, сгруппировав их таким образом, что сначала мы будем говорить об экономических и культурных взаимоотношениях XI—XII вв., а затем о политических и церковных. Несмотря на свою скудость и фрагментарность, данные эти подтверждают наше положение, что со второй половины XI в. русско-византийские отношения носили в целом мирный и добрососедский характер.

Начало XII в. было для Византии временем сравнительного успокоения после крестового похода, борьбы с турками в Малой Азии и отъезда Боэмунда из Антиохии в Италию. На Руси после Витичевского съезда 1100 г. также временно прекратились усобицы. Основной заботой князей в то время стали походы в степь и борьба с половцами, развернувшаяся довольно успешно. В начале XII в. русские князья перешли в наступление на половцев. В 1103 г. на Долобском съезде Святополк Изяславич и Владимир Мономах решили совершить поход в степь, который закончился разгромом половецких орд. Вторично коалиция предприняла блестящий поход против половцев в 1111 г. Возможно, что это обстоятельство способствовало укреплению связей с Византией, для которой южнорусские кочевники всегда представляли сильную угрозу. Об упрочении этих связей свидетельствует заключение браков между Комнинами и русскими князьями в 1103—1106 гг., когда, например, дочь Володаря Ростиславича Перемышльского вышла замуж за сына императора Алексея, Андроника или Исаака¹.

В 1112 г., выдавая свою дочь Евфимию «в угры за короля», Мономах обращался к митрополиту с вопросом, «как отвержени быша латина от святыя соборныя православныя церкви». Конечно, отважное послание митрополита, бичующее заблуждение латинян, не помешало Владимиру выдать свою дочь в «угры». Но отношения между Мономахом и митрополитом оставались хорошими и прочными.

¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 139.

Особняком стоит враждебный акт по отношению к Византии, совершенный Владимиром в 1116 г.

В 1116 г. «Леон церовичъ, зять Володимеръ», пошел на императора Алексея и, заняв несколько городов на Дунае, пал от руки подосланных императором убийц¹.

Владимир сделал попытку удержать занятые зятем города и «послал Ивана Войтишча и посажа посадники по Дунаю», а потом послал сына Вячеслава с Фомой Ратиборичем, но все предпринятое кончилось неудачей². Эти летописные сообщения дали, очевидно, повод к составлению легенды о походе на Византию самого Владимира Мономаха.

Анна Комнина, которая могла бы располагать точными сведениями, дает краткое сообщение, что в 1114 г. до Константинополя дошли слухи, будто половцы готовятся к вторжению в принадлежащие империи области. Так как речь шла о защите дунайской границы, то император лично поспешил в Болгарию, поставил гарнизон в Балканских проходах и потом подошел к Видину, где, впрочем, мог только удостовериться, что половцы отложили переправу за Дунай. По всей вероятности, здесь и имеется в виду поход русских.

Как бы то ни было, это выступление существенно не отразилось на русско-византийских отношениях, так как в 1122 г., в княжение того же Мономаха, внучка великого князя Добродеев Евпраксия Мстиславовна вышла замуж за царевича Алексея и в то же время в Киев явился новый митрополит, Никита³.

Дружественными были также отношения и между императором Иоанном Комнином и сыном и наследником Владимира Мономаха Мстиславом Владимировичем (1125—1132). Наибольший интерес представляет свидетельство Ипатьевской летописи о том, что в 1130 г. «поточи Мстислав Полотские князе с женами и детьми в греки,

¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 6.

² ПСРЛ, т. I, стр. 8.

³ Ипатьевская летопись под 1123 г.; Х. Лопарев. Брак Мстиславны (1122). «Византийский временник», т. IX, 1902, стр. 418—445. Лопарев считает царевича Алексея старшим сыном императора Иоанна; С. Пападимитриу. Брак Мстиславны с Алексеем Комнином. «Византийский временник», т. XI, 1904, стр. 75—98. Пападимитриу доказывает, что этот Алексей был сыном севастократора Исаака, брата императора.

еже приступиша хрестъное целование»¹. По свидетельству Татищева, «император же, приняв их, определил им довольно на содержание и послал в войско, бывшее против сарацин, где они с похвалой служили, в Полоцк же Мстислав определил сына своего Изяслава»².

Как в ранее приведенном случае подобного «поточения», т. е. ссылки в Константинополь Олега Святославовича в 1079 г., так и в данном случае ясно, что ссылать неугодных князей в столицу Византии можно было лишь в тех случаях, когда на это имелось согласие императора и существовала уверенность, что впоследствии эти князья не окажутся в руках греков орудием политической борьбы против Киева. Для этого, конечно, отношения между обоими дворами должны были быть дружественными.

В переписке Конрада Германского и Иоанна Комнина любопытно обращение Конрада к византийскому императору с просьбой принять меры против каких-то русских, ограбивших немецких подданных — купцов. Тут едва ли может идти речь о прямых подданных империи. Это подтверждается и тем, что Иоанн Комнин нашел просьбу эту вполне уместной и обещал удовлетворить ее³.

К этому периоду относится и свидетельство о культурных связях между Русью и Византией — о приходе к Мстиславу из Византии трех певцов, один из которых, «скопел Мануйло, певец гораздый», был позднее, в 1137 г., поставлен в епископы в Смоленск. Наконец, следует упомянуть о роскошном окладе знаменитого Мстиславова евангелия, заказанном Мстиславом в Константинополе в 1135 г., что также свидетельствует о живых связях киевского князя с константинопольским двором.

Вероятно, не изменились отношения между Русью и Византией и в смутные годы правления брата и наследника Мстислава, Ярополка Владимировича (1132—1139). В 1136 г. племянник великого князя Борис Коломанович (родившийся на Руси сын венгерского короля от прогнанной им супруги Евфимии, дочери Мономаха) женился на родственнице императора Иоанна.

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 217—218.

² В. Н. Татищев. История Российская. Т. II, М., 1848, стр. 241.

³ Ottoni Freisingensis. Gesta Friderici. Т. I, p. 25—26.

Но скоро отношения между византийским правительством и киевскими князьями стали ухудшаться, что было связано с международной обстановкой в Европе в половине XII в.

Мануил стремился вернуть Византийской империи ее прежние могущество и блеск и принадлежавшие ей прежде владения в Италии и других местах. В то время на Западе его главными противниками были южноитальянские норманны; на севере же ему пришлось столкнуться с Венгрией, которая не только владела территорией, некогда входившей в состав империи, но и поддерживала добившихся независимости южнославянских (сербских) подданных Византии, освободительное движение которых представляло для византийских верхов большую опасность.

В своем нападении на Венгрию Мануил имел цель, во-первых, отнять у нее некогда принадлежавшие Византии и важные для нее области и, во-вторых, обезопасить границы империи с севера, сделав венгерского короля своим вассалом.

Сближение Венгрии с западными латинскими врагами Византии, поддержка ею сербского восстания, обращение к Мануилу Бориса Коломановича, претендента на княжеский престол, не замедлили привести к разрыву между Византией и Венгрией и ожесточенной войне между ними, тянувшейся с перерывами почти 20 лет.

Правивший в то время венгерский король Гейза был женат на внучке Мономаха, умной и энергичной Евфросинье Мстиславовне, которая, как королева венгерская, пользовалась на своей новой родине большим уважением и немалым влиянием. Брак этот дружески сближал Гейзу с его шурином, энергичным и способным южнорусским князем Изяславом Мстиславовичем, который, ведя упорную борьбу за киевский престол со старшей, суздальской линией Мономаховичей, опирался в ней на Венгрию и готового ему помогать Гейзу.

Таким образом, к 1149 г. не только Гейза, но и его родственник Изяслав были врагами византийского императора. В связи с этим Изяслав составил план освобождения от церковного подчинения константинопольскому патриарху. Оба врага Изяслава и, следовательно, Гейзы — князь Юрий Долгорукий и Владимирко, князь Галицкий, — несомненно, были в дружественных отношениях

с императором Мануилом. Дети Юрия Долгорукого через несколько лет нашли благосклонный прием в Константинополе и получили от Мануила в удел города на Дунае¹.

Что касается Владимира Галицкого, то в Византии его считали не только союзником, но и вассалом. Само собою разумеется, что он был врагом и венгерского короля. По словам Киннама, Мануил смотрел на Владимира как на союзника, паходившегося в зависимости от него, — *υποσπονδον*².

В. Г. Васильевский замечает: «здесь — на Востоке, расположение сторон имело такой вид, что каждый за спиной своего соседа и врага имел себе друга и союзника. Византия во вражде с Венгрией и в союзе с Галичем; Венгрия во вражде с Галичем и в союзе с Изяславом Киевским; Галич во вражде с Изяславом и в союзе с Юрием Долгоруким. Из русских летописей мы знаем о деятельном участии, которое принимал король Гейза в борьбе за киевский престол; как в Германии он стоял на стороне врагов Конрада и Мануила, точно так и здесь он боролся против друзей и союзников Византии. Осенью 1149 г. Гейза, вследствие настоятельных просьб своего зятя Изяслава, послал ему на помощь десять тысяч войска и только потому сам лично отказался сесть на коня против Владимира и Юрия, что, по его словам, точно переданным нашей летописью, он был не порожен [не празден], ратен с царем, т. е. императором Мануилом»³.

Уже при князе Всеволоде Ольговиче, настойчиво требовавшем поставления русских епископов, начался конфликт с митрополитом Михаилом, который до того беспрепятственно назначал греков в русские епископии и даже игуменом Киево-Печерского монастыря поставил грека Феодоса⁴.

В результате всех этих столкновений между князем Всеволодом и митрополитом Михаилом последовал решительный шаг со стороны последнего. Среди летописных

¹ Ипатьевская летопись под 1162 г., ПСРЛ, т. II, стр. 91.

² *Cinnami*, ed. Bonn., t. V, cap. 12, p. 236.

³ В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 46.

⁴ А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности имп. Акад. наук», кн. 3, 1897, стр. 327; Макарий, митрополит. История русской церкви, т. II, прилож. 4.

сообщений под 1145 г. мы читаем: «И митрополит Михаил иде Царю-городу»¹. Из прений на Киевском соборе в 1147 г. мы узнаем, что митрополит Михаил перед отъездом дал какое-то рукописание «яко недостойн нам [епископам] без митрополита в святей Софьи служити»². Таким образом, Михаил запретил епископскую службу в Киеве на все время отсутствия митрополита.

Когда киевским великим князем стал Изяслав Мстиславич, то, ввиду создавшегося международного положения, он меньше всего думал о возможности решения распри с греческой митрополлией путем уступок со своей стороны.

Родство с Гейзой и соперничество с Юрием Долгоруким толкали Изяслава на путь вражды и с Юрием, и с Владимиром Галицким, и с самой империей. Поэтому Изяслав решил поставить митрополита из русских русскими епископам, независимо от византийского патриарха. Русским епископам, например черниговскому Онуфрию, уже было ясно, что на основе так называемого канонического права русские епископы могли свободно выбрать своего митрополита. Это и было сделано в 1147 г., когда на соборе русских епископов, по предложению князя, митрополитом был поставлен Климент или Клима, родом из Смоленска, отличавшийся большой ученостью. На соборе не присутствовали лишь епископы-греки: Нестор ростовский, Козьма полоцкий, Нифонт новгородский и Мануил смоленский. Когда после избрания Климана они были приглашены приехать в Киев, чтобы принять участие в его рукоположении, все они отрицали право собора русских епископов ставить себе митрополита без разрешения патриарха, признали выборы Климана недействительными и служение с ним недопустимым. Несмотря на эти возражения, Климент был все-таки посвящен. Но епископ новгородский Нифонт продолжал борьбу против этого посвящения, за что терпел гонения от Изяслава, а от патриарха получал грамоты, в которых последний прославлял его и причислял к святым. В дальнейшем епископ новгородский получил титул архиепископа. Относительно получения Нифонтом нового титула имеется

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 136.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 39.

официальное сообщение, датированное 1149 г.¹ В Никоновской летописи сказано, что этот титул был дан новгородскому епископу только в 1168 г. и за это «даша мнози дары, злато и серебро, и жемчуг. . . Ивату, митрополиту киевскому»².

Но проведенную в Киеве реформу не признавали и русские князья, враги Изяслава: Владимирко Галицкий и Юрий Суздальский со своим союзником Святославом Ольговичем. Первый, как союзник империи, был противником всяких недоразумений с Византией, и реформа Изяслава поэтому никак не могла быть для него приемлемой. Второй, Юрий Суздальский, соперник Изяслава по Киеву, был связан с Комнинами дружественными отношениями и верен традициям дома Мономаха по отношению к империи. Святослав Ольгович к церковному разногласию примешивал ненависть к Изяславу за причиненную ему обиду и плен брата, Игоря. Поэтому когда в 1149 г. Изяслав был изгнан из Киева Юрием Долгоруким, вместе с ним должен был бежать и его ставленник Климент Смолятич. Но в 1151 г. Изяслав с помощью Венгрии снова овладевает Киевом, помпально сажает на киевский престол своего дядю Вячеслава и с тех пор до самой смерти прочно сидит в Киеве, несмотря на неоднократные попытки Юрия изгнать его оттуда. Вместе с ним в Киев на митрополитскую кафедру возвращается и Климент Смолятич.

Когда же после смерти Изяслава в 1154 г. Юрий Долгорукий получил великое княжество Киевское, Климент был свергнут и на его место прислан из Константинополя митрополит Константин, прибывший в Киев в 1156 г. Для встречи нового митрополита приехали в Киев Илфон новгородский, Козьма полоцкий и Мануил смоленский. Остальные русские епископы исчезают со страниц летописи. Они были смещены со своих кафедр, на которых появились другие лица. Первым делом нового митрополита было проклясть память князя Изяслава, поправшего права империи на русскую церковь. Но с этим проклятием Константин несколько поторопился. Когда

¹ И. И. Срезневский. Древнейшие памятники русского письма и языка, стр. 30.

² ПСРЛ, т. IX, стр. 233.

после смерти Юрия Долгорукого сын Изяслава Мстислав передал киевский престол своему дяде Ростиславу, он потребовал обязательно спержения Константина за то, что последний проклял его отца. Для прекращения церковной смуты князья положили низложить обоих митрополитов и послать к патриарху константинопольскому за новым. Патриарх выполнил их желание и в 1160 г. поставил митрополитом грека Феодора. Но политика Ростислава не встретила одобрения на Руси, так как после смерти митрополита Феодора, последовавшей в 1163 г., Ростислав был вынужден послать Горюту Семковича в Константинополь с просьбой «оправить Клима в митрополию». Очевидно, на Руси оставалось много сторонников Климента и общая ситуация была такова, что Ростислав был вынужден изменить свое отрицательное отношение к этому русскому митрополиту. Но в Константинополе узнали о смерти митрополита Феодора и о желании Ростислава добиться признания Климента митрополитом раньше, чем было получено официальное извещение, и приняли свои меры.

Горюта Семкович уже в Олешье встретил нового митрополита, направлявшегося из Константинополя на Русь, и вместе с ним императорского посла, с которым и возвратился к Ростиславу.

Но, несмотря на восстановление права патриарха присылать в Киев митрополита, великие князья соглашались принимать только таких митрополитов, которые были им удобны. Поэтому Ростислав в 1164 г. отправил обратно митрополита Иоанна, присланного патриархом без его воли. Много труда и даров стоило императору Мануилу убедить Ростислава принять Иоанна. Есть известие, что великий князь отвечал императорскому послу: «Если патриарх без нашего ведома вперед поставит в Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановим однажды навсегда — набирать и ставить митрополитов епископам русским с повеления великого князя»¹.

Летописные данные об осложнениях, возникших с прибытием митрополита Иоанна (1164—1166), весьма любопытны.

¹ С. М. Соловьев. История России. Т. I. М., 1883, стр. 725.

В летописи, которой пользовался Татищев, указан приведенный выше ответ князя императорскому посланнику. С. Соловьев отмечает, что этот ответ находится только в своде летописей Татищова. Но доказательством того, что ответ князя был помещен и в других списках, служит его последующее устранение или пропуск в них. Так, Археографическая комиссия свидетельствует, что после слов императорского посла Ростиславу: «аще пришеши с любовью благословение от св. Софии» — во всех списках находится пропуск с пробелом в одном¹.

Карамзин также говорит, что в его экземпляре Киевской летописи в этом именно месте имеется пропуск. Следует подчеркнуть, что это показание вполне согласуется с обстоятельствами того времени.

После отъезда митрополита Михаила в 1145 г. русская церковь, в согласии с желанием великого князя, уже самостоятельно решала вопрос об избрании митрополита. Поэтому вполне естественно, что, снова признавая власть патриарха над русской церковью, Ростислав мог требовать установления предварительного соглашения между князем и патриархом по поводу личности будущего митрополита.

Ростислав, повидимому, уже осуществлял это право при предшествовавшем поставлении митрополита. По поводу прибытия митрополита Феодора летопись указывает: «бяхеть бо посылал по нем князь Ростислав». Надо думать, что если русский великий князь настаивал на предварительном соглашении с Константинополем относительно личности нового митрополита, то русский двор, вероятно, был хорошо информирован о возможных кандидатах, так как в противном случае было бы бессмысленным самое требование Ростислава.

В начале княжения Ростислава умер злейший враг Византии венгерский король Гейза. После его смерти в Венгрии начались распри между сыном Гейзы Стефаном II и братьями умершего короля — Ладиславом и Стефаном.

Император Мануил, поддерживавший Ладислава и Стефана, выступил против молодого короля. Тогда Стефан III заключил союз с врагами Византии, прежде

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 42.

всего с германским императором Фридрихом Барбароссой, а затем с Чехией и Галицким княжеством. Особенно тяжелым для Византии был 1164 год, когда Стефан пошел против Мануила с большим войском, в составе которого находился вспомогательный отряд, состоявший из немцев, русских и чехов. Имеется предположение, что русский отряд был послан Ярославом Осмомыслом, который с 1158 г. начал сближаться с Венгрией.

В 1164 и 1165 гг. Константинополь и Киев несколько раз обменивались посольствами. К этому времени относятся свидетельства летописи об уходе в Константинополь трех сыновей Юрия Долгорукого — Мстислава, Василька и Всеволода, изгнанных их старшим братом и будущим великим князем Андреем Боголюбским, и о том, что византийский император не только гостеприимно их принял, но и дал им в управление области. В частности, Василько получил область на Дунае. Прибытие Василька в Византию вскользь отмечает и Киплам в сообщении о более позднем приходе в Византию князя Владислава.

Рассказывая о посольстве Мануила на Русь в 1165 г. и о происходивших одновременно переговорах с Фридрихом Барбароссой, Генрихом Львом, половцами, султаном и венецианцами, Киплам пишет: «в то же самое время по своему побуждению пришел к римлянам один из владетелей Тавроскифии — Владислав — вместе с детьми, женой и всем войском, и ему была отдана область около Истра, которую до того император дал сыну Юрия Васильку, пришедшему в Византию и занимавшему первое место между племенными князьями Тавроскифии».

Не следует думать, что сыновья Юрия Долгорукого были посланы в Византию самим Андреем, подобно тому как Мстислав послал туда полоцких князей. Тогда они, конечно, не получили бы в управление областей, а находились бы в почетном заключении.

В летописи сообщается только, что Андрей прогнал братьев с уделов и они сами поехали в Константинополь. Возможно, что они имели рекомендации от других князей, которые помогли им уйти в Византию, вероятнее всего, от киевского великого князя Ростислава.

Спокойному и миролюбивому Ростиславу удалось добиться некоторого умиротворения в своих отношениях с волынским и черниговскими князьями. Беспокойный

Иван Берладник умер в Фессалонике в 1161 г. В 1164 г. новгородцы разбили шведов на реке Воронего. В то же время Андрей Боголюбский успешно воевал с камскими болгарами. Улучшились при нем и отношения с Византией. В 1165 г. Византия победоносно закончила войну с Венгрией. Может быть, невмешательство Руси в эту войну и было косвенной причиной победы Мануила над венграми. И после 1165 г. отношения между Византией и Русью оставались дружественными.

Вместо умершего в 1166 г. митрополита Иоанна в следующем году прибыл из Константинополя новый митрополит — Константин, остававшийся русским митрополитом и в 1169 г.

Этими дружественными отношениями объясняются и те важные перемены, которые произошли в судьбе русского монастыря на Афоне в 1169 г.: афонский протат уступил русской Ксилурговой обители запущенный монастырь, посвященный великомученику Пантелеймону. В протатском акте сообщается, что 15 августа, в день празднования богородицы, «в собрание всего духовного сословия и прочего старейшинства в судилище» вошел игумен русской Ксилурговой обители монах кир Лаврентий и просил дать ему для устройства одну из запущенных обителей. Протат дал ему обитель Фессалоникийца, которая была «в старину многолюдна и имела первенствующее значение между второстепенными обителями как по обширности, так и по блеску», с тем чтобы она была «восстановлена, обстроена наподобие крепости, возобновлена и украсилась»¹.

Эта обитель была передана русскому игумену со всем недвижимым имуществом и всеми правами в полное и неотъемлемое владение, за что русские простили протату 30 перперов долга. Эти данные свидетельствуют, что в то время афонский протат был очень внимателен и уступчив по отношению к русскому игумену, и заставляют предполагать о существовании каких-то особых обстоятельств, вызывавших это внимание, в результате чего малая русская обитель стала в один ряд с великими святогорскими монастырями.

¹ «Акты русского на Афоне монастыря Пантелеймона», Киев, 1873, стр. 68—81; В. Мош и н. Русские на Афоне. «Byzantinoslavica», т. IX, ч. 1, 1947, стр. 38.

Для обновления запущенного монастыря Фессалоникийца русский монастырь несомненно должен был располагать солидными средствами. И действительно, те же афонские документы свидетельствуют, что незадолго до того в русский монастырь пришел некий Лазарь, обладавший большими средствами и сделавший крупные пожертвования в пользу монастыря.

Ростислав умер 14 марта 1167 г., во время похода на север. По приглашению киевлян и некоторых князей, прежде всего сыновей Ростислава, в Киев явился Мстислав Изяславович, князь Волынский, уже раньше занимавший столицу и уступивший свои права своему старшему дяде Ростиславу. Но княжение Мстислава было недолговечно. Уже в 1169 г. сильный суздальский князь Андрей Боголюбский послал на Киев дружины одиннадцати князей под начальством своего сына Мстислава. Киев был взят осаждающими и подвергнут страшному разгрому, после которого уже не мог оправиться.

Победитель уступил разгромленный город своему дяде Глебу Переяславскому. Сам же Андрей Боголюбский не захотел переходить из Северо-Восточной Руси на юг.

Отношение нового великого князя, Андрея Боголюбского, к Византии, повидимому, никогда не было доброжелательным.

Андрей Боголюбский не мог хорошо относиться к императору Мануилу, который был союзником его врагов — Ростислава Мстиславовича и Мстислава Изяславовича. Повод для взаимного недовольства давали и церковные дела.

В Никоновской летописи имеется чрезвычайно важное сообщение, что Андрей Боголюбский хотел иметь во Владимире особого митрополита, но ему в этом было отказано. В полном согласии с этим стоит показание Ипатьевской летописи об отношении Андрея к константинопольскому патриарху в связи с вопросом о так называемой леонтианской ереси. О начале этой ереси под 1162 г. рассказывается в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, описывающих столкновение князя Андрея с епископом суздальским Леоном по вопросу о разрешении употребления мяса в среду и пятницу, если в эти дни случатся праздники.

Спор этот дошел до Константинополя. В Лаврентьевской летописи описывается, со слов очевидца, как в присутствии императора Мануила победителем в споре с Леоном оказался Адриан, епископ Болгарии, и как императорские слуги ударили Леопа по шее и хотели утопить в реке за то, что он позволил себе непочтительно прекословить императору. При этом, по сообщению летописи, присутствовали киевский посол, и «суждальский» — Илья, и переяславльский, и черниговский.

Андрей Боголюбский низложил Леопа и отказался возвратить ему епископскую кафедру, несмотря на специальное распоряжение об этом константинопольского патриарха.

При Мстиславе Изяславовиче возникли споры в Киеве об употреблении в пищу сыра, масла и молока в среду в праздники.

Мнение, высказанное игуменом печерским Поликарпом, было поддержано некоторыми епископами и князьями, но встретило противодействие со стороны митрополита. Созванный по этому случаю Мстиславом Изяславовичем в Киеве церковный собор не мог прийти ни к какому решению. По этому поводу Андрей Боголюбский писал Мстиславу, что митрополита Константина следует свергнуть и русские епископы должны выбрать нового, а затем рассмотреть дело беспристрастно на соборе, причем указывал, что зависимость от константинопольского патриархата тяжела и предна для Руси. Любопытно, что нерасположение к митрополиту-греку проявилось в Лаврентьевской летописи, в которой высказывается мысль, что разгром Киева войсками Боголюбского был божьим наказанием за грехи киевлян, и, в частности, за несправедливость митрополита, выступившего против Поликарпа печерского¹.

В летописи нет упоминания о том, что Андрей после своей победы пытался осуществить советы, которые давал Мстиславу. Он примирился с решением константинопольского патриарха, отказавшего ему в разрешении иметь особую митрополию во Владимире.

И когда с этим решением не захотел примириться епископ Феодор, Андрей отослал его насильно в Киев,

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 149—151; т. II, стр. 91.

где митрополит Константиин, о котором было сказано выше, приказал отрезать ему язык, отрубить правую руку, выколоть глаза, обвинив его во всевозможных преступлениях¹.

Мы уже говорили, что в наиболее близких отношениях с Византией находилось Галицкое княжество, которое уже вследствие своего географического положения легче, чем другие русские княжества, могло оказывать Византии военную помощь. И действительно, Галицкое княжество было весьма активным союзником Мануила в борьбе против венгерского короля Гейзы. Отчасти благодаря содействию галицкого князя Владимира война Мануила с Венгрией закончилась благоприятно для Византии. Что же касается его преемника — Ярослава Осмомысла, то он не всегда оставался верен традиционной дружбе галицких князей с Византией.

Зимой 1165 г., перед нападением на Венгрию, Мануил решил обратиться к Германи и Русь с тем, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе против Венгрии. «В Тавроскифию, — по словам Киннама, — отправился некто Мануил, производящий свой род от Комнинов. Он должен был напомнить правителю руссов о заключении с императором договора и упрекнуть за дружбу к галицкому князю Ярославу, нарушителю договора с Византией, гостеприимно приютившему у себя бежавшего из византийской тюрьмы Андроника»².

Далее, Киннам передает, что вышеупомянутый посол царя Мануила просил помощи против Венгрии у двух князей тавроскифов — сперва у какого-то Примислава, а затем у Ростислава (очевидно, великого князя киевского), и достиг своего: польщенные посылкой знатного посла, русские князья будто бы на все согласились³.

Наконец, рассказав об обращении императора с письмом к Ярославу галицкому, также написанным с целью отторжения его от Венгрии, историк еще раз говорит о том, что правитель Киевской Руси (назван тут и город «Кнама») клятвенно обещал императору участвовать в войне против Венгрии⁴.

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III, стр. 168.

² «Speculum», vol. VII, № 3, 1932; Cinnami, p. 232.

³ Cinnami, p. 235.

⁴ Nicetas Choniati, ed. Bonn, t. II, p. 169.

Кто был Мануил из рода Комнинов, посланный на Русь, неизвестно. Из родни императора Мануила нам известен только один князь, носивший это имя, — сын знаменитого Андропика, родоначальника трапезундских императоров, по словам Никиты Хонната, помогавший своему отцу бежать из тюрьмы. Однако едва ли, пменнс ввиду той роли, которую он играл, здесь может идти о нем речь¹.

Нет сомнения, что, упоминая и называя русских князей, Кипнам допускает путаницу. У него не было точных сведений о том, с кем на Руси имел дело Мануил, он писал понаслышке. Отсюда — путаница и повторения, обнаружившие его плохое знание отношений с Русью. В приведенных им известиях речь может идти только о двух князьях (не считая Ярослава Галицкого), из которых первое место должно принадлежать тогдашнему великому князю киевскому Ростиславу Мстиславовичу, вторично занявшему киевский престол в 1159 г.

О нем, очевидно по недоразумению, Кипнам говорит трижды: в начале, приписывая ему дружбу с Ярославом галицким, во второй раз называя его по имени как влаетителя Руси и в третий — рассказывая еще о князе всей Киевской Руси. Из русской летописи мы узнаем, что как раз перед этим великий князь Ростислав действительно находился в сношениях с Византией по поводу назначения киевским митрополитом грека Иоанна².

Эти-то «дружеские» отношения и имелись в виду, вероятно, при новой политической миссии к Ростиславу. Упрек в дружбе к галицкому князю также вполне мог относиться к Ростиславу, ибо, как известно, он в союзе со Святославом Ольговичем черниговским не раз пользовался галицкой помощью в своей борьбе с Изяславом Давидовичем³.

Но, кроме киевского великого князя, императорский посол Мануил был, повидимому, еще у какого-то русского

¹ Ibid., p. 239. Об этом Мануиле см. А. А. Кулик. Основание Трапезундской империи. «Уч. зап. имп. Акад. наук», т. II, стр. 709—711; К. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889, стр. 327; С. П. Шестаков. Византийский посланник на Русь Мануил Комнин. Сб. статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913.

² Ипатьевская летопись под 1164 г., ПСРЛ, т. II, стр. 92.

³ Там же, стр. 86—91.

князя, который тоже обещал свое содействие. Киннам рядом с Ярославом называет какого-то Примислава (Πριμισλαβος).

Такого князя на Руси мы не знаем. Грот высказывает предположение, что здесь имеется в виду племянник Ростислава Мстислав Изяславович, князь волынский, которому Ростислав был обязан киевским престолом¹. Он был племянником венгерской королевы Евфросинии и при жизни отца, Изяслава, находился в близких и частых сношениях с Венгрией, сам неоднократно бывая там. Он поддерживал добрые отношения с галицким князем, приводя галичан на помощь своему дяде, и, несомненно, был на Руси крупной силой, так что, естественно, император Мануил старался и его привлечь на свою сторону.

Из русских князей, ближайших соседей Венгрии, был еще один, завербовать которого в союзники Мануилу было особенно важно, так как он был тогда наиболее близко связан с венгерским королем. Это был галицкий князь, знаменитый Ярослав Осмомысл, в далеком прошлом помогавший Венгрии в борьбе против Византии и в то время посватавший свою дочь за молодого венгерского короля. Мануил был очень недоволен Ярославом как за его сближение с венграми — он считал это нарушением тех вассальных отношений к нему, в которые некогда стал Владимирко, — так и за другой его проступок: за гостеприимный приют, оказанный им его двоюродному брату Андронику, незадолго перед тем бежавшему из заключения. Но, опасаясь усиления Венгрии союзом с галицким князем, император решил в целях полного изолирования своих врагов попытаться склонить на свою сторону и галицкого князя, употребив для этого специфически византийское средство. Он написал письмо Ярославу, в котором, как бы платя добром за зло, т. е. за его недоброжелательство, предостерегал его от угрожавшего ему унижения: старался, насколько возможно, очернить и оклеветать венгерского короля и отговорить Ярослава выдавать свою дочь за такого дурного, легкомысленного и безнравственного человека, для которого не существует ни правды, ни закона, который с будущей

¹ К. Г р о т. Указ. соч., стр. 329—330.

женой своей станет в такие же отношения, как и со всякой распутной женщиной. По словам Киннама, Ярослав «в невежественной простоте своей попался на удочку императора, стал смотреть на Стефана Гейзпха, как на врага, и обещал всякую помощь ромеям»¹.

Было ли это действительно так, неизвестно. Во всяком случае, в этих словах Киннама сказались все высокомерие и хвастливость византийца XII в. Инсинуация Мануила, повидимому, все-таки возымела какое-то действие. Предполагавшийся брак расстроился. Быть может, повлиял на галицкого князя пример других русских князей. Если он и не оказал активной помощи императору, то по крайней мере, воздержался от предоставления помощи венграм. Но, расстраивая русско-венгерские отношения, Мануил тем самым подготовил союз Венгрии с немецким государством и помог укреплению ее связей с Западом.

Ярослав Галицкий возбудил недовольство императора, между прочим, и тем, что дал у себя приют знаменитому Андроннику. Андронник был в родстве с галицким князем. Они приходились двоюродными братьями, если только мать Андронника была действительно, как предполагают, сестрой князя Владимира². Во всяком случае, Андронник и Ярослав были родственниками, и потому не удивительно, что Андронник бежал в Галицию и был там принят по-родственному. Бегство Андронника в Галицию, сопровождавшееся различными приключениями, подробно описано византийскими хронистами³.

Это бегство, о котором сохранились свидетельства и в Киевской летописи, следует отнести еще к 1164 г. (осени), хотя летопись отмечает это событие под 6673 г. (1165 г.), быть может потому, что возвращение Андронника в Византию произошло, повидимому, уже в начале этого года.

По дошедшим до нас известиям, Андронник был принят Ярославом с распростертыми объятиями, «с великою любовью» и получил от него доходы с нескольких городов

¹ Сиппани, р. 235.

² Володарь Ростиславович (отец Владимира) выдал свою дочь «за царевича за Олексинича» (Ипатьевская летопись под 1104 г.). Здесь должно разуметь одного из братьев: Андронника или Исаака.

³ Сиппани, р. 232—239; Nicetae Choniati, t. IV р. 168—172.

на свое содержание; он принимал деятельное участие не только в пирах и развлечениях Ярослава, не только в княжьей охоте на диких зубров, в которой особенно отличался, но даже в совещаниях с боярами¹. Но пробыл он у Ярослава не очень долго, так как Мануил, примирившись с ним, вызвал его обратно.

Он считал свою размолвку с Андроником делом весьма невыгодным и даже опасным, тем более что уже ходили какие-то слухи, будто последний затекает вторжение в византийские пределы, для чего собирает скифскую конницу. И вот Мануил предложил ему примирение и через послов пригласил его вернуться на родину, на что тот и согласился. После взаимных дружеских заверений император по-братски принял Андроника².

Это свидетельство вполне подтверждается и русской летописью, в которой рассказывается под 1165 г., что император прислал в Галич посольство с двумя митрополитами во главе для приглашения к себе Андроника, что князь Ярослав, который служил, вероятно, посредником в этом деле, «с великой честью» отпустил своего гостя в сопровождении галицкого епископа Космы и знатных бояр³.

Говоря об отношениях с Русью, Киннам сообщает еще одно известие, дополняющее сведения, имеющиеся в наших летописях. Это известие, относящееся к тому же времени, о добровольном прибытии в Византию со всем семейством и дружиной какого-то русского князя Владислава. Мануил дал ему Придунайскую область, которой перед этим владел Василько, сын Юрия Долгорукого. О Владиславе из русских источников ничего не известно, но об удалении из Византии детей и жены Юрия Долгорукого (не только одного Василька) мы знаем из летописи⁴.

Долгое и по внешности блестящее правление Мануила закончилось, однако, печально. Мануил не умел вникать

¹ Ипатьевская летопись под 1165 г.: «Прибежа из Царьграда братан царев юор Андроник к Ярославу у Галичь». См. А. Купчик. «Уч. зап. вып. Акад. наук», т. II, стр. 716, 721. Купчик относит пребывание Андроника к 1164 г., основываясь на том, что за этот период Киевская летопись уходит одним годом вперед, как это показали еще Погodyn.

² Nicetae Choniati, p. 172—173; Cinnami, p. 246.

³ Ипатьевская летопись под 1165 г., ПСРЛ, т. II, стр. 359.

⁴ Ипатьевская летопись под 1162 г., стр. 357.

в насущные потребности и интересы государства и народа, а увлекался широкими политическими задачами и мечтами о расширении границ империи на западе и севере, тратил на осуществление их все силы и средства, а в конечном итоге достиг результатов, противоположных тем, которых добивался.

Мы уже отмечали, что, поглощенные беспрерывными войнами, Комнины так организовали внешнюю оборону империи, что права и средства центрального правительства постепенно и незаметно переходили в руки феодализирующейся знати, а в городах — в руки венецианских и других латинских купцов. Последствия этого отчетливо сказались после Мануила.

Попытка создания демократической монархии и изгнания латинян, предпринятая Андроником, оказалась неудачной. Следствием роста силы и независимости крупных землевладельцев, в руках которых сосредоточились и земли, и власть над крестьянами, и военная сила, было резкое ослабление государства, которое начало распадаться на ряд самостоятельных феодальных владений. Византийские императоры конца XII в. не были даже в состоянии воспрепятствовать передаче в наследство управления теми или иными провинциями. Так, например, Добромир Стрец, или Хрис, начальник пограничных войск в Струмице, с помощью болгар отложился в 1199 г. от Византии, в своей неприступной позиции в горных районах верхнего и среднего Вардара оказал успешное сопротивление Алексею III и сохранил свои области в виде лена. Значительной самостоятельностью пользовались в своих владениях Враны и Калтакузины, Петралиффы в Этолии, Мелиссы в Фокиде и Мессении, Каматиры в Лаконии. Как мало отличались эти греческие архонты от современных им западноевропейских баронов, видно на примере павлийского архонта Льва Сгура, который вел настоящую войну с императором Алексеем III (в 1202 г.) и отнял у него два города — Аргос и Коринф.

В Трапезунте Комнинам уже трудно было бороться с тенденцией местных правителей сделать свои должности наследственными. Трапезунт отделяется от остальной империи и становится владением армянского рода Габров.

В конце XII в. Болгария поднимает движение за освобождение от ига Византии, причем в результате героической борьбы болгарского народа в 1201 г. ей удалось добиться от Византии признания своей независимости.

В своей освободительной борьбе болгары получали поддержку русской придунайской вольницы. Об этом свидетельствует Никита Хониат в речи, произнесенной при дворе в 1190 г. Весенний поход этого года на болгар был несчастнейшим и позорнейшим из всех византийских походов периода образования Второго болгарского царства. Он закончился почти полной гибелью всего византийского войска в Хашкнойском проходе Балкан. Никита Хониат, который должен был в своей речи прославлять военные подвиги императора, вышел из затруднения, остановившись на более благополучном для Византии походе 1186 г. В той части речи, где говорится о сражении 1186 г., сказано: «куманы, народ доселе непоработанный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь русских, народ, любезный богу войны, оказавшие помощь балканским варварам, склонились вместе с ними, побежденными, и погбли»¹. Таким образом, не может быть сомнения, что вместе с куманами помогали болгарам и русские. Останавливают на себе внимание слова историка: *οἱ ἐκ βορβόνης*. По справедливой догадке Ф. И. Успенского, византийский писатель говорит здесь о довольно известных в XII—XIII вв. бродниках. Его свидетельство позволяет нам заключить, что в XII в. они жили, между прочим, и на Дунае и принимали участие в происходившей тогда борьбе на Балканском полуострове. В русской летописи известие о бродниках восходит к первой половине XII в. Так, во время борьбы Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем в 1147 г., бродники упоминаются в качестве союзников Святослава².

Затем известия о них встречаются на протяжении всего XII в., а также и в XIII в. В 1223 г. воевода бродников обманул русского князя Мстислава Романовича³. В пер-

¹ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Приложение. Одесса, 1879, стр. 35—36.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 39.

³ ПСРЛ, т. III, стр. 40.

вой четверти XIII в. название «бродники» встречается в Трансильвании и Молдавии.

Таким образом, русские народные массы помогали восставшим болгарам, тогда как южнорусские князья оказывали существенную помощь византийскому правительству своими походами на половцев. М. Д. Приселков преувеличивает степень воздействия византийской дипломатии на южнорусских князей, представляя дело так, будто русские князья предпринимали в конце XII в. свои походы на половцев по просьбе византийского правительства и чтобы выручить Византию¹. Между тем известно, что, независимо от Византии, постоянная борьба со степными кочевниками была для Руси давней и жестокой необходимостью. Таким образом, эти походы предпринимались бы даже в том случае, если бы Византии и не существовало. Но верно то, что византийское правительство и при посредстве киевского митрополита и другими путями стремилось воздействовать на русских князей, чтобы они ударом на половцев отвлекли их от оказания помощи восставшим болгарам.

В 1200 г. половцы совместно с болгарами произвели вторжение в пределы Византии и, разорив лучшие районы страны, безнаказанно удалились.

По словам Никиты Хониата, они явились бы у ворот самой столицы, если бы не пришла помощь с севера. «Галицкий князь Роман, — пишет Никита, — собрав неожиданно большое и храброе войско, пошел на землю половецкую и без всякого труда разорил ее»². Этим он и оказал помощь ромеям, находившимся в чрезвычайно опасном положении. Русский народ выступает теперь у византийского историка с эпитетом народа «христианнейшего».

Далее, выясняется, что в 1200 г. в Византии был галицкий посол, при посредстве которого, вероятно, византийский император и просил о помощи у русских князей. К тому же, по сообщению Никиты, были направлены и проповеди киевского митрополита. С этой же целью представители династии Ангелов устраивали брачные

¹ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения IX—XII вв. ВДИ, № 3 (8), 1939, стр. 109.

² Nicetas Choniati, p. 691—692.

союзы с русскими князьями. Так, в 1193 г. внука Святослава киевского вышла замуж за одного из членов этой династии.

Но помочь Византии в начале XII в. было уже нельзя. От русских, приезжавших в Византию в то время, не могло укрыться, что помощь ей была делом трудным и даже невозможным.

Русский путешественник, посетивший Константинополь накануне его разгрома, закончил описание находящегося в нем церковных святынь следующим любопытным наблюдением: «От Греческого моря и до Руського моря есть попов 40 тысяч; а кроме монастырских, а монастырей 14 тысяч, а у святыне Софии 3 тысячи попов: пятьсот ругу емлют»¹.

Таким образом, будущего новгородского архиепископа больше всего поразило обилие в Константинополе монастырей и монахов. Известие русского паломника подтверждается также западноевропейскими и византийскими авторами. Писатель конца XII в. Евстафий Фессалоникский говорит, что Константинополь его время был переполнен монастырями. Они окружали его как бы кольцом². Когда Константинополь был завоеван латинянами в 1204 г., западные рыцари были поражены громадным количеством монастырей, находившихся внутри и вне столицы. По словам Роберта де Клари, столичные монастыри невозможно было сосчитать; что касается монахов, то общая цифра их в одной столице доходила до 30 тыс.³ Из этого можно сделать вывод, что попытки лучших византийских правителей приостановить рост монастырей кончились полной неудачей. Это засилье церковников не могло благоприятствовать обороне империи, которая и без того была подорвана исчезновением мелкого свободного крестьянства и бесконтрольным господством коррумпированного константинопольского чиновничества.

¹ П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стр. 174.

² Ed. Migne, PG, t. 125, col. 798.

³ Robert de Clary. La conquête de Constantinople, p. 71.

Глава XI

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В XIII—XIV вв. (ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ МОНГОЛОВ)

В XIII в. и Русь и Византию постигли тяжелые бедствия: разгром Византии крестоносцами во время IV крестового похода и татарское нашествие на Русь. Но хотя Русь испытала несравненно более тяжелое бедствие, чем Византия, она все же смогла его выдержать и от него постепенно оправиться. Для Византии же удар, нанесенный ей крестоносцами, оказался смертельным.

В 1204 г. Византийская империя, являвшаяся искусственным конгломератом многих племен и народностей, представлявшая временное и непрочное военно-административное объединение, распалась. Константинополь — огромный город с превосходной системой укреплений, миллионным населением, который не был изурен продолжительной осадой, не чувствовал недостатка в вооружении и припасах, не переживал в то время пароксизма внутренней борьбы, сделался легкой добычей каких-нибудь двух-трех десятков тысяч крестоносцев. Не храбрость крестоносцев, не мудрость составленных вождами крестоносного ополчения планов была причиной его гибели. Он пал от равнодушия константинопольских народных масс к его судьбе. Византийские феодалы и бюрократы, которые веками угнетали народ, но не могли защитить его интересы даже пред лицом мелких итальянских торговых республик, во время осады Константинополя не находили поддержки у масс городского населения; впрочем, они ее и не искали. Не случайно, что в период первой осады и штурма Алексея III поддерживали византы, сражавшиеся за него на городских стенах, а не ромей, его подданные. Византийский исто-

рик Никита Хонпат с горечью рассказывает, как простой народ и ларики со злорадством смотрели на бедствия византийских дпнатов после занятия города крестоносцами.

Константинополь был страшно опустошен и разграблен латинянами, и на развалинах Византии была основана Латинская империя. Территория империи была разделена между венецианцами, Балдуином Фландрским, Боппацем Мопферратским и более мелкими латинскими феодалами. Венецианцы получили берега Адриатики, порты в проливах, ведущих к Черному морю, и острова Эгейского моря. Латинская империя, просуществовавшая 57 лет (1204—1261), была очень слабым государством и явилась только мимолетным эпизодом в бурной истории стран Ближнего Востока.

Самый способ, которым была завоевана Византийская империя и организовано латинское феодальное государство, свидетельствовал о педальновидности крестоносцев. Если они рассчитывали прочно утвердиться в Византии и сделать Константинополь центром своего государства, то разрушать его — значило грабить самих себя.

Крупной ошибкой завоевателей был вызванный ими конфликт с Болгарией, принесший им одни поражения. Попытка Балдуина остановить продвижение болгарского царя Иоанница (Калояна) во Фракии закончилась полным разгромом крестоносцев болгарами и половцами в битве под Адрианополем в 1205 г.; где была перебита большая часть крестоносного ополчения и взят в плен сам Балдуин.

Окончательно подорвала положение завоевателей их неспособность установить сколько-нибудь спосные отношения с туземным, греческим населением. Начавшееся уже при Ангелах разложение централизованного государства способствовало тому, что отдельные области империи, уцелевшие во время катастрофы, обнаружили способность сопротивляться завоевателям и пенавистному католическому духовенству. Во главе сопротивления стали члены императорской фамилии, влиятельные крупные землевладельцы. Из вождей, поднявших в разных областях знамя восстания против владычества латинян, трое оказались в состоянии образовать устойчивые центры сопротивления. Первым из них был спасшийся бегством

в Малую Азию Феодор Ласкарис. Он был провозглашен императором в византийских владениях Малой Азии и сделал своей резиденцией город Никею. Туда же спасались представители гражданской и военной знати и видные деятели церкви. Неоднократные попытки Генриха Фландрского завоевать малоазиатские византийские области, чтобы поделить их на провинции и феоды, были отражены Ласкарисом и окончились безрезультатно.

Одновременно образовалась так называемая Трапезунтская империя. Решающую роль в ее создании играла Грузия. Во главе Трапезунта становятся не местные архонты, а отпрыски династии Комнинов. Малолетние внуки императора Андроника, сыновья Мануила Алексей и Давид при изложении их деда были спасены и увезены в Тбилиси, ко двору знаменитой грузинской царьцы Тамары (1184—1213), дочери грузинского царя Георгия III.

Тамара находилась в отдаленном родстве с Комнинами и покровительствовала этой фамилии, тогда как с династией Ангелов отношения у нее были враждебные. Первый муж Тамары, буйный русский князь Георгий Андреевич, сын Андрея Боголюбского, будучи изгнан из Тбилиси, дважды находил приют и помощь в Константинополе. Тамара вырастила при своем дворе внуков изложенного Ангелами Андроника. Они служили орудием ее политики. За событиями в Константинополе Тамара зорко следила. Судя по известиям грузинских источников, незадолго до взятия Константинополя латинянами Тамара выслала войско из Имеретии в византийские пределы; она завоевала Понт, Пафлагонию и Лазикку с городами Трапезунтом, Самсуном, Синопом и отдала эти земли своему родственнику Алексею Комнину.

По византийским источникам, царевичи Алексей и Давид выросли при дворе Тамары; получив от Тамары войско и захватив с собой фамильные сокровища, они решили завладеть византийскими землями, как своим законным достоянием. Старший, Алексей, взял Трапезунт и всю его округу, до Самсуна, без сопротивления со стороны местных властей. В трапезунтской хронике Панарета сказано кратко, что в апреле 1204 г., т. е. во время штурма Константинополя крестоносцами, из Иверии прибыл великий Комнин, государь Алексей, 22 лет от роду, и занял

трапезунтский престол¹. Хотя троном византийских императоров в Константинополе овладели западные рыцари, но херсонесская тема осталась византийской и вошла в удел трапезунтских Комнинов, как об этом свидетельствует «Слово Лазаря Трапезунтского о чудесах св. Евгения»².

На западе Балканского полуострова образовалось третье самостоятельное греческое владение. Родственник Алексея III Михаил Ангел был принят в качестве правителя (деспота) городами Эпира. Собрав ополчение воинственных албанцев, он успешно отражал нападения латинян из Афины и Фессалии, а его брат и преемник Феодор завоевал латинское королевство в Фессалонике. Два соседних государства — Второе болгарское царство при Калояне и Иоанне Асене II и Иконийский сельджукский султанат — неоднократно делали попытки использовать распад Византии для расширения своих владений. Поэтому весь XIII век наполнен постоянными столкновениями между всеми этими государственными образованиями в самых разнообразных сочетаниях: то византийцы боролись против пришлых латинян, турок и местных славянских народов, то византийские вожди вступали в борьбу между собой, то латиняне воевали с болгарами.

Беспрерывные военные столкновения сопровождались непрочными мирными договорами, союдами, коалициями, которые легко заключались и так же легко расторгались.

В период Второго болгарского царства связи Руси с Болгарией, несомненно, усилились. После смерти болгарского царя Калояна (1207 г.) его наследник Иоанн Ангел с братом Александром бежали в русские земли, где нашли временный приют. Византийский историк Георгий Акрополит пишет: «первый царь болгарский Асан имел двух сыновей — Иоанна и Александра. Первый из них в то время, когда болгары управлял упомянутый уже нами Борил, бежал в страну руссов, прожил здесь довольно долго и, собрав несколько русских дружин, начал добиваться отцовского наследия, вступил

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи. Т. III. М.—Л., 1948, стр. 600—601.

² «Johannis Lazaropuli miracula s. Eugenii» — в кн. А. Падодуло-Керамевс. Очерки по истории Трапезунтской империи. СПб., 1897, стр. 117.

в борьбу с Борилой, победил его и стал обладателем довольно обширной страны. Между тем Борила окопался в Тырнове и в продолжение 7 лет выдерживал осаду. Потом бывшие с ним изнемогли и продались Асанову сыну. Обратившись в бегство, он [Борила] был схвачен и ослеплен Иоанном, который таким образом сделался обладателем всей Болгарии»¹.

Из слов Акрополита мы узнаем, что Иоанн с 10 лет находился в русских землях, а затем вернулся из изгнания с отрядом русских и сверг узурпатора Борилу. Этот факт свидетельствует о постоянстве и прочности вековых связей русских с южными славянами.

С упадком Киева на Русь на первый план выдвигаются земли Ростово-Суздальская, Новгородская и Галицкая, в каждой из которых вырабатывалось своеобразное политическое устройство.

Расположенная на удобных речных путях, непосредственно связанная на северо-западе с Новгородом, на востоке с Болгарским ханством, имевшая полную возможность по речным системам сноситься с Югом и Юго-востоком (Волжский и Донской пути), Ростово-Суздальская земля располагала весьма благоприятными возможностями для дальнейшего своего развития². Этот край стал особенно энергично развиваться благодаря проходившим в XII—XIII вв. переменам в хозяйственном положении Западной и Южной Европы — перемещении в связи с крестовыми походами торговых путей, которые прошли мимо Киева. Эти новые торговые пути вызвали также большое оживление в итальянских, французских и немецких городах. А это, в свою очередь, дало толчок к дальнейшему росту Новгорода, подняло значение Крыма, превратив его в базу генуэзской торговли с восточной Европой и, в частности, с Ростово-Суздальской землей. Развитие производительных сил здесь сказалось в росте новых городов, которые по своей общественной структуре значительно отличались от городов старых. Соотношение общественных сил весьма способствовало усилению здесь княжеской власти. Элементы, враждебные старому бо-

¹ «Летопись великого логофета Георгия Акрополита». Пер. Н. Троицкого. СПб., 1863, стр. 38.

² В. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 183.

ярству, в борьбе с княжеской властью создали новые, широкие возможности, осуществление которых выдвинуло Владимиро-суздальское княжество на первое место среди других русских земель.

Всеволод, владими́ро-сузда́льский вели́кий князь, за многолетность прозванный Большим Гнездом (1176—1212), пользовался по всей Руси таким же авторитетом, как Владимир Мономах. В расприх за обладание киевским престолом князья обращались к его решению. Он распространял свое влияние даже на далекий Галич.

Галицкое княжество, расположенное по склонам Карпат, на дороге из Руси в западные страны — Польшу, Венгрию, Чехию и Германию, и находившееся в безопасности от половецких набегов, стало самой богатой из русских областей. Обладавший полнотой власти в делах внешней политики, Ярослав Осмомысл должен был, однако, во внутренних делах уступать боярам, которые, по примеру соседних, западных стран, держали себя самостоятельно и гордо, как феодальные сеньоры.

Сын Ярослава Владимир был вынужден бежать от своеволия бояр к венграм, но венгры посадили в Галиче своего королевича. Владимир обращался за помощью к Фридриху Барбароссе, Казимиру польскому, Всеволоду владими́ро-сузда́льскому. Всеволод отправил послов в Польшу и ко всем русским князьям и взял с них присягу не претендовать на Галицкое княжество. В 1199 г. Волы́нское и Галицкое княжества объединил волынский князь Роман (1199—1205), который постоянно вел борьбу с боярством. Опираясь на силу и союз тех слоев общества, которые особенно страдали от непрерывных феодальных войн, Роман пробовал распоряжаться и в Киеве, где нашел опору в киевских впазх и купечестве. Но боярство не было им сломлено. Галицкий князь Давид также должен был всю свою жизнь вести борьбу с боярством. Положение Галицко-Волынского княжества в этот период характеризуется не только остро выраженной борьбой классов, но и борьбой с сплывными соседями — поляками, литовцами, венграми, которых сами князья галицкие и волы́нские втягивали в свои дела и которые не скрывали своих притязаний на галицко-волы́нскую территорию.

В Новгороде успело образоваться два слоя богачей: боярство и купечество, с явным преобладанием влияния

бояр. Нигде на Руси в это время не было боярства более могущественного. Бояре использовали свою силу и политически: вынужденные считаться с городской массой они все же захватили в свои руки власть и превратили Новгород в боярскую республику.

В конце 30-х годов XII в. Новгород стал республикой, в которой князю было отведено более чем скромное место. Положение Новгорода стало труднее, когда усилились князья суздальские, которые находились ближе к Новгороду, чем киевские, владели важными для новгородской торговли полами между Озерным краем и Верхней Волгой с городами Торжком и Волоколамском, и всегда могли прекратить подвоз хлеба, столь необходимый для лесной, мало плодородной области. Всеволоду Большое Гнездо удалось, задерживая в Торжке новгородские товары и самих купцов, покорить своей воле Новгород и посадить там одного из своих многочисленных сыновей. Сын Всеволода Юрий повторил попытку отца подчинить Новгород, посадив своего младшего брата Ярослава в Торжке. Но новгородцам помог сын старого противника владимиро-суздальских князей Мстислава Храброго Мстислав, князь Торонецкий (Торонец — один из городов Смоленского княжества). В 1216 г. у местечка Липицы, близ города Юрьева, Мстислав и новгородцы одержали блестящую победу над двумя младшими Всеволодовичами — Юрием и Ярославом. После того беспокойный и непоседливый Мстислав ушел на другую окраину Руси — в Галич. Даровитый и отважный, этот князь вел жизнь страстного рыцаря, отстаивая старинные обычаи, но нигде не создал ничего прочного. Ослабив суздальских князей, липицкая битва еще более разъединила интересы Севера и Юга. Новый, страшный враг с востока застал русскую землю совершенно раздробленной.

В тот период, когда Византия прекратила свое существование, источники сообщают мало сведений о сношениях Руси с Никейской империей. После разгрома Византии крестоносцами Руси было легко добиться церковной независимости от Византии, как ее добилась Болгария в период восстановления самостоятельности. Но на Руси этого не произошло. Несмотря на феодальную раздробленность, на Руси продолжала существовать

единая киевская митрополия, подчинявшаяся Никейскому патриархату. Это шло в разрез со стремлениями римской курии, которая, ссылаясь на то, что центр православной церкви пал и захвачен католическими крестоносцами, прилагала все усилия для вовлечения Юго-Западной и Северо-Западной Руси в церковную унию с целью латинизации русских земель. Это должно было облегчать завоевание их крестоносцами. Однако русские князья, видимо, хорошо это понимали. Поэтому они решительно отклонили домогательства курии, считая более целесообразным поддерживать церковно-политические отношения с никейским (византийским) патриархом.

В этот период в наших летописях встречаются имена митрополитов: Матвея, упоминаемого в первый раз в 1210 г. и умершего 22 августа 1220 г., Кирилла, поставленного в январе 1224 г. и умершего в 1233 г., Иосифа, прибывшего в 1237 г. и затем более не упоминаемого.

Лаврентьевская летопись выражается странным и необычным способом о появлении на кафедре предпоследнего нашего митрополита в период домонгольский. В ней сказано: «в лето 1224-е поставлен бысть митрополитом в святой Софье, Кieve, блаженный Кирилл Гречин месяце январе 6 в праздник богоявления».

Дело в том, что о всех других митрополитах-греках летописи употребляют выражение не «поставлен», а «приде». Это приводит к мысли, что Кирилл был поставлен в самой Руси, и во всяком случае выдвинут на Русь, хотя потом, быть может, формально и был утвержден в Никее. О том, что при его поставлении все же не обошлось без Никей, говорит новгородский летописец. Под 1233 г. в летописи записано: «том же лете преставися блаженный митрополит всея Руси киевский именем Кюрил; родом гречин бо, приведен бысть из Никоя». Митрополит Кирилл, предпоследний в домонгольском периоде был, по отзыву летописи, «учителен зело и хитр ученью божественных книг»¹.

Приходили на Русь из Византии и другие церковники. Так, под 1217—1218 гг. сообщается о прибытии к великому князю Константину епископа, принесшего ему мощи

¹ Лаврентьевская летопись под 1224 г. ПСРЛ, т. I, стр. 190.

святых, в честь которых было установлено церковное празднование¹.

Остальные летописные данные о русско-византийских отношениях того времени сводятся к следующему. Под 1206 г. упоминается греческий прорицатель Василий при великом князе Данииле. По сообщению I Новгородской летописи, в 1211 г. пришел из Константинополя Добрыня Ядрейкович и «привезе с собой гроб господень». Очевидно, он пользовался в Новгороде большим влиянием, так как в том же году был поставлен архиепископом новгородским под именем Антония². К 1213 г. приурочивается основание Почаевского монастыря греком Мефодием³. В 1220 г. ходил на Афон киево-печерский архимандрит Досифей (Феодосий), написавший сочинение о жизни афонских монахов. В 1228 г. псковичами отправлен какой-то грек в Новгород в качестве посла. В 1228 г. была прислана грамота патриарха никейского Германа о непоставлении рабов в священнический сан.

Мы охарактеризовали отношения, в которых находились главнейшие части распавшегося Киевского государства в момент появления монголов в нашей стране.

Время, о котором идет речь, было на Руси разгаром усобиц, высшим подъемом «всеобщей» путаницы⁴.

И, к несчастью для Руси, именно в этот момент появился в нашей стране монгольские полчища. В то время как монгольское войско было огромно по численности и подчинялось единому командованию, среди русских феодальных княжеств наблюдалась полная разобщенность.

Разрозненные русские феодальные «полугосударства» были бессильны оказать успешное сопротивление многочисленному и по-своему хорошо организованному врагу. Эти условия разобщенности, для устранения которых ничего не было сделано даже после такого серьезного урока, как поражение при Калке в 1223 г., были главной причиной столь успешного наступления монгольских войск на Восточную Европу.

¹ Лаврентьевская летопись под 1218 г., ПСРЛ, т. X, стр. 79—82.

² ПСРЛ, т. III, стр. 31.

³ Х. Лопарев. Греки и Русь. СПб., 1898, стр. 28.

⁴ Ф. Энгельс. Неопубликованная рукопись. «Пролетарская революция», № 6, 1935, стр. 137.

В 1236—1238 гг. татаро-монголы в кровопролитных боях победили половцев и опустошили земли рязанские и владимирские. В условиях, когда «ни один от князей друг другу не поиде на помощь», русские города, защищаемые горожанами и крестьянами из окрестных деревень, героически гибли в одиночку, изматывали силы татаро-монголов, нанесли им значительный урон и задерживали их в пределах Руси. К началу 1240 г. после героического сопротивления пали Козельск, Чернигов и Переяславль, а в конце 1240 г. татарами был взят и разгромлен Киев. Из Киева татаро-монгольские войска Батыя двинулись на юго-западную Русь. «Копьем» были захвачены Владимир-Волынский и Галич и «иные грады многи, им же несть числа»¹.

Таким образом, на завоевание Руси (без ее северо-западной части) татаро-монголам понадобилось пять лет (1236—1240), в течение которых русский народ, раздробленный и лишённый союзников, истекал кровью в сопротивлении монгольскому нашествию, при полном равнодушии германо-романского мира к его судьбе.

Татаро-монголы понесли крупные потери в людях и вооружении и вышли на западные рубежи русской земли значительно ослабленными. Героическая оборона русским народом родной земли явилась решающей причиной срыва плана татаро-монгольских завоеваний в Европе.

После дискуссии по вопросам периодизации истории СССР общепризнано, что годы 1236—1240, годы татарского нашествия на Русь, принесшего стране огромные разрушения, отбросившего Русь в области экономического и культурного развития более чем на полтора-два столетия назад, являются существенной гранью внутри периода феодальной раздробленности. Справедливо осуждены попытки некоторых историков не уделять татарскому нашествию серьезное место в периодизации истории СССР на том лишь основании, что оно было обстоятельством внешним, не зависевшим от внутренних экономических закономерностей.

После разгрома русской территории татаро-монгольские завоеватели образовали на Нижней Волге центр

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 786.

своего государства — «Золотой орды», поставившей от себя в зависимость завоеванные и даже позавоеванные (Новгород) русские земли. Главной целью золотоордынских правителей было ограбление завоеванного и порабожденного населения, что достигалось путем жесточайших поборов с народов, входивших в состав Золотой орды, а также зависевших от нее. Эту форму господства татарской элиты над народными массами завоеванных стран Маркс называл «кровавой грязью монгольского ига», которое тяготело над Русью более двух столетий¹.

Но победители не могли лишить побежденную и разгромленную страну внутреннего самоуправления. Русские феодальные княжества вынуждены были платить татарам дань, подчиняться приказам золотоордынских ханов в ряде важных политических вопросов, однако в состав Золотой орды они не входили, и им было позволено иметь своих князей.

Тогда же татары захватили Черноморские степи и Крым. Уже под 1233 г. в Сугдейском списках упоминаются «безбожные татары». Арабский источник дает более определенные сведения о том, что татарскому разорению и грабежу подверглись многие города крымского побережья². Морской берег от Каффы до Сугдеи оказался в их непосредственном подчинении, и центром их сношений с южными странами стала Сугдея. Она сохранила свое греческое население, которое пользовалось самоуправлением под главенством сановника, именовавшегося «севастом», но платила дань татарскому хану. Интересно, однако, что и татарское нашествие не прервало старых торговых связей Руси с Крымом. Когда в 1253 г. в Сугдею прибыл из Константинополя посол короля Людовика IX Рубрук, константинопольские купцы, знакомые с местными условиями, дали совет французскому посольству насчет способов передвижения в степях, предложив им обзавестись для перевозки вещей крытыми телегами с воловыми упряжками, в коих русские перевозят свои меха. До нас дошли сообщения источников того времени, что русские не только торговали в Крыму,

¹ «Secret diplomatic history of eighteenth century».

² В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. СПб., 1884, стр. 27.

по и проживали там. При посещении в 1263 г. посольством египетского султана Бейбарса Сугдее и Солхата арабский писатель-современник оставил заметку, что население Солхата состояло из кипчаков, русских и аланов¹.

О торговых сношениях Руси с Сугдеей в те времена имеется и русское свидетельство от 1288 г. Описывая погребение князя Владимира Васильковича, летописец сообщает, что его вместе с евреями и немцами оплакивали и сурожане².

Имеются и другие источники, показывающие, что, несмотря на безотрадное положение русских земель в то время, внешняя торговля на Руси все же не прекращалась. Так, татарами на территории Курского и Рыльского княжеств в 1284 г. были захвачены купцы пемедские и константинопольские, которых они освободили³. Впрочем, под властью татар внешняя торговля никак не могла считаться безопасной, и это остро должны были испытать генуэзцы, обосновавшиеся в Каффе, и венецианцы — в Сугдее. В 1298 г. известный татарский вождь Ногай подверг страшному разорению все города крымского побережья. Явившись в Крым со значительным войском, Ногай взял Каффу и сжег ее, причем перебито было множество купцов различного происхождения. Ограблены были также города Сарукерман (т. е. Херсон), Кырк-Иер (Чуфут-Кале), Керчь и др.

Источники сообщают о продолжавшемся участии русских в балканских делах. Так, русский князь Ростислав, сын Михаила Всеволодовича Черниговского, в молодости воевал из-за Галича с князем Даниилом. Позже венгерский король Бела IV обратился к галицко-волыньскому князю с предложением о союзе, и союз с Венгрией был закреплен браком Льва Даниловича с дочерью венгерского короля Констанцией. Следствием этого союза явилось окончание политической карьеры в юго-западной Руси князя Ростислава Михайловича, который полностью перешел на венгерскую службу, сделавшись баном Мачвы (земли между реками Дунаем, Дравой и Савой)⁴. Ростис-

¹ В. Т. Пашаузен. Указ. соч., т. I, стр. 27.

² ПСРЛ, т. II, стр. 920.

³ ПСРЛ, т. X, стр. 163.

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд-во АН СССР, 1950, стр. 238.

слав Михайлович выдал свою дочь за болгарского царя Михаила, а другую за чешского короля Пржемысла. Отокара II и стал играть большую и самостоятельную роль в болгарских делах¹.

При взятии Киева монголами погиб или бежал из Киева перед монгольской угрозой митрополит Иосиф, пришедший из Никей в 1237 г. Порабощение Руси монголами распространило в первое время в греческих землях такой ужас пред этими завоевателями, что занять место Иосифа среди греков не находилось охотников, так что первого после нашествия монголов митрополита русские князья должны были избрать сами.

Новый русский митрополит, Кирилл, сделался русским митрополитом по желанию галицкого князя Даниила, самого сильного из южнорусских князей. По сообщению Ипатьевской летописи, митрополит Кирилл «был послан Даниилом и Васильком на поставлении митрополии русской»². Никей должна была только утвердить этот выбор. Возвратившись из Никей, новый русский митрополит не мог найти себе пристанища в прежней резиденции митрополита. Кафедральный Софийский собор в Киеве и митрополитский дом были разрушены так, что от первого остались только стены. Десятинная церковь была превращена в развалины; от нее сохранился лишь южный придел. Печерская лавра, покинутая монахами, также не могла доставить приюта новому митрополиту. Во всем Киеве уцелело не свыше двухсот домов, в которых оставались немногочисленные жители, притом постоянно подвергавшиеся татарским притеснениям.

При таких обстоятельствах новому митрополиту, естественно, надо было думать о местопребывании митрополии. Принимая во внимание, с одной стороны, что Кирилл сделался митрополитом по желанию галицкого князя Даниила, а с другой — то, что разоренный и опустошенный Киев также находился во власти галицких князей, можно было бы предположить, что новый митрополит постарается остаться в пределах владений галицкого князя, расположенного к нему. В действительности Кирилл не сделал этого: возвратившись из Никей, новый

¹ ПСРЛ, т. III, стр. 56.

² ПСРЛ, т. II, стр. 185.

митрополит отправился из Киева в Чернигов, потом в Рязань, далее в землю Суздальскую и, наконец, в великий Новгород, где в 1251 г. поставил архиепископа Далмата¹. Главным же местом его пребывания и деятельности был Владимир-на-Клязьме.

Действуя при особо важных обстоятельствах во Владимире, митрополит, однако, не оставлял и Киева. Сюда он ездил в 1263 г., но в 1264 г. возвратился во Владимир, где поставил Серапиона; потом переселился в Киев и там в 1272 г. рукоположил новгородского епископа Климента; затем в 1280 г. мы видим Кирилла во Владимире и Суздальской области, где он и умер в Переяславле-Залесском². Он погребен был в киевском Софийском соборе³.

В столицу орды Сарай отовсюду понаехало много русских. А так как на Азовском побережье и раньше жило много славян, то не удивительно, что в Сарае очень скоро, в 1261 г., была организована специальная православная епархия с первым епископом Митрофаном, поставленным русским митрополитом Кириллом⁴.

В 1276 г. сарайский епископ Феогност был послан Кириллом в Константинополь к патриарху Иоанну Векку и императору Михаилу Палеологу. Сохранились ответы константинопольского синода на вопросы сарайского епископа⁵.

Даниил Галицкий искал средств к свержению татарского ига, но силами Галича и Волыни нельзя было и думать об этом. Крестовый поход католических государств Европы нельзя было предпринять без главы римской церкви, и потому Даниил начал переговоры с папой Иннокентием IV о соединении церквей. Папа обрадовался предложению галицкого князя и развил активную деятельность по случаю присоединения Галицкой Руси. Но уже с самого начала обнаружилось, что связь с Римом не будет продолжительной. Время крестовых походов

¹ ПСРЛ, т. III, стр. 54.

² ПСРЛ, т. I, стр. 202—204; т. III, стр. 54—63; т. IV, стр. 38; т. V, стр. 186, 189.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 227.

⁴ ПСРЛ, т. X, стр. 143.

⁵ Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. II. М., 1901, стр. 41, 60.

прошло. Папа не мог организовать крестовый поход против татар. Хотя Даниил короновался присланной папой королевской короной в Дрогоичине в 1255 г., но событие это не имело последствий. Видя, что от папы не дожидаться реальной помощи, Даниил прервал с ним всякие отношения, не обращая внимания на его укоры.

В XIII в. папская курия проводила политику наступления на русские земли с целью их латинизации. При проведении этой политики она использовала не только дипломатические средства, но и военные вторжения в русские земли с севера и запада (немцев, венгров, шведов).

Эта политика особенно активизировалась после татарско-монгольского разгрома Руси. Однако она натолкнулась как на дипломатический, так и на вооруженный отпор со стороны виднейших князей — Александра Невского и Даниила Галицкого.

В то же время папская курия завязала дипломатические переговоры с татаро-монголами, стремясь найти в них союзников против германского императора Фридриха II и Никейской империи. Курия добивалась от татаро-монголов принятия католичества, надеясь таким путем не только укрепить свой союз с ними, но и получить от них признание за папством прав на руководство русской церковью.

Что касается Никей, то местный императорский двор не мог оставаться равнодушным к установлению оживленных дипломатических отношений между папой Иннокентием IV и его союзником французским королем Людовиком, с одной стороны, и татаро-монголами — с другой. По крайней мере, в 1254 г. в Каракоруме находилось посольство Иоанна Ватаца, встреченное там Рубруком. Вряд ли оно было первым. Не может быть сомнения в том, что в татаро-никейских переговорах участвовали и русские дипломаты, ибо именно тогда татары согласились сохранять прежний порядок в русско-византийских церковно-политических отношениях.

Но при этом русско-византийские церковные отношения были поставлены под контроль золотоордынских ханов посредством создания специальной русской епископии, организованной в 1261 г. в Сарас. Тогда же князь Александр Ярославович выхлопотал у татаро-монголов

освобождение русских церковников от татарских поборов.

Отклонив домогательства римской курии и согласившись сохранить подчинение русской церкви Никее, татаро-монголы имели, конечно, в виду не только возможность более удобного контроля русско-византийских отношений по сравнению с русско-римскими, но и те выгоды, которые они могли получить от русских духовных феодалов при установлении своего господства над Русью и контроля над русской светской властью¹.

Таким образом, русская дипломатия в лице Александра Невского не только не позволила папской курии втянуть ослабленную татаро-монгольским нашествием Русь в новые столкновения с Ордой, но и сумела нейтрализовать проски римской курии в Орде и при этом добиться от татаро-монголов в момент установления их властвования над всей Русью (1257—1259) сохранения экономических и политических позиций русских духовных феодалов.

В 1261 г. произошла окончательная ликвидация Латинской империи и захват Константинополя войсками никейского императора Михаила Палеолога, который перед этим заключил союз с генуэзцами: *«Михаил Палеолог предлагает генуэзцам союз против Венеции; они принимают его; обещают ему помочь флотом в завоевании Константинополя, взамен чего они должны были получить в Латинской империи преимущества, которыми пользовались до тех пор венецианцы»*². Но хотя Константинополь и оказался в руках византийцев, не могло быть и речи о сохранении Византией прежнего положения первоклассной военной державы. Успех, выразившийся в отвоевании Михаилом Палеологом Константинополя, являлся в сущности последним успехом его правления, которое продолжалось еще 21 год. В Европе он с трудом удерживал существовавшие границы в борьбе с франками, болгарами, эпирским деспотом и венецианским флотом, в Азии же он дезорганизовал дело обо-

¹ В. П а ш у т о. О политике папской курии на Русь. «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 75; его же. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 242—276.

² К. М а р к с. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 207.

роны. Феодор Ласкарис и Иоанн Ватац, показавшие себя опытными администраторами, проявляли некоторое стремление к сохранению платежеспособности своих подданных и, продолжая борьбу с феодальными тенденциями, предоставили городским общинам некоторую возможность развития самоуправления. При Михаиле же общее направление политики изменяется. Михаил, нуждавшийся в средствах и для подкупа аристократии, и для восстановления Константинополя, и для войны с Неаполем, сербам и болгарам, вернулся к старой системе истощения податного населения налогами. Он распустил большую часть туземной милиции, охранявшей малоазиатские границы, и поручил оборону их наемникам. Для предотвращения нового похода латинского Запада на Византию в 1274 г. он заключил унию с римскими папами, несмотря на то, что эта уния не признавалась его собственными подданными.

Михаил Палеолог был заинтересован в дружбе с захватившим Иран монгольским ханством Хулагу, выставившим себя врагом магометанства и защитником христиан, главным образом потому, что в зависимость от этого ханства попали малоазиатские турки-сельджуки. Но на юге России образовалось второе татарское государство — Золотая орда в Сарая, враждебная государству Хулагу. Михаилу Палеологу приходилось лавировать между этими враждебными ханствами. Взаимоотношения с ними осложнялись связью Палеолога с Египтом, где правили мамелюки. Для мамелюков, являвшихся союзниками Золотой орды, чрезвычайно важно было установить постоянную связь с ней через Босфор и Дардацеллы.

Но Михаил, находясь в дружбе с Хулагу, пытался задерживать египетские корабли в Босфоре. Разгневанный за это на него хан Золотой орды в 1265 г. объявил ему войну, жестоко опустошил Фракию, заставил Михаила отказаться от союза с Хулагу и войти в союз с Золотой ордой и Египтом. Этот союз Михаил использовал для того, чтобы смирить болгар; натравил на них северных кочевников — татар хана Ногая, который около 1270 г. переночевал с Большой ордой в южнорусские степи и Молдавию. По словам Пахимера, он подчинил себе аланов, зикхов, крымских готов и русских, усвоивших татарские обычаи, язык и одежду. По русским летописям,

данниками Ногай с 1276 г. были князья галицкие и волынские. В Молдавии и Болгарии Ногай в основном вербовал армию, необходимую для грабительской деятельности его орды. Михаил Палеолог породнился с Ногаем, прислав ему в жены свою побочную дочь Евфросинью с большими дарами. Опираясь на дружбу с Ногаем, Михаил уже не считался с болгарским царем, а также освободил себя от обязанности поставлять в русские митрополиты кандидата, выдвинутого русскими князьями. Поэтому после смерти русского митрополита Кирилла его преемником явился грек — рукоположенный в Константинополе в 1283 г. митрополит Максим. Прибыв на Русь, он немедленно отправился в Орду, положив этим начало обычаю, по которому все наши митрополиты и епископы должны были ездить в Орду, чтобы получать от хана утверждение в своей власти и ярлык. По возвращении в Киев Максим созвал (1284 г.) к себе всех русских епископов. В 1285 г. он объездил все русские княжества и посетил землю Суздальскую, Новгород и Псков. Не вынеся насилий татар, из-за которых разбежалось население Киева, митрополит в 1299 г. принужден был оставить свою митрополию и переселиться в землю Суздальскую со всем своим клиром. Это было, однако же, только личное переселение митрополита Максима во Владимир а не перенесение самой митрополичьей кафедры, которая официально продолжала оставаться в Киеве.

Как известно, XIII в. был для Руси самым тяжелым периодом ее существования. В итоге феодальной раздробленности, а затем татарского разгрома закрепляется политическая обособленность отдельных частей русской земли. Татарское владычество, длившееся почти два с половиной столетия, заставило русский народ долго называть, по выражению Маркса, в «кровавой грязи монгольского ига». Своим героическим сопротивлением татарам русские спасли западноевропейскую цивилизацию, но большая часть русских областей была сильно опустошена. Многие города и селения совершенно исчезли с лица земли, другие на долгие годы запустели. История отдельных частей Руси (Северо-Восточной Руси, Новгородской земли, начинавших свое обособленное существование Украины и Белоруссии) приобретает свои особые черты. Южные и западные земли надолго отры-

ваются от Северо-Восточной Руси. При преемниках Льва Даниловича, в начале XIV в., литовские князья захватили Берестейскую землю, а вслед за тем Пинскую, ранее принадлежавшие галицким князьям. Волынская земля перешла во владение литовского князя Любарта, женившегося на дочери князя Владимира Волынского. Династия галицких князей из рода Даниила Романовича прекратилась около 1337 г. В 1349 г. польский король Казимир Великий после нескольких неудачных попыток присоединил галицкую землю к Польше.

Еще литовский князь Миндовг подчинил себе некоторые русские земли и города. При Гедимине (1316—1341) в состав Литвы, кроме собственно литовских земель, входили Полоцкая, Витебская, Минская, Турово-Пинская и другие области. Ольгерд (1345—1377) подчинил себе Волынскую, Подольскую, Киевскую и Чернигово-Северскую земли, частью оставил в них прежних князей, частью заменил их своими родственниками. В 1409 г. уже после Кривской унии между Польшей и Литвой (1389) великий князь литовский Витовт захватил Смоленск и включил его в состав Литовского государства.

Великий князь Ярослав Всеволодович (1238—1246), сменивший своего брата Юрия, был вызван из Северо-Восточной Руси в Золотую орду, отослан в ставку великого хана и погиб в Монголии. Попытки его сына Андрея укрепить княжескую власть привели к тому, что татары предприняли карательную экспедицию, в результате которой Андрей должен был бежать из Владимира. Его брат Александр Невский (1252—1263), удачно отразивший шведские и немецкие попытки захвата русских земель, вынужден был проводить политику покорности Золотой орде, чтобы избавить Русь от повторения татарских нашествий, обеспечить мир и возможность накопления средств для будущей борьбы. Выдающийся князь Южной Руси Даниил Галицкий также являлся в то время на поклои в Орду. Современные советские историки показали несостоятельность утверждения об организующем и даже прогрессивном влиянии Золотой орды на развитие Русского государства, идущего еще от Карамзина. Этот взгляд был справедливо опровергнут еще буржуазными русскими историками, начиная с Соло-

вьева. Однако, как ни тяжело было татарское иго, оно не отнимало некоторой доли самостоятельности у русских князей. Князья получали княжение из рук Золотой орды по ханским ярлыкам — грамотам на княжение. Представителями ханской власти на Руси являлись баскаки, переписывавшие русское население в налоговых целях. В конце XIII и начале XIV в. сопротивление населения взиманию тягостной для него дани вызывало жестокие карательные экспедиции со стороны татар. Все же татарское иго, выражавшееся в основном в тяжелых налогах и военном давлении, не могло сломить внутреннюю силу русского народа, его борьбу за независимость.

В Северо-Восточной Руси в XIII—XIV вв. также не было политического единства. Во второй половине XIII в. здесь существовали самостоятельные феодальные княжества: Ростовское, Переяславское, Стародубское, Суздальское, Юрьев-Польское, Тверское, Московское, управляемые князьями, и вольные вечевые города — Новгород и Псков.

Монголы хотели считать центром и столицей русской земли Владимир, но фактически Владимир был страшно обескровлен татарским погромом. После разгрома Владимира центр жизни Ростовско-Суздальской земли передвинулся на север. Средоточием церковной и общественной жизни края сделался на некоторое время Ростов — старый вечевого центра волости. Туда, на территорию Ростовского княжества, потянулось согнанное со своих мест население. И оттуда, со стороны Ростова, поднялась в 60-х годах XIII в. волна вечевых восстаний против ордынского владычества.

Восстания эти были жестоко подавлены. Золотая орда создала себе прочную базу на территории именно Ростовского княжества и приобрела послушных вассалов в лице ростовских князей. Значение Ростова как старого вечевого центра было окончательно уничтожено и городская жизнь в городах Ростовского княжества подавлена. Население стало бежать из Ростовского края и сбивалось на западных окраинах Северо-Восточной Руси¹.

¹ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. Изд-во АН СССР, 1940, стр. 149.

С 1280 по 1299 г. в Золотой орде образовались две враждебные военно-политические группировки. В соответствии с двумя враждующими центрами в Золотой орде в Северо-Восточной Руси также возникли два враждебных лагеря: в одном представители Переяславля, князь тверской и князь московский, в другом — князья ростовские и князь Андрей Городецкий.

Сокончанием смут в орде и гибелью Ногая в Воляжской орде по-новому встал вопрос об отношении к Твери, Москве и Переяславлю. Целью ордынской политики стало расколоть союз Твери и Москвы и обезвредить Тверь, как самое сильное в начале XIV в. русское феодальное княжество. Эти задачи ордынские политики успешно осуществили в начале XIV в.¹

Но как ни тяжелы были раны, нанесенные татаро-монгольским нашествием, Северо-Восточная Русь сравнительно быстро вышла из кризиса второй половины XIII в., и уже с начала XIV в. наблюдается ее прогрессивное развитие. Время упадка сельского хозяйства сменяется усиленной расчисткой лесов под пашни.

В XIV—XV в. вотчинник-феодал становится государем в своей сеньории.

К нему переходит право сбора податей и суда. Но политическое развитие Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. характеризуется последовательным ростом объединительного процесса, возглавлявшегося Московским княжеством. Уже с 1328 г. сильнейшим из феодальных княжеств Северо-Восточной Руси, безусловно, стало Московское, и сыновья Калиты Семен Гордый (1340—1353) и Иван Красный (1353—1359), поддерживавшие мирные отношения с Золотой ордой, впервые начали открыто говорить о притязаниях московских князей на общерусское господство.

Политическое объединение Северо-Восточной Руси совершалось на феодальной основе. Необходимость политического объединения диктовалась не только ростом городов и расширением торгового оборота, но и развитием феодального хозяйства в целом, ростом феодальной эксплуатации и закрепощения. Все это требовало наличия единой и сильной государственной власти. Развитие государства

¹ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. Изд-во АН СССР, 1940, стр. 150.

нашло активную поддержку в церковной организации. Существенную роль в объединении сыграли интересы обороны страны от нашествия монголов и других народов Востока.

Как известно, указания классиков марксизма-ленинизма об особенностях становления централизованных государств на Востоке Европы были неправильно поняты некоторыми советскими историками. В центре их внимания оказались не социально-экономические основы процесса централизации государства, а интересы обороны страны от нашествий народов Востока. Но эти интересы отнюдь не определяли, а лишь ускоряли процесс централизации государства.

В нашей историографии недооценивалась также необходимость всестороннего изучения роли народных масс — творца истории — в освобождении страны от татарского владычества. Советские историки недостаточно подчеркивали стойкость русского народа, который, несмотря на монгольское иго и вопреки ему, в XIV в. все же находил в себе силы непрерывно увеличивать экономическую и политическую мощь своей страны. На Руси в то время возникали новые и развивались старые города, росло ремесло, в том числе и по производству вооружения поднимался культурный уровень населения.

В результате упорного труда народных масс Русь с каждым десятилетием становилась крепче, богаче, сплоченнее. В то же время в Золотой орде, где все было основано на насилии и грабеже покоренного населения, производительные силы падали, население беднело, свертывалась торговля.

Многолюдный Московский посад проявляет в XIV—XV вв. необыкновенную силу жизни. Сожженный в 1368 г. перед приходом Ольгерда, он быстро восстановился. В 1382 г. перед появлением татар Тохтамыша посад опять был сожжен так, что не осталось ни тына, ни деревца. Но в течение 7 лет Московский посад снова вырос. Во время пожара 1389 г. «мало не весь град згоре, мало что остана». Тысячи дворов сгорают и во время следующего грандиозного пожара 1395 г., но Москва каждый раз возрождается из пепла¹.

¹ И. Е. Забелин. Опыт изучения русских древностей. М., 1873, стр. 148—153.

Ни частые нашествия Литвы и татар, ни эпидемии, ни пожары не в силах были задержать устойчивый рост этого центра великорусского объединения XIV—XV вв.

В конкретных исторических условиях того времени объединение разрозненных, враждующих друг с другом княжеств должна была возглавить Москва, ставшая экономическим центром Северо-Восточной Руси, центром великорусского народа, а также и средоточием борьбы с Золотой ордой, Литвой, Казанью. Как это показал И. В. Сталин в своем приветствии Москве по случаю ее восьмисотлетнего юбилея, Москва сыграла ведущую роль в создании русского централизованного государства. В этом приветствии И. В. Сталин писал: «Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения раздробленной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»¹.

Процесс объединения оформляется постепенно в условиях продолжавших действовать тенденций феодальной раздробленности. В процессе образования Русского государства обозначились три основных этапа. На первом этапе (до середины XIV в.) преобладала феодальная раздробленность обособленных княжений, вотчинный характер которых ярко отражен, например, в духовной грамоте Ивана Калиты. Второй этап характеризуется объединением отдельных земель в великие княжества (Московское, Тверское, Рязанское). Третий этап — ликвидация отдельных земель-княжений и образование единого русского государства.

Татарский погром и двухсотлетнее татарское иго должны были неблагоприятно сказаться на русской культуре. Они не могли не вызвать культурного отставания русского народа от народов Западной Европы, которые, не подвергаясь иноземным нашествиям и погромам, могли беспрепятственно развивать свою культуру. В XIII—XIV вв. резко сокращаются сношения Руси с западноевропейскими народами, но с Византией Русь продолжала поддерживать старые связи.

И эти постоянные связи с Византией были попрежнему плодотворны для Московской Руси. Константино-

¹ «Правда», 7/IX 1947 г.

поль не только оставался центром византийской культуры, но и местом, где общались русские, греки и южные славяне. Эти связи теперь были главным образом церковные, но продолжали поддерживаться и торговые связи, и культурные, и дипломатические. Татарское нашествие и разорение Южной Руси лишь затруднили сношения Руси с Византией.

После татарского нашествия одним из путей в Византию был путь по Дону. В «Хождении митрополита Пимена в Царьград» отмечается, что 13 апреля 1389 г. Пимен выехал из Москвы и речным путем добрался до Переяславля-Рязанского. Отсюда до верховьев Дона пришлось идти сухим путем и везти на колесах 4 судна. По Дону Пимен спустился в его устья, а затем шел морским путем мимо Каффы и Судака к Синопу. 29 июня он приплыл в Константинополь. Таким образом, его путешествие от Москвы до Константинополя продолжалось 2½ месяца. Этот допсковый путь получил большое развитие уже в XIII в. Значение черноморских и азовских гаваней для торговли с Восточной Европой и при ее посредстве со Средней Азией быстро, как мы уже говорили, оцепили генуэзцы, получившие во владение Каффу и несколько других городов на южном берегу Крыма. Но существовали и другие пути в Византию. Иногда из Москвы пробирались в Византию через литовские владения, о чем свидетельствует плачевная участь митрополита Дионисия, задержанного на обратном пути в Киев и умершего в литовской тюрьме в 1385 г.

Для русских купцов Константинополь, как и раньше, был конечным пунктом их поездок. Можно предполагать, что старая русская колония, существовавшая в Константинополе еще в киевское время, сохранялась и в XIV в., пополняясь выходцами из русских земель. Об этом также имеются сведения в «Хождении митрополита Пимена в Царьград», в котором рассказывается, что 1 июня 1389 г. спутники Пимена посетили церковь Пророка, т. е. Иоанна Предтечи, и «упокоила нас добре тамо живущая русь». Вероятно, это были купцы, поселившиеся в Византии и в то же время не порвавшие связей со своей родиной¹.

¹ М. Тихомиров. Византия и Московская Русь. «Ист. журия.», 1945, № 1—2, стр. 9.

Константинополь был конечным пунктом черноморско-донской торговой артерии на юге. На севере такую же роль играли Москва и Новгород.

Сношения Новгорода с Константинополем после закрытия пути по Днепру, естественно, должны были происходить несколько иным путем. Монах Епифаний, оставивший небольшую записку, распространенную в рукописях, хотя и поздних (XVI в.), и воспроизводящую традиционный путь на Восток, указывает такой путь от Новгорода до Константинополя: Новгород—Полоцк—Слуцк—Белгород (Аккерман) и оттуда морем прямо в Константинополь. Следовательно, Киев и Днепр оставались в стороне, и путь проходил западнее, по Волыни, становясь более коротким прямо к устью Днестра ¹.

Несмотря на полный упадок восстановленной Византийской империи, Константинополь все еще оставался главным посредником в торговле средиземноморских стран с Восточной Европой. Он все еще представлял собой крупнейший международный рынок, на котором появлялись товары Азии и Европы. Сюда попрежнему съезжались многочисленные купцы из Италии, стран Балканского полуострова, Малой Азии, Золотой орды и Руси.

Но торговали с Русью уже не византийцы. Торговля эта и в Константинополе и на побережье Черного моря была захвачена венецианцами и генуэзцами, особенно последними.

Пользуясь слабостью византийского флота, генуэзцы заполнили своими судами все порты архипелага в конце XIII в. и взяли в свои руки всю ввозную торговлю на Черном море. Восстановленная Византийская империя была вынуждена предоставить генуэзцам, а потом и венецианцам, право свободного плавания на Черном море.

В 70-х годах XIII в. генуэзцы купили у золотоордынских ханов право на устройство торговой фактории в Каффе. Одновременно венецианцы обосновались в крым-

¹ «Православный палестинский сборник», вып. XV, 1897; А. Н. Пыцкий. Древнерусское паломничество. СПб., 1896, т. I, стр. 39.

ском городе Сугдее (Судак). Между Генуей и Венецией шла ожесточенная борьба за торговые рынки. В этой борьбе за черноморские рынки в XIV в. победительницей оказалась Генуя. Она завладела греческими городами крымского побережья, в том числе Сугдеей, Чембало (Балаклавой), Боспором (Керчью). В Таке (Азове) имели свои кварталы и генуэзцы и венецианцы. На Черноморском побережье Кавказа Генуе принадлежали Анапа, Сухуми и некоторые другие пункты, на западном побережье Черного моря — Монкастро (Аикерман). При посредстве своей колонии Генуя вывозила в большом количестве зерно и хлеб, рабов, рыбу, продукты скотоводства и охоты (меха и кожи), соль, строевой лес. В обмен ввозились материи, пряности, бакалея.

Естественно, богатства русской земли привлекали к себе жадных генуэзских и венецианских купцов, захвативших торговлю с Русью.

Однако Русь и в XIV в. представляется византийскому писателю Григору богатой страной. Он пишет: «Выше нами было сказано, что русские являются народом многочисленным, и занимаемая ими страна по длине и ширине не легко может быть измерена, и годовой доход всегда получается здесь очень большой и разнообразный. И денег очень много собирается с обитателей этих мест. И так как земля эта скована холодом вследствие отдаления солнца, то, естественно, в ней рождается множество животных с густою шерстью. Меха их, снятые охотниками, посылаются жителями во многие страны и города и доставляют им большой доход, и из рыб, ловимых в ближайшем океане, есть также, которые доставляют удовольствие сатрапам, и архонтам, и императорам, и всем, причисленным к тонкому образу жизни, и вообще знатым людям. Не буду говорить о том, что, перевозимые через соседние земли, они доставляют им большое богатство»¹.

Таким образом, Григоря считает, что в XIV в. основными богатствами русской земли были меха и рыба. Но этими богатствами пользовались тогда главным образом генуэзцы и венецианцы, особенно первые. Их преобладание

¹ Nicephori Gregorae historiae, t. III, p. 512.

на Черном море достигло такой степени, что генуэзцы предпринимали даже попытки превратить торговое судоходство на Черном море исключительно в свою монополию. «Генуэзцы, — сообщает Григора, — прежде всего присвоили Евксинский Понт, так как это было им выгодно; преисполнившись бесстыдства, они силой заставляли... византийцев воздерживаться от приближения к Меотиде и Танаису, а также к Херсону и от плавания у побережий скифов по ту сторону Истры для торговли там, если только не получают от них — генуэзцев — разрешения»¹.

Византийское влияние в Северном Причерноморье, в частности в Херсонесе, к середине XIV в., как видим, было совершенно подорвано. В XIV в. византийской торговле грозила опасность быть окончательно ликвидированной. В 1352 г. византийский император Иоанн Кантакузин был вынужден заключить с генуэзцами договор, по которому византийским судам, равно как и венецианским, было запрещено, без специального разрешения Генуи, плавание в Азовском море².

Но снабжение Константинополя попрежнему в значительной степени зависело от подвоза черноморских продуктов. Так, в 1343 г. Григора, говоря о недостатке продовольствия в Константинополе, одной из причин этого считает осаду Каффы ханом Джанибеком. Осада эта была неудачной, но так как она продолжалась долгое время, то «римские города стали страдать от недостатка хлеба и соленой рыбы, которая привозилась из Меотиды и ближайших рек» (οἷτοι τε σπᾶναι τὰ Ῥωμαίων πίζεσθαι πόντες καὶ ὅσα τῶν ταραχεντῶν ὁδοδύμων ἐκ τῆς Μαώτιδος καὶ τῶν ἑγγύστα ποταμῶν συνήνευθην).

Русские купцы были частыми посетителями Генуэзской Каффы. Можно предполагать, что в указанный период их количество не уменьшалось, а увеличивалось. Так, Воскресенская летопись сообщает, что когда турки в 1475 г. взяли Каффу, то «гостей московских много побивша, а иных поимаша, а иных пограбиха на окуп подаваша»³.

¹ Nicephori Gregorae historiae, t. III, p. 877.

² Е. Ч. С к р ж и я с к а я. Петрарка о генуэзцах на Леванте. «Византийский вестник», II (XXVII), 1949, стр. 358.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 181.

В Москве проживала корпорация «гостей-сурожан», в которую входили и византийские выходцы, осевшие в Москве, но поддерживавшие связи со своей прежней родиной. Иноземцы-южане вообще были не редкостью в Москве в XIV в. Среди них были живописцы-византийцы, расписывавшие только что устроенные каменные московские соборы и церкви.

Среди сурожан времени Дмитрия Донского, которые составляли верхушку московского купечества, хорошо известен Некомат, игравший видную роль в борьбе московского и тверского князей за великое княжение. Имя «Некомат» обличает в нем византийца¹.

Далее, внесенное в летопись сказание о Мамаевом побоище сохранило имена десяти гостей-сурожан, взятых в поход Дмитрием Донским. Рассматривая эти имена, В. Г. Васильевский приходит к выводу, что большая часть их принадлежит русским, но «первые могут быть считаемы за греческие»².

Кроме византийцев и русских, в состав корпорации «гостей-сурожан» входили, несомненно, и итальянцы. Москва и внутренние отношения ее феодального мира, повидимому, были достаточно знакомы итальянским купцам Черноморья. Приехавший в 1380 г. в Константинополь и добивавшийся там московской митрополии епископ Пимен, нуждаясь в деньгах для обычных там подкупов, получил помощь как от восточных купцов, так и от итальянцев Константинополя. Пимен занял для московского великого князя огромную сумму — больше чем на 20 тыс. руб. серебром — у «фрыз и бесермен». Дать займы московскому епископу и московскому великому князю такую крупную сумму могли лишь люди, знавшие Москву и имевшие с ней деловые отношения.

Наличие среди московских купцов видных византийцев и итальянцев из Крыма, привлекаемых в Москву постоянным ростом этого феодального центра, помогает нам объяснить появление термина «сурожан».

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, СПб., 1915, стр. ССII.

² Там же, стр. ССIII.

Выходцы из Крыма, видные купцы, постоянно отправлявшиеся к южным рынкам, могли сообщить всей группе наименование сурожан¹.

Помощь богатого купца Некомата тверскому князю в деле добычи великокняжеского ярлыка в Орде основывалась на том знании Орды и ее отношений, которое было присуще купцам-сурожанам в силу их постоянных связей с Ордой.

Помимо Некомата-сурожанина, мы встречаем в Москве в XIV в. еще нескольких приезжцев. Выходцем из Сурожя был, например, Степан Васильевич Ховр, родоначальник боярских родов Ховриных и Головиных. Если родословная величает Степана князем, пришедшим в Москву «из своей вотчины с Судака, да из Манкупа, да из Каффы»², то летописец делает существенное добавление к этому громкому титулу. Внук Степана Ховра Владимир Григорьевич Ховрин, по словам летописи, «был гость да боярин великого князя»³. Здесь источник стирает грань между гостем и боярином.

Как мы уже говорили, на Руси, кроме купцов, оседали византийские ремесленники и художники. Так, в 1388 г. в Новгороде работал «грекни Исайя с други», расписывавший церковь «Вход в Иерусалим»⁴.

В 1344 г. в течение года над росписью Успенского собора работали «грекнины митрополичыи», «писцы феогиостовы»⁵. В 1358 г. митрополит Алексей украсил Андроников собор иконой «Нерукотворного Спаса», вывезенной им из Константинополя. В 1378 г. знаменитый Феофан Грек расписывал церковь Спаса Преображения в Новгороде, а в 1395 г. он уже работал в Москве, где нашел не меньшее признание. Феофан Грек принадлежал к числу выдающихся византийских эмигрантов.

Нищавшая Византия в конце XIV в. уже не в силах была обеспечить работой своих многочисленных художников. К тому же идейная и политическая обстановка

¹ Употребление этого термина носило только бытовой характер. Он встречается в летописях, но официальные документы грамоты князей как XIV, так и XV в. не знают этого термина.

² «Временник истории и древностей российских», т. X, стр. 89.

³ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 154.

⁴ Новгородская летопись под 1338 г., ПСРЛ, т. III, стр. 72.

⁵ ПСРЛ, т. XV, стр. 55—56.

в Византии в то время все менее благоприятствовала расцвету искусства, вступившего со второй половины XIV в. в полосу кризиса.

Победа психастов привела к усилению нетерпимости и к укреплению догматического образа мышления, постепенно подавившего ростки реализма в палеологовской культуре. Поэтому лучшие византийцы охотно покидали свою родину и искали приюта на чужбине. Таким был и Феофан Грек, в вольном Новгороде обретший ту творческую свободу, которой ему не хватало в Византии¹.

Сохранилось письмо Епифания к Кириллу Тверскому, в котором содержатся ценные сведения относительно жизни и творчества Феофана. Правильность сведений, приводимых Епифанием, подтверждается летописными известиями. Летописи упоминают имя Феофана четыре раза: впервые под 1378 г., когда он «подписывает церковь Спаса на Ильинской улице в Новгороде»²; во второй раз под 1395 г., когда он вместе с Семеном Чудным и учениками своими приступает к росписи церкви Рождества Богородицы в Москве³; в третий раз под 1399 г., когда он расписывает московский Архангельский собор⁴, и, наконец, в четвертый раз под 1404 г., когда мы находим его работающим в Благовещенском соборе в Москве вместе со старцем Прохором и гениальным русским художником Андреем Рублевым. Приехав на Русь, Феофан выступил здесь насадителем не позднепалеологовских форм, отмеченных печатью сухого, бездушного академизма, а раннепалеологовских, еще живо связанных с традициями палеологовского культурного подъема, который достиг своего наивысшего расцвета на протяжении первой половины XIV в.

Несмотря на опасности пути, попрежнему нередко были паломничества русских на Восток и в Константинополь.

В период между латинским завоеванием и взятием Константинополя турками из русских путешественников, посетивших его и оставивших нам более или менее обстоя-

¹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 65—73, 75—80.

² ПСРЛ, т. III, стр. 231.

³ Воскресенская летопись под 1395 г., ПСРЛ, т. VI, стр. 124.

⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 130.

тельные описания виденного, известных «Аноним XIV в.» — автор описания церковных достопримечательностей Константинополя. Его описание легло в основу «Восседы о святых Царьграда»¹. К середине XIV в. — времени наиболее оживленных сношений Руси с Византией — относится путешествие Стефана Новгородца. После некоторого ослабления этих связей вследствие разгрома Руси татарами и временного господства латинян в Константинополе сношения эти возобновились с новой силой, так как совпали с крупными переменами, которые в XIV в. происходили на русской территории. Следствием этих перемен было изменение церковно-иерархических отношений между Русью и Константинопольским патриархатом.

Среди путешествий в Константинополь по своему характеру выделяются путешествия новгородцев: как в политическом отношении, так и в церковном Новгород, в силу общего склада своей жизни, проявлял стремление к самобытности и самостоятельности, стремясь стати в прямые и непосредственные отношения с Константинополем и его правящей верхушкой. С другой стороны, и Константинопольская патриархия, считая Новгород «первой русской архиепископией», обращалась к, помпимс митрополита, непосредственно в Новгород.

Стефан, человек внимательный, либо уже ничего не слышал от своих гидов о варварстве крестоносцев, либо не видел памятников, напоминавших об их деяниях.

Позднее Стефана, но все же еще в XIV в., был в Константинополе по торговым делам дьяк Александр. Его описания кратки, иногда сводятся к простым перечням, изредка намекая на ту или иную легенду.

Одновременно или почти одновременно с Александром был в Константинополе в свите митрополита Пимена дьякон Игнатий (Смольчанин), проживший там с 29 июня 1389 г. по февраль 1390 г. Описания Игнатия обстоятельнее, чем у Александра. В частности, он подробно останавливается на коронации императора Мануила II (1391—1425). Из этого описания мы узнаем, что и в конце XIV в. византийцы умели обставлять этот обряд большой торже-

¹ Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1890.

ственностью. Особенное внимание русского наблюдателя привлекли певчие Софийского собора. Он детально описывает их костюмы и посторгается ими: «Певцы же стояху украшени чудни, ризы имеяху, аки священные стихари, широци и долзи, сиче же и рукова их широци и долзи, овици камчаты, друзии же шидяпы, паплечки же с златом, и с бисером, и с кружевом, на головах же их оскрильцы острые с златом, и с бисером, и с кружевом. И многое их множество собрано, и толико бысть чинно, аки папшасы зрехуся»¹.

А о пении он говорит: «А певцы пояху пение пречудно, и странно, и несказашо ум превосходяще»; и в другом месте: «И толико бысть благочинии и чествования и переукрашени, яко ум человеческий превосходя. Пение же было долго зело, и красно, и предивно, и умильно»².

Младшим из известных русских путешественников был перодпакон Зосима, ходивший из Тронце-Сергиевской лавры через Киев в Константинополь и оттуда в Иерусалим около 1421 г.

Его описание Константинополя очень неполно сравнительно с предыдущими, но и оно дает небезинтересные сведения³.

Один из наиболее просвещенных русских книжников XIV в. — Афанасий Высоцкий — несколько раз ездил в Константинополь, а затем, бросив игуменство в большом русском монастыре, купил в Константинополе келию и умер там в глубокой старости⁴.

В Константинополе и на Афоне сосредоточивалась довольно обширная книжная деятельность по переводу на славянский язык византийских церковных книг и по их переписке. В Студийском монастыре, по словам Стефана Новгородца, в 1350 г. жили русские, искусные в переписке церковных книг, и посылали оттуда на Русь уставы, триоди и иные книги. В частности, в этом монастыре проживал митрополит Кирилл, который особенно активно работал над переводом на славянский язык сочинений «отцов церкви». Он перевел, например, на славян-

¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 102.

² Там же, стр. 103.

³ М. Н. С п е р а н с к и й. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, стр. 43.

⁴ ПСРЛ, т. XI, стр. 21.

ский язык так называемую «Лествицу» с толкованиями ¹. В «Степенной книге» говорится, что он перевел много богослужебных книг с греческого на русский язык ².

Еще шире переводческая деятельность русских книжников развертывалась на Афоне, где уже с XI в., как известно, существовал русский монастырь. На Афоне занимались списыванием книг русские монахи: Савва, игумен Тверской, Досифей, игумен Печерский, Митрофан Бывальцев, Иона, игумен Успенский, и особенно Нил Сорский ³.

Из переводов, сделанных на Афоне, известны следующие. В 1371 г. монах Иоанн перевел с греческого на славянский труд Дιονисия Псевдо-Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника ⁴. В 1399 г. он же перевел сочинение знаменитого еврейского историка Иосифа Флавия «Иудейская война». В 1212 г. Гавриил Хиландарский перевел толкование Олимпиодора на книгу Иова, в 1426 г. Венедикт и Панов — разные беседы Иоанна Златоуста. Григорий Хиландарский переложил на славянский язык «Паралипоменон» Зонары и дополнил его сведениями из Амартола ⁵.

Из древних рукописей были получены с Афона в XIII в. толкование речей Григория Богослова и летопись Георгия Амартола, писанная на хлопчатой бумаге, а также пролог, писанный на пергаменте, а в 1397 г. — «Тактикон» Никона Черногорца ⁶. Тактикон имел большое значение для русских книжников того времени, так как включал в себя много отрывков из отцов церкви. Отсюда черпали свои богословские доводы Иосиф Волоколамский и Нил Сорский. Результатом этой переводческой деятельности было наличие в русской литературе того времени значительного количества переводов сочинений отцов церкви,

¹ Филарет, митрополит. Обзор духовной литературы, стр. 70.

² «Степенная книга», т. I, стр. 588.

³ «Описание Румянцевского музея», стр. 587, 590; «Прибавления к творениям св. отцов», т. II, 1853, стр. 813—814.

⁴ Рукописи Толстого, № 169. Житие Саввы Вишерского. Изд. Филарета, стр. 78.

⁵ «Прибавления к творениям св. отцов», т. VI, кн. 1, стр. 138.

⁶ «Сведения о древних переводах творений св. отцов на славяно-русский язык (X—XV вв.)», «Православный собеседник», декабрь 1859, стр. 382—383.

религиозно-нравственных сочинений и византийских церковных сборников, усиливавших в ней и без того преобладавшее церковное направление.

Но если в домонгольский период церковь, являясь носителем прогрессивной для того времени христианской идеологии, в основном играла положительную роль в культурном, и, в частности, в литературном, развитии (хотя и тогда она ограничивала возможности свободного развития народного творчества); то в XIV—XV вв. она уже явно тормозила процесс роста литературы, сковывая последнюю стеснительной для нее религиозной опекой ¹.

XIV—XV века характеризуются быстрым развитием в Северо-Восточной Руси монастырей и монашеской жизни. С XI по XIV в. на всей Руси возникло до 90 монастырей, а в XIV в. в одной лишь Северо-Восточной Руси их открылось до 80, а в первой половине XV в. появилось еще 70 ². Византийские церковники, прибывавшие в Москву вместе с митрополитами или по особым патриаршим поручениям, а порой просто для собирания милостыни, часто оставались жить здесь и содействовали развитию монашеской жизни. Для примера укажем на старца Феодосия, прибывшего с Афонской горы в половине XIV в. на Мурманский остров Онежского озера и поселившегося там с константинопольским монахом Лазарем. Этот Феодосий, по сообщениям современников, вел строгую, аскетическую жизнь, носил на себе тяжелые вериги, был опытен в книжной мудрости и содействовал устройству монастыря Богородицы. Вместе с ним были еще два византийца — Елеазар и Назарий.

В княжение Дмитрия Донского пришел в Москву с Афона игумен Дюписий. Получив от великого князя монастырь Спасокаменный, он строгой жизнью привлек к себе множество последователей, а в своей обители ввел афонский устав. При великом князе Василии Дмитриевиче он был назначен епископом ростовским (1418—1425).

Вместе с византийцами приходили южные славяне. Так, в половине XV в. пришел в Россию с Афона Пахомий

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 210.

² В. С. Иконников. Опыт исследования культурного значения Византии в русской истории. Киев, 1870, стр. 119.

Серб, поселившийся в Троицкой лавре и ставший автором ряда церковных произведений.

Русские монахи не оставались чужды византийскому просвещению. Так, в первой половине XIV в. в Москве сложился кружок хорошо грамотных москвичей, группировавшихся в Богоявленском монастыре. Монахи Богоявленского монастыря поддерживали тесные связи с митрополитом Феогностом. Современный источник пишет об этих монахах: «Любляше же их Феогност митрополит всея России и часто к себе призываше, и успокаиваше, и прохладяше, и почиташе их добре»¹.

Среди русских монахов особенно выделялся Феодор, сын Стефана, брата Сергия Радонежского, основавший Симонов монастырь под Москвой. Он был частым гостем в Константинополе и сделал свой монастырь ставропигией константинопольского патриархата². Приверженность византийскому просвещению сказалась в его позднейшей деятельности в качестве ростовского архиепископа. В Ростове учился греческому языку пермский епископ Стефан³.

Настоящим рассадником византийского образования сделался Троице-Сергиев монастырь. Отсюда вышел упомянутый ранее Афанасий Высоцкий. Здесь жил известный писатель своего времени, по-византийски образованный Епифаний, за ученость названный современниками Премудрым. Епифаний (ум. в 1420 г.) был для своего времени весьма начитанным писателем, широко осведомленным в библейской литературе, русской и византийской агрографии, в исторических и богословских сочинениях; знал он и греческий язык. Сама по себе возможность ознакомления со всей этой литературой и прочного усвоения ее свидетельствует о значительности книжных богатств в Москве и вокруг нее.

Таким образом, в XIV в. знание греческого языка в Москве не было редкостью, так же как не представляли собой единичного явления образованные по-византийски русские люди — такие, как Алексей, Феодор, Афанасий, Стефан и многие другие.

¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 31.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 122.

³ Там же, стр. 69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху становления средневековых государств в Европе высшая форма цивилизации принадлежала греко-римской культуре, усложненной восточными элементами в Византии. Эта греко-римская культура была христианизирована. В Европе имелось два центра культуры — Рим и Византия. Каждый из них по-своему воздействовал на народы европейского мира.

На Западе Европы варварские племена уже в V в. н. э. осели большей частью на завоеванных ими землях Западной Римской империи, и западноевропейский феодализм вырос как синтез феодальных элементов, сложившихся в римском рабовладельческом обществе, и феодальных элементов, сложившихся в процессе разложения общинно-родового строя германцев. Поселившись на землях империи, варвары усвоили сохранившиеся там скудные остатки латинской культуры.

На Востоке Европы картина была иная. Восточно-Римская империя, в отличие от Западной, сохранилась и в VI в. и пыталась даже восстановить рабовладельческие порядки на Западе Европы. Она сохранила полностью и культуру античного мира.

Славяне, как и другие народности средневековья, начали создавать свои государства с того момента, когда рухнул античный рабовладельческий мир. В разрушении этого мира они приняли активнейшее участие.

Советские историки показали, что вторжение славян в пределы Восточно-Римской империи в VI в., постепенное занятие ими большей части Балканского полуострова и поселение в областях, оставшихся под властью империи, сыграли такую же роль в истории Византии, как вторже-

пле «варварских» племен в истории Западной Европы. Так же как в истории Западной Европы, славянская колонизация Балканского полуострова теснейшим образом была связана с революционным движением рабов и колонов внутри самой империи.

В этой славянской колонизации активную роль, помимо склавов, играли и анты, предки русских славян. В VII в. н. э. племенами, этнографически и культурно родственными антам, была заселена не только Северная Придунайская Болгария от Дуная до Балкан: эти племена осели и дальше на юг — в Родопских горах (дреговичи), почти до Эгейского моря. Привнесенная славянами община способствовала переходу Византии к феодальной системе хозяйства, и в этом, несомненно, заключалось прогрессивное значение славянских вторжений.

На территориях Балканского полуострова и Малой Азии крупное светское землевладение, основанное на труде рабов и колонов, было в значительной части ликвидировано революционным выступлением масс и военным разгромом империи славянами и арабами. На очищенных от рабовладельческого крупного землевладения территориях устанавливалась свободная крестьянская община, о которой подробно сказано в «Земледельческом законе».

Если на Западе между античным колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин, то на Востоке это место занимал свободный славянский общинник.

Но, как и на Западе, общественный строй, основанный на свободной общине, оказался недолговечным и в самом зародыше уже нес элементы разложения и образования нового общественного строя — феодального.

В то же время сами славяне, минуя рабовладельческую ступень развития, переходили к феодальному строю, вступая в число сложившихся европейских народностей. Византийские письменные свидетельства о русско-византийских связях в VII—VIII вв. не сохранились, но это не значит, что их не было.

Новые археологические данные и показания письменных источников позволяют трактовать VII—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от «военной демократии» к раннефеодальному государству. В IX в. этот процесс находят завершение в форме древне-

русского раннефеодального государства, образовавшегося на Среднем Поднепровье. В IX—X вв. власть южнорусского государства сравнительно быстро распространяется на другие племенные и территориальные центры восточноевропейской равнины. Во второй половине IX и X в. значительная доля внимания верховной власти этого государства, по причинам, о которых мы говорили выше, была направлена на расширение его границ. В то время русские уже играли значительную политическую роль в Восточной Европе, вели оживленную торговлю в Хазарии, Багдаде, византийских владениях, нападали на Амастриду, Сурож и самый Константинополь.

Во время похода 860 г. они, однако, не собирались осаждать византийскую столицу или брать ее штурмом. Византийские источники сообщают только, что, опустошив окрестности столицы и услышав о приближении византийских военных сил, они немедленно двинулись в обратный путь. Патриарх Фотий ни единым словом не упоминает о военном поражении русских имперскими сухопутными или морскими силами. Из его слов мы можем заключить, что он сам не знал причины ухода русских, и русские ушли, никем не тревожимые.

Источники показывают, что в конце IX в. между Русью и соседними государствами не всегда бывали враждебные отношения, Русь имела со своими соседями и мирные культурные связи, которые упрочивали внутреннюю силу и мощь древнерусского государства.

Русско-византийский договор 911 г. показывает, например, что после 860 г. между Русью и Византией долгое время существовали мирные и даже дружественные отношения, что русские часто приезжали в Константинополь, торговали здесь, занимались на службу к византийским императорам, имели частное имущество, которое могли передавать по завещанию.

В своей энциклике 867 г. патриарх Фотий говорит об уже состоявшемся крещении той Руси, которая нападала на Константинополь в 860 г. Константин Порфирородный приписывает этот успех византийской политики своему деду Василию Македонскому, который, по его словам, не щадил усилий, золота, серебра и шелковых одежд для христианизации Руси. Но для нас важен

факт, что уже тогда, в конце IX в., на Руси существовали социальные группы, заинтересованные в распространении христианства. Правда, Фотий в своей энциклопедии сильно преувеличил успехи христианской проповеди на Руси. Но христианство в Киеве после этого уже не исчезало. Договор 944 г. свидетельствует о наличии значительного количества христиан в Киеве. Но вместе с христианством должна была появиться и письменность на Руси; уже в конце IX в. христианское богослужение совершалось на славянском языке и по славянским церковным книгам, которые Русь получала из Болгарии.

Академик С. П. Обнорский доказал, что дошедший до нас в летописи византийско-русский договор 911 г. не только подлинный, но и записан в момент его заключения. Таким образом, существование русской славянской письменности в начале X в. является несомненным. Очевидно, договор 911 г. составлен был в двух экземплярах: на греческом и славяно-русском языках. Последний дошел до нас в летописи и дает категорический, но неблагоприятный для норманской теории ответ на вопрос, каков был русский язык в начале X в.

Этот факт является уничтожающим для теории норманистов. Поэтому в настоящее время в зарубежной буржуазной науке предпринимаются попытки не только отрицать реальность походов Олега на Константинополь но и подлинность русско-византийского договора 911 г. Такую попытку делает, например, Грегуар.

Признавая подлинность договора, мы в то же время считаем наиболее вероятным, что русский поход на Константинополь состоялся в 907 г. и присоединяемся к мнению историков, полагающих, что тогда же, в 907 г., был заключен предварительный и только в 911 г. окончательный мирный договор.

Разбирая содержание статей, записанных под 907 г., мы видим, что Русь добилась очень крупных торговых выгод, которых раньше Византия никому не предоставляла, а именно: освобождения от платежа обременительных таможенных пошлин — десятины, которую она раньше платила, по свидетельству Ибн-Хордадбега.

Мы высказываем предположение, что, вследствие укрепления международного положения Византии, при Ро-

мане Лакаппне она эти уступки аннулировала. Это и вызвало поход Игоря в 941 г. Византийский флот помешал тогда русским ладьям проникнуть в Босфор. Но, сообщая о русском поражении при этом первом столкновении, византийские источники чрезмерно сгущают краски, так как Игорь не только не искал спасения в бегстве, но оставался в пределах Византийской империи еще более 2 месяцев, подвергая опустошению ее провинции. Для изгнания русских византийцам пришлось стянуть туда все сухопутные силы.

Источники показывают, что неудача 941 г. не ослабила Руси заметным образом. Так, заключению договора 944 г. предшествовали серьезные вооружения русских и, весьма вероятно, военные действия Руси в Крыму.

О договоре 944 г., менее выгодном для Руси, чем договор 911 г., нельзя сказать, что он ограничивается регламентацией торговли.

Некоторыми статьями его регулируются внешнеполитические отношения между Русью и Византией.

А. Н. Насонов и В. В. Мавродин полагают, что в результате походов 941—944 гг. Игорь стал обладателем земель в Крыму и на Тамани. Договор 944 г. допускает вероятность такого предположения, но говорить о русских владениях в этом районе все же не представляется возможным, так как Константин Порфирородный, писавший свой труд *«De administrando imperio»* несколько лет спустя, не упоминает о наличии каких-либо русских владений в районе Крыма и Азовского моря.

Но в договоре 944 г. говорится, что корсунцы, промышлявшие рыболовством в устьях Днепра, имели поселения в Белобережье, на Ахиллесовой косе и на острове св. Эльферия; между ними и русскими «дромитами», о которых упоминают продолжатель Георгия, продолжатель Феофана и Псевдо-Симеон, происходили враждебные столкновения. Дромиты представляли собой русскую промысловую и торговую вольницу, напоминающую будущих бродняков, с которыми их роднит даже смысловое значение этого названия.

При Константине Порфирородном между Русью и Византией поддерживались постоянные торговые и дипломатические отношения, но назвать их нормальными нельзя. В русско-византийских отношениях, как они

обрисованы в трактате «De administrando imperio», явно чувствуются натянутость и недоброжелательство.

Основная цель указанной работы Константина Порфирородного заключается не в том, чтобы дать своему сыну и наследнику обстоятельное и объективное описание сопредельных стран и народов, а в том, чтобы ввести его в курс византийской международной политики. Поэтому Константин поддерживает в своей книге надежды на скорый крах арабского могущества и возврат завоеванных арабами византийских территорий. Чтобы ввести своего сына в курс захватнических планов Византии, Константин тенденциозно излагает историю некоторых народностей, особенно привлекавших аппетиты византийских политиков, и извращает ее в интересах этой политики.

Что касается Северного Причерноморья, то и здесь внимание автора направлено главным образом на восстановление и упрочение византийской власти. В византийской политике X в. видное место было отведено печенегам, и потому автор обстоятельно останавливается на всех вопросах, имеющих отношение к печенегам. Обо всех остальных народах, связанных с Северным Причерноморьем, автор говорит только попутно и мимоходом. В X в. Русь была уже слишком заметной политической силой, чтобы Константин мог обойти ее молчанием. Но он уделяет ей мало внимания, так как, по своей отдаленности, Русь не могла быть объектом захватнических воцелений Византии. Поэтому если автор допускает грубые ошибки в сообщениях, касающихся самой Византии и сопредельных с ней народов, то естественно предположить наличие таких же ошибок в его известиях, касающихся Руси.

Советские историки Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков раскрыли несостоятельность теорий норманистов, построенных на основе анализа сочинения Константина «De administrando imperio».

В правление современницы Константина Ольги внешняя политика Руси нашла яркое отражение в ее путешествии в 957 г. в Константинополь с мирной миссией, завершившейся там крещением княгини. Отрицать факт крещения Ольги в Константинополе невозможно, так как о крещении Ольги в Киеве не сказано ни в одном

источнике, а о крещении ее в Константинополе согласно свидетельствуют все независимые друг от друга источники: русские, византийские и западноевропейские. Приятием христианства в Константинополе Ольга укрепляет тенденции, наметившиеся уже значительно раньше и выразившиеся в 944 г. в наличии в составе игоревой дружины уже значительной группы «христианской руси». Установление мирных отношений с более старыми феодальными государствами, сопровождавшееся принятием их господствующей религии, типично для политики класса феодалов не в одной Руси.

Но процесс христианизации на Руси, очевидно, не протекал гладко, вызывая резко враждебное отношение в среде военно-рабовладельческой группировки, идеологом которой был сын Ольги Святослав.

Константин Порфирородный рекомендовал своим преемникам опираться в Северном Причерноморье на печенегов и использовать их в качестве орудия Византии против ее внешних врагов. Но это пожелание не вполне соответствовало реальному соотношению сил и потому было нарушено уже ближайшими преемниками Константина. В 966 г., при Никифоре Фоке, Византия решила использовать Русь в качестве своего орудия в борьбе с Дунайской Болгарией. Сопоставление данных нашей летописи и сообщений Ибн-Хаукаля показывает, что в 964—966 гг. Святослав был на Оке и Волге, покорил, хотя не окончательно, вятичей, разгромил землю буртасов и болгар, столицу хазарского царства Итиль, побывал на Каспийском море и на Кубани, подчинил яссов и касогов и нанес Хазарии такой удар, от которого она уже не могла оправиться. Святослав принял предложенные ему византийцами 1500 фунтов золота и согласился в 967 г. произвести нападение на Болгарию, но он отнюдь не был склонен играть роль простого наемника Византии. Правящие русские верхи понимали, что захват Болгарии Византией не выгоден для Руси, так как в этом случае русская торговля попала бы в еще большую зависимость от Византии. Поэтому Святослав, подчинив Восточную Болгарию, предпринял враждебное выступление против Византии. Он даже заключил союз с Болгарией, обещая ей поддержку против Византии. В свете этого становится понятным участие болгар в войске

Святослава до последних месяцев его пребывания в Болгарии, предоставление болгарскому царю Борису права носить царскую одежду и другие знаки царского достоинства в его столице Преславе, а также то обстоятельство, что со времени занятия русскими Преслава до захвата его Цимисхием сокровища болгарских царей оставались нетронутыми в их дворцах, а язычники-русские не только щадили болгарские храмы, но и не посягали на их богатства. Должны были прийти православные византийцы, чтобы эти сокровища подверглись разграблению.

На основе некоторых данных источников можно прийти к заключению о существовании оседлых поселений византийцев в низовьях Днепра в конце X — начале XI в. К их числу относится селение Борноп, где греческому топарху пришлось довольно долго задержаться, прежде чем унялась начавшаяся зимняя буря¹. «Записка греческого топарха» показывает, что византийский военный отряд направлялся зимой по южнорусской степи домой по направлению к Маврокастроу, находившемуся в устьях Днепра. В половине XI в. в этом Маврокастроу имеется даже византийская митрополия, носившая название «Маврокастроп» или «Новая Россия»².

Что касается местности, в которой действовал топарх, то подвластный ему городок Климаты невозможно отождествлять с крымскими климатами. Не говоря уже о том, что крымские климаты представляли целую область, а топарх владел небольшим городком, крымские климаты в X в. были тесно связаны с Херсонесом. Поэтому представляется невозможным, чтобы какое-либо греческое должностное лицо могло предпринимать самостоятельные действия независимо от Херсонеса и его стратига.

Определение местности, в которой действовал топарх, указанием, что она погранична с владениями «царствующего к северу от Дуная», очевидно, могло принадлежать только задунайскому жителю. Это доказывается и тем, что, возвращаясь домой, топарх двигался на запад от

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 149. М. А. Шагин. Византийские источники о войнах Святослава с греками, стр. 114. Архив ЛОИИ, рукопись.

² «Revue de l'Orient chrétien», t. XIV, 1909, p. 212; E. Honigman. Studies in slavic church history. «Byzantion», t. XVII, 1944—1945, p. 158.

Днепра. Следовательно, область топарха должна определяться каким-то придунайским местом, притом таким, какое граничило бы с владениями «царствующего к северу от Дуная».

Хронологически описываемые в «Записке» события могут быть приурочены к периоду от смерти Цимисхия, когда болгарские комитопулы открыто выступили, до 1001 г., когда византийские полководцы Василий II, Теодорокан и Никифор Ксифия снова покорили Придунайскую Болгарию.

Следует предположить, что в период наибольших успехов Самуила на Дунае, теснимый восставшими болгарам, византийский топарх со своими сторонниками из местного населения мог искать и получить защиту и покровительство у русского князя Владимира. Нет ничего удивительного, что Владимир, зять Василия II, дружественно отнесся к византийскому топарху и не только оставил ему власть над небольшим городом Климатами, но и предоставил, сверх того, целую сатрапию. Очевидно, его решение было авторитетным для врагов топарха, которые к тому же не располагали значительными силами на Нижнем Дунае.

Таким образом, мы видим, что «Записка» топарха не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готам. Точно так же ни Святослав, ни хазары не имеют отношения к «Записке». «Записка греческого топарха» проливает новый свет на историю византийско-болгарской борьбы при Василии II и Самуиле. Она показывает, какие отчаянные усилия прилагали византийские власти, чтобы удержаться в Придунайской области в период наибольших успехов Самуила.

«Записка» представляет интерес как новое доказательство тесных связей Руси с придунайскими странами, свидетельствует о наличии русского оседлого населения в придунайских странах и в устье Днепра, где в половине XI в. была учреждена даже митрополия.

Источники подтверждают сообщение нашей летописи, что в первый период своего княжения Владимир пытался продолжить политику Святослава, связанную с резким усилением антихристианских тенденций, и отношения с Византией у него были враждебные. Но в 987 г. эти враждебные отношения заменяются союзом, посылкой

шеститысячной дружины в Константинополь, которая в двух сражениях разгромила Варду Фоку и спасла византийского императора.

Но так как Василий II не выполнил условий договора, то Владимир в 989 г. пошел в Крым и взял Херсонес. Эта катастрофа произвела глубокое впечатление в Византии, и требования Владимира были немедленно удовлетворены. Можно считать твердо-установленным, что завоевание Херсонеса предшествовало официальному введению христианства на Русь, объявлению его государственной религией. За этим последовало бракосочетание Владимира и крещение Руси, вводившее Русь в семью европейских народов в качестве равноправного члена. Владимир и после крещения держался по отношению к Византии достаточно самостоятельно. Но родственные связи с византийским двором и начатая Владимиром христианизация Руси вынуждали его официально поддерживать дружественные отношения с империей. Он не отозвал варяго-русской дружины из Константинополя, и она играла громкую и славную роль в течение всего царствования Василия II.

В 1016 г. дружина Владимира и войско Василия II предприняли совместный поход против хазар и ликвидировали остатки хазарского каганата.

Можно предполагать, что родство с императорской фамилией было связано с обязательным дарованием Владимиру какого-нибудь высокого византийского титула, византийских инсигний, которых так добивались при Константине VII русские князья. В XV—XVI вв. была весьма распространена легенда относительно перенесения на Русь царских регалий из Византии. Представляется вполне вероятным, что все эти версии развились на основе первоначального сообщения о получении Владимиром соответствующих инсигний после его похода на Крым.

Попытка Приселкова объяснить организацию русской церкви болгарским влиянием основывается исключительно на системе косвенных аргументов, и ни в одном из источников — русских или болгарских — нет указаний на зависимость русской церкви от болгарской Охридской архиепископии.

До сих пор существует мнение, что с 939 по 1039 г. византийские источники хранят полное молчание отно-

сительно русской церковной иерархии. Но это мнение не совсем точно. В византийских источниках сохранились некоторые намеки на время создания русской митрополии. По данным списка церковных епископств Алексея Комнина, русская митрополия была создана до 997—998 гг., следовательно, основана патриархом Иоанном Хрисовергом в ближайшее же время после крещения Владимира. Этому выводу не противоречат показания русских летописей и Яхьи Антиохийского¹. Это же подтверждает и церковная история Никифора Каллиста, написанная около 1328 г.²

Киевский митрополит Иоанн упоминается в более древних русских источниках, чем те, в которых названы имена Михаила и Леона, в частности в различных сказаниях о Борисе и Глебе, свидетельства которых не следует игнорировать, так как в них были использованы древние записи, ведшиеся при Вышегородской церкви.

Общепринятое мнение об учреждении первых епископств на Руси в 997 г. основывается на сообщении Никитинской летописи, в которой, несмотря на ее позднюю редакцию, сохранился ряд древних сведений³.

В деле для Руси на данном отрезке времени принятие христианства имело прогрессивное значение, так как оно содействовало паживанию пережитков родового строя, обычая кровавой мести, многоженства и способствовало быстрому росту техники. Русь не только приняла христианство от самой культурной страны того времени, но, что весьма важно, приняла его на родном языке. Это стимулировало развитие русской культуры, тогда как римско-католическая церковь с ее не понятной для народа латынью задерживала развитие самобытной культуры западных славян. Таким образом, принятие из Византии христианства было шагом вперед для Руси, поскольку вместе с христианством распространялась более высокая византийская культура и образованность.

Христианизация Руси оказалась большим выигрышем и для византийской дипломатии. Поражение Византии в борьбе за христианизацию Руси означало бы ее полную

¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

² Nicephori Callisti, ed. Migne, PG, t. 146, col. 1196.

³ ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

паволированность и, вероятно, значительно бы ускорил крушение империи под напором, с одной стороны, западно-европейских феодалов, с другой — восточно-мусульманского мпра.

Вовлекая Русь в орбиту своего церковного влияния, Византия сумела извлечь из этого немалые для себя выгоды. Она дорого продавала Руси свои услуги. На Русь обосновался византийский митрополит, являвшийся агентом византийского правительства. В течение почти всего XI в. на Русь дербовалась варяго-русская дружина, входившая в состав императорской гвардии. Дружина эта, оставаясь на службе у византийских императоров, сохраняла тесную, неразрывную связь с Русью.

В XI в. на Русь появляется большое количество византийских церковников, торговцев, художников, присутствие которых в Киево подтверждается и письменными источниками и сохранившимися археологическими памятниками. Но, как показывают события 1043 г., представлять русско-византийские отношения того времени искренне дружелюбными мы не можем.

Группировка, захватившая в XI в. власть в Константинополе, стремилась опереться на столичное население, подкупала сенат, корпорации торговцев и ремесленников. Заигрывание константинопольских властей со столичными торговцами и ремесленниками, несомненно, сильно ухудшало положение иностранных торговцев в Константинополе, в том числе и русских, подвергавшихся всяким насильям и вымогательствам. Это, очевидно, и заставило русского князя предпринять поход 1043 г., а также поставить в 1051 г. митрополитом на Русь русского человека Иларiona. Но византийское правительство, теснимое печенегами, приложило все усилия, чтобы добиться соглашения с Русью. Результатом этого соглашения было заключение в 1052 г. брака между сыном Ярослава Всеволодом и представительницей дома Мономахов, после чего походы русских на Константинополь прекратились.

Конец XI в. — период резкого военного ослабления византийского государства, потерявшего в то время почти всю Малую Азию. Византия как сильное государство держалась до тех пор, пока располагала ресур-

сами свободных крестьянских общин, составлявших основу ее военных сил и главный источник налоговых поступлений. Пока этот источник ее благополучия был палицо, Византия имела значительное войско и казну и могла создавать известный противовес сепаратистским стремлениям крупнейших феодалов. Когда же рост феодализирующейся знати и закабаление крестьянства подорвали эту основу, византийское государство начало терпеть сокрушительные поражения в своей борьбе с соседями.

После битвы под Манцикертом Византия, зажата между двумя врагами — турками-сельджуками и южно-италийскими норманнами — должна была сделать попытку примириться с одним из них, чтобы противопоставить его другому. Что такая попытка была ею сделана, показывает брачный договор 1074 г. между Робертом Гюискардом и Михаилом VII Дукой о браке сына Михаила и дочери Роберта Гюискарда, опубликованный Безобразовым¹.

Поэтому дошедшие до нас два письма Михаила Дуки, содержащие предложение о браке, можно рассматривать как начало этих переговоров с норманским владетелем. Аргументы Васильевского, пытавшегося доказать, что эти письма адресованы русскому князю Всеволоду, искусственны и легко могут быть опровергнуты.

В XI в. между Русью и Византией существовали мирные и даже союзные отношения, не считая кратковременного конфликта с киевским князем Изяславом Мстиславовичем в 1047—1051 гг.

В конце XI в., вместе с гибелью старого византийского войска, прекращает свою службу у византийских императоров и варяго-русская дружина. Во время крестовых походов Комнины создали новое войско, укомплектованное западноевропейскими наемниками. Но это не свидетельствует о том, что Византия перестала нуждаться в русской помощи. Она получала ее и в XII в., хотя уже в другой форме.

Обосновавшиеся в южнорусских степях половцы, представляли собой такую силу, что Византия не могла

¹ ЖМНП, т. 265, 1882.

справляться с ними собственными средствами и стали обращаться к русским князьям с просьбами о помощи.

К началу XII в. Русь пережила значительные перемены. В IX, X и первой половине XI в., когда челядь работала непосредственно на хозяина, русские феодалы эксплуатировали ее путем выплаты примитивной отработочной ренты: в дальнейшем же они стали получать все необходимое от массы зависимого крестьянства в форме оброка, т. е. ренты продуктами.

XI—XII века являлись важнейшим этапом в процессе отделения ремесла от земледелия, выражающемся в росте русских городов. В условиях натурального хозяйства и экономической раздробленности усиление государственной власти на местах привело к ослаблению центральной власти и распаду древнерусского государства на ряд феодальных «полугосударств». Господствующий класс этих отдельных «полугосударств», представлял сословно-иерархическую организацию, во главе которой стоял великий князь и которая строилась на угнетении зависимого крестьянства. Эта политическая надстройка соответствовала развивающемуся базису феодального строя.

Процесс феодализации русского общества, ускоренный активной ролью феодальной надстройки, закономерно сказался и на состоянии древнерусского войска. Поскольку укрепление экономических и политических позиций боярства шло параллельно уменьшению количества свободных смердов, прежний военный строй, основанный на несении военной службы лично свободными смердами, перестал существовать. Вооружить за счет государства большое войско киевский великий князь уже не мог.

Владимир Мономах, а вслед за ним и другие «великие князья» не могли предпринимать походы с той легкостью, как это делали Олег, Игорь, Святослав и Владимир. Поэтому развитие феодальных отношений на Руси изменило и характер отношений с Византией. Архаический военно-рабовладельческий путь развития, стимулировавший организацию завоевательных предприятий русских князей по отношению к Византии был завершен. Между Русью и Византией устанавливаются мирные добрососедские отношения.

В XI—XII вв. экономические, политические и культурные связи Руси с Византией были более тесными, чем с какой-либо другой из соседних стран.

Разумеется, в XI—XII вв. древнерусское государство развивалось совершенно самостоятельно, и Византия не имела никакой возможности военным путем навязать Руси свою волю.

В то время практические задачи византийской политики по отношению к Руси определялись двумя целями: 1) добиваться русской военной помощи и 2) сохранять зависимость русской церкви от константинопольского патриархата. Русские князья нередко обнаруживали склонность не считаться с интересами Византии, но византийские императоры пускали в ход все средства своей изворотливой дипломатии для достижения поставленных целей.

Когда в 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславович, настроенный враждебно против Византии, сделал попытку освободиться от церковной зависимости от Византии, против него выступили Юрий Долгорукий, Владимир Галицкий, Святослав Ольгович, и попытка эта закончилась неудачно.

Русско-византийские торговые связи продолжались непрерывно. Представляется обоснованной гипотеза М. Н. Тихомирова, что в XI—XII вв. русские имели в Константинополе свой квартал. Конечно, в это время путешествия в Константинополь были еще более опасны, чем в X в.

Иногда предпринимались чрезвычайные меры, вроде совместных походов князей навстречу «гречникам». Русские купцы были частыми гостями не только в Константинополе, но и в Крыму.

Буржуазные историки утверждают, что Византия вывела Русь на международную арену и дала ей цивилизацию, что древнерусская культура целиком заимствована из Византии. Но они игнорируют тот факт, что право древнерусского феодального государства было построено отнюдь не по византийским образцам. «Русская правда» отражает не византийское, а обычное право восточных славян и с византийским правом не имеет ничего общего. Она представляет значительное сходство с варварскими «правдами», что объясняется отнюдь не «заимствованием», а одинаковым уровнем развития этих народов.

Советские ученые опровергли теорию о греческом происхождении русского летописания. Подобно другим народам, русские на известном этапе своего культурного развития, без всяких впацпий и воздействий павне почувствовали потребность оглянуться назад и осмыслить прошлое.

Так был создан наиболее выдающийся памятник русского самосознания — «Повесть временных лет».

Русь, расположенная на рубеже Европы и Азии, веками сдерживала натиск азиатских кочевников, служа как бы щитом для европейского Запада. По сравнению с западноевропейскими государствами ее географическое положение было гораздо менее благоприятно для развития культуры. И все же, несмотря на это, в течение X—XII вв. древнерусская культура, непрерывно развиваясь, достигла высокого уровня. Об этом свидетельствуют сохранившиеся памятники материальной культуры, а в области древнерусской литературы — такие величественные ее создания, как летописи, поражающие широтой замысла, богатством фактов, проникнутые глубоким чувством любви к родине.

— Русская культура того времени, порожденная русской исторической действительностью, развивалась не в изоляции от внешнего мира, а в активных и плодотворных связях с ним. Русь была многим обязана и византийской культуре, но византийское влияние только помогало росту самобытной и прогрессивной русской культуры.

— Появление русской литературы периода феодализма было результатом не «заимствования» и «подражания», а классовой дифференциации общества на известной высокой ступени его развития. Русские феодальные верхи активно воспринимали элементы византийской культуры, необходимые для утверждения их классового господства.

— Византийское искусство также быстро укоренялось на русской почве. В дальнейшем русские зодчие и мастера смело вводили новые технические и декоративные приемы. Крепи своеобразные самостоятельные черты русского архитектурного искусства, русской живописи, русского художественного ремесла. Русские художники и мастера этого периода создали прекрасные произведения искусства, находившие признание и за границей.

Буржуазные историки отрицают самостоятельность развития русского и других населявших Русь народов. У известного французского византиста Шарля Дия Византия выступает в качестве некоего демиурга, который передает Руси начатки культуры, Русь же пассивно, рабски их воспринимает. Но применительно к русско-византийским отношениям такое представление совершенно неправильно. Советские историки (Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев и др.) убедительно доказали, что, в силу внутренних потребностей, господствующий класс древней Руси активно брал элементы феодальной культуры Византии, а не пассивно получал их. На русской почве прививалось только пригодное для тогдашней русской жизни, удовлетворявшее запросам русских людей.

В буржуазной исторической литературе недостаточно отмечается и тот факт, что после образования древнерусского государства русско-византийские отношения носили двусторонний характер.

Принятием христианства воздействие, оказываемое Русью на Византию, стало особенно актуальным. Мы отмечаем, что Русь бережно относилась к своим связям с Византией и последней из славянских стран покончила с церковной зависимостью от нее.

Подчеркивая самостоятельное происхождение и значение древнерусской культуры, необходимо все же учитывать существование взаимовлияний и заимствований народов и культур. Мы знаем, что отрицание этих взаимовлияний характерно для вульгарных материалистов, не признававших активной роли надстройки. Мы не можем отрицать того, что христианство было принято Русью из Византии и что вместе с христианством восточные славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры.

В XIII в. и Русь и Византию постигли тяжелые бедствия: разгром Византии крестоносцами в 1204 г. и татарский погром на Руси. Но хотя на долю Руси выпало несравненно более тяжелое испытание, она все же его выдержала и постепенно стала оправляться. Для Византии же удар, нанесенный ей крестоносцами, оказался смертельным. Несмотря на то, что в 1261 г. империя была восстановлена (правда, в уменьшенных размерах),

правительство Палеологов еще менее могло обеспечить морально-политическое единство византийского народа, чем предшествовавшие византийские правительства. В то время как налоговая политика никейских императоров носила более или менее умеренный характер, Михаил Палеолог, пуждавшийся в средствах и для подкупа аристократии, и для восстановления Константинополя, и для войн с Неаполем, Эпиром и Болгарией, вернулся к старой системе истощения податного населения налогами. Руководствуясь узко династическими целями, он распустил туземную милицию, охранявшую малоазийские границы, и снова передал дело обороны империи наемникам. Для предотвращения похода на Византию латинского Запада он заключил унию с римскими папами в 1274 г., несмотря на то, что эта уния вызывала ненависть византийских народных масс.

Таким образом, византийская аристократия при восстановлении империи наглядно показала, что она ничего не забыла и ничему не научилась после 1204 г. Трагедия Византии заключалась в том, что византийские народные массы не могли сбросить иго своих эксплуататоров и даже ослабить их гнет и Византии не суждено было испытать благотворное, оздоравливающее и омолаживающее влияние революционной грозы, сметающей эксплуататоров.

Когда в 1204 г. Византия временно прекратила свое существование, Русь могла легко добиться церковной независимости, если бы она этого желала. Однако этого не произошло. Попрежнему продолжала существовать единая русская митрополия, подчинявшаяся никейскому патриарху. Очевидно, Русь добровольно набрала Никею, решительно отклонив домогательства папской курии, чтобы избежать церковной унии с католицизмом.

Татарский погром отбросил Русь на полтора-два века назад в культурном отношении. Но русский народ проявил упорство и стойкость и, несмотря на монгольское иго и вопреки ему, в тяжелом труде постепенно восстанавливал экономическую и политическую мощь своей страны. Уже с начала XIV в. наблюдается постепенный подъем Северо-Восточной Руси и начинается политическое объединение страны на феодальной основе вокруг Москвы. Существенную роль при этом сыграли интересы обороны страны от внешнего врага.

В XIII—XIV вв. резко сокращаются связи Руси с западноевропейскими странами, но с восстановленной в 1261 г. Византией Русь продолжала старые связи. Поддерживались отношения торговые, культурные и дипломатические, хотя торговали с Русью в то время главным образом итальянские купцы: генуэзцы и венецианцы. Византийское влияние в Северном Причерноморье и в Крыму было совершенно подорвано, и в самом Константинополе торговля находилась в итальянских руках.

Но старая русская колония, существовавшая в Константинополе в XII в., сохранялась, пополняясь новыми выходцами из русских земель.

В XIV в. в Москве первое место в торговом отношении занимала корпорация «гостей-сурожан», куда входили греческие и итальянские выходцы, осевшие в Москве, но поддерживавшие связи со своей прежней родиной.

В Константинополе и на Афоне попрежнему сосредоточивалась довольно обширная деятельность по переводу на русский язык греческих книг, главным образом церковных. С ростом монастырей на Руси усиливаются монастырские связи. Несмотря на опасности в пути, попрежнему нередки были паломничества русских на Восток и в Константинополь.

В дипломатических отношениях XIV—XV вв. видное место уделялось церковным вопросам. Слабым константинопольским правителям приходилось в большей степени, чем раньше, считаться с желаниями московских великих князей, а также польских королей и великих князей литовских, захвативших земли Украины и Белоруссии. Этим объясняется временное разделение единой русской митрополии. Но, несмотря на политическую раздробленность Руси, церковь в течение этого времени оставалась теоретически единой во всех частях Руси: она попрежнему называлась церковью русской и в грамотах московских, польских и литовских феодальных правителей и в канцеляриях константинопольских властей. Таким образом, в этот период церковь оставалась посылителем единства русской земли.

Русские митрополиты-греки должны были оказывать материальную помощь обедневшему константинополь-

скому патриарху, а заодно и испытывавшим острую нужду в деньгах константинопольским императорам. Кроме того, им приходилось частным образом помогать своим землякам и соплеменникам, привлекая на Руси средства для этой благотворительности. Поэтому поборы митрополитов были тяжелы и вызывали постоянные жалобы.

В то время как южнорусское духовенство в основном выражало недовольство лишь тем, что должность митрополита в Константинополе была продажной, в народных массах жалобы на духовенство приобретали более широкий характер. В Новгороде и Пскове, где общественная жизнь была развита больше, чем в других русских городах, уже в конце XIV в. возникла ересь стригольников, которые отрицали всякую церковную иерархию — и греческую и русскую.

Одной из причин, побуждавших русских феодалов так долго терпеть церковное подчинение ослабленной Византии, была феодальная раздробленность Руси. Что касается московских князей, от которых скорее всего можно было ожидать инициативы в этом отношении и которые, в конечном счете, освободили Северо-Восточную Русь от этой зависимости, то они в XIV в. не могли жаловаться на политику русских митрополитов, которая в основном была направлена на защиту их интересов. Церковь оказала немалые услуги Московскому княжеству в его возвышении и укреплении его политического авторитета.

Но Флорентийская уния переполнила чашу терпения русских феодальных верхов, и потому поставленный северо-русским духовенством русский митрополит Иона мог в 1448 г. заявить от имени всего русского духовенства, что «император и патриарх мудрствуют и приближаются к латинству» и что о церковном подчинении Византии теперь не может быть и речи.

Но на Руси не отождествляли Византию с ее правителями, и потому известие о взятии Константинополя турками в 1453 г. было встречено здесь с горестным чувством. С падением Константинополя закрывалось окно в Европу, которым до того пользовалась Русь, и был ликвидирован древний очаг культуры на Босфоре. Неудивительно, что событие это трактовалось в современной ему русской литературе как большое бедствие.

В связи с падением Константинополя среди русских книжников зародилась теория, что Москва является наследницей Византии, третьим Римом. Теория эта, получившая большое распространение на Руси, не стала все же политическим кредо русского централизованного государства в момент его образования.

Надежды западноевропейских правителей XV в. — папской курии, венецианской сеньории, германского императора, — что московские властители, породнившись с Софьей Палеолог, будут считать себя наследниками Византийской империи и немедленно вступят во враждебные отношения с турками, не оправдались. Московские власти XV, XVI, XVII вв. никогда не предъявляли своих прав на византийское наследство. Напротив, они всегда стремились поддерживать мирные отношения с турками и все усилия сосредоточили на задаче объединения русских земель вокруг Москвы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Раннефеодальный период русской истории. IX век	33
Глава II. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.	91
Глава III. Нападение Руси на Константинополь в 941 г.	128
Глава IV. Русско-византийские отношения в середине X в. и их отражение в сочинениях Константина Порфирородного	172
Глава V. Борьба за Болгарию во второй половине X в.	238
Глава VI. К вопросу о «Записке греческого топарха».	291
Глава VII. Крещение Руси при Владимире	340
Глава VIII. Русь и Византия в XI в.	386
Глава IX. Экономические и культурные связи Византии и Руси в XI—XII вв.	429
Глава X. Русь и Византия в XII столетии.	472
Глава XI. Русь и Византия в XIII—XIV вв. (после нашествия монголов)	498
Заключение	538

М. В. Лавченко

**«Очерки по истории русско-византийских
отношений»**

**Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР**

**Редактор издательства Б. Т. Горюнов
Технический редактор С. М. Полесичкина**

**РИСО АН СССР № 38—74В. Сдано в набор 20/XII 1955 г.
Подп. в печать 27/II 1956 г. Формат бум. 84×108¹/₂.
Печ. л. 34,76—28,49. Уч.-изд. лпст. 29,3. Тираж 3000.
Т-01655. Изд. № 1118. Тип. зак. 390.
Цена 19 р. 60 к.**

**Издательство Академии наук СССР
Москва, В—84, Подсосенский пер., д. 21.**

**1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я л., д. 12.**

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Страна	Напечатано	Должно быть
28	1 см.	Сб.	См.
41	1 см.	᾿Ρῶς	᾿Ρῶς
41	2 см.	πᾱρᾱ	πᾱρᾱ
48	7 см.	ταττόμενον	ταττόμενον
52	2 см.	рый	который
70	12 см.	οὕτως	οὕτως
71	17 см.	το	τό
71	19 см.	ἄνεσχευασάντο	ἄνεσχευασάντο
82	11 см.	Ματρά χων	Ματράχων
83	17 см.	ο	ό
103	3—4 см.	ἑνορχους	ἑνόρχους
109	9 см.	Θεωδωρου	Θεωδόρου
113	13 см.	Ρῶς	᾿Ρῶς
114	11 см.	᾿Απηχ ὑματх	᾿Απηχύματα
145	6 см.	скабеля	скобеля
146	22 см.	портѣ	Понтѣ
147	1 см.	Luitprandi	Liutprandi
151	4 см.	μερος	μέρος
230	10 см.	αρχόντων	᾿αρχόντων
233	1 см.	«Adalberi	«Adulberti
305	2 см.	«Leitschr	«Zeitschr
308	6 см.	Ναζιανζου	Ναζιανζού
318	7 см.	Χαζαρίας	Χαζαρίας
363	9 см.	Д. Е. Лихачевн	Д. С. Лихачева
419	15 см.	τη σῆ	τῇ σῇ
425	17 см.	1079—1090 гг.	1079—1080 гг.
440	7 см.	экономическом	экономически
524	12 см.	χαί	χαί